

«Ты идёшь в храм науки...»

Интервью
и воспоминания
сотрудников Института
российской истории РАН

К 85-летию ИРИ РАН

ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ РАН
Фонд развития гуманитарных исследований
«Устная история»

«Ты идёшь в храм науки...»

*Интервью и воспоминания сотрудников
Института российской истории РАН*

К 85-летию ИРИ РАН

Москва
2021

УДК 94(47).084.6-9
ББК 63.3(2)61
Т 93

*Утверждено к печати Ученым советом
Института российской истории Российской Академии наук*

Авторы-составители:

В.Н. Круглов (отв. ред.), В.В. Тихонов, Ю.С. Филина

Рецензенты:

д.и.н. Н.Е. Быстрова, д.и.н. С.М. Шамин

Т 93 «Ты идёшь в храм науки...»: интервью и воспоминания сотрудников Института российской истории РАН. К 85-летию ИРИ РАН [Текст] / авт.-сост. В.Н. Круглов (отв. ред.), В.В. Тихонов, Ю.С. Филина: Рос. акад. наук, Ин-т рос. истории. — М.: Ин-т рос. истории Рос. акад. наук, 2021. — 480 с.
ISBN 978-5-8055-0402-1

В сборник включены интервью и воспоминания заслуженных и авторитетных сотрудников Института российской истории РАН. В их рассказах отражены ключевые события истории отечественной исторической науки, научная и неформальная жизнь Института, факты биографии и впечатления о выдающихся ученых и многое другое. Издание хронологически охватывает события 1940–2010-х гг. и будет представлять интерес для всех интересующихся историей науки и культуры нашей страны.

УДК 94(47).084.6-9
ББК 63.3(2)61

ISBN 978-5-8055-0402-1

© Коллектив авторов-составителей, 2021
© Институт российской истории РАН, 2021

Содержание

Предисловие.....	5
------------------	---

Интервью и воспоминания

Интервью с доктором исторических наук Александром Ивановичем Аксёновым.....	9
Доктор исторических наук Николай Фёдорович Бугай «О своем Институте в прошлом и современности»	35
Интервью с доктором исторических наук Владимиром Прохоровичем Булдаковым	59
Доктор исторических наук Маргарита Георгиевна Вандалковская «Первые 30 лет моей жизни в Институте».....	94
Интервью с доктором исторических наук Владиславом Якимовичем Гросулом «60 лет с Институтом»	106
Интервью с доктором исторических наук Сергеем Владимировичем Журавлёвым	136
Интервью с доктором исторических наук Анатолием Евгеньевичем Ивановым	163
Интервью с доктором исторических наук Натальей Анатольевной Ивановой.....	192
Интервью с доктором исторических наук Тамарой Юсуфовной Красовицкой.....	218
Интервью с доктором исторических наук Юрием Александровичем Петровым	261
Интервью с доктором исторических наук Ириной Михайловной Пушкарёвой.....	285
Интервью с доктором исторических наук Геннадием Александровичем Саниным	366
Интервью с доктором исторических наук Андреем Николаевичем Сахаровым.....	393

Интервью с доктором исторических наук Валентином Валентиновичем Шелохаевым	418
Именной указатель	438
Сведения об интервьюируемых	473
Сведения об авторах-составителях	479

Предисловие

В 2021 г. Институт российской истории Российской Академии наук отмечает 85-летие своего основания. За прошедшее время он сменил несколько названий. Первоначально назывался Институтом истории Академии наук СССР, который в 1968 г. был разделен на Институт истории СССР и Институт всеобщей истории. В 1992 г. ИИ СССР АН СССР получил современное название. За годы своей работы Институт менял и места расположения — из исторического здания на Волхонке, 14, в 1960 г. он переехал в более скромное на улице Дм. Ульянова, 19. Но главное в истории нашего учреждения — не его названия, награды, юридический статус или помещения, а ученые, работавшие в нем и вписавшие свои имена в историю отечественной исторической науки. За время существования института в числе его сотрудников были двадцать один академик и двенадцать член-корреспондентов Академии наук, сотни докторов и кандидатов наук, а также многочисленные неостепененные сотрудники. Все вместе они сформировали особые традиции научного коллектива.

Уникальная история Института часто привлекала к себе исследователей. Несмотря на сохранение в крупнейших архивах страны многочисленных документов, прямо или косвенно касающихся развития ИРИ РАН и деятельности его сотрудников, за массивом официальных отчетов и научных текстов зачастую теряются собственно люди, ставшие свидетелями истории Института. Далеко не все из них, к сожалению, оставляют воспоминания. В 2016 г., в год 80-летнего юбилея ИРИ, при помощи Фонда развития гуманитарных исследований «Устная история» было записано около десятка развернутых интервью с действующими сотрудниками — опытными и заслуженными учеными. В 2021 г. это начинание продолжилось, к имеющемуся фонду добавилось еще четыре рассказа-воспоминания.

В предлагаемый сборник включены интервью историков, представляющих разные поколения и освещающие различные стороны жизни Института и его коллектива, в том числе и нефор-

мальные: ключевые и неизвестные события истории учреждения, будни и праздники, работу дирекции и отдельных подразделений. Уникальность данных источников заключается в том, что они передают впечатления и жизненный опыт конкретных людей, тесно связанных с Институтом.

Представленные в сборнике интервью собирались в разное время. Большая часть записана в 2016 г.: с А.Е. Ивановым (26 апреля), В.В. Шелохаевым (9 июня), В.Я. Гросулом (28 июня), Г.А. Саниным (30 июня), А.И. Аксёновым (30 июня), В.П. Булдаковым (5 июля), Т.Ю. Красовицкой (13 июля), Н.А. Ивановой (6 сентября), А.Н. Сахаровым (11 октября). Остальные беседы проведены в 2021 г.: с С.В. Журавлёвым (9 и 11 марта), Ю.А. Петровым (1 апреля), И.М. Пушкарёвой (14 и 18 апреля, 26 мая). Н.Ф. Бугай и М.Г. Вандалковская предоставили письменные воспоминания. В настоящем издании интервью расположены в алфавитном порядке по фамилии ученого.

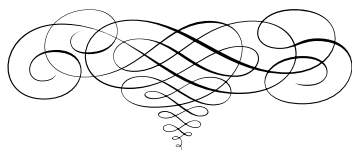
Составители не ставили перед собой целью дать исчерпывающие сведения об упомянутых событиях, явлениях и персоналиях. Издание снабжено аннотированным именованным указателем, позволяющем избежать повторов при комментировании персоналий. Из указателя исключены общеизвестные исторические деятели. В подстрочнике даны комментарии, уточняющие библиографические сведения, поясняющие те или иные факты, раскрывающие аббревиатуры и т.д.

При подготовке к публикации с расшифровками интервью была проведена редакторская работа по устранению повторов речи, дискурсивов и т.д., уточнению тех или иных сведений. В то же время составители старались сохранить разговорный характер большинства публикуемых текстов.

Надеемся, что работа по опросу сотрудников ИРИ РАН будет продолжена и принесет пользу в изучении центрального научно-исследовательского учреждения России в области отечественной истории.

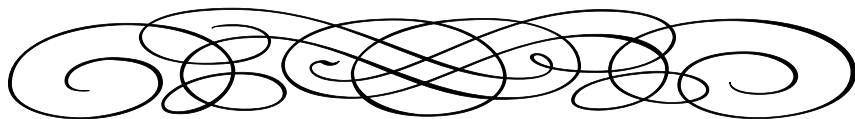
В.В. Тихонов, В.Н. Круглов, Ю.С. Филина

Интервью И ВОСПОМИНАНИЯ

Интервью с доктором исторических наук Александром Ивановичем Аксёновым

Виталий Витальевич Тихонов: 30 июня 2016 года, 12:30.

Владимир Николаевич Круглов: И первый вопрос традиционный: о семье, о родителях, когда и где родились, где, и о детстве, становлении.

Александр Иванович Аксёнов, главный научный сотрудник Института российской истории: Понятно. Родился я 23 марта 1942 года, Бог вещь когда, но здесь важна сама по себе дата. Если вы отсчитаете положенное число месяцев, то получится, что зачат я был аккурат в то время, когда началась война. И я «дитя войны» в полном смысле этого слова. Тем более что матушка моя, которая перед этим родила и воспитала уже троих взрослых детей, не родила уже 14 лет. Так что вот таким образом война сказалась на мне и на моих семейных делах. Теперь я один, никого из семьи не осталось уже: и сестры мои две ушли, и брат, не говоря о родителях.

Родители абсолютно простые, все народные особи. Потому что были они из крестьянской семьи оба, где-то даже в «средняках» ходили какое-то время. Когда начались эти известные гонения на «кулаков» и, в том числе, и на «средняков»¹, то отцу ничего не оставалось, как уехать работать в ныне всем известный Донбасс на шахты. Чтобы, скажем так, избежать правосудия. Мать в деревне как жила, так и оставалась. А когда отец вернулся, они переехали сюда в Подмоскowie, в Лианозово. Там нем-

---

¹ Имеются в виду события коллективизации.

цы строили Лианозовский вагоноремонтный завод², вот он туда устроился, работал там всю жизнь свою кузнецом. А матушка при детях, вот и вся семейная жизнь.

В.Т.: А как Вы стали историком?

А.А.: Как правило, когда у профессионалов спрашивают, они пытаются найти необходимые слова, чтобы связать сегодняшнее свое положение, как бы идущее из глубины. Но как вы понимаете, из того, что я рассказал, уже совершенно ясно, что ни надежд, ни понимания того, чтобы стать историком, у меня не было.

Всему виной был Никита Сергеевич Хрущёв. Меня забрали в армию в 1961 году. А чуть раньше вышел указ Хрущёва³ о том, чтобы из армии, ввиду слабой демографической ситуации, брать в институты, не очень придираясь. Я уже служил, но последний год, 1964-й. Мне показалось, что нужно как-то определиться. Родители мои твердо стояли на том, что надо стать инженером. Хотя внутренне я тянулся больше к гуманитарным отраслям знания, и в разных кружках участвовал, в том числе драматическом кружке при клубе завода. Даже подумал, не поступать ли в какое-то театральное училище. И даже, как будто, были шансы... В клубе завода руководителем является кто? Какой-нибудь известный по тем временам актер. У нас был такой Стащенко, он мне тогда сказал: «Мы каким-нибудь образом устроим Вам некое протекже». Но не сложилось. Не сложилось и ладно.

В армии был у нас взвод москвичей, мы имели среднее образование, и почти все собирались пойти куда-то учиться, то есть поступать в институты. Ну, а куда идти? Знаний-то никаких — текущее образование обычно среднее. К тому же у многих оно прервалось из-за того, что шли тогда в так называемые школы рабочей молодежи, кончали их. Но там знания были совсем детские, что называется, во всех сферах. В том числе и я кончал

² Основан в 1935 г. В 1951 г. перепрофилирован под производство сложной радиоэлектронной аппаратуры и с тех пор носит название Лианозовский электромеханический завод (НПО «ЛЭМЗ»).

³ 24 декабря 1958 г. вышел Закон СССР «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР», предоставивший льготы при поступлении в вузы для имеющих производственный стаж и отслуживших в армии. В конце 1950-х — начале 1960-х гг. проводилось реформирование советской армии. Закон «О новом значительном сокращении Вооруженных Сил СССР» (15 января 1960 г.) привел к ее сокращению на 1 млн 300 тыс. человек.

школу рабочей молодежи, хотя в школе учился прилично вполне, и когда решил пойти в другое заведение, классная руководительница меня умоляла просто: «Не надо, Саша, не надо». Нет, я пошел, ведь хотел своих денег еще иметь, ко всему прочему. А куда идти — это ведь самый центральный вопрос.

Взял справочник, стал его смотреть, нашел единственный ВУЗ, где сдавать надо всего три экзамена — Московский государственный историко-архивный институт. Говорю: «Вот туда и пойду». И со мной двинулась целая плеяда ребят, служивших вместе со мной, но, как ни странно, поступил всего я один. Еще не понимая: «А что такое история? Что это за профессия? Где и как я буду работать, служить или что?».

И первым толчком к пониманию истории был для меня такой забавный эпизод: мы с друзьями армейскими встретились в центре Москвы, у Малой Калужской, там служил один из моих приятелей. Встретились поболтать о жизни, о том о сем, и выпить, конечно. А куда идти? Пошли в магазин, там все рядом, и в Даниловский монастырь⁴. Зашли, остановились у каких-то могил, уже осень, но хорошая — «золотая» осень, все запорошено желтой листвой. И вот рядом с нами какая-то плита каменная. Я по наитию подхожу, сбрасываю эту листву, и там высвечиваются слова, что здесь похоронен не кто-нибудь, а лучший друг Пушкина и его же оппонент. Догадались, нет? Пётр Яковлевич Чаадаев! И вот это стало толчком к тому, что я все-таки ступил на эту стезю и, следовательно, надо относиться к этому всерьез.

В.Т.: А можете поподробнее рассказать про Историко-архивный институт? Вы туда попали в период его расцвета.

А.А.: Ну, в общем да. Период это хороший. Только потом понял, что прошел конкурс в 45 человек на место, но это благодаря этому самому хрущёвскому указу. Потому что у меня была одна «тройка» на экзаменах, одна «пятерка» и «четверка», и этих баллов тогда мне, бывшему армейцу, вполне хватило.

Что такое Историко-архивный того времени? Это едва ли не конкурент истфака МГУ во многих отношениях, и прежде всего по части источниковедения. Источниковедение было коньком института. Прежде всего, на первом курсе, конечно, нас всех, и меня в том числе, поразил своим красноречием Сигурд Оттович

---

⁴ Речь идет о Донском монастыре.

Шмидт. Это были блестящие лекции, я их записывал, я вообще все записывал, учился очень тщательно. Но, вы знаете, когда стал сдавать экзамены Шмидту, то, прочитав эти свои записи, понял, что я ему не сдам. Ничего там не было систематического, это был полет свободной мысли, и поэтому пришлось все недостающее добивать. На следующих курсах, были и другие преподаватели. В особенности мне запомнился Николай Петрович Ерошкин – колоритнейшая фигура, с неизменной трубкой даже за кафедрой, такой басовитый голос, все это размеренно, я бы сказал, почти театрально, но читал он просто классно. А это лекции по истории государственных учреждений, и поэтому, когда он говорил, что «только на моей памяти главный московский орган переносили с места на место несколько раз» – это западало в душу. Или когда он говорил, что рядом со Спасской башней, чуть ниже, находилась башня, где были пыточные для известных вам деятелей, в том числе царевича Алексея и так далее, то это, конечно, придавало некую остроту восприятию исторической науки.

Из лекторов я бы отметил еще знаете кого?

В.К.: Зимин?

А.А.: Нет, Зимин не читал нам лекции, а вел семинарские занятия. К Зимину я пришел позже, только на четвертом курсе. И даже несколько странно я к нему пришел. Ребята с моей группы чуть ли не с первого курса ходили к нему на семинарские занятия. И на четвертом курсе, когда встал выбор, куда же пойти, мне очень активно Шмидт предлагал к нему идти. В его кружок⁵ я ходил регулярно, и даже делал доклад «Советский очерк как исторический источник», что-то такое. И поэтому Шмидт предлагал мне пойти к нему на диплом, писать сочинение. Но это был советский период, а вы же понимаете, что такое Историко-архивный институт. Он, прежде всего, славился дореволюционной историей. И даже более того, под влиянием преподавателей, под влиянием собственной учебы принято было считать, что советским периодом занимаются совсем бездарные люди, которым больше нечего дать, и чтобы избежать этого, шли все или на медиевистику, или на капитализм, дооктябрьский период. И поскольку Шмидт предлагал мне выйти на изучение советско-

---

⁵ С 1949 г. до своей смерти в 2013 г. С.О. Шмидт руководил в ИАИ студенческим научным кружком источниковедения отечественной истории.

го литературного очерка как исторического источника, меня это смущало, корбило.

И тут ребята из моей группы говорят: «А пойдём к Александру Александровичу Зимину! У него есть тема, он уже готов её дать — это Алексей Иванович Мусин-Пушкин». Это отголоски его известной темы по «Слову о полку Игореве»: что написано оно в XVIII веке, а автор — известный Иоиль Быковский⁶. Хотя некоторые темы он оставлял открытыми для своих аспирантов. В их число попала и тема Мусина-Пушкина. Тут я без раздумий пошел. Я до этого даже и не видел Зимина, но вот пришел на его занятия, познакомились — и все. И сразу началась работа, прежде всего в архивах: здесь, в московских, и в ленинградские архивы пришлось ездить. Вот так складывалась моя жизнь в Историко-архивном институте.

В.К.: А что Вы можете о неформальной атмосфере рассказать? Процесс обучения и как проводили досуг студенты, фольклор...

А.А.: Да, да, да. Там все было неформально, вот в чем дело, сама жизнь в институте не носила никого формального характера. Обучался каждый как мог и как хотел, каждый выбирал себе преподавателя, и, соответственно, рассчитывал на какое-то движение. Досуги, ну, что досуги? Обычные, студенческие, ничего особенного не было: это пиво, при случае, конечно, различного рода собрания, комсомольские. Я не знаю, как где, у нас на втором курсе отчетно-выборное комсомольское собрание проходило где-то на Варварке, я уже сейчас не помню, что это там было за учреждение. А завершал это собрание ни кто иной, как Михаил Ножкин со своими тогдашними, еще первыми боевыми песенками. — «А на кладбище по традиции / ни врагов, ни друзей не видать», — помните, может быть, или слышали когда-либо? Или — «А зачем человеку заборы?», и все прочее. Вот каков был досуг. Это была очень свободная атмосфера. К нам по приглашению приехал Юлий Ким, часа три, наверное, выступал. Это еще были песни не те — поздние, когда он работал с профессиональными композиторами, а, что называется, от души. Никаких запретов на это не было, хотя все было довольно остро, особенно когда пе-

---

⁶ А.А. Зимин в начале 1960-х гг. выступил с версией о позднем происхождении «Слова о полку Игореве», считая, что его настоящим автором является архимандрит Иоиль Быковский (1726–1798).

лось про советских литераторов, которые, выпив «Алиготе»⁷ или коньяку, греют пузо: «Ну а прочие узбеки, / Человек на человеке, / Скромные герои наших дней. / Из почтения к славе гения, / Растянулись на камнях»⁸. Вот она атмосфера в это время.

Наши студенты выходили на Красную площадь, против оккупации Чехословакии, 1968 год. Во главе с дочкой Пети Якира⁹. Кстати, Якир ведь был сотрудником нашего Института, это вам, наверное, известно. Я-то его застал уже на исходе. Он уже не был сотрудником, но пару раз заходил, я его в коридорах видел, это был уже полусломленный человек. Вот такая атмосфера. Но я как-то от этого был далек, поскольку уже вклинился в научную среду.

В.К.: А с преподавателями, с начальством общение было тоже неформальное или существовали некие грани?

А.А.: Ну, мне трудно сказать. Вы знаете, после каждой лекции почти все преподаватели, которые пользовались успехом, оставались, потому что их окружала всегда толпа студентов. Это были и вопросы по поводу темы лекции, это были и вопросы вообще, безотносительно к чему-либо. Я граней, честно говоря, не чувствовал. Единственная грань — когда к начальству надо было идти, особенно проректор там у нас был по общественной части, и вот он ортодоксальных взглядов придерживался. Я помню, в своем дипломном сочинении что-то написал о Французской революции и о Просвещении не так, как об этом сказал Ленин. Пришлось, когда уже шел на защиту дипломного сочинения, идти объясняться, но он, впрочем, отнесся ко мне вполне благожелательно.

В.К.: Кто повлиял на Ваше становление как ученого? Кого Вы считаете своими учителями в науке?

А.А.: Я начал с того, что, конечно, первое впечатление — это Сигурд Оттович Шмидт. Как лектор он меня покорило. А вся моя последующая жизнь была связана с именем Зимина. И не так, может быть, много мы общались, но это всегда были очень приятные, доброжелательные встречи. И однажды он показал мне наглядно урок сравнительного анализа: взял две летописи... А, вернусь

---

⁷ Сорт белого винограда, на основе которого изготавливается белое сухое вино с одноименным названием.

⁸ Отрывок из песни барда Ю. Кима «В Коктебеле».

⁹ Имеется в виду Ирина Петровна Якир (см. Именной указатель).

к Мусину-Пушкину: он же издал в 1792 году «Русскую правду»¹⁰, и я, честно говоря, встал в недоумении — что и как мне делать? Зимин меня пригласил домой, достал несколько книг с изданием и просто наглядно показал, как нужно проводить текстологический анализ. Мне этого хватило на всю последующую жизнь. И я считаю его своим главным научным учителем в этой жизни.

А девиз-то Зимины был прост: «Любовь к людям». Уже после защиты он пригласил нас всех к себе, мы выпивали, отмечали, и я имел наглость задать вопрос: «Что такое историк?». Зимин ответил одной фразой: «Это девяносто процентов усидчивости, задница (имея в виду, что нужно сидеть, читать или материалы, или книги). Семь процентов любви к людям и три процента таланта». Я только потом понял, что это, конечно, утрировано, но в этой фразе очень большая доля истины. Потом Зимин привел меня сюда, в Институт истории. Если вы читали «Воспоминания»¹¹, он там пишет о своем последнем вале учеников — это четыре мушкетера, в том числе и я. И он сказал: «Сашу пришлось вести в Институт, он для этого более всего подходил, потому что он уже был членом партии к тому времени, а ребята еще молодые, не было членства в партии...». Ради Бога! Вот привел меня и с рук на руки, что называется, сдал Николаю Ивановичу Павленко. Я еще пытался сопротивляться, дескать, это не будет этически верно. Он сказал: «Мне тоже приходилось от одного учителя переходить к другому, это было связано со смертью. Ничего страшного в этом нет». — «А как быть с дипломом?». — «Диплом ты напишешь и как-нибудь потом издашь (так оно и случилось, кстати говоря, я его потом издал отдельной книжкой). Зато прикоснешься к другой истории, совсем с другими образами и характерами».

Весь Институт того времени — это был ходячий историографический образ, то, чему мы учились, изучая и историографию, и отдельные работы. И когда я пришел впервые в Институт: тут тебе идет Черепнин, тут тебе Пашуто навстречу движется, для меня это было даже некоторым шоком, потому что я их всех увидел воочию — людей, произведения которых мы только что

¹⁰ Сборник правовых норм Киевской Руси, древнейший русский правовой кодекс и один из основных письменных источников русского права.

¹¹ Имеются в виду изданные одной книгой избранные главы из воспоминаний А.А. Зимины «Храм науки»: Александр Александрович Зимин / сост. В.Г. Зимины, Л.Н. Простоволосова. М., 2005.

сдавали на экзаменах. Павленко тоже относился к этому числу, он уже издал своих два знаменитых «кирпича»¹². Он умер ведь совсем недавно, на 101-м году. Еще в марте я ездил в [Московский государственный] педагогический университет, там проводились чтения его памяти. Самого Николая Ивановича не было, но пришли два его сына, и я был в числе выступавших.

И вот о свободе слова в Институте. Николай Иванович предложил: «Все, это оставьте на будущее дипломное сочинение». И оно сыграло свою роль уже при поступлении моем в аспирантуру. Уж так случилось, что к экзамену я не прочитал монографию Бовыкина, а он был в комиссии, и я что-то такое пролепетал по этому поводу. Ну что: «Да я этого и не писал вообще-то». А он был такой жестковатый человек. Черепнин сочинение по диплому просмотрел, а диплом был довольно увесистым, почти 400 страниц, и сказал: «Блестяще». После чего Николай Иванович говорит: «Этим своим решением Черепнин судьбу Вашу решил: быть или не быть Вам в аспирантуре». Вот такие вот дела.

Кстати, о свободе. Николай Иванович дал мне на выбор две темы: генеалогия высшего командного состава Красной армии и генеалогия купечества XVIII века, поскольку он сам этим периодом занимался. Но для меня выбора не было, поскольку я уже прикипел к XVIII веку с Мусиным-Пушкиным. Генеалогия купечества стала моей генеральной научной темой почти на всю жизнь (я не имею в виду последние два десятилетия, когда занимаюсь другими сюжетами). Но были еще и другие соображения, например: где я возьму материалы по матримониальным связям Красной армии? Кто мне их даст? Вот же в чем вопрос стоял. Павленко, правда, смотрел на это довольно просто: «Да ничего, что-нибудь придумаем». Но я сразу сказал, что нет — купцы так купцы. Ну, вот и все, вот вам и свобода слова, вот вам и генеалогический подход. Играл он какую-то роль или не играл, но это все шло еще от студенческих времен, когда заниматься медиевистикой казалось более свободным и ясным, чем заниматься идеологически определяемыми темами XX века или постреволюционного времени.

---

¹² Имеются в виду фундаментальные монографии Н.И. Павленко «Развитие металлургической промышленности России в первой половине XVIII в. Промышленная политика и управление» (М., 1953) и «История металлургии в России XVIII в.: заводы и заводовладельцы» (М., 1962).

В.К.: А занимаясь XVIII, XVII и более древними веками, чувствовали ли Вы или Ваши коллеги некий идеологический момент, или его все-таки меньше было, чем для тех, кто занимался XIX–XX веками?

А.А.: Значительно меньше! Даже в XIX-м его было значительно меньше, чем в послеоктябрьском периоде. Хотя по XIX веку серьезней проблемы и вопросы – они были ближе, иногда выступали исходным материалом для политических суждений на актуальные темы... А уходя в прошлое, можно было уже меньше об этом заботиться. Хотя я знаю, что бывали моменты, когда, скажем, Кинан, очень известный американский историк-русист, написал книжку об Иване Грозном¹³, совсем не по идеологическим соображениям. Но историческая общественность России восстала против этого очень мощно. И припоминаю 1973 год, этот известный конгресс историков, который проходил у нас, в основном в МГУ. Кинан там присутствовал, и получил такую массу критики, что сам признал ее сокрушительной¹⁴. А там выступали люди первой величины – например, сам Аврех Арон Яковлевич, Павленко, Зимин. На этом конгрессе, кстати, мне пришлось быть несколько раз на заседаниях рядом с Зиминим. Я худо-бедно, но мог воспринять немецкий язык, я его изучал, да и приходилось читать по работе немецкие издания, но во всем остальном я плыл. Зимин не считал себя вообще знатоком языков: «Я их всегда плохо знал». Но я сидел с ним рядом, и он мне в двух-трех фразах говорил о существовании всех подряд, на каком бы они языке ни выступали.

В.К.: Вопрос, чтобы, скажем так, хронологию прочертить. В каком году Вы пришли в аспирантуру Института истории СССР.

А.А.: Это был 1969 год, я кончил Историко-архивный, Зимин меня привел к Павленко, и в этом же году я поступил в аспирантуру, хотя уже получил распределение в Главное архивное управление. Я даже там три месяца отработал, предлагали остаться.

---

¹³ *Keenan Ed. L. The Kurbskii-Groznyi apocrypha: the XVII-century genesis of the "Correspondence" attributed to Prince A. M. Kurbskii and Tsar Ivan IV. Cambridge (Mass.), 1971.*

¹⁴ XIII Международный конгресс исторических наук состоялся в Москве в 1970 г. Однако основной массив критических публикаций советских историков о книге Кинана приходится на 1972–1974 гг.

Кстати, некоторые ученики Зимина в то время являлись активными архивными функционерами...

В.К.: И после аспирантуры здесь Вы и остались, точнее, были оставлены?

А.А.: 1972 год, я кончил аспирантуру, и с 1 января 1974 года был принят младшим научным сотрудником в этот Институт, в котором до сих пор и тружусь.

В.К.: Естественно, дальнейшие вопросы уже будут связаны с Институтом. Вот Вы пришли сюда — какими были впечатления о работе здесь, об отношениях с коллегами? Какова была обстановка в Институте, что можете рассказать о директорах?

А.А.: Ну, мне пришлось работать с четырьмя, нет, теперь уже с пятью, да, сейчас скажу: Волобуев, Нарочницкий, Хромов, Сахаров.

В.К.: Новосельцев еще.

А.А.: А, Новосельцев, да-да, Сахаров, ну и вот уже Юрий Александрович Петров. У меня в памяти, в сущности говоря, два директора остались — это Волобуев, потому что он из ученых и настоящий ученый. Главная черта всех, с кем мне приходилось работать (это вообще говоря, свойство самого Института и свойство, может быть, всей Академии) — не мешать работать. Когда директора не мешают работать, тогда в институте — лад и порядок. Как только по каким-то причинам, может по идеологическим или еще каким-то, возникают трения, то возникают и конфликтные ситуации. Меня лично это никогда не касалось, вот по той самой простой причине, что я идеологически был все-таки в XVIII веке, защищен этим самым столетием. А так все было хорошо, но я пришел в 1969 году и, пожалуй, не застал очень интересное время, предшествующее этому периоду. Это я знаю по рассказам моих старших друзей: Анатолия Евгеньевича Иванова, Владимира Васильевича Кабанова, ныне покойного. Вот когда общественная жизнь бурлила: «капустники», абсолютно полная, насколько я понимаю, свобода слова, вплоть до анекдотических сюжетов, и так далее, и так далее. Но я, к сожалению, этого периода не застал, а позднее это уже никак не проявлялось. И даже если спросить меня, а что бы мне хотелось вернуть — я не знаю, всему свое время, ребята, всему свое время. И каждое время рождает какую-то свою форму взаимоотношений.

В.К.: Разгром «нового направления» Вы все-таки, наверное, застали?

А.А.: Я его застал. И в результате этого разгрома и Волобуев ушел, и Павленко. А ушел, потому что он уже не мог работать при новом руководстве. Павленко преподавал раньше в педагогическом институте¹⁵, туда он и перешел. С этим пединститутом у меня тоже сложились отношения: в конце концов, именно пединститут, его истфак, стал той организацией, которая давала мне отзыв на кандидатскую диссертацию. Писал его покойный уже Владимир Борисович Кобрин, один из самых блестящих историков современности.

В.Т.: Вот тогда по поводу защиты диссертации: какие ритуалы, какая диссертационная культура существовала, система отношений неформальных, которая все это окутывала, пронизывала?

А.А.: Тут дело дошло до анекдота, или скажем так, до юмористического отношения к этому явлению как к таковому. Когда дошла моя очередь до защиты, ныне уже покойный Борис Григорьевич Литвак, тоже один из самых блестящих историков советских, так меня напутствовал: «Да ты не переживай! Что такое защита кандидатской диссертации? Это система вертящихся дверей, и если тебя к турникету подводят с этой стороны, то выбросят непременно в другую». Конечно, так говорилось только о кандидатских диссертациях, потому что на моей памяти не было ни разу, чтобы кандидатскую завалили. Но что касается докторских — с ними посложнее. Я знаю, во всяком случае, один пример, когда докторская была завалена — это когда защищался Андрей Григорьевич Тартаковский¹⁶. Всем вам имя, конечно, известное, да и работа блестящая. Но все сложилось так, что сыграли его человеческие качества, а он был непримирим с точки зрения науки: если уж кто-то чего-то там написал не так, то он говорил об этом прямо, без экивоков, чем нажил себе много разных врагов. В конце концов, это дошло и до Ученого совета, там создалась даже как бы коалиция. И голосование было отрицательным, один голос «против» перевесил.

¹⁵ Московский государственный педагогический институт имени В.И. Ленина, ныне Московский педагогический государственный университет (МПГУ).

¹⁶ Подробнее об ученом см.: *Аксёнов А.И., Рогожин Н.М.* Памяти А.Г. Тартаковского // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.): сборник статей. М., 2003. С. 3–8.

В.Т.: Нам очень часто в интервью говорят, что было негласное требование: между кандидатской и докторской должен пройти определенный отрезок времени. Не защищаться до сорока, например.

А.А.: Это так, конечно, но это и не так, потому как было не требованием, а необходимостью. Для защиты (впрочем, и по кандидатской тоже) нужно определенное количество публикаций, так ведь? Оно возросло по кандидатским — неимоверное число, штук 15, что ли, теперь требуют. А когда я защищался, у меня было всего две. С публикациями тогда было худо, и прежде чем дойти до докторской работы, надо было их организовать. А где можно было публиковаться? Только в двух журналах: «Вопросы истории»¹⁷ и «История СССР»¹⁸. Уже позднее, по-моему, появился журнал «Советские архивы»¹⁹. В общем, это довольно сложно было, и реально все складывалось таким образом, что человек просто не мог защититься раньше, чем выдаст определенное количество публикаций. Поэтому дело во все не в том, что существовало негласное правило. Может быть, оно и стало негласным, потому как являлось определяющим. Но ведь раньше пятидесяти и не защищались.

В.К.: Пятидесяти даже?

А.А.: Ну, сорок-пятьдесят. На моей памяти, по тем временам очень ранняя защита была у Сергея Михайловича Каштанова. Он в 36 лет защищал докторскую диссертацию²⁰, и это было действительно беспрецедентное явление. Но к тому времени у него уже вышла книга «Дипломатика»²¹, так что он уже был сложившимся, известным историком, тоже ученик Зимина, кстати говоря.

В.К.: Вы упомянули о такой проблеме с публикациями, как ограниченное количество самих журналов. Какие еще были проблемы?

¹⁷ Академический научный журнал в области истории. Основан в 1926 г. как журнал «Историк-марксист». С 1945 г. выходит под нынешним названием.

¹⁸ Академический научный журнал в области истории. Основан в 1957 г., в 1992 г. получил название «Отечественная история», с 2009 г. — «Российская история».

¹⁹ Начал выходить в 1966 г., являлся научно-теоретическим и научно-практическим журналом Главархива СССР.

²⁰ Название докторской диссертации С.М. Каштанова — «Очерки русской дипломатики». Защищена в 1968 г. в ИИ АН СССР.

²¹ Книга С.М. Каштанова «Очерки русской дипломатики» вышла в 1970 г.

А.А.: Ой, ну не знаю, мне трудно сказать. Дело в том, что то, что я сдавал в журналы, у меня брали, и все это публиковалось. Но, конечно, журналы должны были отвечать чаяниям советской исторической науки, это очевидно. И поэтому они должны и обязаны были публиковать то, что является как бы актуальным. Хотя внутренняя структура всех этих редакций мной не изучалась, и говорить об этом очень твердо, ясно, что «да, действительно так», я просто не имею права. Но те, кто занимался более ранним периодом, все-таки легче «проходили», в смысле публикаций.

В.К.: Вопрос о повседневной научной деятельности. Ведь Вы же очень много времени проводили в архивах. Какие-то трудности были?

А.А.: Когда я сейчас смотрю на то, каково исследователям в архивах, я в ужас прихожу. Если бы все было так, когда мне приходилось писать кандидатские и докторские, мне думается, у меня не хватило бы на это никаких сил, чтобы бороться с засильем архивистов. Прихожу я в архив, обыкновенный аспирант. Отношение Института истории – «зеленая карта», то есть, что бы я ни заказал, мне приносят тут же практически безо всяких ограничений. Ну, есть ограничения – 20 номинаций, вот и все. То же требование и осталось, которое заполняешь. Такой любопытный случай, показательный: я пришел в архив Москвы²², он тогда располагался в каком-то церковном здании. Прихожу с требованием и с отношением, которое мне подписали здесь, записываю, я точно знаю, что мне нужно просмотреть. Я пришел с генеалогией купечества, мне нужно изучить акты гражданского состояния XVIII века. Я взял опись, там это все расписано – много, я переписываю себе эту опись и отдаю два или три требования. Девочка приняла и ушла. А через пять минут она начинает носить мне эти дела, это вот такие вот фолианты, акты. Я сижу один за вот таким большим столом, и она меня заваливает всеми этими материалами. Вот сейчас, скажите, это возможно?

В.Т.: Нет.

А.А.: Вот, совершенно верно. То же самое касалось, между прочим, работы в библиотеках. Я никогда почему-то не любил

---

²² Центральный государственный архив города Москвы.

Ленинскую библиотеку²³, хотя по необходимости приходилось. Я больше любил Историческую библиотеку²⁴. Там было то же самое: я писал требование и тут же из подсобного фонда получал необходимые мне книги. Что теперь делается — я не понимаю, зачем? Это все ужесточалось постепенно, между прочим. Например: «Сегодня это вам не доступно, через день-два приходите», потом уже два дня становятся невыполнимыми, а потом уже и неделя, и вот так все время.

А в «Историчке» со мной такой любопытный казус случился при работе с каталогами. Я вначале пользовался тематическими каталогами, ну, вы же знаете, они какие — выборочные и все прочее. Потом я приспособился ходить в генеральный каталог, на второй этаж, и там работал и будучи аспирантом, и кандидатом. Это было очень удобно, там было абсолютно все, но со временем его прикрыли по причине недобросовестности читателей. Этот каталог состоял из ящичков, в которых просто лежали карточки — лежали, повторяю, не насаживались даже на спицы. И приходил исследователь, выбирал карточку, ему лень было переписать, он брал эту карточку, и все. А что такое выбрать карточку из генерального каталога? Это значит, что выпадала из оборота книга.

В.Т.: Еще так с конкурентами боролись.

А.А.: Ну, это уже совсем за гранью! (*смеются*). Так что, на мой взгляд, я бы не написал и половины, если бы работал в теперешних условиях.

В.К.: А командировки оплачивались?

А.А.: Командировки, да, а как же!

В.К.: Вы самостоятельно в них ездили или, скажем, направлял Институт?

А.А.: Направление от Института все равно было нужно, но оно являлось пустой формальностью: я сам набивал это направление, шел к ученому секретарю, он его подписывал. И с этим направлением ехал куда угодно: мог ехать в Тулу, где у меня были материалы, ехал в Питер, кстати, очень подолгу жила в Ленин-

---

²³ Государственная библиотека СССР имени В.И. Ленина, ныне Российская государственная библиотека.

²⁴ Государственная публичная историческая библиотека РСФСР, ныне Государственная публичная историческая библиотека России («Публичка», «Историчка»).

граде, работал и в архиве института, нашего тогдашнего филиала²⁵, и в Центральном историческом архиве²⁶. И даже, в архиве собственно Ленинграда, там был такой, как у нас архив Москвы. Так что никаких проблем.

В.К.: И не возникало проблем с библиотекарями-архивистами, тоже все было достаточно свободно?

А.А.: Все свободно, во всяком случае, в «Публичке» встречали всегда с распростертыми объятиями. Я, как правило, там работал в архиве, в рукописном отделе, но очень доброжелательное было отношение, полный карт-бланш — что хочешь. Если на ходу материалы, то их тут же и приносили. Это дало мне возможность подготовить публикацию писем Алексея Ивановича Мусина-Пушкина, которая вошла в диплом. Вот как обстояли дела тогда. Теперь я в силу того, что ножки мои ходят плохо, редко уже хожу, хотя еще до недавнего времени в «Историчке» все же бывал. Сейчас есть, конечно, замена всему этому: тот же Интернет, и многие старые публикации теперь доступны, это очень помогает. Но ничто исследователя не отведит от чтения первоисточника.

В.К.: Нам неоднократно рассказывали, что в 1970-е годы был такой порядок, что контролировалось посещение сотрудниками архивов, библиотек — прежде всего, в неприсутственные дни.

А.А.: Да, я понимаю.

В.Т.: Была попытка порядок навести?

А.А.: Нет, это ведь вечная российская кампанейщина. Вдруг объявили кампанию за укрепление дисциплины, ну и все, поехало — раз борьба, так борьба. Постоянные звонки из отдела кадров: «А вот у вас там есть такой-то исследователь али нету?». Всяко бывало.

В.К.: Но долго это не продлилось?

А.А.: Нет, это только кампаниями. Меня, например, это никогда не задевало, вообще такие кампании устраивались под определенного человека. Ежели начальству требовалось убрать какое-то лицо из Института, возможности для этого были хорошие — нарушение дисциплины, все, по формальному признаку.

---

²⁵ Ленинградское отделение Института истории СССР АН СССР (ЛОИИ), ныне Санкт-Петербургский институт истории РАН (СПбИИ РАН).

²⁶ Центральный государственный исторический архив СССР, ныне Российский государственный исторический архив.

В.К.: А теперь вопрос о повседневной жизни Института. Вот, например, о присутственных днях, они всегда были во вторник и четверг?

А.А.: Сколько я помню, всегда. Вот, я уже сколько [в Институте], почти 50 скоро будет. И всегда это было именно так. Но понимаете, какая штука — Академия все-таки жила еще старым уставом. А старый устав это вольный устав, то есть каждый свободен в выборе своего режима рабочего дня, подхода к раскрытию темы и всего прочего. А когда этого не происходит, тогда и могут возникнуть проблемы. Знаете, когда я только пришел в Институт, Павленко — даже не по отношению ко мне, а по отношению к молодым вообще — сказал: «Мы работаем в учреждении, может быть, единственном в Советском Союзе. Вы сами себе вольны, но легко при этом впасть в один грех — это грех ничегонеделания, и единственное, что может вас спасти от этого греха — самодисциплина».

В.К.: А чем занимались сотрудники в присутственные дни, как проходил типичный день?

А.А.: А тем же, чем и теперь. Пришли пообщаться.

В.К.: То есть традиция сохраняется.

А.А.: Конечно! Пришли пообщаться друг с другом, пришли на какие-то заседания, это совершенно очевидно. Потому что, как правило, в центрах (тогда — в секторах) заседания проводились по поводу обсуждения какой-нибудь темы, доклада какого-то сотрудника, и это было обязательным, непременно присутствием. И тогда обсуждения в научном смысле были строже, потому что отношение было совсем другое, а может быть, уровень ученых был немного другой — требовательнее, что ли. Поэтому и обсуждения проходили подчас с очень хорошей, серьезной критикой. Но эта критика, я должен сказать, никогда не переходила к уничтожению. Все равно это всегда была здоровая критика, дававшая возможность использовать ее для того чтобы твое собственное творение было лучше, качественнее.

В.К.: Конфликты на почве критики не возникали?

А.А.: Вот я их не помню, хотя у нас в центре источниковедения (а именно туда я пришел, и его возглавлял вначале Павленко, потом Буганов) бывали довольно серьезные критические замечания, но это были сугубо научные суждения. И уж совсем редко, я даже не помню таких случаев, чтобы из этого оргвыводы делались: способен человек дальше работать или неспособен.

В.К.: Здесь два вопроса: общественные настроения, и что обсуждали сотрудники? Они, в общем, пересекаются. Что Вы помните из тем, которые при общении возникали?

А.А.: Что-то повседневное или научные темы?

В.Т.: Когда «перестройка» началась, как Институт жил?

А.А.: Вот с «перестройкой», конечно, больше было в суждениях таких звучаний: как проводится, зачем, цели и так далее, и так далее. А повседневность академического учреждения все-таки достаточно сера. Сера в том смысле, что даже в коридорах мы встречались, и все равно обсуждали какие-то научные проблемы. Может быть, человек не выговорился или сделал некое открытие, которое сейчас «не пойдет». Поскольку я занимался генеалогией, то мне однажды в архиве пришла на ум идея изучить, например, то, как соблюдение постов сказывалось на половой жизни населения. Я пришел, здесь в Институте с ребятами поговорил, но это все равно околонучные темы.

В.К.: Рассказывали, что в 1970–1980-е годы, когда было много сотрудников, днями было не протолкнуться в коридоре, потому что все стояли, обсуждали что-то.

А.А.: Да, так было. Потому что тогда у нас было больше 500 сотрудников. Можете себе представить, если бы сейчас в одном коридоре!..

В.Т.: А было корпоративное разделение: специалисты по советской истории живут своей жизнью, и к ним относятся так-то; медиевисты, они другие, и так далее, и тому подобное?

А.А.: Я уже говорил о том, чтобы избежать идеологических давлений, лучше было заниматься древностью, по крайней мере, капитализмом. Потому что отношение к советской исторической науке как к таковой было довольно снисходительным. Здесь имелась в виду не только слабая источниковая база, но и то, как люди пишут: конъюнктурно или неконъюнктурно. А неконъюнктурно тогда писать по советскому периоду было практически невозможно. Была еще такая наука «История партии», если вы помните. Эту историю учили, это одно дело, но она была для многих тем вектором, по которому можно было легко идти, написать кандидатскую в этом испартовском духе.

В.К.: А на личных отношениях это как-то сказывалось?

А.А.: Я не помню, чтобы это как-то сказывалось: мы так же приходили, здоровались друг с другом. В начале этого года

умер мой очень старый друг Виктор Николаевич Земсков. Он занимался советским периодом, и вот он — редкий тип историка по этому времени, работавший с настоящими, массовыми источниками. И поэтому получивший совершенно уничтожительную критику либеральной части научного общества. В чем его только не обвиняли, а он делал свое дело! Он писал, работал в архиве, он выписывал многочисленные факты и этим покрывал все то, что хотели закрыть или, напротив, раскрыть. Какие репрессии многомиллионные были — ничего этого Виктор Николаевич не нашел в архивах. И поэтому все, что говорится с большим преувеличением, это только лишь конъюнктура.

В.К.: Мы говорим об идеологии, а, собственно, партийные структуры, профком какую роль играли в жизни Института?

А.А.: Сколько мне помнится, они хорошую роль играли, потому что вольно или невольно, но участвовали в организации научной жизни. Директор не мог своей волей закрыть какое-то подразделение, открыть новое. Это все можно было сделать только через согласие с профкомом и парткомом, но там сидели все наши товарищи, пусть старшие, но мы друг друга знали. И поэтому ожидать от них каких-то резких движений... Я, во всяком случае, по отношению к себе этого никогда не замечал. Более того, бывали там и веселые случаи. Все мы люди как люди, кто-то попал в вытрезвитель, ну что ж, дело-то житейское. А из вытрезвителя приходит бумага. А куда? Прежде всего, в партком, но секретарь парторганизации вызывает: «Ну-ка дружок, давай на беседу». Ну, побеседовали, и все. Дальше секретаря бумага не шла, а ведь могла бы пойти с последующими осложнениями, все не так просто было. Это тоже один из факторов общественной жизни.

В.К.: Вы можете сказать, что, скажем, партком организовывал общественную жизнь, руководил ей?

А.А.: Ну, в определенной мере, конечно.

В.Т.: То есть секретарь парткома влиятельный был человек?

А.А.: Влиятельный, без всякого сомнения. Это человек, который, во-первых, шел, что называется, ногой открывая дверь к директору, это было очень немаловажно в этих высоких отношениях. А потом, в известной мере он отстаивал и интересы простого исследователя, ученого, и это тем более важно было.

В.К.: А как мог помочь партком сотруднику Института?

А.А.: Ну, мало ли, в какие положения мог попасть сам сотрудник. Положение, при котором, скажем, дирекция вынуждена была ставить вопросы о его отчислении. И здесь роль парткома и профкома была, без всякого сомнения, очень значима, потому что они могли поддержать, а скорее всего — не поддержать дирекцию. И тем самым стояли на страже того самого простого исследовательского обывателя.

В.К.: В Институте много было членов партии?

А.А.: Большинство, думаю. Но что касается меня, поскольку я не говорил об этом, то я-то и в Историко-архивный институт пришел уже членом партии. Поскольку у нас был очень активный ротный²⁷, а мы были москвичи, он решил себе сделать на этом такой маленький гешефтик моральный. И подготовил из нас целую группу кандидатов в члены КПСС, а проводя через горком, он тем самым снискал себе уважение, почет и все прочее.

В.К.: А кого из руководителей партийной организации Вы вспомнить можете?

А.А.: Ой. И Данилов был, и Тихонов был, вот это на моей памяти. Это очень серьезные люди, по-настоящему: и ученые серьезные, и по-человечески очень серьезные люди.

В.Т.: А место академиков во всей этой системе? Вы уже упоминали, что здесь «историографические легенды» ходили по коридору. Как только ученый достигал этого звания (или хотя бы членкора), каким становилось его положение в самом сообществе?

В.К.: Формально и неформально, здесь даже неформальное важнее.

А.А.: В самом Институте я особенно не замечал, чтобы с каким-то особенным пиететом относились к тогдашним действительным членам Академии наук, и к членкорам тоже. Здесь отношения всегда нивелировались самой наукой. Общее значение науки давало такое положение, при котором стоять на цирлях перед академиком было просто негоже, да и ни к чему, честно говоря, потому что академик с тобой разговаривал так запросто, что и нельзя на него было взглянуть снизу вверх, а иногда даже наоборот, сверху вниз (*смеется*). Так что не знаю, может быть,

---

²⁷ Командир роты.

конечно, все это уходит в прошлое, а память человеческая избирательна, и тогда это имело, наверное, какое-то свое значение. Но это все-таки не ко мне, потому что я всю жизнь шел в особой части науки, где не требовались ни регалии, ни идеологические штампы, ничего.

Но зато мы вот провели реформу РАН, так?

В.К.: Ваше отношение к этой реформе?

А.А.: У меня очень двойственное отношение. Когда-то мне приходилось читать лекции по XIX веку, и я своим слушателям говорил, что в то время было сделано такое количество реформ, которых, может быть, хватило бы на историю многих стран. Здесь у нас другая история, мы в последние 25 лет тоже получили такое количество реформ, что порой стоишь в недоумении, а как же это можно? Зачем делаются реформы – вот это коренной вопрос. Какие задачи у реформ, какие цели? Если добиться чего-то большего – это одно, а если сделать реформу ради того, чтобы имел от этого свой интерес какой-то узкий круг людей, то это совсем другое. Трудно назвать реформой.

Мне думается, что, конечно, еще есть время оценить эту реформу. Но суть-то в том, что к чему она привела. Ведь началась она под эгидой чего? У академических институтов очень много сложилось движимой, недвижимой, земельной собственности, и надо бы ее реквизиловать. Это не значит, что Академия наук не нуждалась в реформе – очень даже нуждалась. Но ее, на мой взгляд, надо было начинать с реформ самого академического корпуса. Вот где корень зла. Ведь стать членкором и академиком – это значит получать пожизненную ренту, а получая пожизненную ренту, ничего нельзя придумать иного, как объединяться в некие группки, кланы, которые проводят уже свои не зависящие от науки идеи...

А зачем такая реформа? Такая реформа с неизбежностью должна приводить только к одному – к разрушению целого. Вот я и боюсь, что это разрушение уже произошло. Академический корпус образовался сам по себе, некий клуб, хотя ему вроде бы формально оставили право руководить наукой. Но, во-первых, он этим правом не пользуется, кроме тех конкретных академиков, которые действительно руководят в собственных институтах. Институты это единственные реальные научные коллективы, в которых и делается, собственно, наука. Они под влиянием

ФАНО²⁸, а ФАНО – это, по-моему, сейчас гораздо больше, чем раньше президиум Академии наук. У этого ФАНО в руках главное – денежные потоки: хочу – дам, хочу – не дам, хочу – так использую, хочу – по-другому. И получилась ли от всего этого реформа Академии наук? Я ставлю перед собой такой вопрос, и я впадаю в недоумение.

В.К.: Опять вернемся в 1970–1980-е: зарплаты, финансовое положение, возможности подработать. Что-то можете об этом сказать?

А.А.: Понятно. Все-таки у РАН был свой устав академический и свои положения. И на протяжении десятилетий, в сущности, не менялись ни ставки, ничего, они были, в общем-то, не так и велики. Это ставка – научный сотрудник, младший, старший и так далее, и так далее. Очень значительного в этих ставках ничего не было. Скажем, я стал получать более-менее приличные деньги, которые давали мне право безбедно существовать, где-то только к концу 1980-х годов. Когда я стал старшим научным сотрудником, мне стали платить 300 рублей, по-моему, по тем временам очень приличные деньги, выше были только ставки докторские: 450 рублей, что ли. Но для этого надо было пройти очень сложный путь внутреннего роста, и он не всегда складывался: у кого-то получалось, у кого-то нет. Что касается приработков, то это было связано с той же возможностью публиковаться. Только два, в сущности, журнала платили гонорары: «История СССР» и «Вопросы истории», и когда я впервые опубликовал там свою первую статью, даже не статью, а сообщение, менее листа – получил за нее больше, чем мой оклад в Институте (*смеется*).

Но ведь пробиться на этот уровень очень сложно. Я знаю, что Сигурд Оттович получал очень хорошие доходы на публикациях (он и за рубежом публиковался). И поэтому мог платить партвзнос с 1000 рублей в месяц. Сумма недостижимая для рядового историка.

В.К.: А можно сказать, что повышающийся уровень окладов как-то стимулировал научного сотрудника?

---

²⁸ Федеральное агентство научных организаций, создано в 2013 г. в рамках реформы РАН с функциями «нормативно-правового регулирования и оказания государственных услуг в области науки и образования» и управления федеральным имуществом, находящимся в ведении РАН. Упразднено в 2018 г.

А.А.: В известной мере, конечно, а куда же деваться было? Тут надо иметь в виду, что все-таки люди приходили в науку из желания работать в науке, и с наукой работать, а не для того, чтобы сделать какую-то карьеру. И поэтому этот рост был тоже ограничен определенными возможностями.

В.Т.: А потом пришли 1990-е (*смеются*). Можете рассказать, какие механизмы начали работать, вплоть до поисков финансирования?

А.А.: Ой, 90-е... В 90-х мы просто выживали. Там даже не было желания получать чуть больше или чуть меньше — потому что упали совершенно окладные выплаты, но с нас и ничего не спрашивали по большому счету.

В.К.: Не платили, зато свобода!

А.А.: Да. А где подработать можно было? Только лишь уйдя на преподавание. Мне уже после 1990-х пришлось работать на преподавании почти десять лет, с 2000-го примерно.

Я вам должен сказать, что радости материальной это не приносило, и все опять возвращалось к радостям самой науки. Конечно, в семейном бюджете какие-то появлялись деньги, но не ахти, особенно по сравнению, скажем, с тем, что получали наши коллеги в Соединенных Штатах или даже в Европе — гораздо выше, чем здесь у нас. Так что прямой зависимости между карьерой, научным ростом и зарплатой я не наблюдаю.

В.К.: Возникало желание уйти из науки из-за этих трудностей?

А.А.: А что другое я могу делать? Вот в чем вопрос. Ничего, кроме этого, уже нет. Можно было уйти на преподавание, но это было бы довольно мелко. Были, конечно, периоды, когда уход на преподавание приносил немалый доход, хорошие зарплаты, но и это тоже временно. Пересидишь немного, а там, глядишь, они так же получают, как раньше. Так что — не знаю. Да и, в общем, негде было особенно подработать-то. Нет, мне это никогда не приходило в голову. И сейчас, когда в этом году многие товарищи старшего возраста были отправлены на полставки — на мой взгляд, это ужасно, что у них отбирают их собственные деньги для того, чтобы платить новым сотрудникам. Я понимаю, что таково требование времени, таково положение, которое устраивает только ФАНО. Но все равно, вы согласитесь, что ниже нас теперь не получает никто.

В.К.: Врачи, может быть, получают?

А.А.: Ах, с ними тоже поступили нехорошо. Некоторые получают, это верно, а некоторые ведь снова возвратились на прежний уровень кругов своих. У меня, во-первых, жена врач, но она уже сейчас недееспособный. Во-вторых, знакомые есть и врачи, и сестры медицинские, сейчас у них положение очень аховое. Те, кто работает в коммерческих учреждениях – там, наверное, да, а в государственных – я бы не стал сравнивать.

Я главный научный сотрудник, мой оклад составляет 32, что ли, тысячи. У меня в подъезде дворник, он получает 40. И жалуется при этом: «Я не буду тут работать, не добавят – уйду, все». Или требует, чтобы ему дали еще одну ставочку, еще один дом, тогда его устраивает. А в принципе, если по кругу, то мы самая нищая научная братия не только России, но и всего мира.

В.К.: О преподавании немного: как Вы думаете, оно мешает или помогает занятию наукой?

А.А.: Нет, оно, конечно, не мешает. Может мешать, если речь идет только о заработке денег. Потому что тогда переключаешься исключительно на преподавательскую струю. А там свои проблемы – часов много нужно набирать. Сейчас-то нужно 900 часов, чтобы профессорскую ставку оправдать, это колоссальная нагрузка.

Это так, но если иметь в виду, что не в этом дело, а, скажем, в поддержке научной школы, тут, без всякого сомнения, преподавание очень благодатная среда и мотив для того, чтобы работать. Вот ведь школы как таковые, они всегда в науке играют основную, если не первую роль. А много ли мы знаем этих школ? В ранние времена, еще до меня, они были, потому что тянулись нити еще с досоветского образования. Их ученики, такие, как Зимин, Шмидт, создали свои школы. Буганов – свою школу, кстати, ее сейчас хорошо ведет Николай Михайлович Рогожин. Но ведь дальше-то ничего этого не было, и это я считаю большим провалом в науке.

В.Т.: А в Институте какие-нибудь школы были?

А.А.: Были: Данилов, Бовыкин. По советскому, по капиталистическому периоду, и хорошие школы были. Но их значение все-таки было подкошено этими пресловутыми 1990-ми годами. Во-первых, потому что не давали работать преподавателями академическими, а во-вторых, уже просто время прошло, изменилось. Так что школ я сейчас даже не назову, кроме, пожалуй,

Рогожина. Отдельные всплески этих школ имеются. Но когда один-два ученика — это все-таки не школа. Школа — поколение учеников, а то и не одно поколение. Причем придерживающихся отнюдь не изначально учительских концепций и выводов, там важны чисто методические подходы.

В.К.: В развитие темы — научная школа только в рамках института, по-Вашему, может быть? Или, скажем, могут быть ученые из других городов, даже стран, из союзных республик, например?

А.А.: Нет, это не институтское явление. Вот у Зимина ученики одновременно и в других городах, в других регионах были, и даже есть и до сих пор. И в других учреждениях, кстати говоря. Так что это вовсе не обязательно замкнутое явление, опирающиеся исключительно на организацию научной деятельности внутри института.

В.К.: Еще про иностранцев и за границу хотелось бы спросить. Вы как-то сталкивались с заграничными учеными в 1970–1980-е?

А.А.: Сталкивался, да, приходилось. Но это были редкие контакты. Мне приходилось бывать всего только в двух странах: в Венгрии и в Сербии — в Нише²⁹. И там, и там у меня складывались хорошие отношения. Но суть, однако, в том, что для того, чтобы поддерживать эти отношения, нужны постоянные контакты, когда их нет — они пропадают. И еще, я хочу заметить, ко мне обращались по некоторым моим работам. Я в свое время писал о дмитровском купце Толчёнове, это заинтересовало некоторых лиц. Американцы ко мне подъезжали, но у них очень прагматический подход к делу. Я говорю: «Давайте подготовим совместное издание того же дневника Толчёнова, на достойном уровне, хорошим тиражом, с обозначением, может быть, всего вот этого уездного купеческого явления». — «Да, да, это интересно, это интересно». Но весь смысл обращения всегда состоял в одном: «Вы дайте, а мы уже сами решим».

В.К.: А сложно было установить контакты с зарубежными учеными в советский период? Какие были условия?

А.А.: Часто они сами обращались. Тогда уж так было, что русистикой мало кто занимался, а если занимались, то обращались к нашей историографии. Потому что было время, когда все наши работы по изучению Средних веков, XVIII–XIX веков

---

²⁹ Ниш — город в Сербии, один из трех самых крупных в стране наряду с Белградом и Нови Садом. Входит в число старейших городов Балкан.

изобиливали громадным количеством архивных ссылок, это было их достоинством. И это для западного потребителя, даже высококвалифицированного, занимающегося исследовательской деятельностью, давало повод что-то узнать о тех архивах, к которым они стремились. Сами они работали, да, но сидели отдельно, даже в ЦГАДА³⁰. Там была маленькая комнаточка, им туда приносили — что дадут, то они и потребляли. А они-то видели гораздо больше в ссылках наших ученых, поэтому чаще всего к нам и обращались. Но чтобы складывались какие-то корпоративные отношения, связи — не знаю. Может быть, мне просто не повезло, но, в общем, я не видел особых успехов и у других тоже.

В.Т.: Как Вы относитесь к известному высказыванию «История — это политика, опрокинутая в прошлое»?

А.А.: На мой взгляд, правильнее было бы говорить об истории, которая является основанием каких-то политических действий, и это понятно. А когда политик берет прошлое для того, чтобы утвердиться в своих мыслях, это носит все-таки конъюнктурный характер и только конъюнктурный, ничего другого там быть не может.

В.К.: Как Вы относитесь к высказываниям политиков, государственных деятелей на исторические темы? Обращаете внимание?

А.А.: Я обращаю внимание, да, и воспринимаю это, но не разделяю. У меня всегда так: что-то слышу, и если это связано с моими интересами научными — сравниваю, всегда пытаюсь найти свой взгляд на то, что говорят политики. И это, чаще всего, совсем не совпадает с теми соображениями, которые выкладываются в публицистике.

В.К.: Считаете ли Вы, что историки должны занимать более активную общественную позицию в объяснении истории?

А.А.: Без всякого сомнения. Это, конечно, зависит от склада характера человека. Один может проявиться в этом, а другому это неинтересно по каким-то причинам, или просто — нет потребности, это же ведь определенный талант. Вообще, популяризации науки — вещь весьма сложная и малодоступная. Я уже несколько раз упоминал и Зимина, и Шмидта. Достоинство Шмидта, которое отмечал Зимин, — это, прежде всего, то, что он был великим

---

³⁰ Центральный государственный архив древних актов СССР, ныне Российский государственный архив древних актов.

популяризатором науки. Его научные взгляды он не разделял, и даже более того, очень резко критиковал, а вся деятельность его известного научного кружка в Историко-архивном институте — это Зимин ценил очень высоко. Это безусловный талант, я уже не говорю о том, что и не только в кружке, но нас Шмидт несколько раз возил на разные экскурсии. Я для себя открыл и Суздаль, и Владимир благодаря Сигурду Оттовичу.

В.Т.: Какими качествами должен обладать идеальный историк?

А.А.: Опять обращаюсь к Зимину (*смеется*): чтобы заниматься самой наукой, нужно любить людей, потому что история — это история человечества. А в человеке суть достойна того, чтобы к нему относиться хорошо. И потому и я думаю, что главное это любовь к людям. Все остальное может быть приложено: талант, усидчивость, успешность в раскрытии отдельных видов документов, и все прочее. Но как это проявится в твоих собственных работах — вопрос. Я думаю, что злой человек никогда не напишет настоящего исторического исследования.

В.К.: Есть над чем задуматься.

В.Т.: И последний вопрос. Ваше мнение о новом поколении историков?

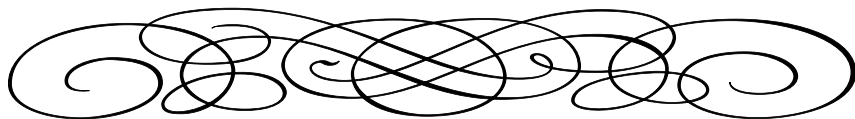
А.А.: Оно, так или иначе, есть, к счастью. Я к ним отношусь так же, как мои учителя ко мне относились. Мне интересно наблюдать за ними, видеть их ошибки (подчас это человеческие ошибки), наблюдать за их профессиональным ростом, в чем-то помогать им, если есть возможность. Но главное все-таки это бескорыстие к науке. Так было всегда, так есть и теперь. Если нет бескорыстного отношения к науке, то не будет и науки как таковой. Ну, судите сами, что будет с человеком, который заранее поставил целью сделать научную историческую карьеру? Вы знаете таких людей? Я — нет.

В.Т.: Карьеру не в таких областях надо делать (*смеется*).

А.А.: Ну вот, а это тоже ответ. Все-таки всегда было так, что отношение к науке, и в особенности к исторической науке, по большей части бескорыстно и, увы, невосполняемо значительным материальным положением. С этим надо либо смириться, либо идти в другую область, только и всего.

В.К.: Ну, закончим на этой оптимистической ноте (*смеются*).

В.Т.: Спасибо Вам большое, Александр Иванович!

Доктор исторических наук
Николай Фёдорович Бугай
«О своем Институте в прошлом
и современности»

1. Почему Вы стали историком? Было ли это случайностью или целью Вашей жизни? Быть может, семейной традицией? Не рассказываете ли Вы сейчас в выборе профессии? Если бы была возможность начать жизнь заново, хотели бы что-то изменить (и что именно)?

В интервью обычно вначале спрашивают, где и когда Вы родились. А в данном случае – почему я стал историком?

Вероятно, мне любовь к истории привили с детства, чего сам я длительное время не замечал. Но мой дед по матери слыл в округе грамотным человеком. Он был из казачьей семьи, отец его, мой прадед, длительное время работал судьей. В доме наряду с множеством икон было много и книг, главным образом юридической литературы. В шестилетнем возрасте бабушка усиленно занималась со мной по украинскому языку. Я мог читать книги Короленко, Шевченко, других украинских писателей. Если отвечал бабушке на все вопросы, то, как правило, следовали сладости, припасенные на этот случай. Но трудиться приходилось много, как и стоять перед иконами. До сих пор не понимаю, какие у меня могли быть в шесть-семь лет грехи, чтобы я их так усердно замаливал. Мать с отцом жили на другом конце станицы, на расстоянии более двух километров, и были заняты на работе. Я, чтобы отлынивать от занятий, убегал от бабушки к матери, а в доме начинались поиски исчезнувшего внука...

Занятие украинским языком было для меня наказанием. К счастью, я все забыл, т.к. язык, который заставляют учить силой, не задерживается надолго в памяти. Влияние украинского все же сказалось на чистоте русского языка, он был засорен украинскими вывертами, потому что окружение общалось частично и на нем. Для чистки русского языка приходилось трудиться немало. Более того, и мой отец пережил период «украинизации», всем надоевшей. Эмиссары с Украины занимались насаждением языка, старались вдалбливать всю его «красоту» в массы. Но и с этой кампанией было вскоре покончено¹.

Одним словом, тяга к книге была привита. По всем гуманитарным предметам в школе я получал только отличные оценки. Мне повезло, мои учителя по истории заметили во мне способности к этому предмету. Я легко запоминал даты исторических событий, мог полемизировать, задавал вопросы. Естественно, был участником драмкружков, исполнителем ролей в пьесах на исторические темы, участвовал также в редакции выпускаемых в школе стенных газет и пр.

Вероятно, накапливались и опыт, и знания, дополнявшиеся небогатым багажом художественных фильмов, рассказами бабушек о прошлом, о тех временах, когда они целыми казачьими семьями перебирались пешком с территории Запорожья на правобережную Кубань. Интересные детали всплывают в памяти. Когда я работал в архивах над историей своей станицы, то мне уже были знакомыми и родными многие встречавшиеся в документах фамилии. Я вспомнил обо всех, о ком повествовала бабушка, а память у нее, судя по всему, была отличной. Деда мои были участниками русско-турецких войн, сражались на фронте в Персии — как говорилось в народе, «ходили за Каспий». И об этих событиях многое восстанавливалось в воспоминаниях. Так что мое становление как историка не было случайным.

Привязанность к истории постепенно побеждала в сознании. Тем не менее, в страхе не поступить в институт на исторический факультет я поступил в гидрометеорологический техникум

---

¹ Речь идет о событиях «коренизации», а конкретно о попытках украинизации земель Юга РСФСР во второй половине 1920-х и начале 1930-х гг. (подробнее см., напр.: *Дроздов К.С.* Политика украинизации в Центральном Черноземье, 1923–1933 гг. М., 2016).

(г. Туапсе), чем, естественно, удивил домашних. После завершения обучения потянуло в дальние края, повеяло романтикой приключений. Потрудился на Камчатке, по службе побывал на Командорских островах, мысе Африка (восточное побережье, севернее г. Усть-Камчатск). Не скрою, ощущалась жажда познания. После, как и все молодые люди, ушел служить в Советской Армии. Но история настолько бередила воображение, что я не мог не «предать» метеорологию. Будучи в армии, закончил двухгодичную дивизионную партийную школу (пос. Пограничный, Приморский край). Это был период заметного притока знаний. А следом, в 1968 г., поступил на историко-филологический факультет Кабардино-Балкарского университета им. Х.М. Бербекова и с отличием его окончил. Обучаясь в университете, являлся замсекретаря комитета комсомола факультета, участвовал в студенческом лектории, конференциях, тогда-то я понял и ощутил историю.

Шел процесс подготовки к скромной работе преподавателя истории и обществоведения. На четвертом году обучения являлся также освобожденным секретарем комсомольской организации школы № 1 г. Нальчика, членом горкома комсомола. Это позволяло приобретать опыт работы с молодежью, и, надо заметить, я ощущал удовлетворенность этим. Знакомство с богатой культурой народов Северного Кавказа и Закавказья восхищало, просто переполняло сердце. Очевидно, в основе становления меня как историка выступало переплетение семейных традиций и тех реалий, в которые погружался с возрастом. И, конечно же, за плечами много ушедших лет...

Ни о каком раскаянии мыслей не возникало. Возможно, что-то сделано не так. Жизнь всегда вносит свои коррективы, однако я остаюсь преданным истории.

А если говорить о том, хотелось бы что-либо изменить, появилась возможность начать жизнь снова... Может быть, снова выбрал историю, но теперь взялся бы обучать детей. Правда, в этом плане я два года потрудился в Историко-архивном институте на кафедре истории СССР. Однако в ВУЗе не было ощущения открытий, поиска, тяги к архивному документу и, особенно, к тому, что создаешь сам на чистом листе бумаги. Этого чувства ничем не заменить, оно сложно поддается объяснению. Это уже особенность и специфика специалиста-исследователя.

2. Считаете ли Вы, что занятие исторической наукой сказывается на характере и восприятии мира? Если историки это особая каста, то какая именно? Как Вы относитесь к известному высказыванию, что «история это политика, опрокинутая в прошлое»? Разве не правда, что отношение к прошлому сильно зависит от текущей политики и что каждое поколение людей по-своему переписывает историю? Прислушиваетесь ли Вы в профессиональной деятельности к высказываниям на исторические темы руководителей страны? Какую роль в исторической науке играла и играет самоцензура?

На первый вопрос я ответил бы «да». Более того, история не только восстанавливает событийный ряд, она вызывает и жажду познания, проникновения в его суть. Несомненно, она во многом переворачивает сознание, формировавшееся в обществе, школе и ВУЗе, делает более стойким духовно, позволяет объективно воспринимать окружающую реальность. Ведь история это не только прошлое, она база для формирования настоящего, она прогноз будущего. И вот с учетом этих составляющих историка можно отнести к особой категории людей — «касте мыслящих».

У историков нет возможности расслабляться. Где бы они не находились, их постоянно будоражат мысли — проработка нового, дополнение уже сложившихся подходов к освещению событий. Они, как говорят, всегда в работе. Помню период обучения в аспирантуре. Возвращаешься после работы в Библиотеке им. Ленина в 11 часов вечера, но работа продолжается и во сне, созревают новые конструкции на базе прочитанного. Встаешь и записываешь на лист бумаги, чтобы к утру не позабыть.

Несомненно, есть доля правды в утверждении, что история это политика, опрокинутая в прошлое. Но долг историка, по-моему, и заключается в том, чтобы заставить это «прошлое» работать и на сегодня, и на будущее. А то, что отношение к прошлому зависит от текущей политики, ощутил и сам на практике. Работая в сфере национальной политики, в беседе с министром В.А. Михайловым (он также историк) предложил воспользоваться прошлым опытом и сформировать в стране систему представительств министерства в субъектах федерации. Министр живо откликнулся на предложение. После проработки вопроса в правительстве возникла система представительств федерального центра с общим штатом более 4 тыс. специалистов. Это заметно оживило работу всего направления в сфере государственной националь-

ной политики, усилило возможности решения многих проблем и в центре, и на местах, повысило авторитет министерства.

Что касается науки, имеются устоявшиеся точки зрения, концепции, поэтому вряд ли надо переписывать историю. Однако это вовсе не отвергает возможность внесения корректив. Они жизненны и необходимы.

Например, долгие годы занимаюсь изучением проблемы принудительных переселений народов на территории Союза ССР. Когда в начале 1990-х гг. эта тема стала доступной для изучения, все исследователи в один голос использовали только одно прочтение — «депортация». Однако сама жизнь внесла коррективу. Всестороннее изучение проблемы не только историками, но и правоведами, философами, политологами, социологами, этнографами, позволило сделать совершенно иной вывод применительно к СССР, который сводится к тому, что более точно применять к этим событиям термин «принудительное переселение». Дело в том, что эти процессы совершались в рамках единого государства, на едином пространстве в едином правовом поле, и проводились в интересах государства, имевшего право на ритомсацию (ответные действия) с учетом экстремальной обстановки, обусловленной войной 1941—1945 гг. и ее специфическими условиями. Однако это не означает, что нужно отбросить понятие «депортация». Оно больше характеризует курс по отношению к группам китайского, иранского, курдского, корейского населения, депортировавшегося за рубеж, на свою историческую родину.

Утверждение же, что отношение к прошлому сильно зависит от текущей политики, по-моему, верно, если это становится необходимым для настоящего и будущего. Текущая политика не может переделать прошлое, она базируется на нем, и не только должна, но и обязана извлекать все то полезное, что накоплено прошлыми поколениями, бережно относится к опыту прошлого с целью улучшения жизни общества.

Занимаясь современной историей, ощущаешь, что это дело не из легких. Это как стремление ухватить за хвост жар-птицу. Наверное, искусство историка — не пренебрегать возможностью прогнозирования, базируясь на своем жизненном опыте, накопленных знаниях, не опасаться этого. Историк не может не учитывать «трактовки руководителей страны». Например, я никогда не

соглашусь, что воссоединением Крыма мы нарушили международное законодательство. Оно было нарушено не в 2014 г., а ранее, по причине пренебрежения интересами народов. Территории государства, как и народы, проживающие на ней, не дарят и не передачивают, даже в состоянии большого «возлияния». И в конкретном случае возникает множество вопросов именно к тем, кто подписывал документы без обращения к народам Крыма. Почему мировое сообщество не должно признавать итоги референдума? Он проведен с соблюдением международного законодательства.

Определенной сложностью отличается вопрос о «самоцензуре». У каждого историка-исследователя она должна быть своя. Это уже чувство профессиональное.

Та цензура, которую выполняла производственная часть Ученого совета Института — это наследие социалистического прошлого. Такого, однозначно, быть не должно. Мало-мальски отмеченная несостоятельность той или иной обсуждаемой на Ученом совете работы — сразу же автоматически становишься как бы «врагом» автора. Более того, в это судилище вовлекаются и специалисты центра, в котором работает автор. А ведь каждому исследователю выданы государством диплом и статус кандидата или доктора наук. Соответственно, по закону он имеет право на выполнение научных работ, за которые несет полную ответственность. Подготовленное исследование должно обсуждаться в центре, группой специалистов по проблеме, и это заключение — главное.

Мне пришлось выдержать натиск в суде по вопросу истории корейцев в России. И когда я обратился к судье Черемушкинского районного суда г. Москвы с просьбой направить книгу на заключение в Ученый совет Института, то ответ был четким. У нас есть закон о печати, роль Ученого совета там не обозначена. Степень Вашей вины определит только суд. Этот закон должен быть в каждом научном центре и авторы должны руководствоваться им, а не рекомендациями собравшихся членов Ученого совета, представляющих разные направления науки.

Самый важный вывод — отказаться от стереотипов. Ученый совет в условиях современности должен решать иные задачи — пополнять ученых новыми знаниями, расширять их кругозор путем заслушивания докладов директора Института, его заместителей, представителей смежных наук из других институтов, ру-

ководителей и практиков государственных структур. А слушать доклад, по которому говорить ни о чем, не получив при этом импульса для своей работы, это напрасно потраченное время. Самоцензура в том, что ты гражданин государства Россия, ты обязан чувствовать, что тебе самому необходимо, как и обществу, в котором ты живёшь.

3. Где и какое Вы получили образование? Расскажите о годах учебы (преподаватели, атмосфера на факультете, процесс обучения, быт и т.д.). Кто из ученых, с которыми Вас сталкивала судьба, произвел на Вас наиболее сильное впечатление в молодости и в более зрелые годы? Кто повлиял на Ваше становление как на ученого? Кого считаете своими учителями в науке?

Путевкой в мир знаний для меня стало обучение в метеорологическом техникуме: постижение такой дисциплины, как география в самом ее широком определении, метеорологии, климатологии, актинометрии, геодезии. В техникуме отношение к учащимся несколько иное по сравнению с университетом, там ты ощущаешь себя оторванным от дома, не всегда уверенным в том, правильно ли поступаешь, и педагоги в определенной мере заменяют родителей. В памяти осталась наша преподаватель Т.М. Шкурихина — истинный знаток аэрологии: науки, связанной с проведением исследований погоды на самолетах-лабораториях и зондированием атмосферы.

В университете совершенно иная ситуация. Первый курс — углубление, а на втором — трепетное ощущение взрослости, самостоятельности, серьезного отношения к учебе. И это я всегда ощущал, будучи заместителем секретаря комсомольской организации, когда студенты с дельными, конструктивными предложениями активно участвовали в общественно-политической жизни университета, выступали инициаторами многих начинаний. Это им помогало накапливать опыт и для будущей работы.

Моя учеба проходила в многонациональном коллективе: русские, кабардинцы, балкарцы, украинцы, осетины, евреи. Необыкновенно, по-студенчески дружным был коллектив. Я помню всех своих университетских друзей — Анатолий Кажаров, Юрий Асанов, Мухарби Саблиров, М. Фомин и многие другие. Прошло много лет, но мы не теряем связи. Почти все преподаватели в свое время прошли подготовку в московских ВУЗах. Особый интерес

я проявлял к лекциям Я. Хейфица (новейшая история), Т.Т. Шиковой (этнография), Т.Х. Кумыкова, И.Ф. Мужева, Ч.Э. Карданова, Н. Карданова (история СССР), Б.Х. Мокова (история Средних веков), А.Х. Касумова (Новая история). Но лавры первенства и авторитета отдаю Т. Шиковой. Ее лекции были содержательными, а главное увлекательными. Она была строгой, но и доброй. Наверное, она в наибольшей мере оказала воздействие и на мое становление как ученого. Уже как специалист, работая в Институте истории СССР АН СССР, я поддерживал отношения со многими другими преподавателями университета.

Лекционные курсы были интересными. Конспекты их я сохранил до сего времени. Несомненно, каждый преподаватель, читавший курс истории той или иной республики, особенно гордился своим отчим краем. Один из преподавателей как-то в лекции, отмечая хозяйственное развитие в 1920-е гг., констатировал, что «за короткие сроки был воздвигнут гигант — чулочно-носочная фабрика». На вопрос, каким был объем производства, он ответил — 250 пар носков и чулок. Так и осталось за ним прозвище «чулочно-носочный гигант». Вообще обстановка в ВУЗе была благоприятной. Запомнились экскурсии в столицы Закавказья, по Военно-грузинской дороге²; работа в колхозах республики; в археологической практике. Что касается быта, то он мало чем выделялся. Не хватало мест в общежитии, и многие студенты проживали в частном секторе. Но студенту много ли надо? Весь световой день в читальном зале библиотеки, кино, театры, товарищеские встречи...

4. Расскажите, как и когда Вы пришли в Институт, что он представлял собой в те годы? Опишите Ваши первые впечатления. Каковы были в нем обстановка и условия работы, взаимоотношения внутри коллектива, отношения к начальству? Были ли в Институте неформальные лидеры?

В 1968 г. ученым советом университета я был рекомендован для поступления в аспирантуру Института истории СССР. Это для меня был неведомый мир. Впереди Москва — дух захваты-

---

² Историческое название дороги через Главный Кавказский хребет, соединяющей города Владикавказ (Северная Осетия) и Тбилиси (Грузия). Также известна как Дарьяльский проход.

вало! Однако чувствовал и испуг — не сильно ли высоко забираюсь? Помню как сейчас: экзамен по истории СССР принимал Л. В. Черепнин. Впервые видел академика. Мои скромные знания оценивали также член-корреспондент АН СССР Ю. А. Поляков, профессор П. Н. Соболев, кандидат исторических наук Анатолий Разгон, проверявший мой научный реферат. На экзаменах напряжение почему-то зашкаливало. Был непродолжительный разговор с Черепниным. Все экзамены были сданы успешно. С Анатолием Разгоном мы стали в последующем соседями. Однако некоторое время спустя он убыл на жительство в США.

Короткий перерыв — и направление по научным интересам в сектор истории Великой Октябрьской революции и Гражданской войны (руководитель — П. Н. Соболев, ну очень угрюмый человек). Знакомство с коллективом, представление аспирантов. Обстановка была в основном доброжелательной. Порядок работы, форма общения, конечно, заметно отличались от прежних дел. Обязательное посещение заседаний сектора в «присутственные дни» было незыблемым правилом. Ко всему этому необходимо было привыкнуть и выстраивать свою работу. Постепенно происходило знакомство с учеными, занятыми в секторе, с их стороны проявлялся интерес, советы, рекомендации, что прочитать по избранной теме, с чего начинать. Каждым из них важное место отводилось индивидуальной работе. Первые два года фактически целиком провел в библиотеке, архивах, были прочитаны десятки книг, изучены архивные документы, воспоминания участников событий и прочие источники, касающиеся исследуемой темы. Сам для себя сделал вывод о необходимости познакомиться с научными трудами коллег, что и было сделано. Это заметно облегчало участие в дискуссиях по разным вопросам истории этого периода, их понимание и восприятие. Следует заметить, что в них активное участие принимал аспирант В. П. Булдаков. Чувствовалась его основательная подготовка в период обучения в Московском университете. Сектор сыграл важную роль в становлении молодых специалистов-историков, ставших в последующем известными советскими и российскими учеными.

Из-за разделения Института истории АН СССР в Институте истории СССР был произведен набор больше обычного числа

аспирантов — будущих специалистов по разным периодам истории (как досоветского, так и советского). Я познакомился с Павлом Зыряновым, Геннадием Александровым, Василием Шейко и многими другими. Среди аспирантов уже тогда выделялись нелегальные лидеры. Одним из них я назвал бы Валентина Валентиновича Шелохаева. Он пришел в аспирантуру наиболее подготовленным и оказывал многим из нас помощь — и советом, и редактурой текстов, и просто товарищеским отношением. Никогда не отказывался прочесть подготовленный вариант статьи, сопровождал текст пометками мест, требующих усиления, обращал внимание на приоритетные вопросы темы. Его научные познания отличались широтой. Он интересовался в равной степени как проблемами досоветской, так и советской истории, был интересным собеседником. Способен был выслушать доводы оппонента и высказать свое мнение.

Мы с особым прилежанием обучались в аспирантуре. Естественно, старались не попадаться начальству на глаза, т.к. это могло завершиться получением нового поручения — как всегда невовремя. Создавалось впечатление, что всегда начеку было и общество «Знание»³. Благодаря этому я быстро научился ориентироваться в Черемушкинском районе г. Москвы. Главное требование — своевременно подать отчет о работе за год, о выполнении планового задания.

Меня поражало одно — каким образом все из дирекции знали аспирантов по имени.

5. Расскажите об условиях научной деятельности в Институте? Как они менялись в разные годы и от чего это зависело? От идеологических кампаний, от фигуры начальника? Расскажите, как идеология влияла на научные исследования (опишите конкретные случаи). Цензура, запретные темы, ограничения доступа к архивам? Каким образом удавалось минимизировать влияние идеологии? Помните ли Вы скандальные ситуации, факты неповиновения начальству или господствующей идеологии, научные дискуссии?

---

³ Всесоюзное общество «Знание» — создано в 1947 г., занималось пропагандистской деятельностью (в т.ч. антирелигиозной) среди населения СССР путем чтения лекций, а также издания соответствующей научно-популярной литературы.

Что касается организации научной работы, то в данном случае многое зависело от того, насколько благодушным было расположение к тебе научного руководителя. Этому вопросу я посвятил целую статью⁴. Моим «научником» стал Ефим Григорьевич Гимпельсон – ведущий сотрудник сектора истории Октябрьской революции и Гражданской войны, уже известный в научном мире своими глубокими научными исследованиями, пользовавшийся авторитетом и признанием. Он все расставил по своим местам, появился план работы.

Осваивая методы исследовательской работы, я очень многое позаимствовал у своего руководителя. Манера общения Е.Г. Гимпельсона с учениками была незаурядной. «Молодой ученый, – отмечал он, – не должен проводить все время за книгами, стремиться подготовить свое исследование именно в отведенное время. Этому правилу следовать не стоит. Необходимо размеренный ритм жизни, благодаря которому на все хватает времени...». Наши отношения стали более наполненными, когда мы с другом по университету – литератором из Кабардино-Балкарской АССР Борисом Тетуевым – стали обучаться катанию на коньках. Это происходило в Парке культуры и отдыха им. М. Горького. И однажды на аллее парка лоб в лоб столкнулись с Ефимом Григорьевичем. Какая же радость светилась в его глазах при этой встрече, и, естественно, последовала масса возгласов, и похвалы. Оказалось, что он слыл опытным конькобежцем, в молодости занимался фигурным катанием. И тут же сам преподавал нам уроки катания на коньках. Конечно, за ним было не угнаться... Скорость, умение владеть собой, четкие развороты и т.д. С этих пор он стал нашим тренером, эти встречи зачастили – мы посещали каток в парке уже по договоренности, устраивая отличные соревнования.

К защите диссертации уже было все готово. Своей очереди пришлось ждать год, такова была реальность. 16 декабря 1971 г. состоялась защита моей диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук по теме революционных комитетов Северного Кавказа, их роли в борьбе за советы. Голосование

---

⁴ *Бугай Н.Ф.* Институт истории СССР АН СССР: продолжение моих университетов // Мастер и наука. Вспоминая, исследуя, подводя итоги. Памяти Е.Г. Гимпельсона. М., 2011. С. 20–33.

было абсолютным, но, помнится, после ужина домой я пришел полностью обессиленным. На второй день, выпавшись, почувствовал себя опустошенным, не знающим, чем же заняться. До этого было чувство, что ты из последних сил ползешь в гору, тебе надо обязательно добраться до вершины. И вдруг такая пустота... Конечно, сам процесс по преодолению первого рубежа в науке не такое легкое мероприятие. Оно поначалу даже не дает почувствовать, кем ты стал, каким образом тебе определяться в дальнейшем выборе... Но постепенно дела отвлекали от этого состояния и мыслей. Появлялись новые заботы и новые задания. А первое задание, уже в статусе ученого, заключалось в присутствии как сотрудника Института на научной конференции по проблемам Гражданской войны 1918–1920 гг. («участие по разнарядке»).

В последующем два года я проработал в Историко-архивном институте и возвратился в Институт истории СССР. Выполнял обязанности ученого секретаря четырехтомника «Истории народов Северного Кавказа с древнейших времен до наших дней». Первые два тома вышли в свет и были посвящены истории до 1917 г. (руководитель авторского коллектива и главный редактор академик А.Л. Нарочницкий). Третий том, посвященный советскому периоду, был также готов к изданию, однако нахлынувшие преобразования явились препятствием к появлению его на свет.

В ходе работы в Институте идеологический компонент, несомненно, был ощутим, определялся установками, исходившими от Отдела идеологии ЦК КПСС, но это одновременно повышало роль истории в обществе. Она была постоянно востребованной как наука, хотя одновременно царил и жесткая цензура, в том числе со стороны небезызвестного Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Это в определенной мере коснулось и меня. В Ростове-на-Дону защитил докторскую диссертацию по проблеме донского казачества Д.С. Бабичев⁵. Он отметил революционную сторону казачества, что противоречило установкам ЦК. Работу направили на дополнительный отзыв в сектор истории Октябрьской революции нашего Института с целью подготовки заключения. В отзыве я поддержал точку зрения автора, в том числе и о революционной составляющей в жизни казаков России. Что тут началось! Звон-

---

⁵ Название докторской диссертации Д.С. Бабичева – «Донское казачество в трех русских революциях». Защищена в 1972 г.

ки не умолкали, особенную ярость проявлял д.и.н. Л.М. Спирин. В итоге был подготовлен новый вариант отзыва, более совместимый с указаниями. Конечно, его еще корректировал Институт марксизма-ленинизма. Сопrotивление было бы напрасным. Это яркий пример приспособленчества к методам управления наукой, следования требованиям идеологии. Хотя в итоге такое заключение отразилось и на самом авторе — вскоре его не стало. Аналогичной была ситуация с диссертациями Глушакoва (Северо-Осетинская АССР), Н.И. Иванько (Ставропольский край) и др.

К особому случаю я отнес бы работу в архивах. Когда целый месяц работаешь с киноплёнкой, а затем сдаешь тетрадь на проверку (цензура) и в итоге получаешь такой ушербный остаток из зафиксированных документов, то впечатление от этого, и тайные мысли по этому поводу, не передать словами. Тем не менее, легко проходила работа в архивах вне Москвы. До сих пор вспоминаю работу в Государственном архиве Чечено-Ингушской АССР. Она строилась на доверии, специалисты входили в положение исследователя (всегда не хватало времени). Один раз меня даже «закрыли» в читальном зале, но ключ от двери был оставлен и внутри. Это было в предпоследний день моего пребывания. Работал я наедине с документами до 23 часов, по ночному Грозному возвращался в гостиницу «Чайка», что располагалась на берегу р. Сунжа, к сожалению, ее сейчас нет. Такое отношение архивистов к исследователю всегда вызывало положительные эмоции.

Следует заметить, что помогало осваивать тему активное участие в межсекторских дискуссиях, совместных заседаниях. В нашем секторе обсуждались злободневные в то время темы о движущих силах революции, роли партийных организаций, фракциях большевиков в Советах, НЭПе, военно-пролетарской диктатуре, шли споры по вопросу об этапах Гражданской войны в России. Доктор исторических наук Н.Н. Азовцев (Институт военной истории Министерства обороны СССР) разделял ход Гражданской войны на пять самостоятельных этапов. П.Н. Соболев считал, что не следует увлекаться нагромождением лишнего, дроблением процесса, и в войне отчетливо прослеживал только три этапа, остальные расценивал как надуманные. По его мнению, победа над армиями Деникина и Врангеля предопределили окончание Гражданской войны. Неоднократно такие обсуждения принимали острую форму.

Случалось, что не обходилось и без курьезов. Один из докладчиков о роли и месте политических партий в революционном движении в России перепутал слова «лакуна» и «лагуна». В течение 30 минут он излагал свою точку зрения о том, каким образом эти партии заполняли лагуны. И когда ему аккуратно подсказали, что это «не в ту степь», надо переставить слова, то он без тени смущения заметил: «Вот надо же», и продолжил свое повествование.

6. Каким было отношение к молодежи? Правда ли, что Институт считался консервативным, что раньше 40 лет считалось неприличным выходить на защиту докторской диссертации?

Что понимать под консервативностью? В Институте всегда существует возможность для активного участия в жизни города, страны. Более того, участие в научных конференциях вне Института оплачивалось. Имелась возможность спланировать научную командировку. Мои командировки длились до 30 дней, были связаны с работой в архивах Махачкалы, Ростова-на-Дону, Краснодара, Владикавказа, Нальчика. Все это позволило собрать богатый материал, да и узнать содержание архивов. Одним словом, у аспирантов имелась возможность в срок завершить подготовку работы, ну а до дня защиты продолжался процесс «вызревания». Все, кто поступил в аспирантуру в нашем потоке (1968), подготовили диссертационные работы в отведенный срок.

Не забывали и об организации отдыха аспирантов. Этот вопрос решал профком Института. В целом жизнь протекала интересно и увлекательно. На долгие годы остались в памяти экскурсии по историческим местам страны: Суздаль, Есенинские места, Владимир, Ярославль, Чехов, Кишинев, Кизи, к другим памятникам духовного наследия России. Сочетание отдыха с трудом давало положительные результаты.

Я впервые слышу о том, что в Институте не приветствовалась защита диссертации на соискание ученой степени доктора наук. Это не так. Я сам был длительное время ученым секретарем специализированного совета по защита диссертаций. Просто коллеги видели тех ученых, кто слишком спешил, но чувствовалось, что не готов, такие разговоры имели место.

Свою докторскую диссертацию я защитил 12 декабря 1985 г. по теме «Революционные комитеты — чрезвычайные органы

Советской власти (1918–1921 гг.)». Уже не было такого «землетрясения», такого внутреннего напряжения, которое испытывал при защите кандидатской диссертации. Появились уравновешенность, определённая уверенность, формирование более емких выводов, предложений. Более того, посещение подобных мероприятий ранее также помогло правильно расставить акценты при защите и вселило определенный настрой.

Следует отметить, что в качестве оппонентов выступали ученые, известные как в Союзе ССР, так и за рубежом: член-корреспондент АН СССР Ю.А. Поляков (Москва), профессор А.И. Козлов (Ростовский университет), профессор Н.Н. Азовцев. Дискуссия проходила на высоком научном уровне и носила конструктивный характер. В итоге голосование по защите было единогласным. Обсуждение продолжалось и в домашней обстановке. Оно протекало бурно и эмоционально. Во «второй дискуссии» участвовали самые близкие друзья – В.В. Шелохаев, П.Н. Зырянов, В.П. Булдаков, А.Е. Иванов, В.А. Шестаков и др. Эта акция уже проходила в Теплом стане. Решение и этой задачи на жизненном пути осталось позади.

7. Расскажите об общественных настроениях и общественной жизни в Институте в разные годы. Были ли Вы членом партии и комсомола? Какова была роль парткома и какие воспоминания о деятельности парторганизации и её лидеров у Вас остались? Была ли от парткома польза? Что Вы помните из общественной жизни Института периода «оттепели» и «перестройки»? Как работал профком?

Наверное, будет правильным отметить, что поток от потока аспирантов всегда имел отличие. Что касается нас, поступавших в 1968 г., то это были историки после службы в армии, преподаватели истории, их отличало серьёзное отношение к науке. Многие уже были членами партии, некоторые вступили в её ряды в аспирантуре. Для историка как представителя сферы идеологии это было важным.

Я не помню какого-либо частого вмешательства в личную жизнь со стороны парткома Института, наоборот, всегда ощущалась поддержка аспирантов. Главная направленность в работе парткома – поддержка линии партии в обществе, в науке. Я и сам некоторое время оставался членом парткома. Мне это не мешало. Правда, отвлекало от главного дела, но в постоянных заботах

и протекала наша жизнь. Наверное, сказывалось то, что я длительное время до этого занимался общественно-политической деятельностью (комсомол, техникум, ВУЗ, армия).

Партийные собрания в Институте, как правило, проходили в бурной обстановке. Каждый мог обозначить свое мнение. И особенно были бурными выборы в партком. Нахождение в его составе считалось почетным, но объяснить, почему это так, трудно. Там ведь никакие блага не предусматривались, только дополнительная нагрузка. Вероятно, человек ощущал себя востребованным в коллективе, появлялось чувство особой важности и в обществе.

В середине 1980-х гг. советское государство вступило в новый этап своей истории. Политическое руководство страны было убеждено в необходимости глубоких изменений во всех сферах общества, которые придали бы им новый импульс развития. Лозунгами дня стали «перестройка», «ускорение», «демократизация», «гласность». Власть намеревалась вовлечь в решение приоритетных государственных задач различные слои населения. Наука не была исключением. В годы «перестройки» ученые сыграли большую роль в процессе этнической мобилизации, получив возможность обратиться к проблемам истории народов, и в первую очередь национальных меньшинств, в том числе тех, кто испытал на себе сталинскую политику управления национальными процессами. Наш Институт также реагировал на эти изменения в обществе. В секторе истории межнациональных отношений, который я возглавил в конце 1980-х гг., царил спокойная, рабочая обстановка. Коллектив ученых набирал темпы в работе, появились и первые итоги: публиковались коллективные монографии, статьи, проводились научные конференции по проблемам этнических отношений, готовились для государственных структур аналитические записки, информационные справки. Запоминающейся осталась совместная поездка по заданию ЦК КПСС в Якутскую АССР в составе группы специалистов во главе с членом-корреспондентом АН СССР Андреем Николаевичем Сахаровым для проверки работы Института истории, экономики, литературы и языка ЯАССР. Все шло своим чередом.

Наряду с этим протекала в Институте и жизнь профкома, имея четкий план своей работы. Им решались вопросы организации отдыха, при этом не только в рамках Института, но и по путевке

в санаториях, домах отдыха. Путевки были бесплатными. Сам трижды посещал Ессентуки.

8. Расскажите о неформальной стороне жизни Института (досуг, общественные мероприятия и т.д.). Были ли вечера, поездки, «капустники», встречи Нового года и т.д.? Институтский юмор? Были ли традиции, которые Вы считаете нужным возродить?

Общественная и культурная жизнь отличалась и спадами, и подъемами, но время ей отводилось большое. Это и кампании по чтению лекций, встречи с сотрудниками киностудии «Мосфильм», посещение театров, художественных выставок, музеев и многое другое. В нашу аспирантскую пору в Институте уже не проводились «капустники», но воспоминания о них сохранялись.

Одно из таких мероприятий запечатлелось в памяти, когда предприняли попытку возродить это начинание. В один из праздничных дней специально сформированная для этой цели комиссия устроила проверку на знание истории Союза ССР. Возглавлял комиссию д.и.н. С.С. Хесин. Но, как показал опрос участников вечера, полным знанием никто не блистал. Даты событий во многих случаях смещались по времени на целую эпоху. Одним словом, обнаружился массовый провал в памяти. И когда каждого спросили, почему он назвал к объявленному событию совершенно иную дату, смех в зале не смолкал. Однако в последующем на праздничные вечера уже приглашались артисты-профессионалы.

9. Опишите повседневную жизнь Института и его сотрудников в разные годы. Что обсуждали и о чем мечтали сотрудники? Всегда ли были присутственные дни во вторник и четверг? Каков был уровень зарплат в разные годы и что он значил? Какие имелись льготы и привилегии (машины, квартиры, др.)? Были ли подработки и какие?

Если обратиться к традициям Института, то следует в первую очередь назвать торжества, приуроченные к праздникам, связанным с годовщиной Великого Октября, 8 марта и другими историческими датами. В секторах было приподнятое настроение, царил праздничная атмосфера. Сначала за праздничным столом произносил тост заведующий сектором. Через некоторое время все проходили в зал заседаний, где директор поздравлял коллектив Института. И эта добрая традиция сохранилась и в наши дни.

В связи с тем, что Институт имел широкие связи и с союзными, и автономными республиками, зачастую устраивались «посиделки» с национальным колоритом. Тогда на всех этажах ощущались запахи национальной кухни. Это означало, что в Институт приехали узбеки, казахи, потчуют своим пловом. И в этом было что-то особенное, подчеркивающее богатство культур страны, менталитет каждого народа, проявление его гостеприимства и умения быть в гостях. Конечно, сегодня эти традиции изменились, но их сохранение необходимо в коллективах — они содействуют сплочению и общению в неформальной обстановке.

Остались традицией и «непоколебимые» дни недели: вторник и четверг. Иногда появляется стремление увидеть тот исторический документ, который их установил. Интересно, что в других институтах присутственными днями избраны, например, понедельник и пятница. Объясняют это тем, что после пятницы есть возможность выполнять задание в субботу и воскресенье, чтобы не откладывать в «долгий ящик». В этом также есть смысл.

Определенный колорит приобретали и дни выдачи зарплаты. К кассе направлялись один-два специалиста и занимали очередь на весь сектор, сотрудники которого постепенно подтягивались, и это казалось бесконечным процессом для стоявших в очереди. Фактически этот рабочий день как бы выпадал, т.е. он был, но принимал несколько другую окраску — «информационно-бытовую». Очередь у кассы — это особая площадка для общения. Здесь звучали разного плана «вести» со всего света, которые транслировались далее по-своему. Можно было узнать, кто где побывал, с кем встречался, кто женился или успел развестись. Ты невольно становился свидетелем «многого и емкого». И для этих очередей было иногда свойственно выражение «а Вы тут не стояли». Но и в этом можно найти что-то родное.

Как бы ни была сложна жизнь обремененного заботами историка, но в плане получения дополнительных заработков было «уютнее», что ли. Дело в том, что всегда платили гонорары за опубликованные статьи и рецензии. К сожалению, все это обесценилось. Удовлетворение как раз исходит, прежде всего, от подготовленной и опубликованной статьи, но не от денежного вознаграждения. В прошлом было и больше льгот для ученого. Приобретение машины — по очереди, получение квартиры — вообще эпохальное событие. В условиях современности это означает баснословные деньги.

10. Отношение к иностранцам и к загранице. Какие были в советские времена возможности для общения с зарубежными учеными и выезда на конференции за рубеж? Какие формы контроля Вы помните? Были ли в Институте «невыездные» и диссиденты?

Самостоятельной стороной жизни Института оставались международные связи. Для меня это направление приобретало особый смысл, так как в течение семи лет (1977–1984 гг.) я занимал пост ученого секретаря по международным связям. На меня возлагалась полная ответственность за состояние и ведение международных научных связей коллектива Института, вся организационная работа по приему, обустройству ученых из стран социализма и капиталистических государств. Конечно, приобрел богатый опыт работы. Институт в то время осуществлял 28 научных проектов с родственными учреждениями многих стран. Появилось и особое чувство, способность распознавать, с какими целями приезжал из зарубежья тот или иной ученый. Некоторые из них занимали весьма странные позиции, притом далекие от науки — их больше интересовало положение в стране, сфера государственной идеологии. Тем не менее, отношение к зарубежным коллегам было ровным, т.е. без особого визга. Число выезжавших в деловые поездки составляло ежегодно от 20 до 60 человек.

Самым неприличным в этом направлении оставался поход в Черемушкинский горком КПСС на заседание спецкомиссии по утверждению характеристики. Это наследие прошлых лет чувствовало себя незыблемо, и порой вызывало раздражение — когда два старика устраивали своеобразный, никому не нужный экзамен с вопросами типа «Ваше отношение к главе государства, куда вы отправляетесь в командировку на два дня». Контроль это или нет, судить сложно, но то, что это была реальная нелепость — бесспорно.

В целом же в этом направлении жизнь в Институте оставалась насыщенной. Главной составляющей в этом плане, конечно же, выступало сотрудничество с учеными стран соцлагеря, с которыми поддерживались тесные контакты. Этому содействовал и жесткий контроль над исполнением совместных проектов. Поражала дисциплинированность коллег из бывшей ГДР. Если срок готовности проекта назначен на 20 октября, то это означало, что 20 октября последуют стук в дверь и представление проделанной работы. Это был пример для подражания. Такой порядок транс-

формировался в традицию. Это и свидетельство особого уважения к коллективу ученых. В большей мере все проекты исполнялись в срок. Сотрудничество с учеными капиталистического мира не всегда завершалось изданием коллективных работ, однако ученые Института были частыми участниками проходивших в США научных конференций по проблемам истории России.

С интересом занимались совместной разработкой многих вопросов в сфере культурного строительства ученые институтов истории Вьетнама, Чехословакии, Монголии. Это был и яркий пример для организации сотрудничества между нашими союзными и автономными республиками. И он был налажен и поднят на высоту. К сожалению, сегодня это все разрушено. Причины две — безденежье и полное отсутствие инициатив и желания сотрудничать в этом направлении, что оборачивается потерей контактов. Ученые республик слабо представлены в наших печатных органах, отсутствует долевое издание трудов и разработка научных тем. На мой взгляд, это большое упущение. В научных центрах на местах появилось много интересных молодых ученых, о которых мало чего известно. Этому направлению придается большее значение в Институте этнологии и антропологии РАН.

Было бы целесообразным обратить внимание на эту сторону в работе институтов и определить одним из показателей работы нашего Института уровень связей с институтами российских республик, а не увлекаться бесконечной подготовкой мало что дающих отчетов — они не содействуют развитию науки.

11. Чем Вам запомнилась жизнь Института в 1990-е гг.? Как Вы и Ваши коллеги выживали? Была ли возможность сменить вид деятельности? Почему остались в науке? Получали ли Вы и Ваши коллеги иностранные гранты, часто ли ездили за рубеж, что изменилось в плане научного общения после падения «железного занавеса»?

1990-е гг. в моей жизни были связаны с переходом на работу в Министерство по делам национальностей Российской Федерации⁶. Утверждать, что у меня было огромное желание делать та-

---

⁶ В 1992 г., когда Н.Ф. Бугай получил приглашение, ведомство носило название Государственный комитет РФ по национальной политике. В последующие годы (до 2002 г., когда Н.Ф. Бугай перешел на работу в аппарат Правительства РФ), оно неоднократно реформировалось, меняло статус и названия: Государственный комитет РФ по делам федерации и национальностей,

кой шаг, я бы не стал. Не помню, каким образом я был привлечен к этой задаче, но точно помню, что я не собирался переходить на какую-либо государственную должность, меня полностью устраивала работа в Институте. Просто был вызван в срочном порядке к тогда заместителю председателя правительства РФ С.М. Шахраю. Высказывание несогласия ничего хорошего не сулило. Таким образом, с четвертого захода я стал чиновником. Конечно же, мучил вопрос — возможен ли возврат в науку? Встречи с Е.Г. Гимпельсоном и директором Института А.Н. Сахаровым внесли спокойствие в ситуацию. «Если не получится, возвращайтесь в Институт. Это жизнь, необходим и поиск своего места, и своего “Я”. Необходимо ко всему спокойное отношение. Ничего в этом предосудительного нет», — заметил Ефим Григорьевич. Разумеется, все зависело лично от меня. Я не прерывал отношений с Институтом, благодарен своим друзьям за поддержку.

Следует отметить, что в 1990-е гг. обстановка и положение для ученых и чиновников второго эшелона мало чем отличались. Трудности в материальном отношении особенно были характерны для первой половины 1990-х гг. Фактически приходилось начинать все с нуля. Низкие зарплаты, нехватка продовольствия, отсутствие транспортных средств. Современное положение чиновников по всем параметрам несравнимо с положением ученых. Трудно приходится представителям гуманитарных наук. В исследовательском плане сократились целые направления исторической науки, которые ранее активно исследовались. В Институте значительно сократился потенциал «высокого ранга» в науке — академиков и членов-корреспондентов, владеющих огромным запасом знаний и богатого жизненного опыта. В 1970—1980-е гг. в стенах института работали 4 академика, 3 члена-корреспондента АН СССР. В 2000-е гг. трудились один академик Г.А. Куманёв и один член-корреспондент РАН А.Н. Сахаров. Правда, в 2016 г. был избран членом-корреспондентом от коллектива ученых Института В.С. Христофоров.

Министерство РФ по делам национальностей и региональной политике, Министерство по делам национальностей и федеративным отношениям РФ, Министерство региональной и национальной политики РФ, Министерство национальной политики РФ, Министерство региональной политики РФ, Министерство по делам федерации и национальностей РФ, Министерство по делам федерации, национальной и миграционной политики РФ.

Многие из чиновников направлялись учиться в Болгарию, Германию, Японию, Австрию тому, каким образом надо внедрять капиталистический способ производства. Мы должны были одновременно учиться, как строить новую Россию. Поэтому не могу оценить воздействие «железного занавеса» на окружающий мир непосредственно в СССР, а затем и России.

12. Как Вы считаете, преподавание помогает или мешает занятию наукой? Можете ли Вы назвать институтские научные школы? Кого Вы назвали бы самым выдающимся историком Института, с которым Вам довелось общаться? Если бы Вас попросили составить портрет идеального историка, то какие важнейшие качества Вы бы назвали?

Вопрос о преподавании в ВУЗе актуален. По моему мнению, подобная форма работы обязательна. Одно из важных качеств ученого — совмещать два направления работы. Конечно, переход на преподавательскую работу заметно сокращает исследовательские возможности. Больше времени требуется для подготовки и лекционной, кружковой работы, решения прочих вопросов учебного процесса. Однако весь этот труд подчиняется главной задаче — обучению и формированию творческой личности и молодежи в целом.

Как правило, заведующие аспирантурой Института назначались приказом директора из высококвалифицированных сотрудников, способных заниматься и воспитательной работой, и научной. Главное направление деятельности аспирантуры профессор В.И. Буганов, курировавший ее работу по линии дирекции, видел не только в подготовке исследователей, но и специалистов высокой квалификации для работы в высшей школе, разных научных учебных заведениях страны. Мне также приходилось руководить одним из студенческих кружков в МГИАИ. Работа была интересной и ее итоги очевидны. Студенты овладевали навыками исследовательской работы, а сегодня некоторые из них стали докторами наук. ВУЗ — важная жизненная школа.

В 1980-е гг. мало велось разговоров о формировании научных школ. Это пришло в практику немного позднее. Однако и в гуманитарных институтах была развита кружковая работа. Среди аспирантов больше практиковалась лекционная работа. Непосредственно в Институте истории СССР с лекциями выступали

ведущие ученые страны – А.Л. Нарочницкий, Ю.А. Поляков, М.П. Ким, А.Н. Сахаров, Г.А. Куманёв, А.П. Кучкин, Н.М. Рогожин, обладавшие интегральной компетентностью, знавшие свое дело и умевшие вести за собой творческий коллектив.

Разумеется, что идеальных личностей не бывает. И для человека свойственны ошибки, недоработки, но главное – в умении преодолеть их, нести в мир примеры благородства, высокой культуры общения, знаний, чувство коллективизма. Вероятно, все это и определяет индивидуальность ученого, делает его неповторимым, обеспечивает высокий авторитет как в науке, так и обществе.

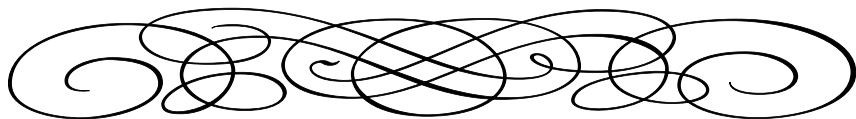
На мой взгляд, защитивши диссертацию, не становишься сразу же ученым. Это чувство необходимо сохранять во избежание появления болезни «восхищения самим собой». Необходим удвоенный упорный труд во имя продолжения начатого. Каждому ученому надо заниматься своим совершенствованием бесконечно. Остановиться в этом продвижении – тупик.

13. Как Вы оцениваете современную ситуацию в науке? Реформу РАН? Что бы Вы изменили в организации исторической науки? Ваше мнение о молодом поколении историков?

Ситуация в науке сродни ситуации в государстве, зависит в полной мере от стабильности в обществе. Бесконечные перестройки не приводят к улучшению положения, а наоборот, бюрократизируют науку, вносят элементы расхлябанности, безответственности, определенной «пофигистики». Ученый концентрирует внимание не на исследовании, а на мысли, как сохранить себя в этом мире, обеспечить существование. И мало помогают ему в этом реформы. Теряется чувство коллективизма, в научную среду проникает все больше отчужденности, чувства бессмысленности, недовольства. Уж если и вносить в науку нововведения, то они должны в первую очередь сочетаться с общегосударственными законами, а не базироваться на том, что кому взбредет в голову в высших эшелонах власти. Преобразования в науке должны иметь больше открытости, и быть прозрачными (особенно в гуманитарных науках). А сплочение коллектива на решение задач, поставленных обществом – дело руководства института.

И все же дальнейший успех работы Института остается за молодыми учеными-историками. Они различаются и своим тем-

пераментом, и уровнем подготовки, и способностью к научной работе, но, тем не менее, им предстоит обеспечить сохранение исторической науки как науки об обществе, удовлетворять запросы этого общества. Учитывая этот немаловажный фактор, молодым ученым не следует останавливаться на промежуточных успехах. Надо добиваться того, чтобы знания были плодотворными, результативными. Без наличия широкой информированности общества, учета опыта поколений, своего собственного жизненного опыта этого достигнуть невозможно.

Интервью с доктором исторических наук Владимиром Прохоровичем Булдаковым

Виталий Витальевич Тихонов: 5 июля 2016 года, 11:30.

Владимир Николаевич Круглов: Первый вопрос: расскажите о себе, о семье, о родителях. То есть откуда есть пошел Владимир Прохорович Булдаков? Как он стал историком?

Владимир Прохорович Булдаков: Во-первых, мои родители к истории никакого отношения не имеют. И в историческую науку я, можно сказать, попал неожиданно, наверно, для самого себя. А дело обстояло таким образом. Я решил, что из меня может получиться либо писатель, либо философ. Обычная юношеская дурь. В молодые годы бывает и не такое. Поскольку для того, чтоб поступить на философский факультет или куда-нибудь еще, требовался производственный стаж, я не придумал ничего лучшего (или худшего), как поступить на ист-фак МГУ. В общем, вляпался, не имея представления о том, что такое история вообще, чем она занимается, зачем она нужна. Точнее, имея крайне наивное представление на этот счет. Хуже другое: долго не мог опомниться, спохватиться. В общем, в эту историю я влип случайно. Или, напротив, неслучайно – откуда посмотреть.

В.К.: То есть в школе не было учителей-историков, которые вдохновили, наставили на путь истинный?

В.Б.: В школе я, естественно, любил историю. А кто не любил ее? Сказочки разные... Но надо вот что иметь в виду. Со мной в детстве случилась неприятная штука. Не помню, в каком классе

я напоролся на сталинский «Краткий курс»¹. Прочитал и пришел в ужас, совершенно обалдел. «Боже мой, — думаю, — какой я дурак! Не подозреваю, что кругом всякие гады копошатся — троцкисты, оппортунисты, ревизионисты» и так далее и тому подобное. Это был шок от сознания собственного невежества. Но в историю как в науку я, конечно, не поверил. В известной степени не верю до сих пор, но это уже другая история. Так что историком я стал достаточно неожиданно и случайно. Однако об этом никогда не жалел. Такого не было: не умею жалеть о случившемся.

В историческую науку я втягивался постепенно. В университете это продолжалось, кажется, до дипломной работы. Впрочем, как знать! Как-то случайно посмотрел в киноклубе гуманитарных факультетов фильм Акиры Куросавы «Расёмон»². Это был еще один шок: представление о случившемся зависит от угла зрения на него. Это то, что принято называть «принципом параллакса» — предмет меняет конфигурацию в зависимости от позиции наблюдателя. Это то, что должен в первую очередь иметь в виду историограф. Но Куросава отнюдь не втянул меня в историческую науку, скорее наоборот — вызвал к ней (в ее советском, марксистско-ленинском варианте) отторжение. Запомнился почему-то еще один фильм — «Дворянское гнездо» Кончаловского³. «Россия, которую мы потеряли»⁴ показалась невероятно красивой и внутренне загадочной. Через много лет, когда Андрей Сергеевич обратил внимание на мои писания, выяснилось, что и он восторгается Куросавой, гордится своим знакомством с ним.

В общем, в историю меня привели вовсе не историки, а люди совсем иного типа воображения и мышления — люди, пытающиеся понять прошлое изнутри, через человека той или иной эпохи и культурной среды. Но и после этого, в аспирантуре, мне

¹ «История ВКП(б). Краткий курс» — учебник по истории Всесоюзной коммунистической партии (большевиков), опубликованный в 1938 г.

² Фильм 1950 г., в котором история убийства самурая рассказывается с точки зрения разных участников и свидетелей, предлагающих свои, прямо противоположные версии.

³ Фильм 1969 г., снятый по мотивам романа И.С. Тургенева.

⁴ Документально-публицистический фильм С.С. Говорухина 1992 г., название которого стало крылатым выражением, обозначающим процветающую до-революционную Россию.

все еще не удавалось почувствовать себя исследователем. В конечном счете, втянулся. И совать нос туда, куда не полагалось, превратилось то ли в дурную привычку, то ли в ментальный наркотик — знание делает свободным. Конечно, осознание этого пришло лишь с возрастом. А пока деваться было некуда: взялся за гуж... Возможность выбора для ленивого гуманитария была тогда довольно ограниченной.

В.Т.: А о годах учебы в университете Вы могли бы рассказать? Атмосфера в обществе, люди, отношения между ними.

В.Б.: Вы знаете, я очень плохой был студент, очень плохой.

В.К.: Извините, в каком году Вы поступили?

В.Б.: Поступил я в 1962 году. Вы представляете, какое это было время. Закончил, соответственно, в 1967 году. Публика была самая разнообразная. А я действительно плохой был студент. Меня интересовала не история. Я чаще общался с людьми из смежных профессий: с философами, с филологами. В общем, не с историками. Это продолжалось, наверно, до последнего курса, пока моим научным руководителем не стал Сергей Сергеевич Дмитриев.

Это был человек уникальный — совершенно не советский. И самое яркое впечатление вообще об университетских годах, об учебе это его спецсеминар. Он читал о Владимире Соловьёве. Поразительное дело. Это где-то, наверно, был 1966 год. Как такое дозволили — до сих пор не понимаю. Это было для меня потрясением. На этот скромный семинар собирались очень многие. Можно с полной уверенностью сказать, что Сергей Сергеевич и сделал меня историком. Он и порекомендовал меня сюда в аспирантуру. Это выдающийся человек. Но не советский. И внешность у него была старорежимная. Он тихо, не спеша занимался историей русской культуры. Вероятно, именно тогда до меня дошло, что на отечественную историю следует взирать из «богочеловеческого» измерения, а не с позиций «классовой борьбы». Скромного энциклопедиста Сергея Сергеевича знали и ценили даже за рубежом, что по тем временам было редкостью. У него была масса учеников. Со временем были опубликованы его дневники. Он был не просто неординарным человеком. Под внешним покровом «советскости» жил и работал историк с большой буквы. Разумеется, о Владимире Соловьёве он ничего не опубликовал. Писать на эту тему было, пожалуй, невозможно.

Это, наверно, самое яркое впечатление о пребывании в университете. Другое стерлось.

В.Т.: А какие-то неформальные кружки Вы посещали?

В.Б.: Да ради Бога! Понимаете, в то время все «нормальное» было неформальным. Извините за невольный каламбур. И, конечно, в этой неформальной атмосфере я — вольно или невольно — в полной мере присутствовал. От этого просто некуда было деться.

В.К.: В чем это выражалось? Какие конкретные формы?

В.Б.: Ну, как «в чем выражалось»? Об этом уже сто раз сказано. Официально было одно, а меж собой говорили совершенно о другом. Представляли, в общем-то, мир совсем по-другому. Конечно, внутренняя оппозиционность это нечто естественное для России. Это было характерно для нашего общества (для интеллигенции, если хотите) во все времена, вплоть до сегодняшних дней. Ничего удивительного. Всякая авторитарно-патерналистская, тем более идеократическая система толкает к этому. То есть невольно начинаешь мыслить вопреки, «назло». В этом есть элементы бунта «детей» против официального наставничества. Ничего особенного, на мой взгляд. Тянуло на запретное.

В.К.: Есть мнение, что советская оппозиционность была за лучший советский строй, она вовсе не была антисоветской.

В.Б.: Было по-разному. Однажды на химфаке выступал Евтушенко. Он мне не понравился: после выступления я мог наблюдать с близкого расстояния, как он общается со своими поклонниками. Было заметно, что больше его интересует трибуна. А тогдашняя оппозиционность носила достаточно неопределенный характер — характер эмоционального отчуждения. Еще Салтыков-Щедрин это описал: неизвестно, чего хочется — то ли севрюжины, то ли конституции⁵. Примерно так. Про себя могу сказать: иногда, конечно, накатывали волны какого-то дикого антисоветизма, иногда — тоже не буду этого скрывать — нечто противоположное. И такое было. В общем, болтались, увы, в пространстве неопределенности, искали положительные при-

---

⁵ Один из героев сатиры М.Е. Салтыкова-Щедрина «Культурные люди» (1876) «не знал, что с собой делать. Чего-то хотелось: не то конституции, не то севрюжины с хреном, не то кого-нибудь ободрать».

меры вовне. Тоже ничего нового. Это состояние русской интеллигенции по меньшей мере последние два столетия. Я считаю, что интеллигенция в России — не худший социальный слой, хотя, вероятно, и не лучший. Авторитаризм развращает всех. Ну да Бог с ним!

В.К.: А с преподавателями об этом говорили? Может, в неформальной обстановке?

В.Б.: С Сергеем Сергеевичем Дмитриевым прямых таких разговоров не было. Но чувствовалось, что, во-первых, он очень много знает, во-вторых, все это понимает и все происходящее оценивает по-своему — совсем не по критериям официального «марксизма». Это выдающийся, конечно, был человек. Хотя и малоизвестный, и даже не очень-то его ценили, но он был совершенно самостоятельным и независимым в своих взглядах. Рассказывали даже такое. Как-то обсуждался учебник, написанный тогдашним деканом⁶. Все, естественно, хвалили-нахваливали. Дошла очередь до Сергея Сергеевича. А он и говорит: «Вы знаете, дерьмо!» (*смеется*). Вот так вот. Конфуз вышел. Конечно, многие злорадствовали, но Дмитриев мог себе такое позволить.

Увы, немного с ним общался. Последний раз встретился на какой-то художественной выставке, какой — не помню. У меня где-то даже сохранилось его письмо, единственное. Я ему прислал одну из своих первых книг, написанную, правда, в соавторстве. Он мне отправил замечания какие-то конкретные, но в целом работу оценил положительно. Мне было ужасно приятно.

В.К.: Исторический факультет МГУ в то время — что он из себя представлял?

В.Б.: Тогда он был лучше, чем сейчас (*усмехается*). Мне так кажется. Повторяю, что был плохим студентом. Что делать, я практически необучаемый человек. Готовые истины никак не укладываются в голове. Меня трудно удивить и увлечь. До всего я должен дойти сам. Иначе — никак.

В.К.: Как Вы тогда переходили с курса на курс? Сложные были экзамены?

---

⁶ Видимо, имеется в виду И.А. Федосов, декан исторического факультета МГУ (1956–1971) и автор учебников по истории СССР для 8–9 классов средней школы.

В.Б.: Еще бы! Так, Леониду Васильевичу Милову я зачет по палеографии⁷ сдавал семь раз. Правда, я и не учил эту палеографию, по дуруости считал, что мне это совсем не нужно, ни к чему. Я откровенно брал преподавателя измором. Неловко, конечно. Утешился только тем, что когда позднее, уже в аспирантуре, в 1970 году, на стадии верстки в журнале «История СССР» «по идейным соображениям» была отвергнута моя первая статья, Милов (зам. главного редактора) в коридоре сказал мне: «Наверно, Вы уже в студенческие годы этой проблемой занимались. Статья-то хорошая» (*смеется*). Это меня тогда утешило, хотя мне до сих пор неловко за то, что я хамским образом себя вел по отношению к будущему академику. Милов был человеком весьма остроумным. А я тупого студента изображал, уныло ходил сдавать зачет. Милов по ходу дела мне что-то объяснял, искренне хотел помочь, а я и не слушал. Стыдно!

Кстати, вспомнил... Был один вьетнамский студент, который ответы на все вопросы по всем предметам ответ начинал одинаково: «Крестьяне били помещиков». Затем замолкал, а на предложение: «Дальше» повторял сакраментальную фразу, глядя при этом преданными глазами на экзаменатора. Естественно, его отпускали с миром. Однако вьетнамцы были разные. Больше всех мне был симпатичен один пожилой, уже повоевавший офицер. Он, до этого круглый отличник, заставил академика С.Д. Сказкина поставить ему «четверку». Это был первый случай, когда академик поставил не «пятерку». Студент заявил, что один вопрос он не доучил, а потому ему должны вынести выговор на партийном собрании вьетнамцев. Случалось и такое.

В.К.: А общались ли Вы как студент с представителями, скажем, Историко-архивного института, каких-то других гуманитарных ВУЗов?

В.Б.: Нет, сколько помнится, все-таки круг общения ограничивался эмгэушниками, но больше с других факультетов – философы, филологи, юристы. С другими ВУЗами контактов практически не было... Разве что с дамами. Это понятно, но об этом я рассказывать не буду. Да и не помню.

---

⁷ Вспомогательная историческая дисциплина, изучающая историю письма, закономерности развития его графических форм, а также памятники древней письменности в целях их прочтения, определения автора, времени и места создания.

В.К.: А не замечали ли Вы в рамках МГУ разделения на «физиков и лириков», условно говоря, на гуманитариев и технарей, может быть, даже неприязни со стороны технарей к гуманитариям и наоборот?

В.Б.: Люди всякие были. Были и заметные фигуры, дурачья тоже хватало. Как везде. Ничего такого особенного. Но в целом сейчас мне кажется, что в те времена общий уровень истфака был выше, чем сейчас. Иллюзия, вероятно.

В.К.: Как Вы думаете, на атмосферу на истфаке повлияла «оттепель»?

В.Б.: Вы понимаете... Вот я поступил в 1962 году. Мы все уже были «оттаявшими», причем напрочь. Заморозить до прежнего состояния было уже невозможно. Во всяком случае, я был уже «оттаявший». Может, не совсем, но теперь мне кажется именно так. То есть во всю эту официальщину мы уже не верили или, по меньшей мере, относились скептически.

В.К.: Хорошо. Тогда теперь перейдем уже к нашему заведению. Вы пришли сюда в 1967 году?

В.Б.: Да.

В.К.: С какой темой?

В.Б.: С темой было интересно. Я же пришел в сектор «история СССР периода империализма». Так это официально звучало. Руководил прекрасный человек – Леонид Михайлович Иванов. Поскольку я занимался культурой у Дмитриева, то попытался тему из Серебряного века навязать. Не прошло. Сами понимаете – наивный был. Леонид Михайлович меня, естественно, сдерживал... И вдруг я выпалил тему. Позднее она стала звучать так: «“Легальный марксизм” и эволюция либерально-буржуазной идеологии в России». Так называлась кандидатская диссертация. Это был по-своему удачный выбор. Хотя, сами понимаете, пришлось писать совсем не то, о чем думал. Диссертацию приходилось вымучивать. Это было обычно для того времени. К сожалению.

В.К.: Вы быстро адаптировались к такому методу работы?

В.Б.: К этому адаптироваться до конца невозможно. Во всяком случае, у меня это никогда не получалось, да я к этому и не стремился. Вообще профессия историка это в известной степени сплошная адаптация к сложившимся историографическим представлениям. Сразу их сломать невозможно. Приходится

идти на компромисс, действовать не нахрапом, а постепенно. Такова, можно сказать, природа науки в целом. Даже открытие со временем превращается в банальность, в нечто конвенциональное, а затем устаревает. «Открытие» это то, что готово уже уложиться в человеческие мозги. Наука не может сыпать без конца сплошными открытиями. Так не бывает! Человеческое сознание не столько инновационно, сколько инерционно. Особенно в области истории. Ну что скрывать, люди, человечество, если угодно, воспринять правду о себе в полной мере никогда не готовы. Они ее просто не выдержат. Рехнутся, покончат жизнь самоубийством. Человечество живет мифами. Человек хочет не только комфортного настоящего, но и «комфортного» прошлого. А потому историку, так или иначе, приходится сновать между собственно наукой, беспристрастной по определению, и эмоционально окрашенным мифом. Увы, это особенность профессии, и не только профессии историка. Так устроена наука.

В.Т.: А что в те годы из себя представлял Институт?

В.Б.: Во-первых, он был большой. Человек 450, наверное. Во-вторых, публика была самая разная. В-третьих, у каждого была своя, как говорится, компашка, свои собутыльники, сами понимаете, свои увлечения. Естественно, были и свои неприятели, враги, можно сказать. Мое пребывание в Институте разделилось на два неравных периода. Период аспирантуры — три года. А потом я отправился в армию. Там понял, чем привлекательна жизнь в СССР: можно не думать о будущем — накормят, дадут выспаться, главное — не высовывайся, действуй по приказу. Гарантия скудной беззаботности. Потом в одном учреждении работал интересном, именуемом Госкомиздат СССР⁸. Там планировали, сколько каких книг надо издавать. Допланировали до такой степени, что книг вообще не стало. Тоже понятный жизненный урок. И вернулся я в Институт, по-моему, в 1976 году только, после всех этих странствий. Довольно значительный промежуток. Это уже был совсем другой период и в другом секторе. Так что я в Институте постранствовал по секторам, можно сказать. К старой теме возврата не было...

В.Т.: В какой сектор Вы попали?

---

⁸ Государственный комитет Совета министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.

В.Б.: Страшное дело! Я попал в подразделение, которое называлось «Сектор Великой Октябрьской социалистической революции и Гражданской войны», сокращенно «ВОСР и ГВ». Звучит, да? Руководил им человек, мягко говоря, консервативных взглядов и убеждений, но публика была разная. Прямо скажем, были там люди, которые были весьма мне симпатичны. Их уже нет. Я до сих пор вспоминаю о них с удовольствием. Кстати сказать, я писал об этом. Кое-какие воспоминания оказались опубликованными, хотя я совсем к этому не стремился.

В.Т.: Я так понимаю, что «консервативный человек» это Исаак Израилевич Минц?

В.Б.: Ничего подобного. Исаак Израилевич Минц, кстати сказать, не был консервативным человеком в чистом виде. Это был другой несколько тип. Некоторые называли его приспособленцем. Но окружали его люди вовсе не консервативные. Минц руководил Научным советом по комплексной проблеме «Великий Октябрь и последующая революция»⁹, как-то так. Это было «надинститутское» общесоюзное объединение в рамках Академии наук, хотя располагались мы рядом.

А институтским сектором руководил Пётр Никифорович Соболев. Человек, прямо скажу, не просто консервативных взглядов. Писал о союзе пролетариата с беднейшим крестьянством, предлагал задуматься о понятии «политическая армия социалистической революции». Внутри сектора боролся с «групповщиной», старался уравновесить «новаторов» с «охранителями». Но он был уже в возрасте, понимаете? Путал институтский коридор с больничным. А я со временем стал ученым секретарем этого сектора и одновременно профоргом. Как говорили тамошние консерваторы: «Сосредоточил в своих руках необъятную власть». Они говорили это всерьез. Были они людьми редкостной кондовости. Я не буду их конкретно называть. Да и не помню уже точно по именам. Подчеркиваю, в секторе были разные люди. Но при этом они были профессионалами, людьми знающими.

В.К.: Большой сектор был?

В.Б.: 26 человек, не считая аспирантов. Так что это была большая сила.

---

⁹ Научный совет АН СССР по комплексной проблеме «История Великой Октябрьской революции».

В.К.: Как различались Ваше положение и атмосфера в коллективе в конце 1960-х и конце 1970-х гг.?

В.Б.: Атмосфера поменялась. Люди другими стали. Честно сказать, я на это как-то не обращал внимания. Я говорю, я не самый коммуникабельный человек, больше «в себе», можно сказать, невнимательный к окружающим, что ли. Такая черта. Наверно, не самая приятная.

В.К.: А сама атмосфера в Институте поменялась ли после этого перерыва вашего?

В.Б.: Понимаете, тут ведь многое зависело от общей политической атмосферы и, сами понимаете, от дирекции. Если директор думает, прежде всего, о том, как угодить идеологическому начальству, то он может институт довольно быстро «засушить». Увы, такое было. И не столь давно. В известные времена Институт на глазах превращался в какую-то пустыню. Период «застоя» сказался весьма основательно. Последствия я испытал на себе. Тем не менее, как я уже говорил, мы пережили «оттепель» и начался необратимый процесс. Несмотря ни на что. Конечно, случались «заморозки», но в головах произошли такие подвижки, что возврат к прежнему уже был невозможен.

В.Т.: А при каких директорах вы работали? Как бы Вы их могли охарактеризовать?

В.Б.: Прямо такой вопрос, да?

В.К.: В лоб.

В.Б.: Пожалуйста, пожалуйста. Значит, кого я помню? Застал еще Павла Васильевича Волобуева. Потом я под его руководством работал. Об этом человеке я могу сказать только хорошее, совершенно искренне. Наверно, никого я так не любил, как его. Затем был Алексей Леонтьевич Нарочницкий. Человек тяжелый, охранительного такого типа. Долго здесь он не усидел. Его просто не переизбрали в свое время.

В.К.: Он считался ставленником ЦК, направленным прямо в Институт.

В.Б.: Да Бог его знает. Я в такие вещи тогда не вникал, но то, что холодом от него веяло, всем было известно. У него была кликуха «сэр Алекс». Действительно, можно было зайти в его кабинет – он мог не предложить сесть. В общем, сверху вниз разговаривал. Такой вот был человек. Известен тем, что лично контролировал институтскую продукцию, страницами вычер-

кивал в чужих рукописях то, что ему не нравилось. Меня это не затронуло, к счастью.

Из директоров кто еще? Вот Семён Спиридонович Хромов. Весельчак был такой, знаете, ну и бабник, говорят. Правда, на него никто не обижался, сколько мне известно. Такой весельчак коммунистический, в меру циничный.

В.К.: А в чем это проявлялось?

В.Б.: Да во всем поведении, конечно. Но я к нему относился так же примерно, несколько весело. И вполне лояльно. Он все писал то про Дзержинского, то про Орджоникидзе – какие они были великие деятели. Он до конца жизни, под 90 лет, уже не будучи директором, сидел в РГАСПИ¹⁰, причем так упорно, всегда на одном месте. Без всякого компьютера, что-то там такое записывал. Мы с ним радостно здоровались (*смеется*). У меня как-то о нем вот такое веселое немножко впечатление осталось. Конечно, это был человек своего времени. Но не злой. Что интересно, он был «специалистом» абсолютно по всем периодам, по всем проблемам. Если нужно было ехать за границу, то отправлялся только он. Для него кто-то писал соответствующий доклад. Он там выступал. Все удивлялись, какой он всезнающий человек и как такое может быть. Такое было.

Кто еще из директоров? Ну, Сахаров. Про него я говорить не буду. Я его откровенно не любил. Правда, не сразу это сложилось. Так что чего говорить-то, извините.

В.Т.: Новосельцев еще был до Сахарова.

В.Б.: Новосельцеву, между прочим, я очень симпатизировал. Может быть, потому что мы запросто курили вместе на лестнице. Он был демократичным. Хотя про него всякие гадости говорили – что он алкоголик, еще что-то такое. Мне это было совершенно по барабану. Чисто по-человечески я к нему хорошо относился. Я себя как-то поймал на том, что мое отношение к коллегам определялось симпатиями личного характера, а не научными заслугами. Можно было не соглашаться с человеком, но оставаться с ним в дружеских отношениях. Ничего удивительного, это естественно. Вот, собственно, все о директорах.

В.Т.: Какие-то неформальные лидеры в Институте были – точки притяжения, яркие личности?

---

¹⁰ Российский государственный архив социально-политической истории.

В.Б.: Были, конечно. Они всегда есть. Но я на обаяние такого рода личностей не поддавался. На меня это не производило особого впечатления. Впрочем, сильное впечатление производил Константин Николаевич Тарновский. А еще Станислав Васильевич Тютюкин. Других не помню. Впрочем — Данилов Виктор Петрович... Я с уважением к нему относился, но в последние годы отношения с ним испортились. Он на меня смотрел косо, можно даже сказать, зло. Возможно, это было связано с тем, что однажды, уже в последние «перестроечные» годы, он зашел к нам (тогда я работал заместителем Волобуева, сменившего Минца в Научном совете) и предложил подписаться на «Правду». Я очень удивился и по наивности ляпнул: «А зачем мне это?». Что-то в этом роде. Я до сих пор часто попадаю впросак по своей дурацкой наивности, это постоянно случается. С этим уже ничего не поделаешь. Я знаю за собой это качество, но все равно так получается.

В.Т.: А как сказывалась на научной деятельности в Институте цензура? Можете припомнить конкретные случаи?

В.Б.: Без всякой цензуры все знали, что можно писать, а что нет. Самоцензура. Разумеется, соблазн перейти границы дозволенного присутствовал всегда... Как бы то ни было, если ты доктор наук, то в течение пяти лет должен быть выложить 20 листов монографии и тут же получить особую премию. Люди «разумные» этим пользовались. Одну монографию слепили, потом чуточку изменили тематику — другую монографию выдали. Переписывали самих себя. Кое-что из этой практики сохраняется до сих пор. Курорт, а не научное подвижничество. Значительная часть сотрудников состояла из своего рода иждивенцев от науки. Увы, на науке можно паразитировать, имитировать деятельность. Это факт. Можно было халтурить десятилетиями: задвигать плановые работы и трудиться «налево», гнать популярщину. Все зависело от конкретных людей. Либо ты можешь и делаешь, либо сами понимаете... Главное — по плану отстреляться... Кстати сказать, мне это не всегда удавалось, едва успевал. Я и сейчас не успеваю. Это тоже та черта, которая меня не красит, но по этому поводу я уже давно не расстраиваюсь. Науку все равно не втиснешь ни в какие планово-бюрократические рамки.

А в целом, можно было и планы выполнять, и «налево» писать. Последнее даже поощрялось — общественная деятельность. Я как-то подсчитал и изумился: в течение ряда лет гонорарами

зарабатывал примерно столько же, сколько составляла зарплата. В среднем, естественно. Тогда же платили в журналах, можете себе представить? И за книжки платили. В общем, можно было прожить.

В.Т.: А зарплата? Вообще, каким был статус сотрудника Института в то время?

В.Б.: Естественно, тогдашний статус был намного выше нынешнего. Это всем известно. Тогда и «кандидат наук» звучало! Сейчас, говорят, и «академик» не звучит. Но что делать? Такие времена. А тогда историк, ученый — это было престижно.

В.К.: Вы по цифрам помните зарплаты, гонорары?

В.Б.: Насчет гонораров могу сказать. За лист продукции платили, по-моему, в журнале «История СССР» 300 рублей, а в журнале «Вопросы истории КПСС» — целых 400. Бешеные деньги по тем временам. Это не шутки. Я ухитрился даже, правда, в соавторстве, в «Вопросах истории КПСС» отметиться. Оставаясь при этом беспартийным. Так что все по-разному получалось.

В.К.: А какие льготы существовали для сотрудников? Скажем, квартиры, машины...

В.Б.: Упаси Боже! Никаких льгот я за собой не помню. Хотя формально, кажется, кандидату наук полагалась какая-то дополнительная жилплощадь. То есть если у тебя на сколько-то метров больше, то ты за них не платишь как за излишки, в отличие от обычных граждан. Такая статья существовала, по-моему, где-то с 1920-х годов. Ее никто не отменял, правда, мало кто об этом знал. Но это уже детали. А прочих льгот — ну, извините, какие льготы могут быть? Тогда все были равны. Или считались равными.

В.Т.: Вы не были членом партии, соответственно, Вы в парткоме не принимали участие, так?

В.Б.: Я ходил на открытые партийные собрания. А как же? Все ходили. А что касается взаимоотношений... Я запомнил один любопытный случай. Поскольку я был профоргом, как член «треугольника»¹¹ подписывал определенные документы. И однажды положительную характеристику на одного деятеля не хотел под-

---

¹¹ Местный комитет КПСС, первичная профсоюзная организация и администрация, подписи руководителей которых (секретаря парткома, председателя профкома и директора) визировали документы организации (предприятия).

писывать. Меня уламывали партийные товарищи. В конечном счете, подписал с большой-большой оговоркой — «особое мнение». Товарищи ортодоксальные по этому поводу негодовали: против партии попер! Хотя я этого вовсе не хотел.

В.К.: Здесь специальный вопрос: как работал профком?

В.Б.: А вы знаете, кое-что делалось... Николай Алексеевич Ивницкий при мне был председателем. Серьезный историк-крестьяновед, прожил до 95 лет. У меня с ним были прекрасные отношения... Все вопросы мы решали легко и дружно. Какие именно, конечно, не помню. Но с ним было нормально, хорошо работать. Он прекрасный был исследователь, да и человек хороший. О нем самые лучшие воспоминания остались.

В.К.: А что входило в профкомовские обязанности?

В.Б.: Всякая всячина... Было даже такое: таскали на себе так называемые продовольственные заказы, распределяли их. Это довольно трудно современному человеку объяснить. Делались централизованные заказы на дефицитные по тем временам продукты. Мы это привозили, потом выдавали по списку. Вот так было.

В.К.: Это важная функция по тем временам.

В.Б.: Еще бы! А еще путевки в дома отдыха распределяли. Ну и материальную помощь. Честно говоря, я четко всего этого не помню: ни тех благ, которые то ли получал, то ли не получал, ни тех подарков, которые раздавал от лица партии и правительства. Ничего не помню. Все было чрезвычайно скудно. Но тогда мы этого не замечали. Это казалось нормой. Казалось, что это навечно.

В.Т.: А Вы могли бы рассказать о неформальной стороне жизни Института? «Капустники», вечера, что-то такое было? Елки, в конце концов!

В.Б.: Вообще что-то было... Артистов известных приглашали. Генералы выступали на 23 февраля. Даже Г.К. Жуков. Был однажды Ю.В. Трифонов. Я его в коридоре изловил, книгу его, с трудом добытую, попросил подписать. А через несколько месяцев он умер. Но, должен откровенно признаться, мне больше запомнилась неформальная сторона: застолья и, попросту говоря, пьянки. Вот это было круто тогда. И я грешным делом в этом принимал весьма и весьма активное участие. А так — ну что-то такое было. Танцы какие-то были и прочее, и прочее, и прочее. Вовсю плясали наверху. Да, было. И я тоже плясал.

В.Т.: В связи с этими гулянками какие-то крамольные мысли высказывались? Вообще, каковы были общественные настроения? Это же лучший индикатор — что говорят люди, когда выпьют.

В.Б.: Естественно, и ругались меж собой, ссорились по этому делу пьяному. Наверно, и в морду давали, и бросались друг на друга. По пьянке чего не бывает, как говорится. Мы гуляли круто, чего скрывать. И еще раз повторяю: грешен, сам грешен.

В.Т.: А к власти как-то отношение проявлялось?

В.Б.: Да далась вам эта власть! Власть у нас всегда власть. Никто ее никогда не любит, во всяком случае, на сто процентов, а кто любит ее — так это какие-то моральные уроды или люди с отклонениями (*смеется*). Власть у нас терпят. Это мое личное мнение. Не знаю, насколько прав. Мне уже все равно.

В.Т.: А институтский юмор существовал, анекдоты сугубо институтского характера, посвященные всем известным здесь персонажам?

В.Б.: Вы знаете, конечно, что-то такое было, но ничего такого я не помню просто. А так — ну без юмора жить нельзя.

В.Т.: Какие-то легенды про академиков вспоминаются?

В.Б.: Сколько угодно рассказывали, не только про наших академиков. По-моему, про Минца много было анекдотов. Минц, надо сказать, был выпивоха и бабник до конца лет.

В.К.: Какой-нибудь анекдот поприличнее не вспомните про Минца?

В.Б.: Ходили анекдоты о его участии в Гражданской войне. Точнее, это были не анекдоты, а уже легенды, которые основывались, вероятно, на реальных событиях. Он попал в бригаду Примакова, красного казачества. Там изумились: жид какой-то комиссарствовать будет. Минц, не будь дураком, понял, как подойти к этим самым казачкам. Он был из совершенно непьющей семьи. Дабы восполнить сей недостаток, подозвал к себе фельдшера и заявил: «Ну вот ты, интеллигентская морда, — по-простому тогда объяснялись, — ежели меня за неделю пить не научишь, я тебя к стенке поставлю». Тот ему стал понемножку спирт наливать. Минц в это дело втянулся. Когда в ответственный момент надо было мобилизовать казаков на революционные деяния, он вместе с ними так «засадил» хорошо, и речь произнес соответствующую. Его зауважали. Правда, есть две версии. В одном слу-

чае его просто зауважали, а в другом случае он напился, свалился на пол и, когда немножко очнулся, увидел вокруг себя одобрительные физиономии этих самых казачков, которые удовлетворенно произнесли: «Це наш жид!». Вот такая история про Минца. А через несколько десятилетий те же казачки заходили в Институт и спрашивали: «Где тут главный историк – Иван Иванович?».

Если говорить откровенно, он крутой был бабник. Это было всем известно. Ну и выпивоха, как я уже говорил. Пришли к нему какие-то зарубежные корреспонденты и спрашивают: «А какое ваше любимое блюдо?». Он говорит: «Коньяк». Он действительно коньяк предпочитал. Хотя и водку пил. Когда-то на каком-то банкете поляки-коллеги сидели, они подсчитали: он выпил за четыре или пять часов литр водки. Выпил литруху – и ничего! И при этом вел стол, речи произносил!

В.Т.: Спасибо! Вернемся непосредственно к научной деятельности. Вообще советская историческая наука – это наука?

В.Б.: На этот вопрос можно другим вопросом ответить: а историческая наука вообще – наука или не наука? И на эту тему можно говорить до бесконечности. На мой взгляд, это все-таки наука, даже в советское время все же частично была таковой. Какая ни есть. Все зависело и зависит от конкретных людей, которые во все времена разные. Ничего нового. И думать, что советский период в российской истории это что-то совсем уж особенное, уникальное по психологии людей, его населявших, я бы не стал. Конечно, специфика была. Прежде всего, это сказывалось на тематике. Люди – плохо это или хорошо – меняются довольно медленно. Я бы сказал, слишком медленно.

В.Т.: Нам часто приходилось слышать о том, что существовала некая градация. Историки, которые занимаются советской историей, сами по себе. А настоящая наука – до 1917 года или, во всяком случае, до XX века, и вот там действительно настоящие ученые сидят. Это противостояние действительно было?

В.Б.: Прямо скажу, я не хотел заниматься советским периодом. Я ведь в известной степени в секторе Октябрьской революции оказался случайно. Мне, так сказать, повезло. Мне помогли. Помогла конкретно Ирина Михайловна Пушкарёва. Она сказала упоминавшемуся Петру Никифоровичу, что есть здесь вроде как хороший историк, возьмите его. Я этим воспользовался. Вынужден был заниматься Октябрьской революцией, не питая к этому

никакой склонности. Мне хотелось заниматься дореволюционным периодом. Сейчас другое. Сейчас мне, наоборот, интересно то, что происходило в советское время. Тут есть над чем работать. То, что было до этого периода, не так интересно, иной раз даже скучно. Привык к материалу горячему и острому. Хотя все относительно.

В.К.: А какие темы тогда, в 1970–1980-е годы, были запретными?

В.Б.: Когда я пришел в сектор, Соболев сказал: «Вы будете заниматься национальным вопросом». Мне вовсе не хотелось этим заниматься, но пришлось. А в те времена особенно было неприятно заниматься. Да и сейчас, когда мне, так или иначе, приходится периодически в эту тему окунаться, это не доставляет особого удовольствия. Почему, думаю, понятно. Вот так.

В.К.: Получается, молодой человек приходил в Институт, его распределяли в некий сектор и давали тему? Или он сам мог тему выбрать?

В.Б.: А это кому как повезет. Мне сказали: «Вот ты будешь этим заниматься. А теперь ты будешь бригадиром коллективной работы “Великий Октябрь и защита его завоеваний”». Должность еще та. Можете себе представить: большой коллектив, каждый пишет что-то свое – кто в лес, кто по дрова. А все доктора, я же – какой-то кандидатишка. И все говорят: «Чего ты лезешь не в свое дело? Кто ты такой вообще? Чего напоминаешь, что пора текст сдавать?».

Я утрирую, конечно. Люди по-разному на самом деле реагировали. Тогда писали коллективные работы, ненавидя их. Я не составлял исключения. Ужас перед такого рода трудами у меня до сих пор сохранился. Не без этого.

В.К.: Говорят, это был курс Нарочницкого – на коллективные работы. До того писали собственные исследования.

В.Б.: Писали и при Хромосёме, прошу прощения, при Хромове (*смеется*). У него кликуха была такая «Хромосёма» или «Хромосём» – от «Хромов Семён». Он, наверно, знал, но относился к этому спокойно.

Да, действительно, писали эти коллективные работы: история крестьянства, история пролетариата. Толку никакого, но упорно писали. Что делать? Понимаете, история ведь наука конвенциональная. Периодически приходится выдавать то, что всех бы

устроило. Да всякая наука обладает таким — не самым эвристическим качеством. Всякое открытие в принципе совершается от общепризнанного. И это сохраняется до сих пор. То есть оглядываться приходится на читателя. Это и к вопросу о цензуре.

В свое время я, помнится, статьи сочинял как? Для начала выстраиваешь заборчик из цитат Ленина — «защитный барьер». А в итоге пишешь вовсе не то, что Ильич имел в виду. Противно, конечно. Но вот так это делалось. Со временем это превращалось в ремесленнический прием, привычку соломку подстилать. А в целом все знали, что пройдет, что не пройдет. В лучшем случае старались чуть-чуть грань дозволенного перешагнуть — постепенно, шаг за шагом, вроде бы незаметно. И какие там открытия! Удовольствием было хоть немножко отойти от устоявшихся догм. Кукиш в кармане! Только и всего. Вот такая, если угодно, минимальная программа максимум. Так и работали.

В.Т.: Можете рассказать о диссертационной культуре советского времени? Были ли какие-то неформальные критерии, требования по защите докторской, например, ограничения по возрасту? Были ли обязательные банкеты, и прочее?

В.Б.: Вы знаете, вопрос относительно диссертаций довольно актуально смотрится. Считалось, что для защиты кандидатской необходимо две публикации. А попробуй, опубликуйся, будучи аспирантом. Особенно по «специфичной» тематике. У меня за отсутствием публикаций это дело затянулось (правда, я в Институте уже не работал) на четыре или пять лет. Нет публикаций — жди. Я вообще поздно защищался. По причине крайней непредусмотрительности. Была проблема. Кстати сказать, тогда обращали особое внимание на автореферат. Все должно было быть выверено до запятой. Лишнего не скажи. Не дай Бог кого-то забыть. Всем надо поклониться. Если кого-то критикуешь, то лучше это в тексте, а не в автореферате сделать, причем сделать предельно аккуратно, политкорректно...

Что касается защит докторской диссертации. Припоминается такой случай. Я был аспирантом, в сектор периода империализма прибыл какой-то соискатель, уже в возрасте, по-моему, из Иванова. И что-то он рассказывал типа ивановских революционных ткачей. Я уже не помню, да это и не важно. У него спрашивают: «Вы, наверно, лет двадцать работали над диссертацией?» Тот серьезно и с достоинством отвечает: «Двадцать пять». Или что-то

в этом роде. Не помогло, раскритиковали в пух и прах. То есть работать-то работай, но пиши на должном уровне. Такие случаи были.

Но, конечно, были и прямо противоположные случаи. Это уже если брать время позднего «застоя». Тут вообще чудеса происходили. Один мой приятель, увы, покойный, буквально свихнулся, когда у него на глазах сын Гришина, тогда первого секретаря МГК, защитил докторскую диссертацию в 28 лет¹². Тогда это было нечто совершенно невероятное. И он начал долбить-долбить, чтобы как можно раньше защитить докторскую диссертацию. Защитил довольно рано, но не в 28 лет, намного позже, конечно. Вот такие были времена. То есть к этому подходили серьезно, но в определенных рамках, конечно. Нужно было сделать то, то, то и то.

Не обошлось без откровенной халтуры. Одно дело – просто история (история России или всеобщая история), другое дело – история КПСС. Это был источник историографического разврата. Действовали примерно так. Допустим, тема кандидатской – развитие химической промышленности в такой-то области в такую-то пятилетку. Докторская – та же область, та же химия, есть она или нет, но главное – руководство партии, но уже на протяжении двух пятилеток. Так лепили диссертации. Конечно, это развращало. Надо сказать, что собственно историки, в том числе из нашего Института (я это тоже помню), сопротивлялись подобному безобразию. Порой довольно активно. В том же минцевском Совете подсчитали: из ста «историков КПСС» только один или два пригодны для исследовательской работы. Не больше.

Затем случилось нечто ужасное. Историко-партийную «науку» упразднили. Однако «специалистов» в данной области – докторов и кандидатов – признали нормальными историками. Многие из таковых в одночасье превратились в «белогвардейцев». Историография оказалась наводнена проходимцами. Причем численное соотношение было явно в их пользу. Последствия ощущаются до сих пор.

В «перестроечные» и «постперестроечные» годы началась также эпидемия «докторизации». Поскольку возможности пуб-

---

¹² Имеется в виду Александр Викторович Гришин (см. Именной указатель).

ликации стали безграничными, последовал соответствующий вал. Молодые авторы брали количеством, не задумываясь о качестве. Всякий графоман мог объявить себя историком. Некоторые даже выступали даже родоначальниками целых новых «направлений». Хлестаковщина! Благодаря СМИ возник феномен воинствующей конспирологии. И это продолжается до сих пор. А, как известно, «служенье муз не терпит суеты». Но дело не только в деятелях определенного рода. Клио существует в нескольких ипостасях: история как политика, история как миф, как память, история места и пр. История как наука всегда занимала среди всего этого скромное место. И если грани между наукой и всем остальным размываются, легко вообразить, что могло случиться в эмоционально взвинченном обществе. Так или иначе, историку сегодня приходится занимать оборонительную позицию.

В историографии критерии типа «умный-дурак» не работают. Строго говоря, среди служителей Клио может найти себе достойное место всякий. Надо лишь сознавать свои возможности. Но над этим задумываться некогда, надо рейтинги набирать, дабы отчитаться перед бюрократами от науки.

В.К.: Говорят, раньше 40 лет считалось неприличным защищать докторскую.

В.Б.: (*усмехается*) Вы знаете, наверно, да. В принципе, никто такого возрастного барьера, конечно, не ставил. Знаете, у математиков одно, у историков другое. Ранее 40 лет никто и не защищался. История – наука возрастная, по большому счету – занятие для мудрых. Существовали, конечно, какие-то внутренние ограничители, которые устанавливались благодаря немногим корифеям. Но они уходили, а армия халтурщиков множилась. Ситуация-то потихоньку менялась. Доктора молодели. Сейчас совсем уже помолодели. В принципе, в этом нет ничего зазорного. В конце-то концов, качество работы определяется не степенями и званиями, не количеством изданных работ и даже не всевозможными «хиршами»¹³. Обычное дело!

---

¹³ Имеется в виду «индекс Хирша» – наукометрический показатель, количественная характеристика продуктивности ученого, группы ученых, научной организации или страны в целом, основанной на количестве публикаций и количестве цитирований этих публикаций. Изначально разработан для оценки эффективности научной деятельности физиков.

В.К.: Какие были возможности для связей с границей, общения с зарубежными учеными?

В.Б.: Вы знаете, мне запомнилось... Был я еще аспирантом, и вдруг является в Институт не кто иной, как Ричард Пайпс. И тогдашний руководитель сектора империализма Валерий Иванович Бовыкин решил устроить с ним научную беседу. Видно, разрешение сверху было получено. В узком кругу, конечно. По-моему, шесть человек участвовало. И зачем-то меня, аспирантишку, тоже пригласили — вероятно, чтобы разбавить возрастную компанию. Ну и Пайпс, тогда молодой и энергичный, давай рассказывать: «Вы знаете, вот у нас в Америке все по-другому, не как у вас, я вот то-то и то-то написал». Он тогда уже занимался Струве. Эти книги давно у нас переведены. И вот Пайпс сообщает: «Я опубликовал полную библиографию работ Струве», и показал соответствующую книженцию. У него спрашивают: «А сколько экземпляров?». «О, — говорит, — это дорогая работа. Всего 30 экземпляров. Я за 1000 долларов предлагаю ее купить библиотеке». Конечно, наши не купили (*усмехается*).

Но больше запомнилось не это. Он все рассказывал и рассказывал. Остальные слушали и кивали. Про себя, конечно, усмехались. Когда наших перед ним представляли, кто есть кто, представили и меня — вот аспирант, тоже занимается Струве, первыми годами его деятельности. А Пайпс говорит: «Вы знаете, я же писал об этом периоде. Я доказал, что социал-демократия и рабочее движение это совершенно разные вещи. Они никак не стыковались». На это я бросил совершенно идиотскую, по-моему, фразу. Не помню, как вырвалась. Серьезно так произнес: «Никак не могу с вами согласиться». Вот такое двусмысленное заявление. Но присутствующие одобрительно хихикнули. Почему не могу согласиться — непонятно... То ли сам не могу, то ли не велят... Бывает. Ляпнешь, порой неожиданно для самого себя. Впрочем, с тем утверждением Пайпса я и сегодня не соглашусь.

На этом мое знакомство с Пайпсом кончилось. Правда, уже много лет спустя у меня была возможность с ним пообщаться основательно. Его пригласили на известный Валдайский форум¹⁴. Тогда поездка была на Ладогу всей компанией. И когда садились

---

¹⁴ Международный дискуссионный клуб «Валдай» — ежегодная экспертная площадка, основанная в 2004 г.

в теплоход, мы с женой решили прогуляться в магазин возле пристани. Смотрим — впереди Пайпс, такой уже старенький, обрюзгший. Я говорю: «Зачем это он пошел в магазин?». Интересно. Мы идем за ним, смотрим: взял бутылку водки — плохой, дешевой, — в пакетик сунул и пошел. Я после этого размышлял, подойти, что ли, к нему, напомнить. Не стал. Нет, не потому, что водка была плохая. Подумал — а зачем он мне нужен? Тем более что уже в те самые годы появились так называемые ревизионисты. Они уже более чем скептически о нем отзывались, включая его учеников непосредственных. Вот такая бытовая историография. Сейчас это уже принадлежит истории.

Ну, а что касается общения с иностранцами... Случалось нечто своеобразное. Так, во времена Нарочницкого мне вдруг говорят: «Ну-ка, отправляйся в Отделение истории». Отделение истории Академии наук имеется в виду. Оно тогда размещалось в нашем теперешнем здании на первом этаже. «Там ты понадобится можешь, принимают какую-то зарубежную делегацию». То ли в качестве переводчика я там должен был пригодиться, то ли еще зачем-то. Ну и отправился туда.

Является большая американская делегация. Намерены обсудить перспективы строительства памятников жертвам холокоста в Москве и в других городах Советского Союза. Возглавляет делегацию дама — Китти Дукакис, жена губернатора чрезвычайно успешного штата Массачусетс. Ее муж Майкл Дукакис в президенты баллотировался. Дамочка интересная. Собственно, потому и запомнилась. Моложавая, стройная, в каком-то цветастом платье. Уселась, посмотрела по сторонам, на лице некоторое изумление: нет пепельницы. Спрашивает: «Ashtray?». Ну, я кивнул, пошел разыскивать пепельницу. Она уселась нога на ногу, вытащила длинную сигарету, задымила. Нарочницкий, который председательствовал, промолчал. Она единственная дымила. А беседа пошла любопытная.

Помимо Нарочницкого, был еще Самсонов. По-моему, тогда он еще академиком не стал. Но человек очень симпатичный, известный специалист по Великой Отечественной войне. И вот по очереди представители американской делегации произносили примерно такое: вот я еврей (еврейка), или я не еврей (не еврейка), все евреи пострадали от Гитлера, ваши тоже, надо им поставить памятник. На это Нарочницкий отвечал... Перевода не

требовалось. Была какая-то, вероятно, интуристовская переводчица, плохая, однако Нарочницкий сам — на плохом английском языке, но очень твердо — объяснял: «Вы знаете, помимо евреев, у нас 27 миллионов погибло — всех национальностей. У нас уже поставлены им памятники. Много памятников. Почему мы должны евреев выделять?». Никак он американского предложения, вроде бы, не понимал. Ему объясняли, что нацисты только евреев хотели под корень уничтожить, остальных вроде терпели. Нарочницкий не соглашался — славян тоже хотели полностью извести. Ни о чем не договорились, конечно. А Нарочницкий произвел впечатление. Его сдвинуть было невозможно. Особенно с его своеобразным английским. Сказал, и все.

Так что контакты были. И Пайпс появлялся, и вот эта Дукакис. Интересно, как она сейчас вспоминает свое бывшее курение... Тогда это была мода. Ей, вероятно, полагалось курить, феминистскую раскованность демонстрировать. Сейчас — по-другому. Вот так.

В.К.: А выезжать сотрудники могли за рубеж? По направлению Института или по собственной воле?

В.Б.: Ну, вот я же говорил, Хромов ездил постоянно на все конгрессы со всеми темами.

В.К.: Ну это директор. А рядовые?

В.Б.: Выезжали, случалось... Даже в мои студенческие годы. Вот одна веселая история. Был у нас в университете профессор (тогда еще не профессор, доцент) Бокщанин. Он занимался Древним Римом, что-то написал про Парфию и Рим. И сподобился съездить в зарубежную командировку. Тогда практиковался так называемый научный туризм. За собственные деньги профессорам и доцентам после соответствующей проверки предоставляли возможность съездить по тем странам, которые они изучают. И он съездил. И однажды на своем семинаре торжественно объявил: «Сегодня я не буду вам рассказывать про Древний Рим. Я расскажу, как ездил в Италию». В Рим, на Ближний Восток, или еще куда-то. Случай по тогдашним понятиям уникальный. Он рассказывает, мы внимаем. Все лучше, чем самому ответ держать. Он, кстати, прекрасный оратор был, просто великолепный. Говорил, правда, довольно странные вещи. Например, Наполеона постоянно сравнивал с Гитлером. У него самыми ненавистными деятелями были Цезарь,

Наполеон и Гитлер. Все одинаковы, друг друга стоили. А тут он рассказывает, как посетил Собор святого Петра в Риме. «Заходишь — а там купол гигантский...». Две группы ему внимали, в другой был такой Петя, фамилии не помню. Рост метр с кепочкой, но поперек себя шире. Штангист. Его за спортивные достоинства и взяли в университет, кстати сказать, — надо же двигать факультетский спорт. Простой, хороший парень. И вот Бокщанин произносит: «Громадный купол...». А Петя сидит, разинув рот, и говорит вслух: «Как в ГУМе, да?». Это был, конечно, для Бокщанина удар ниже пояса. Он с разинутым ртом так и застыл, постоял, сел, наконец, выдал из себя: «Нет, молодой человек, не как в ГУМе». Подумал и грустно произнес: «На сегодня занятие закончено». Вот такие бывали истории.

Была еще более смешная история. Не совсем, конечно, приличная. Тоже в студенческие годы. Повторяю, студент я был плохой, через раз ходил на семинары, не говоря уже о лекциях. И был семинар, кажется, по Новой истории. Что-то нужно было рассказывать про Маркса с Энгельсом. Сидели в старом здании на Моховой, за каким-то большим овальным столом. Как всегда с утра, может, с похмелья, прошу прощения, я подремывал, носом клевал. Поднимаю голову, народ корчится от с трудом сдерживаемого смеха. Первыми захихикали венгры, в нашей группе их было четверо. Все очень разные. С одним я потом встречался в Будапеште. Страшный антисоветчик был, но это другое дело. А народу на семинаре было две группы, человек, наверно, 20. Смотрю — девицы тоже хихикают. Я понять не могу, в чем дело. А бодро отвечал заученный текст студент-якут по фамилии Архипов. Надо отметить, якутский язык — тюркский. А тюрки звуки «б» и «в» путают. Особенно, когда волнуются. И вот он уверенно рассказывает, как «появилось беременное прабительство», про всякие там «проябления» классовых антагонизмов... И лепит, и лепит. Все хихикают, он себе продолжает. Хороший был студент. Выслушали, весело разошлись. А я, человек ехидный, подошел, говорю: «Никита, что ж ты себе позволяешь? Ты ж хулиган, дальше некуда». А он понять не может, в чем дело. Я говорю: «Ты что там говорил?». И воспроизвел его тексты. Он на меня обиделся и даже озлился. Вот такое случалось... А потом археологом стал. Кстати сказать, как-то он... Уже я в Институте работал. Стою внизу возле книжного киоска. Подходит какой-то человек

азиатской внешности, тоже смотрит книги. Посмотрел на меня и сообщает: «Моя фамилия Архипов». Отвечаю: «Здорово, Никита!». Пообщались как однокашники, про былые «проябления» не вспоминали. Вот такие были веселые случаи. Честно говоря, обычно вот такие вещи-то обычно я и запоминаю.

В.Т.: А юбилеи Института отмечались? В 1986 году было 50-летие...

В.Б.: Хоть убейте, вот этого я не помню. Надо было, наверно, запомнить.

В.К.: Орден Трудового Красного Знамени вручили.

В.Б.: Не отложилось совершенно в памяти. Далек я от всякой официальщины.

В.К.: Хорошо. Как «перестройка» повлияла на жизнь в Институте? Внутреннюю, общественную...

В.Б.: Это было, конечно, нечто. Надо сказать, в это время я больше не институтскими делами интересовался... Бегал повсюду по другим делам. Ну и в Институте все кипело. Как везде. «Перестройку» восприняли как нечто естественное, вздохнули с облегчением, радовались совершенно искренне... Ну и стали конструировать «лучшее прошлое», которого мы, конечно, были достойны. Восторгались и Горбачёвым, и Ельциным, которых сейчас это... Все это было. Ничего особенного. Конечно, возник такой парадокс: люди маститые, со степенями и монографиями, почему-то стали рваться в популярные газеты. Хотелось «отметиться», что-то «свое» объявить миру. Революция! И, сами понимаете, «белые пятна» стали выявлять. Возникли известного рода перверсии — и в научных представлениях, и в общественном сознании. В общем, все, что казалось уже привычным и устоявшимся, переворачивалось с ног на голову. Всякое было, и в Институте это было заметно. Молодежь особенно активизировалась. И я, помнится, чего-то написал «не то», на заседании сектора сделали замечание: «А что это Вы пишете? Вы не специалист по этой теме». А я отвечал: «Пишу, что считаю нужным». Сейчас утрирую, конечно.

В.К.: Свободу почуяли?

В.Б.: Да, что-то подобное было. Действительно, было ощущение свободы. Конечно, и глупостей много говорилось, без этого у нас не бывает, особенно в переломные времена. Тоже ничего особенного.

В.К.: И как потом это в 1990-е перетекло? Был ли какой-то резкий разлом, или просто постепенно ситуация менялась?

В.Б.: Откровенно говоря, наверное, в это время я почувствовал, что можно быть историком. Можно писать, говорить то, что думаешь. Вот и все. Это казалось просто счастьем. Другого даже и не помню. Бытовые трудности не замечались. Платить-то, сами понимаете, платили, но... Бумажек было много – иногда бывала сумка денег. В очередях за деньгами подолгу стояли, потом пачками выносили. Но на жизнь все равно не хватало. Надо было бы бежать из Института, другой деятельностью заниматься, поменять профессию. Но нет! Дураки, вроде меня, мечтали: «Вот теперь мы себя покажем!». Иллюзии. Они историкам свойственны, как и всем.

В.К.: А была ли у Вас возможность сменить вид деятельности?

В.Б.: Наверно, была. Не помню. Понимаете, не привык жалеть о каких-то альтернативах. Вообще не понимаю, к чему это нужно – альтернативы или поиски несостоявшегося прошлого. Не понимаю! Живи, крути педали. Вот и все.

В.К.: Но жизнь в Институте оживилась?

В.Б.: Наверно, оживилась. Как она могла не оживиться? Но что-то такое интересное припомнить не могу... До этого были так называемые теоретические семинары, где мы «развивали» и «углубляли» теорию марксизма-ленинизма применительно к исторической науке. Свообразное, конечно, мероприятие. Особенно запомнился Берхин, маститый ученый. Он по любому вопросу мог выступить. Все посмеивались, но кивали... А в 1990-е годы этих семинаров не стало. Каждый сам по себе. Уже без общей теории обходились. Вот, собственно, все, что я могу про это вспомнить. А так, наверное, жизнь была интересная.

В.К.: Вы при предыдущих наших неформальных общениях вспоминали о том, что ездили в Японию. Ваши коллеги говорили о том, что с заграницей проще стало общаться и вообще выезжать. Большой был интерес к нашим исследователям за границей?

В.Б.: Да, конечно. Хорошо принимали. Даже, пожалуй, слишком... А я раньше был «невыездной». Лишь в 1987 году меня выпустили в Монголию. Для начала, такая была практика... А в 1989-м уже в Штаты полетел что-то рассказывать про революцию тамошним антикоммунистам. Примерно то, что писали тогда за-

падные ревизионисты. Ну а потом пошло-поехало. В 1990-е годы очень много ездили, конечно. В 1992 году я впервые отправился в Японию. Это тоже было весьма и весьма любопытно: студенты про «северные территории» спрашивали, я их Жириновским припугнул... И по другим странам пришлось поездить. Тогда это впечатляло.

В.К.: Было ли ощущение культурного шока от столкновения с границей?

В.Б.: Нет, не было у меня никакого шока, не было совсем. Были, конечно, непривычные вещи, которые удивляли... Это естественно. Недавно напомнили, как я мечтал из Англии лопату привезти. Наши ученые дамочки в универсаме от тамошних бюстгальтеров балдели, а я восторгался красивыми лопатами. Но чтобы шок? От какого-то изобилия и прочее? Просто был психологически готов к увиденному. Я быстро адаптируюсь к «чужой» среде, включая даже экзотическую Японию. Некоторые японцы даже удивлялись, как я, не зная языка, совершал довольно длительные путешествия. Японцы тогда вообще не говорили на английском. А я обходился... Язык до Киева (или Киото) доведет. Ничего особенного.

И если что меня впечатлило, кстати сказать, так это благожелательность иностранцев. Даже, наверно, поразило. Нам, прямо или косвенно, внушали нечто обратное. А в них внутреннее напряжение отсутствовало. Это было весьма заметно. Улыбаются, доброжелательны, готовы помочь. Пожалуй, это меня больше всего удивило, поскольку все-таки я рос, воспитывался в атмосфере «холодной войны». А тут оказалось, что иностранцы, американцы в том числе, не страшные. А других впечатлений особо и не было.

В.К.: А впечатления от их достижений в изучении нас? Было ли ощущение, что они далеко ушли или сказали что-то новое, уникальное?

В.Б.: Понимаете, если учесть то, что Троцкого мы не читали... Все остальное можно, а его нельзя. В спецхране Ленинки был еще внутренний спецхран заведен... А я в спецхране лет 15, наверно, просидел. На четвертом этаже в комнате № 13. Сейчас там отдел Русского зарубежья, масса бывшей спецхрановской литературы. А в свое время для знакомства с Троцким требовалось особое разрешение. Давали, если тема соответствовала. Помимо Троцкого

в спецхранах прятали эротическую литературу. Она в Ленинке хранилась под грифом «Э» — «эротическое». Троцким и этой эротикой заведовала специальная дамочка, очень неприветливого вида. Правда, эротическую литературу я все же читал (*смеется*). Просто одна хорошая знакомая, которая там же, в спецхране, работала, попросила: «Придет мой братец, он английского не знает, попереводи ему». — «А чего переводить?». — «Да он сексолог, ему надо для совершенствования в профессии». Вот и пришлось переводить все эти книжки с картинками, альбомы типа «Страсти Екатерины» или «Секс в Древнем Китае». Он записывал. Читатели заглядывали через плечо, тоже интересовались. Сами понимаете, ничего особенного. Ничего нового, но нельзя... Главными врагами Советского Союза были признаны Троцкий и эротика. Вот так вот. Как дозволили Троцкого, дозволили и эотику. А потом и Советского Союза не стало.

В.К.: Вот в чем секрет-то.

В.Б.: Диалектика, понимаете.

В.Т.: Особенно эротика. Троцкий, Бог с ним. Распустили народ.

В.Б.: Да, распустили народ... Чего там еще?

В.К.: Публикации. В советское время, как я понимаю, было сложно опубликоваться. В 1990-е уже никаких проблем.

В.Б.: Вы знаете, я и раньше освоился с этим. Стал даже зарабатывать всякими публикациями... Тогда они оплачивались. Книжки кое-какие выходили тоже, учебные пособия. В общем, можно было заработать. Кстати, большого напряжения для этого не требовалось. Надо было работать. Не думаю, чтоб я работал более интенсивно, чем сейчас. А в 1990-е годы с публикациями совсем легко стало, зато с деньгами трудно. Кстати сказать, именно с 1990-х я стал особенно интенсивно публиковаться. И до сих пор публикую — пожалуй, слишком много. Так графоманию можно подхватить. Да, да. На самом деле не стоит публиковать слишком много — приедается. Однако нынешняя наукообразная грантово-рейтинговая суэта затягивает. Надо то, надо это, везде успеть.

В.К.: От многих старших коллег слышал довольно неприятные слова о журналистах, которые берут интервью и потом все перевирают. Такое неприязненное отношение историков к журналистам в 1990-е сложилось? Или уже в «перестроечные»?

В.Б.: Ну, до 1990-х годов я с журналистами-то не помню, чтобы сталкивался. Что касается 1990-х, то прямой эфир, особенно на телевидении, меня привлекал. Мне это даже нравилось — адреналин! Затем ситуация изменилась. Можно было вляпаться в дурацкую историю, стать посмешищем коллег. Случалось!.. Когда выдергивают что-то из контекста, получалось хуже некуда. Иной раз с точностью до наоборот... Да и вообще, как говорят сами телевизионщики, монтаж чудеса творит. И лично я не раз попадался с этим, несмотря на соответствующие заверения со стороны журналюг. Сейчас я на основные каналы не пойду ни за что, ни к кому не пойду. Можно идти только к знакомым ведущим. А в целом телевидение — кошмар исторической науки... Сами тележурналисты отговариваются: «Ну, Вы знаете, у нас особый жанр». Жанр узаконенного вранья, в лучшем случае — непреднамеренного. Историческая наука и без того, как я говорил, ходит по грани. В советское время один приличный историк так сформулировал свое кредо: «Врать поменьше надо». Действительно, поменьше надо врать. А ныне взалхлеб брешут... Помню, один известный «теледокументалист» допытывался: «А что сенсационного было открыто применительно к 1917 году?». Сходу отвечал: «Успокойтесь. Ударниц¹⁵ не насиловали. Это обыватели решили, что без этого никак было нельзя» (*смеется*). Примерно так приходилось с ними общаться. Увы, людям нужны страшилки, а не истина.

В.К.: «Клубничку» подать?

В.Б.: Да не только «клубничку», готовы все дерьмо прошлого смаковать.

В.Т.: Вы преподавали?

В.Б.: Чуть-чуть.

В.Т.: Преподавание мешает занятию наукой или, наоборот, стимулирует?

В.Б.: Если в небольших дозах, это может даже и стимулировать. Зададут какой-нибудь нелепый вопрос, оказывается, для ответа нужно по-новому посмотреть на проблему. Но постоянно пересказывать одно и то же — для меня смерти подобно. Преподавание — не для меня.

---

¹⁵ Имеются в виду военнослужащие 1-го Петроградского женского батальона смерти, осенью 1917 г. охранявшие Зимний дворец, в котором располагалась резиденция Временного правительства.

Кстати сказать, что касается преподавания и даже учебников. Любопытная история. Во времена «разрядки»¹⁶ пробовали сотрудничать с американцами по школьным учебникам. Слышали об этом? Приехала президентская комиссия, привезла несколько десятков килограммов американских школьных учебников. У них в каждом штате может быть свой набор. Мысль была здравая: взаимно анализируем, что пишем друг о друге.

Вот здесь, надо сказать, было чему поразиться. Берешь какой-нибудь учебник и узнаешь: у России было несколько столиц. Первая — Киев, вторая — Сарай, третья — Москва. Потом Петербург. Потом снова Москва. Думаешь: «Что за хрень?». Потом попривык. Ну, вот так в какой-нибудь американской глубинке нас представляют. Столица у нас дрейфующая — не иначе правители от медведей бегали. Другое, помнится, меня резануло. Вторую мировую войну они излагают, и подсовывается риторический по сути дела вопрос: «Какое поворотное событие предопределило ее итог? Сталинградская битва или сражение при Эль-Аламейне?». В общем «ненавязчиво» внушают: союзники были главными в этой войне, их победа при Эль-Аламейне и стала главным, решающим, поворотным ее событием. Со временем прикинул — а что могли написать тамошние патриоты? По поводу их учебников написал какое-то заключение. Помнится, Юрий Александрович Поляков — он тогда еще не академиком, а членкором был — этим делом заведовал. Он отозвался: «Ну, дипломатично написано». У меня, кстати сказать, отношения с ним были какие-то такие не очень. Только к концу его жизни они улучшились. По-другому мы стали относиться друг к другу. Но это другая уже история.

В.Т.: С Вашей точки зрения, в нашем Институте какие-то научные школы, реальные научные школы существовали? И продолжают ли они существовать сейчас?

В.Б.: Вы знаете, дорогой Виталий, у меня взгляд на это дело несколько эгоцентричный, наверное. Я считал и считаю, что историк это штучная такая профессия, что ли. Да и могли ли быть полномасштабные школы во времена марксистско-ленинского

---

¹⁶ Или «разрядка международной напряженности» — снижение накала противостояния и расширение сотрудничества СССР и «капиталистических» стран Запада в период с 1969 по 1979 гг.

школярства? Если школы складываются сами по себе, если научная общественность их признает, отличает, выделяет, если что-то передается следующим поколениям, то это действительно школа, которая и нужна, и неизбежна. Это можно только приветствовать. Хотя, еще раз повторяю, я предпочитаю индивидуальную работу.

Когда говорят, что я основатель такой-то школы-направления, как сейчас это принято, это у меня вызывает и смех, и раздражение. Это сущая нелепость: объявляю себя выдающимся – отцом-основателем со многими последователями. Самозванный корифей – это круто! Однако кому ты нужен? Да и вообще, откуда у тебя время находится, чтобы твердить об этом? Так что на все современные школы я смотрю скептически.

Еще раз повторяю, на мой взгляд, конечно, работа историка – сугубо индивидуальна. Хотя и приходится участвовать в коллективных работах. Но для меня все эти коллективные работы – мучительный процесс. Ничего хорошего в этом не вижу. Фактически сколько существует настоящих историков – столько и версий. Иначе быть не может. Коллективно они открытия не сделают. Хотя повторяю, что история, конечно, время от времени требует своего рода конвенциональных установок. Надо же поток самодеятельного вранья попридержать. То есть время от времени возникает потребность в общей точке зрения, способной сыграть роль смирительной рубашки для историографических наполеонов. Таковые, как ни странно, появляются. В связи с этим «официальная» точка зрения (разумеется, если она научно аргументирована) может сыграть положительную роль. Но лишь на определенное – не столь значительное по историческим меркам – время. Что касается историографических крикунов, то это заведомая нелепость, даже извращение. Мне кажется у таких людей с психикой не совсем хорошо. Но Бог с ними, как говорится. Вот так бы я ответил на этот вопрос.

В.Т.: А кого бы Вы назвали самым выдающимся историком Института из тех, с кем Вам пришлось общаться?

В.Б.: Строго говоря, вопрос не самый корректный... Вы знаете, многих можно было бы назвать. Лично на меня наибольшее влияние оказал Станислав Васильевич Тютюкин. С самого прихода в Институт... Хотя я не могу сказать, что постоянно с ним общался. Он, конечно, был намного выше своего окружения

во всех отношениях. И я должен признаться: все мы по-разному относимся к своим коллегам. Отношения складываются не только по линии научных достижений, заслуг, открытий и тому подобное. Моральная сторона и вообще личные качества играют существенную роль. В этом смысле я многих мог бы назвать, однако их по большей части их уже нет среди нас. Есть, к счастью, здравствующие. Так, с Ивановым Анатолием Евгеньевичем я в прекрасных отношениях, но скорее в силу какой-то общности характеров. Больше он меня с этой стороны привлекает. Хотя, конечно, он уникальный специалист в своей области.

В.Т.: А Вы могли бы составить портрет идеального историка? Качества, которыми должен обладать человек, чтобы стать историком?

В.Б.: А я не знаю, возможно ли и нужно ли нечто подобное. Мы разные, так и должно быть – в этом скорее сила, нежели слабость исторической науки. Несмотря на индивидуальный характер деятельности, мы несем нечто общее. Мы функциональные единицы, частицы общего познавательного процесса. А что такое идеальный историк – понятия не имею. Сам я точно не идеальный! И идеальных как-то не вижу. Даже среди своих близких знакомых, друзей.

В.К.: Может ли вообще в истории быть некий эталон исследователя?

В.Б.: Не знаю. Я себе такого не представляю. Я точно не эталон. Упаси Боже! И не стараюсь, и не пытаюсь им быть.

В.Т.: Хорошо. А как Вы оцениваете современную ситуацию в науке? В исторической, конечно.

В.Б.: Ситуация, по-моему, ужасная. Хуже трудно представить даже на фоне советского застоя. Кстати, он не преодолен, инерционность мысли поразительная. «Антимарксисты» оперируют марксистскими понятиями, обвиняя других в коммунистических пристрастиях. Эмоции забивают способность к анализу. Ищут лучшие альтернативы в прошлом. Хотя, если уж говорить о каких-то альтернативах в истории, то нужно подумать и о худших вариантах. Впрочем, это мое субъективное мнение, причем мнение автора, который работает в довольно комфортных условиях. Надо помнить, что история как наука не то что не нужна, она даже противопоказана общественному сознанию. Противопоказана, потому что зачем знать о потаенных ужасах ушедших

веков, как говорил Ницше? Да общество с ума сойдет, увидев свой портрет! Чокнется! Причем эти потаенные ужасы — внутри нас. А потом, зачем обществу подлинная история? Способно ли оно, взглянув на нее, сделать нужные выводы? Сомневаюсь! В этом смысле история не нужна, точнее — нужна в дозированном виде.

Зачем, действительно, научная история в век телевидения, интернета и тому подобное? Мир-то стал «плоским». Сиди, поешь, кушай, пей, развлекайся и так далее и тому подобное. Есть учебник для школы, ВУЗа. Если в учебнике чего-то нет, тебе с телеэкрана расскажут завлекательную байку. А история как наука, которая идет вглубь, совершенно не нужна. И вообще, зачем такие люди, которые неизвестно что могут извлечь из прошлого? Ведь прошлое — это страшная вещь, а вовсе не «нас возвышающий обман». Прошлое постоянно стреляет в настоящее. История повторяется, точнее, на самом деле, не столько повторяется, сколько «рифмуется». Это Марк Твен сказал, между прочим. История именно рифмуется, предлагая все новые варианты решения вечных проблем. Зная историю, совершенно по-иному видишь происходящее сегодня. Можно сказать, что начинаешь различать «стандартные ситуации». И в этом случае каждый «новый» деятель — особенно политический — предстанет пародией на своего пронафталиненного собрата. И все ныне происходящее может поневоле восприниматься в каком-то окаррикатуренном виде. Историк, который это видит, вообще общественно опасный или, по крайней мере, вредный человек. Но это относится к нормальным историкам, которых не очень-то, слава Богу, много. Остальные пишут то, что надо, поддакивают кому надо. Ничего с этим не поделаешь.

В.К.: Историк опасен только для современности или вообще?

В.Б.: Да и вообще. Историк это человек, который вечно лезет, куда не надо. Вот и все.

В.Т.: Как бы Вы оценили реформу РАН?

В.Б.: Вы понимаете, если мы с вами согласились, что современному обществу и современной власти всякая наука не очень-то нужна, то власть вольно или невольно, намеренно или произвольно все будет делать для того, чтобы историю просто тихо удушить. Вот это и происходит. Я не говорю, что это делается целенаправленно, намеренно. Но историки не нужны, это

дурная публика, их надо скрутить, чтобы не высывались. А что касается нынешней околоисторической бюрократии, так это вообще кошмар. Они просто изводят нас всякими справками, отчетами. Чего только мы не писали! Это же кошмар просто какой-то! Любого нормального человека, которому просто недосуг этим заниматься, можно до инфаркта довести. Если вовремя по жалкому гранту ты не отчитался — все, пропал! В «черный список» тебя включат. Со своей стороны смотришь — а зачем вообще с ними связываться-то, если хочешь быть свободным исследователем? И пусть бюрократы занимаются своими делами и увянут среди них.

Как бы то ни было, нынешняя ситуация, безусловно, ничего хорошего для исторической науки не несет. В том числе и благодаря грантам, на которые мы существуем.

В.Т.: А Вы хотели бы что-нибудь изменить в организации исторической науки?

В.Б.: Хотел бы, чтобы денег больше платили, чтобы пинком под зад гнали халтурщиков! *(усмехается)*. Вот и все! Вот такая мечта-иллюзия. Ничего особенного.

В.К.: Думаете, исполнимо?

В.Б.: Да нет, конечно. Ну что вы! Нет, надо быть реалистом. Понимаете, всякий научный коллектив, состоящий из одних гениев, обречен. Они удушат, сожрут друг друга. Какое-то наполнение, какой-то балласт нужен. Лучше, конечно, чтобы это были середнячки, а не идиоты. Когда количество идиотов и халтурщиков зашкаливает, совсем плохо.

В.К.: Что бы Вы сказали об исторической молодежи?

В.Б.: А она разная. И вообще-то это дурное дело — твердить, что «молодежь не та пошла». Она всегда «не та». Так что на эту тему говорить бессмысленно. Тем более что человеку в определенном возрасте молодежь в принципе не может особенно нравиться. Это социально-биологический закон. К тому же, что из того, что мне не нравится явление объективно неизбежное? Если ты историк, то на этом тем более не стоит зацикливаться.

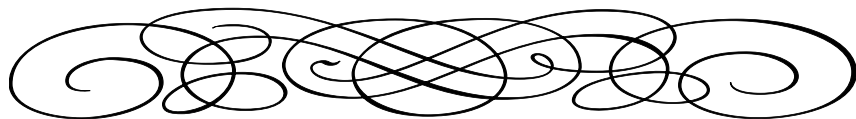
В.К.: Вы говорили о коллективе. А историк — он, прежде всего, коллективист или индивидуалист?

В.Б.: Как он может быть коллективистом, когда он один сидит в архиве, зарылся в материал, который больше никому не интересен? Ну, какой из него коллективист? Во всяком случае, из меня

никакого коллективиста (несмотря на то, что я в коллективных работах участвую и в соавторстве выступаю) не может быть. Нет, историка коллективиста себе не представляю. Науку двигают одиночки. Причем – отчаянные одиночки.

В.Т.: На этой оптимистической ноте... Огромное спасибо. Низкий Вам поклон за все, что Вы нам рассказали. Безумно интересно.

В.Б.: Да ладно!

Доктор исторических наук
Маргарита Георгиевна Вандалковская
«Первые 30 лет моей жизни в Институте»

Вся моя жизнь связана с исторической наукой, которой я увлеклась в школьные годы. Меня интересовала общественная мысль XIX в., особенно деятели этого времени – В.Г. Белинский, А.И. Герцен, их мировосприятие, интеллект, размышления о потребностях жизни. Поэтому поступление на исторический факультет МГУ было вполне осознанным. Учеба в университете значительно расширила и обогатила представления об истории, ее сущности, роли и проблемах.

Я думаю, что все, кто учился на истфаке МГУ, с благодарностью вспоминают своих учителей: Л.В. Черепнина, П.А. Зайончковского, И.А. Федосова, Е.Н. Городецкого, С.С. Дмитриева, А.В. Арциховского и др. Получив рекомендацию в аспирантуру, я не имела права воспользоваться ею, так как вышло постановление о необходимости для поступления иметь стаж работы. Мой научный руководитель, участник войны, яркий и мыслящий преподаватель, впоследствии ставший проректором МГУ по гуманитарным наукам, И.А. Федосов направил меня в Институт истории АН СССР к тогдашнему заместителю директора Л.С. Гапоненко, который занимался пополнением кадрового состава и, как я потом узнала, слыл всемогущей личностью. Он любезно принял меня, сказав, что у него есть ставки только для специалистов по советскому периоду, «а если Вы отказываетесь от советского периода, то приходите через три месяца». И я согласилась ждать. Теперь думаю, что это было наивным решением – могла

и не попасть в Институт. Но через три месяца меня зачислили по договору (испытательный срок) и быстро перевели в штат.

Я попала в замечательный научный коллектив: Сектор источниковедения, которым руководил известный специалист А.А. Новосельский. Его монографию «Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в.»¹ мы изучали, оказавшись в этом Секторе. Алексей Андреевич был умным и мудрым человеком, доброжелательно относился к своим коллегам и особенно к молодежи.

Сектор вел большую публикаторскую и источниковедческую работу по разным периодам и проблемам отечественной истории. Летописанием занимался красивый и умный А.Н. Насонов, происходивший из рода участника Крымской войны адмирала В.А. Корнилова; из молодых ученых публикацией летописей занимался В.И. Буганов. Опытные исследователи Е.П. Подъяпольская и А.И. Глаголева готовили к изданию «Письма и бумаги Петра Великого». Характерно, что, будучи первоклассными профессионалами и авторами большого числа научных трудов, они защищали свои кандидатские диссертации в позднем, 50–60-летнем возрасте. Это было знамение времени. Участники Великой Отечественной войны, бывший офицер-артиллерист М.А. Булыгин и ученый секретарь Сектора Л.Н. Пушкарёв, занимались теоретическим источниковедением и публикаторской деятельностью.

Школу источниковедения прошла в эти годы большая группа молодежи Сектора. Среди них С.М. Каштанов, отличавшийся неистребимым юмором, В.А. Кучкин, неистово преданный своим научным увлечениям. Не могу не вспомнить Л.А. Никитину, занимавшуюся английскими хрониками XVI в. о России, которая была влюблена в творчество Шекспира и зорко следила за его переводами на русский. Хорошая память сохранилась о любителе поэзии В.М. Кабузане, Л.И. Ивиной, Л.З. Мильготинной, Я.В. Водарском, которых, к сожалению, уже не стало.

Несмотря на разные темы занятий, Сектор объединяла наука об исторических источниках — источниковедение. Об этом заботился Алексей Андреевич. По его рекомендации мы изучали

---

¹ Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. М.; Л., 1948.

отечественную и зарубежную литературу. Помню, что особой популярностью у нас пользовался источниковедческий труд французского ученого Ш. Сеньбоса².

Оказавшись в Секторе, я была включена в группу по подготовке к изданию документов по революции 1905–1907 гг. В ней работали Е.В. Иллерицкая, К.М. Платонова и Л.А. Никитина. Но работа оставила мрачное впечатление. Некоторые старшие коллеги призывали эсеровские листовки классифицировать как социал-демократические. Мы с Никитиной восстали против этой фальсификации. Сектор нас поддержал, и мы ушли из группы. Это был неприятный эпизод.

Моей основной работой стала подготовка к публикации дневников Министра внутренних дел П.А. Валужева (1861–1876)³ и Государственного секретаря А.А. Половцева (1883–1892)⁴. Ответственным редактором этих изданий был известный ученый, профессор МГУ Пётр Андреевич Зайончковский. Мы работали в Центральном государственном архиве Октябрьской революции (ЦГАОР), где хранились дневники. Была сформирована группа, в которой принимали участие сотрудница сектора Платонова и я, от архива – Герман Михайлович Лившиц, талантливый и образованный ученый, к сожалению, рано ушедший из жизни.

Работа проходила несколько этапов. У каждого сотрудника была своя часть текста, на отдельных листах отмечались неразборчивые и сомнительные места, несогласованные фразы, трудные слова и т.д. Мы обменивались рукописями и прочитывали их вместе. Далее дневники перепечатывались квалифицированными машинистками, и мы сверяли сделанную ими копию с подлинником. Пётр Андреевич два раза в неделю приезжал в архив и просматривал наши материалы. Следующий этап работы проводился в квартире Петра Андреевича (он жил в высотном доме у Красных ворот). Из архива ему привозили подлинные тетради дневника. Мы просиживали у него по 4–5 часов. Выборочно читали дневник, обращая внимание не только на несуразности текста, но и на переводы с французского языка, выполнен-

² Речь идет о книге: *Ланглуа Ш. В., Сеньбос Ш.* Введение в изучение истории. СПб., 1899. В 2004 г. вышло второе издание книги на русском языке.

³ Дневник П.А. Валужева, министра внутренних дел: в 2 т. М., 1961.

⁴ Дневник государственного секретаря А.А. Половцова: в 2 т. / ред., биогр. очерк и коммент. П.А. Зайончковского. М., 1966.

ные сотрудницей Национального комитета историков СССР⁵ Н.В. Розанцевой. Эта многотрудная кропотливая работа, проводимая опытным и требовательным руководителем, каким был Зайончковский, как я осознала позднее, имела для нас большую пользу — она способствовала формированию ответственного отношения к культуре публикаторского труда.

В Секторе я выступила со своим первым научным докладом по теме «Допросы А.И. Герцена в следственных комиссиях 1834 г. как исторический источник», по которому затем опубликовала статью в «Археографическом ежегоднике». Жизнь Сектора была активной и интересной. Мы, особенно молодежь, с удовольствием отмечали все праздники. Много пели. Отличался в этом В.А. Кучкин, хорошо знавший современные и туристские песни.

В 1962 г. нас настигла печальная весть: наш Сектор расформировали. Объяснялось это необходимостью создания двух секторов источниковедения — по советскому и досоветскому периодам. Но до нас доходили слухи, что причиной ликвидации Сектора стала ссора Новосельского с Гапоненко, которого Алексей Андреевич обвинил в невежестве. Сотрудникам было объявлено, что они по своему желанию могут выбрать для дальнейшей работы любой сектор (разумеется, по согласованию с его руководством). Мой переход в Сектор истории исторической науки оказался не случаен. Я со школьных лет интересовалась русской общественной мыслью XIX в. и даже выступала с докладами о Белинском.

Определяющей в моем становлении как ученого стала встреча с Милицей Васильевной Нечкиной. Под ее руководством я защитила кандидатскую и докторскую диссертации. Это была уникальная личность. Она обладала превосходным историческим образованием, высоким мастерством литературоведа, психолога и педагога. Но самое главное — была очень умным и проницательным человеком. Знания и общечеловеческая культура обогащали ее талантливую и восприимчивую натуру.

Я много писала о Милице Васильевне. Но, вспоминая о ней, хотелось бы подчеркнуть одну особенность ее научного мето-

---

⁵ Ныне Национальный комитет российских историков. Создан в 1955 г. с целью развития международных связей советских историков, содействия ознакомлению научной общественности зарубежных стран с достижениями исторической науки в СССР, публикации статей советских ученых в зарубежных журналах.

да — индивидуальное отношение к человеку. Это проявлялось и в научной, и в педагогической деятельности. С целью понять побудительные мотивы личности она изучала психологию и математику, цenia логику этой дисциплины. Внимание к личностному началу ярко проявилось в ее трудах о декабристах, А.С. Пушкине, А.С. Грибоедове, В.О. Ключевском, революционных деятелях 1860-х гг. Изучение человеческой личности, в том числе ученого, по ее мнению, не может ограничиваться его трудами. Духовный мир, душевный склад, свойства натуры, облик, привычки, увлечения и т.д. — предмет обязательного изучения, что Милица Васильевна осуществляла в своих исследованиях. Тем самым она расширяла и обогащала представление об историческом творчестве. А науку «история» считала именно творчеством, создание же исторических трудов — явлением культурного развития, тесно связанного с общеисторическим процессом.

И в исторических трудах, и в литературных Нечкина придавала огромное значение функции созданного образа, то есть его восприятию и воздействию на читателя. Применительно к историческому сочинению эта мысль выражена словами Ключевского: «Тайна искусства писать — уметь быть первым читателем своего произведения». Функция художественного и научного сочинения должна быть адекватной замыслам писавшего. Но на практике это не всегда совпадает.

Мне вспомнился один эпизод. Я присутствовала при беседе Милицы Васильевны с художественным руководителем театра сатиры В.Н. Плучеком. Он, очевидно, был хорошо знаком с трудами Нечкиной о Грибоедове и пришел пригласить ее быть консультантом в постановке «Горя от ума»⁶. Милица Васильевна спросила: «Вы, вероятно, на роль Чацкого предполагаете поставить Андрея Миронова?». И, услышав утвердительный ответ, отклонила предложение, сказав, что Миронов не сможет передать сложность замысла Грибоедова и созданный им художественный образ не выполнит своего назначения.

Нечкина считала, что в будущем должна возникнуть научная дисциплина, изучающая процесс художественных и научных тру-

---

⁶ Премьера спектакля с Мироновым в роли Чацкого состоялась в Московском театре сатиры 10 декабря 1976 г.

дов. Междисциплинарное сочетание литературы, истории и психологии она признавала весьма плодотворным.

Сектор истории исторической науки во время моего включения в его работу жил напряженной жизнью. Под началом Милицы Васильевны работали также Научный совет по истории исторической науки и Группа по изучению первой революционной ситуации в России (1859–1861 гг.). Заместителем Милицы Васильевны по Сектору был Ефим Наумович Городецкий, лекции которого я слушала в университете. Старшее поколение представляли М.А. Алпатов, занимавшийся русской и западноевропейской исторической мыслью XII–XIX вв., и В.А. Дунаевский – специалист по историографии Новой истории стран Запада. Объединение русистов и «всеобщников» плодотворно сказывалось на работе. Постоянно посещали наш Сектор Л.В. Черепнин, в то время заведующий Сектором феодализма, с которым Милица Васильевна была очень дружна, Б.Г. Вебер, Б.Ф. Поршневу, А.М. Станиславская и др.

В середине 1960-х гг. Сектор завершал работу по подготовке к изданию «Очерков по истории исторической науки в СССР». Первые три тома уже были опубликованы, шла корректура четвертого тома и подготовка к изданию пятого. Всех сотрудников мобилизовали на эту работу. Читали корректуру, причем особая ответственность, как говорил Ефим Наумович, ложилась на молодежь, которая не имела права пропускать ошибки типографского набора. Следует заметить, что создание «Очерков» сопровождалось острой полемикой и требует специального и документального рассмотрения.

У меня, недавно погрузившейся в научную атмосферу, неизгладимое впечатление оставили обсуждения этого общесоюзного издания. На четвертом этаже, в заполненном до отказа Актовом зале, собирались ученые из разных городов и республик. Здесь можно было увидеть и услышать выступления Б.Г. Могильницкого (Томск), А.К. Бирона (Рига), Б.Ю. Вайткявичюса (Вильнюс), К.С. Худавердяна (Ереван), В.Г. Сарбея (Киев), А.Н. Цамутали (Ленинград), Г.Ф. Дахшлейгера (Алма-Ата) и др. Состояли в Совете по истории исторической науки и постоянно участвовали в его мероприятиях ученые московских институтов и ВУЗов: А.О. Чубарьян, Г.С. Кучеренко, В.И. Дурновцев, О.В. Волобуев и др.

Стимулом развития исторической мысли являлись многочисленные конференции, проводившиеся в разных городах: Москве, Киеве, Вильнюсе, Саратове, Воронеже, Калининe, Смоленске, Сыктывкаре... Помню, как в 1979 г., накануне отъезда на конференцию в Ригу, посвященную развитию исторической науки конца XIX – начала XX в., позвонила Милица Васильевна и пригласила ехать с ней в купе СВ. Я, конечно, беспокоилась. Но никогда не забуду этой поездки. Вечером к нам в купе пришел ехавший на эту конференцию в другом вагоне поезда известный историк из Перми Л.Е. Кертман. Они с Милицей Васильевной поочередно читали стихи Пастернака и Ахматовой. Это продолжалось до четырех часов ночи. Милица Васильевна прочитала и несколько своих стихотворений (она очень любила и понимала поэзию). Позднее она сказала мне: «Назовите эту поездку ночью поэзии».

Группа по изучению первой революционной ситуации в России, в которой я принимала участие, разрабатывала проблему многоаспектно. Изучались массовое крестьянское движение, деятели освободительной борьбы, прокламационная литература, революционные центры, эпоха в ее экономическом и культурном измерении. Заседания Группы Милица Васильевна проводила в гостиных Дома ученых⁷. Специалисты по этим проблемам, работавшие как в Москве, так и в других городах Союза, собирались на эти заседания, делали доклады и обсуждали их.

Мне вспомнилось одно заседание, на котором В.А. Фёдоров делал доклад на основе архивных источников о крестьянском движении в годы первой революционной ситуации. На трибуне оказался Зайончковский и заявил, что никакого крестьянского движения не было, как и революционной ситуации, что это предвзятая точка зрения. После его выступления Милица Васильевна заключила: «Перед нами выступал советник Александра II». Это, разумеется, вызвало оживление и смех. Зайончковский часто выступал с подобными заявлениями, и они постоянно

---

⁷ Центральный дом ученых (Москва, ул. Пречистенка, д. 16) – научно-культурное учреждение Академии наук, место общения учёных различных специальностей, а также артистов, литераторов и других деятелей искусства. Создан в 1922 г. В здании ЦДУ расположены большой концертный зал (500 мест), камерный концертный зал (90 мест), ряд гостиных (Голубая, Зеленая, Розовая, Золотая) для встреч и презентаций и для заседаний научных секций, и др. помещения.

полемизировали с Нечкиной. Но, как свидетельствовали и Пётр Андреевич, и Милица Васильевна, будучи членами ВАКа⁸, они всегда выступали единым фронтом против некачественных и бездоказательных диссертаций.

Помимо обсуждений актуальных научных проблем группа в составе Е.Л. Рудницкой, Ю.Н. Емельянова, Л.Ф. Кузьминой, М.Н. Брусиловской, И.А. Желваковой и др. вела большую публикаторскую работу. В ней принимала участие и я. Вышли в свет факсимильные издания «Вольной русской типографии» А.И. Герцена и Н.П. Огарёва; «Колокол»⁹, «Полярная звезда»¹⁰, «Голоса из России»¹¹, «Исторические сборники»¹². К ним прилагался большой справочный материал в виде комментариев и указателей: предметного, именного, географического, литературных персонажей и др. Этот чрезвычайно ценный источниковый материал впервые вводился в широкое обращение.

Моя работа в Секторе помогла с выбором темы кандидатской диссертации. На одном из заседаний Группы выступила

⁸ Высшая аттестационная комиссия при Совете министров СССР (1933–1991) – государственный орган, отвечавший за обеспечение государственной аттестации научных и научно-педагогических работников (утверждение диссертаций, присуждение или лишение учёных степеней доктора и кандидата наук, присвоение учёных званий). Ныне – Высшая аттестационная комиссия при Министерстве науки и высшего образования РФ.

⁹ Колокол. Газета А.И. Герцена и Н.П. Огарёва. Вып. I–X. Факсимильное издание. М., 1962–1964; Колокол. Газета А.И. Герцена и Н.П. Огарёва. Выпуск X. Приложения. Факсимильное издание. М., 1964; Колокол. Газета А.И. Герцена и Н.П. Огарёва. Выпуск XI. Указатели. М., 1962; Колокол. Kolokol. Газета А.И. Герцена и Н.П. Огарёва. Переводы. Комментарии. Указатели. М., 1978; Колокол. Kolokol. Газета А.И. Герцена и Н.П. Огарёва. Факсимильное издание. М., 1979.

¹⁰ Полярная звезда. Журнал А.И. Герцена и Н.П. Огарёва. Кн. I–VIII. Факсимильное издание. М., 1966–1968; Полярная звезда. Журнал А.И. Герцена и Н.П. Огарёва. Комментарии и указатели. М., 1968.

¹¹ Голоса из России. Сборники А.И. Герцена и Н.П. Огарёва. Вып. 1 (книжки I–III). Факсимильное издание. М., 1974; Голоса из России. Сборники А.И. Герцена и Н.П. Огарёва. Вып. 2 (книжки IV–VI). Факсимильное издание. М., 1976; Голоса из России. Сборники А.И. Герцена и Н.П. Огарёва. Вып. 3 (книжки VI–IX). Факсимильное издание. М., 1976; Голоса из России. Сборники А.И. Герцена и Н.П. Огарёва. Вып. 4 (комментарии и указатели). М., 1975.

¹² Исторический сборник Вольной русской типографии в Лондоне А.И. Герцена и Н.П. Огарёва. Кн. 1, 2 (1859, 1861). Факсимильное изд., кн. 3 – комментарии и указатели. М., 1971.

З.И. Базилева. Она упомянула имя М.К. Лемке – первого издателя в России полного собрания сочинений Герцена. Я вздрогнула, подумав: «Вот чем надо заниматься». И вдруг получаю записку от Милицы Васильевны: «Рита, Лемке – вот Ваша тема». Это было радостным совпадением. Работа над кандидатской диссертацией стала счастливым периодом моей жизни. Я месяцами просиживала в архиве Пушкинского дома в Ленинграде. В это же время ленинградцы Б.В. Ананьич и Р.Ш. Ганелин занимались трудом Лемке «Святая дружина Александра III» (тайное общество борьбы с крамоллой 1881–1882 г.). Лемке я была обязана знакомству с этими яркими и незаурядными личностями и добрым дружеским отношениям, которые продолжались всю жизнь. А работа «Святая дружина...», которую они мне прислали, была опубликована лишь в 2012 г.¹³

С учениками Милица Васильевна вела индивидуальную работу у себя дома. Я помню первое посещение. Волновалась и думала, что ничего не смогу сказать, кроме каких-то общих соображений. Но она, как опытный педагог, сумела заставить говорить то, о чем я даже не подозревала. На начальной стадии работы Милица Васильевна рассказывала, как надо читать научную книгу, делать выписки, систематизировать собранный материал, составлять картотеку, т.е. делилась техникой написания научного сочинения. Позднее она читала для аспирантов Института лекцию «Как работать над научным докладом», с этой же темой выступала в Высшей комсомольской школе¹⁴ по просьбе тогдашнего ее руководителя, небезызвестного Ю.Н. Афанасьева. Он, кстати, несколько позднее обсуждал в нашем Секторе свою докторскую диссертацию об «Анналах»¹⁵, главным оппонентом которой выступал И.Д. Ковальченко, в то время первый заместитель Нечкиной по совету «История исторической науки».

¹³ Лемке М.К. Святая дружина Александра III (Тайное общество борьбы с крамоллой). 1881–1882 годы. По неизданным документам. СПб., 2012.

¹⁴ Высшее учебное заведение, создано в 1969 г. на базе Центральной комсомольской школы для теоретической подготовки и переподготовки руководящих кадров комсомола, сотрудников молодежной печати. Ныне – Московский гуманитарный университет.

¹⁵ Название докторской диссертации Ю.Н. Афанасьева – «Французская историческая школа “Анналов” в современной буржуазной историографии (1929–1979): критический анализ эволюции теоретико-методологических основ». Защищена в 1980 г.

Встречи и беседы о собранном материале и замысле построения диссертации проходили систематически. Но они не ограничивались научными темами. Милица Васильевна много рассказывала о себе, своих невзгодах и неудачах, ярко характеризовала окружающих ее людей (в этом у нее был особый дар), пронизательно судила об особенностях творческого содружества и научного мира, отмечая часто присущие ему амбициозность и непримиримость.

Милица Васильевна пристально следила за ходом работы и ростом учеников. Часто вечером, за день или два до заседания, звонила по телефону и просила выступить по обсуждаемой теме. Приходилось мобилизовать все свои возможности и готовиться к выступлению. Важно отметить, что молодые сотрудники Сектора находились под постоянным благожелательным надзором его руководства. Милица Васильевна и Ефим Наумович не только учили нас, но и умело вовлекали в общую работу. Так, например, на международной конференции в Смоленске (1973)¹⁶, которую проводил наш Институт, я и Г.Д. Алексеева выступали с докладами о диссертациях по историографии. Так не только обеспечивалось участие молодежи в работе, но и поступала в научное сообщество информация о развитии этой науки.

Моя докторская диссертация также находилась под пристальным оком Милицы Васильевны. Она выступала на ее обсуждении и защите. Оппонентами выступали И.Д. Ковальченко, С.С. Волк и А.Н. Цамутали. Это было в 1983 г.¹⁷

Одна из последних встреч с Нечкиной, когда она была относительно здорова и активна, состоялась в Узком¹⁸, где она находилась. Я увидела ее идущей по парку. При встрече Милица Васильевна сказала мне: «Все думают, что я гуляю, а я работаю». Ее целеустремленность и преданность профессии поражает. Она

---

¹⁶ Вопросы историографии в высшей школе: Всесоюзная конференция преподавателей историографии истории СССР и всеобщей истории университетов и педагогических институтов, Смоленск, 31 января – 3 февраля 1973 г. /отв. ред. М.В. Нечкина. Смоленск, 1975.

¹⁷ Тема докторской диссертации М.Г. Вандалковской – «История изучения русского революционного движения XIX в. в исторической науке конца XIX – начала XX в. (1890–1917)».

¹⁸ Имеется в виду санаторий АН СССР (до 2016 г. – в ведении РАН), расположенный в районе Ясенево (Москва).

жила погружением в мир, который изучала, и работала постоянно, где бы ни находилась. У нее есть статья под названием «Воздух знания»¹⁹. Она создавала вокруг себя атмосферу знания и одаривала ею всех, кто с ней соприкасался.

Отличительная черта работы Института тех лет — сплоченность. Институт был живой. Сектора существовали не изолированно, а в постоянном взаимодействии. На обсуждениях научных работ, как правило, присутствовали сотрудники других подразделений. Источниковеды приглашали историографов и специалистов по смежным темам, сектора феодализма и капитализма привлекали к участию в заседаниях историографов и источниковедов. И, что особенно важно, в этой работе активно участвовала молодежь. Так, например, в обсуждении в Секторе феодализма докторской диссертации Л.Н. Пушкарёва о теоретических проблемах источниковедения²⁰ участвовали молодые историографы Сектора истории исторической науки, в обсуждении в Секторе капитализма докторской диссертации Е.А. Дудзинской о славянофильстве²¹ — историографы. В памяти осталось обсуждение кандидатской диссертации В.В. Шелохаева о кадетской партии²²: тема была новой и вызвала всеобщий интерес. Смелость Шелохаева и его научного руководителя Л.М. Иванова, как стало очевидно позже, оказалась оправданной: вклад Валентина Валентиновича в разработку проблематики российского либерализма общепризнан.

Очень много значило общение молодых сотрудников с маститыми учеными. Разумеется, оно имело разный характер и содержание. Я, например, навсегда сохранила в памяти беседы с Л.В. Черепниным, А.И. Клибановым, Ю.А. Писаревым, С.Л. Утченко, Г.А. Некрасовым и т.д. Хотелось бы особенно отметить заботливое и осознанное отношение старшего поколения

¹⁹ Нечкина М.В. Воздух знания // Известия (Московский вечерний выпуск). 1963. 7 декабря.

²⁰ Докторская диссертация Л.Н. Пушкарёва «Типологическая классификация русских письменных исторических источников по отечественной истории» была защищена в ИИ СССР АН СССР в 1970 г.

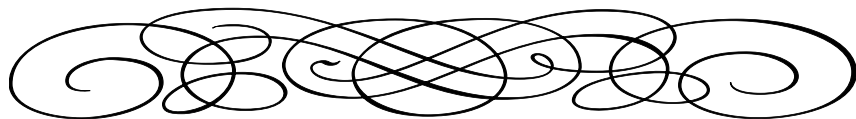
²¹ Докторская диссертация Е.А. Дудзинской «Славянофилы в общественной борьбе» была защищена в ИИ СССР АН СССР в 1985 г.

²² Кандидатская диссертация В.В. Шелохаева «Программа кадетов в период Первой русской революции» была защищена в ИИ СССР АН СССР в 1971 г.

к молодым специалистам. Нам не читали нотаций, не поучали, не назидали, а подавали пример уважительного отношения к коллегам, к которым относили и нас. Это был пример мудрого и нравственного воспитания.

Чрезвычайно важным событием стало разделение в 1968 г. Института на Институт истории СССР и Институт всеобщей истории. Мы встретили это с большим огорчением: было ощущение потери образованной и мыслящей части Института. Мы лишались возможности слушать наших ораторов-корифеев — А.З. Манфреда, С.Л. Утченко и др. Затем пришло осознание, что, хотя проблемы отечественной истории важно рассматривать совместно со «всеобщниками», эта актуальная проблема решается и при раздельном существовании институтов. Время меняет облик коллектива, состав его участников, влияет на рост и совершенствование научного потенциала. Институт российской истории обрел научную значимость и устойчивую самостоятельность. Мысли об объединении с кем-либо теперь вредоносны.

Моя жизнь по сей день связана с прежним Сектором. Научный совет по истории исторической науки возглавил Иван Дмитриевич Ковальченко и я работала у него ученым секретарем. Но это тема следующих воспоминаний.

Интервью с доктором исторических наук Владиславом Якимовичем Гросулом «60 лет с Институтом»

Владимир Николаевич Круглов: 28 июня 2016 года, 14:00. Начнем с традиционного вопроса – о семье, о родителях.

Владислав Якимович Гросул, главный научный сотрудник Института российской истории РАН: Моя семья – из интеллигентных уже людей, но в первом поколении. Мама была филологом, специалистом по молдавскому языку и литературе. Папа – историком, первый выпуск пединститута, исторический факультет. У нас же не было одно время исторических факультетов, в 1933 году создали истфаки: вначале в пединститутах, а в 1934-м уже в университетах. Потом был преподавателем, деканом, затем война, был младший политрук с 1941 года. Мне очень повезло, папа остался жив, нас разыскал. Как ни странно, 25 января 1944 года папа защитил кандидатскую диссертацию¹ в объединенном Киевско-Харьковском университете, который был в эвакуации. В то время он был директором школы. Ну, долго рассказывать, как это произошло, а потом, это часто бывает случайно. Затем папа был у нас в Институте докторантом в конце 40-х – начале 50-х и защитил здесь же в декабре 1955 года докторскую диссертацию². С того времени я и знаю наш Институт, уже вот с тех пор, правда, в стенах его я не бывал. Единственный

---

¹ Название кандидатской диссертации Я.С. Гросула – «Крестьянская реформа 1868 г. в Молдавии» (научный руководитель – проф. А.А. Введенский).

² Название докторской диссертации Я.С. Гросула – «Крестьяне Бессарабии в 1812–1861 гг.».

крупный историк, с которым я был лично знаком в тот период, это Лев Владимирович Черепнин. Так случилось, что он был редактором первого тома «Истории Молдавии»³ и, конечно, приезжал в Кишинев, бывал у нас дома в гостях, это конец 40-х годов. Тогда-то я и решил стать историком.

В.К.: То есть можно сказать, что это была семейная традиция?

В.Г.: Ну, какая семейная традиция? Мой дед был простой крестьянин и солдат, правда, прошел Русско-японскую, Первую империалистическую и имел церковно-приходское [образование]. Бабушка вообще была безграмотная молдавская крестьянка. Какая там особая традиция? Наоборот, отец как очень талантливый человек поступил на физико-математический факультет вначале. А поскольку создали истфак, и на нем почти никого не было, так его в приказном порядке, как комсомольца, направили туда. Лучшего математика и физика направили на истфак, вот такие были времена тогда, и поэтому он стал историком совершенно случайно.

А я стал историком закономерно в значительной степени, это да. Я очень хорошо помню, когда я решил стать историком – это был четвертый класс.

В.К.: А под влиянием чего?

В.Г.: Я вместе с папой, с моим дядюшкой по линии матери (мой, можно сказать, учитель – участник войны, офицер, он был военным химиком, но пошел тоже на истфак) пошли в кинотеатр и смотрели армянский фильм, как сейчас помню, почти 70 лет, назывался «Давид-Бек»⁴: исторический фильм о том, как вражеские силы осаждали крепость, которую обороняли храбрые армяне, но сил было мало, крепость захватили. И вот этот враг смотрит, кого он оставит в живых, кого сделает рабом или вообще на тот свет пошлет. Оставляли в живых ремесленников, мастеров, каменщиков, кузнецов, плотников, остальных или «в расход»⁵, или в плен, рабами делали. И мы возвращались по-

³ История Молдавии. Т. 1.: От древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции / отв. ред. А.Д. Удальцов, Л.В. Черепнин. Кишинев, 1951.

⁴ Фильм 1943 г. о борьбе армян в XVIII в. под предводительством Давид-Бека против персидских завоевателей (режиссер – А. Бек-Назаров).

⁵ Выражение, появившееся в годы Гражданской войны и означавшее «убить», «расстрелять».

сле этого фильма с папой и дядюшкой, и я спрашиваю: «А что бы сделали с историками?». Они переглянулись. А знаете, я сам не знаю и сегодня, что бы сделали с историками. Ведь все зависит от того, кто захватил крепость. А вдруг просвещенный какой-то мусульманин? Он мог бы оставить историка в живых, чтоб тот был летописцем.

Вот оттуда у меня желание стать историком. В пятом классе я записался в исторический кружок, мой доклад назывался «Походы Стефана Великого» (самого великого молдавского полководца и господаря), вот мой первый труд. Но папа и мама были против — они считали, что я не смогу быть преподавателем. Папа хотел, чтобы я стал физиком, а может быть, экономистом, а мама хотела, чтобы я стал медиком. Но физиком я, конечно, стал бы неважным, хотя математик я был хороший, но физику не очень уважал, сказал: «Папа, я буду самый плохой физик на земном шаре». Экономистом, пожалуй, я был бы неплохим, полагаю, но, во всяком случае, переборол родителей и вопреки их желанию пошел на истфак. Получилось так, что я вошел в сборную команду республики, был 1956 год, Первая спартакиада народов СССР. К ней готовились все республики, перед этой спартакиадой была спартакиада школьников, я вошел в сборную республики среди школьников, и нам разрешили на месяц раньше сдать экзамены. Родители даже не знали, что я сдал экзамены на истфак. Вот так я стал историком. Увлекался одно время археологией, на первом курсе довольно неплохо освоил латынь, и занимался Древним Римом, поздним Римом и началом Средневековья, вот примерно так было. А затем посмотрел и думаю: черт возьми, ну они же такие фантазеры — эти археологи, выдумщики, и понял, что мне лучше заниматься письменными источниками.

А тут как раз папа готовил свою первую книгу и попросил меня прочитать верстку, поскольку я лучше его знал русский язык. А книга там, по-моему, листов 30, и это был десятый класс — я ее читал, находил всякие опечатки и должен вам сказать — увлекся экономической историей. А затем папа же дал мне тему, довольно хорошую, но с московскими архивами. Первый раз я поехал в Москву в 1958 году, вот с тех пор я есть большая архивная крыса, можно сказать, шахтер историчной науки. Последний раз был в архиве вчера (*смеется*).

Затем я закончил Кишиневский университет, меня сделали лаборантом в Академии наук, я был счастлив до невозможности — попал все-таки в науку, хотя у меня был диплом с отличием, но гарантий таких не было, что возьмут. Потом подали на конкурс по истории Румынии, наш Институт был объединенный тогда, и я поступил сюда аспирантом. Впервые переступил порог в сентябре 1961 года, сдавал здесь экзамены. Я учился по всеобщей истории, но на стыке истории России и истории зарубежных стран, поэтому сдавал экзамены по всеобщей истории, новой и новейшей. Почему и сейчас читаю в ВУЗах не историю России, а зарубежную историю. Вот так стал здесь аспирантом-очником. Три года здесь учился, работал в Архиве внешней политики России, а также в Военно-историческом архиве — вот два моих главных вотчинных архива, где были очень серьезные источники, вывезенные русской армией из Дунайских княжеств, которыми я занимался. И успел в срок написать диссертацию. К осени 1964 года я диссертацию закончил и в марте 1965 защитил, мне было тогда 26 лет.

Меня оставили в нашем Институте, но родители уговорили вернуться, и я шесть лет проработал в Институте истории Молдавии. Очень рад, что там провел эти годы. Поскольку я хорошо знаю и тот институт, и те проблемы, но неплохо знаю и наш Институт. Вот, собственно говоря, так я начинал свою научную деятельность.

А затем был Всемирный конгресс историков, 1970 год, в Москве. Я приехал в составе молдавской делегации, выступил и получил сразу же предложение на работу в наш Институт, поскольку создали отдел общих проблем народов СССР и искали специалистов по национальным окраинам. На сей раз я дал согласие, поскольку женился и понял, что иначе мне будет очень трудно ездить в Москву и работать в архивах. И вот, с 1 января 1971 года стал старшим научным сотрудником Института истории СССР Академии наук. Работал в отделе общих проблем народов СССР. А потом уже, через немало лет, в 1988 году был избран заведующим отделом истории капитализма.

В.К.: Хорошо. Значит, как я понимаю, первая встреча с таким крупным историком это Черепнин?

В.Г.: Да, может быть, даже и так. Вообще-то, конечно, я уже в раннем детстве, в эвакуации, когда отец защищался, позна-

комился с киевско-харьковскими профессорами. Например, с профессором Введенским, бывшим петербургским профессором, еще дореволюционным. С Львом Владимировичем я тоже ребенком познакомился, но поддерживал с ним связи вплоть до его кончины, у нас были с ним личные добрые отношения, хотя он не был моим руководителем. Моим руководителем был академик Николай Михайлович Дружинин. Когда пришел в Институт, здесь же было уже много классиков науки: идешь по коридору — а навстречу Сергей Данилович Сказкин, академик, медиевист; идешь дальше — Михаил Николаевич Тихомиров, тоже академик, медиевист по русской истории; идешь еще дальше — Милица Васильевна Нечкина. А рядом с нашим отделом (а я был тогда в отделе стран народной демократии) была группа по истории Англии, ее возглавлял Иван Михайлович Майский, академик, наш посол в Лондоне. Я с ним был знаком, не могу сказать, что очень близко, но говорил с ним неоднократно. Поскольку получилось так: у нас большой отдел, мы пили чай, а у них маленькая группа, чай они у себя не пили, приходили к нам. А мы всегда были рады Ивану Михайловичу, он уже был в возрасте, настроение у него обычно было не самое лучшее, но когда ему задавали вопрос: «Иван Михайлович, расскажите что-нибудь про Черчилля», он сразу преображался и начинал рассказывать о том, как они с Черчиллем решали какую-то очередную задачу помощи Советскому Союзу во время войны.

И я могу продолжать и продолжать, тогда было много очень крупных, серьезных историков. Вообще-то, я уже немолодой человек и должен сказать, что через меня прошло четыре поколения наших историков, вот уже сейчас пятое... Старшее поколение — поколение моего учителя Николая Михайловича Дружинина, это те, которые кончали институты до революции, следующее поколение — моего отца, которые кончали в середине 1930-х. Дальше уже мое поколение историков, я закончил в 1961 году. Потом может быть поколение моего сына — он физик, но, тем не менее, поколение его. И сейчас уже мои внуки, можно сказать, ребята, которым уже лет 25 — это молодые историки.

И вот я иногда задумываюсь, и должен вам сказать, что каждое поколение считало, что именно оно напишет настоящую историю. И вот так прошло уже почти пять поколений. И я пришел к выводу, что настоящая культура историков заключается, прежде

всего, в отношении к своим предшественникам. А если бы вы меня спросили, какое из поколений я считаю наиболее одаренным, наиболее значительным, то я думаю, что первое поколение: Дружинина, Сказкина, Нечкиной, я могу продолжать, там были и другие крупные историки.

Виталий Витальевич Тихонов: Как Вы думаете, с чем это связано?

В.Г.: Это очень хороший вопрос. Это связано с тем, что до революции в историю люди шли действительно талантливые. В науку шли те, которые имели способности. Далекое не все поступали в университет. Из верхов шли те, кто действительно интересовались наукой, из низов шли те, кто умели пробиться, опять-таки люди талантливые. И потом, я должен сказать, они были хорошо подготовлены еще в старой нашей гимназии. У нас была сильная дореволюционная гимназия: она давала два новых, два древних языка, они знали достаточно прилично и латынь, и греческий — это точно, это не выдумки, это я знаю в результате контактов с людьми этого поколения. А кроме того, конечно, они создавали новую науку. Они вынуждены были создавать новую науку, в силу объективных обстоятельств, понимаете, и они поэтому шли своим путем, вот это очень важно. Они не занимались обезьянничаньем, понимаете, слизывая вершки с науки Запада, хотя достаточно хорошо знали зарубежную историческую науку. И я вам должен сказать, что даже в 1920—1930-е годы поступала литература из западных стран в достаточно большом количестве, как это ни странно. А сейчас в наши библиотеки, как вы знаете, почти не поступает иностранная литература. Поскольку я работаю на стыке зарубежной и отечественной истории, то для меня это, конечно, большой удар очень — мне надо добывать литературу разными путями. Ну, о чем говорить, если не поступают издания из провинции (но я не люблю это слово «провинция», потому что сейчас в областных центрах работают немало хороших исследователей)! Вот такая вот нехорошая картина складывается.

В.К.: Когда Вы только пришли в Институт, как Вы почувствовали обстановку в нем? Взаимоотношения в коллективе институтском между старшим поколением и вашим?

В.Г.: Тогда Институт жил очень активной научной жизнью. Это был период оттепели так называемый, самое начало 1960-х годов. В Институте было несколько очень хороших семи-

наров. Я ходил на семинар Бориса Фёдоровича Поршнева, это был выдающийся историк и мыслитель. Вообще-то сложилось так, что я должен был стать его аспирантом, но он уехал в заграничную командировку, надо было спешно решать этот вопрос, и вот получилось так, что научным руководителем стал Дружинин. О чем я, конечно, не жалею. Кроме семинара Поршнева были и другие семинары: Городецкого, Гефтера, ну и ряда других наших историков — Тарновского... И я должен сказать, что эта была эпоха оптимизма. Взаимоотношения были достаточно простые, у нас в Институте не культивировалась заносчивость.

Отношение к молодежи было достаточно хорошее, аспирантов было тогда много. По-моему, на моем курсе — до 30 аспирантов очников и заочников, насколько я помню, но многие из них по отечественной истории, а я — по истории зарубежной. Мы как-то делились между собой, хотя общались постоянно в разных формах: или в рамках отделов, или в рамках различных общественных мероприятий, и вечера, «капустники», субботники, воскресники (*смеется*), не без этого. На картошку ездили, на капусту (*смеется*) — убирали. Кто ездил, прежде всего? Конечно, аспирант, молодежь, в общем, там мы очень близко соприкасались. И должен сказать, что было много хороших аспирантов, людей, преданных науке. Мое поколение, в общем-то: Станислав Васильевич Тютюкин, Владимир Андреевич Кучкин, хотя чуть постарше, Наташа Иванова. Но поскольку я «всеобщник», то многие из них сейчас еще работают, слава Богу, в Институте всеобщей истории. Это Владимир Малов, специалист по Франции. Александр Гордон в ИНИОНе работает, он занимался Великой французской революцией, потом стал «аграрником». То есть наше поколение аспирантов все-таки себя проявило: многие стали довольно серьезными исследователями.

В.К.: К молодежи отношение в целом было такое поддерживающее, поощряющее?

В.Г.: Да, конечно, это в обязательном порядке — надо было выращивать кадры, особенно, в моем отделе стран народной демократии, только-только созданном, Владимир Михайлович Хвостов был инициатором его создания. Он считал наш отдел своим детищем, поэтому часто к нам приходил, и я был с ним лично знаком. Простой аспирант с академиком! Мы несколько раз беседовали по поводу моей темы, потому что вначале не по-

няли ее значимость, а я ему объяснил, и он понял, за что я ему очень благодарен. Хотя считалось, что он человек заносчивый, барин и так далее, был потом конфликт между ним и партийной организацией, не буду сейчас говорить, кто прав, кто виноват. Но Владимир Михайлович был, конечно, человек умный, знающий. Он был специалистом по истории дипломатии. И я считаю, что лично мне он оказал большую помощь: оставил меня в Институте вначале, первый раз, он и мой завотделом академик Юрий Алексеевич Писарев, который потом работал в Институте славяноведения (туда он меня, кстати, перетаскивал несколько раз, но я все-таки остался здесь, я привык к нашим стенам).

В.К.: А кого Вы считаете учителем своим в науке?

В.Г.: Учитель, конечно, мой отец. Когда он все-таки увидел, что я предан исторической науке, примирился со мной, дал мне тему, и тема была связана с экономической историей. Я вообще считаю, любой молодой историк должен начинать с экономической истории, и, хотя я веду группу общественной мысли и общественного движения, все-таки проявляю интерес к экономической истории, даже в настоящее время. И должен сказать, что выступления старших наших товарищей, конечно, были большой школой, особенно для нас, которые считались провинциалами. Затем я стал аспирантом Дружинина – крупнейшего специалиста по истории крестьянства, сельского хозяйства, но и не только, у него же очень много работ в самых разных областях. Человек, который закончил два университета еще до революции, очень широкого кругозора: и научного, и гражданского, и с огромным жизненным опытом.

В.Т.: Можете рассказать о нем поподробнее как о человеке?

В.Г.: Николай Михайлович три раза сидел до революции и три раза после, вот такая вот судьба. Он был участником революции 1905 года. Год отсидел в саратовской тюрьме за участие в ней, ну и потом еще его арестовывали. Правда, аресты после революции были недолгими: последний раз в 1930-м на полгода по «делу академиков» был привлечен, но тогда еще разбирались – и его отпустили. И он, в общем-то, нормально работал у нас, был одновременно профессором Московского университета. Он стал лучшим историком-экономистом, между прочим.

Моя диссертация была тоже посвящена экономической истории, и поэтому я, конечно, многому у Николая Михайловича

научился. Хотя занимался поздним феодализмом в Дунайских княжествах — это особая зона, отличная и от России, и от Европы. Это был переходный феодализм, и я занимался проблемами типологии позднего феодализма. Должен сказать, я рад, что эту проблему изучал. Но потом, поскольку я занимался проблемами реформ, после защиты кандидатской задумался: что же это такое, после Петра 200 лет бесконечных реформ, и почему же произошли три русских революции? Решил разобраться, пошел к Николаю Михайловичу: «Вот у меня такая загвоздка, я решил поменять тематику и заняться революционным движением». Он выслушал меня и говорит: «Я Вас понимаю». И я стал заниматься какое-то время историей российской революционной эмиграции, которая не была разработана, опять-таки на стыке отечественной и зарубежной истории. Здесь надо было знать зарубежную литературу, но, конечно, и наша довольно богата архивами на этот счет. Вот так я поменял тематику на 25 лет. А затем следует третий круг, и я снова в значительной степени меняю тематику, стал заниматься историей русского общества как такового, написал ряд книг по этой проблеме. Вот так складывалась моя творческая жизнь.

В.Т.: А вот неформальная жизнь Института, как бы Вы ее описали?

В.Г.: Смотря на каком этапе. Я должен сказать, что начало 1960-х — это эпоха надежд. Затем в Институте начались проблемы, но я уже тогда не работал, вернулся 1 января 1971 года. Здесь начались коллизии. Они были связаны, с одной стороны, с конфликтом между директором и партийной организацией, а с другой стороны, с неправильно понятыми исследованиями, которые вели представители так называемого нового направления: Тарновский, Аврех, Волобуев. Я думаю, что это дело слишком раздули. И потом те, кто это сделал, по-моему, очень сожалели, и это наложило свой отпечаток. Ну, во-первых, Институт решили разделить на две части, чего нам не хотелось. Хотя я уже жил в Кишиневе, я этого не хотел, потому что все-таки был аспирантом объединенного Института. Но создали отдельный Институт истории СССР. Там директором стал Рыбаков Борис Александрович, но он одновременно был и директором Института археологии, куда вскоре и перешел. Затем Павел Васильевич Волобуев, но он был недолго. Его сменил Алексей Леонтьевич Нарочниц-

кий. Время стало каким-то более суровым, на мой взгляд. Но работа шла, простой исследователь эти изменения особенно не ощущал. Мы, люди, как говорится, низового звена, имели возможность нормально работать. Ездили даже в заграничные командировки. Был я на стажировке в Румынии два месяца, в Болгарии, поскольку занимался и Балканскими странами, на стыке балканской истории и русской, осваивал тему. Но, конечно, не без проблем.

У нас, у молодежи, была уверенность в завтрашнем дне и в 1970-е, и в 1980-е, когда мы уже стали постарше, стали 40-летними, потом 50-летними, потом 60-летними (*смеется*) и так далее. Но Институт все-таки был центром исторической науки, и это признавалось в стране всеми. Поскольку я работал 18 лет в отделе общих проблем народов СССР, то посетил почти все союзные республики: встречался с местными историками и на конференциях, и на конгрессах. Это была «марка», и многие, конечно, считали за честь защищать у нас диссертации, но сами понимаете, что возможностей было здесь немного.

В.Т.: А попасть сюда было сложно?

В.Г.: Было непросто попасть: принимали на работу, конечно, все взвешивая. Я был председателем профкома Института, и хорошо помню, что у нас было 550 членов профсоюза: около 500 человек — это сотрудники и порядка 50 пенсионеров. Это довольно большой отряд. Тогда профсоюз вел большую работу, я думаю, раз в десять больше, чем сейчас. Поэтому четыре года, что я был председателем профкома, — это, конечно, большая была нагрузка. Правда, я тогда был относительно молодым человеком, 40 лет, выдержал это дело, но потом был очень рад, что ушел, потому что смог, наконец, спокойно отдаваться только проблемам науки. Я тогда преподавал довольно редко, не было особой необходимости, поскольку оплата наша была хорошей.

Докторскую я защитил в 1975 году, в январе, мне было 36 лет. Я стал тогда самым молодым доктором по истории в Советском Союзе. По тем временам редкость, поскольку не было принято защищаться до сорока. Между кандидатской и докторской требовалась дистанция, я ее выдержал — десять лет. Но отец мой смертельно заболел, и он сказал: «Надо защищать, у тебя три книги, мне осталось немного, и появятся у нас материальные проблемы». Мама была пенсионерка, сестра моя инвалид, жена

получала как м.н.с., это немного, но и двое детей, поэтому я немножко поспешил. Посему были некоторые проблемы при защите: «Ты куда лезешь, малый?». Ну, защитился и стал доктором. Зарплата тогда была у меня 400 рублей, я не знаю, представляете ли вы, что это такое. Это была неплохая зарплата для Советского Союза. Наука тогда была почти на первом месте по оплате. Вы знаете, в 1946 году была принята программа «Развитие науки», и в том числе резко повысили зарплату ученым и преподавателям. Правда, в 1957-м немножко понизили оклады, но все равно наука была на первом месте. Вот такое было отношение к советской науке со стороны руководства нашей страны.

Интересная ситуация: до революции ректор получал в полтора раза больше, чем профессор. И после, например, в 1980-е годы, то же самое – ректор получал в полтора раза больше, чем профессор. Профессор получал 450, а ректор – 700. А сейчас ректор получает, ну как вы знаете, зависит все от ВУЗа, но раз в десять больше, это же ясно. Так что, пожалуйста, можете сравнить и вот такие показатели тоже, думаю, они не в пользу сегодняшнего дня.

В.Т.: А совсем неформальная жизнь? Вы упоминали «капустники», самодеятельность, вот как здесь было?

В.Г.: Вот эта жизнь была довольно активной. Поскольку я был председатель профкома, отвечал и за эту сферу тоже – за культуру. Мы в обязательном порядке отмечали: 1 января, 23 февраля, 8 марта, 1 мая и 7 ноября. На каждый праздник надо было что-то организовывать. Мы приглашали актеров из лучших московских театров, договаривались, естественно, за плату, я им выделял соответствующие суммы и обычно лично вручал. У нас были очень многие выдающиеся актеры: Игорь Ильинский, Кторов, Хазанов, молодой еще, я с ним познакомился, приглашал: «Давай попьем чаю». Не захотел пить чай, 50 минут выступал. Но я могу перечислять и перечислять: Гриценко, выдающийся актер, Зуева. Мы обычно их приглашали, и часто это сочеталось с «капустниками».

«Капустники» обычно писали заранее, были сценарии, один из мастеров был Лев Никитич Пушкарёв. Слава Богу, жив, ему около ста лет, он сам филолог, хорошо пишет. Участвовали наши ребята, это продолжалось вплоть до 1990-х годов. Хорошо помню, Саша Подосинов очень талантливый актер оказался, латинист, работал у Владимира Терентьевича Пашуто в древней исто-

рии. Сейчас он заведует кафедрой латинского языка в МГУ, мы всегда с интересом слушали, как он выступает.

Мы организовывали для детей елки, в обязательном порядке. Институт был большой, приходили с детьми, детей было тоже много, между прочим. Тоже обычно приглашали актеров, а дед-морозы были наши, местные — тот же Саша Подосинов, он и Дедом Морозом был прекрасным.

И у нас было принято участвовать в разного рода экскурсиях. Мы очень хорошо изучили Подмосковье, иногда уезжали и дальше. В обязательном порядке совершали экскурсии несколько раз в год и находили средства за счет профкома.

Профком занимался тогда же премированием, это очень важно, по так называемым социалистическим соревнованиям. Тогда же были соревнования между отделами и секторами, и каждый год подводили итоги: какой сектор занял первое место, и кто из сотрудников дал наибольшую отдачу, поэтому давали значки «ударник коммунистического труда» или «ударник пятилетки».

В.Т.: Как это определялось?

В.Г.: Это определялось за счет очень серьезной работы: была своя шкала оценки в баллах, очень продуманная, опробованная. Вот сейчас новая, я с ней не очень согласен, потому что привык к старой: кто и что опубликовал, какая сложность решения задачи, участие в конференциях и много других показателей. Оценивалась так называемая научно-вспомогательная работа — тоже очень важная. Или публикаторская работа, написание примечаний — очень большие силы требуются. Иногда с ума сойдешь: не можешь найти и дать примечание — ну нет материала, хоть убейте. Иногда теряешь недели, месяцы, для того чтобы найти хоть что-то. Бывает, что и не получается. Мы же решаем свои исторические задачи, некоторые я решал десятилетиями. Вот написал статью «Загадка Ивана Прянишникова»⁶, эту задачу решал 40 лет! Об одном гарибальдийце русском. А кто? Предположил, что это Иван Прянишников, друг Мечникова Льва Ильича, который, как потом оказалось, стал эмигрантом в Канаде, работал там, а затем все-таки вернулся в Россию и так далее, и так далее. Предположил, но надо же

---

⁶ Гросул В.Я. Загадка Ивана Прянишникова // История и обществознание для школьников. 2010. № 2. С. 19–26.

найти доказательства. Я нашел это доказательство через 40 лет — нашел его письмо в одном из архивов, где подтвердилось все. И вот: маленькая задача, по одному человеку, малоизвестному, но интересному же. Ну, не внук, а сын декабриста Прянишников, правда, папа его не был арестован, не все декабристы были арестованы. Вот такой вот человек, никому неизвестный. Маленькая задача, а потребовалось столько времени, и таких задач многие из историков решают десятками. В этом отношении история мало отличается от математики.

В.Т.: А директора Института? Вы многих застали, могли бы их охарактеризовать?

В.Г.: Я знал лично всех, начиная с Аркадия Лавровича Сидорова. Бориса Дмитриевича Грекова не знал. Лукина Николая Михайловича тем более — он погиб за два года до моего рождения. Бориса Дмитриевича много знал по литературе, потому что он написал большую книгу «Крестьяне на Руси», которая была настольной книгой у моего папы, по-моему, она вышла где-то в 1950 году. Аркадия Лавровича я знал, когда он уже не был директором. Владимира Михайловича Хвостова знал, когда он был директором, он согласился с моей тематикой, я ему за это благодарен.

Знал Бориса Александровича Рыбакова, даже вместе с ним входил в комиссию по проверке Института славяноведения и балканистики. Хорошо знал Павла Васильевича Волобуева. Естественно, знал Алексея Леонтьевича Нарочницкого, потому что он занимался всеобщей историей и хорошо относился к моим первым книгам. Правда, потом у нас с ним возник конфликт на почве моих занятий революционной тематикой, это ему не нравилось, но затем мы с ним примирились.

Прекрасно знал Семёна Спиридоновича Хромова. Я был у него председателем профкома, входил в «тройку». Был в дружеских отношениях с Анатолием Петровичем Новосельцевым, он был директором, а я был секретарем партбюро, возглавлял партийную организацию. Он был секретарем партбюро, и очень хотел, чтобы я его сменил. Прекрасно знал Андрея Николаевича Сахарова. Люди они все разные, но каждый из них, конечно, личность. Хотя с некоторыми из них я был ближе, с некоторыми, естественно, подальше. Дай Бог, чтобы Институт также был жив, и мы имели возможность спокойно работать. Главная задача

директора — создать условия для работы исследователя. И когда я был секретарем партбюро, я тоже так считал.

Вы не очень представляете, чем занималась партийная организация. Она занималась той же самой производственной работой, но на общественных началах. А кроме этого мы занимались чем? Организацией лекционной пропаганды: историки читали лекции. Тогда приглашали выступать в разные организации. Иногда с охотой нас принимали, иногда нас навязывали. Я попал как-то читать лекцию про 50 лет образования СССР, значит, это был 1972 год. Послали меня на фабрику химчисток. Прихожу, меня встречает местный руководитель и говорит: «Мы ж недавно отмечали годовщину Октябрьской». Я говорю: «Нет, это не Октябрьская революция, это образование СССР, это не то же самое». — «А, не то же самое, ну ладно. Ну, давайте мы Вам погладим костюм и плащ». — «А как же я буду выступать?». — «А! Выступать!». Вот такое тоже, кстати, иногда бывало. И я пошел выступать перед этими тетушками. Мне тогда было 33 года. И, значит, сидит там 40 или 50 женщин, возрастом где-то вокруг сорока и старше, и я им рассказываю про образование СССР. Сразу понял, что надо уметь на пальцах это все показать. И когда закончил, возвращаюсь к этому начальнику, он говорит: «Вы взяли их за горло». Я говорю: «Это что, вершина искусства, взять за горло?» (*смеется*). Вот и такое тоже бывало.

Но бывало часто, что нас приглашали с охотой, особенно спрос на историков повысился в конце 1980-х годов, и мы выступали в самых различных организациях. Однажды я попал в институт, по-моему, он назывался электрофизики, я даже не понимал, что это за организация. И повели меня в актовЫй зал, я выхожу — боже, там тысячи полторы народа: огромный зал весь забит людьми до предела. Это был где-то год 1989-й, наверное, и я отвечал. Там сидят маститые люди — чем они занимаются, что за дисциплина такая? А потом оказалось, что это наши ракетчики, ракетной программой они занимались. И вот вроде бы директор этого института Соломонов был, сейчас не знаю, кто. И, конечно, многие из них прекрасно разбирались в проблемах советской истории, вопросов было много. Вот такой был спрос тогда на историков, на них шли прямо как на актеров.

Но потом это все прошло, сейчас другая эпоха. Хотя вот несколько дней назад меня пригласили ветераны Западного округа

(а нужно сказать, что я занимался проблемами периодизации), чтобы я рассказал о периодизации Второй Мировой войны. Поскольку, я и по всеобщей истории читаю лекции, то выступал перед ними. Но на сей раз аудитория человек 50—60 была, не полторы тысячи — то мой рекорд.

В.К.: С иностранцами как-то контактировали?

В.Г.: Ну, смотря в какое время, естественно. Я ведь «зарубежник» и, конечно, контактировал. Довольно часто бывал в Румынии, раз 15, а может быть 20, и хорошо знаю румынских историков. Неплохо связан с болгарскими историками, с югославскими — это мой регион. Но также знал и поляков, прежде всего балканистов. Вот Ежи Борейша, очень интересный историк, сейчас он уже, по-моему, на пенсии, я его знаю с 1970 года, со Всемирного конгресса историков, где он выступал. К сожалению, Ежи Сковронек (тоже очень крупный балканист, он был директором архивов Польши) погиб в автомобильной катастрофе.

В капиталистические страны так называемые мы ездили, конечно, меньше, но мне повезло. В апреле 1983 года я попал на две с лишним недели в Великобританию. Мы, делегация советских историков, посетили пять английских и шотландских университетов, и неплохо ознакомились с английскими историками. Три дня и две ночи провел в Кембридже, в Ноттингеме, в Лондонском университете, в Эдинбургском университете. Лучше всего нас принимали в Шотландии. И, кстати, тогда еще были живы ребята, которые водили конвои к нам, на помощь Советскому Союзу. И они на нас произвели очень сильное впечатление, им уже было лет по 60—65, они были не такие дряхлые, и они говорили нам: «Вот вы воевали, а мы вам помогали», я запомнил эту фразу. И совсем недавно, где-то год назад, бывший английский министр обороны произнес такую же фразу: «Вы вот воевали, а мы вам помогали». Так интересно.

Потом, к нам в Институт приходили историки самые разные, обычно маститые: и из Венгрии, и из Соединенных Штатов Америки. Я помню, Николай Рязановский приезжал из Америки, Ричард Пайпс, но я с ним не имел контакта. Он выступал на Всемирном конгрессе историков, как раз о русском консерватизме, занимался русской историей серьезно, вообще-то. Нельзя сказать, что мы жили в полной изоляции, это неверно. Тем более,

я еще раз повторяю, мы получали в советский период иностранную литературу больше, нежели сейчас, в том числе и иностранные журналы.

Вот я ездил в Италию, на эти наши конференции в Риме⁷, в последний раз был в 2007 году, отмечалось 200-летие Гарибальди. Повез доклад «Русские связи Гарибальди», и нашел два письма Гарибальди одному русскому католику. И надо было проверить, а не опубликованы ли эти письма. У нас есть Собрание сочинений Гарибальди, но оно было до 12-го тома, дальше нет, а эти письма 1865 года. Мне пришлось наводить справки через секретаря университета Ла Сапиенца⁸, чтобы она проверила, опубликованы ли эти письма или нет. И, слава тебе господи, они оказались не опубликованными, и я делал там доклад.

До чего интересно было. Три дня конференции. Первые два дня это античность и раннее Средневековье, а третий — Гарибальди. Первые два дня зал заполнялся разве что на одну треть, а это зал Римской мэрии на Капитолийском холме, очень серьезный зал. А третий день, день Гарибальди — забитая аудитория, и какие-то там швейцары в каких-то формах. Когда я сделал доклад, в перерыве эти швейцары бросились меня целовать, я изумился: «В чем дело?». — «Спасибо Вам, что Вы так хорошо относитесь к нашему Гарибальди». Хорошо, что тогда пришел мой знакомый, итальянский кинорежиссер Норман Моццато, он кончал наш ВГИК, хорошо знает русский. Я говорю: «Норман, что такое, чего они меня целуют?». — «Владислав, так это же бойцы гарибальдийских бригад 1944–1945 годов». Тогда до меня дошло, в чем дело.

Так что связи такие были. Конечно, хотелось, чтобы они были шире, но всегда хочется, чтобы было лучше. А сейчас так просто не поедешь в зарубежные архивы за свой счет, а приглашать нас иностранцы стали меньше. Допустим, в начале 1990-х была мода на русских специалистов, мы поехали в Германию, Франкфурт-на-Майне, на базе Института права при Бундестаге. Они нас за

---

⁷ Имеется в виду ежегодный русско-итальянский международный семинар «От Рима к Третьему Риму», организаторами которого выступают ИРИ РАН и исторический факультет МГУ при поддержке Российско-итальянского «Форума-диалога по линии гражданских обществ».

⁸ «Сапиенца» — один из старейших университетов мира. Основан в Риме в начале XIV века. Входит в число лучших университетов Европы.

свой счет приняли, там дней пять провели. Сейчас такого нет, по-моему.

В.Т.: Про конгресс 1970 года очень интересно.

В.Г.: Я был делегатом, представлял Молдавию тогда. Поскольку я историк-«зарубежник», то делегации поехало человек 15, наверное. Это немало. А среди них «зарубежников» не было, я единственный. И я выступал на секции по проблемам истории Балканских стран, как сейчас помню, эту секцию вел румынский историк Кондураки, и я с ним потом говорил по-румынски, и он очень был обрадован, что есть люди, которые могут с ним говорить на его родном языке, хотя сам он блестяще владел французским. Конгресс был масштабным. Очень много секций, очень много выступающих, и мы получили каждый большие пакеты с докладами, переведенными на русский язык. Многие из этих докладов у меня сейчас и хранятся — по проблемам методологии истории, например (очень была популярна эта тематика), и затем по конкретике: по международным отношениям, хорошо помню, были доклады. Вот Ежи Борейша делал доклад «Роль 1871 года в мировой истории». А что такое 1871 год? Это год Парижской коммуны, которую сейчас никто не знает почти. Правда, я своим студентам рассказываю — 18 марта, как раз 18 марта 1965 года я защитил кандидатскую диссертацию, и в этот день, в честь моей защиты, запустили двух космонавтов (*смеется*).

Но вообще-то для меня главный конгресс — по юго-восточной Европе. И на эти конгрессы обычно съезжались балканисты из многих стран, в том числе и из Америки. Вот там я впервые, кстати, познакомился с американскими исследователями. Но наша балканистика, конечно, тогда была более мощная, что говорить. Я считаю, что наша балканистика была передовой вообще, не было ни одной страны, где бы было столько много балканистов по отдельным странам: Греция, Албания, естественно, Турция, Румыния, Югославия, Болгария. У нас были специалисты по страноведению, по общебалканским вопросам. Кроме того, византистика выдающаяся, основательная тюркология. Первый председатель нашей Балканской секции — Анатолий Филиппович Миллер, известный тюрколог, тот самый, который был переводчиком Сталина на Тегеранской конференции. Я вот с ним сотрудничал, потому как был членом Балканской секции и хорошо знал Анатолия Филипповича.

Связи завязывались иногда просто заочно, вот, допустим, профессор Фарсолас (Южная Каролина, США): «Привет, привет, Фарсолас». На каком языке? Я плохо говорю по-английски, он не знает французского, мы нашли общий язык – румынский (*смеется*). Он проходил стажировку в Румынии. Он мне присылал пособия, учебники по истории Американских Соединенных Штатов. И вот мы обычно встречались на таких конгрессах и обменивались литературой, к примеру. Хотя, к сожалению, далеко не со всеми из исследователей, с которыми мне бы хотелось познакомиться, удалось это сделать: или он не приехал, или ты не поехал, такое случалось.

В Америке в библиотеках наша литература очень хорошо представлена. Я был в Америке два раза, по полтора месяца. Вот Филадельфия – захожу в Пенсильванский университет, библиотека, а у них там как: зашел, нажал кнопку, поднялся на этаж совершенно спокойно – кругом стеллажи, бери, что хочешь. Естественно, я посмотреть хотел, а мои работы есть? Все мои книги там! Удивительно, в моем родном Тирасполе, где я родился, их не было, мне пришлось дарить. Потом я узнал, что они выписывают один к одному всю нашу литературу – во всяком случае, выписывали. Сегодня я не знаю, не был в Америке с 2007 года. Не думаю, что очень сильно все изменилось. Деньги у них на покупку есть, понимаете, у них на науку выделяется раз в десять больше, чем в современной России. Хотя я свои книги в руки брал и видел, что они свеженькие, никто их не читал (*смеется*), такое у меня ощущение.

В.К.: Контролировались связи с границей, особенно с капиталистическим лагерем?

В.Г.: Конечно, контролировались, работала же у нас соответствующая служба. Это же их работа, они наблюдали, но может слишком истоиво занимались этим делом. Хотя, после того как разгромили Советский Союз, я стал по-другому относиться к их деятельности – не доглядели, не досмотрели. Но это особый разговор.

В.Т.: Так, у нас здесь есть такой пунктик: опишите повседневную жизнь Института и его сотрудников в разные годы. Что обсуждали, о чем мечтали сотрудники? Всегда ли были присутственные дни во вторник и четверг? Каков был уровень зарплаты? Это мы уже проговорили немного. Какие имелись льготы и привилегии? Были ли подработки?

В.Г.: Насколько я помню, присутственные дни были во вторник и четверг всегда, во всяком случае, с 1961 года, и мы — аспиранты — всегда приходили. Я жил в общежитии на Дмитрия Ульянова.

В.К.: Контролировались присутствия?

В.Г.: Вы знаете, да, контролировались. Вообще-то тогда была дисциплина в этом отношении, хотя я считаю, что напрасно, такое у меня ощущение. Но считалось, что человек должен быть на заседании сектора, в обязательном порядке. Больше строгости было в завершении плановых работ, но тогда же давали, фактически, шесть лет: один поисковый год и пять лет — план. А сейчас за четыре года я должен заканчивать плановую тему. Хорошо, что у меня есть заделы, а как быть молодым сотрудникам, которые не имеют этих заделов? Понимаете, им сложнее.

Что касается окладов, зарплат, должен сказать, что на зарплатах мы, доктора наук, не жаловались (*смеется*). Но некоторые ребята, которые имели малые зарплаты, подрабатывали в разных местах, читали лекции. Я начал читать лекции, но в основном это были спецкурсы. Потом уже, в 1990-е годы, мне пришлось преподавать в нескольких местах — надо было как-то приспособливаться, кормить семью. А это можно было сделать, как говорят наши товарищи, только за счет работы в ВУЗах. Правда, я преподавал еще в художественной гимназии четыре года, для детей, по мифологии читал спецкурс — это мое хобби. У меня жена художница, она сказала: «Найди мне мифолога», — это было за два дня до 1 сентября, открывалась художественная гимназия. Я говорю: «Где же я тебе найду мифолога?». Тогда же все мифологи были наперечет, всех знали. «Давай я почиताю годик, потом найдем». Вот так я подзалетел на четыре года, работал с детьми от 9 до 13 лет. Но считаю, что это неплохо, потому что познакомился и с этой стороной жизни нашей страны. Ну, а преподавал в 1990-е и в Институте литературы имени Горького, и в Шукинском высшем театральном училище⁹, и в Социальном университете¹⁰, даже в Академии славянской

⁹ Ныне Театральный институт имени Бориса Шукина.

¹⁰ Московский государственный социальный университет, ныне Российский государственный социальный университет. До 1990 г. — Московская высшая партийная школа.

культуры¹¹, и в МГУ преподавал в Институте повышения квалификации. Вот так приходилось нам выживать. Потому что еще сын только-только кончал университет, дочь была маленькая, а жена даже не кандидат еще, а не кандидат это не человек, так что сами понимаете.

В.К.: А какие-то льготы, привилегии давало ученое звание, степень?

В.Г.: Ну, какие привилегии... Заходишь в Библиотеку имени Ленина, висит вывеска: «Доктора и профессора раздеваются без очереди» (*смеется*), идешь дальше — первый зал для докторов и профессоров, можешь там работать. А сейчас этот зал забит Бог знает кем. Третий зал, где я когда-то начинал, уже, не знаю, года четыре не работает. Вот вам и наши привилегии: раздеваться без очереди в Библиотеке имени Ленина и работать там в первом зале. Еще докторам наук разрешалось больше материалов ксерокопировать, нежели не докторам. Раньше была ограниченная норма на ксерокопирование, вы не застали это время: у нас было мало ксероксов еще, а может, и другие причины были. Вот здесь была привилегия — не 20, а 40 страниц, по-моему, нам можно было [заказать]. Вот так, и больше не знаю других привилегий.

В.Т.: В 1990-е, когда все эти льготы рухнули, как вообще жизнь устраивалась?

В.Г.: Пережили трудно. Мы фактически сохранили нашу науку на общественных началах. Можно было перейти на две ставки в ВУЗы или вообще уйти из Института. Но как бросить научную работу? Поэтому исследователи, которые имели имя, из науки не ушли. Уехали за границу из историков очень немногие, несколько человек я знаю. Из нашего Института — Генрих Иоффе, Литвак, Разгон, люди только этого вот направления, а больше никто не уехал.

Правда, потом мода в Америке прошла. Раньше они с удовольствием приглашали историков, поощряли эмиграцию, вели соответствующую работу известно в каком направлении, а потом им гуманитарии уже особенно стали и не нужны. Они берут в основ-

---

¹¹ Государственная академия славянской культуры (1992–2016), ныне Институт славянской культуры Российского государственного университета имени А.Н. Косыгина (Технология. Дизайн. Искусство).

ном технарей, ценят наших программистов, физиков-теоретиков, биохимиков. Когда я был в Америке, об этом узнал.

Конечно, трудности были самого разного порядка. Мы же потеряли две трети состава Института, у нас было почти 500 работников, но не только научных сотрудников. А сейчас сколько? 160, одна треть. Мы потеряли ряд направлений. В моей области практически погибло декабриствоведение, а мы были центром в стране. Мы потеряли историю народничества, социал-демократии, фактически потеряли историю крестьянства, рабочего класса, то есть непосредственных производителей. Перестали изучать низы в значительной степени, это, конечно, неправильно. Мы по большому счету теряем страноведение, то есть историю отдельных стран, как специалист по всеобщей истории я хорошо это знаю. Хвостов, когда у нас был объединенный Институт, ставил задачу, чтобы были специалисты по всем странам мира. Это, конечно, в общих чертах, но по странам Европы – в обязательном порядке.

И он очень сокрушался, что у нас не было специалиста по истории Швейцарии, как сейчас помню. А история Швейцарии очень интересная. Я работал когда-то в комиссии по рецензированию учебников разных стран. И, поскольку владею французским языком и румынским, рецензировал румынский, французский и швейцарские учебники. Великолепная двухтомная «История Швейцарии», на высочайшем уровне написана, у них же прекрасные источники XII–XIII веков. Они учитывали каждую курицу уже в XIV веке, а мы тогда не учитывали даже коров. Там была очень хорошо отражена история повседневности. Они расписали по векам как жили швейцарцы, допустим, XII, XIII, XIV, XIX и XX века, как менялось питание, одежда, жилище, образ жизни. Мы еще до этого не дошли. Я как-то задумался, надо бы сделать нечто подобное, но на это потребуются огромные усилия. Один человек это не потянет, это коллективная работа. Так вот у нас не было истории Швейцарии, помню, Владимир Михайлович сокрушался: «Вот заодно мы бы бы и русскую эмиграцию в Швейцарии изучили». Эмиграцию я изучал, и у меня книга вышла как раз по истории русской политической эмиграции, где я центром сделал Швейцарию.

В.К.: А гранты, скажем, была возможность получать, иностранные?

В.Г.: Да, мы получали отдельные гранты, я особенно этим не увлекался. Получили мы грант на «Историю Москвы»¹² в свое время, я отвечал за второй том этого трехтомника. Нам мэрия Москвы выделила грант. Потом я брал пару грантов на издание книг: на «Историю русского консерватизма»¹³, я был руководителем коллектива. Мы получили исследовательский грант и издательский, но я исследовательских грантов не делал. По правде говоря, считаю, что молодежь должна в основном получать эти гранты, мы как-нибудь продержимся. Но издательские гранты, конечно, в обязательном порядке надо выколачивать. Сейчас я не знаю, как мы будем это делать, поскольку РГНФ¹⁴ упразднен, и РФФИ¹⁵... Бог его знает, как они к нам будут относиться.

В.К.: Как я понимаю из того, что Вы уже сказали, в 1990-е стало легче общаться с коллегами на Западе, но при этом у них пропал интерес к нам?

В.Г.: Вначале интерес был, потом он иссяк в значительной степени, думаю, к концу 90-х. В 2010-е годы он был отнюдь не больше, чем в советское время... Перестали к нам особенно приезжать. В 1990-е наведывались английские исследователи, немецкие. Были американцы, помню, Каргер приезжал, он уже был в возрасте, Абрамович бывал, есть такой исследователь 1917 года¹⁶. Но я не могу сказать, что это нам принесло большую пользу, по правде говоря. Потому что если вначале они нас приглашали на конференции, семинары разные, даже можно было поехать с лекциями, но потом приглашений стало намного меньше.

---

¹² История Москвы: в 3 т. Т. 2. Москва – век девятнадцатый / под общ. ред. А.Н. Сахарова. М., 1997.

¹³ Русский консерватизм XIX столетия: идеология и практика / В.Я. Гросул, Б.С. Итенберг, В.А. Твардовская [и др.]. М., 2000.

¹⁴ Российский гуманитарный научный фонд – государственное бюджетное учреждение, занимавшееся финансированием научных исследований в сфере гуманитарных наук. Существовало в 1994–2016 гг.

¹⁵ Российский фонд фундаментальных исследований – самоуправляемая государственная некоммерческая организация. Цель фонда – поддержка научно-исследовательских работ по всем направлениям фундаментальной науки, содействие повышению научной квалификации ученых, развитие научных контактов.

¹⁶ Вероятно, речь идет о профессоре Индианского университета (США) Александре Рабиновиче (р. 1934).

Дело в том, что американские русисты оказались в трудном положении: мода на советологов прошла, необходимость в них отпала (*смеется*). Помню, приезжал один наш бывший американский стажер, Норман фамилия его, он решил согласовать тематику, чем заниматься, и я с ним побеседовал. Он рассказал: «Сейчас они занимаются в основном Китае, линия на Китай».

В.К.: А восприятие западных методик исследования, их наработок, с этим как?

В.Г.: Западными методиками и методологией мы особенно интересовались, когда поехали в Англию, в 1984 году. Мы посетили пять университетов, но мы же не можем говорить по русской истории с ними, точно так же, как мы не можем говорить по английской истории, хотя было два специалиста по Англии в нашей делегации. В основном мы занимались общими вопросами, и пришли к выводу, что основная масса их исследователей это историки-фактологи. У них были марксисты, кстати, тоже отдельные. Да, были специалисты по проблемам методологии, но мы же на семинаре у Бориса Фёдоровича Поршнева, еще в начале 1960-х, довольно основательно занимались западной методологией (Борис Фёдорович в этом отношении был прекрасно подготовлен, поскольку долго жил во Франции), и еще тогда знали хорошо Тойнби. А когда поехали в Англию, то вдруг выяснилось, что англичане от Тойнби не в восторге. Они его отнюдь не считают корифеем, не молятся на него, как у нас молились. Но, тем не менее, да, они привлекали наше внимание иногда своими общими соображениями, у некоторых довольно широкий взгляд, я должен сказать, на мировую историю. Но, тем не менее, методологов среди историков у них очень мало, вот это мы поняли еще тогда. А сейчас, пожалуй, еще меньше. И у нас, кстати, тоже курс методологии значительно поиссяк. Я занимался методологией, издал книгу «Труды по теории истории» два года тому назад. Но занимался, прежде всего, периодизацией и проблемами формаций, потому что я «формационщик», как был, так и остался, хотя как специалист по всеобщей истории изучал разные методологии. Одно время увлекался даже концепциями анархистов, безгосударственными всякими устройствами. Но пришел к выводу, что лучше формационной теории пока ничего не создано, это мое мнение.

И очень сожалею, что наших школьников не учат этому делу, мне приходится своих студентов все-таки в какой-то степени

«подтягивать» в этом отношении. Тем более, что терминология во многом марксистская во многих странах, от нее никуда не денешься. Куда денешься от производительных сил, от производственных отношений — то, что сейчас мало знают, кстати, наши аспиранты, это очень плохо: не читали 24-й главы «Капитала», я уже не говорю о «Капитале» в целом. Мне пришлось «Капитал» в какой-то степени осваивать в оригинале, на немецком языке, поскольку была необходимость. Это было связано с моей кандидатской диссертацией, хотя немецким я не так уж хорошо владею, пришлось мучиться.

В.Т.: Поршневу — фигура легендарная: он и методолог, и снежного человека искал. О нем подробнее можете рассказать?

В.Г.: Он был человек увлекающийся, конечно, но это был заводила, генератор идей, человек очень многих талантов, ведь он был доктором исторических наук, доктором философских и кандидатом биологических — какую-то рыбку нашел, написал про нее, сделал себе кандидатскую диссертацию. «Борис Фёдорович, а зачем Вам это нужно?». — «А ради интереса, чтобы себя самого уважать». Он выдавал часто идеи разных проектов, некоторые были реализованы, некоторые — нет. Вот, например, большой проект по истории революций — он возглавил этот коллектив. Они начали с того, что подсчитали общее количество революций, выделили характерные черты, немалая работа была проделана, но Борис Фёдорович скончался, по-моему, в 1973 году, и эту задумку не реализовали. Во многом потому, что наш Институт разделили, как я понимаю. Но он написал «Политэкономия феодализма»¹⁷ и известную книгу «Феодализм и народные массы»¹⁸, очень интересная работа. Он занимался проблемами формаций, во многом я являюсь его последователем в этом отношении. Это фигура во многом уникальная, но хорошо известная. Я был очень рад, когда один итальянский историк (он приезжал сюда с докладом) добрым словом помянул Бориса Фёдоровича. Это было лет 15 назад, я его поблагодарил и напомнил ему о себе: «А я вот на семинаре Поршнева когда-то работал, и очень ему благодарен за то, что он расширил наш кругозор, и, можно сказать, привил нам вкус к проблемам методологии, не только методики».

¹⁷ Поршневу Б.Ф. Очерк политической экономии феодализма. М., 1956.

¹⁸ Поршневу Б.Ф. Феодализм и народные массы. М., 1964.

В.Т.: Как Вы считаете, преподавание помогает или мешает занятию наукой? Можете ли Вы назвать институтские научные школы? Кого бы Вы назвали самым выдающимся историком Института из тех, с которым Вам довелось общаться? И могли бы составить портрет идеального историка?

В.Г.: Это мальчишки между собой спорят, чей папа главнее. Я в эти игры не играю, потому что смотря в какой области. Миллица Васильевна Нечкина была очень талантливый историк, блестяще владевшая французским языком, она увлекающийся человек, можно с ней, конечно, дискутировать. Но она, между прочим, занималась и методологией, и историографией, она занималась не только декабризмом, не только революционным движением. Я с ней общался, не могу сказать, что очень тесно, но должен сказать, что немало от нее почерпнул.

Естественно, очень долгие годы общался со своим учителем Николаем Михайловичем Дружининым, стал его аспирантом в конце 1961-го, ему тогда было 75 лет. Мои товарищи еще говорили: «Ну, он не доживет до твоей защиты». А он пережил всех их руководителей, прожил 100 лет и шесть месяцев, я выступал на его похоронах, на Новодевичьем кладбище, в 1986 году, в августе месяце. В этом году исполняется юбилей со дня его кончины, я в августе поеду, наведу порядок, потому что у него наследников нет и надо за могилой ухаживать. Это был выдающийся историк, общепризнанный, его любили все, поскольку он был еще очень хорошим человеком, и это был эталон культуры историка. На одном из своих юбилеев Борис Александрович Рыбаков сказал, что в каждом городе должен быть праведник, так вот наш праведник это Дружинин. Правда, Сергей Сергеевич Дмитриев поправил Бориса Александровича — говорит, должно быть два праведника (*смеется*). Тем не менее, вот он считался праведником даже в институтах, кроме всего прочего.

Иван Михайлович Майский был не совсем профессиональным историком — он же был дипломатом, — но у него было много интересных книг по разным странам: по Испании, например, по Англии. Нельзя не сказать о таких профессионалах, которых сейчас мало кто знает, как Неусыхин, как Смирин, как Новосельский, как Устюгов — эта группа «феодалов». Александр Сергеевич Нифонтов, он еще до революции начинал — это по истории капитализма.

Андрей Матвеевич Анфимов — это уже второе поколение историков, был крупнейший специалист по истории крестьянства России Нового времени, историк-«аграрник». И, конечно, Яцунский, который возглавлял комиссию по истории сельского хозяйства и крестьянства. То есть в Институте было, у кого поучиться.

В.Т.: Какие-то школы сформировались?

В.Г.: И вот каждый из них, фактически, и создал школу. Правда, Николай Михайлович мне говорил: «Ну, какую я школу создал! Никакую школу я не создавал». А я про себя думаю: «Да зачем Вам создавать школу, когда Вы выше всяких школ!». Конечно, школа Нечкиной. Школа Черепнина — в области феодализма. Школа Пашуто Владимира Терентьевича — по Древней истории. Не беру советский период, поскольку я специалист все-таки по Новой истории.

А по советской истории у нас тоже были крупные специалисты: школа Исаака Израилевича Минца по Октябрьской революции была общепризнанная. Городецкого школа — по советскому источниковедению, точно так же, как школа по источниковедению феодальному Виктора Ивановича Буганова. Школы были, конечно, во многих из них было много аспирантов. У меня не так много, где-то около 30 аспирантов, поэтому ни о какой школе я не говорю, да и очень претенциозно это — говорить о своей школе. Сейчас на местах, в республиках, работают наши выпускники, наши бывшие аспиранты, которые сами создали свои школы.

Мой папа считался учеником Сивкова Константина Васильевича, был такой бывший кадет, но кадеты были разные, он был с уклоном в сторону социализма. Мой папа был учеником Сивкова, а создал свою школу историков-экономистов молдавских. Хотя там немножко сложнее, все-таки отец в какой-то степени был из одесской школы Новороссийского университета, там всегда были хорошие специалисты, даже в 1930-х годах.

В.К.: Каковы важнейшие качества для историка?

В.Г.: Историку надо иметь много качеств. Историк должен быть, прежде всего, тружеником. У нас, глядя в потолок, ничего не сделаешь. Я своим студентам говорю: «История это наука, где надо думать, это вам не математика». Они смеются, конечно. Но в математике есть формулы — и подставляй, а у нас надо ду-

мать, учитывая очень много разных факторов не стыкующихся, их надо уметь совмещать и уметь находить главное. То есть, с одной стороны, историк должен быть великим тружеником, чтобы вычерпать огромное количество источников, не потонуть в них, и найти в них главное — пружины. Вот это, я считаю, часто от Бога: уметь находить главное, не запутаться. Ну и, конечно, историк прежде, чем он садится за написание своей книги, должен хорошенечко все взвесить, — это как врач.

Можно, конечно, поговорить о других проблемах, которые стоят перед историками, но не будем этого делать, хватит.

В.К.: А как, по-Вашему, занятие историей сказывается на характере исследователя, на восприятии мира? И сказывается ли?

В.Г.: Конечно, сказывается. Интересно говорить с коллегами-историками по проблемам разных мировых событий — значительнее интереснее, чем с представителями других специальностей. С ними не поговоришь как с историком. Кстати, какой-то есть исторический интернационал, несмотря ни на что. Вот я оформлял второй раз поездку в Америку, 2007 год. Оформил все эти бумаженции, пошел в американское посольство, очередь занимаю, передо мной какие-то тетушки, они поворачиваются: «А, Вас не пустят». — «Почему?». — «А Вы пенсионер, старый». — «А почему Вы стоите?» (они, по-моему, меня старше). — «А мы уже два раза пытались, пытаемся третий раз». — «Ну, я попытаюсь в первый раз». Отстоял очередь, зашел в посольство, засунул голову в окошко, подаю документы, там молодой парень, но довольно прилично на русском языке читает: «Ага, Институт русской истории», я его поправляю: «Российской истории». — «А как Вы относитесь к декабристам?». Ребята, представьте себе, я готов был к любому вопросу, но тут... Говорю: «Положительно, они были борцами за свободу». — «А кто Вам ближе по духу — южные декабристы или северные?». У меня такие глаза, я говорю: «Южные, они более последовательные». — «А кто из русских царей Вам ближе всех?». — «А никто, я республиканец, точно так же, наверное, как и Вы». Попробуй в Америке проводить агитацию правомонархическую — сразу получишь. И после этого я перешел в наступление: «Откуда у Вас такие познания в русской истории?». — «А я кончал университет по русской истории, потому и знаю русский язык». — «Какой университет?». Слышать не слышал о таком, какой-то захолустный. Но он, видимо, там

где-то в провинции преподавал в колледже, а поскольку знает русский язык, то и приспособился, и стал здесь больше получать, я так полагаю. Моментально он мне написал разрешение, без собеседования. Я иду, эти теткы стоят, видимо, они меня ждали: «Ну как?». — «Все разрешили». — «Как?! Без собеседования?». — «Без собеседования». — «Почему?». — «Надо знать историю декабристов» (*смеются*).

В.К.: Историки друг друга всегда поймут.

В.Г.: Да, так что вот так, помогло.

В.К.: Вопрос несколько заковыристый: если бы была возможность начать жизнь сначала, Вы бы что-то изменили в выборе профессии?

В.Г.: В выборе профессии — нет, нет. Я Вам уже говорил, что я с детства хотел быть историком. Я, может быть, мог бы стать неплохим экономистом, потому что математика у меня хорошо шла. Мог бы даже заниматься экономикой с применением математики. Но вот видите, что получается: занимался экономической историей, потом перешел на другую проблематику, потом на третью, три раза менял тематику на протяжении всей своей жизни. Нет, врачом бы я не хотел быть, как моя мама желала. И вообще, хотя я был спортсменом, и меня толкали на факультет физвоспитания, я себе не представляю, что бы потом делал, даже тренером бы не хотел быть, по правде говоря. Нет, мое дело — писать книги по истории, вот это, я считаю, моя стезя жизненная. Конечно, если бы не произошли какие-то катаклизмы, всякое же бывает: когда была большая война, людям приходилось заниматься посильным трудом. Ездил я на целину студентом, то есть жизненный кругозор расширил, это немаловажно. Наше поколение все-таки ездило в деревню, хоть месяц, но работало. Это тоже очень важно: я познакомился с деревней, с крестьянством, с сельским хозяйством, поэтому с удовольствием занимался аграрной историей, и сейчас у меня к ней вкус сохранился. Промышленностью я меньше интересуюсь, а аграрной историей — с удовольствием.

В.К.: А что Вы думаете о влиянии политики на историю? Есть мнение, что история это служанка политики, актуальных желаний властей или чего-то в этом роде.

В.Г.: Хотите не хотите, а обстоятельства выше нас. И политика, конечно, оказывала и будет оказывать влияние на историю,

всегда, пока будет существовать государство. А у государства свои цели, свое начальство. Между начальником и историком всегда были и будут противоречия. Историк хочет писать то, что он думает, а начальник — то, что нужно ему. А кто сильнее — начальник или историк? Сами понимаете.

Но вместе с тем, конечно, я считаю, что вполне возможно писать объективные труды, во всяком случае, первый вариант (*смется*). При всем тяжелом положении страны сегодня все-таки можно высказывать свое мнение, и в рамках нашего Института можно. При всем том, что надо понимать — у дирекции свои задачи, это естественно.

В.К.: Последний вопрос — о том, как Вы оцениваете современную ситуацию в исторической науке, реформу Академии наук и так далее.

В.Г.: К реформе Академии наук отношусь категорически отрицательно. Не знаю, зачем нам нужно это ФАНО. Мечтаю, чтобы это ФАНО подчинили Академии наук, по крайней мере, если вообще не упразднили. И думаю, что если я не доживу до этого, то вы, молодежь, доживете. Но, к сожалению, пока так, реформа Академии ничего хорошо не принесла и не принесет. Без науки я будущего для страны не вижу.

Вот когда-то Александр III сказал, что в России два верных союзника: армия и флот. Перефразируя Александра III (я не его поклонник, но он вообще-то человек не без юмора был), можно сказать, что сейчас в России два верных союзника: армия и наука. Потому что Россия может быть или сильной, или никакой. Без армии, без науки России не может быть, в принципе, и жизнь это показала. И тогда еще, в конце 1980-х начали петь песни, что нам никто не угрожает... Я с грустью говорил, что это глупости. И вообще был категорическим противником того реформирования, откровенно, будучи заведующим отделом истории капитализма.

В.К.: У российской науки, по-Вашему, есть будущее? Потому что есть очень пессимистические взгляды на дальнейшее развитие.

В.Г.: Я не являюсь безбрежным оптимистом, но если не будет науки, то не будет и России. У нас уже сейчас ситуация тяжелейшая: у американцев 200 суперкомпьютеров, у китайцев — 100, у нас только пять. Вот вам один из показателей того, как мы отстали. Если мы не ускоримся, то будет плохо. Они нас всегда

будут нас перегонять, пересчитывать, передумывать. Это самое главное. У них ведь побеждает тот, кто передумает. А как мы будем передумывать, не имея соответствующих амуниций? Так что жизнь должна требовать поворота к науке, и желательно как можно быстрее. Я понимаю тех соотечественников, которые настроены пессимистично, потому что многое потеряно. Но у нас всегда были талантливые люди.

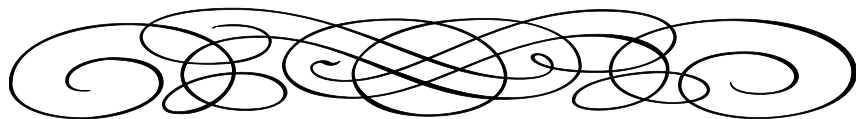
В.К.: Ну, будем на них и надеяться, видимо.

В.Г.: Да, всегда у нас были таланты, во все времена, так что будем надеяться, что появятся новые Королёвы, Келдыши и Александровы в математике или Холмогоров, тоже знаменитый. И может быть, появятся и Поршневы (*смеются*).

В.К.: Спасибо большое. Надеюсь, мы Вас не слишком отвлекли от дел.

В.Г.: Да нет, отвлекли только от нашего заседания.

Интервью с доктором исторических наук Сергеем Владимировичем Журавлёвым

Владимир Николаевич Круглов: 9 марта 2021 года, 11:20.

Виталий Витальевич Тихонов: Здравствуйте, Сергей Владимирович! Почему Вы стали историком, было ли это случайностью или целью Вашей жизни? Может быть, дело в семейной традиции? И не раскаиваетесь ли в своем выборе?

Сергей Владимирович Журавлёв, заместитель директора Института российской истории РАН по научной работе: Здравствуйте. Ну, конечно, истоки в детстве. Дело в первую очередь в семейной традиции. Моя мама Галина Ивановна – профессиональный историк, выпускница истфака МГУ середины 1950-х годов, кандидат наук, доцент, работала и учителем в школе, и преподавателем в столичных ВУЗах. Я с детства интересовался историей, был гуманитарием. Многие значил мамин круг общения: это были в основном друзья со студенческих лет, тоже историки, которые собирались в нашем доме. Были очень дружны, хором пели песни, вспоминали походы... В общем, в моем школьном представлении профессия историка стала ассоциироваться с романтикой. Выбор мною этой профессии не был случайным.

По поводу того, разочаровался я или не разочаровался. В 60 лет можно итоги какие-то подводить. Я не разочаровался, что стал историком, хотя временами сомнения все же возникали, и по объективным причинам профессиональная карьера, как, наверное, у многих людей моего поколения, была не простой. Она, в частности, оказалась разделена на несколько эпох, с вы-

текающими отсюда многими последствиями. Учеба, аспирантура и защита кандидатской пришлось еще на достаточно предсказуемую советскую эпоху, а последующий период — на постсоветские десятилетия.

Пережить трудные времена и остаться в профессии в тех условиях, когда многие молодые и не только молодые историки ушли из науки, наступив на горло собственным способностям, а иные уехали из страны, мне помогли несколько обстоятельств. Во-первых, основательная источниковедческая подготовка в ВУЗе (и соответствующая выбранная мною научная специализация) оказалась хорошей прививкой от разочарования и внутренней «методологической ломки», которую пережили некоторые другие коллеги. Во-вторых, мне повезло, что рядом оказались уважаемые мною учителя — Сигурд Оттович Шмидт и Андрей Константинович Соколов. Для них на первом месте всегда было творчество, и если для творческой деятельности открывались широкие возможности (как, например, в период «архивной революции»), то материальные проблемы отходили на второй план.

В 1990-е годы в нашем Институте остались в основном либо подвижники, которые без науки совершенно не мыслили свою жизнь, либо ученые старшего поколения, уже добившиеся званий и признания в своей профессии, которым поздно было менять сферу деятельности. В моральном и в материальном плане резкое падение доходов и перемены в отношении к ученым в обществе тогда воспринимались коллегами очень болезненно, ведь в советские времена научная профессия считалась одной из самых престижных и ученые относились к высокооплачиваемой и уважаемой элите. Принадлежность к таковой начиналась с защиты докторской. Доктора наук, не говоря уже об академиках и членкорах, имели в Академии немало ведомственных льгот. Накопления в условиях реформ, конечно, обесценились, но у многих коллег из старшего поколения имелась хотя бы «подушка безопасности» в виде приобретенных ранее квартир и дач.

Молодым историкам, которым нужно было создавать семьи и поднимать детей, в материальном плане пришлось труднее. Вспоминаю, как назначение летом 1992 года Е.Т. Гайдара и.о. главы российского правительства было воспринято сотрудниками Института с надеждой. Мол, сам он из научной среды, да и род-

ные работают в гуманитарном институте¹ — наверняка подскажут, что науку и ученых нужно материально и морально поддержать. Ничего подобного, однако, не произошло.

И в моей жизни были периоды, особенно в 1990-е годы, когда в силу нестабильности, временного безденежья, необходимости постоянно искать приработки задумывался об уходе из профессии. Поступали конкретные предложения, назывались заманчивые суммы зарплаты. Группа однокурсников перешла в банковскую сферу, кто-то — в администрацию президента. Там в материальном плане было более комфортно, но я все же искал приработки в рамках своей профессии. В аспирантские годы конца 1980-х годов это было репетиторство, в 1990-е — исследовательские гранты и research assistance. Хорошая ориентация в архивах выручала.

В.Т.: Где и какое Вы получили образование?

С.Ж.: Я закончил Московский государственный историко-архивный институт в 1984 году, факультет архивного дела. Увлёкся источниковедением с первого курса, раз в неделю ходил после занятий в знаменитый научный студенческий кружок источниковедения, который возглавлял профессор Сигурд Оттович Шмидт. Его посещали не только студенты, но и аспиранты, выпускники разных лет, архивисты; некоторые бывшие кружковцы стали к тому времени известными академическими учеными или преподавателями. На заседаниях кружка обсуждались доклады, царил неформальная, творческая обстановка. Мы, желторотые студенты, учились у старшего поколения анализировать причины и следствия явлений, овладевать полученными на лекциях теоретическими знаниями. Сложилось настоящее братство учеников Шмидта, они и сейчас, если что, помогают друг другу. Хотя после распада СССР многие оказались в разных странах. Кружок Шмидта стал для меня дорогой в науку, серьезной школой, примером взыскательного, но вместе с тем доброжелательного отношения к коллегам, уважения к научному труду.

Я на всю жизнь благодарен С.О. Шмидту, который щедро дарил свое время ученикам, помогал им и вообще был педаго-

---

¹ Мать Е. Т. Гайдара, Ариадна Павловна Бажова-Гайдар, с 1977 г. являлась младшим, затем старшим научным сотрудником Института истории СССР—Института российской истории РАН.

гом «от Бога». Он увидел, что я интересуюсь в большей мере новейшей историей России, и, когда дело шло к написанию диплома, ненавязчиво подсказал тему (ставшую в дальнейшем и темой моей кандидатской), связанную с горьковским началом 1930-х годов – «Историей фабрик и заводов». Документы этого богатого, но малоизвестного фонда в ЦГАОР СССР (фонд 7952, ныне в ГА РФ) я начал изучать на четвертом курсе. Почему Шмидт обратил внимание именно на эту тему, могу только гадать. Вот одно из предположений. Горьковским началом задолго до меня занималась известный историк культуры Людмила Марковна Зак. В 1959 году она даже подготовила сборник материалов по «ИФЗ»², который спустя 25 лет стал моей настольной книгой. Но затем ушла от этой темы. Шмидт и Зак были знакомы много лет, часто общались, а в 1989-м она согласилась стать официальным оппонентом по моей кандидатской диссертации. С высоты сегодняшнего дня не исключаю, что идею заняться «Историей заводов» могла подсказать Шмидту именно она.

Должен признаться, что в 1983 году студент четвертого курса Журавлёв просто утонул в море документов фонда Главной редакции «Истории фабрик и заводов». Понимание научной значимости этих источников пришло значительно позже. Написание дипломной работы пробудило вкус к исследовательской деятельности. Из ВУЗа я вышел с желанием продолжать заниматься историей именно 1920–1930-х годов и с направлением в аспирантуру МГИАИ, что мне удалось реализовать уже после армейской службы.

В.Т.: А какие преподаватели произвели на Вас впечатление? Кто вспоминается? Какая была атмосфера в институте?

В.К.: Почему вообще Вы поступили в Историко-архивный?

С.Ж.: Когда я в десятом классе решил походить на дни открытых дверей, то выбирал из трех ВУЗов, так как не было у меня еще ясного понимания, где хочу учиться. Истфак МГУ это раз, но поступить туда было почти нереально. Историко-архивный институт это два. А еще я рассматривал историко-филологический факультет Университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы.

---

² А.М. Горький и создание истории фабрик и заводов. Сборник документов и материалов в помощь работающим над историей фабрик и заводов СССР / сост.: Л.М. Зак, С.С. Зимица. М., 1959.

Мне казалось, что это живое, интересное место. К тому же привлекало сочетание истории и филологии. Но все же выбор был сделан в пользу МГИАИ. Привлекла уютная, почти домашняя и какая-то неформальная обстановка маленького ВУЗа. К тому же здесь все как будто дышало историей. Сильный эффект произвела аура места – исторического здания бывшей синодальной типографии на улице 25 лет Октября, 15, где предстояло учиться. А чего стоил находившийся во дворе Института теремок – совершенно невероятный – со старинной изразцовой печью! Там, кстати, у нас на первом курсе проходили занятия по палеографии и библиографии. Я поступил в конце 1970-х годов, вскоре началась реконструкция в теремке, почти вплотную примыкавшем к стене Китай-города у «Метрополя»³. Здесь велись и археологические работы. У стены находили много артефактов, в том числе ядра. Среди студентов распространялись слухи, что под теремком нашли то ли подземный ход, ведущий из Кремля, то ли винный погреб, но все это было окутано завесой тайны.

Вернусь ко дню открытых дверей. В МГИАИ к этому мероприятию всегда готовились специально. На потенциальных абитуриентов были брошены лучшие силы. Выступления Шмидта и Натальи Ивановны Басовской, которых я впервые увидел на дне открытых дверей, всегда на школьников действовали завораживающе. На меня в том числе

Должен сказать, что поступив в этот ВУЗ, я не разочаровался. Конец 1970-х и начало 1980-х годов, когда пришлось здесь учиться, были «золотым веком» Историко-архивного. В нем работала плеяда выдающихся, я считаю, педагогов и ученых, которые привили нам интерес к исторической профессии. Басовская на первом курсе читала историю Древнего мира и Средних веков. Для ребят, привыкших к школьной зубрежке по учебнику, ее лекции оказывались настоящим потрясением. Это был театр одного актера. Когда она выходила на трибуну, мы тут же забывали обо всем вокруг, потому что Наталья Ивановна рассказывала без бумажки, да так ярко и образно, что казалось, ты в эпоху Древнего мира уже полностью погрузился и оттуда невозможно выйти. Поэтому когда необходимо было заканчивать занятия, уходить из

---

³ Гостиница в центре Москвы класса «пять звезд». В советское время относилась к компании «Интурист».

аудитории не хотелось, с нетерпением ждали продолжения. Продолжением ее лекций становились заседания КИДИСа – научного студенческого кружка по истории Древнего мира и Средних веков, который после занятий вела Басовская. Наталья Ивановна, конечно, была талантливым, самобытным преподавателем, и ее лекции навсегда остались в памяти.

Сигурд Оттович Шмидт на первом курсе читал нам введение в специальность, и это тоже была яркая, запоминающаяся часть студенческого прошлого. С первых дней учебы я стал ходить на научные кружки. Несколько раз бывал на заседаниях упоминавшегося КИДИСа, на кружке Аркадия Ивановича Комиссаренко по дореволюционной истории (его заседания проходили на кафедре и отличались тем, что заканчивались чаепитиями за самоваром и с бубликами). Но довольно скоро я остановился на кружке Шмидта. В кружке Басовской была замечательная творческая обстановка, совершенно удивительные формы работы – диспуты, суды истории, когда судили разных деятелей прошлого из Древнего мира и Средних веков и заранее назначали из числа студентов, кто будет прокурором, а кто – адвокатом этого исторического персонажа. Но это были собрания студенческого, максимум – аспирантского уровня, а у Шмидта собирались люди разных поколений. Заседания в основном начинались в 18:30 и продолжались в среднем около двух часов.

Еще, конечно, очень сильной была кафедра государственных учреждений и общественных организаций. Ее возглавлял профессор Николай Петрович Ерошкин, а советские «госы»⁴ нам читала его талантливая ученица Татьяна Петровна Коржихина. Ерошкин вызывал у студентов, как сейчас говорят, когнитивный диссонанс. Настолько его перенасыщенные сухими сведениями учебники, больше напоминавшие справочники, не соответствовали артистической манере чтения лекций, которые не повторяли содержание учебников. Лекции Коржихиной были очень информативны, было видно, что она тщательно готовилась, перед занятиями чертила на доске для наглядности схемы соподчиненности госучреждений. В области истории государственных учреждений и общественных организаций Ерошкин и Коржихина у нас в стране считались корифеями, именно при

---

⁴ Имеется в виду дисциплина «История государственных учреждений».

них Историко-архивный институт стал ведущим ВУЗом, где разрабатывалась эта тематика. С одной стороны, это безусловно соответствовало государственнической линии в историографии советского периода, потому что наша история писалась с позиций истории власти. С другой стороны, кафедра ведь занималась и общественными организациями тоже, структурами помимо КПСС. Вот это сочетание проблематики госучреждений и общественных организаций, общественных инициатив давало особую волну и особый интерес, потому что общественные организации, безусловно, были связаны с историей и состоянием, потребностями общества, а его разработка в СССР традиционно находилась на заднем плане.

В общем, в годы моей учебы в МГИАИ работало немало ярких преподавателей – профессионалов своего дела, которые жили своей профессией, были патриотами Историко-архивного института. Как правило, это были люди, которые имели отношение к архивам: либо сами поработали в них, либо в ходе своей исследовательской практики многие годы занимались архивными изысканиями. Среди них было немало одновременно и теоретиков, и практиков архивоведения, археографии и источниковедения. Кроме тех, о ком я ранее сказал, у нас вел занятия – семинары по источниковедению советского периода – молодой, энергичный Борис Семёнович Илизаров. Особенно запомнились его семинары о массовых источниках, количественных методах исследований, о теоретико-методологических подходах к изучению источников. Студенты были, вообще говоря, окружены в МГИАИ в основном творческими людьми, преподавателями – энтузиастами своего дела, которые искренне старались передать свои знания, воспитать смену. Считаю, что мне очень повезло с институтом.

В.Т.: Расскажите о неформальной стороне жизни института.

С.Ж.: Неформальной жизни в МГИАИ было очень много. На разный вкус. Одновременно с кружком источниковедения меня, например, затянула общественная работа. Я был в комитете комсомола института, на этой почве познакомился практически со всеми студентами и факультета архивного дела, и других двух факультетов (научно-технической информации и государственного делопроизводства, последний тогда располагался в другом здании – на ул. Забелина). В те годы на дневном отделении училось в общей сложности 1100–1200 студентов.

Кроме того, на первом курсе я попал в состав институтской агитбригады. В то время популярными были конкурсы ВУЗовских агитбригад, которые курировал комсомол. Лучшие агитбригады направлялись на гастроли по стране. В их составе, помимо исполнителей литературно-музыкальных композиций, была лекторская группа и вокально-инструментальный коллектив, исполнявший популярную и танцевальную музыку. Сценарий литературно-музыкальной композиции (она считалась главной в выступлении) писался, как правило, к революционным праздникам или к юбилейным датам.

Студенческая агитбригада Историко-архивного института гремела еще до моего поступления, ее костяк составляли старшекурсники. Кажется, в 1977 году агитбригада по линии ЦК комсомола успешно гастролеровала на Северном флоте. Ребята вернулись оттуда с массой впечатлений и с благодарностями от командования. Осенью-зимой 1978 году с новой литературно-музыкальной композицией, посвященной 60-летию комсомола, мы участвовали в конкурсе агитбригад. Последний этап отборочного тура проходил на сцене Колонного зала Дома Союзов. Заняв призовое место, агитбригада МГИАИ выступала в итоговом концерте, который транслировался по Центральному телевидению (подготовка к этому выступлению с нами, любителями, велась под руководством молодого артиста и эстрадного режиссера Араика Бабаджаняна). По тем временам выступление по ЦТ было большим событием! А зимой были концерты по Подмоскovie, которые мы называли гастрольями, выступления в небольших клубах. К сожалению, уже через год, когда основной состав агитбригады окончил институт, коллектив прекратил свое существование.

Помимо агитбригады, в МГИАИ действовала команда КСПшников⁵. Они тоже активно выступали в своем жанре, приобщали новых студентов к жанру бардовской песни. Так что студенческая жизнь у нас была действительно очень насыщенной. Еще вспоминаются спортивные секции. Меня тогда привлекали лыжи. А в знаменитом институтском спортзале, что в подвале, полулегально действовала секция каратэ. Те студенты, кого больше интересовали посиделки и беседы за кружкой пива, облюбовали

---

⁵ КСП — клуб самодетельной песни.

заведение ближе к метро «Площадь Дзержинского» (ныне «Лубянка»), носившее неофициальное название «БЧ». Но основная студенческая масса сразу после лекций честно отправлялась в Историческую библиотеку или в библиотеку института.

В.К.: Как Вы попали в Институт истории СССР АН СССР?

С.Ж.: В Институт я попал в первую очередь благодаря Сигурду Оттовичу Шмидту.

В.К.: Это в каком году?

С.Ж.: В 1989-м. После окончания МГИИИ я полтора года отслужил в армии, после почти года работы в Мосгорархиве⁶ осенью 1986 года поступил в аспирантуру и еще через три года выходил на защиту. Вставал вопрос: что делать дальше? Формально я был целевым аспирантом возглавляемой Шмидтом Археографической комиссии Академии наук. Однако министерством я был прикреплен для обучения в аспирантуре к кафедре вспомогательных исторических дисциплин МГИИИ. Там же я должен был и защищаться. Необычная ситуация давала возможность выбирать между преподавательской и научной карьерой. Шмидт посоветовал последнее, имея в виду, конечно, работу в Академии.

В это время, в конце «перестройки», в Институте истории СССР АН СССР происходили большие перемены. На административные должности, начиная с руководителя сектора или группы и заканчивая директором, люди не назначались, а избирались коллективом. Были введены и возрастные ограничения для их занятия. В результате сменилось руководство Институтом, и заместителем директора, курирующим советский период, стал специалист по истории НЭПа Владимир Петрович Дмитренко. Я так понимаю, что Шмидт имел с ним разговор по поводу моего трудоустройства в Институте.

В.К.: А до этого Вы как-то сталкивались с Институтом? Были здесь?

С.Ж.: В Археографической комиссии в этом здании бывал, конечно, но Институт истории СССР и его сотрудников, можно сказать, почти не знал.

В.К.: Вы слышали про него?

---

⁶ Архивное управление Мосгорисполкома, ныне Главное архивное управление города Москвы.

С.Ж.: Ну, конечно. Читал работы ведущих ученых Института, до армии собирался поступать сюда в аспирантуру. По выступлениям на кружке источниковедения в МГИАИ знал некоторых сотрудников. Например, с докладами у нас выступали А. П. Богданов и Ю. Н. Жуков — оба выпускники МГИАИ разных лет. Нужно сказать, что в конце советской эпохи, наверное, половина сотрудников Института были выпускниками МГИАИ. Это свидетельствовало о тесных связях ВУЗа с Академией. Для меня Институт истории СССР в то время был пределом мечтаний, олицетворением самой высокой научной планки. В это элитарное учреждение попасть в то время было невероятно трудно. Поэтому когда меня приняли на работу в августе 1989 года, причем еще до формальной защиты кандидатской, я был, конечно, совершенно счастлив. Далее последовали тридцать с лишним лет очень насыщенной и интересной жизни в институтском коллективе. С первого дня и по сей день я работаю в том же Центре, в который когда-то пришел младшим научным сотрудником. В 1989-м это был сектор источниковедения истории советского общества, а сейчас, после ряда пертурбаций, Центр новейшей истории России и политологии.

В августе 1989 года мне позвонили из Института и пригласили на прием к Дмитренко, который исполнял обязанности директора, находившегося в отпуске. Институт был пустой, август — время отпусков. К назначенному времени, кроме меня, к кабинету подошел худощавый человек лет сорока пяти. Оказалось, что это Андрей Константинович Соколов, с которым я в кабинете Дмитренко впервые и познакомился. Мои источниковедческие интересы соответствовали профилю его сектора. Андрей Константинович только в 1987 году пришел в Институт, по академическим меркам считался молодым ученым и перспективным руководителем подразделения. Сразу после беседы с ними мне было предложено идти в отдел кадров оформляться.

С 1989 года я работаю в нашем Институте, с 1992 года это Институт российской истории. Затем наступили 1990-е годы — это было сложное время. Коллектив Института сжимался буквально на глазах, как шагреневая кожа, сократилось количество сотрудников. Часть ушла сама, других увольняли по разнарядке сверху по сокращению штатов. Однажды уволили всех научных сотрудников без степени. Особенно сильно пострадал научно-

вспомогательный персонал, в секторах практически не осталось секретарей, ведших делопроизводство. В Научном архиве Института из трех или четырех архивистов не осталось ни одного, работу архива на несколько десятилетий пришлось «заморозить». «Разморозка» его произошла только в 2011 году, после прихода к руководству Институтом Ю.А. Петрова. Большую инициативу проявил и к.и.н. К.С. Дроздов, ставший по совместительству заведующим архивом.

В.К.: А сколько сотрудников было в Институте, когда Вы пришли?

С.Ж.: Около 500 человек. К сожалению, сокращение штата в 1990-е годы шло во многом за счет молодежи. Это были аспиранты, молодые сотрудники Института, которые уходили кто в бизнес, кто в государственные структуры. Речь идет о современном поколении 55–65-летних сотрудников. Неудивительно, что их осталось так мало в Институте. Это ведь мое поколение и поколение нынешнего директора Ю.А. Петрова. Кто-то тогда подрабатывал в ВУЗах, в архивах, кто-то даже устраивался ночным сторожем. Доходило до того, что сотрудники Института расхватали ставки уборщиц и в свободное время мыли коридоры.

Весомым источником доходов с учетом разницы курса валют были зарубежные гранты. Это была непростая история. Приходилось срочно осваивать иностранные языки, понимать международную научную конъюнктуру, учиться оформлять заявки на конкурс. Хорошие гранты получали преимущественно молодые историки для проведения своих исследований не в России, а за рубежом. С одной стороны, это давало возможность расширить кругозор, познакомиться с зарубежными коллегами, выступать в университетах по всему миру, заниматься в ранее недоступных иностранных библиотеках и архивах. Благодаря этому российская наука настолько стремительно стала частью мировой историографии, что этот процесс, кажется, произошел почти незаметно. С другой стороны, многие российские ученые, откровенно говоря, предпочли бы проводить свои исследования на иностранные деньги не за рубежом, а в России, что с учетом их тематики и происходившей «архивной революции» объективно казалось более целесообразным. Однако условия большинства грантов предусматривали проведение исследований именно за рубежом. Не знаю, была ли это сознательная

политика. Но парадокс заключался в том, что для иностранных коллег, напротив, открылись небывалые возможности приехать в Россию для длительной работы в наших открывающихся архивах. В этом смысле иностранные ученые получали явное преимущество.

Многое зависело, конечно, от темы исследования. По некоторым сюжетам нашей истории XX века немало источников оказалось за рубежом. В том числе — о судьбах иностранцев, приехавших в СССР в межвоенный период строить социализм. Этой темой я увлекся после того, как в наших архивах была рассекречена соответствующая документация. Мне повезло застать в живых и взять интервью у тех иностранцев, кто приезжал к нам в 1930-е годы. В 1994—1995 годах по одной из программ я более полугода изучал американские источники — сначала в Национальном управлении архивов и документации в Вашингтоне, затем в Гуверовском институте в Стэнфорде. Вторые мои полгода в США по Программе Фулбрайт⁷ пришлось уже на середину 2000-х.

В 1990-е состоялось и мое знакомство с германской историографией. Особенно большое впечатление произвело общение с классиками германской истории повседневности и микроистории Альфом Людтке, Гансом Медиком и их коллегами из ныне уже, к сожалению, не существующего Института истории общества Макса Планка в Гёттингене. С поездками в этот старинный университетский город связано много приятных воспоминаний.

Эта часть научной жизни 1990-х годов — процесс интеграции российских историков в международное научное сообщество, в котором профессиональная составляющая зачастую тесно переплеталась с взаимной дружеской симпатией, — еще толком не описана. Но это было важно, в том числе для сотрудников нашего Института. Я, например, благодарен судьбе, что в середине 1990-х она свела меня с профессором социологии Хельсинкского университета Юккой Гроновым, ставшим моим соавтором и другом. Недавно вышла книга воспоминаний известного аме-

---

⁷ Правительственная программа образовательных грантов с целью укрепления культурно-академических связей между гражданами США и других стран. Соглашение с СССР в ее рамках подписано в 1972 г.

риканского профессора из университета штата Мичиган Льюиса Сигельбаума. Ссылаясь на собственный опыт сотрудничества с российскими коллегами (среди них были А. К. Соколов и некоторые другие сотрудники Института), он обращает внимание на то, что в 1990-е имело место взаимное обогащение. То есть, не только мы перенимали опыт и знания у иностранных ученых, но и они многому учились у нас в ходе личного общения и реализации совместных проектов. Я согласен с подобной постановкой вопроса. Например, советская школа классического источниковедения действительно позволяла чувствовать себя уверенно на международном уровне, а во многих случаях просто давала фору отечественным ученым. Поэтому считаю большой ошибкой упразднение соответствующих структурных подразделений в нашем Институте. Сейчас мы с трудом восстанавливаем эту специализацию, появился Центр источниковедения, занимающийся, правда, пока только тематикой Средневековья.

В.К.: А из числа ушедших из Института Вы можете назвать тех, кто мог бы себя проявить, но не сложилось?

С.Ж.: Все было непросто и складывалось у коллег по-разному. Вот Николай Фёдорович Бугай поработал в ведомстве по делам национальностей и, к счастью, вернулся в Институт, чтобы продолжить научную карьеру. Из представителей моего поколения ушли, например, Сергей Цакунов и Михаил Горинов. Горинов затем стал одним из руководителей Мосгорархива. Это только те, кого я знал лично.

В.К.: Как бы Вы могли охарактеризовать обстановку в Институте после распада СССР?

С.В.: Трансформация из Института истории СССР АН СССР в Институт российской истории РАН в 1992 году прошла практически незаметно. А в целом 1990-е годы оказались причудливым сочетанием творческой эйфории и больших ожиданий от «архивной революции» на фоне безденежья, экономической и политической нестабильности, методологической неопределенности, шедших «сверху» кадровых сокращений в сочетании с добровольным уходом коллег; временем постоянных слухов о планах реформирования науки, и в связи с этим опасений за судьбу Института и Академии наук в целом. Не секрет, что у части новой властной элиты Академия, не дававшая быстро «навару», требовавшая существенных вложений и при этом в основной

своей массе настроенная весьма оппозиционно к радикальным реформам, воспринималась как обременительный рудимент советской эпохи.

Если сравнивать 1990-е с советским временем, то имело место развитие определившегося уже в годы «перестройки» относительного плюрализма мнений. Прежнее видимое методологическое единство на почве партбилета довольно быстро испарилось. Под влиянием разных обстоятельств некоторые коллеги весьма радикально пересмотрели не только политические воззрения, но и выводы своих ранее изданных книг. Возможно, внешне это было не очень заметно, но «в кулуарах» Института бурную реакцию вызывали случаи «саморазоблачений» и «перестановки знаков» при характеристике Российской империи, царской семьи, революции и Гражданской войны, деятельности большевиков и так далее. В целом все это очень сложно. Старшее поколение историков воспринимало слом советской модели прошлого по-разному, для многих это была личная трагедия.

Руководство Института во главе с А. Н. Сахаровым тогда поддерживало курс на «антинорманизм», реабилитацию монархии, рассмотрение советского прошлого с точки зрения «тоталитарной» концепции. Соответственно, в фаворе оказывались ученые, придерживавшиеся схожих с руководством позиций, а не совпадавшие с ними постепенно стали предпочитать открыто не афишировать свою точку зрения. Проблема 1990-х заключалась и в том, что освобождение науки от советских мифов порой сопровождалось новым мифотворчеством, в основе которого вновь лежала политическая конъюнктура.

Буквально через пять-восемь лет после распада СССР можно было обнаружить, что в коллективе Института трудятся как последователи религиозно-монархических и либеральных взглядов, так и сторонники социал-демократических и коммунистических убеждений. Было бы интересно изучить, в какой мере трансформация личных политических воззрений ученых в 1990-е повлияла на тематику и результаты их научных исследований. Кстати, готовящийся сейчас к юбилею ИРИ РАН биобиблиографический словарь научных сотрудников Института является ценным источником для такой работы.

На ученых советах тогда шли дискуссии. К. С. Дроздов недавно опубликовал в сборнике памяти Соколова стенограммы неко-

торых заседаний Ученого совета Института⁸, которые отчасти отражали настроения рубежа 1980–1990-х годов, и это очень интересно. Но настоящие споры о науке и текущей политике, во время которых коллеги часто не стеснялись в выражениях, конечно, разворачивались вне официальных заседаний, в научных центрах за чашкой чая или чего покрепче.

В той или иной мере все это имело место и в нашем научном подразделении. Андрею Константиновичу было непросто как руководителю. У нас в Центре на рубеже 1980–1990-х работали такие ученые, как Е. Н. Городецкий, В. В. Кабанов, Г. А. Трукан, В. М. Лавров, Г. И. Злоказов. Чтобы говорить на одном профессиональном языке, важно было найти новую точку опоры. Ею стал источниковедческий подход, общепринятые стандарты критики источников. Это были как бы «вёшки», которые позволяли ученым приходить к общим выводам, верифицировать факты и явления. На время источниковедческие принципы заполнили вакуум, образовавшийся после отказа от марксистской методологии, и, по большому счету, помогли сохранить историческую профессию.

В.К.: Приходилось слышать и читать, что для многих, особенно молодых ученых, 1990-е стали глотком свежего воздуха. Даже не глотком, а прямо свежий ветер подул, наконец, появились как раз новые методологические подходы и это позволило найти себя в науке.

В.Т.: И еще произошла «архивная революция».

В.К.: Да, «архивная революция» еще. А вот у Вас, мне кажется, более пессимистический взгляд.

С.Ж.: На «архивную революцию»?

В.Т.: На «святые девяностые» (*смех*).

С.Ж.: Если речь идет о рассекречивании архивов, открытии границ для международного сотрудничества — да, новая ситуация бесспорно подействовала на науку благотворно. В этом смысле «ветер перемен» мы тогда почувствовали и оценили по достоинству. Тем не менее, 1990-е годы не ассоциируются у меня со

---

⁸ Дроздов К.С. «...Прокладывать новые тропы в развитии фактической базы исторических исследований»: материалы о деятельности А. К. Соколова в Институте истории СССР АН СССР во второй половине 1980-х гг. // Профессионал с большим сердцем. К 80-летию со дня рождения историка А.К. Соколова: сборник статей и материалов. М., 2021. С. 47–72.

«святыми временами». Там правили бал другие ценности (например, денежные знаки) и, как я уже сказал, довольно быстро стала брать верх новая политическая конъюнктура. Как некоторые коллеги подстраивались к советским идеологическим клише, так стали подстраиваться к противоположному. Тем более, что в научно-популярной форме это приносило доход.

Что касается популярных в то время на Западе теоретико-методологических новаций, то их заимствование (иногда творческое, иногда — не очень) тоже существенно повлияло на развитие отечественной науки. Могу привести множество примеров этому. Правда, когда систематически, в течение последних примерно 25 лет читаешь большое количество заявок и работ историков из столиц и регионов (мне это приходилось делать, например, как эксперту РГНФ-РФФИ), то лучше видишь и проблемы нашей историографии. Имею в виду, например, подчас чрезмерное увлечение постмодернистским «новоязом» и сегментацией прошлого в ущерб широкому, целостному взгляду на явление или процесс; неглубокий характер восприятия западных идей, что связано со стремлением находиться «в тренде», следовать моде. Например, ученые заявляют, что они сторонники теории модернизации или цивилизационного подхода, или что их исследование лежит в русле истории повседневности или гендерного подхода. Начинаешь разбираться и видишь, что внешние признаки есть, но суть концепции осталась не понятой. Подобные вещи в той или иной мере характерны для любых национальных историографий, но в отечественном варианте «ритуальность», кажется, присутствует все же в более выраженном виде.

Если хотите мое мнение, то профессиональный историк должен быть универсалом, поскольку идеальной методологической модели, способной описать любую проблему, в принципе не существует и вряд ли она появится. Теоретико-методологический инструментарий это «набор отмычек», который позволяет проникнуть в прошлое, он подбирается ученым в зависимости от конкретной исследовательской задачи.

Если говорить об исторических документах, то с 1991 года наступило очень интересное и многообещающее время. Вероятно, работающий сейчас в ИРИ Р.Г. Пихоя мог бы подробно рассказать о нем с позиции руководителя архивной службы России. Когда начался процесс рассекречивания фондов, то в состав

комиссий по рассекречиванию по линии АН были приглашены ведущие ученые. Андрей Константинович Соколов участвовал в таких комиссиях по рассекречиванию в ГА РФ и в РГАЭ⁹. Благодаря этому мы в Центре одними из первых узнавали, какие именно ранее закрытые фонды или части фондов скоро будут доступны ученым, какую ценность они представляют для изучения тех или иных сторон советского прошлого.

Таким путем я «попал» на тему «Иностранцы в Советской России в 1920–1930-е годы», ставшую затем моей докторской диссертацией. В советское время секретилось все, что касалось иностранцев. Эти материалы, как правило, формировались в отдельные описи. В числе прочих коллекций РГАЭ было решено рассекретить документы об иностранных рабочих и специалистах периода индустриализации. Особенно много важного по этой теме по понятным причинам оказалось в фонде наркомата тяжелой промышленности. Эти документы, по мнению Соколова, могли существенно изменить наши представления о вкладе иностранцев в модернизацию СССР. Они касались их жизни и быта, восприятия советской действительности и др. Он подсказал мне перспективность этой темы, и я направился в архив, чтобы обнаружить пересечение с другой интересовавшей меня тогда темой – историей политических репрессий.

В то время я сотрудничал с московским «Мемориалом», на общественных началах помогал составлять по следственным делам реабилитированных жертв политических репрессий книгу памяти. Это была работа, сочетавшая научную и общественно-политическую значимость. Пропустив через себя сотни дел и судеб, стал лучше понимать не только механизм репрессий, но и информационную ценность материалов следствия. Позже этот опыт пригодился мне при написании разделов о судебно-следственных и тюремных делах как историческом источнике¹⁰. Мне попадались и дела репрессированных иностранцев, которые я стал брать на заметку, поскольку об этих же людях видел информацию в рассекреченных документах РГАЭ более раннего периода.

---

⁹ Российский государственный архив экономики.

¹⁰ Источниковедение новейшей истории России: теория, методология и практика / под общ. ред. А.К. Соколова. М., 2004.

Другое яркое впечатление. После событий августа 1991 года и запрета КПСС партийные структуры прекратили существование и потребовалась помощь в сохранении документов партийного делопроизводства на Старой площади. В составе группы других молодых историков и архивистов я оказался в покинутом функционерами здании бывшего ЦК КПСС. Там шел процесс выемки документов из кабинетов, которые механически складывалось в мешки и вывозились, а затем уже все это хозяйство в архиве кто-то разбирал. Работал я там на общественных началах пару дней, больше помощь не потребовалась. Помимо всего прочего, это была уникальная возможность попасть в здание ЦК, увидеть интерьер высоких кабинетов, а также пообедать по смешным ценам в почему-то продолжавшем действовать партийном буфете.

Лето 1991 года также запомнилось тем, что в составе довольно большой группы сотрудников Института (человек 15) я принимал участие в работе приемной комиссии Московского заочного юридического института¹¹. Профессия юриста становилась тогда крайне востребованной, а в Москве ее можно было получить фактически лишь в двух местах — на юрфаке МГУ и в МЗЮИ. Поэтому конкурс туда был сумасшедший. Путем привлечения к вступительным экзаменам людей «со стороны» вместо своих преподавателей местное руководство пыталось вести борьбу с потенциальными нарушениями при поступлении. Мы довольно напряженно отработали в приемной комиссии несколько месяцев во время своего отпуска. После окончания экзаменов руководство ВУЗа решило нас отблагодарить и заказало стол в ресторане гостиницы «Москва» на Манежной площади на вечер 20 августа. Никто ведь не знал, что будет ГКЧП, комендантский час, на улицах патрули и военная техника, а развязка событий придется как раз на ночь с 20 на 21 августа. Когда я приехал в 19 часов в центр Москвы, он был совершенно пустой. К моему удивлению, всегда переполненный клиентами ресторан работал, но посетителей, кроме нас, не было. Вкус деликатесов смешивался с привкусом тревоги. У кого-то был включен приемник, люди вслушивались в новости. Напряжение нарастало. В окно ресторана было вид-

---

¹¹ Московский заочный юридический институт, ныне Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина.

но, как на Манежной появились танки. Мы решили побыстрее закругляться, чтобы не попасть под объявленный с 23 часов комендантский час.

В 1989 году, когда я пришел в Институт, в коридорах было намного более многолюдно. Особенно явно это ощущалось в присутственные дни, которые были, как и сейчас, по вторникам и четвергам. В секторах велись журналы учета рабочего времени, в которых каждый сотрудник отмечал, где он находился в рабочие часы вне Института. Как правило, указывались архивы и библиотеки. В 1990-е годы ведение этих журналов было прекращено. В Институте в первые годы моей работы было довольно много молодежи, сотрудников и аспирантов. Был партком, партийные и комсомольские ячейки в научных подразделениях. Общественная жизнь, конечно, скромнее, чем в ВУЗе, откуда я пришел из аспирантуры. Тем не менее, проводились спортивные и культурные мероприятия, популярны были экскурсии, которые регулярно организовывал профком. Была самодеятельность. Помню, когда пришел в Институт, спросил кого-то из молодежи по поводу спортивной жизни. Мне сказали, что есть секция волейбола, которая по договоренности ходит заниматься в спортзал соседней школы. Спустя некоторое время мы попросили профком купить теннисный стол. Вскоре его привезли. Мы поставили его в коридоре напротив нынешнего Центра по изучению отечественной культуры и устраивали соревнования — естественно, между заседаниями. Среди тех, кто хорошо играл, запомнился Алексей Ковальчук, который и сейчас работает в ИРИ.

Во время новогодних елок своими силами устраивались представления для детей сотрудников: наряжали кого-то Дедом Морозом и Снегурочкой. В 1990-е вместе с сокращением состава Института произошла атомизация коллектива, жизнь переместилась в научные центры, люди стали значительно чаще выезжать за рубеж, к тому же подрабатывали в нескольких местах. Институт перестал в той же мере, как прежде, быть местом активной социализации.

В.К.: Ситуация менялась в какие-то периоды, какой Вам динамика кажется? 1990-е — явно очень низкая точка для Института, а потом?

С.Ж.: Впечатление, что сокращения персонала проходили волнами. Руководству Института спускались цифры, сколь-

ко сотрудников необходимо сократить. Оно распределяло эти «квоты» по центрам. Вопрос состоял в том, по каким критериям проводить сокращение, кого сокращать в первую очередь? Расставались с научно-вспомогательным персоналом, в результате чего лишились архивистов, секретарей-делопроизводителей. Во время одного из самых значительных сокращений под увольнение попали также младшие научные сотрудники без степени, после чего в Институте остались преимущественно доктора и кандидаты наук. Отчасти все это затронуло молодое поколение. С примерно 500 человек численность Института сократилась до 140–150. Сейчас — около 200. В связи с систематической работой над 20-томником по истории России особенно четко прослеживаются лакуны по темам и периодам, по которым в Институте нет специалистов. Это тоже, по крайней мере, отчасти результат кадровых потрясений предшествующих десятилетий.

В.К.: А как Вы оцениваете ситуацию в современной науке, в исторической, в первую очередь?

С.Ж.: Современная ситуация в науке неоднозначна. Кто-то считает, что историческая наука переживает кризис (а когда она не считалась в кризисе?). Кто-то — что идет естественное приспособление к современным реалиям. Компьютеры, Интернет, информационные технологии, несомненно, интернационализировали и существенно изменили научный труд. Увеличили его скорость, эффективность. В чем-то упростили его, сняли прежние пространственные ограничения для обмена информацией и мнениями (наглядное доказательство этому — широкое распространение видеоконференций с коллегами из разных стран мира и далеких городов России). Побочным результатом стало то, что опустели библиотеки, утрачиваются навыки работы с книгой и с оригинальным документом. Вспомогательные исторические дисциплины, с одной стороны, количественно неимоверно разрослись, с другой, превращаются в экзотику. Мало уже кто следует классическим археографическим правилам подготовки публикаций. Научные журналы переходят из бумажного в электронный формат. Интернационализация науки вроде бы стимулирует владение иностранными языками, но на деле для коммуникации английского оказывается вполне достаточно, а вообще со всех языков текст все более сносно переводит компьютерная

программа. Полным ходом идет коммерциализация науки, превращается в норму прием к публикации научных статей за деньги. Стали реальностью небывалые прежде возможности для копирования своих (и чужих!) результатов научной деятельности, что ставит в повестку дня немало морально-этических вопросов. Все это продолжающиеся процессы, когда и к чему именно они приведут – неизвестно.

Возможно, это стремительное время такое, что не способствует размеренности, когда наука делалась в тиши кабинетов, а побуждает ученых к быстрой достижению результата. Однако ориентация на количественные показатели может губительным образом сказаться на качестве исследований (конечно, много примеров иного рода, но тенденция налицо). Это правда, что почти никто уже не хочет годами сидеть в архивах. А научной литературы в стране и за рубежом выходит столько, что ее нет возможности внимательно изучать. Специализация историко-графа вроде бы становится крайне востребованной, но желающих этим заниматься очень мало. А к чему ведет ситуация, когда ввиду нехватки времени даже коллеги по одному периоду истории перестают друг друга читать? Ответ очевиден. Впечатление, что уходит основательность, тщательность, трансформируются сложившиеся ранее представления о культуре профессии.

Работавший в нашем Институте в далекие 1950-е годы А.Ц. Мерзон стал знаменит своей крылатой фразой: «Если историк не источниковед, то он и не историк». После войны, когда источниковедение доказывало свою состоятельность, это было крайне важным. Полвека спустя А.К. Соколов метко назвал источниковедение «лабораторией историка». Я бы, пожалуй, обратил внимание на то, что источниковедение – важнейшая часть культуры исторической профессии, которая, к сожалению, утрачивается. Например, комплексный принцип формирования источниковой базы исследований, который когда-то считался основой основ, фактически подвергается сомнению, и все чаще выводы делаются на основе привлечения лишь одной группы источников.

В.К.: Раньше считалось, что до 40 лет неприлично выходить на защиту докторской диссертации. Вы это застали, и как вообще относитесь к самой установке возрастных ограничений?

С.Ж.: Да, я застал то время, когда для Института были характерны более консервативные традиции, если хотите, негласные правила, чем сегодня. Защита кандидатской до 30 лет и докторской до 40 лет считались исключением из правил, а соискатель мог испортить себе репутацию в коллективе. Или — без вышедшей из печати монографии не давали должность старшего научного сотрудника.

Помню, в начале 1990-х годов был очередной всплеск интереса к москвоведению. Было решено создать временную группу для написания очередной версии «Истории Москвы». Дмитренко почему-то решил, что я, 30-летний кандидат наук в должности младшего научного сотрудника, мог бы возглавить такой коллектив. Он вызвал меня в кабинет и ошарашил этим предложением. Я попросил время подумать и обратился за советом к Сигурду Отговичу Шмидту. Тот, хорошо зная институтские традиции, сказал, что м.н.с., конечно, не может руководить сотрудниками, имеющими более солидные научные должности и заслуги. По его мнению, от приглашения следовало отказаться хотя бы для того, чтобы не испортить репутацию. Так я и поступил. Честно говоря, сейчас не помню, что вышло с этим проектом по истории Москвы, и состоялся ли он вообще.

В.Т.: В 1997 году вышел¹².

С.Ж.: Конечно, и сейчас есть определенная доля консерватизма. А что, здоровый консерватизм это разве плохо?

В.К.: В продолжение предыдущих тем — институтские научные школы. И кого бы Вы назвали самым выдающимся историком Института, с которым Вам довелось общаться?

С.Ж.: Научные школы это тема одна, по поводу выдающихся историков — совершенно другая. Дело в том, что, к сожалению, далеко не все выдающиеся историки оставляют учеников, создают научные школы. Помимо желания готовить смену, нужен еще и талант педагога. Известна научная школа В.И. Бовыкина. Я принадлежу к научной школе источниковедения, основанной С.О. Шмидтом. А.К. Соколов, удачно соединивший источниковедение с изучением проблематики социальной истории советского периода, тоже создал свою научную школу. Горжусь принадлежностью к ней.

---

¹² История Москвы с древнейших времен до наших дней: в 3 т. / под общ. ред. А.Н. Сахарова. М., 1997.

Однако большинство ученых не оставили после себя научных школ. Характерный пример — Виктор Петрович Данилов: выдающийся историк крестьянства, яркая личность, ученый с мировым именем. Были последователи у такого прекрасного ученого, как Юрий Александрович Поляков, но можно ли сказать определенно, что он оставил после себя научную школу? Мне повезло в разные годы общаться и с другими замечательными историками, не буду называть их всех. Многие и сейчас продолжают трудиться. Тем не менее, настоящие научные школы — явление редкое, их можно перечислить по пальцам.

В.К.: А были ли в Институте неформальные лидеры? Авторитеты, к которым прислушиваются? Можно Андрея Константиновича, например, назвать неформальным лидером?

С.Ж.: Андрей Константинович действительно был человеком, которого уважали в Институте, к мнению которого прислушивались, который оставил о себе добрую память. Он всегда был человеком со своей позицией. С другой стороны, по натуре — достаточно компромиссным, неконфликтным. Если говорить о неформальном лидерстве, то действительно нельзя не упомянуть Соколова и его Центр, который оказался, можно сказать, «на передовой прогресса». Он был компьютеризирован первым в Институте (Соколов получил на это специальный грант РГНФ), в нашем же Центре с помощью А.Н. Родионова появились Интернет и электронная почта, здесь же стоял институтский сервер, сотрудником нашего Центра М.Ю. Мухиным был создан первый институтский сайт. Все это середина и вторая половина 1990-х годов. Многие вещи делались «на коленке» (первый сервер), в экспериментальном режиме. Хорошо помню наши первые попытки подключиться к Интернету через модем по обычной телефонной сети и без санкции администрации, поскольку руководство Институтом, в отличие от Соколова, на первых порах не понимало значения компьютеризации и беспокоилось по поводу «бесконтрольного пользования сотрудниками Интернетом». Поэтому подключение к сети каждого нового центра проходило «со скрипом». Ситуация изменилась лишь в 2000-е, когда РАН приняла решение централизованным порядком провести в институтах тонковолоконный кабель, связав их в единую сеть. Уверен, многим сотрудникам эта незаметная часть истории Института неизвестна.

Сам я впервые увидел, что такое компьютер и на практике понял, как он может изменить жизнь историка, в начале 1995 года в США, когда изучал документы по своей теме в архиве Гуверовского центра. Это территория знаменитой Силиконовой долины, в США в то время начинался бум ноутбуков, а стационарными компьютерами, которые считались обычным делом, в университетах были оборудованы компьютерные залы общего пользования. Спустя некоторое время «компьютерный бум» изменил жизнь ученых и в нашем Институте. Только мое поколение и более старшее поколение помнит, насколько все изменилось.

В.К.: Как Вы относитесь к известному высказыванию, что «история это политика опрокинутая в прошлое»? Что каждое поколение переписывает историю? Зависит ли отношение к прошлому и людей, и научных сотрудников в том числе, от текущей политики? И такой вопрос тоже — прислушиваетесь ли Вы конкретно в своей профессиональной деятельности к высказываниям на исторические темы руководителей страны?

С.Ж.: Конечно, прислушиваюсь, учитываю, интересуюсь. Но отношусь критически, как и к другим источникам информации. Я не считаю, что «история это политика, опрокинутая в прошлое». Ну, конечно, презентизм¹³ присутствует в нашей профессии, так или иначе. Как без этого, если необходимо обосновать актуальность темы? А вот то, что каждое поколение переписывает историю, это верно. Переписывает не только исходя из современной ситуации, а и потому, что совершенствуется источниковая база и методический инструментарий, появляются новые сюжеты, подходы, трактовки. Это естественный, нормальный процесс. Плохо, если он остановится.

В.К.: Как Вы относитесь к такому явлению, как «социальный заказ», «общественный запрос» к историкам? Должен ли историк идти на поводу у таких явлений? Или просто должен заниматься своим делом и вообще не реагировать на то, какие исторические сюжеты в обществе вызывают интерес?

---

¹³ Осовременивание исторического прошлого, взгляд на события минувшего через призму сегодняшнего дня. Картина прошлого воссоздается в рамках иного исторического времени, которое по-своему осознает прошлое, понимает истоки и последствия тех или иных исторических событий.

С.Ж.: Отношусь серьезно. Полагаю, что профессиональный историк должен использовать свои знания на благо общества, удовлетворять интерес людей, заниматься научной экспертизой запросов и законопроектов по исторической тематике, исходящих от государства. Согласитесь, что если уж власть обращается к историческим сюжетам, то лучше делегировать полномочия объективным ученым, а не политикам или дилетантам. Эти вопросы в практической плоскости вставали перед нами в связи с работой над историко-культурным стандартом (ИКС) по истории России для средних школ. В 2012 году Путин издал указ о разработке ИКС, а в 2013-м он был готов. Тогда шли жаркие дискуссии, многие связывали ИКС с созданием «единого учебника», с возвращением к «Краткому курсу», монополизацией преподавания истории в школе. Возник вопрос, должен ли профессиональный историк участвовать в такого рода проектах? Были разные точки зрения и в обществе, и в профессиональной корпорации. Моя позиция заключается в том, что если профессиональные историки откажутся возглавить проекты государственного и общественного значения, тогда эту работу все равно сделает кто-то другой, но сделает хуже, чем профессионал.

Юлия Сергеевна Филина: Есть еще гендерный вопрос. Замечали ли Вы различие в положении научных сотрудников мужчин и женщин в Институте? Была ли у них какая-то разница в возможностях здесь?

С.Ж.: Думаю, что нет. С дискриминацией по признаку пола в нашем коллективе не сталкивался. Главный критерий — профессиональные качества. Как в отношении оценки выполнения плана и продвижения по служебной лестнице (обсуждение монографий, прием к защите диссертаций, присвоение должностей, выборы в Ученый совет и так далее), так и в плане выдвижения на руководящие должности. Сейчас и в прошлом было немало женщин — руководителей центров, ученых секретарей Института.

Ю.Ф.: Женщин-директоров Института в его истории не было. Ученых секретарей Института действительно было немало. А были ли на Вашей памяти женщины — заместители директора?

С.Ж.: И.Н. Ильина очень хорошо затем справлялась с работой заместителя директора по общим вопросам. А уж роль Л.П. Ко-

лодниковой, многие годы возглавлявшей международный отдел и являвшейся при А.Н. Сахарове заместителем директора по координации (то есть фактически его «правой рукой»), мое поколение сотрудников хорошо помнит.

В.К.: Портрет идеального историка. Каковы, по-Вашему, важнейшие качества для исследователя?

С.Ж.: Я не знаю, что такое «идеальный историк». Мне кажется, главное, чтобы ученый был настоящим профессионалом и личностью, чтобы у него был собственный взгляд на прошлое. Я еще за то, чтобы присутствовал здоровый консерватизм в профессии. Но вместе с тем, как мне кажется, историк должен все время развиваться, не останавливаться на достигнутом, работать на перспективу. Прошло время историков – специалистов по какому-то одному событию или проблеме, которыми они занимаются всю жизнь. В этом смысле я – за разумный универсализм. Вообще говоря, если историк считает себя профессионалом, он должен уметь «поднять» с нуля любую новую тему, по крайней мере, в рамках своего периода. Для меня такая способность – лакмусовая бумажка состоятельности человека в профессии.

Редко, но встречаются уникальные историки-энциклопедисты, с которых стоило бы брать пример. Одним из них был мой учитель Сигурд Оттович Шмидт, который за время научной деятельности занимался самыми разными периодами и проблемами. Другой пример – Рудольф Германович Пихоя.

В.К.: А как бы Вы охарактеризовали роль журнала «История СССР» – «Отечественная история» – «Российская история» в жизни Института? Что можете сказать о Вашем сотрудничестве с журналом?

С.Ж.: Роль журнала всегда была крайне значительной. Журнал с самого начала был институтский. Это означало, что он располагался в его стенах, кандидатуру главного редактора и состав редколлегии выдвигал Институт, к тому же часть сотрудников журнала традиционно рекрутировались из числа сотрудников Института (другая часть числилась на ставках издательства «Наука»). Мы, сотрудники Института, стремились публиковаться в нем, а журнал, в свою очередь, был заинтересован в этом. В то же время журнал, прислушиваясь к мнению руководства Инститutom, сохранял самостоятельность в сво-

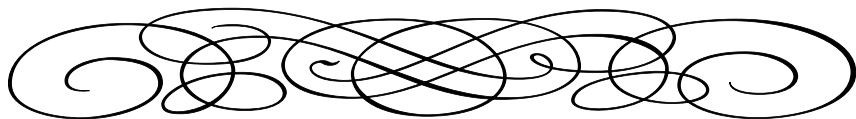
ей редакционной политике. Как всякое издание он во многом зависел от личности главного редактора. Лучше других я был знаком со Станиславом Васильевичем Тютюкиным¹⁴, с Сергеем Сергеевичем Секиринским¹⁵. Хорошо знаю и ценю Рудольфа Германовича Пихою, который много сделал для повышения престижа и рейтинга журнала.

Все вместе: Спасибо большое.

---

¹⁴ С.В. Тютюкин являлся главным редактором журнала «Отечественная история» в 1996–2007 гг.

¹⁵ С.С. Секиринский занял пост главного редактора «Российской истории» в 2012 г., однако скоростижно скончался в том же году.

Интервью с доктором исторических наук Анатолием Евгеньевичем Ивановым

Владимир Николаевич Круглов: 26 апреля 2016 года, 11:00.

Анатолий Евгеньевич Иванов, главный научный сотрудник Института российской истории РАН: Значит, вас интересует, откуда я родом? Я родился, как раньше называлось, в семье советских служащих. Мама у меня учительница начальных классов. У меня есть очень хорошая фотография, которая была опубликована в «Известиях»: лучшая учительница начальных классов 167-й школы. Мама там красивая, молодая, в шляпке с какими-то аютиными глазками, смеется, а вокруг ребят целая куча, которые потом... Наверное, многие из них оказались на фронте. Отец у меня был очень интеллигентный человек, хотя образование имел фактически начальное, но, судя по тому, что он стал заместителем директора по административно-хозяйственной части огромного издательства детской литературы, и судя по тому, как к нему относились писатели, — это я слышал... У меня была большая библиотека изданий с автографами авторов, но, к сожалению, ею истопили печь. Осталась бабушка со своей сестрой, отец ушел на фронт, нас отправил в Вологду к своему двоюродному брату, который был начальником железной дороги, которая соединяла Ладугу с Москвой. В Вологде была первая остановка, и в Вологде был центр управления этой дорогой. И вот мой дядя, Богданов, был начальником этой дороги. А библиотеку к моему большому огорчению сожгли, потому что топить нечем было, дома не отапливались.

Отец после войны остался в армии офицером. Не потому что ему это очень нравилось, а потому что предполагалась хорошая военная пенсия. Он ушел в отставку подполковником, получил пенсию, потом ее, правда, окоротили, но все равно пенсия была приличная. Вот, собственно говоря, что можно сказать о моих родителях. Они по происхождению все из крестьян Смоленской губернии, бежавших от коллективизации вместе с детьми в Москву и ставших фактически в первом поколении москвичами. Я уже второе поколение.

В.К.: Вы считаете себя москвичом?

А.И.: Конечно, москвич. Если рассказывать о моих предках, то они были очень обеспеченные люди. У моего деда по линии матери было 100 десятин, это 100 гектар. Правда, болото. Мой прадед с пикой и в латах стоял в дворцовой гвардии. И когда их оттуда отпустили (он прослужил два десятка лет, наверное), он обзавелся семьей, развел детей, купил у помещика Урусова кусок болота. Дети росли потихоньку. Бабушка моя рассказывала, что они участвовали в окультуривании этой земли. За каждый посаженный кустик он платил копеечку каждому ребенку, и вырастил огромный благоухающий сад, фруктовый. Бабушка мне как-то сказала: «Очень хочу в Желтёнки», а потом подумала: «Нет, очень тяжело жилось». А мой дед по линии отца был у того же помещика Урусова объездчиком, охранял лес. И у меня есть фотография, где две огромные шведские коровы, которые давали за один удой ведро жирного молока, и никаких проблем не было, куда его деть, как сейчас: молоко надо выливать, потому что к нам не приехали с молокозавода. Все было в хозяйстве... Потом пришлось все бросить, распродать, уехать в Москву и тут скрываться... Хотя скрывались очень относительно, потому что старший брат моего отца служил в НКВД, но он вовремя умер, в 36 лет. Я смотрел по некрологу, у него два ромба было, он занимал большой пост. И постепенно отец вычеркивал всех его коллег, которые подписались под этим некрологом — никого не осталось (*смеется*). Вот, собственно говоря, что его ждало и что ждало нас. Это к вопросу о том, как судьба распоряжалась и взрослыми, и детьми. Нас спасло то, что он умер. А так бы известно, где бы мы все были.

Очень было бы, конечно, эффектно сказать, что я с молодых ногтей, еще ребенком мечтал быть историком. Ни хрена подобного! Просто история мне относительно легко давалась, я легко

учился по истории, по литературе и так далее. Хотя с грамотностью было плохо. Это я сейчас грамотный стал, а тогда что-то никак. Отец мой мечтал, чтобы я был инженером или, чтобы меня обуздать как-то, потому что я очень лихой был парень, хотел в армию отправить: «Офицером будешь». Я уступил ему, но карьера моя офицерская не сложилась, из училища меня выгнали благополучно за плохое поведение. Случилось так, что я в школе спортом очень увлекался, и однажды очень своевременно, как потом выяснилось, прыгнул, а песок не выровняли, и у меня была очень сильная боль, и в армии я никак не мог понять, в чем дело. Все время подводил всех, потому что мы кроссы бегали в полной выкладке по десять километров. Я пробегу какие-то километров пять, а потом начинаю хромать. И когда оказался солдатом во Владимире, то там прошел обследование... Подполковник медицинской службы Крымов¹ писал докторскую диссертацию по менискам. И вот он посмотрел мою ногу (колено было опухшее), выяснилось, что у меня сорван мениск. Мне сделали операцию, довольно тогда сложную — даже Всеволода Боброва отправляли в Швейцарию оперироваться (у него тоже были с мениском неприятности). А Крымов в Москве делал эти операции. Меня на три месяца опустили домой поправляться. А в это время — хрущёвское сокращение армии², и со мной просто не стали связываться, демобилизовали, и на этом дело кончилось, я стал вольный казак.

И тут нужно было решать, куда идти и так далее. Отец все меня толкал в инженеры. Тогда инженерная специальность пользовалась необыкновенным почетом, хотя инженерам не так много платили. А мне совершенно этого не хотелось, ничего у меня не получалось. Я решил своим путем идти. Взял справочник высших учебных заведений для поступающих, посмотрел, думаю: «Ага, Историко-архивный институт, наверное, сюда проще поступить, чем в МГУ». Пошел в Историко-архивный, не зная, что там по 20 человек на место. Сдал кое-как, конечно, «двоек» не получил, правда. И все, меня не приняли. Отец моей подруги, дядя Ваня,

---

¹ Вероятно, речь об участнике Великой Отечественной войны Константине Дмитриевиче Крымове (1917 — после 1985).

² Первый этап сокращения личного состава Вооруженных сил СССР пришелся на 1955—1958 гг. Тогда численность армии и флота сократилась на треть (более 2 млн солдат и офицеров).

сказал: «Че ты мотаешься? Иди ко мне в горячий цех, будешь для начала толкать тачки с болванками. Тяжелая работа, но платить тебе будут 200 рублей». Тогда это огромные деньги были, инженеру платили 120. Я собрался, мобилизовал свою одежду солдатскую, кирзовые сапоги, завтра должен был выйти на работу, документы сдал, все. Вдруг мне звонят из Историко-архивного института, просят зайти к ректору. Я пришел. Меня спасла моя абсолютная безответственность молодая — я не забрал документы, которые сдал для поступления. Думаю, ну, когда-нибудь найду по дороге, на кой они мне хрен нужны. Для того чтобы болванки катать, мой аттестат зрелости никому не нужен. И, значит, я пришел, а мне говорят: «Завтра выходите на занятия». Выяснилось, что ректор института Анна Сергеевна Рослова (она вообще не любила мужиков, любила девочек, отличниц) знала о том, что есть такая квота на поступающих из армии... Кстати, мы поступали с Владимиром Васильевичем Кабановым вместе (*смеется*). Но Володька получше сдал, а я на «тройки», по-моему, по английскому только «пятерку» получил. Она меня спросила: «А почему Вы так плохо сдали?». Я говорю: «Да у меня нога болела». Так дерзко ей ответил, она меня всю мою учебу очень не любила. А сделать ничего не могла, потому что я прекрасно учился. И вот таким образом 15 сентября я стал студентом. Потому что кто-то из родителей настучал в министерство, пришла комиссия и все, кто не забрали по глупости свои документы, оказались студентами. Кого отчислили — не взяли. Вот, собственно говоря, моя история.

Сначала я учился по необходимости, стипендию получать надо было. Первый, кстати, свой экзамен я сдал Шмидту по истории. Пришел первым, никого еще не было, дрожал весь, в полуистерике был. Шмидт меня пригласил, мы с ним постояли-покурили, поговорили, он мне поставил «четверку». Не понравилось ему, как я рассказал про восстание Батырши³. Я рассказал версию учебника для Высшей партийной школы⁴. Там все было хоро-

³ Восстание 1755–1756 гг. под руководством муллы Абдуллы Галеева (Батырша) против наступления на права и самоуправление башкир. Было подавлено, а восставших вынудили откочевать в степи.

⁴ Высшая партийная школа при ЦК КПСС (1946–1991) занималась подготовкой и переподготовкой (повышение квалификации и идейно-политической подготовки) руководящих партийных, советских и хозяйственных кадров,

шо: и много читать не надо, и все есть. А Шмидт требовал свою версию. Но с Сигурдом Оттовичем мы остались в очень хороших отношениях. Один раз только попал в историю. Мы хорошо выпили и решили — ни много ни мало — промаршировать по Красной площади, отдавая честь мавзолею и так далее. Нас, конечно, попросили кое-куда пройти, в институт доложили... Шмидт когда увидел: «Что с вами делать, вы чем здесь занимаетесь? Зачем вас взяли?». Отчитал меня, но все хорошо кончилось.

До третьего курса я как-то даже и не думал заниматься наукой, а вот с третьего курса начались кружки очень хорошие. Один уже к Шмидту ходили, знаменитый кружок, потом к Софье Иосифовне Якубовской, наш сотрудник тоже, замечательная дама была, «мама Соня» мы ее звали. Я впервые [пришел] просто из зависти, что все ходят, сидят у Шмидта, а у меня какие-то свои дела. Я женился уже, ребенок у меня появился (по глупости все это было, но с женой живу до сих пор, 56-й год, между прочим), и я задумался. Однажды — кругом сплошные случайности! — сидел в комитете комсомола, дежурил. Позвонили из студии-школы МХАТ⁵... У историков-архивистов была возможность подрабатывать — обработка архивов в разных учреждениях. Мы хорошо зарабатывали. Они говорят: «Не могли бы Вы кого-нибудь прислать? Нам нужно обработать архив делопроизводственный». Я говорю: «Да я приду к вам». Зашел к ним — и остался там почти на три года, архив привел в порядок, потом меня зачислили на кафедру мастерства актера. Нужно было дежурить в учебной части, потому что райком звонил, и всегда кто-то около телефона должен был быть, во всяком случае, в учебные часы.

И вот, когда я занимался бумагами, ко мне подошел такой красивый, стройный, лобастый человек. Познакомились, он представился: Вадим Васильевич Шверубович. Я, конечно, представления не имел, и потом пояснил: «Я сын Василия Ивановича Качалова». Качалов это псевдоним. Он поступал на театральные курсы Давыдова в Петербурге, читал «Санкт-Петербургские ведомости», и там вдруг в рамочке черной: «Умер некто Качалов». И он взял себе его фамилию. И вот Вадим Васильевич меня по-

---

а также руководителей средств массовой информации. В 1991 г. здание ВПШ в Москве отошло РГГУ.

⁵ Московский Художественный академический театр СССР имени М. Горького.

просил обработать бумаги отца. Это был огромный баул, сак для путешествий. Видимо, он объездил всю Европу, этот сак. Он был набит бумагами в совершенно чудовищном беспорядке. Это были в основном письма, эпистолярия. И Вадиму Васильевичу ничего не оставалось делать, потому что я — мальчишка, не знаю ни почерков, ничего. И мы с ним садились вечерами после занятий (он был там заведующий кафедрой создания внешней формы спектакля, то есть декорации всякие и так далее) и разбирали эти бумаги. Во-первых, письма нужно было подобрать по адресатам. Во-вторых, нужно было составить сдаточную опись (он сдавал этот архив в музей). И когда я этим всем отзанимался, то потом уже почерка все знал и так далее, свободно ориентировался. Вадим Васильевич со мной долго сидел, мы брали каждое письмо, разбирались, кто-что, он о каждой персоне рассказывал мне. Он ведь дитя театра, за кулисами его детство прошло, он получил домашнее образование, никакого даже высшего официального у него не было, знал все европейские языки. И он очень много мне рассказывал о тех людях, которые писали Василию Ивановичу, и я постепенно узнавал историю Московского художественного театра, как говорится, от первого лица.

И когда я закончил работу с письмами, подготовил сдаточную опись, у меня возникла идея эту сдаточную опись превратить в каталог писем Качалова и сделать ее своей дипломной работой. Я по 1905 году собирался, на все это плюнул, потому что на кафедре теории архивного дела были такие работы: каталог писем Куприна, каталог писем такого-то и так далее. И я сделал каталог писем Качалова. И более того, у меня было большое такое поползновение стать театроведом, историком театра. Потому что я вжился в эту среду, перезнакомился там со всеми. Я сидел-дежурил в учебной части, видел всех преподавателей, ко мне хорошо все относились, я просто блаженствовал. Еще за это и платили... 60 или 600, я уже сейчас не помню, какая была тогда валюта.

Ну, сдали мы благополучно архив, его приняли, мне деньги заплатили хорошие. А потом, через некоторое время, открываю «Новый мир» (тогда считалось признаком хорошего тона его читать), а там — воспоминания Шверубовича⁶. Читаю — ба! Да он

---

⁶ Шверубович В. Люди театра (Из воспоминаний) // Новый мир. 1968. № 1. С. 121–163.

же, пока мы сидели с архивами, в уме написал эти воспоминания! И опубликовал их. Правда, в кратком варианте, потому что потом, когда произошла очередная революция⁷, последняя, вышла большая толстая книга⁸. Я тогда понял, почему нельзя было ему полностью изложить свою биографию. Когда во время Гражданской войны МХАТ разделился, путешествовал по Украине и так далее, то Вадим Васильевич ушел в «белую» армию и некоторое время там провоевал. У него вообще биография: потом он в войну попал в плен, оказался в Италии на каком-то аэродроме и ввиду того, что прекрасно знал языки, был переводчиком с немецкого на итальянский, с итальянского на немецкий, и так далее и тому подобное. В итоге он попал в лагерь, а поскольку он был Шверубович, никто не знал, что он сын Качалова. Василий Иванович был в это время уже депутатом Верховного совета, он попросил поискать — нашли. И он в итоге вернулся во МХАТ.

Это лирические отступления. Дело в том, что занятия мои с архивом Качалова просигнализировали: надо заниматься наукой. Тогда у меня появился большой интерес к науке. Я сразу после окончания института на минутку попал в Научную библиотеку Университета дружбы народов. Потом через месяца два ушел — мне там очень не понравилось, не мое. Пришел в Институт, встретил своего учителя Николая Петровича Ерошкина — это известный очень профессор, историк государственных учреждений (я, кстати говоря, после его смерти переиздал его учебники⁹). Стоял на «собачьей площадке» на втором этаже в нашем институте, а он проходит мимо: «Ты чего здесь делаешь?». А я отвечаю: «Да вот без работы остался». Он говорит: «Ну, подожди, может я тебе сейчас что-нибудь подскажу». И устроил меня в журнал «Преподавание истории в школе»¹⁰, я там был заведующим критики и библиографии. Деньги платили ничтожные, но было чрезвычайно интересно работать. И вот здесь уже связи возникали и с учителями, потому что на каждую новую книгу, которую учитель мог использовать в учебном процессе, я считал нужным обязательно дать рецензию. И поэтому очень

⁷ Имеется в виду «перестройка».

⁸ Шверубович В. В. О старом Художественном театре. М., 1990.

⁹ Ерошкин Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России. Сборник трудов / ред.: А. Е. Иванов, А. Д. Степанский. М., 2008.

¹⁰ Научно-теоретический и методический журнал, выходит с 1916 г.

многие из Института истории сотрудничали с нашим журналом, тем более тогда и платили хорошо — 200 рублей за печатный лист. Я там очень успешно и хорошо работал, потом по глупости поругался с главным редактором. Виноват был я кругом, конечно же.

Ушел, опять оказался без работы... Тогда я понял, что мне надо поступать в Институт истории (он еще не был разделен). И чтобы осуществить свою мечту, устроился редактором — опять же мне помогли друзья — закрытого, для служебного пользования бюллетеня «Латинская Америка»¹¹ в Институт Латинской Америки младшим научным сотрудником. Мне важно было попасть в систему Академии наук. И постепенно создались связи с Институтом. И поскольку этот бюллетень печатался на ротапринте, я стал специалистом по ротапринтным изданиям, а здесь только разворачивалось это дело. Мечта моя сбылась, и я занимался этими изданиями, десять лет угробил на это дело. И параллельно писал диссертацию.

В.К.: А как Вы к своей теме пришли?

А.И.: Во-первых, уже в ходе работы в «Преподавании истории в школе» меня заинтересовала тема образования. А потом Николай Петрович мне говорит: «А чего ты диссертацией не займешься?». И вот мы стали думать, какая диссертация. Он мне предложил тему «Высшая школа России конец XIX — начало XX века». Я составил по библиотеке огромный каталог литературы, источников и так далее. Он посмотрел и сказал: «Нет, это тема докторской». И в итоге эту тему я и защитил как докторскую. А он говорит: «Давай сузим: “Университетская политика самодержавия в конце XIX — начале XX века”». Я стал писать эту тему — необыкновенно интересно, был увлечен, проводил все отпуска в Ленинграде. ЦГИА тогда назывался, огромный объем архивов, тогда ведь не было же этой техники, которой мы сейчас пользуемся, максимум можно было сфотографировать. У меня такие пачки тяжеленные — сфотографированные документы. И сейчас у меня такой объем этих выписок, что мне хватит еще на десять лет.

Я стал заниматься темой, написал диссертацию — вдруг выходит постановление, что диссертация не должна превышать, по-моему, 193 страницы. А у меня она уже большая была. Причем

---

¹¹ «Латинская Америка» — периодическое издание, выходящее с 1969 г.

Николай Петрович сыграл огромную роль — он вообще любил возиться с учениками, у него огромная школа была, что-то под 30 человек защитившихся. И некоторые уже начали докторские: Коржихина, Степанский защитили их при его жизни. Я пришел к нему в ужасном огорчении, говорю: «Как быть? Опять ведь, вот смотрите, не повезло». Он говорит: «Ну-ка, дай твою работу». Взял, изъял главу по первой русской революции, и говорит: «Ты опубликуешь ее, и давай скорректируем тему: “Университетская политика самодержавия накануне первой русской революции”». Как раз 200 страниц без приложений. Вот так, собственно говоря, я подготовился и защитился.

А потом само собой все повернулось благополучно. Когда случилась «перестройка», мне удалось сбежать из редакционно-издательского отдела. Создали сектор дореволюционной культуры, и я там достаточно быстро написал довольно большую (26 листов) монографию «Высшая школа России в конце XIX — начале XX века»¹². Обсудили прекрасно на секторе, на Ученый совет вынесли. Моим ответственным редактором был Тютюкин Станислав Васильевич, который прочел работу и отредактировал, а потом выступил, представляя. И вдруг мой заведующий сектором, Копылов Алексей Николаевич, встает и говорит: «А я против утверждения работы, потому что в работе раздут еврейский вопрос и польский». Я был обескуражен совершенно. Не сказав мне ничего... Вот это к вопросу о нравах. Пораньше прибежал в Институт, вызвал одну сотрудницу, напечатал свое мнение и предъявил его. И готовая работа у меня пролежала с 1985 года по 1991-й, когда мне вдруг домой позвонил Андрей Николаевич Сахаров и задал такой странный вопрос: «А что с Вашей работой?». — «Лежит в столе». — «А Вы бы могли ее завтра отнести в типографию?». — «Мог бы». — «Приходите завтра же в приемную ко мне, там будет готово письмо специальное в типографию (я сейчас не вспомню, какая это типография, в районе улицы Горького), с ним и отнесете рукопись». И по мановению волшебной палочки где-то к ноябрю у меня вышла книга, которая, кстати, сейчас находится в научном обороте. Она мне дает все время баллы очень хорошие. Потом меня Сахаров встречает в коридоре и говорит: «А почему Вы докторскую не защищаете-

---

¹² *Иванов А.Е.* Высшая школа России в конце XIX — начале XX вв. М., 1991.

те?». — «Андрей Николаевич, да я и не думал, у меня нет никакой докторской. Еще надо написать». — «Зачем? У Вас есть книга». В это время идет ученый секретарь совета Джаксон Таня, он ее подзывает и говорит: «Оформляйте документы на защиту его». И я, таким образом, совершенно случайно в 1991 году защитил докторскую диссертацию по этой книге. Видишь вот, как судьба играет человеком.

В.К.: В развитие вопроса о нравах. Что представлял из себя Институт, когда Вы пришли сюда работать?

А.И.: Я в 1971 году пришел. В это время Институт подвергался жесточайшим гонениям со стороны отдела науки ЦК. Коллектив был разбит надвое: на тех, для кого «Краткий курс истории партии» был библией, и на тех, которые хотели сказать новое слово. И те, кто шел за отделом науки, если бы им дали возможность, они бы казнили тех, кто был на противоположной стороне.

Там ведь как все происходило. Во-первых, придумали так называемое новое направление в историографии — ревизионистское и чуть ли не фашистское. Под этот каток попало довольно много людей. Наиболее трагической фигурой оказался Константин Николаевич Тарновский — выдающийся историк. Его травили, ну, нещадно совершенно. Он защитил докторскую диссертацию, по-моему, по историографии периода империализма¹³. ВАК ее зарубил и не вернул ему. Только когда пришел к нам Семён Спиридонович Хромов из отдела науки ЦК, он собрал некоторых гонимых, понимая, что это все время источник какого-то беспокойствия и подспудного недоброжелательства по отношению к руководству Института, предложил защитить новую диссертацию. Он написал блестящую монографию о мелкой кустарной промышленности¹⁴. Он о говне мог блестяще написать! Уехал, потому что здесь бы его «завалили», в наше отделение Ленин-

¹³ К.Н. Тарновский защитил в 1970 г. в Институте истории СССР диссертацию на соискание степени доктора исторических наук «Проблемы социально-экономической истории империалистической России на современном этапе советской исторической науки». Но в связи с критикой «нового направления» диссертация долгое время не утверждалась ВАК, поэтому Тарновский вынужден был ее отозвать.

¹⁴ К.Н. Тарновский в 1981 г. защитил в Ленинградском отделении ИИ СССР докторскую диссертацию по теме «Ленинская “Искра” в борьбе за создание марксистской партии в России».

градское, и там защитился. А потом его просто убили. Он страдал сердечным заболеванием, потому что на него все время «наезжали» и травили, жил в обстановке очень тяжелых утеснений. Из сектора капитализма его выгнали в сектор исторической географии, который готовил в это время атлас исторический. А он был универсален, поэтому он был везде востребован. И написал он там в связи с атласом мелкую кустарную промышленность. А когда он умер, то жену вызвали в ВАК и вручили ей второй диплом о защите докторской диссертации и вернули диссертацию. Я видел эту диссертацию, на которой стоял штамп «секретно». Вот вам к вопросу о нравах.

Жертвой борьбы с «новым направлением» стал директор Института нашего Павел Васильевич Волобуев. Его спасло только то, что он был член-корреспондент Академии наук, поэтому его сослали в очень хороший институт — истории, естествознания и техники, блестящий совершенно. Такой маленький институт где-то на периферии. «Тихая заводь». И он там десять лет находился в ссылке, занимался историей науки (*усмехается*). Потом вернулся сюда, когда произошла амнистия, и продолжил научную работу. Стал академиком, но здоровье ему, конечно, подорвали так, что он тоже достаточно скоро умер.

Травили, травили всех подряд! Вообще тут такая была тяжелая, смрадная обстановка. Но люди держались за Институт истории, потому что и те, и другие любили историю и любили эту специальность.

В.К.: Пришли Вы, как я понимаю, при Волобуеве? Вот что Вы можете вообще рассказать о директорах?

А.И.: Волобуев был очень умный человек и очень крупный историк. Но ему совершенно не давали работать. Я же работал в дирекции фактически. Тогда ведь редакционно-издательский отдел — это был отдел, где происходила адсорбция¹⁵ подготовленных монографий. Ведь, наверное, процентов 50 монографий отсеивалось и никогда не увидело свет. И только половина, а может быть, и меньшая часть проходила через редакционно-издательский совет Академии. Там тоже были жертвы. И до финиша доходило очень немного. В первую очередь, конечно, Юрий Александрович [По-

---

¹⁵ Процесс концентрирования вещества в пограничном слое на границе контакта фаз.

ляков] возглавлял отдел развитого социализма, и здесь все эти работы, даже еще не утвержденные на Ученом совете, публиковались без всяких дураков. А в отделе науки ЦК кричали: «Почему у вас так много по феодализму работ? На какой он нужен нам, этот феодализм?». Поэтому здесь были нравы те еще.

Потом пришел к нам академик Нарочницкий, но он был абсолютно чужой нашему Институту. Он очень не любил и опасался наших сотрудников, считая, что они методологически могут его подвести. И поэтому, когда из Института военной истории выгнали целую кучу полковников, то он их взял к себе и сказал: «Да, они, конечно, люди не очень даровитые, но они меня методологически не подведут». И они не подвели, действительно. Они просто пять лет отработали, заработали по «Волге», не сдали ни одной строки, развернулись и ушли. «Смеясь, он дерзко презирал / земли чужой язык и нравы»¹⁶. Мы были ему чужие люди. Когда ему приносили какую-нибудь бумагу подписать или приходила верстка, он хватал ручку и начинал править, выскребать оттуда всякие, как ему казалось, не очень полезные для него вещи. И он все время он боролся с «новым направлением», без конца. И это так надоело, что его прогнали и вместо него оттуда, из ЦК, прислали Семёна Спиридоновича Хромова.

И, как ни странно, в Институте наступила тишина. Он стремился как-то умиротворить обстановку. И, кстати, ему это удалось. Гонимым, Тарновскому и Данилову Виктору Петровичу, который по коллективизации (он аграрным сектором ведал), дал возможность, наконец, защитить диссертации, и все успокоилось вокруг них. И так далее. Мне, например, он дал — ну, не возразил против этого, — старшего научного сотрудника, я стал вдруг преуспевающим материально человеком. Получал высокую достаточно зарплату — 120 рублей. А доктор 160 рублей. И плюс к этому там что-то было с квартирами, какие давали, и так далее... Все было очень противоречиво. С одной стороны, очень жесткая методологическая дисциплина; с другой стороны, забота о том, чтобы ученый получал и не нуждался. Это было, никуда не денешься.

В.К.: Вопрос-уточнение по поводу положения директоров: они были, что называется, полновластными хозяевами в Институте, или все-таки на них какие-то внешние факторы влияли?

---

¹⁶ Строчки из стихотворения М.Ю. Лермонтова «Смерть поэта».

А.И.: О чем ты говоришь! Все вопросы решались в ЦК КПСС, в отделе науки. Все. Тут даже говорить нечего было. Свобода наступила, когда произошла «перестройка», когда пришел и воспользовался этой свободой Андрей Николаевич Сахаров. И между прочим, я должен сказать, что он... Ведь у нас все время писалась так называемая братская могила, писали какие-то многотомники бесконечные. Коллективные эти работы: история рабочего класса, история крестьянства и черт знает что было там... А при Сахарове все это прекратилось, и было сказано: «Пишите монографии, ребята. Пишите то, что любите, то, что вам интересно». Позволила обстановка общая. Просто сменился режим работы, и кончилась эта диктатура партии. И вдруг все стали писать с упоением монографии. Я написал «Высшую школу», а потом еще пять монографий вышло. Но, правда, последняя монография вышла при последнем директоре. А так все выходило, и я пользовался прекрасно этой обстановкой... Свобода от крепостной зависимости была в полной мере реализована. И мы до сих пор пользуемся этим, и до сих пор пишем свои любимые монографии. И пока нас еще не загнали в эту общую работу. Которую, кстати, надо написать, но это будет очень тяжелое дело.

Вот здесь, кстати, можно поставить вопрос о том, что «история это политика, опрокинутая в прошлое». И многотомник будет в известной степени писаться в этом ключе. Потому что уже все республики, которые от нас разбежались, написали свои истории, где Россия выглядит не в самом лучшем виде. И придется всем им давать какие-то ответы. Вот в чем будет большая трудность написания этого многотомника.

В.К.: Скажите, в 1970–1980-е годы какие темы были гарантированно проходные, а какие под цензурой?

А.И.: Гарантированно проходило все, что о революции, все, что о рабочем классе как гегемоне, и все о крестьянстве. Моя монография, которая пять лет пролежала в столе, и потом неожиданно совершенно вышла, задерживалась все время и все время вычеркивалась из всех этих редакционно-издательских планов, потому что там была либеральная профессура, какое-то студенчество... Которое выглядело гораздо более революционным, чем даже рабочий класс! Потом были всякие сомнения в гегемонии пролетариата. И «новое направление» как раз, с ко-

торым боролись жестоко, утверждали, что гегемония пролетариата не всегда была в одинаковой степени гегемонией. Были спады, были подъемы. А требовалось, чтобы гегемония была нерушима. Рабочий класс всегда был гегемоном. Крестьянство... Ведь опять, это второй пункт, по которому били этих так называемых представителей нового направления, — они утверждали, что революция октябрьская произошла в союзе с беднейшим крестьянством, а требовалось — со всем крестьянством, и так далее. Были чисто догматические требования, которые не исполнять нельзя было... Нам очень помогал, между прочим, Владимир Ильич Ленин. Потому что подберешь цитатку и оправдаешь свое... И надо сказать, что в это время мы писали, будучи под прессом постоянной цензуры, достаточно тщательно работая над каждой строкой, для того чтобы каким-то образом протасовать то, что ты думаешь, и так это закамуфлировать цитатами Ленина, а это можно было сделать. Но и до этих добирались... Тоже доставалось. Так что было не все так просто. Поэтому «перестройка» дала абсолютную свободу для историографии, для историков. Это очевидный факт, который опровергнуть нельзя.

Хотя, если говорить об истории как о политике, опрокинутой в прошлое, тут с многотомником возникнет проблема. С Крымом возникнет проблема. Потому что, по какой-то причине сейчас не хотят говорить об этом, Политбюро-то было украинофильским, там в основном сидели украинофилы. И они прекрасно понимали, что такой лакомый кусочек, как Крым, мы не отдадим. Хрущёв же ведь отдал, типичный украинофил. И они фактически аннексировали... Украина, которая была создана как лоскутное одеяло из российских территорий, которые к ней присоединили. Все эти Подгорный, Брежнев, черт знает кто — все же с Украины. И так далее. Украинское политбюро считалось самым авторитетным, оно подавало всякие сигналы, как вообще должен жить СССР. И тут придется опять объясняться. Никто почему-то не хочет сказать вслух... Один раз я только услышал, что председатель Думы с кем-то встречаясь, сказал: «Ну ведь Крым же Украиной был мирно аннексирован». И все, больше никто на эту тему не говорит. А фактически ведь это так. Поэтому вернули то, что положено, обратно. И опять придется это все объяснять чисто политически. Вот вам политика и история.

В.К.: А как Вы думаете, влияние идеологии может еще вернуться в таком объеме, как в тот период?

А.И.: Думаю, что нет. Если все время говорят о том, что у нас нет никакой такой объединяющей всеобщей идеи, то какая же идеология? Нет, это, я думаю, в прошлом.

В.К.: А в том самом прошлом кто-то бросал открытый вызов начальству? Не помните таких случаев? Отказывался, скажем, вносить правки или просто заявлял, что не согласен с мнением верхов?

А.И.: Диссидентство? Это сложно сказать. Я не помню, чтобы кто-то так открыто поднял бунт. Но недовольства было много

В.К.: Вы письма подписывали?

А.И.: Я подписывал. И поэтому у меня были потом большие неприятности... Меня травил негодяй Микулович, который в отделе кадров сидел, полковник. Было понятно, почему. Я же учился с Петром Якиром, мы домами дружили. И я подписал пару писем в защиту Гинзбурга и Галанскова¹⁷ и, по-моему, Григоренко, генерала. И Микулович это узнал и пытался меня отсюда вытурить. Но Павел Васильевич меня вызвал к себе и сказал: «Нужно сделать так, чтобы местком проголосовал против Вашего изгнания из Института. Поговорите». Я говорю: «Ну, как я буду подходить и говорить?». А когда я от него вышел, мне навстречу бежала Хорошкевич Анна Леонидовна, которую накануне я отругал. Она такой резкий человек, пришла, стала ругать сотрудницу, редактора, какая-то публикация у нее шла. Вот, и она подбежала ко мне и говорит: «Эти сволочи хотят Вас, такого прекрасного человека и такого прекрасного редактора, уволить. Хрен им! Мы проголосовали единогласно за то, чтобы Вас оставить». Местком проголосовал. Дай Бог здоровья Ивницкому Николаю Алексеевичу. И мне Павел Васильевич сказал: «Я имею право дезавуировать любое решение, но я этого не сделаю».

Потом, когда тучи рассеялись, началась светлая пора свободы, мы с ним встретились... Я поехал в Польшу, впервые, и мы с Павлом Васильевичем паспорта получали иностранные, зарубежные.

---

¹⁷ В 1968 г. прошел «процесс четырех», на котором А. Гинзбурга, Ю. Галанскова, А. Добровольского и В. Лашкову осудили по обвинению в антисоветской агитации и пропаганде. Процесс вызвал волну индивидуальных и коллективных писем в их защиту.

Он говорит: «Ну что, Вас выпустили?». А я говорю: «А что, меня не выпускали что ли?». — «Ну конечно, Вы были невыездной». Так что вот такое было, и таких было немало у нас.

В.К.: Были ли контакты с иностранцами, зарубежными учеными в то время?

А.И.: С иностранными у меня контактов не было. Они впервые появились, когда я стал ездить в Польшу, в Германию, потом в Швейцарию. Тогда — конечно, а до этого... У нас же был специально ученый секретарь по зарубежным связям. Однажды мне... Забыл я его фамилию, этого человека из Англии, замечательный, бывший декан исторического факультета Кембриджского университета. Почему-то меня прикрепили к нему, и я ему помогал. Хотя какая там от меня помощь была. Но потом ко мне подошел секретарь (не буду его называть, он работает) и сказал: «А теперь надо написать, о чем Вы с ним говорили» (*смеется*). А я говорю: «Хрен тебе. И больше ни с какими иностранцами я работать не собираюсь». Все, кончилось.

В.К.: А вообще общение с иностранцами могло повлиять на карьеру?

А.И.: Безусловно.

В.К.: А каким образом?

А.И.: Выгнать тебя могли просто, и все. Это было очень просто сделать, между прочим. И люди уходили.

В.К.: Ну если иностранец, скажем, дружественный...

А.И.: Ну с ГДРовцами и так далее, это да, конечно. А вот с «капиталистами» это было очень сложно.

В.Т.: Могли бы Вы рассказать о неформальной стороне жизни Института?

А.И.: Я поступил в 1971 году, это была довольно глухая пора, когда никакой внутренней общественной, общественно-культурной жизни в Институте почти не было. Вот вы спрашиваете — юбилей, 50-летие. Никакого не было ни общего собрания, по-моему, ничего. Я этого не помню просто. Узнал, что вдруг орден дали Институту. Но было время, когда Институт был очень на слуху у интеллигентной московской публики — когда работал так называемый даниловский партком, который после того, как Сталин помре и все-таки началось освободительное какое-то движение, объявил, что он будет следовать строго курсу XX и XXII съезда партии. И были замечательные «капустники», потрясающие

совершенно, со всякими там этими самыми третьими, четвертыми смыслами, намеками и так далее. И на эти «капустники» рвалась вся интеллигентная диссидентская Москва. А еще в фойе развешивались картинные галереи абстракционистов, левых художников, это было замечательно.

Институт звучал очень весомо. Но тогда он назывался Институт истории. В Институте всеобщей истории было очень много замечательных людей, которые и за границей побывали и так далее. Поэтому жизнь Института в то время была отмечена очень интенсивной культурной жизнью. И выпивка тоже хорошая была. Я первый раз, когда пришел сюда, мне говорят: «Пойдем, выпьем на косточках». Думаю, на каких косточках... Взяли водку, спустились вниз, на каком-то ящике. «А теперь, — говорят, — посмотри, что тут лежит». Вытаскивают кость берцовую (*смеется*). Это Институт археологии, там все это хранилось. И такое было, веселились лихо, пили много, веселились от души.

В.К.: Общались с археологами?

А.И.: У меня никаких связей не было. А так, вообще, конечно. Пока была обстановка раскованности общественной культуры, все институты друг с другом общались, участвовали в общих «капустниках» и так далее. Это была очень интенсивная культурная и сатирическая жизнь Отделения истории. Так что не все было безнадежно. Сейчас мы живем гораздо более скудно в этом отношении. Все зависит теперь уже от вас — как вы затеете, так и будет.

В.Т.: 1990-е годы. Вы немножко рассказали, но что там изменилось в жизни Института? В науке-то более-менее ясно...

А.И.: Я понимаю, на что Вы намекаете. С одной стороны, установился режим свободы исследования. Я не помню ни одного за все время с 1990-х годов случая, чтобы «прорабатывали» какую-нибудь монографию за какие-то ошибки. Могли отвергнуть как недобросовестное исследование, плохое и так далее. Но разноса за методологию — ничего этого не было. Как написал, так и публикуем. Это Вы должны ценить, потому что до этого... Ну, мы начали в конце 1980-х уже горлопанить, вольности себе всякие позволять и так далее. Все это нарастало, и в 1990-х... Ну а уж как жилось в бытовом плане... Вы знаете, кое-кто уходил, кое с кем были всякие... Сейчас очень спокойная и хорошая обстановка в Институте, на мой взгляд.

В.К.: То, что он так количественно сократился, повлияло, как Вы думаете?

А.И.: Конечно, повлияло. Меньше монографий выходит. Институт оказался в очень неблагоприятной демографической ситуации: много старых и мало молодых. В Институте до революции последней была очень хорошо выстроенная система подготовки. Аспиранты готовились очень серьезно, случайных людей не было, попасть в аспирантуру было очень сложно. Публика отборная попадала. Кое-кто оставался здесь, многие преподавать уходили. В Институте были крупнейшие специалисты. Я еще помню Устюгова, Черепнина, Нечкину, это же не просто имена — это выдающиеся люди. Я читаю «Ключевского» Милицы Васильевны¹⁸, это у меня просто настольная книга.

В.К.: Вы общались с ней?

А.И.: Нет, с Милицей Васильевной никогда. Потому что она была там, а я здесь. Она была очень доступный, кстати, человек. И ученый выдающийся, и организатор науки выдающийся. То, что они сделали с декабристами, опубликовав следственные дела... Можно говорить что угодно, но есть замечательный источник. Почему-то у нас сейчас декабризмом не занимаются, а вам на тарелочке с голубой каемочкой подали самые главные источники, занимайтесь. Не хотят. Почему — не могу понять.

Черепнин Лев Владимирович, его так долго не пропускали в академики, все время голосовали против. Пашуто Владимир Терентьевич, который создал фактически институт в Институте... Сектор истории древнейших государств на территории СССР. Там же каждый человек это бриллиант. И мы, к сожалению, расстались с ним, они перешли в Институт всеобщей истории. Это, конечно, большая ошибка была.

В.К.: А общаться с представителями старшего поколения было как?

А.И.: Все было достаточно просто, все были достаточно доступны. Это все-таки была интеллигентная публика... Я тем более общался, потому что работал в редакционно-издательском отделе. А тогда издать книгу это была ох какая сложность. И к нам шли люди. Мы, кстати говоря, очень многим помогали. Потому что завязывались интриги против отдельных людей. Вызывал

---

¹⁸ *Нечкина М.В.* Василий Осипович Ключевский: жизнь и творчество. М., 1974.

тебя Валерий Иванович Бовыкин и говорил: «Надо отправить в ИМЛ¹⁹ эту работу». В надежде, что там разберутся: либо возьмут на себя ответственность, либо зарубят. И много ведь рубили, ИМЛ рубил множество наших работ. Он был нашим цензором фактически. Так что обстановка была очень тяжелая. Отучили от этих «капустников», все загробили, все запретили и так далее.

Радость была — выпить в компании и поговорить о том, какие они там сволочи в отделе науки ЦК. Трапезников возглавлял этот отдел. Он оказался самым главным специалистом по истории коллективизации, и не дай Бог сказать поперек. Данилов позволил какую-то объективность допустить, о перегибах сказать что-то²⁰. Написали большую книгу, которая должна была идти в издательстве «Мысль». Я помню, пришел из журнала, меня специально прислали посмотреть, какой же разнос сделали этой книге! Прямо поднимали: «Вы за или против?». Единственный человек, Богденко такая была, сказала: «Я считаю, что все, что вы делаете — несправедливо». А все остальные сказали: «Надо рассыпать набор». Вот Юрий Александрович [Поляков] принял в этом участие, кстати говоря²¹. А я понимаю. Не прими — мало не покажется. И там выкрики были: «Вы что думаете, черного кобеля не отмоем добела? Отмоем, отмоем!». Вот на таком уровне шел разговор в интеллигентной, казалось бы, среде и обстановке.

В.Т.: А поподробнее про «даниловский партком» можете рассказать?

А.И.: К сожалению, я тогда здесь не работал, только слышал о нем. Вот это надо спросить... А уж сейчас и спросить не у кого — все умерли. Я вам скажу, кто, пожалуй, наиболее сведущ в этом деле — поговорите с Шелохаевым Валентином Валентиновичем, потому что он был при Леониде Иванове, его аспирант. К Леониду Михайловичу относились как к человеку, который... маргинален, не очень надежен. Сектор этот вообще был под ударом. Выгнали тогда Тарновского, выгнали несколько человек из этого сектора. И вообще все это было очень напряженно.

¹⁹ Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

²⁰ Речь идет о неопубликованной коллективной монографии «История коллективизации сельского хозяйства в СССР», подготовленной В.П. Даниловым, М.И. Богденко, М.А. Вышаном, И.Е. Зелениным и Н.А. Ивницким.

²¹ Интервью записывалось в мемориальном кабинете Ю.А. Полякова в ИРИ РАН (3-й этаж, комн. 17).

С другой стороны, черт его знает... Я, например, начал с того, что свою первую статью, «Университеты в 1905 году», принес в «Исторические записки»²². Туда попасть было очень трудно. Там печатались большие публикации — два, три листа. А я, мальчишка, пришел, понимаешь, и начал с таких публикаций. Одну за другой, пять печатных листов опубликовал в «Исторических записках»²³. Но там была, как ни странно, очень доброжелательная и хорошая публика. Хотя я дал потом следующую статью об Академическом союзе — это либеральный союз профессоров²⁴, и меня попросили ее забрать. О либералах было не очень желательно — боялись.

Так что о парткоме я только слышал. Данилова в глаза не видел, но к нему было трепетное отношение, особенно в кругах московской диссидентствующей либеральной интеллигенции — очень относительно либеральной. Все мы в то время полагали, что если бы не Сталин, а жив остался бы Владимир Ильич, то жизнь в стране была бы совершенно другой. Не было бы репрессий, было бы все гармонично, «социализм с человеческим лицом». Была такая вера, между прочим. Не только у меня, это было всеобщее такое убеждение. Потом постепенно мы пришли к тому, к чему пришли.

В.К.: Понятно, что Ленин был святыней. А как к остальным правителям советским относились? Сталин, Хрущёв, Брежнев...

А.И.: По поводу Сталина Институт был как бы разбит на две части. Был у нас сектор Октябрьской революции, там такой был Соболев, который... Я помню, Павел Васильевич пытался объяснить, что нельзя так догматически относиться к истории. Сидел, кстати говоря, Хромов, наш будущий директор, и Соболев, обращаясь к нему, кричал: «Запретите ему выступать, говорить такие вещи! Прекратите это безобразие, которое творится. Он ревизионист!». Вот такая обстановка была.

²² Исторический журнал, публикующий научно-исследовательские статьи и сообщения. Издавался с 1937 г. Институтом истории АН СССР, с 1968 до 1992 г. — Институтом истории СССР. Издание возобновлено в 1995 г. под эгидой Отделения историко-филологических наук РАН.

²³ *Иванов А. Е.* Университеты России в 1905 г. // Исторические записки. М., 1971. Т. 88. С. 114–149.

²⁴ Всероссийский союз деятелей науки и просвещения — профессионально-политическая организация профессоров и преподавателей высших учебных заведений (1904–1918).

Ну, хрущёвские времена, конечно, мы все на ура восприняли, те, для кого «Краткий курс» не был библией. Было огромное количество анекдотов политических, осмеивалось все буквально: ЦК, все эти люди были под огнем смеха. Приходишь, встречаешь первого попавшегося и начинаешь обмениваться анекдотами, каждый день были новые анекдоты. Политические.

В.К.: Горбачёва восприняли с энтузиазмом?

А.И.: Ну, конечно. Я и сейчас к нему с уважением отношусь. Да, конечно, он дитя своего времени, своей партии и так далее, но он один отважился на такой шаг, первый такой толчок дал этому процессу. Сейчас на него наезжают все время, клюют его, но я считаю, что он позволил нам жить так, как мы сегодня живем.

А про нас говорят — каста... Историки, кстати говоря, никакая не каста. Это, я бы сказал, сообщество научных писателей. Мы же тоже литераторы, между прочим, у нас просто свой язык. Но мы все время держимся факта, никуда от него не хотим уходить, никаких фантазий стараемся не позволять. Но это особый вопрос, тут вам более опытные люди скажут. Я автор одной темы фактически, поэтому нет у меня такого широкого кругозора на всю нашу сегодняшнюю историографию... Но я считаю, что то, что началось с 1990-х годов, вот этот вал монографический... И сейчас мы, кстати, достаточно подготовлены к этому много-томнику, хотя ждет нас очень тяжелая с ним история.

В.Т.: Вот такой еще вопрос — легенды корпорации? То есть какие-нибудь анекдоты об известных историках, академниках, случаи из жизни. Еще один такой момент, все историки этого поколения прошли через идеологические кампании: космополиты, объективисты. Эти воспоминания как-то муссировались или предпочитали об этом не вспоминать?

А.И.: Не могу сказать, чтоб об этом вспоминали. Потому что каждый ведь... Скажем, академик Минц, яркая фигура, между прочим, умнейший человек, но наговоривший столько... Оратор прекрасный. Я, между прочим, с ним познакомился при очень забавных обстоятельствах. Он затеял бюллетень международной комиссии по Октябрьской революции и Гражданской войне. Принесли мне рукопись на редактирование. А я только-только пришел сюда. Думаю: я вам покажу класс, как надо редактировать. Открыл — первая статья Исаака Израилевича Минца. Я взял и... Когда его слушаешь — это одно, а когда читаешь — другое,

какой-то местечковый стиль, все слова нужно переставить в обратном порядке. Чем я и занялся (*усмешается*). Всех прочих академиков — болгарских, румынских и так далее — вообще разделал, все выкрасил. И Минца тоже отделал хорошо. Пришел, принес, положил ему на стол. Он открыл, посмотрел и говорит: «Вы можете выйти». А потом спрашивает: «А кто это, откуда этот Иванов появился?». Ему говорят: «Ну, его только что взяли». — «Сейчас же пойду к Волобуеву и скажу ему, чтобы он его уволил немедленно». Мне тут же об этом сказали. Хотя никто не предупредил, что академика нельзя править. Нельзя прикасаться, все должно быть в первозданном виде, потому что это гениально. Ну, думаю, все, мне конец пришел. Жду, когда Волобуев меня вызовет и выгонит. Нет, ничего. Принесли мне обратно бюллетень — вся моя правка была принята, кроме Минца, потому что Минц взял и убрал подальше свое писание.

А потом... Минц ведь очень часто выезжал — то в Томск, то в Одессу и так далее. Я подал заявку: что-то о студентах, о высшей школе, революционное движение. Ни разу он меня не отверг. И очень хорошо, тепло и уважительно ко мне относился. Как ни странно. Вот Вам пожалуйста, как поступки характеризуют человека. Но как к нему потом отнеслись, когда все рухнуло, и этот старик, полуслепой и почти глухой... Раньше, когда он приезжал, Таня [Джаксон], дамы спускались вниз, впереди бежал Витя Миллер, кричал: «Дорогу академику Минцу!», его вели и так далее. А когда случилось — никто его встречать больше не стал. И этот бедный, как Король Лир, человек маленького роста, натываясь на всех... А на него все посматривали так: пошел, мол, отсюда. Это было очень печально и грустно. К вопросу о нравах.

К сожалению, про «даниловский партком» я только слышал много, но не могу ничего о нем рассказать, тем более что я не был членом партии.

В.Т.: А какое-то разграничение было на партийных и беспартийных?

А.И.: Было конечно. Я помню, мы с Наташей Ивановой... Большое партийное собрание, все члены партии там. Ни одного человека в коридоре, только мы идем. И вдруг Соловьёва, Аида Ивановна, что ли: «А вы почему не на собрании?!». — «А мы не члены партии». Она укоризненно на нас посмотрела и прошла мимо. А потом выяснилось, что ее дочь, очень даровитая балери-

на, гастролировала в Латинской Америке, осталась там, и Аида тут же смоталась, со всем своим партийным гонором бросилась туда. И потом писала: «Сижу в вилле своей дочери, на берегу озера, у меня на глазах плавают лебеди, и такое благолепие!». Вся ее партийная ярость слетела, и стала она обыкновенной женщиной, которая хотела хорошей жизни.

А партком у нас часто занимался черт-те чем. Скажем, не буду называть этого сотрудника, у него любовница отняла партийный билет (*смеется*). И его разбирают на парткоме, а любовница говорит: «Не отдам, пока он на мне не женится!». Вот партком и этими делами занимался. Были там сволочи — не буду называть, потому что их еще помнят. Но когда я защищал кандидатскую, то должен был получить рекомендацию от «треугольника», в частности от парткома, хотя я не член партии. Ну, думаю, все, мне конец, не пустят. Идет секретарь парткома Александр Александрович Преображенский. Я bleющим голосом: «Александр Александрович!..». — «А на какой предмет?». — «Да вот, диссертацию защищать надо». — «С удовольствием подписываю!». Взял и подписал! Вот, пожалуйста. Надо сказать, что и Тихонов был у нас очень спокойный человек. Так что я к парткому относился настороженно, но вреда они мне большого не приносили (*усмехается*).

В.К.: А о профкоме что-нибудь можете сказать?

А.И.: Я помню профком Гросула — прекрасный! Нам всегда старался помочь. У нас только что создали сектор дореволюционной культуры, и Гросул нас взял под свою опеку, и всегда нам какие-то премии выписывались и так далее. Местком был хорошей вообще организацией. А Ивницкий просто меня спас от изгнания из Института. Так что я вспоминаю профком с почтением и уважением. Тем более что туда попадали все-таки хорошие люди. Гросул и сейчас прекрасный человек. А от Николая Алексеевича я даже не ожидал, что он встанет на мою защиту. Да и от парткома я, в общем-то, большого вреда не имел. Ну, поругали нас там, ну хрен с ним.

В.К.: А райкомовские структуры вмешивались в деятельность Института?

А.И.: Думаю, что дааа! Но я был далек от этого, я ведь все-таки жил в своей раковине, я автономизировался своей темой. Кстати говоря, не испытывал особых трудностей с архивами. Потому что это далеко, какая-то высшая школа, никому не интересно, и пуб-

ликовать это никто не собирался. А потом раз, все, и оказалось, что это нужно.

В.К.: А с публикациями сложности были?

А.И.: Очень сложности большие. Тема, во-первых, должна была быть актуальная. Во-вторых, некоторые рукописи мытарили годами. И поэтому опубликоваться было очень трудно. Особенно книгу. Большинство, проработав по многу лет в Институте, так и не увидели своих книг. Хотя требовали вовремя подать рукопись. А потом начиналось... И такой отбор был, что... Поэтому, когда произошли известные события, когда вдруг шлюзы открылись, и мы начали писать то, что хотим, — наступил золотой век, я считаю, для нас. Мы же еще к тому же сейчас пишем, не опасаясь, не обволакивая каждое свое мнение цитатами Ленина и так далее. Нет, все кончилось. У нас наступила абсолютная свобода исследования, свобода науки. И свобода преподавания сейчас такая же, между прочим. Люди говорят все, что думают, преподают так, как считают нужным. В этом отношении у нас сейчас золотой век.

В.Т.: Про Историко-архивный институт поподробнее бы очень хотелось.

А.И.: Ой, это замечательное учебное заведение! Кстати говоря, продолжившее традицию так называемых археологических институтов²⁵. И по этому принципу и было создано. Там давали хорошую архивную подготовку, источниковедческую, историографическую и так далее. Кстати, и была прекрасная плеяда преподавателей Древнего мира, Средних веков. Утченко Сергей Львович преподавал, мы все в него были влюблены. Вот кто нас приучал любить историю. Средние века — Коган-Бернштейн Фаина Абрамовна, потрясающая. Мы были просто загипнотизированы ими. Причем они даже в педагогическом отношении были людьми... Сергей Львович, например, говорил: «Так, ну, значит, курс я закончил, кто желает получить “тройки”? Поднимите руки. И тогда берите зачетные книжки, подходите, я вам сейчас поставлю. Остальных буду спрашивать». Я не подал, мне хотелось у него

---

²⁵ Имеются в виду Санкт-Петербургский (1877–1922) и Московский (1907–1922) археологические институты — базовые специализированные учебные заведения для подготовки археологов и архивистов в дореволюционной России.

получить «пять». Шмидт, конечно. Шмидт ведь каждый первый курс открывал. И своим таким бесцветным голосом завораживал нас буквально. Сидели, раскрыв рот, слушали. И на протяжении десятков лет учеба для первокурсников всегда начиналась с лекций Шмидта. Ерошкин вообще был потрясающий оратор. Мы тогда не знали на первом курсе, на втором, можно ли аплодировать. А Ерошкину аплодировали, как актеру. Историко-архивный это потрясающе, конечно, я ему обязан всем.

А если вы хотите спросить, если бы я родился заново, я бы опять хотел стать историком.

В.Т.: Вот идеальный историк для Вас какой?

А.И.: Это трудно сказать... Идеальными историками должны быть вы, ребята. С учетом отрицательных и положительных уроков ваших предшественников. Но вообще, Милица Васильевна для меня идеальный историк. Это энциклопедист в своих исторических познаниях, глубоко порядочный человек, создатель целой исторической школы. Черепнин, этот огромный дядька, я его еще помню. Я, к сожалению, пришел в Историко-архивный, когда вдруг запретили совместительство. И Черепнин, Устюгов ушли из института. Я видел Черепнина еще крепким, кряжистым человеком с каштановой шевелюрой. Мне говорят: «Вот это — Черепнин». Мне мой начальник, Алексей Сергеевич Кара-Мурза, так о нем говорил: «О, он серьезный человек! Коньяк может пить тазами!» (*смеется*). Так оно и было. Тут было много ярких и замечательных людей, которых я вспоминаю и которых очень не хватает сейчас.

В.Т.: А как Вы нынешнюю реформу Академии наук оцениваете?

А.И.: Считаю, что это просто преступление. Это национальная катастрофа. За это придется потом очень долго расплачиваться. Разрушили три академии, налаженные академические системы, каждая из которых занималась своим делом (когда-то более успешно, когда-то менее). Все это превратили в свалку, отобрали у них институты, подчинили их каким-то чиновникам малограмотным, и все. Даже президент на своей этой прямой линии, когда ему задали вопрос, призадумался. И сказал: «В общем, положительно отношусь». Какой на ... положительно! Его обвели вокруг пальца. И ведь к науке отвратительное отношение правящих верхов. Разобрались с Академией — покусились на Тимиря-

зевскую академию²⁶, на их поля. Как же, строить надо! Потому что у них потребительское отношение: сегодня ты сеял, а завтра, будь добр, белые булки нам дай. А зачем ты нужен, если то что ты делаешь, ни съесть, ни выпить нельзя, ни применить как-то, ни измерить никак? Вот в чем дело. Поэтому отношусь очень плохо.

В.К.: А Вы вообще как думаете, в принципе, система Академии наук должна была реформироваться?

А.И.: Должна была, да. Потому что тоже превратилась в такое министерство науки бюрократическое. Нужно было хорошо ее почистить. Но сваливать к ней Академию медицинских наук — зачем вы это сделали? Это научно-практическая академия, которая и работала, и занималась наукой, и лечила людей в своих институтах. Теперь это что? Где это теперь находится? Теперь вынуждены были ряд институтов — Бакулевский институт²⁷, еще какой-то — вывести из ведения ФАНО, будь оно неладно. Академию сельских наук затоптали, потому что, как говорит президент, мы не видим практических результатов. Отцепились ведь от Тимирязевской академии только потому, что поднялось возмущение перед выборами. Выборов бы не было осенью, закрыли бы. Хрущёв в свое время мечтал ее вывезти в деревню. А здесь это точно совершенно: сначала отнять поля экспериментальные, а потом отнять и здания. Ведь неслучайно говорят: мы вам дадим 196 квартир, там, где вы будете находиться. Это что?

Разгром Академии намечен. Пройдут выборы, они до нее доберутся все равно. Я подписывался около метро, люди подписываются, возмущаются. А потом они возьмутся и за Тимирязевский лес. А зачем он нужен? Тут можно дома построить. Срубить все надо к черту. Так что политика по отношению к науке — отвратительная. А как оплачивают? Ну что мне вам говорить, сколько вы получаете? Я главный научный сотрудник, получаю 30 тысяч с небольшим. И вас ждет то же самое. Разве это мыслимо, так относиться к ученому корпусу? Ну ладно, мы

---

²⁶ Московская сельскохозяйственная академия имени К.А. Тимирязева. В 2005 г. переименована в Российский государственный аграрный университет — МСХА имени К.А. Тимирязева.

²⁷ Институт сердечно-сосудистой хирургии имени А.Н. Бакулева. В 2015 г. переименован в Национальный медицинский исследовательский центр сердечно-сосудистой хирургии имени А.Н. Бакулева.

неизвестно что там пишем — какие-то сказки исторические. Но так же и к физикам, к математикам. Такие же зарплаты, все то же самое. Заставляют людей отдавать много своего времени на приработки, у всех семья и так далее. Так что я считаю, что это преступно плохое отношение к науке и к людям науки.

В.К.: А какой-то просвет Вам в будущем видится?

А.И.: Придется потом все разруливать и обратно возвращать. Академию медицинских наук восстанавливать. Всех сделали академиками, членкорами. Ведь у каждого была своя система научной аттестации, теперь это все смешали. Неизвестно что. Нет, нет, это ужасно. Я считаю, что за это придется кому-то отвечать, а отвечать некому будет. Вот это мое такое мнение. И думаю, что его разделяют абсолютное большинство.

В.К.: Заканчиваем на такой минорной ноте.

А.И.: Да, к сожалению, к сожалению...

Институту я могу пожелать, во-первых, чтобы он еще 80 лет по меньшей мере продолжал существовать, это раз. Чтобы в нем так же уютно и хорошо работалось. Мне здесь прекрасно работается. Если зарплата не устраивает, ну уходи, получай другую зарплату в другом месте, но ведь не уходим же мы. Еле уговорили на полставки перейти, между прочим. Для меня Институт это родной дом. Когда-то весело смеялись, когда я сказал (где-то там показали в кино²⁸), что иду в Институт как на праздник, а так оно и есть. Я желаю, чтобы в Институте происходило планомерное, постепенное улучшение демографической ситуации. Ничего не сделаешь, ну как сопротивляться, когда тебе 80 лет, как можно? Пора и совесть знать, между прочим. Это я имею в виду только себя. Я бы может быть и сопротивлялся, но мне 80 лет. И чтобы вам хорошо работалось. И чтобы больше таких передряг, какие Институт претерпел за всю свою историю 80-летнюю, не было. Тут ведь были страшные сцены. Предание такое. Была здесь одна молодая женщина, нездоровая то ли психически, то ли физически. Узнали, что она в церковь ходит, — довели до того, что она выбросилась из окна. А донос на нее сделали вполне добропорядочные люди. А это зафиксировано где-то в анналах?

---

²⁸ Имеется в виду документальный фильм об истории Института, подготовленный к 75-летию юбилею в 2011 г.

В.Т.: Это у Зимины есть²⁹.

А.И.: Да-да, я их, к сожалению, еще не прочел, мне вот отдадут мой экземпляр. К Александру Александровичу я прекрасно относился. Он, кстати, был замечательной личностью. Да, с ним сложно было, он был непростой человек. Но я издавал на роталпринте «Государственный архив»³⁰. И, зная, что он очень тяжело болен, стремился, чтобы он увидел эту книгу при жизни. И он проникся к нашему редакционно-издательскому отделу большим уважением. А в то время шел какой-то очередной кинофестиваль³¹, и выяснилось, что он блестящий киновед. Он приходил к нам, располагался вот так между столами и начинал рассказывать, анализировать весь репертуар кинофестиваля. Так точно, так живописно, так упоительно. Был замечательный человек.

В.К.: Как Вы думаете, стоило ли делать вот это нашумевшее издание его мемуаров?

А.И.: Я думаю, что все-таки нехорошо, что издали вне семьи. Все-таки наследники-то они. Но, с другой стороны, неизвестно вообще, когда это все выйдет. Я не знаю, как бы Александр Александрович сам поступил со своими мемуарами. Я думаю, что он их хорошо бы отредактировал. Там есть кое-какие места, которые, наверное, все-таки надо было бы отредактировать. Но он был человек бесшабашный в этом отношении, бескомпромиссный. И судьба его была, с этим «Словом»... Его подвергли совершенно грязной, отвратительной экзекуции, от него отвернулись все! Он прошел через эти испытания и очень изменился психологически.

А Хорошкевич — она человек очень неплохой, только со своим характером. Она считает, что эта публикация — отмщение всем, кто плохо относился к Зимину. И считает, что как ученица она должна была исполнить эту миссию. Каштанов Сергей Михайлович очень хороший и порядочный человек, но он просто не мог отказаться, не принять участия в этом, ну, не мог. Тоже считал, что

---

²⁹ *Зимин А.А.* Храм науки (Размышления о прожитом). Москва, 1976 // Судьбы творческого наследия отечественных историков второй половины XX века / сост. А.Л. Хорошкевич. М., 2015.

³⁰ Государственный архив России XVI столетия: опыт реконструкции. Вып. 1–3 / подгот. текста и комментарии А.А. Зимины. М., 1978.

³¹ Видимо, имеется в виду X (1977) или XI (1979) Московский международный кинофестиваль.

это будет неправильно по отношению к его учителю. О Каштанове, между прочим, просто легенды ходили в Историко-архивном. И почему? Он был самым молодым кандидатом наук, он очень рано защитился. Он защитил диплом, а потом этот диплом фактически защитил как кандидатскую диссертацию.

В.К.: Все, наверное. Было безумно интересно, спасибо. Может быть, Вы бы согласились второй раунд как-нибудь провести? Подробнее про Историко-архивный, подробнее ваши размышления об исторической науке, о людях.

А.И.: Знаете что, вы поговорите с Красовицкой Тamarой. Она вам многое может рассказать, у нее такой широкий взгляд на историческую науку, она умный человек. Шелохаев вам многое может рассказать. Корелин, не знаю, отважится ли на такую откровенность... Так что есть с кем поговорить.

В.К.: Вообще, мы собирались поговорить с как можно большим количеством «аксакалов» нашего Института.

А.И.: Их не осталось почти никого. И я могу точно утверждать, что такого уровня историков, которые были в советское время, сейчас нет. Так я думаю. Может, я и не прав.

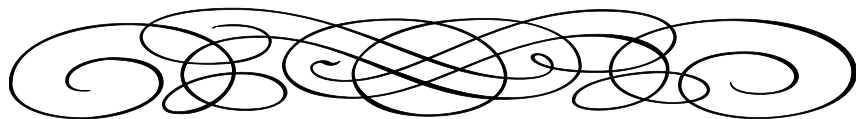
В.К.: Может, еще народятся.

А.И.: Этими историками должны быть вы, ребята, старайтесь. Вы в списке задаете вопрос – как относитесь к молодым. Да хорошо относимся к молодым. Если хорошие ребята, почему я должен плохо относиться? Вот, пришел молодой человек, прекрасно представил свою будущую монографию, одно удовольствие было читать, почему нет.

Все вместе: Спасибо большое!

А.И.: Спасибо и вам за внимание.

Интервью с доктором исторических наук Натальей Анатольевной Ивановой

Владимир Николаевич Круглов: Итак, сегодня 6 сентября 2016 года и мы берем интервью у Натальи Анатольевны Ивановой, доктора исторических наук, главного научного сотрудника Института Российской истории. И, как обычно, первый вопрос — о себе: где Вы родились, в какой семье, где учились и, самое главное, как зародился Ваш интерес к истории?

Наталья Анатольевна Иванова: Я родилась еще до Отечественной войны, в 1938 году. Жили мы тогда в городе Харькове, на Украине. Мама моя имела художественную специальность. Отец, Анатолий Иванович, окончил Харьковский инженерно-технический институт по специальности «строитель мостов». Он учился в аспирантуре, написал кандидатскую диссертацию, но защитить не успел, так как был призван в армию. Вместе с нами жили родители отца и его сестра с маленьким сыном (она была врачом). Дедушка, Иван Николаевич, был квалифицированным металлистом, работал на заводах Юга России и сумел дать обоим своим детям высшее образование. Перед войной отца забрали в армию, в инженерные войска. Он участвовал в эвакуации промышленности с Украины на Восток, а потом строил оборонительные сооружения на Кавказе. Семьи эвакуировали — с самого начала войны немцы бомбили Харьков очень сильно. Мы с мамой попали сначала в Среднюю Азию (город Фрунзе), а потом жили в Армении.

В 1945 году отца перевели в Подмоскowie, в научно-исследовательский Военно-инженерный институт имени Карбы-

шева¹ (он находился на станции Нахабино). Работа в военном учреждении потребовала от отца получения специального высшего образования. Он окончил в Москве Военно-инженерную академию имени Куйбышева и защитил новую кандидатскую диссертацию. Мы с мамой приехали в Нахабино по окончании войны, там прошли мои школьные годы. У нас были хорошие учителя, в том числе по истории. Так возник интерес к этой науке.

Потом я поступила в Московский государственный университет имени Ломоносова на исторический факультет, который окончила в 1960 году. По распределению (поскольку мы учились за государственный счет, то обязаны были отработать года три в том месте, куда нас распределили) в числе нескольких однокурсников я попала в Институт истории АН СССР. Тогда это был общий Институт, где изучались и отечественная история, и история СССР, и всеобщая история. В 1968 году Институт разделили на институты истории СССР и всеобщей истории, а с 1992 года Институт истории СССР стал называться Институтом российской истории РАН. Я работаю здесь вот уже 56 лет.

Сейчас в Институт берут только кандидатов и докторов наук, а в советское время значительную часть коллектива составляли сотрудники без ученой степени. В 1960 году начиналось написание многотомной «Истории СССР с древнейших времен до наших дней», создавались новые сектора. Неостепененные сотрудники выполняли большую вспомогательную работу: помогали старшим коллегам, участвовали в сборе архивного материала, составляли библиографию, подбирали иллюстрации и так далее.

В.К.: Расскажите, пожалуйста, о годах Вашей учебы в МГУ. Насколько туда просто или, наоборот, сложно было поступить?

Н.И.: Я поступала с золотой медалью. Конечно, ни репетиторов, ни подготовительных курсов никаких не было, мы шли с теми знаниями, которые получили в школе. Золотые медалисты должны были пройти собеседование: члены комиссии задавали вопросы по истории, надо было отвечать сразу, без подготовки. Это собеседование я прошла успешно. Те, кто имел серебряную медаль, сдавали один экзамен — писали сочинение, остальные —

---

¹ Научно-исследовательский институт инженерной техники РККА, ныне Центральный научно-исследовательский испытательный институт инженерных войск Министерства обороны РФ имени Д.М. Карбышева.

все положенные экзамены. Был конкурс. В результате на курсе оказалось много медалистов, и они приехали из разных городов и регионов страны (видимо, была разнарядка).

В.К.: Вы учились во второй половине 1950-х годов?

Н.И.: Да, с 1955 по 1960 год.

В.К.: Что можете рассказать об атмосфере на факультете? Яркие преподаватели? Какие-то изменения, может быть, в связи с «оттепелью»?

Н.И.: Преподаватели у нас, конечно, были очень хорошие. Деканом факультета являлся Артемий Владимирович Арциховский, известный археолог. Лекции по истории Древней Руси читал Борис Александрович Рыбаков. Преподавали П.А. Зайончковский, С.Д. Сказкин, М.Т. Белявский, С.С. Дмитриев, Е.Н. Городецкий. Из более молодых можно назвать Д.А. Авдусина, И.Д. Ковальченко, К.Н. Тарновского, В.И. Бовыкина и др.

В 1956–1957 годах на факультете много говорили о «деле Краснопевцева»². Я слышала об этом, но никак не интересовалась. И вообще политика меня не привлекала. Жила я, как и многие другие студенты, в общежитии. Вначале на Стромынке, это в районе метро Сокольники. Там было девять человек в комнате (большие такие комнаты, как эта, наверное³). А на старших курсах нас перевели в общежитие на Ленинских горах, сейчас это Воробьевы горы. Дипломникам предоставлялись отдельные комнаты в двух- или четырехместном «блоке» со всеми удобствами.

В.К.: Встречались ли Вы тогда с учеными, с которыми потом пришлось контактировать?

Н.И.: Да, конечно. Когда заканчивался третий курс, нас записывали на спецсеминары. Студент должен был написать диплом за четвертый и пятый курс, за два года. Я выбрала спецсеминар Константина Николаевича Тарновского, который был посвящен экономической истории России в годы Первой Мировой войны. К этому времени Тарновский – участник Великой Отечественной войны, окончил аспирантуру на истфаке, под руководством

---

² Речь идет о кружке (Союз патриотов), организованном аспирантом истфака Л.Н. Краснопевцевым. В него входили в основном аспиранты и студенты МГУ. Члены кружка выступали за десталинизацию и демократизацию советского общества. Многие из них были арестованы и приговорены судом к различным срокам заключения (до 10 лет).

³ Интервью записывалось в 34-й аудитории (3-й этаж) здания ИРИ РАН.

А.Л. Сидорова защитил кандидатскую диссертацию и опубликовал свою первую монографию. Он стал моим учителем. Потом мы работали с ним в Институте истории, где Тарновский стал работать в 1959 году, продолжая преподавать в вузе по совместительству. А экономическая история стала одной из основных тем моих научных занятий в дальнейшем. Правда, когда я пришла в Институт, в сектор по написанию многотомной истории СССР, меня прикрепили к Марку Самойловичу Волину. Это был серьезный ученый старой закалки и очень хороший человек. Он занимался историей социал-демократии, подсчитывал численность РСДРП, изучал ее состав. Я помогала ему собирать материал для главы в многотомник по истории революционного движения. В результате я переключилась на новую проблематику: стала заниматься революционным движением, потом историей рабочего класса. По этим темам я защитила кандидатскую, а позже – докторскую диссертации. Марк Самойлович стал моим вторым учителем.

В.К.: Что представлял собой Институт истории, когда Вы туда пришли? Можете написать Ваши впечатления от здания, от людей, от атмосферы?

Н.И.: Когда мы еще были студентами, на пятом курсе, Константин Николаевич водил нас на дискуссии, которые устраивались в Институте истории. Тогда он находился не здесь, а в другом здании, на Волхонке, рядом с Музеем изобразительных искусств. А учились мы в старом здании университета, на улице Герцена (сейчас это Большая Никитская). Так что расстояние между факультетом и Институтом было невелико. Там, в большом зале, куда набивалось полно народу, мы могли увидеть воочию и услышать выступления крупных ученых, которые занимались экономической историей: В.К. Яценского, П.Г. Рындзюнского, И.Ф. Гиндина, С.М. Дубровского и других. Некоторые из них недавно вернулись из ссылки. В числе молодых были, прежде всего, ученики Сидорова: П.В. Волобуев, Т.Д. Крупина, К.Ф. Шацилло, К.Н. Тарновский и многие другие. Аркадий Лаврович возглавлял все действие. Он давно занимался этими проблемами и был уже директором Института. Институт, можно сказать, кипел, было много дискуссий, и вообще работалось интересно.

В.К.: Считается, что начало 1960-х – это период послабления для исторической науки.

Н.И.: Да, «либерализация» чувствовалась в условиях «оттепели» после смерти Сталина. В 1960-е годы появилась возможность более широко дискутировать, обсуждать разные вопросы. Вот в этой аудитории собирался сектор, который назывался странно — сектор истории СССР периода капитализма. Как будто в СССР был капитализм. Возглавлял его Леонид Михайлович Иванов. Здесь работали очень яркие ученые и обсуждались многие вопросы, это была важная школа для молодых. Я тоже оказалась в этом секторе после завершения работы над многотомником. Здесь почувствовала роль коллектива: сделать плохой доклад или написать плохую работу было невозможно — тебя разносили в пух и прах, существовала очень высокая требовательность.

В.К.: Как относились к молодежи?

Н.И.: Абсолютно хорошая атмосфера. Мы учились у старших коллег, ходили на все заседания, участвовали в обсуждениях работ. Интересным было и неформальное, дружеское общение. Некоторые умельцы на заседаниях сочиняли стихи, писали друг на друга эпиграммы. Устраивались вечера, «капустники». Мы даже ездили куда-то с самодеятельностью. Распространено было чтение лекций через общество «Знание».

В.К.: А эта неформальная обстановка шла от сотрудников или кем-то организовывалась?

Н.И.: Многое шло от сотрудников. Но роль профсоюзной, комсомольской организаций тоже нельзя сбрасывать со счета. Коллективизм поощрялся и поддерживался.

В.К.: Как на повседневную жизнь Института влияли партийная организация, профсоюзная? Как бы Вы это охарактеризовали?

Н.И.: Сейчас человек, если сталкивается с какими-то проблемами, остается один на один с администрацией, с заведующим в лучшем случае, а тогда все решалось «тройкой»: партком, местком и администрация. И в вопросах, которые касались сектора, Института или отдельных людей, и партком, и местком принимали самое активное участие, так что — да, это все имело место.

В.К.: Как-то менялась обстановка в Институте под влиянием различных идеологических изменений? Замечали ли Вы это?

Н.И.: Да, несомненно, менялась. В период «оттепели», видимо, где-то с 1965 года, партком Института возглавляли Виктор Петрович Данилов (он занимался аграрной историей советского

периода), и его помощник Константин Николаевич Тарновский. Вместе с партбюро они составили предложения по улучшению работы Института и оздоровлению обстановки в исторической науке, ее демократизации. Предложения были приняты на общем партсобрании и направлены в отдел науки ЦК КПСС. Но реакции никакой не последовало, кроме того, что в 1968 году единый Институт разделили на два. А потом, когда в 1970-е годы начали, как говорят, закручивать гайки, все пошло в обратную сторону: были и критика, и увольнения, и сокращения, перемещение сотрудников.

В.К.: Это Вы уже говорите о разгроме «нового направления»?

Н.И.: Да, это в том числе «новое направление». Потом увольнение Павла Васильевича Волобуева с поста директора, перевод ряда сотрудников из сектора капитализма в другие сектора, а это означало смену проблематики.

В.К.: Долго ли продлился этот период идеологического давления? До «перестройки» получается?

Н.И.: Это началось в начале 1970-х годов. Уволили Павла Васильевича. А до этого «новое направление» обвинили во всех смертных грехах. Хотя в любой науке должны иметь место расширение проблематики, новые подходы, новые направления исследования. Иначе наука не будет двигаться вперед. «Новое направление» в понимании его авторов представляло собой определенный историографический этап, в ходе которого предлагалось изучать не только высшие формы капитализма (которые, как считалось, создавали предпосылки революции 1917 года в России), но и широко распространенные в ней отсталые социально-экономические отношения. А из него сделали нечто ревизионистское, антимарксистское... Идеология имела большое, нередко решающее влияние в нашей исторической науке.

В.К.: Чем явилась «перестройка», как Вы чувствовали тогда ее влияние? Насколько сильными оказались послабления по сравнению с предыдущими периодами?

Н.И.: Это уже не послабление, потому что послаблением была «оттепель». Когда в рамках той же марксистско-ленинской методологии ученые пытались найти возможности, чтобы наука двигалась вперед. Этих ученых сейчас называют «творческими марксистами». Введение в научный оборот нового фактического материала имело большое значение. Но исследователи не могли

выйти за жесткие идеологические рамки. А «перестройка» открыла новые горизонты: диктат идеологии был снят, признан плюрализм мнений, когда ученые получили возможность высказывать различные точки зрения.

Тем более что открылся широкий доступ к зарубежной литературе, чего в таких масштабах раньше не было. Стали переводить на русский язык и издавать работы зарубежных авторов, предлагавших иные концепции и решения, чем существовали в советской историографии. Стали публиковать и работы отечественных ученых, лежавшие в спецхране⁴. Кроме того, некоторые исследователи имели наработки, отличные от официальных трактовок. Число публиковавшихся работ резко возросло. Так что это было уже не послабление, а принципиально новый период, конечно.

В.К.: Вы сказали, что у ученых уже были наработки. Они их, что называется, в стол писали, или, может быть, предвидели какие-то изменения, как Вы думаете?

Н.И.: Может, что-то и в стол писали. Но также пытались различными путями выйти за рамки господствующей идеологии. Например, для нас Ленин был бог. Его труды цитировали и этим обосновывали различные явления и процессы. И вот был найден такой путь — изучение ленинских работ в развитии, потому что Ленин говорил одно, скажем, в конце XIX века и совершенно другое после революции 1917 года. Не потому, что он менял убеждения, а просто менялась ситуация, атмосфера, и он это улавливал. И вот пытались проследить эволюцию его взглядов, и говорили: «Вы нас упрекаете в том-то, а Ленин, по существу, смотрите — выходил на то же самое». Вот «новое направление» — оно связано с изучением многоукладности⁵. Ленин писал о многоукладности в 1919 году, а в конце XIX века он утверждал, что у нас капитализм победил. Конечно, очень важный способ выйти за идеологию, за доктрину — привлечение нового фактически-

⁴ Отделы специального хранения в библиотеках СССР, в которых хранились издания, открытый доступ читателей к которым признавался нежелательным (как правило, по идеологическим соображениям).

⁵ Многоукладность означает существование в рамках экономической системы различных типов производства, форм хозяйствования — не только капиталистического, но и мелкотоварного, патриархального (натурального), государственного, кооперативного и других укладов, изучение их взаимодействия.

го материала. Иногда сам материал подводит к новым выводам и показывает новые пути исследования.

В.К.: Это Вы и о себе можете сказать?

Н.И.: Если это и было, то гораздо позже, в период «перестройки», когда я изменила свою проблематику. Потому что заниматься историей рабочего класса и революционного движения и выйти за общепринятые концепции в советское время было практически невозможно. Даже в условиях «перестройки» я не видела путей, которые позволили бы не повторять ранее опубликованную большую литературу и по-новому освещать эти вопросы. Проще оказалось взять другую тему и разрабатывать ее в соответствии с изменившейся ситуацией и современными требованиями. Этой проблемой оказалась сословно-классовая структура в России. Я сформулировала ее сама. Потом ко мне присоединилась наша сотрудница Виолетта Петровна Желтова. В результате мы с ней написали две большие монографии⁶. Эта тема остается актуальной и сейчас.

В.К.: Цензура, запретные темы, ограничения доступа к архивам — что Вы об этом можете сказать? Лично Вы сталкивались?

Н.И.: Поскольку я занималась историей рабочего класса, революционного движения, то не испытывала особых ограничений такого рода. В ЦГАОРе (Центральном государственном архиве Октябрьской революции) и других архивах хранилось немало документов по этим вопросам. Было много и опубликованных источников, в том числе статистических. В основном были закрыты архивы по ряду вопросов советского периода, по внешней политике. Не приветствовалось изучение непролетарских партий, господствующих классов, истории церкви. Или они должны были освещаться под определенным углом зрения. Тем не менее, наш заведующий Л.М. Иванов не побоялся дать своему аспиранту В.В. Шелохаеву (сейчас он заведует нашим Центром) тему по истории кадетской партии. Вообще же у каждого советского историка была своя, «внутренняя цензура», которая исправно работала.

В.К.: Предыдущие интервьюируемые вспоминали, что в 1970-е — первой половине 1980-х научных сотрудников ориен-

⁶ *Желтова В.Г., Иванова Н.А.* Сословно-классовая структура в России в конце XIX — начале XX в. М., 2004; *Иванова Н.А., Желтова В.П.* Сословное общество Российской империи (XVIII — начало XX века). М., 2009.

тировали на работу в коллективных монографиях, а не над своими собственными. Это так?

Н.И.: Да, все началось с многотомника по истории СССР, потом были коллективные труды по истории революции 1905 года, Октябрьской, Гражданской войне. Издали несколько томов по истории рабочего класса, писали коллективный труд по истории крестьянства. Индивидуальных монографий издавалось гораздо меньше, чем сейчас. А их предельный объем составлял 20 или 25 печатных листов. Эти монографии выпускало академическое издательство «Наука», там они могли лежать год, два, три, пять. Их посылали на рецензии, иногда на доработку, если в рецензии оказывались замечания.

В.К.: А с чем был связан такой большой промежуток между сдачей текста и выходом? Это нехватка бумаги или какие-то проблемы?

Н.И.: Нет, это часто по соображениям идеологическим: иногда смотрели на актуальность, хотели подтвердить идеологическую надежность, иногда это зависело и от институтского начальства. Кроме того, все планировалось: вначале в Институте составлялись планы, согласно им монографии сдавались в издательство. А в издательстве был свой план — все же печаталось на государственные средства. Возможно, существовали и ограниченные производственные возможности. Так что причин было достаточно много. Тем не менее, в конечном счете, выпускали практически все, защищали докторские диссертации по книгам.

В.К.: Доводилось слышать мнение о негативных сторонах коллективных работ — что они сковывали исследовательскую инициативу, в них терялось лицо исследователя.

Н.А. Старались, чтобы в коллективных работах была единая концепция, особенно когда многотомник по истории России писали, специально обсуждали, какую концепцию принять. Могло получиться, что ты имел другое представление, но тогда это было нечасто, все-таки существовала единая методология, старались идти в русле общей концепции. Инициатива могла быть относительной, ибо все находилось под определенным контролем.

В.К.: Многие вспоминали о том, что Институт был достаточно консервативным и, скажем, молодому ученому раньше 40 лет защищать докторскую было неприлично. Это правда?

Н.И.: Да, это так. Это было принято не только в нашем Институте, докторские работы вообще защищались в более зрелом возрасте. Не скажу, что это хорошо или плохо, но у нас наука специфическая. Вот, скажем, математики могут в 20 лет сделать открытие: у человека блеснула идея, и он ее изложил. А историку, чтобы понять общество (а история это не даты, это не правители, это выявление закономерностей общественного развития), надо многие годы много читать, много знать. И поэтому считалось, что человек еще не накопил достаточно знаний, чтобы ему выходить на защиту докторской. Может быть, были и какие-то другие причины. С нынешней ситуацией это вообще нельзя сравнивать: сейчас защищают докторские и в 30 лет, и в 25, можно не заниматься наукой и защитить диссертацию. А тогда обязательно надо было работать по профессии.

В.К.: Какие у Института были контакты с провинциальными ВУЗами, институтами?

Н.И.: Контакты были очень тесные, думаю, более тесные, чем сейчас. Сейчас мы общаемся в основном через литературу, очень много работ выходит. А тогда были контакты напрямую с учеными, руководителями или с какими-то научными направлениями через научные советы или проблемные группы — по истории Октябрьской революции, рабочего класса, крестьянства, народничества и так далее. В них знали практически всех ученых, которые работали по этой проблеме не только в центре, но и на периферии. Если устраивалась конференция, то посылали приглашения этим людям, и собирались специалисты. Конференции проводились часто не в Москве, а в других городах. Такая практика существует и сейчас.

В.К.: В основном через конференции общение шло или неформально?

Н.И.: Не только через конференции. Приезжали люди в Институт, приглашали оппонентов для защиты, просили отзывы на диссертации, монографии, и сами писали рецензии на институтские издания. Существовала практика повышения квалификации, для этого исследователи из других городов приезжали в Институт.

В.К.: А можно сказать, что Институт истории был центром исторической науки, обладал особым статусом среди других?

Н.И.: Можно сказать. Статусом — не знаю, фактическим центром он был. Отделение Института, скажем, было тогда в Ленин-

граде, а академические институты на Урале, на Дальнем Востоке, в Якутии — целая система. Формально они все были связаны. Но и без того приезжали в Институт (к тому же Леониду Михайловичу Иванову), советовались о темах диссертаций и так далее. Институт действительно был центром исторической науки.

В.К.: А когда примерно ученый приобретал такой вес, что к нему можно было ездить советоваться? Это первые монографии или статьи?

Н.И.: Это зависело, во-первых, от ученого, во-вторых, от той проблематики, которой он занимался. Иногда способные, талантливые ученые были достаточно молодые, но к ним приезжали, советовались, поддерживали связь, писали друг другу письма с какими-то просьбами, встречались на конференциях, где устанавливались контакты. Обращались к людям, пользовавшимся научным авторитетом и разрабатывавшим соответствующую проблематику.

В.К.: После разделения единого Института контакты между получившимися двумя структурами были?

Н.И.: Да, конечно. И после раздела Института проводились совместные конференции, симпозиумы. Я участвовала в одном из них — по истории регионов (поскольку занималась Центральным промышленным районом Европейской России), потом вышел сборник. Но это частный случай. А вообще контакты существовали.

В.К.: Теперь вопрос, который уже был затронут отчасти. Связи с заграницей — они в каком виде существовали в 1960—1980-е годы?

Н.И.: Я могу говорить только «со стороны», поскольку границу ездили маститые ученые, начальство. Сравнительно редко ездили, скажем, на международные конгрессы, экономические конгрессы историков. наших ученых не всегда выпускали. Надо было получить разрешение на всех уровнях. Связи были, но незначительные.

В.К.: А к нам приезжали?

Н.И.: Приезжали к нам. Я была знакома с канадским ученым американского происхождения, профессором университета Торонто Робертом Джонсоном. Он занимался социально-экономической историей России, крестьянством. Проходил стажировку в Московском университете в начале 1970-х годов, а потом систематически приезжал в нашу страну работать в архи-

вах и совершенствовать русский язык. Выступая у нас на секторе с докладом, Роберт выразил желание побывать дома у кого-либо из коллег. Я пригласила его в гости. Он оказался серьезным ученым, очень порядочным, хорошим человеком, и мы потом неоднократно встречались.

В.К.: А как по-Вашему, западные ученые хорошо были знакомы с советской историографией? Это действительно были специалисты?

Н.И.: Ну, конечно! Может быть, какие-то источники они и не знали — все-таки другая страна, — но имели то преимущество, что были свободны в своих суждениях. Они могли высказать любую гипотезу, которая нам казалась неприемлемой, сделать любое заключение. Мы их называли «фальсификаторами», потому что они не шли в русле марксистско-ленинской теории, они были в этом отношении свободны, а мы были ограничены... Конечно, они тоже пытались строить умозаключения на источниках, среди них было много серьезных ученых.

В.К.: Общение с зарубежными коллегами расширяло горизонт? Мысль «включалась», заставляла посмотреть как-то иначе на проблему?

Н.И.: Несомненно.

В.К.: Это полезно было?

Н.И.: Конечно, это очень полезно. Люди думают по-разному, а тем более, когда они живут не то что в разных странах, а в разных политических, экономических системах, конечно, они думают по-другому. Не всегда с ними соглашаешься, они тоже субъективны и тоже идеологизированы по-своему.

В.К.: За контактами между здешними учеными и зарубежными был ли какой-то контроль? Нужно ли было отчитываться в том, что у меня был иностранец дома, или еще что-нибудь в этом роде?

Н.И.: Да, контроль был, надо было писать отчеты, но я по поводу Роберта Джонсона не отчитывалась, потому что у нас были неформальные контакты: он пришел с семьей (с женой и двумя детьми), потом приходил в гости, когда оказывался в России. А когда зарубежные ученые приезжали в Институт официально, в командировку, к ним прикрепляли сотрудника, который консультировал или оказывал необходимую помощь, а затем писал научный отчет, что было сделано.

В.К.: Полной закрытости не было?

Н.И.: Нет. Ну, может быть, по каким-то проблемам их не пускали в архив, а по каким-то — пускали.

В.К.: Хорошо, теперь немножко — или как получится — о повседневной жизни Института. Как он функционировал? Всегда ли были присутственные дни во вторник и четверг, как сейчас?

Н.И.: По-моему, это было всегда, причем мы обязаны были приходить.

В.К.: За посещением контроль был?

Н.И.: Я не скажу, что стоял человек и смотрел, кто пришел. Когда в секторе какой-то интересный доклад, приходили все. Вообще же ходили два раза в неделю, как правило, обязательно. Устраивались дискуссии, обсуждения, было интересно. И, конечно же, неформальное общение в эти явочные дни. Было время, когда нам предписали ходить каждый день, причем надо было приходить утром, расписываться, что ты ушел в библиотеку, в архив, или сидеть в Институте. Но это было недолго. Потому что здесь работать особенно негде: кабинеты у нас маленькие и, конечно, многого не сделаешь. Поэтому это все скоро было отменено. Пытались устанавливать научный контроль: у нас был так называемый план-карта — тетрадка, где записывались каждый сотрудник, его плановая тема и что он должен сделать в этом году. И потом за каждый квартал человек отчитывался. Некоторые потом говорили: «Ой, это так сложно». Да это были просто мелочи по сравнению с тем, как сейчас нас заставляют для отчета на компьютере по 20 страниц набирать и посылать в ФАНО. А потом эти план-карты отменили — кстати, не так давно, по-моему, в начале этого века.

В.К.: Плановые темы всегда были?

Н.И.: Да, плановые темы монографических и коллективных работ.

В.К.: На сколько они давались?

Н.И.: Сейчас у нас плановая тема по монографии на четыре года, по-моему, раньше они давались на пять лет. Бывало, конечно, что монографию человек не успевал закончить, потому что вклинивались другие работы (то какую-то справку надо написать — спустят сверху, то коллективная работа, то юбилей), которые всегда требовали дополнительных усилий. Тогда срок окончания работы переносился. Планировалось где-то 20 печат-

ных листов, максимум можно было написать 25, но не так как сейчас — по 70 листов пишут, это тяжело.

В.К.: Немного о материальной стороне жизни: каков был уровень зарплаты?

Н.И.: Я сейчас не помню, это ведь были совсем другие деньги. Во всяком случае, для неостепененных сотрудников зарплаты были очень низкие, да и для кандидатов и докторов тоже, поэтому, как сейчас помню, люди испытывали необходимость подработки, в ВУЗе или где-то еще. Но все-таки на них жить было можно — мы же как-то жили. А сейчас я не представляю, скажем, если молодой человек работает в Институте, а у него семья, дети, как на нашу зарплату прожить. Кроме того, тогда не было такого количества соблазнов, как сейчас, мы все же жили скромнее на эти деньги.

В.К.: А для сотрудников Института существовали льготы, привилегии?

Н.И.: Никаких привилегий не было. Может быть, у академиков и у членкоров, не знаю, никогда в это не вникала. А у рядовых сотрудников, докторов — одинаково, никаких привилегий не было. Считалось, правда, что кандидат наук может иметь дополнительную жилплощадь 12 метров (если тебе дается квартира, или ты покупаешь кооператив). Но это касалось не только Академии наук, это было общее правило. А больше никаких привилегий не знаю.

В.К.: Получить, скажем, квартиру или помощь при получении квартиры?

Н.И.: В Академии квартиры не давали, опять же об академиках и членкорах ничего сказать не могу. Но, правда, с определенного времени появились кооперативные квартиры.

В.К.: Это примерно 1970-е годы?

Н.И.: Да нет, наверное, раньше. Уже в 1960 году, когда я поступила на работу в Институт, на пересечении улиц Вавилова и Дмитрия Ульянова стоял академический кооперативный дом, и некоторые сотрудники (например, И.М. Пушкарёва) жили там. А позже П.В. Волобуев, будучи директором Института, для нескольких наших иногородних аспирантов и вновь набравшихся в сектор истории народов сотрудников (В.Я. Гросул, В.В. Шелохаев, П.Н. Зырянов и другие) добился в Моссовете прописки под жилищный кооператив. И я тоже в этот список попала, и выехала

из коммуналки в Нахабино в Москву, за что очень благодарна Волобуеву.

В.К.: Вы упоминали о подработках. Как мог заработать ученый в те годы?

Н.И.: Ученые могли подработать в ВУЗе, но это было не везде и не всегда. Потому что был период, когда совместительство запретили, им могли заниматься доктора наук, а кандидаты — нет. Тем не менее, шли работать в ВУЗы, можно было еще заниматься репетиторством — готовить для поступления в МГУ или еще куда-то. Или писали статьи — правда, тогда было мало гонорарных работ, сейчас легче опубликоваться и что-то получить.

В.К.: А где можно было опубликоваться, чтобы заплатили?

Н.И.: Я даже сейчас не могу Вам сказать. В наших центральных академических журналах и издательстве ничего не платили. Но, например, было издательство «Соцэкгиз»⁷. Мы там опубликовали книгу о средних слоях — нас было четверо авторов, она писалась вне плана, дополнительно⁸. Что-то нам, по-моему, заплатили.

В.К.: А скажем, статьи для энциклопедии, для газет?

Н.И.: В газетах и энциклопедиях, я думаю, платили что-то. Но тогда в энциклопедиях печатались маленькие статьи. Это сейчас можно написать пол-листа, а то и лист. Но и платится тоже ведь не так уж много.

В.К.: Вы упоминали об обществе «Знание». Что оно из себя представляло, и сотрудничали ли Вы с ним?

Н.И.: Да сотрудничали почти все, по-моему. Это организация общественная, общесоюзного плана, и она занималась тем, что распределяла лекции по какой-то нужной проблематике, и мы выступали с этими лекциями в Москве, на предприятиях. Скажем, какая-то политическая кампания идет или юбилей, революции посвященный. И вот на разных предприятиях, в цехах или в учреждениях мы выступали с лекциями. В учреждениях, если там коллектив, состоящий из интеллигенции, можно было

---

⁷ Государственное издательство социально-экономической литературы.

⁸ Борьба за массы в трех революциях в России. Пролетариат и средние городские слои / авт. колл.: В.П. Булдаков, А.Е. Иванов, Н.А. Иванова, В.В. Шелохаев. М., 1981.

выступить с более или менее серьезным научным докладом. Людям интересно, как наша страна развивается, как произошли те или иные исторические события.

Еще общество «Знание» организовывало поездки по Советскому Союзу. Был прекрасный выезд в Армению. У нас учился аспирант А. Симонян. С его помощью и через общество «Знание» мы ездили в Ереван, там выступали и посмотрели некоторые достопримечательности. Если в аудитории оказывались люди грамотные, с образованием, заинтересованные, то мог получиться интересный разговор. А когда просто во время перерыва рабочие слушали и одновременно закусывали, то лекция проходила формально. Это называлось пропаганда политических, исторических знаний.

В.К.: Это тоже оплачивалось?

Н.И.: Во всяком случае, нам оплачивали дорогу, содержание. Был ли гонорар? Ну, если и был, то очень маленький, дополнительно заработать было непросто, все эти гонорары были небольшими.

В.К.: Вы занимались преподаванием, работой со студентами?

Н.И.: Да, приходилось. Правда, сожалею, что не удалось много преподавать, но я преподавала. Два у меня таких периода было: сначала в Заочном юридическом институте, а потом, когда «перестройка» началась, в Православном университете имени Иоанна Богослова⁹. И там, и там это был курс лекций по истории СССР и отечественной истории за весь период с древнейших времен. В юридическом я преподавала года три, а может и четыре, а в университете — года два или три.

В.К.: Можете сказать, повлиял ли преподавательский опыт на Вашу научную деятельность, или наоборот, научная деятельность помогла преподавательскому опыту?

Н.И.: Да, конечно, это связано. Когда для себя читаешь литературу — одно дело, а когда должен информацию донести до слушателей, то совсем другое. Это разные вещи. Когда лекции готовишь, то расширяется твой кругозор, потом студенты задают вопросы, многие вещи видятся по-другому. Конечно, это

---

⁹ Российский православный университет имени Иоанна Богослова — основан в 1992 г., с 2010 г. носит наименование Православный институт святого Иоанна Богослова.

плюс. Но одно дело, когда преподает уже маститый ученый — он может среди студентов найти учеников, скажем, если читает спецкурс. Другое дело — сейчас, часто молодежь идет преподавать, чтобы заработать дополнительно. С одной стороны, полезно преподавать, но с другой стороны, это тебя отвлекает от основной работы, совмещать очень непросто. Во-первых, надо готовиться, и особенно много, если ты только начал преподавать. Во-вторых, сам процесс преподавания, конечно, требует напряжения сил физических, моральных.

В.К.: Как Вы считаете, ученый должен преподавать или, скажем, может преподавать, есть ли тут прямая связь? Потому что доводилось слышать мнение, что ученый, который не преподавал — не вполне полноценный ученый, не все испытал...

Н.И.: Дело все в том, что в нашем Институте очень маленькая аспирантура и мало людей, которые приходят сюда. Уходят из жизни многие ученые — уникальные специалисты, но у них нет ни одного ученика. Аграрная история, развитие промышленности, рабочий класс и крестьянство — сейчас этими вопросами применительно к периоду конца XIX — начала XX века в нашем Институте практически никто не занимается. А раньше было много специалистов. Этот процесс продолжается и сейчас; старшее поколение уходит, а замены нет. Я думаю, что это зависит не от самих ученых, а от отсутствия серьезной системы подготовки кадров — и в Академии, и на государственном уровне. Все пущено на самотек.

В.К.: Еще один вопрос о повседневной жизни: взаимодействие с руководством Института. Каким образом оно осуществлялось в советский период? Или Вы вообще не сталкивались с директором? Ваши впечатления о разных директорах.

Н.И.: Мои отношения с директорами строились преимущественно на официальной основе, хотя иногда приходилось решать и частные вопросы. Когда я поступала в Институт, директором был Аркадий Лаврович Сидоров, он принимал меня на работу. По моим представлениям, он был твердым человеком. Как ученого я его знала, так как читала труды и слушала выступления. Павел Васильевич Волобуев был более демократичным директором. Я его знала еще в годы работы по многотомнику, поэтому обращаться к нему было проще, он всегда шел навстречу. Позже Павел Васильевич выступал ответственным редакто-

ром одной из моих книг¹⁰. У Андрея Николаевича Сахарова было свое понимание ситуации. При нем целый ряд сотрудников ушли из Института. Но ко мне он хорошо относился. Во время его директорства вышли две моих книжки. Кроме того, я участвовала в коллективном труде, подготовленном под его руководством. Ну, а сейчас у нас директором Юрий Александрович Петров. Он крупный ученый с широким кругозором. Знаю это не понаслышке: поскольку мы занимаемся одним историческим периодом, я читала многие его работы, участвовала в коллективных трудах, написанных под его началом. Директор он демократичный, доступный, всегда откликается на просьбы. И вообще находится на своем месте.

В.К.: А Нарочницкий, Хромов, Новосельцев?

Н.И. Нарочницкий — своеобразный человек. Он занимался внешней политикой, был педант. Я больше знала его жену, поскольку мы работали с ней в одном секторе по написанию многотомника. Лидия Ивановна Нарочницкая была красивая, доброжелательная женщина, участница Великой Отечественной войны. А Хромов? Он как-то с советскими секторами больше контактировал. Мне к нему не приходилось обращаться, так же, как к Новосельцеву. В основном все вопросы решались через заведующих секторами. Конечно, каждый директор — особая личность, у каждого свои взгляды. Поэтому, если твоя работа не встречает противодействия, если книжка выходит вовремя, то считай, хорошо, а если лежит где-то пять лет, то плохо.

В.К.: Есть каверзный вопрос о различных оппозициях в Институте. Были ли люди не в фаворе у начальства? Инакомыслящие, может быть, диссиденты.

Н.И.: Были самостоятельно, творчески мыслящие люди. Например, Михаил Яковлевич Гефтер — умнейший человек, который вел методологические семинары, собиравшие много слушателей. Конечно, у него с начальством были разногласия. Александр Моисеевич Некрич (это всеобщая история) написал монографию о военных событиях в нашей стране в 1941 году, оценивая их по-своему — его не просто критиковали, но и уничтожили тираж книги, исключили из КПСС. Они не были дисси-

---

¹⁰ *Иванова Н.А.* Промышленный центр России. 1907–1914 гг. Статистико-экономическое исследование. М., 1995.

дентами, просто имели по научным вопросам мнение, отличное от официальных представлений, и уже этого было достаточно для всевозможных гонений. Выходили книги, которые подвергались иногда критике, устраивались их обсуждения. Например, Станислав Васильевич Тютюкин написал очень хорошую работу под названием «Война, мир, революция»¹¹. Там речь шла о позициях различных политических партий в условиях Первой Мировой войны — не только большевиков, но и меньшевиков и других. Евгений Дмитриевич Черменский написал на нее отрицательную рецензию. Мы в этой аудитории обсуждали, кто прав: Черменский или Тютюкин. Когда человек творческий писал что-то непривычное, что расходилось с официальной точкой зрения, это вызывало обсуждения. И всегда были люди, которые вставали на защиту, а другие — со стороны или «свои», — наоборот, поддерживали критиков, начальство или отдел науки ЦК.

В.К.: Некоторые коллеги вспоминали историю с Тарновским, у которого были проблемы с публикациями, с защитой докторской диссертации. Или Авреха, который считался очень свободомыслящим человеком и из-за этого нажил много врагов.

Н.И.: Конечно, Арон Яковлевич Аврех взгляды свои не равнял, всегда отстаивал то, что написал. Может, он и нажил врагов, но пользовался большим уважением в секторе, в Институте. Впрочем, у человека всегда есть и друзья, и враги, если он не просто усредненный, а личность.

А Константин Николаевич — да, ему предъявляли претензии, но не при защите. Защитился он очень хорошо, он вообще имел очень высокий рейтинг, как мы сейчас говорим, в научном сообществе. Претензии появились в ВАКе. Его работу посылали на отзыв четыре раза (!), добиваясь отрицательной рецензии. В основном замечания по аграрному вопросу. У нас считалось, что в Российской империи крестьянство обуржуазилось и вообще капитализм был высоко развит, а Константин Николаевич показывал, что это было не так. Не следует забывать, что Тарновский защищался по историографии, то есть он опирался на уже опубликованные работы (конечно, высказывая и свою точку зрения). Когда сейчас начинаешь все это вспоминать, думаешь — ну

---

¹¹ Тютюкин С.В. Война, мир, революция. Идеиная борьба в рабочем движении России 1914–1917 гг. М., 1972.

и к чему придирались? Очень много субъективного было в этой критике. А также затрагивались интересы высшего начальства, которое имело другое понимание проблемы. Тарновскому предложили исправить работу под определенным углом зрения, он с этим не согласился и забрал диссертацию из ВАКа. А вторую диссертацию он написал по совершенно другой теме — о революционном движении начала века, ленинской газете «Искра», и защитил ее. Но это потребовало целого десятилетия. Книга по материалам первой диссертации была издана под редакцией Волобуева только в 1990 году, уже после смерти автора¹². Она до сих пор является образцом историографического исследования.

В.К.: Вторая часть этого вопроса: были ли в Институте неформальные лидеры, моральные авторитеты?

Н.И.: Многие ученые, которые имели свое мнение, могли его отстаивать, много работали, писали труды, были неформальными лидерами. Но часть из них были и формальными лидерами, поскольку являлись руководителями научных подразделений или партийных, общественных организаций. Лидерами в Институте были, несомненно, А. М. Панкратова, М. В. Нечкина, А. Л. Сидоров, Л. М. Иванов, Л. В. Черепнин, В. И. Буганов. Позже — П. В. Волобуев, К. Н. Тарновский, А. М. Анфимов, А. Я. Аврех, Б. С. Итенберг, В. Я. Гросул и другие (советских секторов не касаюсь).

В.К.: Вопрос о юбилеях Института: они как-то широко отмечались, праздновались? Например, 50-летие Института в 1986-м?

Н.И.: Что-то давали нам: какие-то грамоты, кого-то награждали медалями, но не отложилось у меня в памяти ничего такого.

В.К.: Хорошо, теперь уже о 1990-х годах. Насколько я понял из предыдущих интервью, довольно резко изменилось положение самого Института, его сотрудников. Вы что можете сказать о том времени?

Н.И.: Да, другой совершенно этап. Главное — свобода мыслей, свобода мнений, все это очень чувствовалась. Возможность заниматься фактически любой проблематикой, темами, которые раньше не приветствовались: историей буржуазных партий, буржуазных классов, дворянства, предпринимательства — тем,

---

¹² *Тарновский К. Н.* Социально-экономическая история России, начало XX в. Советская историография середины 50-х — 60-х годов. М., 1990.

что прежде пытались заслонить трудящимися классами; политическими проблемами. Изменилась возможность публикации — стало можно опубликовать любую работу. Появились научные фонды. У них, конечно, имелись свои проблемы, но все же это было новое явление. В общем ситуация изменилась.

В.К.: А материально?

Н.И.: В 1990-е годы было очень тяжело. Я могу привести такой пример. Сотрудники нашего Центра собираются в этой комнате не только на научные заседания, но и отмечать разные праздники, юбилеи. Вот в 1990-е бывало, накроем столы, сядем, и через пять минут столы пустые. Такого у нас даже в советское время не было. Просто люди были элементарно голодными. Сколько это продолжалось — уже не помню, но было такое довольно долго.

В.К.: А как выживали в это время?

Н.И.: Выживали все по-разному. Я знаю людей, которые разводили породистых собак и продавали. Мы с мужем (он тоже был историком — царство ему небесное, работал вначале в ИМЛ, а затем в РУДН¹³) выживали за счет деревни. Вообще наша деревня — великая вещь, она всегда выручала, поддерживала простого русского человека. Мы в 1991 году купили в виде дачи дом в деревне — старый, но неплохой. Почему? У мужа пенсионный возраст подошел, и мы решили: летом где-то надо притуляться, отдыхать. И дом этот был в Тамбовской области — можете себе представить, как далеко: почти 500 км. Но там теплый климат и чернозем, на котором все очень хорошо растет. Селянам давали землю в пользование при условии ведения на ней сельскохозяйственного производства. Местные жители жили за счет нее и продавали то, что там собирали. Ну, и у нас такой огород был. За летние месяцы (а отпуска у нас большие) мы выращивали и собирали такой урожай на этом черноземе, что одаривали знакомых, друзей, родственников и всю зиму сами жили. Такой отдых был у профессоров — докторов наук. Так мы выжили. И не оставили своей профессии, а ведь многие ушли из науки.

В.К.: Не возникало у вас такого желания?

Н.И.: Нет, у нас такого желания не было. Во-первых, уже пребывали в почтенном возрасте, имелся большой кругозор,

---

¹³ Российский университет дружбы народов.

понимание научных проблем. Во-вторых, изначальный интерес к науке. И я, и муж любили свое дело. Поэтому мы никогда не пожалели, что могли поменять специальность, но не сделали этого. Остались в науке, выжили, и потом он еще долго работал, и я работаю до сих пор потому, что люблю свое дело.

В.К.: Есть мнение, что настоящий историк, профессионал — после пятидесяти, когда если не все, то многое знаешь и понимаешь.

Н.И.: Да, я думаю, что в этом есть большой смысл. Потому что всю жизнь накапливаешь знания, понимание проблем, чем больше знаешь, чем шире охват проблем, тем лучше понимаешь суть происходившего в истории.

В.К.: Занятие наукой как-то сказывается на восприятии мира, на характере человека?

Н.И.: Наукой вообще — сказывается, а вот исторической наукой — я бы не сказала. Мне кажется, что тут нужно говорить шире — о творчестве. Человек творческий или, скажем, ремесленник, который какие-то операции выполняет — между ними существенная разница. Существуют, конечно, различия между естественными и гуманитарными науками, хотя, возможно, и не такие глубокие, как мы себе сейчас представляем. Но разные гуманитарные науки между собой тесно связаны. Например, историческая наука связана с экономической, экономическая — с социологией, все они связаны с политологией и так далее.

В.К.: Касательно этой связанности гуманитарных отраслей — были ли у Вас, у коллег какие-то увлечения помимо науки? Допустим, искусство или что-то иное.

Н.И.: Конечно, очень многие увлекаются искусством, литературой, некоторые пишут стихи, это очень тесно все связано. Я одно время занималась живописью, видимо, мамины гены работали.

В.К.: Вот такой момент: история и политика. Как Вы считаете, политику можно отделить от истории, и наоборот?

Н.И.: Они очень, конечно, тесно связаны. Я уже говорила об идеологизации исторической науки — не только в Советском Союзе, но и за рубежом. Это только разговоры, что зарубежная наука полностью свободна от идеологии. Другое дело, какова степень этой зависимости. Это определяется многими факторами, в том числе зависит от личности ученого, от проблематики.

В.К.: А должен ли историк прислушиваться к мнению руководства страны? Или принял к сведению, но идешь своим курсом?

Н.И.: Это зависит от конкретной ситуации. Иногда мнение начальства бывает очень даже рациональным, нельзя его сразу отбрасывать только потому, что начальник сказал. Скажем, обсуждается твоя работа или доклад, кто-то сделал замечания, нельзя их не учитывать, во всяком случае, надо предварительно хорошо подумать.

А политическое мнение «сверху» больше опосредованно идет. Наверное, наш директор лучше чувствует и знает тамошние веяния. Скажем, начались события на Украине, у нас стали писать работы о Новороссии или о Крыме. Это полезно не только для науки, но и для широкой аудитории. Такая опосредованная связь, конечно, есть всегда.

В.К.: Что Вы можете сказать о современной ситуации в исторической науке? Внушает ли она Вам оптимизм или пессимизм?

Н.И.: Мнение у меня неоднозначное. С одной стороны, за годы «перестройки» наша историческая наука существенно продвинулась вперед. Выходит много хороших работ, и вообще наука поднялась на более высокий уровень. А с другой стороны, появилось много проблем, которые оптимизма не внушают. Я считаю, что у нас разрушено образование, и наука разрушена во многом... ФАНО, которое над нами поставили, это бюрократия, они не профессионалы. Каждым делом должны руководить профессионалы, понимающие его суть, тогда будет результат. Ну, а что же *они* могут делать? Брать отчеты с нас. Это, в основном, для галочки. Отчитаться можно, как говориться, в любой момент, а по сути они ничего не могут предложить.

Далее, финансирование наше. В советское время в Институте было где-то до 500 человек. Принимали молодежь, даже после ВУЗа, хотя аспирантура у нас всегда была маленькая. Потом начались распоряжения поднять заработную плату, но финансирование при этом не увеличилось. Так за счет чего поднимать? За счет сокращения штатов. Несколько десятков человек сократили, и так несколько раз, в результате сейчас у нас в Институте порядка 150 человек.

В.К.: 160 с чем-то.

Н.И.: Ну вот видите, Институт сократился почти в три раза. А что, наши заработки за счет этого поднялись? Нет. Ну, может

быть, у докторов наук. А молодежь разве может на такую зарплату существовать? Вот они и ищут: в ВУЗах преподают или гонорарные работы пишут, но это очень трудно совместить. Создали гуманитарные научные фонды, но там такое условие, что тема, которая идет через фонд, должна быть новой, не должна повторять плановую. Это что значит? «Мы вам дадим деньги, если вы сделаете двойную работу». Ну, и что, это способствует развитию? Я считаю, нет. Из молодых идут в науку чаще те, кого родители могут поддержать материально. А люди, которые действительно способны заниматься наукой, по финансовым соображениям к нам не идут. Они даже не идут учиться на историю. У меня есть знакомый, который хотел поступать на исторический факультет, где только ни занимался, и учился прекрасно, а в итоге пошел на менеджера, потому что так можно больше заработать.

В.К.: А что бы Вы изменили в организации исторической науки?

Н.И.: Наука должна самоуправляться, ею должны управлять люди, которые занимаются этой наукой. Должно быть планирование, скажем, по проблематике. Сейчас много мелкотемья. Вот мы говорили о связи с периферией. Раньше мы знали, что делают историки на периферии, а они знали, чем занимаемся мы. А сейчас часто ведь не знаем, работы могут дублироваться. Здесь должно быть планирование, информирование, чтобы знать, где что происходит. Должно быть государственное финансирование фундаментальной науки, и не по остаточному принципу. Крупные ученые должны иметь продолжателей своего дела, учеников. Иначе целые научные направления пропадают, их потом восстановить очень трудно. Об историческом образовании я уже не говорю: оно находится на более низком уровне, чем прежде. В университетах раньше многие преподаватели серьезно занимались наукой. А сейчас у них на это не остается времени. Они загружены до предела учебной работой, да еще и постоянно пишут отчеты. Творческой работой невозможно заниматься мимоходом.

Вместе с тем у нас есть крупные ученые, а попробуй им выбиться в членкоры и в академики! Сколько у нас таких было, редко кто смог подняться. Не потому, что не заслуживают, а потому что при выборах существует определенный барьер, условия и так далее. Поэтому многие не имеют учеников и не все могут

себя реализовать даже с формальной точки зрения. Например, существует звание «Заслуженный деятель науки». Да у нас таких деятелей много могло бы быть!.. Но этого трудно или невозможно добиться, хотя человек может всю жизнь заниматься наукой, признанный ученый и так далее.

В.К.: Необходимо повышать престиж науки?

Н.И.: Конечно, повышать престиж. Видно же, что человек много сделал, надо оценивать его по достоинству. В нашем кругу эта оценка есть, и раньше была, то есть мы своих коллег знаем, уважаем, признаем. Ну и государство, раз оно науку поддерживает, тоже должно. А наука, Вы же знаете, сейчас основа основ. Если ее не поддерживать, то на что мы будем опираться?

В.К.: А не получится ли так, что престиж науки попытаются повысить, а в нее пойдут дилетанты, искатели материальных выгод?

Н.И.: Те, кто хочет получить материальные выгоды, они их и сейчас добиваются, а настоящие ученые страдают. Кроме того, это вопрос насчет того, что делается с диссертациями сейчас. Все-таки раньше защищали диссертации специалисты, которые занимались наукой профессионально. А сейчас выходит на защиту много людей, не имеющих к науке никакого отношения. Еще один вопрос — о публикациях. Публицистические или журналистские работы всегда отличались от научных — в том смысле, что у них свой ракурс, свои методы. Но есть же работы, которые претендуют на научность, а к самой науке отношения не имеют.

Раньше было как: написал монографию, несколько основательных, серьезных статей — специалисты поймут твой вклад в науку. А сейчас требования растут: сначала надо было напечатать 5 статей в особых журналах, потом 10, теперь 15. Пишется монография, а потом делается из нее 10–15 статей. Но, извините, а новые мысли откуда? Они же не сыплются как манна небесная. Значит, повторяется в основном одно и то же. Я убеждена, что количественный метод оценки научной работы без учета ее качества не способствует развитию науки. Он вуалирует отсутствие новых мыслей и новых идей. Конечно, непрофессионалам из числа бюрократии проще подчитать число статей, чем вникать в их содержание, а тем более — определять новизну. Но положительного результата на этом пути не будет.

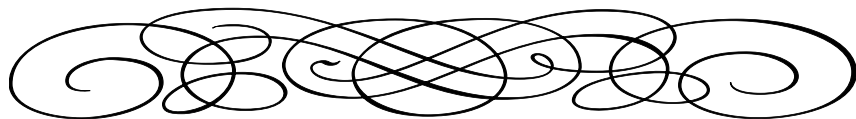
В.К.: Спасибо! Пожалуй, последний вопрос. Не раскаиваетесь ли Вы в выборе профессии? Выбрали бы ее, если бы была возможность заново начать?

Н.И.: Нет-нет, я нисколько не раскаиваюсь, наша наука очень многогранная, заниматься ей интересно. В жизни у каждого бывают трудности, сложные моменты. Иногда наваливаются проблемы, но придешь в библиотеку или в архив, откроешь книги или документы, углубишься в них — а там человеческая мысль заработает, и как-то все трудности отступают. А когда появляется свое понимание, становится еще интереснее. Нет, историческая наука очень интересная и увлекательная, но требующая постоянных размышлений, погружения в нее.

В.К.: Может быть, история это уход от реальности? Можно компенсировать получением знаний недополучение денег?

Н.И.: Нет, это не уход от реальности, это другое. Это стремление понять человеческое общество — может быть, самое сложное явление на земле, разобраться в том, почему в одной стране люди живут так, а в другой — по-иному. Это не уход от реальности, а наоборот, стремление понять реальность, нашу сегодняшнюю жизнь. И мы все приближаемся, и все не можем найти объяснение наших проблем. Так что нет, я не жалею нисколько по поводу своей профессии.

В.К.: Спасибо большое, Наталья Анатольевна!

Интервью с доктором исторических наук
Тамарой Юсуфовной
Красовицкой

Владимир Николаевич Круглов: Итак, сегодня 13 июля 2016 года, и мы берем интервью у Тамары Юсуфовны Красовицкой, доктора исторических наук, главного научного сотрудника Института российской истории. Тамара Юсуфовна, это время пика Вашей карьеры?

Тамара Юсуфовна Красовицкая: Ну, наверное, наверное. Сказать честно, насчет карьеры, если Вы имеете в виду должность, то более высокой должности я не сойду. Для меня это связано с зарплатой, которую полезно (и необходимо) получать, так что это вполне достаточная должность. Но разве она открывает тебе большие возможности для того, чтобы строить самому и быть самостоятельным в выстраивании и решении своих научных проблем? Да нет же, кто мешает младшему научному сотруднику решать эти проблемы? Помню, когда я пришла в Институт истории еще СССР, мне сразу поставили доклад, на который приехал с дачи покойный ныне академик М.П. Ким. Его просто заинтересовала моя тема. Хотя многие писали тексты в много-томники, куда меня, слава Богу, не звали. Научная должность не обременяла тебя никакими административными обязанностями. Вот это важно, потому что, я не знаю, как Вы, я никогда от них не получала никакого удовольствия, хотя дважды и пришлось, меня уговорили уйти на довольно высокий административный пост, но побыв там немного, я быстро ушла назад в Институт истории.

В.К.: То есть Вы человек науки.

Т.К.: Я надеюсь. Я люблю исследование, работу в архиве, в библиотеке, можно сказать. У меня плохо получается с кем-то кооперироваться. Ну, может быть, это еще и потому, что у меня такая тема: ее специфика... Иногда не могут понять, как я могу заниматься всеми национальностями, проживающими в России, это довольно широкий охват. Но проблема в том, что, подробно о каждом этносе, как это делают те, которые специализируются на таких исследованиях, я не пишу, из Москвы это трудно, хотя я была во всех местах проживания этносов (кроме чукчей, к сожалению). Но я и не искала долго свою нишу. В этом мне помогла студенческая архивная практика. Это первое. Второе. Я поняла, что очень многое лучше понять, если привлечь исследования других наук, например, культурологии, филологии, лингвистики, педагогики. Для историка культуры это дает любопытный результат: ты больше понимаешь суть того, что происходит, когда еще изучаешь архивные документы, исторические факты. В такой их совокупности в фокус попадает многое, что объясняют пограничные научные исследования. Все как-то укладывалось в логически правильный путь, когда я собиралась «соскочить» с него на путь неправильный — я же совсем не мечтала стать историком, — то как-то жизнь и окружающие люди меня возвращали на правильный путь.

В.К.: Сейчас Вы поднялись уже до осознания этих научных исторических, научных тенденций. А вот как Вы пришли к тому, чтобы стать историком? С чего все начиналось?

Т.К.: «Осознание» — это сильно сказано... Но это очень интересная история...

В.К.: Или, может быть, Тамара Юсуфовна, это родители повлияли? Кем были Ваши родители?

Т.К.: Кстати, вот и зафиксируем. Мои родители из разных национальностей, и те разногласия, что бывали у них, и были первым доказательством, что люди из разных этносов по-разному понимают те или иные события и факты. Вообще, у меня есть воспоминания, они опубликованы в историческом вестнике РГГУ¹. И там я рассказываю о своем детстве, о том, как познакомились мои родители. Они встретились абсолютно случайно.

---

¹ Красовицкая Т.Ю. О детстве, минах и многом другом // Новый исторический вестник. 2004. № 1. С. 175–200.

Мама моя – блондинка с роскошными косами с Украины, из города Луганска. Началась война, и маму тут же забрали в НКВД. Почему? Потому что у нее был красивый почерк. Она выписывала всякие документы. Когда немцы стали подходить к Ворошиловграду², маму с каким-то энкавэдэшником и безумно, как она говорила, секретными документами посадили на конную повозку и отправили в эвакуацию. Ну, мама – городская девочка, которая никогда, наверное, до этого ни на каких ни лошадях, ни на повозках не каталась.

В общем, они отъехали от города, тут началась бомбежка, а мама моя очень боится грозы. Бомбежка для нее такое же страшное дело. Кони понесли, мама оказалась в каких-то лопухах, репейнике... Ну немцы пролетели, она начинает свои косы вытаскивать из этого репейника. А немцы заходят второй раз бомбить. Ее и сбил с ног какой-то военный, это и был мой папа. Папа нашел энкавэдэшника, нашел эти «страшные» секретные документы, которые с конем куда-то там разлетелись, нашел повозку, посадил на нее маму и переправил ее через Дон. А это та страшная переправа. Мама поехала дальше в эвакуацию, а папа пошел дальше воевать. Ничего особенного для войны, таких случаев было немало.

А теперь другая сторона моей родни: это мой папа. Он карачаевец, из довольно известного рода, из образованной семьи. У них много людей, которые занимались культурой, и сейчас много моей родни занимаются искусством, литературой. А он окончил Институт советского права имени Стучки, первый карачаевец, окончивший его. Потом он работал в Кисловодске, который одно время был столицей Карачаевской АО, потом пошел на фронт, а потом сами понимаете, что было с карачаевцами – их стали высылать. Но ведь тех, кто был в армии, их не изымали, отец дошел до Вены, освобождал Будапешт. Он понимал все-таки, что происходило на Кавказе. После войны он появился у мамы в Луганске, уже, конечно, никакой не офицер. Мама вернулась из эвакуации, она, по-моему, в Иркутске была. И вот интересно, это же тоже подталкивает к изучению проблемы: кто спасал тогда папу уже от своих энкавэдэшников. Он приехал с военным билетом, ему надо было получить паспорт. Поскольку мама до сих пор

---

² Теперь – Луганск.

с красивым почерком работала в управлении НКВД, тогда уже в ОВИРе, то они с начальником просто ему выписали паспорт, изменив пресловутую «пятую графу»: никакой он не карачаевец, а вовсе даже аджарец. И все, проблему сняли.

Естественно, он не мог уже работать на постах в соответствии со своим образованием. Он очень хотел, чтобы я была врачом, уж точно не историком. Да я, собственно говоря, и не собиралась им становиться. У меня, единственное, была привычка: я читала безумно много. Помню, однажды он меня поймал, где-то в классе шестом, наверное, я читала Бебеля «Женщина и социализм». Поскольку он человек грамотный, спросил: «А ты что-нибудь тут понимаешь?». Я сказала: «Понимаю». Позже, правда, прочитала и подумала: «На что ж я в детстве-то время тратила?». У отца была полная свобода на чтение, но контролировала чтение мама — она очень боялась, чтобы я не читала любовные романы. Поэтому какие-то детские вещи, в которых, не дай Бог, были девочки и мальчики на одной странице, изымались. Как сейчас помню, я принесла Бальзака «Госпожу Империю»³. Империя у мамы подозрения не вызвала, но на обложке тетка была в какой-то ночной рубашонке. И тут мама со своей цензурой на меня наехала, но отец сказал, чтобы она прекратила (*смеются*). Дальше я уже читала все, что хотела читать.

Вот так оно шло. А мы жили в Луганске. Дело в том, что мама нашла кавказских родственников, и мы переехали туда, когда они вернулись из высылки, в году, наверное, 1960-м. Там я, конечно, выделялась из детей, которые учились в школе. Школа на Украине была гораздо лучше, знаний давали гораздо больше. Да и читала я намного больше, и мне в новой школе стало абсолютно неинтересно. Как-то на «картошке» я поняла, что не только никто из моего класса не читал «Овода»⁴ (что-то я сказала о Джемме, дети меня осмеяли), но и учительница (по литературе!) «Овода» не читала (как выяснила вскоре, не читала полностью и школьную литературу, только хрестоматию), и из примерных и любимых я перешла в разряд «городских». Учиться я любила — но куда деваться?

В.К.: Это какой класс был?

³ Речь идет по повести О. Бальзака «Красавица Империи» (1834).

⁴ Роман английской писательницы Э. Войнич (1897).

Т.К.: Это я заканчивала седьмой класс. Как раз семилетку закончила. А папа мечтал, чтобы я была хирургом. Я папу любила, и пошла в медицинское училище. Я всегда любила учиться всему, и до сих пор учусь и люблю учиться, учу и люблю учиться. Поступила в это училище, хотя это было довольно непросто — большой конкурс. Всегда лезла впереди врачей: надо перевязывать — я, надо ассистировать — я, операции, роды принимать — я. Я приняла 25 родов.

В.К.: Да Вы что!

Т.К.: Да.

В.К.: Даже поработали по специальности?

Т.К.: Нет, это в студентках. Но на одних из родов я сломалась. Они были такие тяжелые, роженицу вытащили, ребенок погиб, а я-то, ассистируя, упала в обморок. И все, поняла: я не врач, не смогу врачом работать. Я заканчивала на «пятерки», спокойно поступила бы без всякого конкурса в медицинский институт. А что же теперь делать? Девочка, без аттестата зрелости.

Нашла сама какую-то заочную школу, за полгода прошла все — математику, тригонометрию, быстренько сдала за восьмой, девятый, десятый класс за полгода. Открывала школьный учебник, решала все задачи, приходила в школу и предъявляла свои работы. Между прочим, когда стала заниматься историей образования, поняла, что эта самостоятельность за полгода меня приучила никогда ни за кем не следовать, вот никогда. Я волк-одиночка, всегда ищу какую-то свою линию анализа, поэтому часто и не понимают вообще, чем я занимаюсь... В общем, короче говоря, аттестат получила, поехала к бабушке на Украину, и там с каким-то познакомилась парнем, в него влюбилась...

В.К.: Ну как обычно бывает.

Т.К.: Как обычно бывает. А он учился в Харьковском авиационном институте. И я, конечно, как все девчонки, сейчас понимаешь, над чем дети мучаются, как они не могут выбрать себе профессию, думаешь, Господи, что там в 17 лет можно выбрать? Что ты там понимаешь! Короче говоря, я поехала поступать в Харьковский авиационный институт. Но на подъезде к городу Харькову мне пришло в голову, что не сильна я в математике, да и скучное это дело: какие-то формулы, таблица логарифмов, не считаешься, короче. А что делать? Тогда я быстренько полистала «Справочник для поступающих». Ну куда ехать? После

Харькова надо ехать в Москву. Вышла в Харькове, докупила себе билет и приехала. А куда в Москве? В Москве надо идти в МГУ, все провинциалы поступают туда. Пришла в МГУ, документы у меня с собой. Посмотрела на конкурс, там был конкурс шесть (!) человек на место. Нет, не поступлю. И спрашиваю: «А где вот тут еще, чтобы история была?». — «Это вот вон там, Историко-архивный, через площадь».

Пришла в Историко-архивный. Были последние часы, когда еще принимали документы. Я думала: «Какой-то архивный, какие-то архивы, ну кто туда пойдет учиться? Я сначала поступлю (домой возвращаться неинтересно и неудобно, надо начинать учиться тут), а там будет видно». Быстренько отдала документы, как сейчас помню, у меня принимала их Ирина Станиславовна Сандомирская, мама Тани Горяевой, которая сейчас директор РГАЛИ⁵, мы с ней когда-то вместе работали во ВНИИДАДе⁶. Ирина Станиславовна говорит: «Иди быстро готовься». Я все сдала, получила «пятерки». Поступила, и только потом узнала: конкурс был 26 человек на место. Это известные годы, когда Историко-архивный вообще бил рекорды по поступлению, 1960-е, когда архивы открывались, когда из Института истории приходили читать нам потрясающие лекции. Закат Хрущёва, еще не сильно нажимал «брежневизм». Вот так я оказалась в Историко-архивном институте.

В.К.: То есть во многом случайно.

Т.К.: Абсолютно случайно. Но... я попала в руки Людмилы Марковны Зак. Она читала у нас на третьем курсе историю СССР. Я уже вышла замуж и родила дочку. Пришла на семинар к ней тогда, когда все темы докладов были распределены. У всех темы были хорошие: про Вавилова, про театр, помню, Маринка Смирнова писала про любимовский театр на Таганке — ну то есть потрясающие темы по истории культуры. А мне достался сборник по культурному строительству в Чувашии. До сих пор ко мне очень хорошо относятся в Чувашии, когда я им это рассказываю, это была моя первая курсовая работа. И сборник по культурному строительству в Казахстане. Вы же знаете, тогда начали выходить

⁵ Российский государственный архив литературы и искусства.

⁶ Всероссийский научно-исследовательский институт документоведения и архивного дела.

эти сборники, была в АН СССР главная редакция по истории культурного строительства в СССР, были и другие редакции — по кооперации, по истории рабочего класса, по Октябрьской революции, издавались серийные большие сборники. Издавались документы в республиканском, в союзном масштабе. Вот я и начинала с того, что писала курсовую работу по содержанию двух сборников, а стала членом главной редакции этой серии. Как-то эта ниточка протянулась...

Но тема курсовой мне очень не нравилась. Где эта Чувашия, что за Казахстан, какой-то сборник непонятный, что с ними делать, документы одни и те же. Ну ладно, что-то же надо как-то написать, все уже с докладами выступают...

В.К.: А можно было попросить заменить тему?

Т.К.: «Нет, занимайся этим, и все, тем больше у меня нет». Ну можно было бы, наверное, как-то понять, но я никогда этим не занималась. Посмотрела, что это за сборники, чем они отличаются. Они отличались только одним. В одном сборнике был именной указатель с развернутым рассказом о людях. Вот кто-то подписывает документ — и можешь прочитать, кто это такой. А в казахском сборнике люди были сняты. Кто подписывал — председатель Совнаркома или нарком просвещения. То есть указана функция, а человек за ним — неважно кто. Кто такой нарком просвещения в Казахстане в эти годы? Кто, скажите мне эту фамилию. Вот я решила эту историю выяснить. Сжав зубы, думаю: «Пойду в архив».

В архив я уже ходила, причем в ЦГАДА. На семинаре по источниковедению мне дали тему: разобраться с отличием в содержании архивного текста декретов Петра о денежной реформе с опубликованным в ПСЗ РИ⁷. Это вообще можно было снимать кино. Конечно, я еще не умела читать старые тексты, да и тексты старых законов не понимала. В читальном зале ЦГАДА какой-то парень мне помог что-то понять и дрожащим голосом я что-то пробормотала Е. И. Каменцевой, чем очень ее восхитила, она такой прыти не ожидала. Но на экзамене все равно «неуд» поставила, на мой взгляд несправедливо. За яркий маникюр. За этот маникюр мне «неуд» поставила на экзамене по Средним векам и Ф.А. Коган-Бернштейн. Все знали, что Ф.А. не любит девчонок

---

⁷ Полное собрание законов Российской Империи.

с ярким маникюром, и говорили: «Сотри!». Но я торопилась на свидание с будущим мужем. И нарвалась. А между прочим, если на тот период я что-то хорошо из Средних веков и знала, так это крестовые походы, мне они и достались. Но я почувствовала, что Фаина меня не любит, и тоже ее невзлюбила. Как-то пересдала потом.

Каким-то образом я ворвалась в ЦГАОР, там лежали личные дела сотрудников Наркомнаца⁸. Как мне дали личные дела, которые не полагалось выдавать исследователям? Потом я, кстати говоря, многие из них опубликовала, у меня есть книжка «Национальные элиты»⁹. Так я выяснила, кто эти люди, которые подписывали документы. Это уже третий курс! Ну, в общем, судьба у них, тогда уже понятно было, невеселая. Документы мне давали с большим скрипом. Потом позвонили: «Пришла вот, Людмила Марковна, Ваша и что-то требует. Ну мы ей, дела, конечно, дали, но Вы там последите, чтобы она не то, не это». Я докладывала эти свои изыскания на семинаре, и мама Зак сказала: «Ну, поведение у тебя, конечно, нахальное, но взгляд острый, поэтому приходи ко мне писать дипломную работу». — «Отлично». А я очень хотела историей культуры заниматься.

Договорились, что я буду заниматься историей ГИТИСа¹⁰: искусство, театр, Луначарский, Станиславский, даже Немирович-Данченко! Вы даже не представляете себе, как хорошо когда-то нас учили в Историко-архивном институте. Все эти прекрасные лекции, которые нам читались. Многие лекторы (из Института же истории АН!) рассказывали то, что ни в какой высшей школе не рассказывали, мы многое чего уже понимали. Ну и они понимали, что мы ходим в архивы и нам лапшу на уши вешать не надо. Но если кто-то и пытался (был у нас по научному атеизму, потом директор ВНИИДАД¹¹), его аудитория осаживала.

⁸ Народный комиссариат по делам национальностей РСФСР (1917–1924) – государственный орган, ответственный за проведение в жизнь национальной политики советского государства.

⁹ *Красовицкая Т. Ю.* Национальные элиты как социокультурный феномен советской государственности (октябрь 1917–1923 г.). М., 2006; *Красовицкая Т. Ю.* Национальные элиты как социокультурный феномен советской государственности (октябрь 1917–1923 г.): документы и материалы. М., 2007.

¹⁰ Государственный (ныне – Российский) институт театрального искусства.

¹¹ Имеется в виду Александр Павлович Курантов (см. Именной указатель).

Но у нас были еще скучнейшие, казалось, курсы всяких теории и практики архивного дела, истории и организации архивного дела. Мы только потом поняли, как они важны для профессии историка.

В.К.: Прежде считалось, что готовят главным образом историка, потом уже архивиста.

Т.К.: Нет, нет, нет! Дело в том, что в Историко-архивном институте этого было поровну. И главнее был все-таки архивист. А исторические дисциплины это как бы цветочек, вишенка на торте. Понимаете, если будешь хорошо знать архивное дело, то сможешь читать лекции, как Сигурд Оттович Шмидт, как Н.П. Ерошкин, как читала мама Зак, ее докторская диссертация до сих пор не опубликована из-за данных по процессам 1937 года среди рядовой интеллигенции. Со Шмидтом мы планировали ее издать, но в архиве ИРИ РАН ее (как и другие!) выбросили, дома у нее дочка тоже не сохранила. А пока продумывали, как извлечь ее из Ленинской библиотеки, Сигурд Оттович умер. Думаю еще над этим. Т.П. Коржихина начитывала как горячие пирожки спецкурс по административной системе. Вот так складывалась дорога, еще пока тонкая тропочка — очень правильно. Большую роль сыграла практика в архиве на полгода.

В.К.: Это между курсами?

Т.К.: Нет, это был второй семестр четвертого курса. Такого сейчас, увы, нет, а надо бы. Я шла в ЦГА РСФСР (на Бережковской, ныне часть ГА РФ), зная, что пишу диплом у мамы Зак, и что там лежит фонд Наркомпроса с материалами по мечтаемому ГИТИСу. И думаю: «Сейчас я на практике быстренько что-то поделаю, а в основном-то буду себе набирать материалы по ГИТИСу».

Начинается практика, нас устроили в отдельную комнату, и в ней в углу стоят... мешки. В них оказались документы. Тут и появляется мама Зак. Думаю: «Наверное, она мне хочет дать последние наставления по поводу того, как я буду изучать материалы по ГИТИСу». Но тут объявляется: никакого ГИТИСа не будет. А будет то, что в углу в нескольких мешках, и это те документы, которые являются структурной частью Наркомпроса, которые недавно передали из ЦГАОР СССР. А был такой период, когда архив Российской Федерации выделялся из ЦГАОРа. Вот когда я встретила с сюжетом из моей последней, десятой

монографии. Была длительная тяжба (!) за то, какие фонды получает российский архив, только-только созданный. Ранее ЦГАОР забрал себе все. И когда создали ЦГА, надо было часть фондов учреждений РСФСР передать туда. А ЦГАОР ничего ценного отдавать не хотел. Во всяком случае, за фонд Наркомпроса они держались очень крепко, потому что это очень интересный фонд. Но, в конечном счете, часть фондов до 1922 года они передали РСФСР уже с описями, все как полагается. Но была одна структурная часть Наркомпроса, которая занималась национальными проблемами. Вот эта россыпь документов была кое-как напихана в мешки и описывать их никто не хотел. В читальный зал эти документы не просят. Почему? Потому что в исторической науке в это время главенствовала другая установка: все писали диссертацию о советском народе как новой исторической общности, брежневская эта концепция... В Институте истории строчили монографии и диссертации по этой общности. Проблемы казались давно изжитые-пережитые, и все, не надо их ворошить. Но и документы нельзя выбросить, потому что они относятся к «запретным датам» с 1917 по 1922 год. Из этого надо сформировать опись, а может быть даже и фонд, поставить на государственный учет и подготовить к использованию. А там уж спрашивают их из читального зала, нет — неважно, да и не всегда то, что запрашивают, выдадут, даже и не из секретных дел. Архивного сотрудника бросить на полгода на эту работу жалко. А вот же студенты... И вот, она сказала: «Ты и будешь заниматься этим».

Если бы кто-нибудь видел, как мы шли с ней по Бережковской набережной, как я рыдала в голос! Мы дошли с ней на Садовую-Черногрязскую [улицу], дальше все это продолжалось на ее знаменитом угловом диване. Я ей: «Нет, я буду ГИТИСом...». Она мне: «Нет, и все. Этими мешками ты будешь заниматься всю свою жизнь, а из истории с ГИТИСом, может быть, получится одна статья, там и без тебя уже много старателей».

Вы понимаете, что такое опытный педагог + историк-исследователь, это надо отметить. Я стараюсь, конечно, этому научиться, но так, как она, не умею. Во-первых, она всегда знала много о студенте, знала его историю. Потом, она понимала, что я свою жизнь жила по-своему, где-то по-детски, где-то по-юношески, где-то во взрослом состоянии, уже вышла замуж. Во мне и русская мама, и карачаевец-отец, и еврейский муж, это

все в этих бумажках, что в мешках, и там я буду всю жизнь искать ответы на то, кто я такая есть. Она угадала абсолютно точно, сколько лет я занимаюсь, я все время отгадываю эту задачу.. Конечно, не на личном примере, но и он помогает.. Читая источники, читая исследования других на эту тему, я понимаю — вот это меня задевает, я это переживала, для меня это важно, это имеет какой-то смысл, ценность, значение. И так я выстраиваю свои исследования.

В.К.: То есть это еще момент рефлексии такой?

Т.К.: Конечно, это не только процесс аналитики, прагматики ученого, это момент собственной рефлексии, когда ты понимаешь: «На эту сторону не надо обращать внимания, а вот это очень важные вещи».

Итак, раскладывая отдельные бумажки по сюжетам, по делам, по годам, я сделала архивную опись. Сейчас ни один человек, который занимается национально-культурными вопросами, мимо этого фонда не проходит. Этот фонд «Совнацмен» — Совета по просвещению национальных меньшинств — во всех диссертациях указан.

В.К.: То есть это Ваш вклад в архивное дело.

Т.К.: Знаешь, я хочу сказать, на самом деле, это главный мой вклад в историческую науку. Кто-то напишет, может быть, лучше меня, кто-то тоньше посмотрит на эту проблему, но то, что эти документы не выбросили, подготовка их к введению в историческую науку — это моя работа... Но там тоже, когда их вводили, все говорили: «Зачем это нужно, давайте экспертизу сделаем, выбросим это, ну кому это надо?». Но видишь, оказывается, это надо, и все больше надо. До сих пор на многие вопросы нет должного осмысления, должного анализа и должного описания.

В.К.: Спасибо! Есть еще блок вопросов именно об Историко-архивном институте. Вот преподаватели. Вы уже перечислили некоторых, но кто особенно запомнился, произвел впечатление? Может быть, столкновение с кем-то из преподавателей, ученых изменило взгляд на что-то, заставило задуматься? Повлияли ли старшие?

Т.К.: Знаешь, во-первых, влияли, конечно, все. Мы заканчивали при ректоре Никифорове. Он был бывший дипломат, тонкий, эрудированный, отличался от последующих ректоров института. Он отбирал всегда тех лекторов, которые сами были исследова-

телями. У нас практически не было учителей, которые бы читали по бумажке, все время долдоня одну и ту же историю. Они меня, между прочим, тоже к этому приучили, я не могу читать лекцию дважды одинаково. То есть я знаю свою тему, но примеры могут быть другие, аспекты могут тоже меняться, часто ассоциации идут от событий за окном.

Всегда было интересно слушать наших профессоров, потому что как мог читать артистично Шмидт! Сегодня он читает только одну вводную лекцию, а тогда же он нам читал полный курс истории России. Или как, допустим, историографию читал В.Е. Иллерицкий — прекрасно читал ее. И потом все преподаватели нас понуждали очень много читать. Сейчас на меня многие студенты обижаются — пять монографий обязательных? Кто-то сказал: «Как это пять монографий, это же тяжело им прочитать». Я говорю: «А дети-то сюда шли зачем? Что они будут делать, если книжки читать не будут?». Стыдно было не читать до десяти часов вечера в «Историчке».

В.К.: То есть скидки на возраст не было?

Т.К.: Ну а какой там возраст? Вы пришли в институт, это не средняя школа. Закончились лекции — и пожалуйста, будьте любезны, в Историческую библиотеку. Или в архив. Я помню, пришла в архив первый раз, меня прислала Каменцева Елена Ивановна, с которой у нас отношения, надо сказать, не сложились. Она меня очень не любила, потому что засекла на Стромынке курящей и с маникюром. Это был тихий ужас. Она потом ходила и говорила Зое Сторчевой (сейчас Водопьянова): «Не дружи с ней, она курит». Бедная Зойка, до сих пор мне рассказывает, как Каменцева меня не любила. Хотя, надо сказать, за то, что она меня послала в ЦГАДА, я ей благодарна все-таки. Потом она забыла, что меня не любила, мы с ней вместе оппонировали диссертации уже (*смеются*).

В.К.: Увидела, что Вы состоялись как исследователь.

Т.К.: Да я думаю, что она забыла. Господи, сколько проходит студентов-то мимо! Помню, на первом курсе писала доклад по денежной реформе Петра I. И она сказала, что вообще-то есть ЦГАДА, и в этот фонд надо идти. Когда я пришла в ЦГАДА, первокурсница, и заявила, что хочу посмотреть документы по реформе Петра I, по-моему, весь ЦГАДА заплакал просто горячими слезами. Потому что ты же еще не умеешь читать эти все доку-

менты (*смеются*), не умеешь скоропись читать, и, между прочим, этот петровский алфавит тоже не больно читать-то можешь. Но какие-то они мне документы дали. Потом я занималась с этим сводом законов, смотрела. Что-то пролепетала. И это ей дело понравилось, но поскольку я явилась к ней на экзамен с непозволительно ярким маникюром и длинными ногтями, ну еще и курила, я и получила «двойку». И она меня выкатила вон. Потом я пересдала, «трояк» она мне поставила. Ну это такие, студенческие вещи, которые потом вспоминаешь с каким-то умилением, как, допустим, меня Ерошкин поймал со шпорой тоже. Потому что ну шпаргалят же все. Потом ты же понимаешь — как эту телефонную книжку выучить?¹² Изготавливали сообща «поддержку». А он лютовал... Ну, известно, что его жена 17 раз ходила к нему, передавать.

В.К.: Да, слышал.

Т.К.: Эта байка-то до сих пор ходит по университету?

В.К.: Да-да.

Т.К.: Ну шесть-семь-восемь раз передавать, это просто нормально. С первого никто не сдавал... Ну и невозможно сдать, потому надо знать историю для того чтобы понимать логику выстраивания госаппарата, а он тебе нужен, потому что ты без этих знаний в архив не войдешь. Когда ты знаешь госаппарат, ты в архиве хозяин. Когда ты его не знаешь, то ты будешь приставать ко всем, всем будешь морочить голову, и ты по своей теме ничего путевого не найдешь. Это базовые знания. А Николай Петрович был, конечно, знаток своего дела великолепный, у него тогда даже учебника не было, по которому вы учились, у нас были лекции. И я помню, всегда, когда кто-то шел, ему давали шпору, он входил, выходил, передавал. Я пришла, а Вася мне Ильин: «Дай мне эту шпору, дай мне эту шпору». И я... достаю эту шпору, а она — вш-ш-ш... (*смеются*). Ерошкин говорит: «Соберите аккуратненько и уходите». Смешные вещи были.

Были преподаватели, которых мы... ну любили — это не то слово. Ко всему прочему, мы их просто уважали как профессионалов, и ходили за ними «хвостиком». Попасть к тому или иному историку писать дипломную работу за честь считали. А были

---

¹² Имеется в виду курс по истории дореволюционных государственных учреждений, который читал в МГИАИ Н.П. Ерошкин.

преподаватели, которых мы не любили. Я помню историю безобразную, связанную с чешскими событиями. У нас была такая девочка из Ельца, с не очень хорошим характером и не очень контролирующая себя вообще, экзальтированная. Было комсомольское собрание, уже начало пятого курса, все не платят взносы, на собрания не ходят. «Какие же вы комсомольцы?!», и все такое прочее. И сидит она (я не буду называть ее фамилию) и говорит: «А в это время, между прочим, наши танки в Праге давят женщин и детей»¹³. Где она это услышала, не особенно понятно, но рядом на Красной площади, помнишь: «Сможешь выйти на площадь?»¹⁴. Словом, давить не давили, но войска ввели. И сидел у нас (не буду тоже называть), наверное, его уже и нет в живых. Он встрепенулся. Читал у нас курс «архивы КПСС» — очень неинтересно после прекрасного курса Ивницкого из Института истории. Ну, мы сразу: «Что ты говоришь! Нет!». Ну ладно, как-то закончилось это несчастное собрание, решили: бывает. А педагог побежал прямым ходом в райком партии.

Началось расследование. Из Свердловского райкома и ВЛКСМ, и КПСС пришли: «Что это такое у вас происходит?». Собрали нашу группу. Я помню Зою Сторчеву, говорю: «Придется сказать неправду, что этого не было, Зоя, ну надо». И, помню, сидел Толя Красавин из нашей группы. И, значит, — как вы могли, советский интернационализм, всякая прочая такая. А Толя, парень из рабочей среды, отличник, он нас «свиристёлками» называл, вообще ни за что не считал: мы все очень невдумчивые, несерьезные, он вообще был членом партии, а мы — с этими маникюрами, в мини-юбках. В общем, он нас в строгости держал. Но у нас с ним были очень хорошие отношения, он меня любил. И он смотрит на весь этот президиум и говорит: «Вот сижу я тут, на вас смотрю и думаю: что бы, глядя на вас, Владимир Ильич Ленин сказал?». Народ похолодел...

В.К.: Неожиданный ход.

Т.К.: Он сказал, что, дескать, ну что вы тут делаете... С человеком надо встретиться, поговорить, выяснить, что танки не да-

---

¹³ Имеется в виду «операция Дунай» — ввод войск стран Организации Варшавского договора в Чехословакию в августе 1968 г. с целью пресечения проводившейся партийным руководством страны политики реформ.

¹⁴ Строка из «Петербургского романа» А. Галича (1968).

вили, объяснить вот все дело. Все-таки мы уже пятикурсники. Мы все говорим: «Она такого вообще не говорила». Все же идет на фоне того, что преподаватель говорит: «Говорила», а группа, комсомольцы: «Такого не было, такого не было». И все понимают: это круговая порука, спасают девчонку. Таким образом мы ее спасли. Потом заменили его (он был у нас «классной дамой» в этот год), дали нам другого преподавателя.

Вот такой случай у нас был. Хотя в основном, мы, конечно, жили и учились в хорошее время. Наш ректор, Никифоров Леонид Алексеевич, не допускал разбирательства со студентами. Он бы взял бы ее в кабинет, поговорил и все бы объяснил, никуда не бегал бы жаловаться. Но пришел уже Мурашов (позор, я даже не помню, как его зовут, а он, между прочим, мне диплом подписывал и вручал!), сталинист, очень злобный. Из-за него у нас были очень тяжелые защиты. Во-первых, у нас учились дети репрессированных, их в МГУ не брали.

В.К.: То есть для них МГИАИ был одним из немногих институтов, где можно было получить образование.

Т.К.: Из гуманитарных один из немногих. А они, конечно, хотели заниматься гуманитарными науками, историей. Да и Красная площадь же рядом, там все диссидентские дела начинались, и мы, конечно, туда бегали смотреть, что там происходит...

В.К.: Вот Пётр Якир, считается...

Т.К.: Дочка его училась у нас, она была, по-моему, года на два моложе нас, а у нас на курсе училась Таня Кадыкова, дочка Галины Серебряковой. Помню, на защите он ее просто уничтожал. Мама ее была женой Сокольникова и Серебрякова, отсидела свое. Таня писала дипломную работу о Декрете о земле, эсеры и т.п. Не хочу называть фамилии научного руководителя, который сидел, вжав голову в плечи, и ее не защищал. Естественно, мама Зак начала предпринимать меры, я-то в своей дипломной работе, конечно, писала, как товарищ Сталин-то ошибался и многого не понимал. У меня вся дипломная работа была построена на том, как он не понимал смысла нахождения специфических структур управления культурой в его Наркомнаце. Ну и, конечно, используя документы, над которыми так страдала на практике. Я и сейчас эти студенческие оценки не меняю. Но Людмила Марковна поняла, что мимо такой дипломной работы Мурашов не пройдет. Что делать? Понятно, что он меня закопа-

ет... Меня она в свои планы не посвящала. Все-таки дистанция профессор-студент сохранялась всегда.

Получилось так, что когда подошел мой период защищаться, кто-то Мурашова позвал к телефону. Прибежала секретарша: «Вас к телефону». Он пошел разговаривать, а это довольно далеко от его кабинета до знаменитой шестой аудитории. За это время я доложила свою работу, ответила на все вопросы, выступили два (!) оппонента, я начала в заключительном слове благодарить всех, начиная от членов кафедры до ректората, оппонентов. И, в общем, защита закончилась. И вернулся Мурашов. Все, со мной он ничего не мог сделать.

Потом я поняла, что звонил Ефим Наумович Городецкий, который у нас в институте не преподавал, но когда-то работал в отделе науки ЦК ВКП(б), а Мурашов это знал, как и понимал и порядок вещей, и субординацию. Историю мамы Зак и Городецкого все знают, они любили друг друга на протяжении десятилетий, уже в 1970-е годы поженились. Мама Зак попросила его «выручить». Пока Городецкий Мурашову что-то рассказывал, я защитилась.

Разные были преподаватели, люди есть люди. Кто-то бросался защищать студентов, кто-то их предавал... Все слишком хорошо помнили, чем это могло для них лично закончиться. Не все брали на себя такую ответственность — защищать студентов.

В.К.: А какие были отношения с другими гуманитарными ВУЗа-ми? Были ли, во-первых? Во-вторых, доводилось слышать, что студенты исторического факультета МГУ относились к студентам Историко-архивного немножко свысока. Вроде как эти в основном архивисты, сидят в архивах, изучают архивы, это сильно, а историческая часть у них не очень, а вот у нас фундаментальная историческая подготовка. Что-то такое было?

Т.К.: Во-первых, все, кто учился в Историко-архивном институте, никогда не завидовали тем, кто учился на истфаке МГУ. Наоборот, *мы* смотрели на них свысока. Почему? Потому что уже тогда понимали: из исторических курсов, которые у них тоже читали прекрасные преподаватели, что я могу сегодня использовать? Практически ничего. Потому что поменялась власть, ушла прежняя идеология, и все исследования исторические стали строиться совершенно другим образом. Ценность лекционных курсов МГИАИ заключалась в том, что профессора рассказы-

вали, как они исследуют проблему. А в МГУ учебные курсы наполнялись методологической базой, выпускников, как правило, готовили для обкомов партии.

А вот в аспирантуру Академии наук институтов истории СССР и всеобщей истории как раз старались брать выпускников Историко-архивного института, потому что знали, что мы знаем архивы. А если мы знаем архивы, то уже разберемся с темами. И, как правило, мы приходили со своими темами. Я помню Евгения Добрушкина, он тоже доктор наук, с нашего курса, у него была дипломная работа по Татищеву, 800 страниц текста, написанная на материалах ЦГАДА: «В первом томе моей дипломной работы... Во втором томе моей дипломной работы...». Он защитил кандидатскую где-то через полгода после окончания института, настолько это было серьезное исследование. Я, когда написала дипломную работу, вообще не думала: «Ладно уже, в конце концов все равно я когда-нибудь дорвусь до своего этого ГИТИСа». А мой оппонент Смирнова прочитала и говорит: «Слушай, у тебя полдиссертации уже есть в дипломе, может, вторую допишешь?». Я подумала: «Ну, наверное, надо». И тогда уже ГИТИС, да. ГИТИС — я к нему с уважением, но исследователем его я не стала.

В.К.: А с академическими структурами в Историко-архивном контактировали? В первую очередь тогда еще единым Институтом истории?

Т.К.: Нет, в Историко-архивном, когда училась, я не контактировала. Я ушла потом работать в архив, в котором лежал мой фонд Совнацмена. И там я собирала документы, на которых до сих пор базируюсь в своих монографиях. Надо сказать, это самое интересное и самое для меня плодотворное время.

В.К.: А Вас туда направили или Вы сами пошли?

Т.К.: У нас же было распределение, но можно было выбирать между архивами, и я выбирала именно ЦГА РСФСР, он тогда так назывался. Я его выбрала, потом оттуда ушла во ВНИИДАД, но это для меня вообще пустое место.

В.К.: По годам можете уточнить?

Т.К.: В ЦГА я работала с 1969-го. У меня уже была готова кандидатская диссертация, это год 1973-й, 1974-й. Трудно шло дело к защите, а текст-то уже готов. Мурашов мне не дал бы защитить мою тему, мне даже стали предлагать аспирантуру в Историко-

архивном институте, но ставили два условия. Первое это сменить тему и второе — сменить научного руководителя. Я сказала: ни то, ни другое я менять не буду, особенно научного руководителя.

У меня была готова диссертация, но исследование было не в струю с царившей идеологией. Доминировала теоретическая формула: единая общность — советский народ, национальные особенности были никому не интересны, они советской историей изжиты, а у меня как раз про то, как власть относилась к их особенностям. Тогда страдали этнологи, религиоведы, психологи, которым не разрешали лезть в голову, в ментальность человека из того или иного этноса. Пожалуйста, узоры на унтах и на повязках головных — это изучайте. А когда лезешь в менталитет, начинаешь лезть в национальную историю, а они никому не интересны, до 1917 года — одно классовое угнетение, а затем с ним борются, затем живут дружно и счастливо в едином Советском Союзе. Поэтому очень трудно было найти ученый совет, где можно защищаться. Я защищалась в МГПИ, Ленинском пединституте.

У меня был оппонентом Виктор Николаевич Шерстобитов, замдиректора Института истории. Он-то как раз и возглавлял направление исследований по «единой общности». Оппонировал диссертации, которая, по сути дела, опровергала его подход. Между прочим, был академиком. Но что значит настоящий ученый? Надо сказать, он меня серьезно поддержал, оппонируя с очень большим пиететом. Конечно, я боялась, что он скажет: «Что тут написано? Я академик, за мною труды, другие исследователи, да она вообще ничего не понимает». Нет, был очень хороший отзыв, и даже потом он был оппонентом на моей докторской защите.

Вообще качество подготовки специалистов, кандидатов наук, было совсем другое. Для защиты у меня были статьи в «Вопросах истории», в «Исторических записках» Института истории. Это были серьезные фундаментальные журналы, в которых печатались авторитетные специалисты. Я помню, в «Исторических записках» рецензировала мою статью Эсфирь Борисовна Генкина, она работала в Институте истории. Мне позвонили: «Ваша статья идет, пожалуйста, приходите, у Вашего рецензента есть вопросы». Я прибежала в Институт. А меня мама Зак все время ругала: «Что ты ходишь в этих мини-юбках, ты же ученый, серьезный чело-

век». Я на защиту сшила платье себе в пол. Чтобы только она не расстраивалась.

Ну, прибежала в Институт истории, конечно, в какой-то мини-юбке, стою в середине коридора на третьем этаже и скромно жду, когда меня позовут. Мама Зак: «Ты идешь в храм науки. Это *Институт истории*, имей в виду». И смотрю: девчонки из комнаты выбегают, причитают: «Где же автор-то этот, где?». Я не знала в лицо саму Эсфирь Борисовну. Смотрю, какая-то пожилая женщина выходит, говорит: «Ну, где этот автор? Где Красовицкая?». Говорю: «Ну, вот же я стою». Она *так* на меня посмотрела, говорит: «Это Вы *автор*?». Я поняла, юбочку надо подлиннее надевать все-таки... (*смеются*). Вот интересно, ты начинаешь понимать, что раз даешь тексты в серьезные журналы, сам должен более или менее статусно выглядеть. Все было строго. Но что касается замечания, я его запомнила. И, между прочим, из него выросла моя докторская диссертация.

Я в статье цитировала какой-то документ, где был упомянут Федкомпрос¹⁵. Генкина: «А вот этот Федкомпрос – Вы что про него знаете?». Я на тот момент про него, честно говоря, ничего не знала. Но не забыла ее это замечание, потом стала смотреть о нем в архивах. Так вышла на проблему федерализации страны, ее конкретно-исторический (а не правовой) аспект. Битвы за федерацию на полях Российской Федерации, СССР. Потом по этому поводу я много чего написала, и пишу до сих пор.

Вот такие у меня были связи до прихода в Институт. А потом меня ввели в главную редакцию истории культурного строительства в СССР, академик Максим Павлович Ким возглавлял ее. Я начинала первый том общесоюзного сборника¹⁶. Мы его делали с Альбертом Павловичем Ненароковым: я была ответственным составителем, а он научным редактором сборника. Вскоре материал нас повел к тому, что сама систематизация томов в рамках этой серии (по хронологии и по территориям) неправильная, неработающая, мало чего дает в научном плане. И мы пошли по проблемному пути, сделали пару сборников: «Национальный

¹⁵ Федеральный комитет по просвещению при наркомате по делам национальностей РСФСР.

¹⁶ Культурное строительство в РСФСР / гл. ред. М.П. Ким. М., 1983–1989. Т. 1: 1917–1927 гг., ч. 1: Документы и материалы, 1917–1920. М., 1983.

вопрос на перепутье мнений»¹⁷, еще «Протоколы совещаний наркомов просвещения»¹⁸. Но тут советская власть кончилась, и рассыпалась вся серия.

Кстати говоря, зря. Мало кто имеет возможность поехать в командировку в архивы, сейчас особенно. А в серийных изданиях иногда и из районных архивов документ включался, ты его можешь использовать. В этом отношении наш сектор истории культуры делал еще хорошее дело: культурные хроники. В них собрана информация из всех газет, какого-нибудь «Тихоокеанского рабочего»¹⁹, многие даже названия такого не знают. А там, если была какая-нибудь важная местная информация, то она помещалась. Это полезное дело. Так «оживала» вся карта страны, связывалась, сшивалась сходными процессами и факторами.

В.К.: Хорошо. Значит, Вы в 1974-м во ВНИИДАД перешли, насколько я понял?

Т.К.: Да.

В.К.: А когда Вы из ВНИИДАДа перешли в Институт истории? Или было что-то еще?

Т.К.: Я из ВНИИДАДа перешла не в Институт истории. А дело в том, что в Институте истории, куда меня собирались брать, общесоюзный конкурс объявлялся. И надо было подождать, пока кто-нибудь уйдет на пенсию

В.К. Это был какой год?

Т.К.: Это 1983 год. Нет, это был 1981-й, наверное, год. Я один год преподавала в Высшей комсомольской школе. Потом лично для меня в Президиуме АН выпросили место, но младшего научного сотрудника. И я, уже будучи кандидатом и доцентом, и то, и се, все-таки ушла на младшего научного сотрудника, потому что понимала — это место, где я могу заниматься только наукой. Я, конечно, преподавала, понимала, что это нужно, часто совмещала работу. Но на самом деле больше всего люблю писать, это моя работа.

¹⁷ Национальный вопрос на перекрестке мнений, 20-е гг.: документы и материалы / сост. В.А. Горный и др. М., 1992.

¹⁸ Протоколы совещаний наркомов просвещения союзных и автономных республик. 1919—1924 гг. / сост.: Л.И. Давыдова, Т.Ю. Красовицкая, А.П. Ненароков. М., 1985.

¹⁹ Имеется в виду «Тихоокеанская звезда» — одна из старейших газет Дальнего Востока (издается с 1920 г.), в советские времена — орган крайкома КПСС.

Когда пришла в сектор истории культуры, там была одна «особенность». Обеспечив себя «культурными хрониками», сотрудники не работали в архивах для сводной истории советской культуры (вышло два тома)²⁰, а писали на опубликованных материалах, на публицистике. Но меня попросили сделать научный доклад, с чем я пришла в Институт. И к моему удивлению, и всех, пришел на доклад Максим Павлович. Он очень внимательно меня слушал. Единственный задавал вопросы: «Неужели в архивах так много документов на эту тему?». — «Максим Павлович, я Вам даже тысячной доли не рассказываю, какие и сколько там документов». То есть вот какое было представление у людей, достигших высокого положения в науке, оттого что они плохо знали архивные материалы, не работали с ними. Да и очень мало было исследований, тем более на архивном материале.

В.К.: То есть выпускники Историко-архивного были экспертами, как сейчас выражаются?

Т.К.: Они были историками-исследователями в обычном понимании. В этом-то сила архивов. Естественно, нужно понимать, что архивы были закрыты. В 1990-е годы они открывались потихоньку.

В.К.: Это годы примерно?

Т.К.: Это середина 1980-х — начало 1990-х годов, когда, я помню, мы выпустили сборник «Протоколы совещаний наркомов просвещения» с Ненароковым. О том, как строго следили за использованием архивов, приведу пример. Представь, конец документа, в нем какая-то коллизия, и участники совещания пишут жалобу «наверх». В документах ясно читается: жалоба направлена Троцкому, Зиновьеву и Каменеву. Хорошим разборчивым почерком написано. Рассчитывать, что цензор (!) это пролистает, не заметит, нельзя. А когда ты делаешь книжку, у тебя должен быть именной указатель. И что делает цензор? Ты думаешь, он прямо читал твою книжку всю? Вот ему делать было нечего. Он открывал книжку и смотрел: «А-а, Троцкий на такой странице — выбросить!».

В.К.: Вместе со страницей? Или только из указателя?

Т.К.: Конечно, убирай весь документ с Троцким. Это же известно, когда расшифровка подписи председателя Реввоенсо-

---

²⁰ В секторе издавалась серия «Культурная жизнь в СССР. Хроника».

вета заменялась «подписью неразборчивой». Потому что ты не можешь не публиковать этот документ, он у тебя в центре проблемы, значит, должен его оставить, хоть застрелись. И идешь по принципу «умный не скажет – дурак не догадается»: кусок документа утрачен...

При Горбачёве наконец, можно стало упоминать в работах Бухарина. Стивен Коэн сделал книжку²¹, она была такая секретная, Боже мой! Я Лельчуку покойному передавала ее в метро, как сейчас помню, «Октябрьская»... Потом Борисову Юрию Степановичу. А сама не помню, кто же мне эту книжку дал? Откуда она у меня появилась-то? Вот такое было время. Козлов Владимир Александрович, который у нас в секторе работал, потом мне говорил: «Ну чем ты занимаешься! Ну что твои нацмены. Ты посмотри, какая тема – Бухарин, сейчас все и все про Бухарина, он такой умный, да он, если бы не Сталин!..». Потом незаметно вошел в советскую историографию Зиновьев, потом Каменев, очень долго не разрешали Троцкого.

А с Лениным я попала в переделку. Он оставался иконой. И вдруг, я сидела в архиве над материалами, которые касались национальных республик, и попались документы, что из Киева, из Грузии, из Казани высылают ученых в 1922 году. Короче, история с «философским пароходом»²². Одновременно в журнале «Знамя» опубликована большая статья об этой высылке (можно уже писать об этом), но как о деле ОГПУ, Ленин об этом не знал... он был болен. Ленина «вывели» из этой истории, которую «перестроечная» интеллигенция воспринимала как самое страшное преступление большевиков. Архивы же только начинали открываться...

«Московские новости» — известная газета, и кто-то им сказал, что я видела материалы о высылке. Меня попросили: «Не напишите ли Вы свое отношение к этому сюжету и к этой статье заодно?». И я написала, что хватит дурака валять, Ленин был в курсе и документы даже в полном собрании его сочинений об этом есть. Откройте, и там вся переписка тех, кто принимал участие.

²¹ Впервые вышла на английском языке в 1980 г. На русском языке опубликована для широкого читателя в годы «перестройки»: Коэн С. Бухарин: политическая биография, 1888–1938. М., 1989.

²² Высылка на пароходах (пять рейсов) в 1922 г. из Советского Союза оппозиционно настроенных представителей интеллигенции.

Но у меня не было доказательств, что это решение Политбюро, оно не было опубликовано и материалы его наглухо закрыты.

Пришла в ЦПА ИМЛ к Амиантову и говорю: «Ну дайте хоть взглянуть». Он говорит: «Нельзя, не дам». — «Ну надо». — «Ну хорошо». Пошел куда-то, принес дело, закрыл на ключ кабинет: «Смотри, если напишешь так, что все поймут, что я тебе это дело показывал (у нас часто бывали такие отношения с архивистами), то ты больше сюда не приходи, я тебе больше ничего не дам». Он открыл мне дело и говорит: «Видишь дату заседания Политбюро?» (там августа какого-то, 1922 года). — «Вижу». — «Вот здесь видишь: “слушали”?» — «Вижу». — «Здесь видишь: “постановили”?» — «Вижу. Что там такое?». — «Списки. Ты все поняла? Иди!». Я говорю: «А имена? Там же 200 человек». Он говорит: «Нет, голубушка, это ты слишком много хочешь». Историки очень во многом должны быть благодарны архивистам.

Прошел, наверное, год, потом все-таки опубликовали списки высылаемых... Вообще, историк советской эпохи со многим сталкивался, но выручали человеческие отношения. Любой историк расскажет, как директор или хранитель фондов помогал... Архивисты хорошие люди. И тебе скажут: «Вот смотри, но сослаться нельзя...». Сейчас, слава Богу, это уже всё кончилось, и многое опубликовали. А что по современному периоду — это я уже не знаю, конечно.

В.К.: Вопрос практически в развитие темы, Вы отчасти на него уже ответили. Как идеология влияла на исследования? То есть даже не отчасти, в основном-то Вы ответили, но если вот сформулировать сжато?

Т.К.: Некоторые просто свои научные стратегии подчиняли идеологии. Но Историко-архивный институт был какой-то отдушиной, которая готовила людей, которые могли понимать, что существует такая идеология, а есть конкретная документальная база. Выбирай! Конечно, здесь не нужно преувеличивать. Что, думаешь, я не понимала, что ли, что существует такая идеология? Все это прекрасно понимала, уже, слава Богу, была не девочка. Помню, у меня уже готов автореферат, а в это время Брежнев выступает, и опять он говорит о роли образования СССР и национальных культур. Все: «Иди, найди эту цитату, вот с этого начни реферат». Нахожу у него о «такой палитре культур». «Палитра» в докладе у вождя мне подходит. Приношу реферат с этой

цитатой: «Господи, Боже мой, ну что с тобой делать, ну ты все время в другую сторону смотришь». Вот посмотри, он говорит об органическом сплаве этих культур. Здесь ты уже ничего не можешь сделать. Но какую бы тебе цитату не поставили в начале автореферата, остальной-то текст у тебя про другое. Надо только перевернуть несколько страниц. У многих так и было. Это было умение читать между строк, вычитывать, выбирать информацию. К сожалению, такое было время, таковы были правила игры.

В.К.: А какие-то совсем запретные темы существовали, куда просто не сунуться? Или такие сюжеты, которые могли угрожать карьере?

Т.К.: Ну, конечно, были. Это проблема, связанная с еврейской историей, особенно если власть в эти годы вела себя особенно неправильно с ними. Потом репрессии, трагический конец тех или иных деятелей культуры. «А дайте мне личное дело или историю болезни Сталина». Не надо. Вот в моей теме есть линия репрессии национальных элит. Я вообще слышала, что эти документы уничтожены. Но из некоторых местных архивов, не из Центрального архива, иногда есть публикации. Особенно в республиках, которые отделились и стали самостоятельными. Я думаю, что очень много сейчас украинцы дадут материалов.

В.К.: Есть такие надежды в историческом сообществе.

Т.К.: Ну, посмотрим, что они сделают... И любая власть будет использовать документы в своих целях. Это надо понимать.

В.К.: А было такое, что, скажем, находили некие документы, материалы, но понимали, что сейчас это не пойдет, и писали «в стол»? Или просто откладывали на будущее?

Т.К.: Об этой истории Юрий Степанович Борисов даже дал интервью в «Московском комсомольце» и там упомянул документ и меня. Короче, мы сидели с Ненароковым в читальном зале на Бережковке. И вдруг я нашла письмо Бердяева Ленину летом 1922 года, перед высылкой. В письме, я очень хорошо помню, было четыре подписанта. Я и тогда очень хорошо понимала, какой ценности оно... Мне иногда снится это дело, хорошо помню, это был фонд Главполитпросвета²³. Почему оно было в Главполитпросвете? Потому что Крупская им заведовала. Это

---

²³ Главный политико-просветительный комитет Народного комиссариата просвещения РСФСР (1920–1930) – координационный центр массового полит-

период, когда Ленин был болен. А Крупская могла зайти в его кабинет в Кремле, взять это письмо, на нем был штамп Совнаркома, положить в портфель, чтобы потом отвезти к Ленину в Горки. Но, видимо, она его забыла в Главполитпросвете, поскольку этот период был сложный в ее жизни, а потом все со стола взяли, в дело подшили, так оно и сохранилось.

Я говорю Ненарокову: «Смотри, какой документ». Он прочитал, говорит: «Да, это роскошный документ». Я говорю: «Но мы же не...». Он: «Никогда мы его не используем, никогда». И я думала, что так хорошо запомнила, где он лежит, что и записывать не надо. И несколько раз, когда попадала в архив, просила и студентов, и аспирантов, и сотрудников архива: «Посмотрите!». Нет, этого документа нет. А когда-то рассказала, когда я нашла это дело: «Юрий Степанович, вот документ, ой, какой документ был». Потом, когда кончилась эта советская история, он рассказал журналистам. Журналисты мне позвонили. Я говорю: «Ребята, вот такая история. Вот найду, тогда расскажу».

В.К.: Так и нет?

Т.К.: Да, всегда надо записывать. В нашей голове много чего есть.

В.К.: Еще немножко об идеологии, но уже с несколько иного ракурса. Вы в Институт истории СССР пришли, как считается, в период заморозков. Или, может быть, уже нет? Разгром «нового направления» — резонансное, конечно, событие для исторической науки. Никак не доходило до Вас?

Т.К.: Нет, не доходило, сектор в этом «новом направлении» никак не участвовал, никаких там героев этого дела не было. Я знала, что Волобуев пострадал, его отправили в другой институт. Знала Гефтера. Но я в это время занималась другими делами.

В.К.: Нарочницкий считается таким цербером, хотя о нем разные, конечно, мнения. Считается, что он задал магистральное направление в работе Института на долгое время — коллективные труды. При Хромове это сохранилось?

Т.К.: Да, при Хромове это сохранилось. Вообще эта проблема была очень серьезная, потому что все писали многотомники. Когда пришла в Институт, все писали эту хваленую «Общую

просвещения взрослых (ликвидация неграмотности, школы и курсы взрослых, клубы, библиотеки, избы-читальни), а также партийного просвещения.

историю Великого Октября и становление советской культуры»²⁴. Там по печатному листу каждому отводилось, но это же годы на это тратились. Это была безумная трата научных ресурсов. Проводились конференции... Огромное количество конференций посвящено, например, периодизации культурного строительства, культурной революции. Целая конференция посвящалась тому, когда у нас культурная революция началась — в 1917 году или 1929-м, как Сталин написал в «Кратком курсе». Серьезные люди об этом писали. Мама Зак спорила с Ермаковым, потому что она стояла за 1917 год, а Владимир Тихонович — за 1929-й. Конференции проводились в хороших местах — в союзных республиках, в Одессе, я помню, в Баку мы ездили, в Таллин, в Новосибирск, там целых три тома издали по поводу того, что такое советская интеллигенция.

В этих конференциях что было хорошее? Конечно, основная тема была ерундовая, если смотреть правде в глаза. Но она всегда давала возможность вытащить со всех концов страны людей, которые занимаются наукой. Тех, которые не могут приехать в Москву, не могут там устроиться, это же всегда было очень серьезное дело. А на этих конференциях завязывались связи, издавались потом работы, шел обмен мнениями и знаниями, архивами. Поэтому нельзя сказать, что дело было абсолютно бестолковое. Помню конференцию в Новосибирске, мы сидели — целый самолет участников — в жуткую жару (институты социологии, всеобщей истории, философии, наш институт, кто-то, наверное, еще, этнографии, конечно). А почему не выпускали? В это время из Китая в нашем коридоре должен лететь... Кто же был президентом Франции...

В.К.: А год какой конференции?

Т.К.: Это был год семьдесят, по-моему, шестой.

В.К.: Жискара д'Эстен.

Т.К.: Да? Ну, я не помню, пусть не обижается.

В.К.: Книгу о России написал, между прочим.

Т.К.: Не читала. Вот он летел над нашей территорией. И мы не могли быть в этом коридоре. А уже нас загрузили в Новосибирске, и жарища была градусов 30. Ну, мы, молодые, сидели, пом-

---

²⁴ Великая Октябрьская социалистическая революция и становление советской культуры / отв. ред. М.П. Ким. М., 1985.

ню, мы с Есаковым в «дурака» играли. А пожилые люди — в такой жаре попробуй, посиди. Модржинская, социолог и, кстати, офицер НКВД, вообще была в обмороке. Ей вызывали «скорую помощь»... Но нас не могли даже на поле выпустить. Пока он не отлетел куда-то за Урал, мы не взлетели. Так вроде бы смешно, да? Вы себе не представляете, в какое время мы жили.

В.К.: Получается, что, как сейчас выражаются, коммуникации внутри научного сообщества были довольно активные. Но, в то же время, господство коллективных трудов смазывало индивидуальности. Зачем, почему? Как, для чего родилась эта идея коллективных работ?

Т.К.: То же самое «тащить и не пущать», одно объяснение. Групповую работу легче контролировать, да и мотивация личная слабее. А начнет писать монографию — неизвестно, куда забредет и что там понапишет. А коллективный труд, всегда же легче формировать его содержание. Потом, сюда архивы и не так уж нужны, больше идет обобщений.

Я помню, была книга у Кима «40 лет советской культуре»²⁵ — вообще ни о чем, общие слова. Только определены тематические поля: школа, ликбез, театр, кино. Тоже мне открытие в науке! Была, кстати говоря, неплохая книжка у Смирнова «Ленин и советская культура»²⁶. Он успел посмотреть в архиве и написать советскую книжку, но с архивами. Но как-то не зажился в исторической науке.

По истории советской культуры третьей докторской была диссертация мамы Зак²⁷ по периоду второй пятилетки. У нее была диссертация по архивам в период, когда Хрущёв открыл их, после того, как прочитал свой доклад, и она вытащила из партархива очень многое! Это была такая защита... Все репрессии... Сейчас их начали снова публиковать, эти расстрельные списки представляла Гагагова на конференции. А у Зак в диссертации все было уже давным-давно. Мы со Шмидтом по этому поводу разговаривали, и он меня просил: «Найдите эту диссертацию». Но теперь

²⁵ *Ким М.П.* 40 лет советской культуре. М., 1957.

²⁶ *Смирнов И.С.* Ленин и советская культура: государственная деятельность В.И. Ленина в области культурного строительства (октябрь 1917 г. — лето 1918 г.). М., 1960.

²⁷ В 1967 г. Л.М. Зак защитила докторскую диссертацию «Строительство социалистической культуры в СССР (1933—1937 гг.)».

надо ехать уже на Левобережную, куда диссертации перевели. Я знаю, что из нее в половину докторских диссертаций, которые пишут по 1930-м годам, забрали материал, надо сказать, не сославшись на нее.

В.К.: А, то есть коллективные труды это такая еще оборона от новичков.

Т.К.: Да нет, разрешение писать было знаком особого отношения: тебе разрешали написать монографию, и, соответственно, эта монография была этим самым как бы условием защиты диссертации.

В.К.: Анатолий Евгеньевич Иванов даже вспоминал, что ему чуть ли не запрещали защищаться.

Т.К.: Докторские очень придерживали... Помню, когда пришла в Институт, вполне была готова писать монографию и делать из нее докторскую. Но не могла. Потому что там сидели Владимир Дмитриевич Есаков, Ненароков, и они были кандидаты с 20-летним стажем. У нас кто были доктора наук? Лельчук, Борисов и Людмила Васильевна Иванова. Но я не могла перешагнуть через этих людей, понимала, что им уже 60 лет, а мне еще 40 лет. Кто меня поймет и пустит защищаться?

В.К.: Правда ли, что Институт считался консервативным, и раньше 40 лет выходить на защиту докторской диссертации считалось неприлично?

Т.К.: Абсолютно точно.

В.К.: А с чем это было связано, кроме желания не пускать молодых, условно говоря?

Т.К.: Ну, все-таки защита докторской диссертации придает особый статус. И чтобы человек не очень о себе много думал, его на этом пути придерживали, делали защиту зависимой от руководства... Я считаю, что после того, когда кончилась эта история с коллективными монографиями, люди стали работать намного интенсивнее и плодотворнее.

В.К.: А влияние руководства Института, директора чувствовалось, когда Вы работали? Или для Вас прежде всего был сектор?

Т.К.: Я понимала, что взаимоотношения в Институте непростые. Это я видела. И какими-то намеками до меня это доходило. Я видела и непростые отношения в секторе между отдельными сотрудниками. У нас были люди, прямо скажем, очень талантливые. Ненароков, Владимир Александрович Козлов, Олег Хлев-

нюк — это же тоже наш сектор. Вот среди культурологов, среди социологов, среди этнологов я вижу людей, которые близки мне по подходам... Например, Шнирельман из Института этнологии, Миллер из ИНИОНа²⁸ — вот люди, которые мне более близки по тематике. Но они не в нашем секторе, так что мне делить с коллегами нечего, а кофейку попить — почему бы нет, могу.

В.К.: Многие из тех, кто давал до Вас интервью, вспоминали, что присутственные дни в Институте — очень активное общение между сотрудниками, между секторами ходили, барьеров никаких не было. Вы можете что-то добавить к этой картине?

Т.К.: Ну, я захожу в какие-то близкие мне сектора. Я к вам захожу, да?

В.К.: А именно в 1980-е годы? Так же свободно было или все же более формально?

Т.К.: Мне кажется, это было такое более ограниченное...

В.К.: Понятно. А общественные настроения Вы не отслеживали? Скажем, о чем говорили сотрудники в плане политики, культуры, чего-то такого. Какие-то, может быть, изменения в обществе комментировали?

Т.К.: Понимаешь, когда началась горбачёвская история, конечно, это всегда обсуждалось, и многое по этому поводу разговаривалось.

Я выросла в семье, в которой как бы сплелись разные, понимаешь, взгляды на жизнь. Я была на перекрестье традиций, самых разных, ты не зашориваешься в этих вещах, я в своей жизни очень часто начинала решать такие проблемы, которые никому бы в голову не пришло бы решать. Скажи, кому бы в 55 лет пришло в голову начать строить самому особняк на Рублевке? Вот тебе, пожалуйста, ты в нем сидишь, я такие вещи придумывала, это касалось книг моих, потому что я же не все свои работы выполняю в Институте, очень многие работы связаны с национальными республиками. Мне они поручают — вот, помню, делала большой трехтомник с Арменией. В истории геноцида армян — подняла документы в РГАСПИ, никто не докопался бы до них. И, кстати, в МИДовском архиве. Там я нашла такие, которых в РГАСПИ нет. Твое отношение к проблеме показывает людям,

---

²⁸ Институт научной информации по общественным наукам АН СССР (ныне — РАН).

что в Москве на них не смотрят свысока, что они важный субъект российской истории и российской культуры.

Помню, где-то года два тому назад летала в Казахстан читать доклад в университете в Астане. Аудитория человек 900. Огромный университет. Кстати говоря, я потом с ними поговорила, очень хорошие ребята, с языками, с выездом за границу, Назарбаев это организует. Пришли министр образования, министр культуры, министр спорта, министр науки и зампреда кабинета, который курирует гуманитарное направление. Как у нас принято? Открыли заседание, начальник слово скажет и они все уйдут... И я останусь наедине с преподавателями и студентами. А они остались и выслушали доклад до конца. Потом пригласили меня на обед, поговорили о том, как для них это важно. Конечно, они выстраивают постепенно новую жизнь... Будет ли она? Состоится их государственность, не состоится. А вот, пожалуйста, Украина: даже здороваться не хочет.

Ты знаешь, мы, историки, с предсказаниями о будущем можем оскандалиться. Я однажды позволила себе по этому поводу высказаться на «Эхе Москвы» с Сорокиной «В круге света». Они позвали грузинского посла, не помню, как его фамилия. В общем, были посол, я, Павел Шеремет. Это было в канун грузинской войны 2008 года. Сорокина как-то очень ретиво так: «Ну, будет война, будет война?». Так не хотелось отвечать, но сказала все-таки: «По идее, два православных народа не должны воевать. Мне так кажется. Во всяком случае, я такого в истории не помню». И через два дня началось...

В.К.: Лучше о своем прошлом.

Т.К.: Да, лучше о прошлом, да.

В.К.: Еще вопрос, если Вы не очень устали... Опять-таки советский период прежде всего интересует, и опять-таки наш Институт. Вот Вы пришли в Институт, а что это означало для Вас с материально-бытовой стороны? Зарплата? Может быть, какие-то материальные выигрыши?

Т.К.: Никаких. Я потеряла очень много в зарплате. В ВУЗах зарплата выше, и я была на доцентской должности. Но если ты хочешь зарабатывать, ты же всегда заработаешь.

В.К.: Но как, как?

Т.К.: Во-первых, я всегда преподаю. Во-вторых, было такое средство заработать деньги — общество «Знание».

В.К.: Вот о нем мало кто говорил, а оно, в принципе, довольно известное было.

Т.К.: Я очень много ездила во все национальные регионы, побывала везде, не была только на Чукотке. И, видимо, не попаду уже. Несколько раз была на Дальнем Востоке, у сибирских народов — ханты-манси, ненцы, удэ, удэге, нанайцы. Естественно, Кавказ я и так знала: Дагестан и Чечню, Армению, Азербайджан, Грузию. И это очень дает тебе много: мало того, что ты смотрел в архивах, читал у других исследователей, но это знание книжное. А здесь ты это все шупаешь, видишь жизнь людей. Вот приезжаешь (прилетаешь!), я помню, в кетское село (это я даже в лекциях рассказываю всегда — есть такой маленький народ: кеты, их всего человек 800, по-моему). А лететь, значит, от Красноярска в Туруханск, где Сталин был в ссылке. Из Туруханска потом на кукурузнике летишь — там пятая или шестая посадка, мороз — 47 градусов. Я летела с начальником крайоно Красноярского края и Туруханского района²⁹. Они мне достали военный тулуп, хотя я была в дубленке — понимали, что холодно. Но мы сели в самолет, и с нами кетская женщина. Она родила ребенка, и в вафельном одеяльце его держит. Я поняла: тулуп надо отдать. Промерзла до такой степени, что два мужика меня сгребли, и так стоя долетели.

И вот я смотрела, думаю: что же мы творили вообще с людьми?! Им построили дома из шлакоблоков, централизованное отопление! Стоит в школе котел и несчастные трубы, обмотанные-перемотанные, по 45-градусному морозу по всему поселку заходят в каждый дом и делают вид, что они что-то отапливают. Конечно, холод ужасный, а люди живут. Раньше строили маленькие типа чума домики (кус у них называется), там тепло, все, что можно обогреть, обогревают. Но большое помещение, тем более бездарным образом построенное... Очень многие пьют, проблема суицида... Но меня послали проверять преподавание кетского языка. Кто-то пожаловался самому Ельцину. Язык там преподают, есть учебник кетский в школе, где температура четыре градуса. Кетский учебник есть, он стоит — тогда зарплата кандидата наук была 150 рублей, а кетский учебник стоил 240 рублей, тираж 15–20 учебников в год, еще ручной набор с этими кетскими бук-

---

²⁹ Краевой (районный) отдел народного образования.

вами, и в твердой обложке... Развезти — в трех селах кеты живут и далеко не по соседству. В каждом селе пять учеников детей, учительницу в каждое село надо, чтобы она знала хоть немного кетский язык. Это ж сумасшедшее дело, сколько в СССР тратили на обучение. А есть рынок языков, и у тебя твой язык работает только до конца твоего поселка — и все. И ты его применять не будешь. Ты обязательно уйдешь на тот язык, на котором разговаривают на большем пространстве, на язык, который дает большие возможности, чтобы себя реализовать.

Из своего опыта скажу, когда жила на Украине, в Луганске. Училась в школе, во втором классе пришла моя любимая учительница и поздоровалась с нами на украинском языке. То есть начали детей учить украинскому языку. Я украинский язык обожала. Он, во-первых, красивый, там очень много литературы: Леся Украинка, Шевченко, Иван Франко, красивый язык и качественная литература. Но как-то я пришла из школы, и у меня было по украинскому «пять», а по русскому аж «четыре». Моя мама говорит: «Это безобразие, почему по русскому “четыре”, а по какому-то украинскому языку “пять”?». Папа-карачаевец говорит: «Нина, ребенок должен знать язык народа, среди которого он живет». Мама притихла.

Мне этот язык помог поступить в Историко-архивный институт. Я сдавала вступительный экзамен, попался Шевченко. Естественно, я волновалась и забыла его «Завещание» на русском: «Как умру, похороните на Украине...». А украинский во мне: «Як умру, то поховайте на Україні милой». Я сказала: «Я не помню по-русски, можно я по-украински?». Представь, сидит девчонка с Кавказа, и декламирует на украинском языке... Мне поставили «пятерку». Другой пример: мы переехали на Кавказ, а там карачаевский язык в школе. Мама говорит: «Она будет учить карачаевский язык?». Отец сказал: «Нет, она карачаевский язык учить не будет». — «Почему? Это твой родной язык». — «Нет, потому что она с ним никуда не пойдет, если только педучилище и пединститут — все, других мест для того, чтобы реализовать язык, нету. Она будет учиться на русском языке». И хотя ты любишь другие языки, интересуешься другими культурами, но получила образование на русском языке. У тебя в семье говорили на русском языке, ты понимаешь, что у тебя отец закончил московский университет, у тебя голова уже русская, понимаешь?

В.К.: То есть влияние русской культуры все равно давит?

Т.К.: Нет, почему именно давит? Ты просто понимаешь эти механизмы. Они у меня не вызывают никакого раздражения, я люблю русский язык, люблю и украинский, и французский. Я была вот сейчас в Италии, я прямо обожаю этих чертовых итальянцев, с удовольствием я с ними разговаривала, моя внучка хорошо знает итальянский язык, у меня нет раздражения ни против какой культуры. Я хорошо понимаю механизмы, которые работают. Или не работают. Вот кетский язык: хоть ты что сделай, а некуда с ним пойти. Только с белками разговаривать в лесу. Говорят: «Русификация, ассимиляция», но есть и объективные вещи. Язык не выдерживает конкуренции.

В.К.: Это естественный процесс, по-Вашему, или искусственный, навязанный?

Т.К.: Каждый народ нарабатывает свои ресурсы культуры, но конкурентом русскому языку стать в советский период трудно. Родители огромные деньги тратили на то, чтобы обучить дитяtko английскому языку, а они его не знали, негде использовать. Сейчас они прекрасно его знают, почему? Потому что, во-первых, открылись границы, и можно поехать и язык к чему-то приложить. Во-вторых, компьютеры, Интернет, английская терминология. У меня был большой грант от Якутской республики. Мы с министерством образования проводили конференцию ЮНЕСКО³⁰, и на этой конференции я спорила с якутским министром. Он: «Я хочу, чтобы в Якутии университет работал на якутском языке». Я ему говорю: «Да я не возражаю, только ты мне скажи, терминологию как ты на якутский язык переведешь? У тебя хватит словарного запаса? Будешь пользоваться все равно терминами русскими».

И вот мы с ним поехали в Америку смотреть, как там устроены их университеты, на каких языках, на каких специализациях они дают образование. Мы доехали до Майами, до Флориды, а там же большой «наплыв» испанского, мексиканского. В университете в Майами спрашиваю: «Вы на каком языке преподаете?». В других университетах (Нью-Йорк и пр.) мне отвечали: «Только на английском мы гарантируем качество образования». А здесь?

---

³⁰ Специализированное учреждение Организации объединенных наций по вопросам образования, науки и культуры.

Здесь же испанцы, испанский язык это «Дон Кихот», Сервантес, Камоэнс, язык мирового уровня, очень развит. Они говорят: «Нет, на испанском языке мы преподаем только испанский язык и испанскую литературу, все остальное только на английском языке».

Все интеллектуальные процессы мало того, что усложняются, все время дифференцируются, выделяется новая специализация, это значит — мы все больше и больше вводим всяких терминов, методологии объясняем, язык должен это поддерживать. Вы просто не помните, что такое был учебный курс по политэкономии — кошмар и тихий ужас. Целый предмет двухгодичный по этому поводу делился на капитализм и социализм. Хорошо, что нам параллельно прочитали историю философии. Это толкало на то, чтобы потом взять отдельно какого-нибудь Платона почитать...

В.К.: Вот взаимосвязанный вопрос: отношение к иностранцам и к загранице? Это, видимо, прежде всего, относительно академической среды — насколько были интенсивными связи с заграницей?

Т.К.: Я занималась преимущественно 1920-ми годами, все-таки для наших национальностей они дали очень многое. Конечно было много политических ошибок, преступлений относительно их элит, но те же кавказские этносы — сейчас там университеты. Надо понимать эти цивилизационные прыжки, нельзя их оценивать отрицательно. Много было трагедий, высылали тех же самых карачаевцев, чеченцев, балкарцев. Надо видеть поступательную линию в развитии культур. Хотя бы профессионально разобраться в истории образования для того, чтобы понять, что было сделано. Уж не говоря о высшей школе. Я этими вещами занимаюсь. Видимо, это не кажется очень интересным за рубежом, но на территории союзных республик меня знают, и я туда приезжаю.

В.К.: Сложно ли было связи за границей установить, поддерживать? На конференции выезжать или что-нибудь в этом роде?

Т.К.: В советский период это было совершенно невозможно. Ездили только отдельные. Максим Павлович Ким ездил, что он там рассказывал, я не знаю.

В.К.: Слышал, что директор Института в основном ездил.

Т.К.: Но Ким был академик, а директор Хромов академиком не был. И даже членом-корреспондентом не был. Ким ездил на

моей памяти в Южную Корею. Чтобы приехал и так вот рассказывал — не помню.

В.К.: Хорошо. Теперь, наверное, несколько вопросов о 1990-х годах? Многие из наших предшественников вспоминают их как очень тяжелые в материальном плане, моральном: падение авторитета науки, мало платили и все прочее, приходилось выживать...

Т.К.: А для меня было совсем наоборот. Понимаешь, когда ты пишешь диссертацию о повышении урожайности в районе вокруг одного колхоза в годы седьмой пятилетки, то когда наступают 1990-е годы, тебе за эту работу никто платить деньги не будет. А когда тебе раньше не давали писать, но ты набрала материалы из пресловутых мешков, когда пошли национальные конфликты и ты в курсе их, ты понимаешь их причины, тебе есть что сказать, вот тут и начинается — ты нарасхват. Тебя приглашают, тебе за это платят деньги. Вот что для меня были 1990-е — это и конференция ЮНЕСКО с Якутией, и поездка в Америку, и меня пригласил первый ельцинский министр образования Днепров Эдуард Дмитриевич, позвал замдиректора в Институт национальных программ образования. Сказал: «Я дам на это денег», и действительно, давал очень много. Иногда я платила десятикратные зарплаты. Но сотрудники-то ничего не делали. Склонности к теоретической постановке вопроса, к решению проблемы у них не было. Ну и, собственно говоря, с кем работать? Я очень быстро поняла, что мне надо за них отписывать отчеты. Поэтому решила, что мне это не нужно, и вернулась в Институт истории. Лучше буду отвечать за написанную собой книжку.

И уже строила отношения с республиками на грантовой основе. Кстати говоря, и Днепров понял ресурсы ведомственной науки, после мне давал гранты, например, в рамках «Дети России», других программ. И вот я тогда делала по всем «северам» очень большую программу и уже звала тех людей, с кем хотела работать. Из МГУ работала с покойным Юрием Владимировичем Рождественским, филологом, востоковедом и культурологом, учеником Конрада, из Института этнографии — с Сергеем Александровичем Арутюновым. Потом еще другие, вместе втроем-вчетвером выполняли работу, а не вся орава, которая тогда голосила, что жить не на что... Многие прикладные институты разогнали, но очень многие из них того и заслужили.

В.К.: То есть в рамках советской системы они, может быть, и нужны были, а в рамках рыночной экономики...

Т.К.: Понимаешь, и в рамках советской системы, когда все это было регламентировано, без них можно было обойтись. В 1990-е годы от людей требовались, наоборот, самостоятельность, творчество, креативность. А где ж ты возьмешь эту креативность, когда всю жизнь писал, что вот эта у учителя бумажка должна лежать с этой стороны, а вот эта с этой стороны. Это ж чертова работа, которую никто не читает. Ну, надо вам, чтобы я рассказала, какая тема моей лекции, я вам расскажу. Подробно? Подробно напишу. Но только я буду читать ее по-другому сегодня, а завтра я буду читать ее по-третьему, а послезавтра я буду читать ее по-четвертому, потому что не могу положить перед собой бумажку и с этой бумажки что-то читать. Буду стоять перед ребятами, сколько бы их ни было, и брать из головы, что помню на сегодняшний момент. Надеюсь, что концы с концами у меня сойдутся.

В.К.: Вот мы довольно органично подошли к преподаванию. Помогает ли оно или мешает занятию наукой — Ваш опыт? Что дает преподавание академическому ученому, историку?

Т.К.: Очень много дает, потому что ты пишешь, кажется, очень умные вещи. Но пока не проговоришь это студентам, пока не найдешь ход изложения, им понятный, ты не выстроишь структуру работы. Хорошему преподавателю нужна аудитория, которая слушает, понимает, которая начинает задавать тебе вопросы...

В.К.: А это сильно отличается от аудитории коллег? По центру, условно говоря?

Т.К.: Ты понимаешь, дело в том, что коллегам это не всегда интересно, они же не будут тебя слушать еженедельно по два часа (лекция!). У них свои проблемы. Сотрудники мои в секторе, они дальше от меня, чем студенты. Но особенно когда работаешь с аспирантами. Пока у тебя аспирант, у тебя целый файл его исследования в голове. Пока он не напишет свою диссертацию, ты не можешь из головы этот файл выбросить. И постоянно с ним: «Ты это смотрел? Ты в тот архив ходил, а в тот? А сюда? Сюда заглянул? Это продумал, не продумал?». Студенты, аспиранты преподавателю — дело полезное. Преподавание учит. Но это всегда же так было. Вообще до революции так и было: всегда исследователь — он и профессор университетский.

В.К.: А как Вы относитесь к идее, которая в последние годы обсуждается, о том, что наука должна быть при ВУЗах? Совмещение науки и преподавания это обязательно?

Т.К.: Я-то отношусь хорошо, но это уже не получится. Может быть, когда-то исторически было правильным решением из-за необходимости срочно повышать образование в стране, но наука за это время настолько дифференцировала свои исследования... Тогда изучались высшие слои общества, история власти, история идеологии. Сейчас же история настолько опускается вниз, столько появляется новых исследовательских направлений и методологий разных. Например, история повседневности, это же серьезная проблема, культурная антропология, элитология появилась. Так что наука дифференцируется. Сейчас загнать это под крышу университета будет очень трудно. И потом, сейчас такая нагрузка в университете, она не дает никакой возможности работать. А писать монографии на коленке в метро, на бегу? Нет. Сколько лекций читал Ключевский в университете? Дай Бог, чтобы одну в неделю. То-то!

В.К.: Конечно, совмещать сложно.

Т.К.: Потому что это сейчас связано не с природой университетской или академической работы, а с непродуманностью взаимодействия институтов, академических и университетских, с институтами власти. Потому что чем они сейчас руководят, я не понимаю. И лучше в это дело не погружаться. Это мне все напоминает первые годы советской власти, когда наломали столько дров, что и после войны эти дрова еще не сложили в какую-то поленницу.

В.К.: О реформе РАН что-то можете сказать?

Т.К.: Ну, это безумие просто. То, что сейчас происходит с ФАНО, это безумные вещи. Я не знаю, откуда это взялось, настолько это... Неплохо же была придумана АН... Так страна устроилась, понимаешь? У нас никогда не было по-настоящему крепко стоящего на ногах предпринимательства, никто на свою шею, кроме царя, финансирование РАН не брал. Так страна устроена. Как и университет... Но в XIX – начале XX века это одно содержание работы в Академии наук, а представь себе, как сейчас Академия развилась, какие она обслуживает вообще сферы деятельности. Вот кто это возьмет на себя? Конечно, это задача государства. И на фундаментальные исследования никакой

Абрамович деньги не даст, да и нет таких денег даже у него. Это надо содержать сообща стране.

Сейчас надо смотреть более спокойными глазами на устройство жизни. Уже однажды выслали, о «философском пароходе» говорили, надо бы напомнить, как раскулачивали у нас будущих Илонов Масков, вот откуда ноги.

В.К.: Вы думаете, молодые кадры способны посмотреть свежим взглядом? Потому что много критики в адрес молодых, что у них подготовка гораздо хуже, чем, условно, «у нас, советских»? И вообще молодые какие-то не те. Что Вы по этому поводу думаете?

Т.К.: Я очень люблю молодежь, я с ними работаю. И, по-моему, ты же знаешь и по Историко-архивному институту и РГГУ³¹, у меня там неплохо с ними складывались отношения. Да, некоторая слабость в подготовке есть. Сейчас некоторые аспиранты, у них представление, что они могут написать диссертацию, прочитав 10–15 книг. В архив, в архив! Вот у меня были очень хорошие аспиранты, но сейчас только один, за которого я спокойна о том, как он отработал архив. Он сейчас пишет докторскую диссертацию. Вот я, казалось бы, у себя фонд подготовила, а потом, когда пришла в партархив, поняла, как многого не видела. А когда получила возможность заходить в республиканские архивы, поняла, сколько там еще лежит документов. Мало читают. Диссертации редко бывают хорошими.

Один аспирант как-то сказал: «Я вообще что-то устал от этой темы». Я думаю: «Елки-палки, я 50 лет не устала от этой темы, ты устал от темы только потому, что ничего в ней не понял. А если бы понял, писал бы монографии, и шел бы дальше, потому что, начиная с какого-то отдела Наркомпроса, выходишь на огромнейшие просторы этой проблемы, но как выйти на них — это от тебя зависит».

Интернет очень много дает для общения. Там видишь «своих», ну кто у тебя друзья, они же выкладывают свои работы. В-первых, кто принимает какое где участие: кто в каких-то СМИ как себя позиционирует, как выступает, потом какие-то свои тексты кладут, опубликованные или неопубликованные. И я некоторые вещи вижу, они очень неглупые. Есть люди, которые очень

---

³¹ Российский государственный гуманитарный университет.

хотят, и очень интересно, и толково очень работают. Вот у нас Стёпа Шамин, например, для меня его «Куранты» очень далекий сюжет, но я с удовольствием его прочитала, это интересно. Потом, есть Соловьев такой, знаешь его?

В.К.: Кирилл Андреевич?

Т.К.: Да. Ну очень умный парень, очень умный. Пишет хорошо, я с удовольствием его прочитала. Даже не знаю, как он выглядит, но прочитала с удовольствием. А есть которые мне не нравятся, но пусть они не обижаются, я об этом и на заседании сектора говорю: «Это плохо сделанная работа». Вот у нас была Аня Иванова — умница, с четкими, интересными мозгами девчонка. Так она поехала в Америку, ее тут же забрали. Это понятно: человек подготовленный, написал хорошую диссертацию.

В.К.: Вопрос немножко философский: занятия исторической наукой как-то сказываются на характере исследователя, восприятии мира, на, может быть, даже отношениях с людьми?

Т.К.: Конечно, сказывается. Не лучшим образом, к сожалению. «Во многих знаниях многие печали». Когда ты смотришь на людей и на то, кто за что чем платит, это грустно вообще...

В.К.: А история и, может быть, гуманитарная сфера, она, как Вы думаете, научная или нет? Ведь не секрет, что технари отказывают и гуманитарной сфере, и истории в том, что это наука, считают, что это политика просто, что история очень сильно зависит от текущей политической ситуации, от требований руководства страны или, может быть, какой-то собственной корпорации.

Т.К.: Я бы сказала технарям: пусть занимаются своим делом и не лезут в наш огород. У нас в истории и культуре разбираются все! Меня, например, нисколько не волнует, что они по этому поводу говорят. То, что влияет на науку политика — конечно, политика за историком ходит всегда следом. И ты должен это понимать. Но, тем не менее, я же защитила диссертацию, когда все писали — «один народ», а я писала: «Черт побери, они все разные». И никто со мной ничего не сделал. Ну да, я немножко помучилась, не сразу кандидатскую защитила, может, лет на пять бы попозже. Но я и так очень рано защитилась. А докторскую уже сходу защищала. Все зависит от человека. Бывает, видишь человека, и тебя тошнит, как он стелется, как он хочет понравиться. Знаете, я много занимаюсь властью и хочу сказать — там не сидят дураки. Там все понимают, и используют тех, которые хотят

служить, но потом их выбрасывают. Все-таки они хотят, чтобы умные люди приходили. А то сидит такой вот умник, не ему же принимать решения, а цена этому решению иногда бывает — десятки тысяч жизней. И ты должен взять на себя цену этой жизни и цену этой крови. Здесь вопрос для историка, как ему взвесить и оценить этого политического деятеля. Все сложно.

В.К.: Но у историка все-таки некая власть-то есть, он же определяет и трактует политику. То есть здесь не улица с одним движением.

Т.К.: На самом деле, *определяет и трактует вашу проблему современное общество*, то, что его интересует в вашей теме, будь она проблема из времен до Рождества Христова. Если общество не задает вопросов, значит, плохо с обществом, оно не понимает или скрывает свои проблемы. До 1990-х все жили в дружбе народов. Если ты не видишь вопросов общества — это плохо с тобой!

В западной науке принято такое решение: историк вообще не пишет о живущих политических деятелях. Этим занимаются политологи. В Англии, там 50 лет — и, извините, документы поступят в архивы, и тогда Вы будете работать как историк. А пока Вы, если хотите, политолог. А политология это наука прикладная. У нас открой телевизор, там политологи. Историк не сможет оценить человека власти объективно, потому что у того в руках власть, а у тебя семья и дети. Помнишь: «Ученый, сверстник Галилея, / был Галилея не глупее. / Он знал, что вертится земля, / но у него была семья»³². В Институте истории народ не глупее Галилея, большинство нашли себя в 1990-е годы...

В.К. А вот тоже такой момент: историческое сообщество тоже не единое, есть люди, которые занимаются древностью, Средними веками, Новым временем, и они часто на исследователей XX века смотрят свысока — «это не история». Кто-то говорит, что после декабристов это журналистика, а не история. Кто-то допускает все-таки до 1917 года, дальше уже современность. Вы как смотрите?

Т.К.: Я уже о 50-летнем сроке ответила. Но им тоже могла бы ответить: «Вы, пожалуйста, датировите “Слово о полку Игореве”, что-то вы между XII и XVIII веком все находитесь. Вы же, по-вашему, историки, в помощь вам филологи, у вас есть лингвистика,

---

³² Строки из стихотворения Е. Евтушенко «Карьера» (1957).

прочее. Скажите, пожалуйста, где вы в истории найдете такое положение в науке, чтобы основной эпос такого крупного народа, создавшего огромную страну, у вас датируется и XII веком, и XVIII веком. Что такое у вас происходит? Ответьте, а тогда лезьте в советский период». У нас, по крайней мере, с хронологией все в порядке. Выпускники МГИАИ точно знают, в каком архиве лежат ответы на нас интересующие вопросы, вы только нас туда пустите. Вот вам и ответ.

В.К.: Спасибо. И еще несколько мелких вопросов.

Часто многие историки очень скептически, даже негативно относятся к журналистам. У Вас какой опыт взаимодействия с ними? И как Вы думаете, историк должен занимать какую-то активную позицию в СМИ?

Т.К.: Если зовут меня выступать, я иду, но на некоторые станции. Есть радио или телевидение, на которые я не пойду никогда. Но они же хитрецы и мастера уговаривать, приезжают к тебе, полтора часа ты им рассказываешь про что-то, потом у тебя выдернули две-три фразы и пристроили к чему-то абсолютно не к тому. И потом думаешь: «Господи, не дай Бог, кто-нибудь увидит, скажет: “Что несет-то?”». Мало журналистов, которые умеют слушать и направлять беседу. Вот я, например, очень люблю беседовать с Сережей Бунтманом на «Эхе Москвы», с Мишей Соколовым. Они сами с хорошим историческим образованием, не журналистским, знающие парни, с ними хорошо говорить — тебя «подхватывают», понимают, какие тебе ставить вопросы, а не ерничать в прямом эфире. Соколов сейчас хорошо ведет передачу «Цена революции». Он всегда тебе дает возможность рассказать, что ты знаешь и что ты думаешь. А иногда, допустим, сидит журналист и говорит: «Ну, давайте поговорим, наконец, о Северном Кавказе, например, о Баку». Я думаю: «Это же не Северный Кавказ». Ты уже не хочешь разговаривать с ним. Или вопрос: «Начнется завтра война с Грузией? Ну, скажите же, скажите!». Не скажешь же ей (Сорокиной) в прямом эфире (а надо бы, жалею!): «Позови себе гадалку». Все зависит от людей в профессии.

В.К.: Вопрос о научной школе как явлении. Вы сталкивались с чем-то подобным? Можете ли назвать научные школы нашего Института? Или Историко-архивного?

Т.К.: В Историко-архивном я знаю научную школу Николая Петровича Ерошкина, история госучреждений. Несколько очень

серьезных специалистов: Коржихина, Степанский, Анатолий Евгеньевич Иванов, Татьяна Михайловна Смирнова, Татьяна Григорьевна Архипова. Но по существу это не школа. Это, собственно говоря, направление научное, в рамках которого работает определенное количество исследователей. У Шмидта тоже известный кружок, он собирал ребят со студенческой скамьи, в ИРИ многие работают. Школа это когда твой ученик работает в твоей технологии, в твоей методологии. У нас вот в советском периоде, мне кажется, таких школ нет... Нет же школы Минца, есть направление — Октябрьская революция, которой он занимался. А какая у них была школа? У них школа была марксистско-ленинская. Они ничего другого не могли предложить. Но все-таки собрали огромную конкретику, пусть и одностороннюю, по проблеме. А что касается нашего Института, то сейчас такой период, когда старшее поколение уже уходит со своим опытом, который был ангажирован идеологией марксистско-ленинской. В рамках ее работают до сих пор десятки и сотни историков.

В.К.: А себя Вы не считаете представителем никакой школы?

Т.К.: Нет, нет, я хочу сказать, что даже несмотря на то, что я училась у мамы Зак, ее безмерно почитаю как моего научного руководителя, все-таки я ушла в другую степь от ее исследований. Она, конечно, как все люди того времени, вообще не понимала, что происходит в 1990-е годы, и Городецкий не понимал. Он меня спрашивал: «Вот ты читаешь Гефтера, он тебе нравится?». Я говорю: «Очень нравится». Он говорит: «Я его не понимаю, я его не понимаю». То есть иное исследовательское мышление они переставали понимать.

Я помню очень хорошо, как у меня в докторской диссертации был кусок, какая-то цитата, которая показывала мою склонность к этнологии и языкознанию, когда важна роль языков, когда язык формирует ментальность этноса и его картину мира. Людмила Марковна считала: «Убери, она лишняя». Я продолжала копаться в работах лингвистов, а она считала это абсолютно чуждым историописанию.

В.К.: Такой пуризм исторический.

Т.К.: Да, вот такой позитивистский исторический пуризм. Сейчас это никого не будет раздражать — ни использование этнологии, ни культурологические подходы, нюансы. Сейчас такой любопытный «компот» методологий в текстах.

В.К.: Не любите прогнозировать?

Т.К.: Не то, что не люблю, но просто, зачем оказаться потом...
История, понимаешь, она требует знания своей родной почвы.

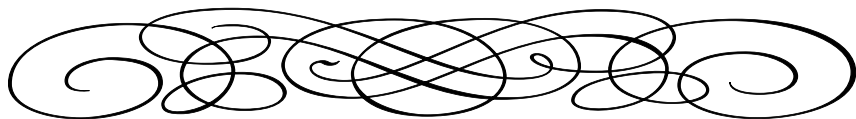
В.К.: Как контекст.

Т.К.: Да, да, родного контекста. Ты его не только в источниках видишь, ты его чувствуешь.

В.К.: Да.

Т.К.: Чужую землю я так не могу чувствовать. Свою — да, чужую — нет. Чужую не могу, нравится она мне или не нравится.

В.К.: Все. Спасибо большое, Тамара Юсуфовна!

Интервью с доктором исторических наук Юрием Александровичем Петровым

Владимир Николаевич Круглов: 1 апреля 2021 года 11:00. Интервью с Юрием Александровичем Петровым, директором Института российской истории.

Виталий Витальевич Тихонов: Юрий Александрович, у нас есть традиционный вопрос, с которого мы начинаем наше интервью: «Почему Вы стали историком?». Какие были предпосылки? Были ли традиции в семье?

Юрий Александрович Петров: Я посмотрел несколько интервью, которые вы мне присылали, и понял, что люди, у которых вы брали интервью, были уже довольно пожилые. А у пожилых людей всегда есть такая особенность — они чаще вспоминают детство (*смеется*). Я не исключение. Были ли предпосылки? Скажу два слова о родословной. Мои предки — крестьяне. С материнской стороны — из Тульской губернии, с отцовской — из Рязанской. Мой дед, Иван Егорович Петров, отец моего отца, всю жизнь провел в деревне, за исключением десяти лет, которые служил на Балтийском флоте матросом на линкоре «Андрей Первозванный», мобилизован в 1913 году, а вернулся со службы в 1923-м в свою деревню. Там нашел свою дорогую Евдокию Ивановну, и с ней родил восемь детей. Одним из них был мой отец, Александр Иванович. В юношеском возрасте, в поздний сталинский период, отец сказал ему: «В деревне тебе, Саня, делать нечего, езжай-ка ты в город». И поехал мой отец в Коломну, устроился в техникум паровозостроительный, на заводе поработал. Потом всю жизнь провел в системе профессионально-технического об-

разования, многие годы работал директором ряда профтехучилищ, был преподавателем истории и обществоведения, кавалер ордена Ленина, заслуженный учитель РСФСР, депутат многих советов, вплоть до Московского областного. Так что это у меня такая линия – формирование новой интеллигенции в советскую эпоху.

Мама всю жизнь проработала в исполкоме местного совета в городе Пушкино и была экономистом. Может быть, это как-то генетически сказалось на том, что я стал заниматься экономической историей. Хотя если говорить о том, что человеком движет в детстве, юности, то, наверное, надо сказать, что мне повезло, потому что я где-то с класса пятого, когда началась история Древнего мира, понял, что это мой любимый предмет и я очень хочу этим заниматься. Обстановка тогда была такая, что выходило много исторических фильмов, причем американских в основном, которые на наш экран попадали. Я, например, десять раз смотрел фильм «Спартак»¹, это было потрясающе. Были еще «Подвиги Геракла»², «Приключение Одиссея»³. В общем, история была для меня такая красивая сказка, миф, где действуют благородные герои, о которых хочется как можно больше узнать. Это романтическое отношение к истории я так и пронес, надеюсь, до сегодняшнего дня.

В школе история мне нравилась. У нас была школьная преподавательница, довольно грузная, не очень здоровая дама, у нее трудности были с речью. Чтобы сэкономить силы на объяснении нового материала, она обычно говорила: «Петров, иди, читай следующий параграф учебника» (*смеется*). Я выходил перед классом и с удовольствием читал, это были первые лекторские опыты. А потом твердо для себя решил, что хочу учиться в МГУ, на историческом факультете, но в 17 лет представления о том, как добиться того, чего хочешь, весьма романтические, отвлеченные. К экзаменам я готовил историю, очень хорошо ее знал, но до экзамена по истории не добрался, потому что за сочинение получил «двойку»: взялся писать сочинение по роману, как сей-

¹ «Спартак» (1960) – фильм режиссера С. Кубрика. В главной роли К. Дуглас. В советском прокате впервые прошел в 1967 г.

² «Подвиги Геракла» (1957) – фильм режиссера П. Франчиши.

³ «Приключения Одиссея» (1954) – фильм режиссера М. Камерини. В главной роли К. Дуглас.

час помню, Тургенева «Рудин», которого не читал. Зачем я это сделал — сам не помню, состояние было совершенно сумасшедшее, напряженное, когда надо что-то писать, а о чем — толком не знаю. Этого опыта как раз хватило на полноценную двойку за нераскрытие темы.

Ну что же, это был первый — и отнюдь не самый сильный — удар судьбы, и я его перенес. На следующий год, подготовившись более основательно, поступил, но лишь на вечернее отделение. Не хватило одного балла, чтобы пройти на дневное, и два курса я проучился на вечернем отделении истфака. Здесь, кстати, познакомился с Виктором Захаровым, с которым мы с тех пор дружны, а в последние годы и сотрудничаем в Институте российской истории.

А затем вспоминаю с благодарностью отца, Александра Ивановича — он сходил к Юрию Степановичу Кукушкину, тогдашнему декану истфака, и объяснил, что мне приходится очень поздно возвращаться из Москвы. Жили мы в городе Пушкино, можете себе представить: я всю Москву проезжал на метро, а потом еще на электричке 45–50 минут ехал, и возвращался домой в часа два ночи после вечерних занятий, что, конечно, родителей беспокоило. И Юрий Степанович, светлая ему память, пошел навстречу: перевел меня на третий курс дневного отделения, которое я и закончил в 1978 году. Кстати, наш курс был на удивление сильным и дружным, мы, представьте себе, до сих пор каждые пять лет собираемся и отмечаем годовщину окончания. И были на нашем курсе персоны, теперь уже широко известные: это и академик Макаров — директор Института археологии, и Вячеслав Никонов — нынешний председатель комитета Госдумы, и другие, много достойных людей. В общем, атмосфера была замечательная, настоящее интеллектуальное пиршество — собственно, о чем и мечталось при поступлении.

Со временем юношеский романтизм слегка рассеялся. Я выбрал уже более практичную тему, которая мне показалась и интересной, и в то же время, в отличие, например, от тематики общественно-политической или культурологической, областью, где что-то можно доказать (*смеется*). Мне всегда хотелось, чтобы в истории мы не только описывали события и воссоздавали атмосферу прошлого, но и понимали, что происходит, почему это случается. Отсюда и склонность к экономической исто-

рии, которая, как известно, исходит из поиска неких общих закономерностей.

На истфаке я специализировался по кафедре отечественной истории периода капитализма. Как говорил наш уважаемый профессор Пётр Андреевич Зайончковский: «Я работаю, извините, на кафедре истории СССР периода капитализма». Это была шутка в те времена, потому что сочетание СССР и капитализм — довольно странное. У Петра Андреевича я учился в спецсеминаре и мне, конечно, он очень многое дал для понимания, что такое историк. Затем, поскольку он все-таки не занимался экономической проблематикой и на кафедре не было никого, кто бы мог мне помочь, я напросился в ученики к профессору кафедры источниковедения Валерию Ивановичу Бовыкину. Но переходить на эту кафедру не хотел, потому что, честно говоря, мне казался несколько странным подход, когда человек анализирует источники, определяет их достоверность, информативность, ставит точку и говорит: «Ну, а дальше кто-то еще». Мне казалось, что источниковедение — необходимая часть исторической подготовки, но хотелось не останавливаться на ней, а заниматься самой историей. Поэтому выбор пал на Валерия Ивановича, потому что он был лидером экономического направления в середине 1970-х годов. К тому же к моменту знакомства я прочитал его книгу «Зарождение финансового капитала в России», вышедшую еще в 1967 году. По-моему, она до сих пор остается в списке трудов, необходимых для изучения нашими аспирантами, и это вполне оправданно, потому что книга действительно блестящая. Именно она меня и подвигла к тому, чтобы заняться экономической историей.

Учеников у Валерия Александровича было много. Его школа только официально имеет 33 защищенных кандидата и доктора. С учениками он очень любил работать, педагогика была одним из направлений его самореализации. Он был и лектор прекрасный, и замечательно писал. И он меня с удовольствием принял (проверил, конечно, сначала) и дал тему по истории московских банков. Это довольно сложная тематика, я никогда не имел дела с финансовыми учреждениями. Как работает банк, я не очень понимал, но у меня с самого начала оформился такой посыл, что это связано с темой, которая мне уже тогда нравилась — московская буржуазия. Та самая буржуазия, которая создавала картин-

ные галереи, богадельни, дома для недостаточных, больницы, и имена эти все прекрасно известны — от Третьякова и дальше. Но тогда такая тематика, мягко говоря, не приветствовалась, потому что все, что было связано с деятельностью буржуазии, имело в советский период негативную коннотацию. Олицетворением ее является роман «Угрюм-река»⁴, где показано, как российская буржуазия из преступления рождается и, собственно, к преступлению же и приходит. Эта была схема Горького⁵, тема естественного вырождения буржуазии и фатального ее краха. Мне это все казалось, мягко говоря, спорным.

Далее, те самые московские банкиры в историографии оценивались как какие-то недоумки, жалкие последователи петербургской финансовой олигархии. В Петербурге были банки, да, а в Москве — так, какие-то купеческие корпорации, но чем они конкретно занимались, никто, в общем-то, не знал, даже сам Иосиф Фролович Гиндин, который об этих банках писал. И вот я взялся за эту тему. Пришлось освоить финансовую литературу начала XX века, всякого рода пособия по деятельности коммерческих банков стали для меня настольной книгой. Надо было понять, что такое «вексель», что такое счета «конто», «ностро», «контокорренто», то есть всю итальянскую бухгалтерию изучить, чтобы понять, как действовал этот механизм. Разумеется, это только начальный этап, а потом надо было идти в архив, взять фонды этих банков (это громадные бухгалтерские книги, фолианты максимального размера) и попытаться понять, что же они делали. На это ушло несколько лет.

Я немножко забежал вперед. Если говорить о своей биографии, то после окончания университета Валерий Иванович дал мне рекомендацию в аспирантуру Института истории СССР. И в 1978 году, сразу по окончании истфака, я пришел сюда, в эти стены, опять-таки переполненный юношескими амбициями и иллюзиями. Получил «четверку» на экзамене по специальности и не прошел в очную аспирантуру. Поступил в аспирантуру заочную, а работать пошел в Государственный исторический музей,

---

⁴ Роман В. Шишкова (первое издание — 1928 г.), рассказывающий историю семьи сибирских купцов и предпринимателей Громовых.

⁵ Имеются в виду романы М. Горького о русском предпринимательстве «Фома Гордеев» и «Дело Артамоновых».

куда меня устроил все тот же Валерий Иванович. Они с директором ГИМа Константином Григорьевичем Левыкиным работали на одной кафедре на истфаке. И он попросил взять его ученика.

Я пошел в музей, с удовольствием там работал. Музей это особое научное учреждение, и тогда, и сегодня, там работают замечательные люди, которые, например, о ткани или о стекле, или истории изделий из дерева знают так много, как никто из обычных, «архивных» историков. Недаром Пётр Андреевич Зайончковский нас специально водил в Исторический музей, и мы познакомились с российской формой XIX века, смотрели, как выглядят мундиры и чиновные фраки, могли даже потрогать. Затем награды, ордена, мы все это видели «живьем». У меня была склонность работать с такими материалами, и музей потому оказался местом очень хорошим. Как молодой и перспективный я сразу выбился в начальники, став заведующим экспозиционным отделом. Стал делать много выставок, ездить за границу, что по тем временам было редчайшим событием, получать немало денег — в сравнении со сверстниками мне это положение давало дополнительный и серьезный доход.

В общем, все было хорошо, кроме одного — у меня диссертация «не шла», поскольку на нее совершенно времени не оставалось. Музейная, выставочная работа закручивает, есть друзья, с которыми приятно проводить время, плюс на выставках постоянно с художниками и даже с бригадами рабочих надо поддерживать отношения, то бишь предаваться возлияниям (*смеется*), что тогда было широко распространено. Благо ГУМ был рядом, и сбегать на «первую линию» было очень удобно. В общем, через какое-то время я понял, что у меня диссертация застряла, просто не смогу ее завершить. Это был 1985 год, я уже семь лет отработал в музее. Тогда Валерий Иванович и предложил мне вакансию в его секторе буржуазно-демократических революций. Он меня пригласил на должность младшего научного сотрудника с окладом то ли 110, то ли 120 рублей, что было раза в три меньше, чем в музее, с не очень ясными перспективами карьерного роста. Тут были и семейные обстоятельства: я к тому времени женился, кстати говоря, на сотруднице Исторического музея. Моя супруга, Лариса Анатольевна, и сейчас там работает, у нас двое взрослых сыновей. Тогда мы ждали нашего первенца, а ситуация была в середине 1980-х довольно мерзкая — еды не хватало, за молоком

надо было в очереди стоять, и денег не хватало никогда. Но моя супруга проявила мудрость, поняла, что меня тянет к научной работе, и благословила на этот переход. Как раз только что Горбачёв пришел к власти, март 1985 года. События общенациональные и моей личной жизни хронологически совпали.

Я пришел в Институт истории СССР и был поначалу не очень вдохновлен. Ну ладно, деньги, конечно, не главное, но они были важны — надо понимать, что тогда ситуация была совершенно иной, и молодому ученому заработать где-либо, помимо основного места работы, было практически невозможно. Публикациями? Кто возьмет совершенно неизвестного человека? Грантов не было никаких, поэтому материальные соображения играли весьма существенную роль. Но главное, я попал в ситуацию, когда из хоть маломальских, но начальников и людей, с которыми считались, стал в 30 лет таким начинающим мальчишкой, мэнэ-эсом (*смеется*). Тем не менее, я ни секунды не пожалел об этом переходе. Отношения с ГИМом у меня остались замечательные. Музеем, кстати, сейчас руководит сын Константина Григорьевича Алексей Левыкин, мы с ним, можно сказать, почти сокурсники и друзья. Но работать хотелось в Институте истории, и здесь я получил реализацию, о которой мечтал. За год закончил диссертацию, потому что обрел, наконец, возможность и время ею заняться, и в 1986 году защитил.

Но легче жить не стало. Могу добавить деталь, которая лучше позволяет понять ситуацию того времени. Когда родился мой старший сын Антон (это было в 1986 году) и прошел еще год, он подрос, ему понадобилась прогулочная коляска, и эта ситуация меня совершенно развела с советской экономической системой: я не мог этой коляски купить. То есть в магазине были, кажется, по 28 рублей на трех колесиках — назывались «самосвал», потому что ребенок все время или сам из нее выпадал, или вместе с коляской переворачивался (*смеется*). Но были хорошие коляски, которые делались по каким-то западным лекалам на военных заводах из отходов авиационного производства, в Ярославле, в частности. Их привозили в Москву партиями, и надо было ехать каждый день в магазин «Детский мир», узнавать, в какой филиал в Москве привозят эти коляски, потом добираться туда, занимать очередь... И в итоге не купить, потому что колясок не хватало. Такая информация о привозе колясок продавалась, и кто знал

об этом заранее, тот успевал, а кто не знал (как я), тот, отстояв два-три часа в очереди, возвращался ни с чем.

В общем, несколько недель провел я в таких поисках, а потом в «Детском мире», куда я в очередной раз приехал, «выбросили», так тогда говорили, детские болгарские овчинные полушубки и давали по два в одни руки. Я отстоял пять часов — и взял две шубки (*смеется*). И в очереди с мамами и папами узнал, что у кого-то есть такая коляска лишняя и что они готовы ее уступить за шубку. Так все и произошло. Я приехал к этим людям, мы произвели бартер, и хотя была какая-то разница в цене, мы даже на нее не отреагировали, Бог с ней. И тогда я понял, что эта система обречена: если в ней имеет значение только наличие товара и умение до него добраться, то наша страна в глубоком кризисе.

Так что помимо занятий наукой, мне надо было проводить много времени в других местах, к сожалению. Хотя сейчас это вспоминаешь уже скорее с ностальгией — ведь был в состоянии пять часов отстоять в очереди (*смеется*).

О чем дальше мы с вами говорим?

В.К.: Об институте. Институт и формальная жизнь.

В.Т.: Общественные настроения, и все об институтской жизни.

Ю.П.: Пришел я мэнээсом и за все время моей работы с половиной людей еще не познакомился даже — их было так много, и они были такие важные, а я-то был как все начинающие.

Мой любимый сотрудник был Андрей Матвеевич Анфимов, мы с ним часто курили на лестничной площадке (тогда это еще было можно) и беседовали. И он проявлял интерес ко мне, и сам рассказывал какие-то важные штучки. От него усвоил одно очень важное определение статистики, которое он мне сказал вроде бы в шутку, поскольку оно носит такой полуанекдотичный характер. Он сказал, что статистика подобна дамскому купальнику: показывает многое, но скрывает главное (*смеется*), и он был прав абсолютно. Человек, который с этой статистикой проработал всю жизнь, понимал, что существуют пределы нашего познания.

В.К.: У нас есть специальный вопрос о 50-летию Института в 1986 году. И никто ничего толком вспомнить не может.

Ю.П.: И я тоже.

В.К.: А ведь и орден Трудового Красного Знамени вручили.

Ю.П.: По-моему, в том году скончался академик Николай Михайлович Дружинин, и тело в зал заносили для прощания.

Я помню, что юные аспиранты и сотрудники несли гроб, и меня поразило, что он ничего не весил практически. А 50 лет и орден совсем не запомнились, я даже не уверен, что был на этом мероприятии. Тогда народу в Институте работало так много, что зал не вмещал и половины, наверное. В середине 1980-х тут, по-моему, больше 400 человек работали, а может и 500.

Власть реагировала на потребности, и Институт постоянно рос, но за счет в основном советских секторов. Советский период был приоритетным и считалось, что им-то и надо заниматься. Остальных вроде бы ценили, но больше мирились с тем, что есть еще какие-то «феодалы» или занимающиеся XIX веком. Я пришел с моим заявлением к ученому секретарю (это был Леонард Михайлович Гаврилов, его еще прозвали «Леопард», потому что он был красивый, статный), который занимался советским периодом. Валерий Иванович объяснил: «Я беру нового сотрудника, заниматься будет экономической историей дореволюционного периода». Он говорит: «Как дореволюционного? Опять дореволюционного? А кто же будет заниматься историей рабочего класса, крестьянства?». Ну, таких было много и без меня.

Одним словом, я стал работать в секторе Бовыкина, очень хороший был коллектив, творческий и дружелюбный. Мы проводили время в дискуссиях в 34-й аудитории, где проходили заседания. Тогда там работали Валентин Валентинович Шелохаев, Анатолий Евгеньевич Иванов, Наталья Анатольевна Иванова, Ирина Михайловна Пушкарёва, покойные ныне Александр Николаевич Боханов, Юрий Ильич Кирьянов, Павел Николаевич Зырянов, и много иных талантливых людей. Состав был мощный, проходили наши заседания в творческой атмосфере, так что я даже первое время робел выступать с отзывами на доклады и получил нагоняй от своего научного руководителя, который призывал быть бойчее (*смеется*). В той же 34-й отмечался каждый праздник, традиция эта сохраняется и сейчас. Сектора проводили свои застолья и это было, может быть, не менее интересно, чем заседания, потому что здесь – в дружеской атмосфере, за обильным столом – языки развязывались, и люди говорили многого такого, о чем в официальной обстановке не упоминали. Это очень действовало на молодого человека, каким был я в те годы. Начинал лучше понимать нашу профессию и связанные с ней трудности.

В.К.: У нас как раз вопрос об общественных настроениях в Институте, разговорах между сотрудниками. О чем могли говорить?

Ю.П.: Пересказать дословно содержание этих бесед не возьмусь, но общий настрой хотел бы передать. Мы уже тогда, в середине 1980-х, многое понимали: что в исторической науке скрывается, что трактуется в определенных идеологических целях. Было, я бы сказал, настороженное отношение к занимающимся советским периодом. Мы знали, что не все из них светочи науки, много конъюнктурщиков, много людей, которые пришли из истории партии, мы не считали их за «своих». Тем не менее, там были достойные люди — такие, как скажем, Зеленин или Лельчук, действительно ученые. Но, повторяю, по советскому периоду тогда было такое обилие исследователей, они все занимались сугубо индоктринированными темами с заданными результатами. Мы понимали, что это не наука.

В общем, «фига в кармане» у нас была, но мы ее по тем временам не часто доставали. Присутствовали скепсис и понимание того, что что-то должно измениться, хотя мы не понимали, что и как произойдет, и никто из нас, конечно, не предполагал, что через пару-тройку лет исчезнут Советский Союз и коммунистическая партия. В период поздней «перестройки», к концу 1980-х, общим местом стал выход из партии. Была волна такая — публичный отказ от членства в КПСС. Но скажу откровенно, именно в 1989 году я вступил в партию. По каким соображениям? Не скрою, наверное, и по карьерным, может быть, плохо, в отличие от моих коллег, предвидел исход событий. Но главным образом потому, что я все-таки поверил Горбачёву, что он реально хочет модернизировать страну, и хотел быть каким-то образом полезным в этом деле. Так что не скрываю и не стыжусь того, что в партии состоял, и билет не сжигал и не выбрасывал, он у меня хранится.

Ну а если говорить о настроениях, которые наступили после 1991 года, это, конечно, гигантская растерянность. Я вспоминаю, в то время уже работал редактором журнала «История СССР», куда меня пригласил покойный Корнелий Фёдорович Шацилло (замечательный, кстати, был историк, и тоже из нашего сектора). И помню, как сразу после декабрьских событий в Беловежской Пуще встал вопрос: «А как теперь называться журналу “История

СССР” и Институту, соответственно?». Помню, редколлегия собралась, все маститые ученые сидели, на лицах растерянность, никто не понимал, что происходит и что делать в этой ситуации. Потом, конечно, какие-то компромиссы нашли: Институт стал называться Институт российской истории, что вполне логично, а вот журнал переименовали в «Отечественную историю». Конечно, возникает вопрос: «Почему не в “Российскую”?». Прозвучало соображение, которое всем показалось убедительным: если назовем «Российской», то отторгнем от себя бывшие советские республики, а хотелось, чтобы журнал оставался изданием для всего постсоветского пространства. Поэтому «Отечественная».

В 1990-х годах была тяжелая ситуация — начался, можно сказать, голод. У меня уже было двое детей, нужно было их кормить. Надо сказать, открылись возможности заработать на стороне: можно было публиковаться в газетах, журналах, получать гонорары. Но мой опыт здесь скорее негативный: это были копейки, которые не стоили трудов и занимали много времени, отвлекали от науки. Чуть позже появились новые возможности: в 1994 году был создан РГНФ, историки впервые получили возможность получать гранты — небольшие, но это хотя бы были деньги, на которые можно прокормить семью. И появились международные связи. В 1992 году я впервые поехал на стажировку за границу, в Германию. Там тогда был такой «Штифтунг Фольксваген», этот фонд давал гранты молодым российским ученым, занимающимся историей и проблемами отношений России и ФРГ⁶. Я получил этот грант, по тем временам очень большие, просто гигантские деньги: 3000 марок в месяц, примерно 2000 долларов — такие деньги, что нам тут и не снились. И, благодаря этой стажировке, сохранив часть денег и привезя их домой, мне удалось остаться в науке — иначе вставал вопрос, чем заниматься, чтобы элементарно заработать денег для семьи.

Кстати говоря, соблазн больших иностранных денег с некоторыми сыграл злую шутку. Я знаю историю об одном ученом, который работал и у нас в Институте, и по этому «Фольксвагену» также на три месяца поехал в Германию. Ему каким-то образом

---

⁶ VolkswagenStiftung (Volkswagen Foundation) — крупнейшая немецкая частная некоммерческая организация по содействию научным исследованиям и образованию в области естественных, социальных и гуманитарных наук.

удалось договориться, чтобы немцы выплатили всю сумму сразу (обычно они давали помесечно). Он пробыл там две недели, уехал тайно и на эти деньги купил в Москве квартиру.

В общем, в 1990-е годы оставаться в науке было совсем не просто. Мне это удалось: я нашел направление, которое начал развивать с помощью своих коллег — история российского предпринимательства. Собственно, это было то же, чем я занимался и в советское время, немножко под другим названием, и эта тема стала ведущей в моей научной деятельности. В итоге она привела к защите в 1999 году докторской диссертации, которая называлась «Московская буржуазия в начале XX века: предпринимательство и политика». О защите осталось очень эмоционально окрашенное воспоминание, особенно о последующем банкете, как было интересно и приятно. Жена приготовила какие-то тазики салатов, чтобы всем хватило еды, и мы в 34-й аудитории голова на голове сидели. Кто-то (по-моему, Николай Михайлович Рогожин) мне тогда сказал: «В следующий раз ты столько приятных слов о себе услышишь на собственных похоронах» (вернее, не услышишь, а они будут произнесены) (*смеется*). Может быть, он и прав.

Защита докторской — кульминационная точка в карьере ученого. Потом опубликовал книгу по диссертации, получил за нее Макариевскую премию второй степени⁷ в 2002 году. Но, честно говоря, мне становилось душно в Институте. Я не хочу говорить плохо о своем предшественнике на посту директора, но какая-то атмосфера — как у Райкина: «мерзопакостная» — была во всем. В общении с коллегами я себя чувствовал нормально, а с начальством — нет, совсем некомфортно. Поэтому, когда поступило предложение перейти на работу в Центральный банк и возглавить там сектор истории банка, я его принял. Тем более что, не скрою, и в финансовом отношении это было весьма выгодно. Я ушел из ИРИ, и долгие шесть лет — с 2004 по 2010-й — работал в банке, но Институт не забывал и, собственно, дальше уже буду говорить об истории своего директорства.

---

⁷ Академическая премия имени митрополита Московского и Коломенского Макария (Булгакова), созданная в 1867 г. по его завещанию с целью «поощрения отечественных талантов, посвящающих себя делу науки и общепользных занятий». С 1918 по 1996 г. не вручалась. В настоящее время главная премия в области российской истории и истории Русской православной церкви.

В.Т.: Какие у Вас были задумки, когда Вы приняли бразды правления?

Ю.П.: Надо было сначала решиться, понять, для чего я это делаю. Даже мои друзья говорили, что это совершенно безнадежная авантюра, ничего не светит, «зачем тебе это нужно» и так далее. Но я чувствовал, что стоит попробовать, потому что в банке к тому времени мне стало несколько томительно. Сделал там хорошие и очень, считаю, важные проекты: например, двухтомную историю Центрального банка России к его 150-летию, каталог собрания ценных бумаг в трех томах. Одновременно возглавил проект по подготовке энциклопедии экономической истории России⁸, входил в исполнительный комитет Международной ассоциации экономической истории (был избран после Леонида Иосифовича Бородкина), участвовал в мировых конгрессах, то есть из науки не уходил. Но рамки банка мне становились тесноваты, и я решил попробовать.

Заручился поддержкой некоторых моих друзей-академиков, они написали соответствующую бумагу. Тогда ведь (да и сейчас) можно было баллотироваться на должность директора либо по решению Ученого совета Института, либо по письму академиков. Я, конечно, понимал, что на совете шансов у меня нет. А по письму решил принять участие — в том числе, потому что мне показалось, что эпоха Сахарова себя изжила. Она привела, я прямо скажу, к падению авторитета и уровня Института. Надо отдать должное, в первый период, 1990-е годы, Сахарову удалось удержать ИРИ на плаву, спасти его от возможного реформирования. Но последнее его десятилетие показало, что учреждение деградирует, я это видел. И из желания что-то сделать для Института, который никогда не забывал и связи с которым никогда не терял, я пошел на эту «авантюру». Хотя чувствовал, что даже в самом Институте не всем это нравится, а некоторые в коридорах отпускали издевательские реплики, мол, «денег заработал в банке, а теперь решил еще и должность себе занять важную?».

---

⁸ История Банка России, 1860—2010: в 2 т. / отв. ред. Ю.А. Петров, С.В. Татаринов. М., 2010; Российские ценные бумаги. Каталог собрания Музейно-экспозиционного фонда Банка России: в 3 т. / отв. ред. Ю.А. Петров. М., 2010; Экономическая история России с древнейших времен до 1917 г. Энциклопедия: в 2 т. / ред. совет: В.В. Алексеев [и др.]. М., 2008.

Если говорить о процедуре выборов, то ситуация была довольно гнусная. Сахаров и поддерживавшая его группа, а возглавлял ее академик Виноградов, подготовили комбинацию, при которой директором стал бы господин Данилов – человек, потом получивший печальную славу. Но его никто всерьез не воспринимал, предполагалось, что придет новый менеджер, а все останется по-прежнему. И вот эту комбинацию мне удалось порушить, хотя знаю, что в Отделении историко-филологических наук РАН моя кандидатура не воспринималась в качестве желательной.

Выборы мне удалось выиграть, но прямо скажу – своей заслуги в этом не преувеличиваю. Итог голосования в Отделении был скорее протестным, основную роль сыграли филологи, которые припомнили Сахарову его редакторство в издательстве «Наука», как он там их обижал, и дружно проголосовали «против». Думаю, если объективно оценивать исход выборов, то Институт удалось избавить от большого скандала и потери репутации. Если бы Данилов стал директором – с учетом того, что через год-два вскрылись позорные обстоятельства его деятельности в качестве председателя диссертационного совета МПГУ, – ИРИ получил бы очень сильный репутационный удар. Считаю, что поступил правильно – и не только потому, что занял должность, которую хотел. Надеюсь, что это было полезно и для Института, а может быть и для всей исторической науки.

В.К.: Вы помните первые выборы директора в 1988 году, после Хромова? Можете рассказать подробнее, если да?

Ю.П.: Помню возбужденное ожидание каких-то перемен (оно было общим в стране тогда). Мы все чего-то ждали, хотя не очень понимали, чего именно. Но когда разрешили вдруг провести выборы директора, чего не было никогда (директор – номенклатурная должность, его, что называется, «спускали» сверху), наши ожидания начали материализовываться... Помню, что были две кандидатуры: Шерстобитов и Новосельцев, и были доверенные лица от них, выбрали в итоге Анатолия Петровича Новосельцева. Все были просто в шоке от собственной смелости и дееспособности! Говорю больше от своего имени, но для тогдашнего молодого поколения это был, конечно, прорыв. Мы почувствовали, что «перестройка» дошла, наконец-то, и до нас.

В Институте формировались настроения. Обновленческие были сильны, но консервативные, может быть, даже еще сильнее.

Верность догме, следование указаниям были, что называется, в крови — и в мозгу — многих людей старшего поколения. Есть даже известный анекдот, похожий на быль, когда после одного из бурных обсуждений в зале заседаний Ученого совета, после разговоров о гласности, «перестройке», свободе слова вышел на трибуну один человек и сказал: «Я все понимаю, гласность, “перестройка”, все замечательно, но какие же будут указания?». Вот это — квинтэссенция настроений части людей того времени, которые ждали, что им скажут, что делать. Молодым все-таки было проще, мы сильно властью не были ни обласканы, ни избалованы, поэтому нам с ней расставаться было не так жаль.

Хотя скажу вам, было какое-то ощущение... Помню ночь на 19 августа, вышел покурить у себя дома на балконе и вот просто почувствовал, что какой-то сдвиг произошел, что-то сломалось прямо, какой-то импульс прошел, было ощущение того, что все рушится. Мы с покойным Сергеем Секиринским в дни августовского путча какую-то срочную работу должны были сдавать и встретились в «Историчке», она работала. И помню, как оплакивали свободу и тот недолгий период, когда можно было нормально жить и работать. Думали, что с созданием ГКЧП все рухнуло. А после ГКЧП было ощущение радости, что это не прошло. Но эйфория быстро проходит, история показывает, что после февраля 1917 года революционные идеалы исчезли уже к лету. Примерно так и у нас произошло, когда Гайдар включил режим экономических реформ и повышение цен, и мы моментально оказались нищими. Было уже не до эйфории, надо было просто, что называется, спастись от голода.

В январе 1992 года мы с моими друзьями, в том числе Виктором Николаевичем Захаровым, который сейчас мой заместитель, на «Москвиче» третьего нашего друга поехали по окрестным деревням Подмосковья, чтобы купить картошки для пропитания семейств. Кончилась эта затея на Рижском шоссе близ Москвы... Тогда уже общая разруха сказалась и на дорожном хозяйстве: как потом выяснилось, забыли полить кусок дороги реагентом, и он был покрыт сплошным льдом. Мы на этот лед вылетели, на скорости въехали в кювет, перевернулись. Хорошо, что была зима и снега много, так что живы остались... Картошки мы не купили, машину разбили, вот так и кончилась наша экспедиция за продовольствием (*смеется*). Времена были «веселые», по молодости

все переносится легче, конечно, но сейчас думаю — хорошо, что ваше поколение этого не застало.

В.К.: Я хочу спросить о Ваших предшественниках Хромове и Новосельцеве. Как бы Вы их охарактеризовали? Каким было Ваше ощущение от их руководства? Хромов совсем, видимо, уже под конец, а Новосельцев? Его вспоминают редко, он попал между гигантами, если можно так выразиться, недолго был директором. А, между прочим, это период переломный.

Ю.П.: Да, я понимаю. Просто думаю, вот сейчас спроси вас: «А как вы нынешнего директора воспринимаете?» А вы, может, видите его раз в три месяца. Так и я. Что Хромов? Это небожитель, у которого я в кабинете ни разу не был. Хромов был человеком партийной номенклатуры и все эти ритуалы хорошо соблюдал, поэтому говорить что-то конкретное о его руководстве не могу. Просто я с ним если и пересекался, то только во время каких-нибудь торжественных собраний, когда из зала слушал доклад.

Новосельцева я тоже не знал лично, и тоже у него ни разу в кабинете не был. И мне, что называется, не по чину было, чего мне там делать? Но — не знаю, его ли эта заслуга или нет — обстановка начала сильно меняться с его избранием. Это был, конечно, результат и того, что в стране происходило, но и того, что он человеком оказался из другой, что называется, когорты. Никаких гаек административных не закручивал, не пытался «сорвать стоп-кран» и предотвратить какие-то «нежелательные явления». Он был кабинетным ученым — и прекрасным, надо сказать, ученым, знал столько языков древних. Я высоко ценил его труды, смотрел кое-какие из них, работы у него замечательные. Очень жаль, что он так рано скончался и не успел сделать многого из того, что задумал. А каким он был администратором — даже не знаю, у меня нет данных, чтобы об этом судить.

Но то, повторяю, что при нем — благодаря ли ему или нет — начало все меняться, и так резко, это безусловно. Какие-то идеи появились: давайте сделаем это, давайте напишем то, давайте издадим сборник «Россия в 1913 году»⁹. Как раз тогда была идея о том, что мы Россию 1913-го потеряли — такую нашу благосло-

---

⁹ Россия 1913 год. Статистико-документальный справочник / ред.-сост. А.М. Анфимов, А.П. Корелин. СПб., 1995.

венную, такую процветающую — и надо забыть все, что было между 1913 годом и 1991-м, и просто вернуться в тот рай. Фильм был Говорухина, «Россия, которую мы потеряли», помните? Там такой главный посыл. Я помню, Анфимов говорил: «Что они там ерундой занимаются, начинают лакировать историю России. Давайте сделаем справочник, чем была Россия в 13-м году, на основе той самой статистики, которой все-таки много опубликовали». Появилась идея, ее подхватил Авенир Павлович Корелин. Я должен о нем отдельно сказать, это был человек, конечно, изумительный: щепетильной научной честности, принципиальности и очень хороший администратор. Именно он наш Центр XIX — начала XX века тогда и спас, дал ему новый толчок развития.

Бовыкин к тому времени уже ушел из заведования. Это отдельная тема, но не могу не сказать. Он ушел из-за того, что почувствовал, что на волне «перестройки» ему начинают предъявлять претензии из-за разгрома так называемого нового направления, в чем, я убежден, он — как человек достаточно дипломатичный и умный — не участвовал. Он не разделял позиции Тарновского, призывов к изучению многоукладности, и скажу прямо — я тоже, мне эта идея не близка. Многоукладность это заимствованный у Ленина концепт, за которым реального содержания не так много. Но я глубоко убежден, что разгром «нового направления» был преступлением тогдашней номенклатуры. Нельзя через колено ломать людей и по существу закрывать целое направление, которое было абсолютно безопасным. Опасение того, что они каким-то образом чему-то навредят — чушь, они были такие же убежденные люди партии, как и те, кто в ЦК их критиковал.

Повторяю, у теории многоукладности были оппоненты, не все с ней соглашались, в том числе и Бовыкин. Но никаких карательных мер он не применял, я это знаю точно. Наоборот, хотел, чтобы Тарновский защитился. К тому, что ему не дали этого сделать, он отношения не имел. Но, тем не менее, шлейф в виде сплетен и слухов сохранялся, и он на Бовыкина очень негативно действовал. Может быть это и стало одной из причин того, что он так рано, в 70 лет, ушел из жизни от инфаркта. Этот же шлейф и вынудил его в конце 1980-х уйти с заведования сектором буржуазно-демократических революций, как он тогда назывался. И его возглавил Авенир Павлович Корелин, который был в какой-то мере учеником Валерия Ивановича. И повторяю,

Корелин сумел этот сектор спасти, дать ему новые направления исследований, адаптировать к обстановке 1990-х годов, когда финансирования совсем почти не было, но люди работали даже за те гроши, которые им платили.

На уровне секторов мы все были довольно дружны, хорошо общались друг с другом. Не скажу про остальных сотрудников Института, у меня было такое ощущение, что я к 1990-м годам, может быть, и половины еще не знал просто. Во-первых, их было очень много, во-вторых, познакомиться можно было мало где, каких-то общественных собраний было немного. Пожалуй, только в конце 1980-х, под влиянием «перестройки», появились новые формы. Например, Елена Зубкова тогда придумала что-то вроде телемоста по образцу познеровских¹⁰, или какой-то канал телевизионный по истории, который она представляла. Что-то вроде «капустника», но серьезней. Там мы могли общаться, и с молодежью я познакомился, а вот со старшим поколением даже не со всеми.

Юлия Сергеевна Филина: А какие-то совсем неформальные вечера? Мне рассказывали, что Вы на гитаре любите петь и играть.

Ю.П.: Да, любил, и песни пел, это было. Это как раз в формате центров происходило обычно, не общеинститутские мероприятия, а наши посиделки в 34-й аудитории. Они иногда сопровождалась музыкальными номерами. Я очень люблю Высоцкого, Окуджаву, кое-что брался исполнить. Есть у меня и любимые песни, например, про заграникомандировки: «Я вчера закончил ковку, / я два плана залудил, / и в заграникомандировку / от завода угодил. / Копоть, сажу смысл под душем, / съел холодного язя / и инструкцию послушал, / что там можно, что — нельзя». Причем эта песня как раз в конце 1980-х была очень актуальна, потому что те, кто ездил в «загранку», прекрасно понимали, что Высоцкий просто взял инструкцию для отъезжающих и переложил в стихотворной форме. Так что это была тоже фига, но уже вытасченная из кармана (*смеется*).

Ю.Ф.: А гитару у Вас, правда, как-то позаимствовали?

Ю.П.: Одна пропала, даже не знаю, куда она подевалась. Потом мне подарили еще три, но песен уже стало меньше. Пели

---

¹⁰ Имеются в виду проводившиеся в 1985–1987 гг. телемосты СССР–США (ведущие – тележурналисты В.В. Познер и Ф. Донахью), имевшие большой резонанс в обоих странах.

Окуджаву, помните, у него есть такая песенка, тоже с фигой в кармане: «Римская империя времени упадка / сохраняла видимость твердого порядка». Вот так мы и жили в состоянии постоянных «аллюзий» по поводу своей империи — ясно, что она на боку лежит и что с ней будет...

В.К.: Есть как раз вопрос, который, может быть, вытекает из песни Высоцкого — об отношении к иностранцам. Когда Вы пришли, наверное, какие-то уже послабления были?

Ю.П.: Были-были. Валерий Иванович вел в те времена несколько проектов с иностранцами, причем высокого полета. Например, с американцем Рондо Камероном. Его имя может вам и не говорит ничего, а тогда в экономической истории это была настоящая «звезда». С ним они готовили коллективную монографию про банковские инвестиции в мире накануне 1914 года. Хорошая работа, она потом вышла на английском¹¹, и Бовыкин туда привлек еще Бориса Васильевича Ананьича, о котором я не могу не сказать тоже. Это мой второй научный руководитель, мы с ним очень сблизились. У меня на полке стоит книжка с его портретом — это семья издала иконографию Бориса Васильевича после его кончины. А фотографию на обложке сделал я в Буэнос-Айресе в 2002 году, мы вместе были там на конгрессе экономической истории¹². Для меня Борис Васильевич был очень дорог как ученый, как коллега и как наставник.

И вот они с Бовыкиным этот проект вели, приезжали сюда высокие персоны иноземные, ситуация уже была иная, мы уже от них не шарахались и не боялись контактов. Вели дискуссии, встречались и здесь в Институте, и дома у Валерия Ивановича, в его квартире на Ленинском проспекте.

Ситуация, да, изменилась резко. Но не скажу, что она изменилась к лучшему на 100 процентов. С одной стороны, пропал страх контакта с иностранцами, как бы чего не вышло. Но, с другой, появилось некоторое заискивание. Мы оказались в кризисе, наша система лопнула, и теперь на них начали смотреть «снизу вверх» — как на мудрых наставников, людей бо-

---

¹¹ International Banking 1870–1914 / Ed. by R. Cameron and V.I. Bovykin; with assistance of B.V. Anan'ich, A.A. Fursenko, R. Sylla & M. Wilkins. N.Y., 1991. 656 pp.

¹² XIII Международный конгресс по экономической истории в Буэнос-Айресе (Аргентина, 22–26 июля 2002 г.).

лее высокого сорта. Это появилось и долго не уходило, может, отчасти и до сих пор не ушло, хотя ксенофобия — еще хуже. И то, и другое плохо, но подчеркивание собственной значимости и того, что никакие нам иноземцы не нужны, что мы «сами с усами» — есть такой тренд в нашем обществе сейчас — мне кажется глубоко неверным. Во всяком случае, для науки. Международное сотрудничество это самый лучший способ добиться чего-нибудь реального, поэтому работать мы должны обязательно вместе.

В.К.: В этой связи как Вы оцениваете современное состояние исторической науки?

Ю.П.: Не знаю даже, как ответить на такой непростой вопрос, историческая наука настолько сейчас разная... Но что важно сказать, что отличает наше время от прошлого — сейчас я не чувствую давления, у меня нет указаний, инструкций: как делать, что делать. К примеру: приближалось столетие Российской революции. Как вы понимаете, эта дата не слишком была интересна власть предержащим, тем более что случилась Украина со своей совершенно дикой революцией, возникали какие-то аллюзии. Тем не менее, Президент, надо отдать должное, подписал указ о столетии революции, в котором ничего не конкретизировал, а просто поручил Российскому историческому обществу провести необходимые научные мероприятия — и все, дальше сами. И важно, мне кажется, то, что сейчас экспертиза Академии наук очень ценима. И власть не навязывает установок, скорее запрашивает наше мнение, чтобы сформировать собственную позицию. Эта ситуация кардинально отличается от советской истории с «новым направлением», и это во благо для науки. А мы — что называется, «не скажу за всю Одессу», но за Институт скажу — эту экспертизу обеспечиваем, и на достаточно высоком уровне. Сейчас, например, идет волна заявок на присвоение звания города трудовой доблести. Президент указ подписал в связи с 75-летием Победы, и сейчас идет волна заявок от разных городов. Ни одна из этих заявок не проходит без экспертизы РАН. Многие к нам попадают, и мы оцениваем заслуги данного города перед страной в годы Великой Отечественной войны, это очень ответственная вещь. Сами понимаете, непросто бывает, особенно если экспертиза склоняется к отрицательному заключению, но, тем не менее, мы марку держим.

То, что мы сейчас вольны выбирать приоритеты, ставить свои «вёшки», намечать новые направления исследований, мне кажется, доказывает вышедший в этом году трехтомник «История Севастополя»¹³. Мы несколько лет назад выпустили «Историю Крыма» в двух томах¹⁴. Но Севастополь — самостоятельный субъект Федерации, и город, достойный своей истории, которой еще не было написано. Сами севастопольцы предложили: «Давайте мы сделаем такую книгу». Институт взялся методически, координационно и редакционно этим руководить. И, мне кажется, проект получился. Сейчас история воспринимается нашим обществом очень заинтересованно. Такого фурора не было никогда, может быть, только на излете СССР, когда началась компания по закрытию «белых пятен». И на нас, профессиональных историках, разумеется, лежит большая ответственность, чтобы этот интерес удовлетворять реальным продуктом в противовес многообразным фейкам и фэнтэзи, которых в медиапространстве особенно и искать не нужно, их там более чем достаточно. Нашу задачу сформулировал бы так: историк должен быть подобен рыцарю при музее Клии, оберегающему ее честь и достоинство.

В.К.: Есть еще вопрос о парткоме. Какую роль он играл, когда Вы пришли в Институт, уже на излете советской эпохи?

Ю.П.: Я вступил в партию в 1989-м, когда партком уже никакой роли не играл. До этого, конечно, он был влиятельным органом, но я не берусь об этом судить. У меня информации об этом нет, отношения к парткому тогда не имел, даже в качестве объекта, к счастью.

В.Т.: Всегда ли были присутственные дни во вторник и четверг? Какие привилегии существовали для сотрудников?

Ю.П.: Вторник и четверг были, можно сказать, сакральные дни. А насчет привилегий... Как-то в столовой мы стояли в очереди с покойным ныне историком Аветяном (он внешней политикой занимался), и он сказал: «Слушайте, чего нам еще-то надо? У нас и так санаторный режим». Столовая была неплохая, присутственных дней всего два, а остальные свободны. Да все советские люди мечтали бы жить в таком режиме! Главной

---

¹³ История Севастополя: в 3 т. / под общ. ред. Ю.А. Петрова, Е.Б. Алтабаевой. М., 2021.

¹⁴ История Крыма: в 2 т. / отв. ред. А.В. Юрасов. М., 2017.

привилегией сотрудников Института было право работать здесь. И получать, кстати говоря, надбавки за ученые звания, степени, что давалось автоматом и пожизненно. Думаю, верно сравнивают наше положение с пожизненной рентой, это создало крайне негативный фактор притока в науку случайных людей, которых интересовала именно материальная составляющая.

В.К.: За публикации платили?

Ю.П.: Не знаю, может быть, в журнале «Коммунист»¹⁵ платили, но там публиковали понятно кого — птиц очень высокого полета. А у нас первые деньги за публикацию я получил только в начале 1990-х. Была просто система «живой очереди»: монография не чаще чем раз в пять лет, и за нее Вам не заплатят, потому что Вы уже зарплату получали. Это было довольно жесткое условие, особенно для людей, которые писали охотно, много и неплохо, но не могли ничего с этими рукописями сделать.

В.К.: Правда ли, что считалось, что раньше 40 лет неприлично выходить на защиту докторской?

Ю.П.: И сейчас считается. У нас были кое-какие разговоры на эту тему — не рано ли? Пришли к выводу, что есть разные обстоятельства. Но вообще да, считалось, что защита в 32, 35 лет это что-то подозрительное. Что историк должен провести в архиве много лет, и не быть скороспелым. Отчасти это разумно, потому что, даже судя по себе, понимаешь, что где-то только к 40 годам начинаешь если не уметь, то мудреть, и лучше понимать: и жизнь, и историю, и все прочее. Так что это было негласно, но да, считалось, что доктор должен свою степень заработать, прошу прощения, одним местом на стуле в архиве — «высидеть».

В.К.: Еще один вопрос — о преподавании, его роли в жизни историка. Как Вы считаете, полезно ли для ученого преподавание? Что Вы можете сказать на эту тему?

Ю.П.: Все говорят о том, что необходим союз ВУЗовской и академической науки. Что преподаватель должен обладать собственными фундированными познаниями, а не просто пересказывать то, что прочитал у других. А академический ученый должен свои кабинетные, архивные разыскания делать достоянием следующих поколений, которые придут в науку со временем. Все

---

¹⁵ Официальный печатный орган ЦК КПСС, с 1991 г. носит название «Свободная мысль».

так. И все же я не уверен, что кабинетному ученому так сильно нужна преподавательская трибуна. Есть разные примеры...

Мой учитель, Валерий Иванович, просто любил преподавание. На кафедре источниковедения он был на полставки, а на полной – в Институте. Он ставил цель «подтягивать» в науку молодые кадры, в МГУ находил перспективных молодых людей и формировал свое направление, свою школу. С другой стороны, многие крупные ученые учеников почти не имели. Ключевский тоже, кстати говоря, – все его последователи это неформальные ученики. Тут нет единого рецепта, но для меня, исходя из собственного опыта (небольшого, правда), преподавательская работа, чтение одних и тех же лекций изо дня в день – как заезженная пластинка. И ты уже волей-неволей вступаешь в эту колею, теряется свежесть взгляда, решимость пойти в другую сторону, появляется такая трафаретность, повторяемость. Времени на подготовку лекций уходит масса. Потом само чтение – я не знаю как вам, мне почему-то трудно дается. После лекции чувствую себя совершенно опустошенным, а если две подряд, то все, считай – день пропал, ни на что другое я уже не способен.

Мне преподавание мешало, и я поэтому не сильно увлекался чтением лекций, хотя своих защищенных учеников имею. Но говорю за себя, а не за проблему, каждый решает ее по-своему.

В.К.: «История это политика, опрокинутая в прошлое». Как Вы относитесь к такому высказыванию и прислушиваетесь ли Вы в профессиональной деятельности к историческим трактовкам руководителей страны и политиков?

Ю.П.: Трактовки скорее мы помогаем формировать, и прислушиваются скорее к нам, к науке. Я считаю, это принципиальное отличие от прежних времен, и никакого опрокидывания в прошлое допускать нельзя – это верный способ загубить науку, превратив ее в политический инструмент. Сейчас придумали день историков 28 марта – меня завалили в WhatsApp картинкой «Идет демонстрация историков с лозунгом “Изменим прошлое к лучшему”» (*смеется*).

В.Т.: Это «перестроечная» карикатура на историков.

Ю.П.: Юмор в этом есть, конечно, но если кто-то воспримет всерьез и попытается изменить прошлое к лучшему применительно к интересам настоящего, то мы науку потеряем. Мы живем, конечно же, в обществе и несвободны от него, наши

исследовательские интересы, как та же история Севастополя, формируется под влиянием событий в стране, но все-таки самое важное в том, что мы сами выбираем себе направление.

В.К.: В последние годы очень часто звучат понятия «социальный заказ», «общественный запрос». Должны ли академические историки реагировать на эти запросы общества?

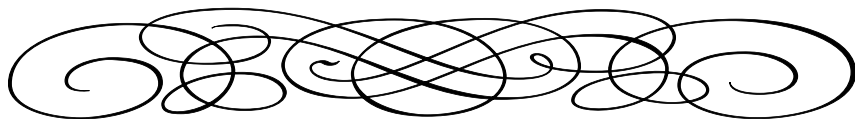
Ю.П.: Обычно это носится в воздухе, все говорят: «Ох, как хорошо было бы это изучить». И так было уже в нашей практике, когда в 2014 году начались события на Донбассе и возникло ощущение, что все говорят о Новороссии, а что это такое, мало кто себе представлял. Мы инициировали проект «История Новороссии»¹⁶, Виктор Николаевич Захаров, я считаю, его блестяще реализовал. Вышла очень хорошая книга, которая рассматривает и объясняет историю этого края и его особенности, помогает понять, почему население Юго-Восточной Украины, Донбасса отличается и тем самым вызывает такую неприязнь, отторжение другой части страны. Мне, кажется, это было полезно, и мы сделали хорошее дело. Так же и с Крымом — присоединили, и появилась идея: «У нас нет истории Крыма». В постсоветский период ее и не могло быть, потому что Крым был уже не нашей историей, а теперь он вернулся и выяснилось, что полномасштабной, академической его истории у нас нет. Мы работали по поручению Президента, но само это поручение было инициировано общественностью, так что эти вещи вполне работают, и важно только не переходить черту между запросом и заказом. Я всегда говорю, что власть очень мудро поступает, когда запрашивает у ученого сообщества экспертизу. Главное, чтобы она не заказывала ее результаты. Если этого не будет, значит, наука сохранится.

В.К.: Все, спасибо.

Ю.П.: Еще бы, два часа просидели (*смеется*).

---

¹⁶ История Новороссии / отв. ред. В.Н. Захаров. М.; СПб., 2017.

Интервью с доктором исторических наук Ириной Михайловной Пушкарёвой

Юлия Сергеевна Филина: 14 апреля 2021 года, 11:10. Ирина Михайловна, расскажите, пожалуйста, о Вашей семье: о маме, папе, бабушке, дедушке.

Ирина Михайловна Пушкарёва: Думаю, что рассказ нужно начать с того, как История, которой я служила, «входила» в меня как наука. Ведь до поступления на исторический факультет Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова в августе 1945 года я не знала, что буду не преподавателем, а исследователем. Но «история следит за нами через глазные прорезы в масках». Это я прочитала у Юрия Олеши в его романе «Зависть»¹. Теперь мне кажется, что так и было: История и за мной следила через вот такие прорезы, входила в меня, начиная с детства, а я сама того не подозревала.

Мой отец, Михаил Сергеевич из рода крестьян Богуловых (или Богуниных), уже не в первом поколении принадлежал, что называется, к «коренным петербуржцам», к их среднему, в меру богатому городскому слою, так же, как и мой дед Сергей Михайлович. К тому времени, когда родился отец, у них был собственный дом на рабочей окраине столицы. Отец рассказывал, что дед жил в селе Богунино под Кимрами Тверской губернии. Здесь, как известно, был сильно развит сапожный промысел: сапожники-кустари посылали свои заготовки и уже готовую

---

¹ Роман 1927 г. о драме интеллигента, оказавшегося «лишним человеком» в советском обществе.

обувь в Петербург: часть на фабрики, а часть продавали. И поэтому уже начиная с XVIII века многие из них стали жителями Петербурга. Отсюда пошла фамилия моего деда и прадеда Филиппа. Правда, она была переделана на каком-то этапе, и в сохранившемся источнике появилась как «Ращотов». Видимо потому, что моим предкам приходилось заниматься приемом и оплатой заготовок обуви. Потом, в годы советской власти, фамилия была переделана на «Расчетов», и еще раз на «Расчетнов»: то с буквой «ё», то с буквой «е».

Я была записана после крещения как Ирина Михайловна Расчётнова, с этой фамилией поступала в школу, университет, на работу. Мама хотела, чтобы я была записана на ее фамилию. Но Михаил Сергеевич очень гордился своей фамилией, потому что его отец, мой дед, участвовал в революционной работе, был членом партии большевиков с 1904 года, вместе с группой питерских служащих и рабочих был связан с М. В. Фрунзе. И это в значительной мере определило судьбу и его, и его семьи, а в дальнейшем и мою, и не один раз. А здесь нужно сказать об интересном для меня факте: я нашла фамилию «Расчётнов» как владельца дома, где жили мои родственники, в книге «Весь Петербург» по Сердобольской улице, д. 36. Когда стала заниматься историей Февральской революции, к величайшему удивлению узнала, что на Сердобольской, 35, в одной из квартир (дом был двухэтажный, как писал историк И. П. Лейберов) был комитет Русского бюро ЦК РСДРП, того самого, где бывал большевик А. Г. Шляпников, его секретарь в дни Февральской революции. Я этого не знала, пока случайно не заглянула в книгу «Весь Петербург» за 1914 год. Это было в 1970-е годы, и спросить мне было уже не у кого.

Что касается моего деда, то он в годы Первой Мировой войны занимался поставками через земские организации сапог для армии, и поэтому бывал с семьей не только в Петербурге, но и в других городах — в том числе, например, в Новочеркасске, где отец закончил реальное училище. Планировалось, что он потом будет поступать в политехнический институт в Петербурге², стал готовиться с репетиторами, но судьба распорядилась иначе. Мой дед в 1917 году вместе с Фрунзе и большой группой других боль-

² Императорский Санкт-Петербургский политехнический институт, ныне — Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

шевиков устанавливал советскую власть в Иваново-Вознесенске и в Ивановском районе, входивших во Владимирскую губернию. Тогда его семейство временно обосновалось в уездном городе Шуя. И оттуда, как рассказывал мне папа, они на какое-то время приехали в Москву. У младшего брата моего отца были документы о том, что дед участвовал в боевой организации большевиков, которая защищала Большой театр от эсеров во время выступления Ленина. Тогда жили на Домниковской улице, 5, которая отходила от «трех вокзалов» (сегодня проспект Сахарова). Почему я это знаю? Потому что у меня хранится альбом для марок, который отец купил внизу этого дома, на нем рукой отца обозначена дата покупки: «7 ноября 1917 года» (это уже по новому стилю). Такой вот, как говорят, артефакт. Потом все семейство деда уехало в Шую, поскольку в Иваново-Вознесенск в годы войны был эвакуирован из Риги политехнический институт. В конце 1920-х его и окончил мой отец.

В Шую меня, родившуюся 29 апреля 1927 года на Пасху, привезли почему-то из Ленинграда, крестили в той самой церкви, из которой за три года до моего рождения было реквизировано все ее богатство: оклады, дорогостоящие украшения и прочее. Остались одни иконы палехских мастеров. Моя бабушка, Прасковья Фёдоровна, хоть и принадлежала к семье партийца, считала, что меня нужно крестить и мне выписали удостоверение о месте рождения. Так моим местом рождения стал город Шуя Ивановской области.

Семья моей мамы была из другой социальной среды совершенно. И когда отец мой и мама поженились, то оба семейства, вернее, бабушки (к тому времени оба деда умерли), были против этого брака. Дед по отцу к тому времени умер в Ленинграде от операции, похоронен на новом Волковом кладбище то ли в 1921, то ли в 1922 году, так что в реквизиции церкви в Шую не участвовал.

В те же годы умер мой дедушка по маме — Виктор Степанович Романов. Его корни уходят в Шуйский уезд Владимирской губернии, где мои прадеды имели земли. В 1903 году дедушка окончил юридический факультет Московского университета. Я нашла личное дело в архиве университета, в материалах факультета, с его работой по истории римского права и фотографией. Оказалось, что он в то время жил на Арбате на углу с Криво-

коленным переулком. В Москве он женился, за год до окончания университета летом в селе Кусково у него родился сын. Его жена Анастасия Алексеевна Москалёва, моя бабушка, была коренная москвичка, жила на Покровке. Я запомнила этот дом на всю жизнь, потому что ее отец, мой прадед Алексей Петрович, до революции в доме 43 по этой улице занимал всю левую половину третьего этажа. Она в годы советской власти стала коммунальной квартирой. Ему с семьей были оставлены две комнаты, там жила после его смерти моя прабабушка Мария Платоновна. Она прожила долго и сумела поселить там своего сына, старшего брата моей мамы, который в 1940-е годы окончил в Москве текстильный институт. К нему я приезжала с мамой в Москву. Он жил там до самой смерти. В этой квартире после революции получила комнату и домработница, родом из деревни, тогда еще совсем подросток. Она была уже старенькая, когда я в начале 1960-х пришла в эту квартиру к своему дяде с маленькой дочкой. Она вышла из своей комнаты с большим котом и, посмотрев на нас, сказала: «Я теперь знаю пять поколений Москалёвых» (то есть начиная с моего прадеда и прабабушки).

Дедушка Виктор Степанович после рождения сына и окончания университета отправился с семьей в Шую, где у него был большой двухэтажный собственный дом. У него было большое семейство. Их знали в городе, где им принадлежало до революции на центральных улицах несколько собственных домов усадебного типа XVIII–XIX веков. В одном из этих домов прошло детство и юность мамы. Дедушка был в Шую членом коллегии защитников, имел «свое дело», как написала моя родственница: «Твой дедушка был лесопромышленник». Это была состоятельная семья: держала гувернантку, было четверо детей (кроме мамы, еще трое сыновей). С ними, братьями мамы, я была связана практически всю жизнь. Судьба сложилась так, что после смерти моего деда по отцу бабушка осталась в Шую с его братьями.

После женитьбы отец вместе с моей мамой Софьей Викторовной Романовой (она сохранила свою фамилию) уехал работать прорабом в Иваново и доучиваться уже там. Вместе с мамой он снимал низ большого дома (низ каменный, верх деревянный) у врача Д.В. Тихонравова. И там я прожила до трех лет, пока папа не закончил политехнический институт. Потом ему было предложено быть на первой стройке пятилетки начальником

строительства сажевого завода под Ярославлем. Но там случилось несчастье: в Волге утонула моя бабушка по отцу Прасковья Фёдоровна, которая жила вместе с нами. Работать после случившегося папа в Ярославле просто не мог, и он принял приглашение друга своего отца П. И. Шарапова-Антонова трудоустроиться в «ИвЭнерго». Эта фамилия старого большевика была в то время довольно известна в Иваново и Москве. Кстати, его сын, историк Ю. П. Шарапов, работал в нашем Институте, а сегодня мы знаем работающую в нашем Центре его дочь Аллу Юрьевну Морозову. Вот такие узоры сплетает жизнь!

Мы переехали, а вернее вернулись в Иваново. Поступив на работу в «ИвЭнерго», папа оказался на другой стройке пятилетки — возведении электрической станции в городе Комсомольск-на-торфу под Ивановым. Тут он получил хорошую инженерную должность. Тогда инженеры были в большом почете. Должность была непростая: ему полагалась машина, выделили в полное распоряжение дом 26 на улице Крутицкой. Он принадлежал до того какому-то актеру или певцу, который уехал на работу в Большой театр. Построенный в 1887 году, особняк был бревенчатым, просторным, имел рояль в большой зале — на нем часто играла мама, окончившая музыкальную школу. Там же был и кабинет папин, помню там камин. Все это случилось в 1931 году. Вскоре в Иваново началось расселение рабочих семей, и папе предложили уступить часть площади. Папа без колебаний уступил своему помощнику кабинет. С ним и его женой тетей Ксенией жили очень дружно. Но дело этим не кончилось, дом вскоре пришлось делить еще раз: к нам подселили две рабочие семьи. Папе разрешили отделить четверть дома и сделать отдельный вход. Эта квартира выходила в сиренево-жасминный сад. А из того дома на Крутицкой вышло четыре квартиры. Там я прожила до 18 лет. Папа вскоре сменил работу и перешел на механический завод сначала начальником литейного цеха, а потом начальником ОТК³.

Воспитывалась я родителями, которые были тесно связаны с Москвой и Ленинградом, часто туда ездила. Из очень раннего детства помню небольшой стол (он и сейчас стоит в соседней комнате). На этом столе всегда были папины чертежи: когда он учился в институте, то всегда что-то чертил. От ватманских боль-

---

³ Отдел технического контроля.

ших листов любила отгрызать кусок — как говорили, мне не хватало мела или кальция. Помню по именам кукол. Вот странная вещь человеческая память: сейчас я вспоминаю хорошо то, что, казалось, давно забыла. Помню, что у меня была игра, которую мне привез московский дядя. Надо было из картона складывать Дворец Советов с Лениным наверху, и я очень любила разбирать и собирать этот дворец.

Ю.Ф.: Расскажите, пожалуйста, помните ли Вы школу?

И.П.: Ну, как же! Пошла в школу в 1935 году, мне было восемь лет. Чтобы не переходила дорогу, меня записали в самую обычную начальную школу из четырех классов. В этой школе и случилась моя первая встреча с Историей. И вот как это произошло: я училась уже в четвертом классе, когда ввели обучение «истории», до этого такого предмета не было. Тогда вышел учебник под редакцией А. М. Панкратовой⁴. И на одном из уроков весной 1939 года учительница начала рассказывать про Февральскую революцию. Надо же такому случиться, что она, зная, что я всегда очень хорошо со сцены читаю наизусть книжки («Сон Буденного» и другие), решила, что так же бойко перескажу, что она сказала на уроке. Но я ничего не поняла из того, что о чем она говорила: революция, рабочие, крестьяне... Рассказывала очень сбивчиво.

Я знала, что рассказала плохо, и меня очень огорчило, что мой ответ тянул на «посредственно» (тогда не было «пятерок»-«четверок»-«троек», а были «отлично», «хорошо», «посредственно» и «плохо»). Папа пришел с завода, узнал, почему я расстроена, снял со стены литографию. На ней в коричневых тонах был изображен Таврический дворец, то есть Государственная дума. И он рассказал: «Вот смотри. Мы бываем в Ленинграде. В следующий раз, когда мы поедем туда, я тебе покажу этот дворец. Вот там, в феврале 1917 года, за десять лет всего лишь до твоего дня рождения, совершилось то, что называется революция. Почему революция? Потому что крестьяне и рабочие жили плохо, шла война» и так далее. Он кратко рассказал, как свергли царя. Он

---

⁴ Первым школьным учебником после постановления 1934 г. «О преподавании гражданской истории в школах СССР» стал пособие под редакцией А. В. Шестакова (Краткий курс истории СССР. М., 1937). Линейка учебников под редакцией А. М. Панкратовой вышла в 1940 г.

был математиком и привык быть кратким и последовательным. Рассказал, почему Ленинград раньше назвался Петроград. Папа интересовался историей. В нашей домашней библиотеке, помимо книг, которые остались с дореволюционных времен, были и такие, как книга Покровского «Российская история в самом сжатом очерке»⁵ (они у меня сохранились). Думаю, что папа и взял оттуда весь сюжет. Он сказал также: «Вот, возьми эту картину, и пусть повесят в классе на стену».

Я принесла учительнице, она: «Ой, как интересно, расскажи, что тебе рассказал отец». Я рассказала так, как папа мне рассказывал, она меня очень хвалила. А потом, когда кончился урок, спросила: «А кто твой отец? Откуда? Почему у вас эта картина?». Я говорю: «Мой отец из Ленинграда». — «Давно он из Ленинграда?». — «Да. Ему пришлось уехать, и уже давно, но его все родственники в Ленинграде до сих пор». Потом уже выяснилось, что эта немолодая учительница, Екатерина Владимировна Пестовская, имела «сто первый километр» — наказание для людей, которых арестовывали в Петербурге или в Москве, и им давалась возможность жизни не ближе, чем на 101 километр. Надо сказать, что в связи с этими высылками ивановским школам, если об этом так можно сказать, очень повезло. Уже в моей средней школе были две учительницы, тоже из Ленинграда и на таких же правах. Для них-то все было ужасно, но уровень преподавания повысился, да и иным было общение с учениками и с другими учителями в учительской. Я их выделяла в старших классах.

Но вообще в целом у нас преподавательский состав был хороший, даже в начальных классах, благодаря тогдашнему Ивановскому педагогическому институту. Выпускались и педагоги-историки, и все они шли работать в школу. Но, честно говоря, я абсолютно ничего из того, что мне рассказывали по истории в пятом классе, не помню. Единственное, что у меня осталось в памяти, когда я переходила из начальной школы в среднюю, это посещение музея в городе Иваново. О музее я должна сказать особо. Дело в том, что мой дед в Шуе имел обширную родню и в Иваново, и в Москве. Его старшая сестра Мария вышла замуж

---

⁵ *Покровский М.Н.* Русская история в самом сжатом очерке (первое издание — 1921).

за ивановского фабриканта Дмитрия Геннадиевича Бурылина, основателя этого музея. Правда, эта моя, можно сказать «двоюродная», бабушка, родив четырех детей, умерла и в 1913 году, когда музей открылся к 300-летию Дома Романовых, у Бурылина была уже вторая семья. Но собирать коллекцию для музея он начал очень давно, во всяком случае, некоторые предметы были очень схожи с теми, которые были и в моем доме как наследство мамы. Может быть, это были подарки. В частности, гобелены, привезенные из Франции, ваза и другое.

Что касается самого Бурылина, он сегодня в Иванове почетный гражданин города, кроме того, в 1990-е годы музей о нем возник на улице Советской. Когда я в этот персональный музей пришла первый раз, я была уже доктором исторических наук. Указывая на свадебную фотографию Дмитрия Бурылина, один из моих учеников, ивановских историков, сказал: «Ирина Михайловна, а это Ваши родственники!». Но я об этом в школьные годы не знала и тому были причины, связанные с репрессиями 1930-х годов, с осторожным отношением к связям отца с родственниками мамы.

В музее Бурылина им была собрана и представлена огромная коллекция экспонатов, начиная с египетской мумии. Нас, школьников, туда водили. Музей начинался большой картиной – князь Владимир, у его ног Рогнеда⁶, – и нам сразу же, как только мы входили, начинали рассказывать про Киевскую Русь. В музее были великолепные часы, которые одновременно показывали и время московское, и время в различных городах мира, на различных континентах (теперь эти часы находятся в Историческом музее в Москве). Потом узнала, что у Бурылина была личная большая коллекция масонских орденов, я до сих пор не знаю, где она сейчас находится. Но то, что он написал о ней книгу, я случайно узнала, встретив название в библиотеке в Вильнюсе, листая каталог. Вдруг увидела: Д.Г. Бурылин «Книга о масонстве и его орденах». Вот так История еще раз посмотрела на меня с укором, что я мало изучала своих ушедших родственников. Это так, но такое было время...

Ю.Ф.: Расскажите, помните ли Вы войну?

---

⁶ Возможно, имеется в виду репродукция классической картины А.П. Лосенко «Владимир и Рогнеда» (1770).

И.П.: Все годы после шестого класса у меня пришлось на войну. От шестого класса у меня скорее осталась память о географе, который очень хорошо вел свои уроки, а историю плохо помню. Потом началась война...

Знаете, видимо, меня все же тянуло к музею Бурьлина, он же Ивановский краеведческий, был недалеко от нашего дома. За неделю до войны я зашла и записалась в археологическую экспедицию в село Бородино на 23 июня 1941 года у некоего Александра Васильевича Дубинина. Работать с ним на раскопках мне не удалось, а встретились спустя очень много лет в нашем здании на Дм. Ульянова, 19, где он работал в Институте археологии.

Войну я помню очень хорошо, для меня она стала очень тяжелым испытанием. Об этом я уже немного рассказала в книге «Историки – дети войны». Когда пришел день Победы, у меня было сложное чувство без бурного проявления радости, щемящее от потери самых близких мне и дорогих людей на фронте и в тылу.

Как узнала, что началась война, прекрасно помню. Накануне к нам в гости приехал средний мамин брат Георгий Викторович Романов – он был майором, жил в Лефортово, иногда мы у него останавливались, когда приезжали в Москву. Он приехал к маме в гости. Когда сели за стол, первое что он грустно сказал: «Мне представляется, что нам в скором времени не избежать войны». Все замолчали, так как подумали о нем и о младшем мамином брате Всеволоде Викторовиче Романове. И он оказался прав.

22 июня рано утром я вышла играть в сад, окна в доме раскрыты – было очень тепло. Под окном была площадка для крокета: мне дядя Гоша привез крокет из Москвы, и я начала там играть с соседским мальчишкой Аркадием. Вдруг услышала какой-то непонятный разговор среди взрослых, взволнованные голоса, вбежала в комнату. «Деточка, – сказал папа, – началась война. И Георгий, и тетя Маруся уезжают сегодня в Москву. Мы сейчас пойдем за билетами и будем его провожать». Я говорю: «А как же дядя Сева?». Всеволод жил вместе с нами и фактически был моим старшим братом, потому что он родился в 1911 году, а я в 1927-м, 16 лет – не столь большая разница. Он много играл со мной, был горячо любимым, замечательным братом. В 1941 году он находился на военных сборах, потому что до этого уже успел

побывать в Польше⁷, вернулся и в конце июня сразу пошел на фронт как комсомолец, первым эшелонем. До войны работал на текстильном заводе мастером. Планировали, что его пошлют в текстильную академию в Москву⁸, но сначала Польша, потом фронт... И последний раз мы провожали его как раз недалеко от музея Бурылиных, там было среднее учебное заведение типа ремесленного, где проходил сбор едущих первыми на фронт. Помню, как мы его провожали. Было очень тревожно, но все же надеялись, что он скоро вернется. Он был мрачен, хотя всегда был веселым и обычно смеялся, когда говорили о войне: «Да что вы, мы немножко повоюем, и вернусь». Он погиб, как потом уже выяснилось, в первых числах августа вместе с разгромленной дивизией, всем ее штабом, ничего от нее не осталось. Но мы ничего не знали, потому что он не писал, и мы надеялись... Было от него единственное письмо-«треугольник»: «Немец бежит, все бегут». Странное письмо, оно дошло через некоторое время до его жены Вали. Дядя Сева женат был года два или три. И это письмо потом было надеждой, что, может быть, он взят в плен или в партизанах. Жена Валентина Георгиевна его ждала 20 лет и где она только не бывала, чтобы найти о нем известие. Ее родной брат был комендантом в Веймаре после войны, служил в частях НКВД. И он взял ее машинисткой, так она была причастна к документам, которые «говорили» о том, кто находился в концентрационных лагерях, кто был пленный и прочее. Все искала его фамилию, но так и не нашла. И только потом вышла замуж за их общего друга, вдовца, у которого умерла жена и осталось трое детей. Дядя Сева была самая большая первая потеря.

Тогда в Иванове началось повальное посещение церквей. Женщины стали молиться, чтобы их мужья, зятя вернулись с фронта. Были гадания. Мама как-то зашла к теще дяди Севы, Наталье Петровне Никулиной. Она завязывала платком какой-то горшочек с пауками. Ей сказали: если они будут жить, значит, зять жив. Она была человек очень набожный, у нее была мас-

---

⁷ Имеется в виду польская кампания РККА сентября 1939 г.

⁸ Московский текстильный институт. Основан в 1919 г., в 1991 г. получил статус академии и переименован в Московскую государственную текстильную академию имени А. Н. Косыгина. Упразднен в 2012 г. после присоединения к Российскому государственному университету имени А. Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство).

са икон — и вот, верила в такие «чудеса». Так что горе в Иваново было очень большим, массовым. Огромное число мужчин вернулись в лучшем случае ранеными, а значительная часть не вернулась.

Город Иваново буквально в течение месяца превратился в прифронтовой. Во-первых, было распоряжение заклеить окна бумагами крест на крест, и эти кресты были в течение примерно полутора лет на всех окнах. Затем сказали, чтобы мы вырыли траншеи в огородах при каждом доме, а у нас был большой сад, и там вместо клумб — грядки с овощами (1930-е были голодные годы). У каждого в нашем дворе было по две больших длинных грядки. Они были уничтожены, прорыты траншеи. В первые два месяца было тихо, никто не залетал. Началось осенью, зенитки не убирали и летом 1942 года. Не помню, чтобы сбрасывали бомбы, но с осени 1941 года зенитки били очень часто, ближе к вечеру.

Осенью, когда много ушло мужчин и женщин на фронт, началась эвакуация. Она началась на крупных фабриках, но рабочие, боясь остаться без работы, не давали разбирать станки. Приехали демонтировать знаменитую в стране «Красную Талку», названную по речке, где она была расположена. Директор фабрики призывал рабочих начать разборку станков, а его посадили в машину, эту машину подняли на руки и спустили в реку. Вот был такой эпизод. Это все описано, между прочим, в работах ивановских краеведов. Среди интеллигенции были противоречия в отношении эвакуации.

Папа не думал уезжать ни в какую эвакуацию, мы прожили всю войну в Иваново. Он работал на заводе. Правда, в 1930-е годы с ним произошло событие, которое осталось в моей памяти. В 1938 году, где-то весной, ближе к лету, он пришел днем очень расстроенный, сказал: «Я больше не работаю на заводе. Партбилет у меня взяли». В доме поселилась тревога, потому что ждали ареста. Тогда меня подготовили для отъезда в Ленинград к дяде Феде, двоюродному брату, который меня очень любил, и который не знал вообще, куда меня посадить, когда я бывала у него. Мы с ним катались на американских горках, такие были деревянные большие горки в Ленинграде для детей. Он работал на Кировском заводе, был слесарем высокой квалификации и ремонтировал подводные лодки, я даже однажды приезжала смотреть. Меня го-

товили, чтобы отправить к нему, но не пришлось. Трудно сказать, что произошло. Ежова сменил Берия, были какие-то условные послабления в сторону законов. Наверное, папа попал в эту категорию, потому что по совету никому не писал о несправедливости и всем говорили, что он уехал в деревню, а он уехал в Шую, а может потому, что он на военном заводе работал, где нужны были люди. Его позвали на завод, извинились и вернули партийный билет. Но на заводе он больше работать не стал, пошел преподавать сопромат в текстильном институте, вспомнив предмет, которым увлекался в годы обучения. Когда началась война, хотел уйти на фронт, но из военкомата его, 1903 года рождения, отправили опять на завод, и всю войну он там работал. Из текстильного института нас приглашали в эвакуацию, говорили, что сотрудники его едут в город Барнаул, нам даже подготовлено место в поезде. Но папа категорически отказался. Это был ноябрь.

За месяц до этого, 14 октября, я вступила в комсомол. Вскоре после этого меня избрали секретарем комсомольской организации в школе. Приглашали в Октябрьский райком дежурить на телефоне, даже в ночное время, когда нацисты находились у ворот Москвы. Причем в РК не топили, я помню зиму 1941–1942 года: там были дровяные печи, но дрова кончились. Мы ломали стены из какого-то рифленого с цветочками материала, и этим картоном топили печку. И ждали разных телефонных звонков...

Перед вступлением в комсомол папа сказал: «Надо это сделать как следует». А для вступления тогда требовались две рекомендации: члена партии и члена комсомола. Первый секретарь комсомольской организации школы мне эту рекомендацию дала, ее звали Искра Петрова. А папа сказал: «А теперь мы пойдем брать рекомендацию у друга твоего дедушки, который сейчас живет в Иванове, до этого он был уполномоченным представителем в Китае, но решил поселиться в Иваново сейчас». И тот написал рекомендацию в комсомол. Когда я ее принесла, все переглянулись, удивились. С тех пор вошла в комсомольский актив. В войну на долю школьной комсомольской организации выпало помогать тылу и фронту. Я буквально окунулась в разные организационные мероприятия, мы собирали школьников на прополку и уборку урожая. Самая большая такая уборка, в которой я участвовала — почти месяц летом 1943 года под Суздалем, тогда ночевали на соломе на полу в той самой знаменитой церкви,

куда сегодня с трепетом водят экскурсии⁹. Там нам выдали по мешку необработанного зерна пшеницы. Но до этого нас просто каждое лето бесплатно посылали на разные грядки и поля, мы собирали картофель, овощи. Зимой самым памятным событием стала организация школьников на расчистку аэродрома для посадки самолетов «Нормандия-Неман»¹⁰. И сразу же в Иванове появилось очень много французских летчиков, которым очень понравились ивановские девушки, город оживился, поскольку все молодые мужчины ушли на фронт.

После очередного похода на расчистку аэродрома в декабре 1943 года я заболела воспалением легких. Воспаление было такое сильное, что не знали, выживу я или нет, лекарств никаких не было. И помню, когда мама и врач сидели около меня, врач произнес такую фразу: «У нее хорошее сердце, эта девочка выживет». И выжила... Чего только в войну не было!

Самое страшное на всю жизнь — смерть мамы. Мама, конечно, очень была расстроена из-за Севы, потом из-за меня, сама сильно кашляла. 17 января 1944 года ее не стало, ей было 39 лет. И я осталась одна фактически, потому что папа работал на заводе, после работы затемно с завода, пешком пройдя весь город, приходил ко мне, чтобы к восьми утра идти опять на завод. Я топила большую голландскую печку, готовила себе еду, ходила в школу, много времени проводила в комсомольской организации, в десятом классе была избрана кандидатом в члены горкома комсомола.

Да, я Вам, может быть, не рассказала: в 1930-е годы в городе Иванове было очень голодно, хотя это был промышленный центр. Народ питался по карточкам и в основном с рынка, в магазинах «давали» малыми порциями. Торгсины¹¹ были, где принимали золото и серебро. У нас все ушло «подчистую», но было очень мало и до этого. Накануне того дня, когда я должна была пойти в школу, нас обворовали очень сильно. В Иванове до войны было много беспризорников, их собирали, кормили, но сле-

⁹ Скорее всего, имеется в виду Богородице-Рождественский собор, расположенный в суздальском Кремле — «визитная карточка» города.

¹⁰ Французский истребительный авиационный полк, принимавший участие в боях на Восточном фронте. Частично базировался в г. Иваново.

¹¹ Торгсин (Торговый синдикат) — советское учреждение, продававшее дефицитные товары за валюту и драгоценности. Существовал в 1930–1936 гг., отделения («торгсины») имелись во всех городах страны.

дили за ними плохо. Ночью они ходили «на дело». Говорят, что даже обкуривали людей, которые спали. Залезли и к нам, в окно в соседней комнате. У мамы оставались какие-то вещи, серебряный набор посуды и прочее, все это украли, как и папин костюм. Когда мы обратились в милицию, она ничего не нашла. Сказали: «Ищите ваши вещи в торгсине!».

В годы войны с продуктами стало совсем худо. Мама сдавала кровь, старалась меня подкормить, но и сама должна была питаться, здоровье ее с детства было не очень. Тогда каждый год ее возили на море. Помню, что в годы войны я однажды потеряла карточки, потому что ходила с ними в общественную столовую, чтобы мне давали две порции еды: папа обедал на заводе. И, идя через мост, я кошелек уронила в реку. Хорошо, что это был почти конец месяца, должны были дать новые карточки. Пришлось как-то выкручиваться обменом всего, что «брали» менять на рынке на еду. Когда началась война, то всем, кто работал на фабриках и в учреждениях, стали раздавать мануфактуру, потому что все фабрики были переключены на военную промышленность, готовили парашюты, брезенты и прочее. Мануфактуру меняли на рынке, но она быстро кончилась.

Только в 1944 году, когда ввели формы школьникам, выпустили партии синёного сатина на платье девочкам, бязь для рубашек мальчиков и передников для девочек и что-то еще для брюк и юбок, фартучков для девочек из довольно грубого материала. Были розданы «отрезы», а шить надо было самим. Как всегда, меня охватила горечь от утраты мамы. Мама была удивительная. Красивая, когда я шла с ней по улице, многие оборачивались, восхищались красотой. Веселая, работала профессиональной пианисткой, дом держался на ней. Ее хватало на помощь всем, кто к ней обращался. Много читала, постоянно была связана с городской библиотекой, помогала ей в работе с каталогами. Умела изящно делать все. Никогда не жаловалась, меня любила беззаветно. Папа отлил на заводе памятник ей под бронзу: «Романова Софья Викторовна. 30 сентября 1904 — 17 января 1944. Труженица в жизни, гордость и счастье семьи». Его украли в 1990-е годы. В дни ее похорон была прорвана блокада Ленинграда, и мы получили известие, что в одну из первых бомбежек Кировского завода погиб дядя Федя, пытаясь на крыше погасить фугасную бомбу.

Теперь осенью 1944 года мне приходилось шить форму самой, как меня учила мама. И помню, что распоролла свое старое платье, перевела лоскутки на газету, выкроила новый материал по ним и ходила в этой форме в школу. Правда, эту форму потом скрывали, а в школе нам, девочкам, выдали белые пушистые свитера, которые давали солдатам на фронте. И я уже в 1944–1945 году ходила в свитере, а не в этом сатиновом платье.

Ю.Ф.: А были ли эпизоды шпиономании во время Великой Отечественной войны или раньше?

И.П.: До войны помню, в войну – нет. В Иванове огромное число улиц было названо именами революционеров, были памятники революции, много рассказывалось об этом в школе. Народ жил тем, чем жила вся страна. Предвоенное время очень сильно чувствовалось всеми, даже детьми. Даже в наших балетных выступлениях учили танцы, связанные с тачанками, много было песен о войне. В 1930-е годы сталинские репрессии также нашли отражение в детской, школьной среде. Школьники на переменах сравнивали между собой спичечные коробки, искали на них «тайное», «шпионское» – как загадочная картинка – изображение профилей «врагов народа»: Троцкого, Бухарина. Общество, включая детей, «пропитывалось» отношением к ним, как к врагам, «шпионам», которых засылают к нам капиталисты из других стран; кинокартины в предвоенное время были также о шпионах, диверсантах.

Народ как бы готовился к войне, но когда она начнется – гадали, никто не знал. Неожиданно наступил просвет, все вздохнули: «Может быть, обойдется», когда в 1939 году было заключено это соглашение с Германией¹². Отменили карточки, открылись магазины, появились даже пирожные, много мандаринов, привезенных из Китая, стояли очереди, их быстро разбирали, но, тем не менее, были. Как только началась война, на второй день на прилавках ничего не осталось, кроме крабовых консервов, это было и в Москве. Очень хорошо помню: и соль, и спички, все-все было сметено. В лавках был скуплен керосин, потому что люди, зная, вероятно, еще по Первой Мировой войне, что брать, готовились пережить войну.

До войны было построено много новых красивых школ. Все они стали госпиталями. Нас перевели в другую школу, но уже через

---

¹² Имеется в виду «пакт Молотова–Риббентропа».

год там тоже возник госпиталь. Занимались в три смены, ходила до школы примерно 40 минут, причем в морозные дни, в темное время суток. Классы были распределены так, что, например, седьмым классам приходилось ходить в совершенно темное время. Появилось много хулиганья, родители встречали школьников. Когда и эта школа была занята госпиталем, я была в восьмом классе. Мы стали учиться в помещении табачного ларька, который был довольно просторный, тоже выстроен незадолго до войны. Стоял он между химическим и текстильным институтами. Ларек отапливался с помощью каких-то нагревательных приборов, потому что электричество было все время. Посередине комнаты стоял большой стол для нашего класса. Все сидели в валенках, накинув верхнюю одежду. Помню, что нам стал преподавать историю Средних веков один из фронтовиков, который заканчивал лечение в госпитале, и нам повезло, он был очень хорошим учителем истории. Приходил в класс и говорил: «Ну, так что же, значит так: голове должно быть холодно, ногам тепло, а желудку голодно». Потом он увлекательно рассказывал про Средние века, про курфюрстов, про Германию, Возрождение. Много из этого запомнила. Настолько, что когда мне пришлось сдавать потом Средние века в университете, я кое-что оттуда помнила, когда читала ВУЗовские учебники. Но на следующий год он ушел снова на фронт, больше мы уже его не видели и ничего о нем не знали.

Ю.Ф.: Но, тем не менее, обучение в школе не прекращалось?

И.П.: Обучение в школе не прекращалось. На следующий год, осенью 1943-го, нас уже перевели в другую школу, на улицу Бубнова¹³, это была бывшая гимназия. Там было все по-другому: хорошие классы, большие светлые окна, хороший физкультурный зал и прочее, там я кончала девятый и десятый класс. Эту школу я очень хорошо помню — как секретарь комитета комсомола пропадала там все дни буквально: организовывала помощь старших школьников госпиталям. Тогда стала предполагать, что хочу быть преподавателем русского языка, литературы или математики, потому что мне приходилось, начиная с пятого класса, по просьбе учителей заниматься с отстающими учащимися. Таковых было очень много, район-то рабочий.

---

¹³ Улица была названа в честь революционера А.С. Бубнова в 1963 г. В описываемое время это две улицы — 1-я и 2-я Краснопродные.

Ю.Ф.: А «тяжелых» детей в школе не было?

И.П.: Были в каждом классе. С ними приходилось тоже заниматься, даже с хулиганами. Один из них так и не перевоспитался, хотя пошел в ремесленное училище, окончил его, очень способный, со мной весело занимался русским языком и арифметикой, по фамилии Хусаинов. Но судьба его сложилась плохо. Когда я приехала через много лет в Иваново, узнала, что он был арестован и расстрелян за бандитизм. Еще когда заканчивала школу, он уже, по-видимому, возглавлял какую-то банду. Был тогда случай: я пошла на край города, на кладбище, на могилу к маме. Это была осень 1944 года, поздно возвращалась через мост, и вдруг меня окружили какие-то парни. Свист начался, я сначала не очень испугалась, но они стояли плотным кольцом, стало не по себе. Стали приставать и вдруг голос: «Ира, это ты, что ли?». Это был Хусаинов. И тут же они все исчезли. Вот только сейчас Вы мне задали вопрос, и я вдруг вспомнила этот случай (*смеется*).

Ю.Ф.: Вы всегда были отличницей?

И.П.: Была отличницей во всех классах, окончила школу с золотой медалью, одной из немногих тогда в Иваново. Во всех табелях, которыми кончались дневники за каждый класс, были пятерки. Но отец говорил: «Задаваться нечего, ничего удивительного, ты в другой семье растешь». Это было от книг. Книга была для нашего дома — все. Классика прочитывалась дома или в библиотеке, магазин книжный был на нашей улице, книги детские поступали редко и небольшим тиражом. Я бегала каждый день до войны в магазин, боялась упустить новую, собирала выпуски «Книга за книгой», мне привозили родственники из Москвы. Охотилась за Львом Кассилем, Сергеем Розановым. Прочитала в книге «Алюта — воздушный слоненок»¹⁴, что планировали в новой Москве на крыше поставить сооружение с вот такими большими колесами, чтобы через них ходили воздушные трамваи. Я ее много раз перечитывала, рассказывала одноклассникам о том, что в Москве будут движущиеся тротуары, что будет не только метро. Метро я знала с 1935 года. Как только открытие началось, ко мне приехал дядя и сказал: «Поедем в Москву, будешь смотреть метро». И я помню: вошла в метро на улице Красные

¹⁴ Цикл произведений С. Розанова о школьниках — «Приключения Травки» (1928), «Алюта — воздушный слоненок» (1936).

Ворота, сейчас эта Лермонтовская, и потом немного мы проехали, по-моему, до Парка Культуры. Во всяком случае, очень меня поразило. В «Алюта — воздушный слоненок» было написано, что будут такие тротуары, что можно будет как в метро ездить, а вокруг будут сады с апельсинами расти, потому что будет теплый климат. Вот так нас воспитывали: с одной стороны — внушали, что война и прочее, а с другой стороны мы верили в то, что будет что-то светлое, понимаете? Так школьники думали — не все, конечно, разные семьи были, но мое окружение, те, кто вокруг меня в комсомоле был, — они верили в будущее все время.

Ю.Ф.: А какие журналы, газеты Вы помните?

И.П.: Журналы помню меньше, но часто их брали в библиотеке. Газет было много, отец просматривал каждый день «Правду», ивановскую «Рабочий край», «Комсомольскую правду», «Известия» и другие, на которые можно было подписаться, по-моему, и «Литературную газету». К тому же отец был радиолюбитель с 1920-х годов. Сначала он с другом смастерил детекторный приемник, маленький аппаратик, на нем нужно было крючочком с каким-то элементом дотрагиваться до другого элемента, надевать наушники, и слушать то, что назвалось радио. Потом к 1945 году сделал настоящий приемник и радиолу. Ее верх был для пластинок. Их тоже было много. На столе в маленькой столовой раскладывал всякие детали и мастерил по выходным месяцами. Приступил и к телевизору, когда я уже уехала в Москву. Радио у нас выключалось тогда, когда мама садилась за пианино. Были и детские издания: журнал «Пионер», газета «Пионерская правда», в Иванове — газета «Всегда готов!». Кстати, в ней летом 1940 года, когда я была в шестом классе, вышла большая статья с моей фотографией, называлась «Хороший товарищ» (*смеется*).

Ю.Ф.: Вы упомянули, что папа Вам говорил, что не надо зазнаваться, что ты отличница. А говорили ли дети: «Вот у тебя так, а у нас по-другому»?

И.П.: Вы знаете, зависть среди детей я чувствовала только где-то в младших классах, в начальной школе. В пятом классе, шестом я приезжала из Ленинграда хорошо одетая: тетя моя там работала в Доме моделей и мне из остатков что-то шила. В годы войны все были равны, обменять на рынке на продукты тоже надо было уметь. Мамочке и мне это не очень удавалось.

Но в войну ивановские организации делали немало, чтобы уберечь, взять под надзор детей из семей, где отцов не осталось, а матери были заняты круглые сутки на работе. Причем Иваново делало все, чтобы уберечь свои кадры. И летом 1944 года меня устроили работать на лето в лагерь пионерский, где были собраны хулиганистые мальчишки — школьники классов третьего, четвертого, пятого, — и дали мне отряд пятого класса. В лагере были дети с такими именами, как Станаркон (сталинская народная конституция) Лагшмивара (лагерь Шмидта в Арктике). Мне не верили, когда я рассказывала. Много времени спустя я это имя встретила у К. Чуковского. Таких имен в Иванове было очень много: Ким (коммунистический интернационал молодежи), Марлен (Маркс—Ленин). Пришлось туго, какие они только не придумывали гадости, но нужно было не кричать, а убеждать — за вожатыми следили воспитатели, чтобы они не повышали голоса. Этот лагерь был под Талицами¹⁵. Мы устраивали костры, выявляли таланты — кто пел, кто показывал спортивные номера, всем отрядом учили стихотворение о подвиге Зои Космодемьянской: кто быстрее запомнит слова.

Но вернемся к другому, ближе к Истории. Как Вы правильно сказали, я получила золотую медаль. Еще до войны предполагали, что я хорошо окончу школу, приеду в Ленинград, буду жить у дяди Феди и учиться в Ленинградском государственном университете. Все изменилось, потому что сразу после аттестата я поехала в Ленинград, а дома, в котором я останавливалась, уже не было. У него низ — каменный, а верх — деревянный, и он был разобран. Там жила еще его родная сестра, двоюродная сестра папы, даже две: одна сразу умерла в годы войны, другая же получила квартиру на Лиговке. И, значит, я пришла туда, ее не было, мне позвонили, сказали, что там большая коммунальная квартира: «Вот, пожалуйста, ключи, можете открыть». Но соседка сказала: «Дорогая моя, лучше сейчас не селиться. А Вы знаете, где она? Она в институте Бехтерева¹⁶, мы ее то отвезем, то

¹⁵ Село в Ивановской области. В годы войны в лагере близ него находились военнопленные (немцы, итальянцы и румыны), действовала «антифашистская школа» для их идейной перековки (до 1946 г.).

¹⁶ Ленинградский психоневрологический институт имени В.М. Бехтерева (ныне — Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и неврологии имени В.М. Бехтерева) — научно-исследовательское и клини-

привезем». Она фактически выжила из ума от голода, от всего пережитого. Я сказала папе об этом, позвонила ему — поскольку он был на хорошей работе, у нас всегда дома был телефон. Это меня, между прочим, связывало и с райкомом, что тоже тогда имело значение — как я с миром связана. Он сказал: «Надо нам держать курс на Москву».

Ю.Ф.: А помните окончание войны?

И.П.: Да, очень хорошо помню. Окончив десятый класс, я ждала первого экзамена на аттестат зрелости. К тому времени у нас установилось раздельное обучение. Мы готовились отметить окончание школы с отделенной от нас в 1944 году мужской школой. Те мальчишки, которые были тогда в нашем классе, но старше меня, 1926 года рождения, были в армии или доучивались в техникумах, где 18-летних не брали. Из моего класса так ушел Лева Рудман, он погиб под Ленинградом. Родители от него не получили ни одного письма и долго ждали вестей после войны. Горе спланивало людей, но 9 мая 1945 года был праздник. Он был не такой, как в Москве. Магазины были пусты, но все же завезли некоторых продуктов побольше, а главное — хлеба. Об окончании войны и подписании мирного договора я узнала из черного репродуктора дома. Каждое утро я включала электрическую плитку, ставила варить себе картошку, включала радио и, как отец, каждый день прослушивала известия. Объявления об окончании войны ждали не первый день. Утро 9 мая началось со слов: «От Советского Информбюро...». Пошла в школу, там не могла не разделить радость с теми, кто теперь дождется возвращения фронтовиков, а главное, что мы победили немцев, Гитлера. Толпы народа с этого дня собирались на вокзале к приходу рано утром московского поезда, поехала на трамвае и я со смутной надеждой — может быть вернется Сева. Потери близких засели глубоко, они приглушали радость и от похвал во время экзаменов, объявления на выпускном вечере о получении золотой медали. Начала собираться в Москву. Большими деньгами папа мне не мог помочь. Через год после смерти мамы он женился — ему было 42 года. «Она» намеревалась переехать из собственного дома, где

ческое учреждение, организованное в 1907 г. для научной разработки психологии, психиатрии, неврологии и других дисциплин, изучающих психику человека.

жила ее мама, в нашу квартиру. Я вела себя по отношению к ней уважительно, но все это усилило мою тягу в Москву. К тому, что мне дали в дорогу, я добавила денег от продажи на рынке учебников, их было мало, а у меня они были за все старшие классы.

Ю.Ф.: Когда Вы выбрали исторический факультет?

И.П.: Я приехала в Москву 1 августа 1945 года. Пришла в приемную комиссию университета и сказала: «Я хочу поступить на филологический факультет». В школе мне все говорили, что я должна буду поступать только на математический или на физический факультеты. У нас было два прекрасных преподавателя математики, которые сменяли друг друга с пятого по десятый класс: София Геннадьевна и Алексей Геннадьевич Великосельские. Я у них была отличница. Почему? Потому что папа летом со мной, еще в пятом классе, решал задачи. Он говорил: «Вот тебе делать нечего, я тебе купил книжек». Он такой питерец был типичный: закатывал себе рукава белой рубашки и так на завод приходил. Говорил: «Питерский стиль у меня сохранился». Когда он заходил в трамвай ивановский, садился, все немножечко так сторонились, потому что он всегда на завод ехал, а потом халат там одевал и так далее. Так он мне говорил: «Давай решать арифметические задачи. Вот тебе общая тетрадь, вот тебе задачи, и вот давай решай». — «Не буду, не хочу, я в бассейн пойду, с дядей Володи в лес пойду». — «Ну что тебе стоит? Ты посмотри, как ты быстро делаешь. Нет, ты знаешь, ты сделала таким путем, это ты правильно сделала. Можно еще другим путем решить, давай-ка подумаем». У меня была общая тетрадь и в ней были эти задачи, поэтому в школе мне ничего не надо было делать. Меня хвалили, естественно, но я же чувствовала, что это не мое.

Литература меня очень привлекала, как и чуткость учительницы, которая ее вела — Галины Николаевны Мельниковой. Когда умерла мама, то она, сочувственно относясь ко мне, сказала: «Тебе нужно работать в хорошей библиотеке (в Иванове была библиотека для инженерно-технических работников). Давай ты возьмешь тему “Слепцовская коммуна”¹⁷ по литературе. И сделай мне на эту тему доклад». Какой доклад? Почему я должна делать? Ничего не сказала абсолютно. «Да ты об этой коммуне

¹⁷ Знаменская коммуна была организована писателем В.А. Слепцовым на началах совместного ведения хозяйства. Существовала в 1863–1864 гг.

просто нам расскажешь». — «А как же я?». — «Вот ты подойди, скажи — мне нужна такая вот литература. Имей в виду, Слепцовская коммуна была связана с Чернышевским, поэтому ты можешь от Чернышевского отходить и все такое прочее». И вот я окунулась в эту коммуны, она мне не понравилась, думаю: «Боже мой, что же такое там...». Она же не учила меня читать документы, источники, я просто читала то, что написано в учебнике, других книжках и прочее. Скомбинировать их я, конечно, смогла, поэтому за 40 минут урока доклад сделала. Она меня, конечно, похвалила, но никакого впечатления у меня от этого не осталось. Об этом столкновении с Историей я вспомнила, когда у меня в гостях в начале 1960-х годов была польский историк Виктория Сливовская, которая не один год занималась «Слепцовской коммуной».

В девятый класс к нам пришла замечательный историк и педагог Анна Владимировна Шипулина. Была тишина, когда он вела уроки. В десятом классе она поручила мне сделать доклад о Русско-японской войне, о которой неожиданно появилась интересная книга А. Н. Степанова «Порт-Артур»¹⁸. Я ее, конечно, прочитала, и все, что там было, вложила в эту самую схему, это было очень просто. Когда я первый урок стала вести, она сказала: «Ну как, задержимся, ребята, еще, чтобы Ира нам рассказала до конца?». Все говорят: «Даа». И я стала рассказывать: и про бал — когда напали японцы, там же бал был в Порт-Артуре, короче говоря, все детали рассказала, и она сказала: «Все, Ирочка, Вам (а тогда нас уже называли на «Вы») надо обязательно идти на исторический факультет. У Вас к этому есть, безусловно, способности». Я думаю: «Нет, на исторический все-таки я не пойду, если преподавать буду, то скорее литературу».

Да, кстати, Анна Владимировна потом уже стала доцентом в Ивановском университете, заведующей кафедрой, деканом истфака. Она приехала в 1967 году в Ленинград на конференцию по Февральской революции. До этих пор я ее не видела, подошла к ней, поздоровалась и сказала: «Анна Владимировна, а Вы меня помните?». Она взгляделась: «Я помню, что Вас зовут Ира, и что

---

¹⁸ Роман А. Степанова «Порт-Артур», посвященный событиям русско-японской войны, опубликовался в 1940–1942 гг. В 1946 г. удостоен Сталинской премии 1-й степени.

Вы очень хорошо учились, но больше я ничего не помню». Имея наготове в себе всегда иронию, подумала: «Так приходят к зубному врачу, и он говорит: “Этот зуб я уже лечил”» (*смеется*). Вот так и на этот раз посмотрела на меня История «через глазные прорезы на масках».

Пришла я на приемную комиссию, а она была в старом здании Московского университета. Вообще тогда все было в старом здании на Манежной площади: и библиотека, и поликлиника, и две огромные аудитории (Коммунистическая и Ленинская) для студентов разных факультетов, и даже студенческий театр. Истфак был на улице Герцена¹⁹, 5. Я подошла к столу «Филологический факультет». Там сидела скужающая женщина, я сказала: «Хочу подать заявление на филфак». — «И куда Вы хотите?». — «Я хочу на преподавание русского языка и литературы». — «Вам придется поговорить, у Вас золотая медаль, но у нас уже лимит кончился. Пойдите быстрее к ученому секретарю на филфак, что он Вам скажет». Когда через много лет я прочитала у Фазиля Искандера, как он поступал на филфак в университет, то поразились: этот разговор был точной копией разговора абитуриентов в приемной комиссии с той женщиной, которая принимала документы.

Я пошла к ученому секретарю, он что-то быстро собирал на столе, и сказал: «Все, прием закончен». Я говорю: «А у меня золотая медаль». — «Ну и что? У меня лимит закончен, больше мест нет». Кроме медалистов были еще вернувшиеся фронтовики, были люди с работы. «Впрочем, знаете что, я бы мог Вас взять на изучение латыни и греческого языка». К этим языкам я не была готова. В Иванове, да, занималась французским языком, занималась неплохо, даже на истфаке пошла в сильную группу. Ну, заниматься только языком как-то для меня слишком неожиданно. И где потом преподавать?

В Иванове мне сказали: «Если что не так — иди в Московский городской комитет комсомола в Колпачный переулок, 5, к Косте Кондрашину. Расскажи все, что ты хочешь». Я пошла, думая: «А почему нет? Попробую». Константин Николаевич Кондрашин был секретарь по агитации и пропаганде горкома комсомола. «Да, — говорит, — мне звонили из Иванова. Так вот, я хочу сказать тебе, Ира (в комсомоле все были на «ты»), зачем тебе этот

---

¹⁹ В 1993 г. улице возвращено дореволюционное название Большая Никитская.

филфак? Надо идти на исторический факультет, надо заниматься китайским языком, сейчас это самое важное». Убеждал мне очень долго, так и не убедил. Но сказал, что позвонит в университетский комитет комсомола, и чтобы завтра я пошла туда.

Но я пошла прямо в приемную комиссию исторического факультета. Там сказали, что осталась еще пара мест: «Золотая медаль – очень хорошо! Значит так, Вы с 25 августа приедете мыть полы в общежитие на Стромынке, 39. Мы отмываем от военного госпиталя здание для общежития. Я Вас записываю в это общежитие». Мы убирали самую грязь, военные только что уехали. А у родственников было очень тесно, я позвонила Константину Николаевичу и говорю: «Вот у меня беда с домом». – «Очень хорошо. Будешь жить в гостинице ЦК ВЛКСМ, в Комсомольском переулке²⁰. Там, правда, ремонт, но в некоторых комнатах он уже кончился. Только не одна там будешь, там еще могут приехать к тебе». – «Ну и очень хорошо». Там был двухместный гостиничный номер, в котором я поселилась. Ездила убирать помещение на Стромынке. Там было пока невозможно ночевать, хотя некоторые девочки оставались в каких-то комнатах. Поскольку я имела место в общежитие, мне уже выделили комнату, сказали: «Четвертый этаж, 402». В нашей комнате было шесть мест, один шкаф, посередине один столик, теснота ужасная. Ремонт в гостинице кончился к 1 сентября, и мне пришлось переехать. С 1 по 17 сентября студенты поехали в Красновидово на уборку картошки, а я как иногородняя – в Иваново, забрать осенние и зимние вещи. И приехала только к 17-му числу, к началу занятий. Жалела, что не поехала в Красновидово, там все сдружилось. Поселилась в общежитии, и в первый же дождливый день мне на подушку сверху стала капать вода (*смеется*).

Подушку я осушила, отодвинула кровать в центр. Что было делать? Начала ходить на лекции. Заболела, простудилась. Вдруг в перерыве между лекциями меня встречает дядя, младший папин брат, он приехал из Молдавии, где работал с 1944 года в правительстве: «Где ты живешь?». Я говорю: «В не очень хороших условиях». «Ну, поедем», – говорит. Когда увидел, говорит: «Да, ну просто люкс. Другого не могу сказать. Где мы вечером встре-

---

²⁰ Точнее Большой Комсомольский переулок. В 1993 г. ему возвращено дореволюционное название Большой Златоустинский.

тимся?». Я ему сказала, где, он говорит: «Вечером обо всем договоримся». Позвонил своему помощнику и говорит: «А теперь мы с тобой поедem к Лидии Степановне Сазионовой, эта сестра моего помощника». И я стала жить у нее до своего первого замужества. Правда, у Лиды была сначала одна комната, потом появилась и вторая. Это была Каляевская улица²¹, 2, очень удобно было ездить в университет: пятый автобус останавливался около дома и вез до улицы Герцена. Я помогла ей с маленькой дочкой, была и няня, случалось, ходила с ней гулять в сад «Эрмитаж».

Ю.Ф.: Расскажите о своей первой лекции.

И.П.: Первая лекция. Надо сказать, что на историческом факультете было с дореволюционных времен правило: давать читать первые лекции самым заслуженным и по возрасту старым профессорам. Оно сохранялось очень долго, пока не стал там деканом Б.А. Рыбаков. С тех пор первую лекцию первокурсникам читал всегда он²². В этот 1945 год первую лекцию пригласили читать Дмитрия Константиновича Зеленина, 70-летнего блокадника, до революции доцента Петербургского университета (он его окончил в 1915 году и там же начал преподавать). Лекция по мифологии Древней Руси началась в Ленинской аудитории. Он в тот день был нездоров, голос тихий, слабый. Тишина была гробовая, никто не переговаривался между собой, кто-то на первом ряду старательно записывал. Когда лекция кончилась, также тихо все расходились, шли, переговаривались: «Ну, это же почетно — прочитать первую лекцию первокурсникам».

Теперь я Вам расскажу о том, что представлял собой истфак, могла бы об этом рассказывать очень долго. Я любила истфак. В течение пяти лет в каждый семестр случалось, что аудиторией владели замечательные лекторы, ученые разносторонних уникальных знаний, высочайшей культуры. Это были и лекции убежденных сединой профессоров, и их учеников, доцентов. Среди «русских феодалов» в памяти остались лекции Грекова, Бахрушина, Тихомирова, Базилевича. Каждая отличалась по-своему — содержанием, формой подачи материала. Из «всеобщников», некоторых из которых я встретила потом в Институте истории

²¹ В 1992 г. улице возвращено дореволюционное название Долгоруковская.

²² Б.А. Рыбаков занимал пост декана исторического факультета МГУ в 1950–1952 гг. и пост проректора университета в 1952–1954 гг.

АН СССР, были Косвен, Сказкин, Виппер, Смирин, Косминский, Неусыхин. Среди историков, ставших моим «новым временем», в памяти сохранились лекции Сергея Сергеевича Дмитриева, Аркадия Лавровича Сидорова. По советскому периоду: Генкиной, Минца, Городецкого. Запоминались лекции и профессоров стран Востока – Евгения Михайловича Жукова, Георгия Борисовича Эренбурга, двоюродного брата Ильи Эренбурга, а также Рейснера, Беляева, Заходера. Живые, интересные лекции на фоне скучных по форме «академических» лекций читали историки партии – профессор Москаленко, доцент Ацаркин. В числе других лекций, которые читались на истфаке в то время и остались в памяти: западная и русская философия, отечественная и зарубежная литература, факультатив по истории права, экономики. По этим предметам мы сдавали по некоторым зачеты, а больше – экзамены. Иногда студентам устраивались «праздники»: блистательные лекции профессоров, которые уже читали редко в связи с возрастом, но соглашались на такие выступления и овладевали аудиторией с первых слов. Вот такой лекцией для меня было выступление академика Евгения Викторовича Тарле о французской революции. Аудитория просто замерла, столь увлекательно емкими, содержательными были уже первые слова лекции, и так до конца.

Ю.Ф.: Он был хороший лектор?

И.П.: Не то слово! Не лектор, а артист, умевший держать зал в напряжении, заставлявший проникать в сказанное.

Важны были не только лекции, но и семинары, раздумья по поводу прошлых событий и фактов, мысленное сравнение их с настоящим. Критическое восприятие прошлого наталкивало на мысли о восприятии действительности. Не знаю, существует ли сейчас такое на истфаке, но тогда это было особенно заметным у профессоров старой школы, которые умели это делать тонко и блестяще. Значение истории как науки поднималось с самых первых занятий. Первым семинаром, куда меня распределила учебная часть, был семинар по истории Древней Руси профессора Бориса Борисовича Кафенгауза. Это крупный источниковед, тихий, без эмоций, углубленный всегда в себя, влюбленный в историю, в исторический документ. И самое главное – он учил читать источники, что пригодилось на всю жизнь при занятиях наукой. Он обладал умением и показывал, как может рождать-

ся мысль при чтении двух-трех статей в «Русской правде» и как можно сделать свою статью при этом и даже поместить ее в научном журнале. То же можно было рассказать и о других первых лекциях и семинарах на первом курсе: Косвена о первобытном человеке, Арциховского по археологии, с его самыми первыми находками берестяных грамот. Но я перехожу к более позднему периоду, к созданию моей дипломной работы.

Ю.Ф.: Торопиться не нужно (*смеется*).

И.П.: Хорошо. Тогда о первом экзамене. Первые два курса было то, что можно назвать продолжением становления характера. Для меня новым было не только то, что я стала студенткой, но и то, что становилась из школьницы-провинциалки москвичкой, а они держали себя при общении уверенно и независимо. Если занятия по языку были похожи на школьные, то уже семинары — совсем другое. Впереди были экзамены, и первый — у египтолога Авдиева, Древний Восток. О нем ходили слухи, что «валит всех подряд». Огромная книжка — учебник для ВУЗов страниц в 800 или больше²³. Недавней школьнице одолеть ее было сложно. Я читала, листала, думала: «Ну все, действительно, наверно, пересдача». Мне достался билет о законах Хаммурапи. Из учебника ничего не помнила. Но поскольку была начитанной, вдруг стала спорить: «Вот в одной из книжек вот это написано, а ведь это неверно». И вдруг этот Авдиев оживился и говорит: «Вы читали такого-то? А какой язык знаете?». — «Я французский». — «А, тогда мне все понятно». У нас была такая на истфаке доска, а на ней — фамилии тех, кто хорошо сдал экзамены, и он написал, что я сдала экзамен на «отлично». Вы знаете, это меня вдохновило. Мои друзья того времени, с которыми ходила на каток — Лева Слёзкин и Саша Гроссман — были уверены, что я провалюсь. На истфаке была доска, на ней красовались фамилии тех, кто в этот день не просто сдал экзамены на «отлично», а кого отметил преподаватель. Моя фамилия там красовалась. Следующие четыре экзамена прошли гладко, но археология меня подвела, «подкузьмила»: я не поняла, как все остатки (артефакты) можно объединить в рассказ... Впоследствии, когда дочери пришлось сдавать археологию, она сделала огромную таблицу с учетом времени находок. Экзаменатор

---

²³ *Авдиев В.И.* История Древнего Востока. М., 1948. 588 с., карты.

спросил: «Это что у Вас?». — «Подготовка к экзамену». — «Ну все, можете идти — “пять”».

Теперь о моей дипломной работе. Мне очень повезло с научным руководителем, тогда доцентом Сергеем Сергеевичем Дмитриевым. Моя интуиция (не без подсказки старших товарищей) не обманула. Мне еще на втором курсе понравились его лекции — яркие по форме и содержанию, да и умение его с удивительным достоинством держать себя на кафедре. Поэтому на третьем курсе в 1948 году я записалась к нему в семинар, как полагалось тогда; нужно было выбрать и период для написания диплома. После нескольких вводных лекций о славянофилах и западниках на семинаре он предложил мне тему о профессоре-западнике Тимофее Николаевиче Грановском. Его именем была названа улица, которая выходила на улицу Герцена там, где истфак. Это уже было интересно. Дмитриев сказал, что сам написал о нем статью в газете «Горьковская коммуна» — в 1945 году на 17 октября, к 90-летию со дня смерти. Тема моя звучала так: «Грановский в общественно-политической борьбе в России в 30-е — 40-е годы XIX века». Могу только повториться — все его ученики (больше было учениц) во все годы восхищались Сергеем Сергеевичем и могли сравнивать его с другими только в самых восторженных тонах: как педагога, с широкой эрудицией, широтой интересов, тонким знанием театра, живописи, музыки, поэзии. Во время обсуждения наших докладов на семинаре он находил возможность и повод обращаться к произведениям поэтов, писателей, художников, скульпторов. Рекомендовал это делать и нам.

Сергей Сергеевич был личностью уникальной и незаурядной. Тогда, в 1948 году, он был доцентом, а в 1968 году был избран профессором МГУ без защиты докторской диссертации. И своими лекциями по-прежнему покорял студентов. Через 20 лет имя его стало известно не только у нас, но и за рубежом — в таких странах, как Франция, Швеция, Италия, Чехословакия, ГДР, Польша, где он читал лекции в университетах, после чего студенты тут же просили его быть научным руководителем их работ. В результате появилось примерно 30 диссертаций за рубежом, не считая тех диссертаций, которые были написаны в Московском университете и в других учебных заведениях Москвы.

Нас, студентов, он собирал на семинары в Кускове. Он жил там в это время, потом ему дали квартиру в здании университета

на Ленинских горах. Жил он в доме, видимо, бывшего управляющего Кусково, двухэтажный такой особнячок отдельный. До МГУ он и работал там, сохраняя усадебную территорию. Занятия создавали атмосферу 1830—1840-х годов благодаря мебели. Славянофилы были его любимой темой, ее он и предложил моей подруге и сокурснице Регине Генриховне Эймонтовой. Тема нашего семинара оказалась в центре внимания весной 1948 года, когда вместо двух лагерей в социально-политической жизни России были утверждены три, причем третьим лагерем стали либералы, оппозиционеры. Они, уйдя из лагеря официальной народности, оставались по «Краткому курсу» все-таки идеологами буржуазии, и были в лагере, враждебном революционному демократическому движению. Грановского мне довольно сложно было представить в общественно-политической борьбе. Это потом его открыто стали называть либералом, а тогда за либералами было закреплено «пособничество» буржуазии. Я попала в затруднительное положение из-за «косого» отношения к моей теме тех, кто бдительно относился к постановлениям правительства, к русским западникам как идеологам буржуазии, пусть и игравшим активную роль в политической жизни России.

Сергей Сергеевич уделял мне много внимания, обучая мыслить критически. Его тонкие, ненавязчивые, глубокие, вдумчивые советы будили мысль, стремясь развить творческую самостоятельность, умение мыслить конкретно-исторически, проблемно, охватывать какие-то периоды, по которым можно было делать характеристику личности, которая была бы бесспорной. Причем я ведь, получая тему, честно говоря, не подозревала, что буду скована разными «вертикалями» в свободе самовыражения, необходимостью облачения собственных мыслей в нужные фразы. Готова была спорить с Сергеем Сергеевичем, но он, умудренный опытом, молчал, выслушивая мои возражения по поводу общественной идейной борьбы в 1840-е годы, и просто говорил: «Ну, мы подождем, собирайте материал, изучайте его лекции». Чего подождем — я пока не знала. Старшие товарищи советовали внимательно слушать Сергея Сергеевича по одной простой причине — он уже солидную порцию критики получил в свой адрес в марте 1940 года, разбираясь со славянофилами, с их классовым характером и позицией в общественно-политической борьбе. По тому времени у него был очень смелый вывод, что

славянофилы были прогрессивные ученые и не клонились к официальной народности. Короче, тогда его заклевали. И с тех пор, занимаясь славянофилами для себя, Сергей Сергеевич не хотел защищать никакую докторскую диссертацию, кроме как по этой теме.

Мне, конечно, было очень лестно сделать Грановского сторонником французской революции 1848 года, но это не проходило никак, судя по документам. Все-таки у него от Гегеля, которого он очень чтит и, получая образование в Германии, занимался его философией, остался абсолютный дух, который выражает себя в духе народном. И это выражение — «в духе народном» — определяло его позиции в общественно-политической борьбе. Грановский на своих публичных лекциях по истории Греции и Рима выступал против угнетателей, рабовладельцев, а все ассоциативно думали: «О, это же против крепостничества, против деспотизма идет речь». Поэтому эти лекции собирали огромные аудитории. Сергей Сергеевич был со мной на всех этапах работы, похвалил за тему «Развитие эзопового языка», когда я пыталась сравнить лекции Грановского с настроениями в прогрессивных кругах общества. И в итоге Грановский в дипломе как бы отходил от «советской идеологии», концентрируясь на просветительской деятельности, а просветительство как таковое было связано как раз с самосознанием поднимавшейся буржуазии, с ее идеологией, которая на Западе «обосновывала» французскую революцию в это время.

Ну, тут надо особо отметить, что благодаря мягкой строгости и требовательности Сергея Сергеевича я защитила диссертацию в марте 1950 года, причем на «отлично», да еще и раньше многих на курсе. Я так и не поняла, почему он «запустил» мою защиту первой, назначил строгих, знающих оппонентов. И самое интересное: как-то случайно в своем архиве обнаружила, что в газете «Московский университет» была статья «Первые ласточки», в которой говорилось о моей защите, а написала об этом студентка журфака Рада Хрущёва, в то время малоизвестная личность.

Ю.Ф.: А как проходила защита, помните?

И.П.: Как и все первые защиты тогда — довольно строго. Диплом был небольшим, как все тогдашние дипломы. Я дрожала, думала, как хорошо, что он переплетен, в твердой обложке и напечатан на машинке. Тогда многие подавали рукописные ди-

плумы, а мне удалось найти машинистку. Каково же было мое удивление, когда она мне, сдавая работу, сказала: «Ирина, я Вам кое-что поправила». Что же эта была за машинистка? Это была машинистка Паустовского, она в мой диплом тихонечко внесла какие-то литературные усовершенствования... Я посмотрела, думаю: «Хорошо написано» (*смеется*).

Одним из оппонентов у меня был Павел Григорьевич Рындзюнский из Исторического музея. Он через несколько лет оказался сотрудником нашего сектора и, самое главное — я забыла о том, что был он у меня оппонентом. Рындзюнский вспомнил об этом, когда в Институте у него случился сердечный приступ. Мы с ним проработали много лет, и я ему вызвала «скорую помощь», села около него, дала лекарство, ему стало лучше. И тут он мне сказал: «А Вы, Ирина Михайловна, не помните, ведь я у Вас был первым оппонентом на дипломе». Я вспомнила, что он хорошо представил мою работу, что все переключились с меня на него, на споры по научным вопросам, вопрос вырос в дискуссионный, пошел совершенно в другом русле. Диплом мой был защищен на «отлично», а Сергей Сергеевич сказал: «Ну вот, Вы дали возможность всем поговорить!».

Что касается Сергея Сергеевича, то именно он определил, в конечном итоге, мой путь в науку, заставлял верить в себя. Впоследствии мы с ним не теряли связи. Сначала как-то, правда, они ослабли, но потом возобновились, когда он стал автором в шестом томе многотомной истории СССР, а это было через десять лет, тогда я была ученым секретарем сектора по написанию этой истории и стала общаться с ним. И с тех пор до конца своей жизни он присутствовал в моей жизни и семье, еще и благодаря взаимной симпатии его и моего мужа Льва Никитича Пушкирёва, сферой научных интересов которого была история культуры.

Я хочу Вам еще одну вещь сказать — о том, когда у меня появилась потребность заниматься наукой и вообще, как это я дошла до того, что попала в Институт истории, стала ученым, который пишет работы, а не преподает. На протяжении трех лет при написании работы о Грановском я думала уже об этом, хотя больше иррационально. В то время я приобрела у букинистов многие книги, которые могли быть связаны с Грановским. Получилась небольшая библиотечка: его лекции и прочее. Нашла дом в Петроверигском переулке, где он жил, откуда ездил на извоз-

чике в Московский университет, и где провел всю свою жизнь. Как человек инициативный, бывший комсомольский работник, я решила установить ему мемориальную доску на доме. Сочинили с Сергеем Сергеевичем текст, но все оказалось не так просто. Тем не менее, после долгого времени дом был поставлен на охрану. Но произошло вот что — он стоял-стоял, доски не было, а в 1990-е годы его просто снесли, и на его месте построили больницу. Мало этого, сегодня переулок, который носил имя Грановского, стал называться Романов переулок, как и улица, которая была улица Герцена, стала называться Малой Никитской. Так закончилось мое посредничество между наукой и властью.

Ю.Ф.: О студенческой жизни расскажете?

И.П.: Я уже затронула стороны быта, когда только поступала в университет. Студенты жили очень трудно, потому что карточки, введенные с 1941 года, в 1947 году были отменены. И я, когда пошла первый раз в магазин, когда увидела все на полках, но по коммерческой цене, то просто-напросто расплакалась. Еще и потому, что увидела сахар. Дело в том, что когда в январе 1944 года умирала мама, она в первый день болезни попросила меня купить хотя бы кусочек сахара на рынке. Я взяла вещи для обмена, но сделать этого не смогла, и это навсегда осталось в памяти.

Что касается студентов, то они имели всегда карточки и пропуск для столовой. Столовая была расположена на Моховой улице, 11, в подвальном помещении. Именно там я познакомилась с аспирантом филфака, имени которого я не знала, но он через десять лет стал моим вторым мужем. Он стоял со своим товарищем, а у меня была большая коса, которая их почему-то очень раздражала. Они, не раз занимая за мною очередь (так совпадало), старались пристроить к ней то бумажку, то веревочку... Я была очень сердита и когда кто-то из них попытался отрезать от косы самый кончик, перестала с ними здороваться. Потом потеряла их из вида, а снова познакомилась с одним из них в Институте истории.

Студенты были всегда связаны с какими-то общественными работами в городе, а летом нас всегда отправляли на уборку урожая. Когда начало строится здание МГУ, у истфака «подшефной» территорией на расчистку стало место физического факультета. У меня даже есть фотография, где мы на тачке возим мусор. Не хватало рабочих, в основном работали на строительстве заклю-

ченные, а это была открытая территория и студентов эксплуатировали как могли. Причем я никогда не видела студентов из других учебных заведений, почему-то везде были студенты университета, то есть можно сказать, что мы в 1940-е годы сами строили новое здание своего университета.

Ю.Ф.: А стипендию Вам тогда платили?

И.П.: Да, стипендию, конечно, платили всем, кроме двоечников; отличникам — повышенную. На нее в принципе можно было жить, но очень скудно, москвичам дома было жить легче, иногородние зависели от родителей. Можно было менять на рынке то, что было по карточкам, на другое, например, на мыло. Когда я жила на Стромынке, 32, то его приобретала обменом на то, что полагалось по карточкам (папиросы, например).

Ю.Ф.: А баня тоже была?

И.П.: Надо было идти в Преображенские бани через мост. В общежитии была душевая, но туда нужно было записываться или стоять в очереди, притом уже осенью там было довольно холодно. Потом это, кажется, поправили.

Ю.Ф.: А театры, концерты?

И.П.: Все индивидуально. Ограничивало время, а многих и средства. Нужно было удержаться на уровне стипендии, много работать, готовясь к семинарам, особенно на первых курсах: были иностранный, латынь, кто хотел, мог бесплатно заниматься вторым иностранным языком. Очень много приходилось читать к семинарам, помню объемы по марксистско-ленинской философии. Но на нашем курсе многие увлекались театрами. Билеты стоили дешево. Университет был в центре, поэтому можно было пропустить и лекцию, чтобы попасть на репетицию спектакля, на «генеральные прогоны» в МХАТ, Ермоловой, даже в Большой театр, на которые продавались билеты по сниженным ценам, или в консерваторию на репетицию органной музыки. Это было нередко бесплатно. Я вспомнила о репетициях органной музыки Гедике много лет спустя, когда стала повседневно заниматься по утрам в библиотеке Ленина.

Среди сокурсников складывались группы «по интересам». Среди историков были немало детей ученых, артистов, поэтов. На нашем курсе учился сын поэта Эль-Регистана Гарик (Гарольд Регистан), он живо откликался на разные мероприятия. Да и по складу характера был общительным. Отец его (которого к тому

времени его уже не стало) написал вместе с Михалковым гимн Советского Союза. Первые слова гимна печатались много и повсюду, вплоть до конфетных оберток (конфеты типа «Мишка на Севере»). Гарик получал гонорары и, бывало, на эти деньги собирал большую компанию, говорил: «Все, вышли очередные конфеты, пойдёмте в кафе-мороженое». Мы ходили в кафе на улицу Горького. Сам Гарик стал поэтом, на его стихи написан популярный шлягер «Ландыши». На наш курс поступала Ирина Скобцева, однажды она участвовала в нашей самодеятельности, но скоро перешла в Институт кинематографии.

На первом-втором курсе у меня появились друзья: Людмила Красикова (по отчиму Балабушевич, по первому мужу Тягуненко), которая пошла на кафедру истории славян, и Галина Киселёва (по мужу Беляева), которая пошла на кафедру по истории Востока. В числе тех, с кем я прошла до конца их жизни, был также Лев Юрьевич Слёзкин. В те далекие годы для меня имело большое значение общение с семьями московской интеллигенции, особенно с семьёй Левы (с его первой женой Тамарой Томиной мы жили в общежитии на Стромынке, к сожалению, она умерла в 1948 году). Его отец и отчим были знакомы с актерскими и писательскими кругами, брали мне билеты в театры. Неожиданно оказывалась среди людей, которые сыграли большую роль в моей жизни, в формировании «трезвомыслия». Недавно прочитала книгу сына Левы Слёзкина — Юры «Дом правительства: сага о русской революции». Вспомнила, что история этого Дома накапливалась в кругах интеллигенции еще в 1940-е годы после войны, она была в замыслах и отца автора книги, если бы он не «ушел» в историю людей на другом континенте земного шара. В те годы ему, члену партии, танкисту, потерявшему глаз, хватило «разборок» в партбюро истфака за то, что он кучу своих орденов и медалей хранил в руках статуэтки Будды, стоявшей на большом письменном столе. Когда в последние десятилетия стали всплывать как «открытия» обстоятельства подвига Зои Космодемьянской и других, то для нас в этом не было ничего нового. Это уже тогда было пережито обществом, которое делало правильные, справедливые выводы, не тревожа прах погибших.

Ю.Ф.: А студенты были дружны на курсе или на факультете?

И.П.: Да, как я уже говорила, студенты, конечно, были дружны, если иметь в виду группы, которые сложились «по интере-

сам», и когда произошло распределение по кафедрам и внутри их в связи с написанием курсовых и дипломов. Устаивались встречи в честь праздников. В них участвовали все с данного курса на той или иной кафедре. Обстановка была дружественной и демократичной. Помню, одна наша сокурсница, жившая в общежитии, заболела тяжелым туберкулезом, нужно было редкое и дорогое лекарство. Обратились к Светлане Сталиной (она училась на нашем курсе), она его принесла.

Ю.Ф.: А археологические практики были?

И.П.: Были у тех, кто хотел, с первого курса. Я там не была. Нас объединяла работа в библиотеках. Ближайшей была имени Горького рядом со зданием на Моховой, 9, а учебники можно было брать в основном здании, где памятник Ломоносову. Перед сессиями большой зал на втором этаже здесь заполнялся студентами, которые готовились к экзаменам по учебникам, которые «на вынос» не давались. Жизнь наша протекала и в самой посещаемой студентами истфака Исторической библиотеке. Приходили к девяти утра, чтобы занять лучшее место там или в Ленинской библиотеке. Для студентов также была Румянцевская со стороны улицы Фрунзе (теперь Воздвиженка), где на втором этаже был большой читальный зал. Она была очень посещаемой, начиная с осени 1945 года. В эту библиотеку с утра выстраивались огромные очереди, конец которых доходил до метро Моховая. Когда все места заполнялись, некоторые ждали час-другой, надеясь: кто-то выпишет книгу, в течение 30–40 минут поработает и освободит место. Вот такой был ажиотаж. Нас, студентов того времени, несмотря на нелегкие условия жизни, в массе своей отличал оптимизм с верой в хорошее будущее, которое обеспечит государство. Когда я вспоминаю лица однокурсников в те очень далекие времена, вижу доброжелательные, умные, красивые, веселые улыбающиеся лица — или сосредоточенные, уткнувшиеся в книги в читальных библиотеках.

Ю.Ф.: А Вы помните отношение других факультетов к вам? Как вообще тогда относились в обществе к историкам?

И.П.: Некоторые студенты-историки уже настраивались, не заниматься ли им после, допустим, экономикой, пойти в аспирантуру Института экономики. У нас учился Анатолий Харчев, который ушел в Институт философии АН СССР, стал известным социологом, открыл целое направление — изучение социологии

семьи. Когда я написала диплом о Грановском, то случайно в коридоре встретила Зинаиду Васильевну Смирнову, и она спросила: «Чем Вы занимаетесь?». — «А я занимаюсь Грановским». А она как раз читала философию этого периода: Гегель и прочее. Она сказала: «Вы мне что-нибудь принесите». У меня был готов диплом, я принесла, она прочитала и говорит: «Очень хорошо, Вы пойдете ко мне в аспирантуру?».

Ю.Ф.: Каким был состав Вашего курса?

И.П.: Наш курс был, если не ошибаюсь, самым большим за всю историю факультета. Когда мы собирались, наши аудитории — Коммунистическая и Ленинская — оказывались заполнены. Большой процент был фронтовиков, среди них и женщины. Одна из них была пулеметчицей, имела соответствующие ордена и медали. Наград у подавляющего большинства фронтовиков было немало, у некоторых — серьезные ранения (двое без руки, с черепными ранениями). Среди студентов оказалось немало тех, кто поступил на истфак по «лимиту», потому что работал в годы войны. Фронтовики создавали особую атмосферу на курсе, проявляя «суровую» деловитость, были парторгами курса, кафедр, организовывали нашу жизнь, начиная с собраний и кончая организацией совместных поездок в подшефный колхоз Красновидово, на стройку университета. Со школьной скамьи на курсе в основном были девочки. Школьников-мальчиков было очень мало, они шли в другие учебные заведения. Наиболее заметными были Толя Адо (Анатолий Васильевич Адо), прекрасный танцор на вечерах, а по прошествии лет — профессор истфака МГУ, и Тим Райен (впоследствии Тимур Тимофеевич Тимофеев), сын секретаря компартии США, с 1930-х годов — воспитанник Интердома в Иванове, впоследствии член-корреспондент АН СССР, лауреат Государственной премии, возглавлял Институт международного рабочего движения. Другие мои однокурсники: Павел Васильевич Волобуев, в будущем академик, Юлиан Владимирович Бромлей, также академик, директор Института этнографии АН СССР. Наш однокурсник, мой товарищ по кафедре Володя (Владимир Иванович) Попов, сын известного в те годы писателя И.Ф. Попова, проработав некоторое время после истфака в ЦК ВЛКСМ, был выдвинут на пост заместителя министра культуры СССР. Наш товарищ Толя (Анатолий Васильевич) Никонов после работы в ЦК ВЛКСМ был главным редактором журнала «Смена»

издательства «Молодой гвардии», а затем долгие годы — журнала «Вокруг света».

Наш первый послевоенный набор! Фронтовики любили истфак. Наш курс 1950 года выпуска дал много известных ученых, которые после окончания учебы занимали руководящие должности на кафедрах в университете и в Академии наук, оставаясь и сегодня известными учеными в нашей стране и за рубежом. Большое число выпускников пошли в аспирантуру, в том числе в Отделение исторических наук АН СССР, защитили здесь кандидатские, докторские диссертации.

Ю.Ф.: Вы помните, как первый раз пришли в Институт истории АН СССР?

И.П.: В Институт истории я пришла 1 июля 1950 года. Впоследствии работала по совместительству в педагогических учреждениях, на киностудии имени Горького, но постоянным местом работы был только Институт. Я живу рядом с ним, как ранее многие сотрудники его, уже более 60 лет.

Оказалась в Институте по распределению. Сергей Сергеевич прямо сказал мне: «Вы знаете, получилось, что у меня Вы и Регина Генриховна Эймонтова. Как быть с аспирантурой? Два места не дадут». В аспирантуру было ограниченное число мест. Я говорю: «Ну, мне надо еще подумать, я не знаю как, Сергей Сергеевич...». — «Давайте попробуем, вдруг пройдут двое». Пришла на Комиссию по распределению, на ней присутствовал ученый секретарь Института истории Александр Михайлович Самсонов. Он имел возможность пригласить шесть окончивших факультет на кафедрах отечественной истории на должности младших научных сотрудников. И он стал уговаривать, отозвал меня в сторону и говорит: «Какая аспирантура? Надо идти в Институт». Вы знаете, старшие товарищи на истфаке, когда я только уже защитила диплом, говорили: «При распределении надо иметь в виду Институт истории, это очень хорошее место, там можно очень быстро попасть в аспирантуру». Но я об этом не думала тогда. Самсонов говорит: «Нужно идти к нам младшим научным сотрудником, прикрепиться, сдать, не торопясь, вступительные экзамены, взять тему или продолжить дипломную работу, написать диссертацию и навсегда обеспечить себя работой». Я осталась ему благодарна на всю жизнь за эту прекрасную рекомендацию.

После диплома у меня сохранилось желание и дальше каждый день ходить в библиотеки, как на работу.

За всю свою историю с момента основания в 1936 году Институт истории имел два местоположения: Волхонка, 14, рядом с Музеем изобразительных искусств имени Пушкина, второй этаж бывшего усадебного дома князей Голицыных, и улица Дм. Ульянова (до этого Большая Черемушкинская), 19. Двухэтажный дом Голицыных был передан Институту красной профессуры в 1920-е, к нему надстроили еще два этажа. Когда я открыла дверь со двора, меня поразило дыхание Истории. В вестибюле рядом с гардеробом — большое зеркало XVIII века в раме из красного дерева, мраморная лестница с витыми перилами каслинского литья. Вверх по лестнице поднялась на второй этаж — справа огромный зал, где проходил съезд колхозников-ударников, на котором выступал Сталин²⁴. Это я узнала из таблички при входе в здание Института. В нем проходили партийные и другие большие собрания институтов истории, экономики, философии, которые занимали этажи выше. Он имел даже антресоли. Профсоюз Института располагал большими деньгами, и была хорошая сцена. Там устраивались новогодние вечера, концерты. В то время меня часто просили вести их, так как я с группой молодых сотрудников занималась в театральной студии, которая организовывала «капустники» в Институте. Однажды танцевала «умирающего лебедя» приглашенная на новогодний вечер Майя Плисецкая, тогда начинавшая карьеру. Все, естественно, неистово хлопали. Она не вышла на сцену второй раз, а мне сказала: «Ирина, выйдите и скажите им, что дважды не умирают». Приглашали и других прекрасных актеров, поэтов, писателей.

А налево от этого большого зала шел большой коридор. В конце его располагалось Отделение исторических наук. Внизу было издательство «Наука», а рядом с издательством — столовая, все было в одном здании. Вот Вы меня спросили, насколько тесно жили историки, философы, экономисты — здесь они жили очень тесно. В нашем коридоре до Отделения (и там же — дирекции нашего Института) стояли старинные диваны, на них вели беседы сотрудники всех трех институтов. Вспоминаю философа

---

²⁴ Первый съезд колхозников-ударников (15–19 февраля 1933 г.).

Зиновьева, хорошо известного потом, который всегда приходил подолгу с кем-то беседовать на наш черный большой диван. Любили его и историки, которые приходили из других учреждений, приезжали из Ленинграда. На втором этаже слева и справа были отгорожены комнаты: машбюро, потом партбюро, потом наш сектор истории СССР периода капитализма, затем сектор феодализма, бухгалтерия, сектор советского общества. Слева по коридору были сектора Новой и Новейшей истории, Научный кабинет, библиотека (в том числе и художественной литературы с новейшими журналами), комната профкома.

В 1950 году бюро Отделения и Институт истории возглавлял академик Борис Дмитриевич Греков. Их помещения разделял зал, где заседал Ученый совет. В комнате директора находились столы его заместителей Сергея Львовича Утченко (всеобщая история) и Алексея Андреевича Новосельского, там же был и стол ученого секретаря Александра Михайловича Самсонова. В 1953 году Греков умер, директором Института до 1959 года был Сидоров Аркадий Лаврович, бюро Отделения возглавил академик Михаил Николаевич Тихомиров, заместители директора были все те же, ученым секретарем еще раньше был назначен Лев Никитич Пушкарёв. На протяжении 1950–1960-х годов сменялись заместители директоров и ученые секретари. Эта смена была отражена в 1968 году в шутливой публикации Пушкарёва «Повесть институтских лет, или история Института истории от рождения Христова до ухода Хвостова в самом сжатом очерке»²⁵.

Надо сказать, что Институт истории был молод – всего 14 лет. Работали в нем, включая научно-технических сотрудников, около 100 человек, с бухгалтерией и другими службами – чуть больше. Численно он увеличился к концу 1960-х, когда его разделили на два Института: к тому времени он вырос в три или четыре раза, называлась цифра даже 500 сотрудников. Я не знаю, входили ли в это число аспиранты, но что-то около этого было. Историки в АН были «обласканы» властью, так как Институт был одним из главных идеологических учреждений. В 1950-е годы возросло

---

²⁵ *Пушкарёв Л.Н.* Повесть институтских лет, или история Института истории от рождения Христова до ухода Хвостова – В самом сжатом очерке // Вторая муза историка. Незученные страницы русской культуры XX столетия / сост. А.А. Сванидзе. М., 2003. С. 284–288.

не только число кандидатов и докторов наук, появились новые академики, члены-корреспонденты. Греков был один долгое время, имевший академическое звание, затем появились сначала члены-корреспонденты, потом академики Панкратова в 1953-м, Дружинин в том же году, Нечкина — в 1958 году, Жуков тогда же. Рост числа докторов и кандидатов способствовал подъему общей научной атмосферы через их участие в деятельности ученых советов, диспутах в секторах и в Институте, особенно после 1955 года, XX съезда КПСС.

Ю.Ф.: Как Вас приняли в Институте? С кем познакомились?

И.П.: На работу меня принял Н. М. Дружинин, думаю, не без разговора с М. В. Нечкиной. Дмитриев был ее ученик, он что-то сказал ей обо мне, поэтому меня она «сразу узнала»: «Я знаю вас, я говорила с Сергеем Сергеевичем». Впоследствии я стала бригадиром, как тогда говорили, «Очерков по истории СССР»²⁶, помимо многих других обязанностей. А обязанностей у младших научных и у научно-технических сотрудников было много, и различий здесь не было. Считка с машинописных текстов занимала много времени. Активно работало машбюро — рукописи для цензуры должны быть идеальными. Почему Самсонов пришел на истфак? Потому что не хватало людей, которые бы занимались вот такой работой. И все мы были к ней подключены.

Расскажу об условиях работы, что небезынтересно для настоящего дня. Были две категории сотрудников: одна — доктора и кандидаты, они могли быть в Институте в присутственные дни (как и сейчас — вторник и четверг). И приходили прямо к началу заседаний в секторах — 14:00. Институт заканчивал работу в 17:30. Но младшие научные сотрудники без степени, как и, естественно, научно-технические, должны были приходиться в 9:30 и до окончания работы оставаться на месте в «своем» секторе. До 1953 года каждый должен был перевешивать металлический круглый табелек, как на заводе. Табельная доска находилась около отдела кадров, на ней значились уход-приход, приход-уход. У каждого младшего имелся стол, и здесь шла вся техническая работа. У нас должна была быть зарплата 1200 рублей, это было не мало и не много. 4000 рублей получал доктор наук. Но, будучи присланными в Институт по распределению,

---

²⁶ Очерки истории СССР: 9 т. / гл. ред. Б.Д. Греков. М., 1953–1958.

мы должны были «отработать» здесь два года. Сначала получали 730 рублей в месяц, через некоторое время прибавили — дали 840, 1200 я стала получать к концу 1950-х годов, когда заканчивала диссертацию.

Уходить с работы в течение рабочего дня никто не мог. Если нужно было идти в библиотеку сверять цитаты, библиографию и так далее (в Научном кабинете Института были далеко не все работы), приходилось ждать, чтобы Научный кабинет заказал книги в других библиотеках, или идти туда. Мы расписывались об уходе в специальной книге: ушел в такую-то библиотеку, в такой-то архив. Кроме перевешивания номерков, нас время от времени ждала массовая проверка присутствия в библиотеке или архиве. Приходил сотрудник отдела кадров и сверял, кто сидит в зале. В архивы звонили: «Скажите, у вас сегодня работает такая-то?». После 1953 года уход с работы в библиотеки и архивы перестали строго контролировать. Все уходы стали зависеть от заведующих секторами. На заседаниях сектора должны были быть все, никто не мог уйти. С сотрудников спрашивали выполнение задания в срок и к этому относились очень строго. Знаю, что в других секторах дело доходило до увольнений за их срыв.

За время моей работы в должности младшего научного без степени через мою вычитку и сверку прошли многие рукописи, полученные с машинки: Дружинина, Яцунского, Гиндина, Полевого, Хвостова, Нечкиной, Рожковой, Станиславской, Иванова и других. Это были авторы «Очерков по истории СССР» которые были не изданы в годы войны и остались лишь макеты. Их переделывали, заказывали по-новому. Я была бригадиром таких же «Очерков», где главными редакторами были Нечкина и Яцунский. Издали макет «Очерков по истории СССР второй половины XIX века» объемом 80 листов в типографии «Угольтехиздат», обсудили. Но они так и не вышли в большой печати, так как началась работа над многотомной историей. «Наука» выпустила только «Очерки» сектора истории феодализма. А мы все это считывали, забирали с пишущих машинок, работали над стилем статей и так далее. Для младшего научного стимулом вырваться из этого «болота» была аспирантура и диссертация. Младшие научные кандидаты наук к тому же получали 2000 рублей, а становясь старшими кандидатами наук + если еще смог издать книгу — 3000. Но это было не просто: бумаги в стране

не хватало, в архивах списывали с хранения дела, чтобы получить «оборотки» для учреждений. Вообще нужно было ой-ой-ой сколько времени, чтобы доработаться до старшего научного сотрудника, даже после издания книги и других работ. Ставки в Академии наук историкам получить было нелегко.

Ю.Ф.: Расскажите о жизни Института, об общественной жизни.

И.П.: Общественная жизнь в Институте переплеталась с научной и зависела от многих факторов и обстоятельств — прежде всего от изменений в общественно-политической жизни страны. Я пришла через пять лет после окончания войны. По итогам работы в архиве по истории сектора истории периода капитализма могу сказать, что очень трудными для Института были 1937–1938 годы: аресты сотрудников в Москве и в Ленинграде (с момента основания Институт имел отделение в Ленинграде — ЛОИИ), в основном это были участники революционного движения и становления советской исторической науки. По этому поводу у меня уже написано страниц 200, которые касаются работы нашего сектора. Пересказывать их нет смысла — надеюсь опубликовать. Научное ядро Института в 1950-е годы представляли старшие научные сотрудники, окончившие Университет красной профессуры²⁷ или РАНИОН²⁸, профессора МГУ. Они, из когорты старых большевиков, еще пытались задавать тон при обсуждении работ. К ним относились с большим почтением, так же, как к ученым, начавшим свою деятельность до 1917 года. Представьте себе, на Ученом совете еще присутствовал бывший секретарь Ленина В.М. Бонч-Бруевич, и он высказывал свои мысли, ссылаясь на Ленина, когда возникали те или иные проблемы при обсуждении работ сотрудников. Я еще и здесь, кроме истфака МГУ, застала выступления Е.В. Тарле о Крымской войне, встречи с И.М. Майским в секторе Новой истории. В революционном движении участвовал заведующий нашим сектором Н.М. Дружинин. Работая в архиве над сборниками по революции

²⁷ Институт красной профессуры (ИКП) — специальное высшее учебное заведение ЦК ВКП(б) для подготовки кадров идеологических структур партии и преподавателей общественных наук в вузах. Существовало в 1921–1938 гг.

²⁸ Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук — объединение научно-исследовательских институтов РСФСР. Существовала в 1924–1930 гг.

1905–1907 годов, я нашла сведения о его участии в революционной демонстрации в Саратове в 1905 году и написала об этом статью в «Исторические записки». Революционное прошлое в нашем секторе имела только А.М. Панкратова. Связь с прошлой историей России поддерживали сотрудники, которые получили высшее образование до 1917-го – К.В. Сивков, который начал преподавать еще в 1906 году, а в 1919-м был профессором, или Борис Павлович Козьмин, который окончил юридический факультет Московского университета в 1910-м, много работал в «Обществе политкаторжан и ссыльных переселенцев», по совместительству был заместителем директора по научной части Государственно литературного музея²⁹.

Со второй половины 1950-х с каждым годом становилось заметнее участие в научной работе молодых сотрудников и аспирантов, заканчивавших диссертации, в особенности фронтовиков. Эту политику – выдвигать молодых ученых на передовую линию научной жизни – активно проводил новый директор Аркадий Лаврович Сидоров. Естественно, тон задавали его ученики, особенно после XX съезда КПСС. Он возвращал науку к тому, что она потеряла в конце 1920-х и 1930-е годы. Оживилась работа Института в целом, а особенно сектора истории периода капитализма и сектора советского общества, который стал пополняться окончившими партийные учебные заведения, сектора по всеобщей истории – молодыми сотрудниками и аспирантами с кафедр истфака МГУ, Института международных отношений.

Условия научной деятельности, направления работы в секторах также менялись, в немалой степени это зависело от внешних причин. Институт, как проводник идеологии властных структур, выполнял поручения Президиума Академии наук, идеологического отдела, отдела науки ЦК КПСС, и был связан с министерством образования. Это находило отражение в деятельности секторов отечественной и всеобщей истории XIX – начала XX века, сектора советского периода, опосредованно затрагивало также «феодалов» и ученых в секторах истории древних Греции и Рима, Средних веков, когда речь заходила о марксизме и об общественных формациях.

---

²⁹ Б.П. Козьмин занимал пост директора Государственного литературного музея в 1946–1954 гг.

Жизнь всего коллектива зависела в немалой степени от той позиции, которую занимали люди, находящиеся у руководства. А это были — директор и всегда в тесном с ним тандеме секретарь парткома; не меньшую роль благодаря связи с коллективом играл председатель профкома. Все эти должности занимали видные ученые. Из девяти директоров до Юрия Александровича Петрова шесть были академиками, один — членом-корреспондентом. Докторами наук были все секретари нашей партийной организации и председатели профсоюзной. Руководство Института определяло и направление, и общий тон его работы, постановку проблем на обсуждение Ученого совета. Директора были, конечно, проводниками советской идеологии. Исследовательский интерес директора нередко становился определяющим для всех секторов. Вот такой пример: в 1933 году в Ленинграде с докладом «Рабство и феодализм Древней Руси» выступил тогда восходящее «светило» советской науки Борис Дмитриевич Греков. Он настаивал на формационном подходе к исторической науке в марксистском ее понимании. Естественно, когда в 1938 году он стал директором, то продолжил разработку этой проблемы на примере положения крестьян в Древней Руси. Эта тематика стала основной и в исследовательских планах заведующего нашим сектором Дружинина и осталось у него навсегда, стала преобладающей и в других секторах. Мне приходится еще раз упомянуть «Повесть временных лет» Л.Н. Пушкарёва в силу краткости изложения этой особенности, свойственной учреждению. В ней отражены и некоторые личные черты людей, которые были на виду у коллектива. Вот послушайте: «Путь из варягов в греки / Насколько было сил, / Борис Димитрич Греков, / Подробно изучил. / Он был у нас директор / и правил без помех, / А феодальный сектор / любил он больше всех». И это точно: до ухода Грекова проблемы феодализма были на первом месте в планах Института. Но при всем при том, что Греков неукоснительно следовал указаниям «сверху», сохранялась глубоко интеллигентная по форме, я бы сказала даже — патриархальная обстановка.

С приходом А.Л. Сидорова она стала быстро меняться. Сам он был по происхождению из крестьян Нижегородской губернии, слушатель партийных школ, окончил Институт красной профессуры (сравним: Греков из семьи дореволюционных чиновников

далеко не средней руки, окончил Варшавский университет, до революции работал в учебных заведениях Петербурга). Так вот: «Серьезный был директор, / Экономистов бог, / капитализма сектор / Он пестовал, как мог / Он правил нами долго, / Бранил, а не ласкал, / По матушке по Волге, / Случалось, пускал». Он на первое место во всех планах поставил изучение экономики, социально-экономических проблем рубежа XIX–XX веков.

Его приход в Институт, как это ни покажется странным (если сравнивать постановку им научных задач, но об этом далее), отвечал нарастанию партийности в науке. В 1948 году он критиковал И. И. Минца за антипартийные взгляды, выступал с позиций «национальной» школы в изучении империализма. В его взглядах было немало противоречий. Но историческая наука должна быть ему благодарна за доклад на Ученом совете в 1957 году, когда он по сути первым поставил вопрос о пересмотре догм «Краткого курса» (опосредованном, конечно), за умение увлечь этим своих учеников, которые взялись за их пересмотр. В результате начала воссоздаваться естественная линия развития ряда важных проблем в советской историографии.

Совершенно другим был сменивший его на посту директора Института Хвостов, сын известного в XIX веке историка Михаила Михайловича Хвостова, пришедший в науку с должности заместителя министра иностранных дел, лауреат двух Сталинских премий. «Директор был природный, / Высокий интеллект. / При нем международный / Усилился аспект... / Здоровался он, будто / С песчинкою — гора... / Пришла для Института / Тут новая пора». Действительно, он был очень высокого роста, смотрел сверху вниз на всех и определенно казался надменным. Его сразу стали побаиваться в коллективе, обходили в коридоре (уже на улице Дм. Ульянова), старались иметь дело с его заместителями, ученым секретарем, председателем профкома. Хвостов сразу же захотел создать в Институте сектор по истории международных отношений, но его замысел был полостью воплощен в жизнь лишь при А.Л. Нарочницком.

За эти годы прошло большое количество заместителей директоров, которые играли иногда не меньшую роль. Например, при Сидорове и Волобуеве 17 лет в этой должности был Лука Степанович Гапоненко, тесно связанный с отделом науки и другими в ЦК КПСС. Он окончил Академию общественных наук при

ЦК КПСС³⁰, был там преподавателем, профессором, заведующим кафедрой, и потом: «Пришел к нам замдиректор / Гапоненко Лука. / Уж он советский сектор баюкал на руках! / Старался современность / Он выдвинуть вперед, / Загнал поглубже древность, / Терпи, честной народ! / Он правил в Институте почти пятнадцать лет. / Во всем дошел до сути, / знал кадры и бюджет, / И, как Макиавелли, / Ходы все изучил. / Но вот на этом деле / он астму получил». Стихи эти были напечатаны в газете «Советский историк», получив одобрение в парткоме и профкоме, в ведении которых была стенная печать с вedomо РК КПСС Краснопресненского района. На этих примерах можно представить то, о чем Вы, Юлия Сергеевна, меня спрашивали — о той атмосфере, которая скорее прорывалась в общественной жизни.

Настроения и общественная жизнь в Институте очень менялись в разные периоды до сегодняшнего времени. То, о чем я Вам рассказала, это только примерно двадцать лет, то, что происходило во второй половине 1950-х и 1960-е годы. Коллектив Института пережил и финал сталинского периода, и похороны Сталина, и доклад Хрущёва на XX съезде КПСС — трудное время для общества. Я застала обстановку в последние годы жизни Сталина и очень напряженный момент реакции в нем, как и во всем обществе, на «дело врачей». Помню, как фронтовик Миша Гефтер просто содрогнулся, когда Вера Логинова (технический секретарь парткома) начала рассказывать «подробности», которые оказались спустя время сущим вымыслом. Я хорошо знала Михаила Яковлевича — доброго, веселого, замечательного товарища. Мы тогда работали в одном секторе, засиживаясь допоздна в Научном кабинете Института истории. Он заканчивал кандидатскую диссертацию о Первой Мировой войне, а я начала сдавать кандидатский минимум. Часто обедали вместе. Я переживала вместе с ним... Антисемитская кампания ошеломила всех, и здесь на высоте оказались и дирекция, и партбюро, которые

---

³⁰ Высшее партийное учебное заведение. Создано в 1946 г. для теоретической подготовки работников центральных партийных учреждений, ЦК компартий союзных республик, райкомов и обкомов ВКП(б), а также преподавателей вузов, работников научно-исследовательских учреждений и научных журналов. В 1991 г. на ее базе создан Российский университет управления (в 1994 г. переименован в Российскую академию государственной службы при Президенте РФ).

не дали «разойтись» таким, как Логинова, отец которой работал, как она говорила, «в секретариате Сталина» и которая отличалась доносами на сотрудников.

Ю.Ф.: Расскажите о парторганизации Института.

И.П.: От ее позиции зависело очень многое. Ведь любая бумага шла за тремя подписями: директора, секретаря партбюро и председателя профкома. Это были уважаемые в коллективе люди. Мягко, но требовательно они должны были проводить соответствующую времени идеологическую политику, разбираться порой в запутанных проблемах, но и беречь кадры. Первым на моей памяти секретарем партбюро был Леонид Михайлович Иванов, фронтовик, ученик Дружинина, с 1951 года по рекомендации последнего исполнявший обязанности заведующего нашим сектором. Его докторская диссертация была на подходе, вскоре он был утвержден в этой должности, проработал на ней до своего ухода из жизни в 1972 году. К 100-летию вышел сборник статей о его личности и научном наследии.

Его сменила на этой должности Нина Александровна Сидорова, доктор наук, одновременно заведовавшая сектором истории Средних веков. Ее главная работа была посвящена французскому богослову и философу Петру Абеляру. Тема была для того времени неслучайной, и ее содержание характеризует тех, кто ею занимался. Абеляр выдвигал требования разумного толкования религиозных догматов и активно сопротивлялся авторитету церкви ради утверждения ценности человеческой личности и жизни. В диссертации были смелые по тому времени выводы, которые вызывали параллели с современностью. Она была смелым секретарем парткома. Муж ее В.И. Векслер был крупным ученым, занятым атомными разработками в Дубне, а это особый слой неприкосновенных в советском обществе. И, естественно, Сидорова тоже была на особом положении, могла открыто сказать то, что другим бы не простили. Следующим секретарем партбюро был также фронтовик Григорий Николаевич Севастьянов, тогда «набиравший обороты» ученый, после — заведующий сектором истории США, добрый, умный, глубоко интеллигентный человек, впоследствии академик.

Можно было бы продолжить и дальше. Одно могу сказать: секретари партийной организации в Институте выполняли трудную задачу посредничества между учеными и отделами

ЦК, особенно на исходе «оттепели», которая, начавшись в литературных кругах в 1950-е, затронула и историков. В 1960-е в партбюро появились другие люди, возобладали настроения о неприемлемости бюрократических принципов руководства наукой. Они не совпадали с той позицией, которую занимал Хвостов. В партбюро возникло «персональное дело» А. М. Некрича за книгу, обвинявшую Сталина в неподготовленности СССР к войне. Время после XX съезда уже разделило ученых в связи с «культом личности». Неприемлемость для науки такого термина не смущала. В книге Некрича речь шла об объективной оценке поражения СССР на первом этапе войны и потерях народа, которые были чудовищны. Хвостов счел невозможным участвовать в конфликте с ЦК и просто молча недоумевал. Партбюро пошло на полный отрыв от него. Поэтому в последний день своей работы, перед или во время раздела Института истории СССР, он, шествуя по коридору к выходу и прощаясь с кем-то, громко произнес (слышала сама!): «Институт это не академическое учреждение, а собрание вольных художников». Возникший конфликт ускорил осуществление давно существовавшего проекта раздела Института, численность сотрудников которого с 1950 года разрослась раз в пять.

Ю.Ф.: 18 апреля, 12:50, продолжение интервью с Ириной Михайловной Пушкарёвой.

И.П.: Очень приятно с Вами иметь дело.

Ю.Ф.: Спасибо.

И.П.: Спасибо большое Вам, Юлия Сергеевна. Сегодня у нас «Доклад Хрущёва о культе личности Сталина». Так вот, на закрытых собраниях было разрешено зачитывать доклад не сразу после съезда, а только в конце марта. Хотя еще 28 февраля он был заслушан на президиуме ЦК КПСС³¹, да и не был он импровизацией Хрущёва и абсолютно новым не был ни для президиума, ни для достаточно широких кругов общества. Очень скоро после смерти Сталина, уже в марте 1953 года, пошли разговоры о болезненном психическом состоянии вождя, рассказывалось о поставленных еще в 1920-е годы диагнозах известного психиатра Бехтерева и скорой внезапной кончине последнего после

---

³¹ Доклад Н. С. Хрущёва «О культе личности и его последствиях» был заслушан в последний день работы XX съезда КПСС 25 февраля 1956 г.

посещения Большого театра. Не без инициативы Л. П. Берии содержание документов о механизме репрессий с резолюциями Сталина, хранившихся до того в засекреченных делах, «всплыло» после его смерти. Членов и кандидатов в члены ЦК на закрытых собраниях частично знакомили с ними, информация эта постепенно проникала в общество. После суда над Берией и его подельниками была создана комиссия по расследованию судеб арестованных и спецпоселенцев. И вот тогда из дальних мест стали возвращались сотни людей. Появились они и в нашем Институте. В нашем секторе это были: известный историк 1920-х Сергей Митрофанович Дубровский, Мария Самойловна Виленская, искалеченный (был поврежден глаз на допросе) Кузьма Фёдорович Сидоров, автор работ 1920-х по статистике о рабочих в России начала XX века. В других секторах тоже появлялись и бывшие осужденные, и спецпоселенцы, и родственники репрессированных, например, сын расстрелянного в 1930-е В. А. Антонова-Овсенко, возглавлявшего Полевой штаб ВРК в октябре 1917-го³².

Через неделю после доклада Хрущёва, в начале марта 1956 года, Президиум ЦК постановил разослать доклад партийным организациям с грифом «не для печати». Вскоре появилась передовая статья в «Правде» «Почему культ личности чужд духу марксизма-ленинизма?» и было, наконец, разрешено зачитывать доклад на закрытых партийных собраниях. В нашей парторганизации читка происходила в апреле, в зале Октябрьского райкома КПСС на Шаболовке, в актовом зале на втором этаже. Вопросы и обсуждения после прочтения запрещались, а текст доклада заперся в сейфах в местных партийных комитетах. Как молодой член КПСС я, конечно, молчала ошеломленная и переживала с товарищами содержание доклада, крушение иллюзий испытывали очень многие, у меня это чувство сохранялось долго после услышанного.

Ю.Ф.: Я понимаю, что Вы были идейным человеком, но даже, несмотря на то, что Вы рассказывали, сохранялась ли вера в Сталина до этого доклада?

---

³² Имеется в виду Петроградский военно-революционный комитет. В. А. Антонов-Овсенко входил в состав его бюро, был его секретарем, участвовал в подготовке захвата Зимнего дворца.

И.П.: Скорее, не вера в Сталина, а вера в то, что было сделано во время Сталина. Скорее в Ленина... Ладно Сталин, нам внушали, что мы живем «по заветам Ильича», который создал советское государство, и именно СССР, а не Сталин, победил в войне. Это как-то само собой рождалось в сознании.

Чтение текста доклада было очень тяжким. У меня, у кого-то из сидевших рядом со мной на глазах были слезы. С таким же тяжелым чувством после прочтения спускались все мы все по лестнице райкома к выходу из здания. Помню, из огромного окна, которое выходило на эту лестницу, светило яркое весеннее солнце. Все были предупреждены о нежелательности обсуждения доклада с семьей, друзьями и коллегами, поэтому об этом никто не думал, это само собой как-то получалось. Возвращались как после похорон. Рядом со мной шел А.Я. Аврех, он мрачно сказал: «Это еще далеко не все», а услышав, что кто-то рядом произнес имя Хрущёва, сказал: «Кто знает, кто последует за Берией». Потом я вспоминала эти слова, в какой-то степени он оказался прав.

Вы меня спросили о разочаровании. В чем? Вы знаете, я давно уже сомневалась и сомневалась во многом, еще в комсомоле. Но пришла в Институт на работу все же идейной комсомолкой. Была комсоргом секторов Отечественной истории, потом чуть не стала секретарем комсомольской организации всего Института. Потом все стало быстро меняться в обществе, но я уже была член партии с 1955 года.

В начале 1950-х годов райкомы комсомола и партии что требовали от нас в повседневной работе? Прежде всего, организации общественных работ на субботнике, потом, при Хрущёве, встреч на Ленинском проспекте иностранных гостей. На комсомольских собраниях мы должны были заслушивать «о жизни и работе» каждого: что комсомолец делает в Институте, как протекает его жизнь и так далее. Помню, отчитывался Вильям, а точнее — Вильям-Август Васильевич Похлёбкин (тот самый, который впоследствии широко прославился кулинарной книгой «О вкусной и здоровой пище»³³). Отец его был большевик с дореволюционным стажем. Сам он личностью был творческой,

---

³³ В.В. Похлёбкин участвовал в создании второго издания «Книги о вкусной и здоровой пище» (1947), впоследствии писал книги и статьи о продуктах питания, русской кухне и т.д.

незаурядной, но не без странностей. Говорил: «Чтоб ученый мог работать хорошо, нужно, чтобы его поместили в закрытое помещение и, как в тюрьме, чтобы через решетку ему передавали еду и книги». Ведь, если вдуматься, ему просто надоела бессмысленность таких собраний. Надо сказать, что собирались мы обсуждать и новые книги, и это тоже входило в обязанность. Обычно собирались у кого-нибудь дома. Одно из таких собраний состоялось в большой квартире комсомолки Аиды Соловьёвой (впоследствии автора книг, не утративших и сейчас научного значения). Шло обсуждение книги К.Г. Паустовского «Золотая роза» о ценности писательского труда³⁴, в присутствии ее глубоко творческой мамы, художницы. Когда мы расходились, на память нам был подарен замечательный ее рисунок «Золотая роза», который она рисовала во время нашего обсуждения. Но собрания с отчетами... Ведь это были не 1920-е годы. Уплата членских взносов, составлявших копейки, часто забывалась, особенно людьми рассеянными, такими, как, например, как Слава Лебедев – сын профессора Высшей дипломатической школы, впоследствии известный доктор наук. Когда его попросили, наконец, заплатить взносы, он вяло сказал: «Вот сдам пустые бутылки, потом заплачу». Эти слова мы приняли с пониманием, хотя взносы были обязанностью. Для многих комсомол становился обузой еще в школе, в ВУЗе, а теперь уже для аспирантов и молодых сотрудников Института истории.

Ю.Ф.: Мы с Вами говорили о докладе «О культе личности», а вот похороны Сталина вам запомнились?

И.П.: Да, конечно, запомнились и очень хорошо, потому что могла попасть в свалку людей на Трубной площади. Дело в том, что в день похорон сотрудники пришли стихийно в Институт (но члены партии – обязательно по требованию райкома) и нам был определен маршрут следования не прямо к Дому союзов, где стоял гроб, а через улицу Сретенка. Мы очень долго шли, пришли к вечеру – и это с Волхонки. Все выстаивали по несколько часов. И от Сретенки нужно было спуститься вниз до Трубной к Неглинке и налево к Охотному ряду и Дому союзов. Мы дошли до Сретенки, и вдруг тихо идущая толпа ускорила шаги и я вместе

---

³⁴ Паустовский К.Г. Золотая роза. Повесть // Собрание сочинений: в 6 т. Т. 2. М., 1957. С. 487–699.

с ней. Я шла по мостовой рядом с решеткой бульвара, а с той стороны решетки шли другие наши сотрудники: грузный Л.В. Черепнин и его коллега по сектору, молодой ученый В.Т. Пашуто. Я услышала: «Ирочка, давайте руки!». Те, кто находились на мостовой, понеслись к Трубной площади. Владимир Терентьевич схватил меня за воротник зимнего пальто. Лев Владимирович закричал: «Ирина Михайловна, смотрите на нас». Владимир Терентьевич и Лев Владимирович помогли мне перелезть через решетку: «Ни в коем случае... Смотрите, что там делается в конце». Туда неслись и неслись люди, падали, разбивались о стоявшие внизу грузовые машины. В нашем Институте никто не пострадал, правда, были у кого-то ушибы. Из Института экономики, сотрудники которого шли с нами, кого-то увезли на «скорой». Мы дошли через час до Дома союзов, прошли спокойно мимо гроба и ушли.

Ю.Ф.: Ни у кого не было эмоциональной реакции?

И.П.: Никакой. Если и была реакция на смерть Сталина, то скорее неопределенности: «Что же теперь будет со страной?». Люди боялись больших перемен не в лучшую сторону. Сталин держал страну, понимали, что Россия успела нажить вражду с другими государствами, думали: «А как же дальше будет? Кто поведет? Что будет с международной политикой? Что будет с территориями, которые уже теперь стали нашими союзными республиками?». Так думали историки, об этом говорили, но тихо. Рассказывали, что во многих семьях смерть Сталина была большим горем, особенно в глубокой провинции с православно-религиозным восприятием действительности, отношением к Сталину как к вождю. Но я этого не заметила в дни похорон, абсолютно. Поведение такого рода было исключением, а не правилом. Прошло уже восемь лет после войны. В условиях «вечной мерзлоты», отличавшей последние годы правления Сталина, интеллигенция сопротивлялась удушливым взрывам «постановлений». Такие настроения были и среди историков. Это внутреннее состояние общества обычно связывают с докладом Хрущёва на XX съезде, с масштабами бедствия России в сталинское время, с числом погибших в годы сталинских репрессий. Думаю, что разочарованность наступила раньше, особенно в связи с антисемитскими и идеологическими кампаниями против литераторов, музыкантов. Это же все про-

ходило через историков тоже и рождало сумятицу в головах, неопределенность для тех, кто связан был с идеологической пропагандой. Доклад породил надежды на диалог общества и науки с властью. Но это уже другое время. Сразу после похорон была больше растерянность и неопределенность. Но они скоро забылись в потоке повседневности.

Юлия Сергеевна! В Ваших вопросах был и такой: «Каким в Институте был профком, какова была его связь с общественной жизнью коллектива?». Эта связь была неразрывной. В 1950-е годы особенно сильно. Я рассказываю о тех годах потому, что я, наверное, почти единственная сегодня в Институте, кто помнит то время. Вообще, хочу подчеркнуть, что коллектив любого научного учреждения — сложное образование личностей. И здесь очень важна роль мудрого, тесно связанного с коллективом и уважаемого им человека. Такими и были в то время председатели профкома.

Почему к профкому обращались? Потому что в его распоряжении были неплохие финансовые возможности, и со многими бытовыми, житейскими вопросами люди шли туда. Очень был важен авторитет председателя. Я уже Вам говорила, что его подпись была третьей на всех официальных бумагах. Нам повезло, потому что, например, председателем профкома тогда довольно долго был крупный ученый-востоковед, доктор исторических наук, профессор Анатолий Филиппович Миллер. Эта был большой, всегда улыбчивый, рассудительный человек. Его в Институте любили, и к первому обращались по всем, даже научным делам. И он как-то всегда разрешал их быстро, касалось ли это вмешательства дирекции или хозяйственной администрации. Склонил филолога Пушкарёва к тому, чтобы тот сделал рупором общественной жизни стенную газета. Надо сказать, что стенная печать была тогда принята во многих крупных учебных заведениях, на заводах, фабриках. Газета «Советский историк» долгие годы освещала научную и общественную жизнь Института. Она вывешивалась в длинном коридоре на третьем этаже здания на улице Дм. Ульянова два раза в год, клеенная из восьми-десяти листов ватманской бумаги, растягивалась на несколько метров. Была профессионально оформлена рисунками, карикатурами, дружескими шаржами сначала аспирантом, а потом младшим научным сотрудником Владимиром Дмитриевичем Тельпухов-

ским. В здании на Волхонке собирала читателей из соседних институтов — экономистов и философов с третьего и четвертого этажей. Газета отражала дружелюбное отношение людей в коллективе, несмотря на то, что там были разные, в том числе критические статьи, и не только хозяйственников. Большинство отражало успехи и недостатки научной работы в секторах и отдельных сотрудников, затрагивало и критиковало результаты научных дискуссий, недостатки работы. Случалось, недовольные жаловались в Краснопресненский райком КПСС, потому что шаржи нравились не всем. Были проверка райкома, но ни к чему антипартийному придраться не могли, и газета продолжала жить, а ее редактор даже премировался райкомом. Газета постепенно прекратила существование с приходом Хвостова, особенно после того, как он получил в 1964 году звание академика и возросла и без того заметная его отстраненность от коллектива.

Ю.Ф.: А какой была повседневная жизнь профсоюзной организации?

И.П.: В повседневной жизни профком вникал, как и сегодня, в материальное положение в первую очередь молодых сотрудников, оказывал им материальную помощь, помощь в получении квартир. Он участвовал в организации культурного отдыха сотрудников, в посещении выставок, музеев, театров и так далее, оплачивал все эти мероприятия. Общественную жизнь «зажигали» молодые сотрудники и аспиранты, среди которых обнаруживалось много разносторонне развитых талантов. Институт выделял средства на лыжные походы с лекциями о международном положении и с концертами самодеятельности. Во время многодневных лыжных походов забирались вглубь Подмосковья, заходили в деревни, где в 1950-е годы не было электричества. Оживляли там работу клубов. Собирались люди больше на художественную самодеятельность.

На Новый год и к 8 марта устраивались «капустники», которые будоражили жизнь ученых не только молодого, но и среднего и старшего поколения. Некоторые включились в написание текстов для «капустников». Однажды объявили конкурс пирогов. В нем приняли участие те, кто умел их печь. Например, 58-летняя Мария Константиновна Рожкова, доктор наук, в прошлом жена известного ученого Н.А. Рожкова, представила на 8 марта

1956 года пирог с рыбной вязигой³⁵, назвав его «Проклятое прошлое». Вел такой «капустник» из десяти пирогов сам председатель профкома. На других «капустниках» могла критиковаться в шутливой форме и деятельность руководства. Такие вечера, которые ныне назвали бы «корпоративами», у многих долго оставались в памяти.

Ю.Ф.: А кто участвовал?

И.П.: А вот участвовал Александр Оганович Чубарьян, он у нас был маленьким лебедем в пачке, три человека выступали. На сцене были, конечно, молодые ученые, аспиранты, в написании текстов участвовали и доктора наук. Больше пяти лет действовал театральный кружок с приглашенными из театров актерами, которые готовили небольшие пьесы для самодеятельности и проведение «капустников». В течение нескольких лет профком оплачивал руководителей театрального кружка: сначала из театра Вахтангова, им был известный тогда киноактер Николай Дмитриевич Тимофеев, потом из Малого театра – Михаил Михайлович Новохижин, будущий директор ГИТИС. Они были организаторами постановок, которые мы потом осуществляли и во время лыжных походов. Наш кружок выступал на сцене театра Вахтангова, театра на Таганке, театра Плотникова³⁶. Плотников просил участвовать нас в городском конкурсе театральных коллективов, мы поучаствовали и получили даже какое-то поощрение, кое-кого из нас даже пригласили в этот театр.

Ю.Ф.: Может быть, Вы помните сюжет какого-нибудь «капустника»?

И.П.: Вы знаете, пусть расскажет кто-нибудь еще, например, Маргарита Георгиевна Вандалковская – она из тех, кто пришел на работу в Институт в 1950–1960-е годы. А я хотела бы сказать о другом, связанном с коллективом. Раздел Института истории был плохим делом и для коллектива и для науки, особенно это стало ощущаться после того, как Институт всеобщей истории переехал в другое здание. Исчезло то, что взаимно обогащало

³⁵ Или визига – название употребляемой в пищу хорды, добываемой из осетровых рыб.

³⁶ Театр-студия киноактера (ныне Государственный театр киноактера). В 1945–1956 гг. его режиссёром был знаменитый театральный и киноартист Н.С. Плотников.

русистов и «всеобщников». Для отечественной истории со слабым (что греха таить) знанием иностранных языков этот раздел оказался особенно чувствителен. Для и того и другого институтов были потери в возможности участвовать в заседаниях секторов, которые занимаются теми же периодами, но разных стран России и Европы. Не случайно ученые Института в последние годы часто приглашались для участия в коллективных трудах, а Чубарьян с большой охотой взял весь коллектив сектора истории древних государств на территории СССР, который создавал В. Т. Пашуто. Конечно, Институт истории явился родоначальником или пополнял кадры новых институтов АН: славяноведения, военной истории, Латинской Америки, США и Канады, истории религии. Но это было другое.

Ю.Ф.: Ожидал ли кто-то из сотрудников этого разделения?

И.П.: Слухи ходили, но этому значения не придавали. Ускорили раздел нападки на книгу Некрича, обсуждение его «персонального дела».

Кстати сказать, наш Институт разъехался с Институтом всеобщей истории не сразу, а уехал тогда, когда президиум АН дал Отделению исторических наук помещение на Ленинском проспекте, 32. Сначала с улицы Дм. Ульянова уехало Отделение, затем Институт этнографии, потом предложили Институту археологии, так как при нем была лаборатория Герасимова «Восстановление лица по черепу»³⁷. Археологи отказались от переезда. Согласился Институт всеобщей истории, остались мы, археологи и помещение для Научного кабинета.

Ю.Ф.: Рассказывают, что рядом с Институтом был построен дом для сотрудников Академии наук.

И.П.: Он строился начиная с 1952 года, как и метро около Института. Дом кооперативный, и потому нас называли «раздетые камнем». В этом доме были квартиры многих сотрудников Института и вообще работников Академии наук. Пашуто радовался: «Я теперь могу прямо бульваром пройти до Института».

Ю.Ф.: 26 мая, 11:50, продолжение интервью с Ириной Михайловной Пушкарёвой.

---

³⁷ Лаборатория пластической реконструкции Института этнологии и антропологии АН СССР – основана в 1950 г. антропологом, археологом М. М. Герасимовым, автором метода пластической реконструкции лица по черепу.

И.П.: Юлия Сергеевна, в прошлый раз Вы меня попросили рассказать о «новом направлении» в Институте истории в середине XX века. Должна вам сказать, что у меня свой взгляд на эту проблему, и я думаю опубликовать статью, которая основана на моих воспоминаниях. Я хорошо помню о том, что происходило тогда в Институте, в том числе и потому, что было задержано издание моей книги, ответственным редактором которой был тогдашний директор П.В. Волобуев. С другой стороны, я кое-что знала о теневых сторонах истории «нового направления», которые были далеки от науки и которые не учитываются в историографических работах, которые его освещают.

Институт истории создавался в 1936 году и как на учреждение идеологическое на него возлагались обязательства подкреплять авторитет власти как внутри страны, так и внешнюю политику. После XX съезда КПСС, во время «оттепели», ученые Института решили освободиться от идеологического нажима, слепого следования постулатам «Краткого курса» с его догмами, основанными на марксизме-ленинизме. В центре дискуссий оказалась социально-экономическая история России XIX – начала XX века, которая совпадала с конкретными задачами в стране в послевоенный период. Но выступление Хрущёва стало корректироваться другими постановлениями, которые умеряли пыл историков. Они внесли раскол среди ученых, часть из них, наоборот, стремилась теперь все сохранить по-старому.

В Институте истории откликом на менявшуюся ситуацию в обществе стало выступление директора Сидорова в 1957 году на Ученом совете при обсуждении плана-проспекта «Советская историография о Великой Октябрьской социалистической революции 1917 года». Он ничего не сказал о том, что эта проблема возникла еще в 1920-е годы. Но тем, кто в 1949–1950 годах слушал на истфаке МГУ его лекции по экономике России начала XX века, кто были его студентами, а теперь – и аспирантами в Институте, было понятно, что он имеет в виду ученика М.Н. Покровского – Н.Н. Ванага, тогда руководителя авторского коллектива учебника по истории СССР для школ³⁸. Он считал,

---

³⁸ Ванаг возглавлял один из коллективов авторов, принявших участие в конкурсе школьных учебников (1934). Представленный ими учебник признали неудовлетворительным.

что исследование предпосылок социалистической революции требует «исторической конкретности» в представлении финансового капитализма в России, а в методологии — обращения к работам Ленина, в которых он писал о двух путях развития капитализма. Таким образом, Ванаг как бы сомневался в закономерности социалистической революции. Это ему было поставлено в вину при столкновении на этой почве с Ем. Ярославским, который в то же время был занят подготовкой учебного пособия «Краткий курс истории ВКП(б)». Сталин подержал последнего, Ванаг был арестован, обвинен в «меньшевизме» и «троцкизме», а в 1937 году расстрелян. Это прошлое тогда лучше было не ворошить.

Ю.Ф.: Столь глубокими были корни у «нового направления»?

И.П.: Да. Но Сидоров ставил конкретные научные задачи: получить в ходе ближайших исследований разработку вопроса об иностранных капиталах, об иностранной зависимости России от мировых держав, о своеобразии ее политической надстройки, о монополиях в российской промышленности. Эти темы были даны его ученикам: Гефтеру, Волобуеву, Бовыкину, Тарновскому и другим.

В 1956 году Сидоров пригласил в Институт историка-экономиста И.Ф. Гиндина накануне защиты им докторской диссертации о банках и экономической политике царского правительства. К 1957-му уже были изданы два тома трехтомной публикации архивного материала об экономическом положении России накануне Октябрьской революции (составители — тоже ученики Сидорова: В.А. Емец, А.М. Анфимов)³⁹. Работа шла с источниками. В «Вопросах философии» появилась статья Волобуева «Ленин о диалектике отсталости и революции в России», но в начале «оттепели» она осталась незамеченной.

Небезынтересно отметить личность профессора Гиндина. Он прошел большую жизненную школу: историк и экономист, активно участвовал во всех обсуждениях в том направлении, на которое указал Сидоров, вошел в состав нашего сектора, был очень горячим оратором. Технический секретарь Раиса Абрамовна Миркина называла его «возмутителем спокойствия». По-

---

³⁹ Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Март-октябрь 1917 г. Документы и материалы / сост. П.В. Волобуев, Р.Ш. Ганелин, В.А. Емец и др. Т. 1—2. М.; Л., 1957.

сле одной из дискуссий где-то в начале 1970-х Гиндин, выйдя в коридор, громко сказал, что на ней речь шла о «новом направлении». Это было подхвачено в разговорах сотрудников. Слухи об этом дошли до отдела науки ЦК КПСС. Но никто (и прежде всего Иосиф Фролович), конечно, не предполагал, что эти два слова через некоторое время станут буквально жупелом, дубиной для Института. Из отдела науки шло впоследствии и приписывание сектору истории периода капитализма и лично Волобуеву (формально он не был сотрудником этого сектора) отрицания промышленного переворота, тогда как это было на самом деле одно из высказываний по вопросу о многоукладности уральского историка А.А. Адамова, находившегося в контакте с Тарновским и другими, и относилось к уральской промышленности.

А дискуссии шли, когда архивная база еще не была как следует разработана и обсуждения правильности или неправильности тех или иных имевшихся в литературе положений сводились к сопоставлениям с работами Ленина и других классиков марксизма. Переоценка экономических отношений в связи с предпосылками социалистической революции затрагивала и пересмотр отношений классовых и политических сил, была связана с проблемой готовности рабочего класса к революции, роли в социальном движении политических партий, и главное — партии большевиков.

Проблема изучения предпосылок социалистической революции стала определяющей для Сидорова. К 50-летию Октября началась подготовка 12-томной публикации архивных документов. В 1959 году, уйдя с поста директора Института, Сидоров возглавил Научный совет «Исторические предпосылки Великой Октябрьской социалистической революции». Стимулируя исследование проблемы, совет встал на путь обсуждения ее на конференциях, в которых активно участвовал сектор истории капитализма. Постановка проблем на них так или иначе сводилась к обсуждению вопросов зрелости русского капитализма, уровня развития его монополистических форм, все чаще всплывал феномен многоукладности российской экономики. Благодаря авторитету Сидорова споры по этим вопросам проходили в спокойном русле, издавались книги, в которых ставились поднятые проблемы. В 1961–1962 годах — у Анфимова о земельной реформе в России в начале XX века и о русской деревне в Первую мировую

войну⁴⁰; в 1962 году – у Волобуева об экономической политике Временного правительства; в 1964-м – у Тарновского о советской историографии изучения предпосылок 1917 года. В 1965-м на международной конференции в Вене⁴¹ В.И. Бовыкин и П.В. Волобуев в совместном докладе осветили новые подходы в освещении экономических и социальных проблем в годы Первой мировой войны. М.Я. Гефтер пошел дальше и опубликовал в журнале «Новый мир» статью о предпосылках Октябрьской революции и о мире за 20 лет⁴². Вклад названных исследователей в проблему объективного освещения предпосылок революции требует специального анализа.

Сидоров умер в 1965 году, но решение поставленных им задач продолжалось, как и отстаивание направления их исследований. Об этом свидетельствовал доклад Гиндина по спорным вопросам истории финансового капитала в России на конференции в Ленинграде в 1967 году, когда впервые отмечалось 50-летие Февральской революции. Гиндин утверждал свои взгляды и в журнале «История СССР», когда ему было предложено дать информацию о конференции, работе ее секций⁴³. Увлеченный своей темой, он не понимал, что идейное ядро «нового направления» было приковано к официальной схеме, и все крепче по мере окончания «оттепели».

Проведение конференции по Февралю 1917 года вызвало замечание «сверху», из отдела науки и учебных заведений ЦК, который теперь возглавлял Трапезников, пришедший в ЦК в 1965 году с большой группой лиц из Молдавии – ставленников Брежнева. Это совпало со временем, когда на основании постановлений ЦК после XX съезда отсюда пришло распоряжение «о неукоснительном соблюдении ленинского принципа партийности в истории», и о внимании к «борьбе с буржуазной идеологией и с ревизией марксизма». Трапезников и заведующий сектором отдела науки

---

⁴⁰ *Анфимов А.М.* Земельная аренда в России в начале XX века. М., 1961; *Анфимов А.М.* Российская деревня в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 г.). М., 1962.

⁴¹ XII Международный конгресс исторических наук.

⁴² *Гефтер М., Дробкин Я., Мальков В.* Мир за двадцать лет // *Новый мир.* 1965. № 6. С. 206–230.

⁴³ *Гиндин И.Ф.* Проблемы истории Февральской революции и ее социально-экономических предпосылок // *История СССР.* 1967. № 4. С. 30–49.

Семён Спиридонович Хромов стали предвзято относиться к Институту истории, а с 1969-го — и к Волобуеву, избранному к тому же членом-корреспондентом АН СССР.

Здесь следует отклониться от научных проблем, без чего нельзя до конца понять, чем закончилась история «нового направления», его «диалога» с властью.

Ситуация обострилась в 1968 году, когда в Институте было заметно возбуждение событиями в Праге, а осенью — «персональным делом» Некрича. Историка исключили из партии, а Комиссия партийного контроля ЦК раскассировала партийную организацию под предлогом намечавшегося вскоре разделения Института. Говорили, что это ускорило раздел. Партком Института истории СССР в 1969 году избрал своим секретарем Тарновского, но КПК не утвердила его кандидатуру. Партком возглавил Виктор Петрович Данилов. Но он поддерживал Тарновского и не стал возражать против оглашения на Ученом совете Института составленного им доклада о состоянии советской исторической науки и ее задачах⁴⁴. В нем говорилось о снятии запретов на исследование отдельных острых проблем, о свободе исследований, открытии необходимых ученым фондов в архивах. Данилов занимался проблемами коллективизации и сам неоднократно ставил вопрос об архивах.

С первых дней его работы Института истории СССР, после короткого пребывания директором академика Бориса Александровича Рыбакова и скорого назначения Волобуева, «новое направление» заявило о себе, вступая в споры с отделами ЦК ради науки. Хвостов не случайно покинул Институт: для него, бывшего МИДовца, это было противоестественно.

Ю.Ф.: Кто же входил в «новое направление»?

И.П.: Никакого организационного оформления оно не имело. Это были несколько человек, связанных идейно, в том числе ученики Сидорова. Сохраняя верность ленинским положениям о наличии материально-организационных предпосылок для социализма, его сторонники по сути дела своими научными изысканиями и публичными выступлениями шли к отрицанию этого наличия. Причем делали это публично, иррационально противопоставляя

---

⁴⁴ Имеется в виду представленный 19 февраля 1966 г. доклад парткома «Советская историческая наука и некоторые вопросы ее дальнейшего развития».

себя разношерстному научному сообществу и еще более — партийной бюрократии. Волобуев спустя много лет в интервью журналу «Отечественная история»⁴⁵ назвал эту группу: Тарновского и Гиндина как «своеобразных генераторов новых идей», Данилова, Леонида Михайловича Иванова, Арона Яковлевича Авреха, Андрея Максимовича Анфимова, Корнелия Фёдоровича Шацилло, Марлену Сергеевну Симонову и Адамова (историк из Свердловска). Политика жестко вмешалась в историографический процесс по воле самих историков, и чем активнее они были, тем оказывались, на мой взгляд, дальше от науки.

Волобуев предложил сделать доклад на Ученом совете с теми предложениями, которые были им разработаны, то есть поддержал партбюро. Тем самым по собственной воле *историческую правду смешивал с политической целесообразностью*. Поработав в отделе науки ЦК, он не учитывал, что после разделения Института истории АН оба института были на особом учете и там, и в КПК. Он с гордостью рассказывал, что в 1971 году на заседании Черемушкинского райкома, высказываясь против наложения партвзысканий на Гефтера за ошибки в его статьях, якобы заявил, что «не дело парторганам давать оценку работ ученых». Наверное, он исходил из того отношения с местными партийными органами, когда ему до университета пришлось поработать уполномоченным Наркомата по заготовкам в Казахстане. Но теперь за ним стоял коллектив Института, ученые других секторов, которые, кстати говоря, в своих работах также вступили на путь переосмысления того, что было создано с утверждением в науке марксизма-ленинизма. В той данной конкретной ситуации в силу вступили другие обстоятельства.

Дело в том, что Трапезников был человеком, далеко не лишенным амбиций. Он давно создавал книгу на основе имеющихся трудов о ленинской аграрной проблеме в трех русских революциях, писал и о коллективизации крестьянских хозяйств, о колхозах. Издав большим тиражом книгу об аграрной истории⁴⁶, он стал претендовать на получение звания члена-корреспондента Академии наук, метил в академики. И надо же случиться, что за

⁴⁵ Интервью с академиком П.В. Волобуевым (подготовлено В.Л. Телицыным) // Отечественная история. 1997. № 6. С. 99–123.

⁴⁶ Трапезников С.П. Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос. Т. 1–2. М., 1967.

год до его участия в выборах в члены-корреспонденты выбрали Волобуева⁴⁷. Павел Васильевич не включился в хвалебный хор вокруг его беспомощного труда, а дал нелицеприятную характеристику всем его работам на собрании в бюро Отделения истории и, таким образом, повлиял на отрицательное решение. Это был 1970 или 1971 год. Выборы в Академию были тогда строгими, ежегодными. На следующий год Трапезников, сделав доклад в Отделении и сказав, что учел многие замечания, еще раз подался в члены-корреспонденты. И опять проиграл выборы⁴⁸, и поэтому между Волобуевым и Трапезниковым возникли очень «болезненные», можно сказать, враждебные отношения, если можно судить по тому, как потом развертывались события в Институте. Но это глубоко внутренние отношения, которые в общих чертах были известны мало кому у нас.

Уже в 1970 году началась исходившая из отдела науки критика статей сборника «Российский пролетариат — облик, борьба и гегемония»⁴⁹. Критика эта развернулась в адрес ряда авторов — Волина, усомнившегося в гегемонии пролетариата в 1906 году, Кирьянова в отношении гегемонии пролетариата, но, главным образом, Волобуева по поднятым им проблемам предпосылок социалистической революции. Тогда-то и родилась у Гиндина знаменитая фраза о «новом направлении».

В начале 1972 года в издательстве «Наука» вышел другой сборник статей — «Свержение самодержавия»⁵⁰, и тоже со статьей Волобуева. И тут критика с новой силой обрушилась на сотрудников Института, авторов сборника из сектора истории периода капитализма. Волобуев вместе с ответственным редактором этих сборников Леонидом Михайловичем Ивановым, тогда уже тяжело больным (у него был рак), вступили на путь «обороны». Я помню сцену, которую описал Валентин Валентинович Шелохаев. Иванов на костылях пришел на заседание то ли дирекции,

⁴⁷ П.В. Волобуев избран членом-корреспондентом АН СССР по Отделению истории (история СССР) в 1970 г.

⁴⁸ Первый раз Трапезников выдвигался в члены-корреспонденты АН СССР по Отделению истории (история СССР) в 1966 г., но, несмотря на успешное голосование в Отделении, не был утвержден на общем собрании Академии.

⁴⁹ Российский пролетариат: облик, борьба, гегемония / отв. ред. Л.М. Иванов. М., 1970.

⁵⁰ Свержение самодержавия: сборник статей / отв. ред. И.И. Минц. М., 1970.

то ли Ученого совета, грозя этими костылями в адрес тех, кто позволил усомниться в преданности ученых науке, ярко и аргументированно их «разносил» за желание прекратить развитие исторической науки. Через несколько недель он умер, не дожив до финала — разгрома «нового направления». Общая обстановка все больше и больше накалялась. Мало того, Институт тогда был тесно связан с Ленинградским отделением. Поскольку Волобуев нес ответственность и за его издания, он не мог устраниваться от критики, исходившей от ЦК, и стал активно поддерживать Виталия Ивановича Старцева и Олега Николаевича Знаменского — авторов двухтомного коллективного труда по истории вооруженного восстания в Петрограде в октябре 1917 года⁵¹.

Основные события, связанные с «новым направлением», развернулись в 1972–1973 годах. В конце 1971-го отдел науки предложил Волобуеву, который постоянно конфликтовал с Хромовым, отбиваясь от критики и защищая сотрудников (и, возможно, провоцируя его), провести в Институте собрание с обсуждением спорных тем. Его наметили на 9 марта 1972 года.

Нужно ли было Павлу Васильевичу принимать эту, как говорят спортсмены, «подачу», не лучше ли было ограничиться реакцией на критику в других формах и спустить ситуацию на тормозах, продолжая индивидуальную разработку конкретных проблем, дискутируя по каждой в отдельности с узким кругом специалистов? Мне казалось, что он понял свой просчет, но с опозданием, и не хотел сам себе в этом признаваться. Его отговаривали до собрания, предлагая проявить дипломатичность, не организовывать публичное обсуждение по взятой в комплексе *фактически одной проблеме*, в которой *гипотезой* было сомнение в необходимости (закономерности) социалистической революции. В историковедческом отношении поставленные Сидоровым задачи не были достаточно разработаны. На это первыми обратили внимание друзья Волобуева, источниковеды Ковальченко и Бовыкин. По опубликованным документам можно видеть, что сомневались в собрании такого рода и заведующие других секторов (Буганов, Бескровный, Новосельцев, Поляков, Соболев, а они были не робкого десятка). Ведь за директором стоял целый Институт!

---

⁵¹ Имеется в виду: Октябрьское вооруженное восстание. Семнадцатый год в Петрограде: в 2 кн. / отв. ред. А.Л. Фрайман. М.; Л., 1967.

Он мне сказал тогда: «Не волнуйся, мы хорошо подготовились, приедут хлопцы из Питера». Имелись в виду в первую очередь молодые ученые и наши друзья Старцев и Знаменский. Действительно, для подготовки собрания было приложено немало сил.

Парадоксальность предполагаемой дискуссии заключается в том, что бороться с догматическими положениями и начетничеством предполагалось в том же духе. «Новое направление» не посягало на марксистско-ленинскую концепцию. На ротапринте был издан цитатник, а в нем напротив положений, подвергавшихся критике, стояли цитаты из работ Маркса и Ленина. Перед президиумом на длинном столе, покрытом зеленым сукном, стояли в ряд тома пятого издания полного собрания сочинений Ленина. Этого не ожидали ни представители отдела ЦК, ни их сторонники — историки партии, державшиеся в подготовленных тестах речей за цитирование классиков, ни представители Черемушкинского райкома.

Первый день собрания, 9 марта 1972 года, завершился победой сторонников «нового направления». Отбиты были все наскоки на работы ученых. Надо сказать, что их оппоненты не были мастерами дискуссий, выглядели довольно жалкими, косноязычными... Шелухаев вспоминает, что это признавали и они сами, подумывая о капитуляции. Но это была пиррова победа. Она усилила враждебное отношение к Институту Трапезникова и Хромова. Шелухаев отмечает, что на следующий день в бой была брошена «дальнобойная» номенклатурная «артиллерия». Ленинградцы уехали. Вместо того чтобы дать отпор, институтские интеллигенты стали юлить и заниматься эквилибристикой ленинскими цитатами, делать разного рода оговорки типа «нельзя не сознаться», «нельзя не признаться» и т.п. В кулуарах звучал тезис о том, что надо во что бы то ни стало спасать Институт и признать некоторые методологические ошибки.

Волубуев записался на прием к главному идеологу, секретарю ЦК Сулову. Тот разговаривал любезно, книга о вооруженном восстании в Петрограде была разрешена, но фамилии Старцева и Знаменского из числа авторов приказано убрать. В 1972 году один за другим следовали новые выступления в печати с рецензиями на работы сотрудников сектора истории капитализма. На работы сотрудников обрушились «Вопросы истории КПСС». В июне по инициативе секретаря ЦК академика Поспелова и по

подсказке отдела науки бюро Отделения истории АН приняло постановление с осуждением «нового направления». После выхода в свет сборника «Вопросы истории капиталистической России. Проблема многоукладности» «новое направление» было обвинено в покушении на «святая святых» марксистско-ленинской методологии – теорию формаций, в отрицании закономерности их смены, игнорировании тем самым предпосылок Октябрьской революции. Вслед за этим было запрещено проведение в октябре 1972 года конференции во Львове о положении рабочего класса в капиталистической России, где организатором был Тарновский; верстку статей конференции требовалось уничтожить. По «рекомендации» сектора Хромова через бюро Отделения провели постановление. В нем за допущенные ошибки «не рекомендовалось» использовать в учебном процессе ряд изданных Институтом в последние годы книг.

Павел Васильевич решил спустить ситуацию на тормозах. 13 октября 1972 года, используя свои знакомства в газете «Правда», они с новым секретарем партийной организации Неупокоевым опубликовали, можно сказать, покаянное письмо, что Институт к критике прислушался и будет исправлять допущенные в работах ошибки. Но это не помогло. Содержание письма было повторено новой публикацией в «Правде» 6 января 1973 года. В ней было написано, что Институт истории осознает критику книги «Российский пролетариат...», «принимает меры по усилению ответственности авторов» и так далее. Уже находившийся за рубежом Некрич написал в книге «Отрешись от страха», что «Волобуев и другие покаются». Павел Васильевич не был согласен с такой оценкой. Как бы то ни было, никакой реакции «сверху» не последовало.

Напротив, 21–22 марта 1973 года в отделе науки ЦК состоялось совещание с докладом самого Трапезникова, на него были приглашены представители Черемушкинского райкома, историки партии из разных учреждений Москвы и Ленинграда. Начался доклад с утверждения о преувеличении «новонаправленцами» роли стихийности и умалении роли пролетариата и большевиков в Февральской революции. Те, кто выступал в поддержку докладчика, говорили о «грубых методологических ошибках», которые «допускал Институт истории» в отступлении от ленинского тезиса, что на социалистическую революцию рабочий шел со всем

крестьянством, а не с беднейшим. В вину вменялось искажение роли большевиков, появление тезиса о возможной утрате гегемонии российским пролетариатом, преувеличение влияния оппозиционного либерального движения, а главное — тезис о том, что пролетариат не был готов еще к роли вождя социалистической революции. Ответственность на этом заседании персонально была возложена на Волобуева. Горячо оспаривалось сказанное в работах Авреха, что классовой опорой самодержавия было крестьянство. В адрес Тарновского критика сводилась к его неправильным выводам в отношении многоукладности российской экономики и недооценке развития в России капиталистических отношений. В этом ряду упоминались Волин, Кирьянов, Симонова, Тютюкин, Деренковский...

В Институте была создана комиссия из заведующих другими секторами, которая вынуждена была обещать исправить положение новыми трудами, доказать верность марксистско-ленинской методологии и так далее. Положение «новонаправленцев» в Институте становилось критическим, ситуация раскручивалась до 1974 года, пока Волобуев не был снят с поста директора. Хромов добивался формулировки «за идеологическое разложение института». Павла Васильевича административным путем перевели на работу в другой институт. Тарновский, Емец, Аврех, Симонова были переведены в другие сектора — истории географии и источниковедения. Из упомянутых Трапезниковым и приближенных к Волобуеву остались Волин, Шацилло, Кирьянов, Тютюкин, Деренковский. После ухода Волобуева критика работ сотрудников некоторое время продолжалась. Выразилась она в приостановке редактирования трудов в издательстве «Наука». Моя книга была приостановлена ранее, ответственным редактором ее был Волобуев. Он еще раньше предложил поставить вместо себя Владислава Иосифовича Селицкого, но тот участвовал в собрании 9 марта на его стороне. Верстка книги пролежала в типографии «Металл» целый год, было предложено ее сократить. Подозрение вызывала оценка участия в революционном движении в 1917 году железнодорожных служащих, их профессиональная организация.

На академика Алексея Леонтьевича Нарочницкого, который сменил Волобуева на посту директора, пришелся период «покаяния». Институт срочно запланировал и издал в начале 1980-х годов трехтомную историю рабочего класса, которая мог-

ла бы быть написана по-другому. Приоритетными становились другие, традиционные темы советской историографии: история крестьянства, история народов Северного Кавказа. Дирекция вмешивалась в формулирование проблем в названиях книг, научные дискуссии сошли на нет. Институт влезал в идеологический «застой». Изучение важных проблем, намеченных еще под руководством Аркадия Лавровича Сидорова, было заторможено примерно на 15–20 лет. Разгром «нового направления» стал одной из причин затянувшегося кризиса. В науке появились зоны умолчания, упал интерес к методологическим и теоретическим вопросам, к постановке крупных научных проблем.

Ю.Ф.: Я бы хотела теперь о другом услышать — о Панкратовой и Нечкиной. Получается, в Институте Вы работали одновременно с обеими. И Нечкина, и Панкратова это женщины-историки, академики. Расскажите, пожалуйста, Ваши о них впечатления. И если их сравнивать, насколько они были разные? Или чем-то были похожи?

И.П.: О той, и о другой написано немало, и сейчас их продолжает сравнивать в гендерном ключе одна из молодых историков-этнографов из Тулы⁵². Конечно, они были очень разные. Общим было звание академика. Панкратова была исключительно предана советской власти. Нечкина — с глубоко затаенными с 1920-х годов отношением, особенно во время критики ее учителя, профессора Михаила Николаевича Покровского. И та, и другая были по-разному образованы и пришли в науку разными путями. Панкратова была из рабочей семьи, тоже ученица Покровского, но не была в таких с ним отношениях, как Нечкина, которая сама не скрывала, что была влюблена в него.

Панкратова окончила Высшие женские курсы, затем историко-филологический факультет Новороссийского университета в Одессе, Институт красной профессуры. Она была первым автором учебника для школ по истории России, заместителем директора Института истории, участвовала в 1936 году в формировании в нем сектора истории России XIX — начала XX века, была, можно сказать, первым его заведующим. В этом секторе начала работать и Милица Васильевна Нечкина. После войны много участвовала в руководстве Отделением исторических наук АН.

---

⁵² Имеется в виду Ольга Игоревна Секенова.

На XIX и XX съездах КПСС была избрана в члены ЦК, после чего стала единственной женщиной-академиком (до этого не один раз ее «прокатывали» на выборах в бюро Отделения). Избиралась от Гомельского округа в депутаты Верховного совета СССР, входила в состав его президиума. У нее на первом месте в жизни стояли партийные обязанности. Это уже само по себе говорит о многом. Она была сильным человеком, но и скромной, доброй, отзывчивой, любила людей, историю России, историческую науку, с гневом и негодованием загоралась, когда какой-нибудь делец, «достигший чинов известных», примазывался к науке, стараясь очернить серьезных ученых. За это ее любили и уважали и в нашем секторе, в котором она работала после возвращения из Саратова в 1940 году и до конца ее жизни. Когда покинула пост главного редактора журнала «Вопросы истории», стала чаще бывать у нас. Тогда, в 1957 году, меня, младшего научного сотрудника, попросили выполнять ее поручения. Они были связаны с разбором ее архива для запланированной книги о рабочем движении⁵³ и очередных сборников по его истории. Потому в 1974 году мне и поручили продолжить это издание.

До событий, связанных с «новым направлением», она не дожила, умерла в 1957 году. Перед этим поддерживала своего заместителя в «Вопросах истории» Бурджалова в критике работ по истории 1917 года, в которых искажалась позиция меньшевиков. История с журналом вызвала несколько сердечных приступов, и я бы сказала, что это повлияло на последние дни ее жизни⁵⁴.

Ю.Ф.: Ее тоже критиковали за «Вопросы истории»?

И.П.: Прямо и лично — нет (она была членом ЦК КПСС), но опосредованно, как главного редактора. Кстати, куратором жур-

---

⁵³ Панкратова А. М. Формирование пролетариата в России (XVII–XVIII вв.). М., 1963.

⁵⁴ Имеются в виду события, предшествовавшие и последовавшие за постановлением ЦК КПСС от 9 марта 1957 г. «О журнале “Вопросы истории”». Руководство журнала (главный редактор А. М. Панкратова и ее заместитель Э. Н. Бурджалов) после XX съезда активно организовывало дискуссии по проблемным сюжетам советской истории, публиковало «спорные» материалы. На этом основании в рамках «закручивания гаек» в идеологической сфере журнал подвергся резкой критике. Бурджалов был обвинен в написании «политически вредных» статей, в которых «скатился на позиции объективизма и отступил от партийности в науке», и уволен. Панкратова умерла от сердечного приступа 25 мая 1957 г.

нала от отдела науки ЦК был Волобуев. Он сам об этом рассказал в интервью «Отечественной истории». Вернемся к Панкратовой как историку рабочего класса. Она не критиковала написанное на эту тему. Но была, как тогда говорили, трезво мыслящим историком, полагала так: «Прежде чем нам говорить о ведущей роли рабочего класса, нужно разобраться с самого начала, со времени его формирования». Поэтому первые ее публикации, сразу после войны, — издание четырех сборников по рабочему движению в XIX веке, довольно объемных. Каждый сборник начинался с документов о влиянии различных организаций РСДРП на рост рабочего движения в конце XIX века. Панкратова говорила, что главное для исследования темы рабочего движения — изучение истории рабочих семей. Мы очень хорошо общались, она была очень демократичным человеком. Предлагала мне изучать биографии рабочих и на этой основе создать обобщающее исследование об облике рабочего класса, о том, как он менялся на протяжении десятилетий, чего и сейчас не сделано. Она подсказала Кирьянову тему о бюджетах рабочего в России. В списке ее избранных трудов около 500 наименований. В сообщении советского правительства о ее смерти она названа крупным общественным деятелем, ученым. Вот в такой последовательности!

Ю.Ф.: Еще один вопрос про Панкратову. История с ее семьей, мужем, может быть, Вы что-то знаете?

И.П.: У нее был муж в 1920—1930-е годы, Григорий Яковлевич Яковин, тоже окончивший Институт красной профессуры, тоже ученик Покровского, доктор наук, профессор, занимался Бакуниным, русскими анархистами, историей Франции. В 1926—1927 годах Анна Михайловна вместе с ним, Тарле и Пресняковым создавала Институт истории при Ленинградском университете. В 1934 году он был арестован, сослан в Саратов, в 1936-м — репрессирован, расстрелян. Второй раз замуж не выходила. Была у нее дочь Майя Григорьевна, 1926 года рождения, очень красивая, тоже историк, кандидат наук, был и внук. Они вместе с мужем дочери⁵⁵ жили дружно на Ленинском проспекте, 13.

Ю.Ф.: А Нечкина?

И.П.: Милица Васильевна Нечкина была совершенно другого склада. По происхождению из интеллигенции провинциально-

---

⁵⁵ Мужем М.Г. Панкратовой был этнолог Ю.В. Арутюнян.

го города Нежин Черниговской губернии. Окончила Казанский университет, была вольнослушателем того же Института красной профессуры. С начала 1920-х годов много преподавала. Ее не интересовали ни рабочий класс, ни рабочее движение, с самого «вхождения» в науку ее интересы законсервировались на движении декабристов, истории их обществ. Я работала года три бригадиром «Очерков по истории России начала XIX века», где она была главным редактором. Ее редколлегия состояла из женщин: она, Мария Константиновна Рожкова, жена умершего в 1927 году известного меньшевика, Августа Михайловна Станиславская, занимавшаяся историей внешней политики, общественной мыслью и культурой. Я бывала у нее дома, была знакома с ее мужем, домработницей Дашей и ее любимым котом. Когда Леонид Михайлович Иванов обязал заниматься историей рабочего движения начала XX века, а именно железнодорожниками как отрядом рабочего класса, она сказала: «Как же Вы, Ирочка, теперь с Лениным-то будете? Ведь Ленин ничего не сказал о железнодорожниках». Она здесь была неправа, дело в том, что Ленин говорил не о рабочих железных дорог, а о служащих, и их роль в октябрьской политической стачке 1905 года признавал. Когда я написала кандидатскую диссертацию и защитила ее, она меня поздравила письмом, а на Международном конгрессе в Италии упомянула тему диссертации и автора. Я только недавно прочитала об этом в книге об участии историков в международных конгрессах в 1950–1960-е годы, была очень удивлена.

Милица Васильевна с уважением относилась ко всем, кто любит науку, предан ей и живет в ней, она их всегда отмечала и в выступлениях, и в своих работах. О Милице Васильевне много написано ее коллегами и учениками. Она была абсолютно другой человек, с другими жизненными позициями. Но и она, и Панкратова были гордостью советской науки и остаются крупными учеными, как бы не менялись трактовка декабризма и отношение к рабочему движению, к революциям.

Ю.Ф.: Спасибо. А как бы Вы вообще охарактеризовали положение женщин в Институте истории, в Академии наук СССР?

И.П.: Институт истории был и остается слепком государственной системы с ее законами, направлениями деятельности, поведением людей, в ней живущих. Я долго была ученым секретарем издания и сектора по написанию многотомной «Истории СССР»,

для обсуждения макетов томов приглашался руководящий состав институтов истории союзных республик — там никогда не было ни одной женщины. На руководящих должностях в Институте женщины были и остаются на вторых ролях. Среди директоров женщин, как известно, не было, среди заместителей до войны — Анна Михайловна Панкратова, при Сахарове — Людмила Павловна Колодникова, Галина Борисовна Куликова, среди ученых секретарей — Александра Павловна Молчанова, сегодня — Нина Евгеньевна Быстрова, среди заведующих секторами те же Панкратова, Нечкина, при Сахарове — Наталья Александровна Горская.

Ю.Ф.: Объяснялось это как-то?

И.П.: Объяснялось такими же причинами. Понимаете, женщины всегда были больше заняты домом, детьми, а не только наукой; такие, как, например, Панкратова, Нечкина, могли целиком отдавать себя науке, но всегда было мало женщин, которые в равной степени делили свою жизнь между наукой и повседневной жизнью. Не только в Институте истории, посмотрите на экономиста Т.И. Заславскую. Она пишет, что выдвинулась в академики потому, что практически не занималась своим домом. Тем не менее, женщины-ученые проявили себя изданием прекрасных работ, которые явились вкладом в науку во всех ее направлениях, особенно гуманитарных и, конечно, в исторической науке.

В Ваших вопросах, Юлия Сергеевна, был и такой: о чем были мои кандидатская и докторская диссертации и как прошли их защиты в Институте истории? В 1952 году я сдала для прикрепления к аспирантуре кандидатский минимум по трем предметам: избранному для написания диссертации периоду истории России, то есть XIX веку, философии и иностранному языку. С французским проблем не было, я читала свободно «Юманите»⁵⁶. Философией занималась в семинаре крупного философа М.А. Лифшица вместе с аспирантами из Института права — Ф.М. Бурлацкий, Г.Х. Шахназаров, М.И. Пискотин. Впоследствии они все работали в разных отделах ЦК. Лифшиц и компания относились ко мне снисходительно, экзамен я сдала на «пять». По специальности был Г.В. Плеханов и его брошюра «Русский рабочий в революци-

---

⁵⁶ «L'Humanité» — ежедневная газета, центральный орган Французской компартии.

онном движении». Но рабочим движением я заниматься не думала, считала, что в диссертации буду само собой продолжать тему диплома «Грановский в общественно-политическом движении в 40–50-е годы XIX века». Я не предполагала, что еще в 1932 году, на VII конгрессе Международного комитета исторических наук, ученые из СССР в спорах с учеными Англии, Франции, Бельгии, Польши, которые отстаивали прогрессивность либерального, а не революционного движения, пошли на конфронтацию и отказались изучать историю либерализма. Конгресс тогда отражал соотношение политических сил на международной арене. На нем присутствовало и националистическое направление в науке, которое возглавляли немцы и итальянцы. И вот тому, что либерализмом в России заниматься не нужно, а только изучать революционное движение, Институт истории следовал и в начале 1950-х годов.

Словом, Леонид Михайлович Иванов прямо мне сказал, что тема о либерализме и о Грановском нежелательна. Рассказать о нем как о просветителе было мало для диссертации. К тому же в Институте на тему о Грановском как профессоре истории Средних веков и времени просвещения писала Софья Ароновна Асиновская. Ее коллеги очень волновались, что я молодая и могу ее опередить, с этим вопросом ко мне подходили, просили, чтобы я изменила тему. Я была несколько в раздумье, и в этом состоянии застал меня профессор Борис Павлович Козьмин. Он сказал: «Ну, и оставьте Грановского, переходите на журналистику, например, на “Отечественные записки”, деятельность в них Николая Константиновича Михайловского, народника». И с этой темой мы подошли к Иванову, но ее он тоже отверг, сказав, что изучение народников не входит в планы Института. И только в 1957 году в секторе истории капитализма была создана группа под руководством Итенберга, которая стала специально заниматься народничеством.

Козьмин мне предложил другую тему, я пошла в библиотеку и, как учил Дмитриев в университете, не один месяц потратила на тему «Переход “Отечественных записок” с позиции народничества на позиции революционного марксизма», имея в виду гипотезу о победе революционного начала в народничестве. Впереди была работа с компактным материалом в фонде Салтыкова-Щедрина, который в это время был редактором «Отечественных

записок». Представила довольно пространный план-проспект, убив на это не один месяц, потому что в это время работала и по другим заданиям. С Борисом Павловичем снова подошла к Иванову. Леонид Михайлович, улыбнувшись, сказал: «Дорогая Ирина Михайловна, Вы можете заниматься хоть музыкой, но это меня не удовлетворит». И уже вполне серьезно предложил переходить на XX век, изучение истории рабочего класса, чтобы я выбрала один из его «отрядов». При этом он сказал: «Кажется, металлистами уже кто-то занимается в Ленинграде». И тут Борис Павлович, обратившись ко мне, произнес: «Вам нужно взять тему железнодорожников», и я повторила Иванову: «Ну, пусть будут железнодорожники», мне все это надоело и было совершенно все равно.

Когда мы вышли в коридор, я спросила Козьмина: «Почему железнодорожники?». Он ответил: «Понимаете, в этом случае Вам придется столкнуться со служащими, среди них будут не только большевики, но и эсеры, либералы». Я подумала: «А действительно, почему бы и нет?», и согласилась. Леонид Михайлович сделал акцент на участие железнодорожников во Всероссийской октябрьской политической стачке 1905 года, которая подтолкнула царя на Манифест 17 октября. Она тогда изучалась только историком партии Спиридоновой: книга ее была скучная, схематичная, ссылок на архивы почти не было. Нужны были новые источники, а я тогда была включена в просмотр архивных фондов для издания сборников по истории первой русской революции. Козьмин мне тогда сказал, что, к сожалению, не может быть моим научным руководителем, потому что руководители назначались в соответствии со специализацией диплома. И тут, в комнате, где шел разговор, сидел Юзеф Захарович Полевой. Я обратилась к нему, не сможет ли он быть моим научным руководителем? Он был кандидат наук, но это тогда не возбранялось. Он писал работу о зарождении марксизма в России, его рукописи я считывала, редактировала не один раз по заданию сектора. Он был очень хороший человек, но окончил лишь начальную еврейскую школу (хедер) и партийную школу, и поэтому моя редакция была ему полезна. Мы были в дружеских отношениях не первый год, и он неожиданно сказал: «Я согласен». Иванов, помедлив, посмотрев в окно, произнес: «Ну и хорошо».

Потом я поняла, что, в общем-то, проиграла. В это время сам Леонид Михайлович заканчивал докторскую диссертацию о ре-

волюции 1905 года на Украине. И, конечно, был в курсе дела и источников больше, чем Полевой. Винить его особенно тут не следует, потому что он был учеником Дружинина и темой его кандидатской диссертации было крестьянское движение⁵⁷. Но, вступив в заведование сектора в 1952 году, он должен был выполнять государственный заказ идеологического свойства. Институт истории переключился на рабочий класс и рабочее движение в первой революции. К выпуску готовились, как потом оказалось, 18 красных больших томов «Рабочее движение России в 1905—1907 годах». К 1950 году ее история, как ни странно, была «белым пятном», хотя работы в 1920-е годы выходили, например, видный молодой историк Горин имел книги по советам рабочих депутатов в 1905 году. Он был арестован и расстрелян как троцкист в 1937 году. Кривошеина занималась теми же проблемами, ее обвинили в меньшевизме, судьба ее после ареста неизвестна. Во всяком случае, в 1936 году вышла в свет «История ВКП(б)» под редакцией Ярославского, она подверглась критике Сталина⁵⁸, но не такой жесткой, как в отношении Горина и Кривошеиной. Первое вмешательство Сталина в историческую науку окончилось вторым изданием «Истории ВКП(б)». В ней советы представлялись не как органы народовластия (как писали об этом Горин и Кривошеина), а прежде всего как органы вооруженного восстания. Историкам нужно было подчеркивать руководящую роль рабочего класса в октябрьской стачке и вооруженном восстании 1905 году. Стачка считалась результатом руководящей роли большевиков в рабочем движении. Между тем, не было бы всеобщей стачки в стране в течение недели, если бы не железнодорожники, если бы не решения съезда железнодорожных служащих в сентябре и бюро Всероссийского железнодорожного союза, принявшего решение о стачке летом 1905-го.

Впоследствии я оценила предложение Козьмина. Тема позволяла мне разумно выйти из своеобразного рондо, однотипных работ о рабочем классе. Диссертация по большому счету решалась отходом от схемы развития всеобщей стачки по «Кратко-

⁵⁷ Тема кандидатской диссертации Л.М. Иванова: «Государственные крестьяне Московской губернии и реформы Киселёва». Защищена в ИИ АН СССР в 1939 г.

⁵⁸ История ВКП(б). Т. 1—4 / под ред. Ем. Ярославского. М., 1926—1929. 5-й том не вышел из-за критики издания и обвинений в троцкизме.

му курсу», проявлением революционной активности не только рабочих, но и железнодорожных служащих, которые, конечно, на каждой станции были в контакте с рабочими мастерских. Среди последних вырисовывалась руководящая роль большевиков, а среди служащих главенствовал ВЖС, который имело бюро в Москве и смог дать команду о прекращении движения на железных дорогах.

Мне нужно было установить численность рабочих и служащих на железных дорогах. Здесь мне помогли консультации с крупным еще с 1920-х годов историком Адольфом Григорьевичем Рашиным, с которым меня познакомил Виктор Корнельевич Яцунский, с которым я работала над «Очерками по истории России в пореформенный период». Тогда мной был сделан первый маленький вклад в диссертацию из закровов Библиотеки имени Ленина. Это был обобщающий источник, о котором не знал и Рашин — «Ведомости штатного содержания, квартирного довольствия и лично-присвоенного содержания служащих казенных железных дорог на 1905 год». Они раскрывали соотношение рабочих и служащих, их материальное положение. По этим показателям можно было выяснить степень их участия в стачке с обращением к ведомству и правительству с социально-экономическими и политическими требованиями. Яцунский и Рашин оживились, узнав о находке. Рашин пригласил меня домой познакомиться с его домашним архивом, откуда я сделала выписки. И первая моя находка превратилась в статью в третьем номере нового журнала «История СССР»⁵⁹, что в то время было большим событием: издать тогда начинающему историку статью в солидном журнале было очень почетно. В следующей статье в «Вопросах истории» я скорректировала руководящую роль «гегемона» — рабочего класса, показав рост числа зачинателей стачки — служащих из среднего социального слоя.

Но написание диссертации у меня шло только в нерабочее время: плановой работой была составительская в архиве и помощь дома Гиндину с подсчетом статистики финансов. Работая в архиве, я обнаружила важные свидетельства о «Кровавом воскресенье» — записки очевидцев, но они не имели прямого от-

---

⁵⁹ *Пушкарёва И. М.* Заработная плата железнодорожников накануне революции // История СССР. 1957. № 3. С. 159–175.

ношения к железнодорожникам. Для защищающих кандидатскую диссертацию требовалось опубликовать две статьи по теме. Вторая статья у меня вышла в 1958 году в «Вопросах истории»⁶⁰ и я вышла на защиту. Полевой, как ее руководитель, полистал диссертацию, когда она была напечатана, поставил подпись. Защита прошла успешно 18 апреля 1959 года на Ученом совете Института. Одним из оппонентов был преподаватель АОН профессор Николай Никифорович Яковлев, бывший директор Исторической библиотеки, а потом Библиотеки имени Ленина, человек серьезный. Он немного сомневался в преувеличении роли железнодорожников, но оценил проделанную работу. Его выступление было определяющим, за работу проголосовали единогласно. Рукопись диссертации, утвержденная в ВАК, пришла в Ленинскую библиотеку. К ней проявили интерес ученые из США, штат Виржиния. Узнав об этом, я обратилась к Иванову: «Нельзя ли издать диссертацию книгой, если я ее расширю?». Он сказал: «Работа, конечно, стоящая, расширяйте!». Через некоторое время мне стало известно, что диссертацию скопировали американцы и опубликовали ее для внутреннего пользования. В Виржинии был центр, который занимался историей железных дорог. Хотела иметь это издание, но так и не получила.

После защиты меня сделали ученым секретарем сектора многотомной «Истории СССР». До 1968-го, пока не вышла в свет ее первая серия, я работала с авторским коллективом, в который были отобраны лучшие историки-профессионалы, организовывала обсуждение глав и макетов томов. В течение десяти лет я была оторвана от железнодорожников, включена в написание шестого тома многотомника по истории Февральской революции. Работала и подбирала материалы в архивах для Аркадия Лавровича Сидорова, который писал главу и дорабатывал книгу об экономическом положении России в годы Первой мировой войны⁶¹. В 1966 году он умер и, если бы не подключение к этой работе Станислава Васильевича Тютюкина, мне пришлось бы дорабатывать текст этой главы. У меня появилось желание написать

⁶⁰ *Пушкарева И. М.* Железнодорожники России – активные участники Октябрьской политической стачки 1905 года // Вопросы истории. 1958. № 12. С. 152–169.

⁶¹ Книга вышла посмертно: *Сидоров А. Л.* Экономическое положение России в годы Первой мировой войны. М., 1973.

книгу о Февральской революции, но меня опередил Бурджалов. Оставалась обобщить историографию, которой он не касался.

После выхода в свет последнего тома первой серии много- томной истории в 1968 году я вернулась в сектор истории ка- питализма. Там меня уговорили продолжить тему кандидатской диссертации. В плане работы с 1969 года была монография «Же- лезнодорожники России в буржуазно-демократических револю- циях 1905 и 1917 годов». В 1971 году она была представлена мной на Ученый совет, включена в издательский план и сдана в «Нау- ку». Ответственным редактором ее был определен Волобуев. Это были не лучшие годы в истории Института. Начались нападки на Павла Васильевича, он нашел мне замену: ответственным ре- дактором стал Владислав Иосифович Селицкий. Об этом я рас- сказывала, как и о том, что издание книги было приостановлено в 1973–1974 годах на стадии типографского набора: началась про- верка работ, исходивших в первую очередь из сектора истории капитализма, нет ли в них влияния «нового направления», а на самом деле, чтобы дискредитировать тем самым издательскую программу дирекции.

Ю.Ф.: Скажите, а сотрудники между собой разговаривали о цензуре?

И.П.: Вопрос нужно поставить по-другому: кто был цензором? Так вот, над моим текстом (уже после снятия Волобуева с поста директора) в издательском отделе Института «работал» некий Молодцыгин, который взял на себя роль цензора. Он должен был сообщить о своей цензорской «работе» новому директору Нароч- ницкому. Я упрячилась. Он не знал, что делать с моей книгой. Предлагал, например, вставить в нее III съезд РСДРП. Мне при- ходилось отвечать: «На этом съезде не было делегатов, связанных с железнодорожниками» и так далее. Мой издательский редак- тор Иосиф Исаакович Зелкин, помогая мне, стал ужимать текст книги: из каждой строчки-двух мы изымали отдельные слова, чтобы «доложить», что мы сделали исправления, я сама сняла историю с позиции Викжеля⁶² (организации железнодорожных служащих) за полтора месяца до октябрьского переворота, под- робности о нарастании второй всеобщей стачки железнодорож- ников (сегодня этот сюжет опубликован мною статьей в одном

---

⁶² Всероссийский исполком союза железнодорожников.

из сборников). Но мне тогда не захотелось издавать книгу. Первым позвонил Павел Васильевич, и он, и мой муж Лев Никитич Пушкарёв убеждали: «Издавай без сомнений все!». Ефим Наумович Городецкий, встретив меня в коридоре, сказал: «Не раздумывайте, быстрее издавайте, будет повод через некоторое время требовать второе издание». О том же просил Зелкин, убеждая, что он прочел много книг и что моя — настоящая докторская диссертация: «Если Вы хотите, чтобы я был жив, то, пожалуйста, защищайте книгу как диссертацию» (при затянувшемся издании книги у него обнаружили болезнь, не внушавшую оптимизма)⁶³.

Тогда можно было защитить докторскую диссертацию по книге без представления рукописи при наличии опубликованных работ, а еще лучше по проблемам диссертации, а такие у меня были, и в ведущих журналах. Меня приободрила небольшая заметка в положительных тонах о книге в журнале «Коммунист». Это сделал Олег Дмитриевич Соколов, один из редакторов этого журнала, который вел там до этого две мои статьи. В 1975 году первой докторскую диссертацию по книге защитила моя бывшая сокурсница по университету, ученый секретарь Института Татьяна Васильевна Осипова о классовой борьбе в деревне в 1917 году⁶⁴. За ней я и последовала, на таком же большом Ученом совете из 30 членов (28 было «за»). Оппонентами у меня были подказанные мне друзьями академик Исаак Израилевич Минц, заведующий кафедрой истории партии на истфаке МГУ Владимир Александрович Лаврин и Владимир Терентьевич Логинов (ИМЛ). По Февральской революции я издала книгу в 1982 году⁶⁵, к сожалению, в не лучшее время критики историков и небольшую по объему, но она стала востребованным пособием для студентов. Сегодня приготовлена к изданию книга по историографии этой революции.

Как продолжение этой темы я возвращаюсь к Вашему, Юлия Сергеевна, вопросу о разрыве между кандидатской и докторской диссертациями. По-моему, с появлением Интернета началось

---

⁶³ Книга И.М. Пушкарёвой вышла в 1975 г. под названием «Железнодорожники России в буржуазно-демократических революциях».

⁶⁴ *Осипова Т.В.* Классовая борьба в деревне в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1974.

⁶⁵ *Пушкарёва И.М.* Февральская буржуазно-демократическая революция 1917 г. в России. М., 1982.

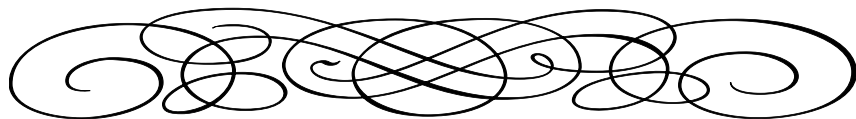
«клепание» итоговых работ: магистерских, кандидатских и далее, быстрая защита с интервалом менее десяти, а то и пяти, трех лет. Надо сказать, что это один из показателей общей девальвации гуманитарных наук. На докторскую диссертацию нужно много больше времени, чем на кандидатскую. Интернет это, конечно, великая сила демократизации, которая наградила каждого историка равным правом на правду, а точнее, получается, претензию на нее. Но она упразднила, к сожалению, редакционную иерархию, развела хронологическую пирамиду в исследованиях историков, сравнивая подчас, что называется, «с землей» научные авторитеты, уравнивая их и свою точку зрения. Часто работа с источником по программам источниковедов умалывается, подменяется обзором историографии и источников. Но замена историографии обзором литературы – очень большой просчет в исторической науке.

Я стою за сохранение двух диссертаций, безусловно за то, чтобы кандидатская диссертация была хорошим исследованием, но лишь пробой пера, только «открытием окна» в науке. Докторская диссертация – особый жанр, а не монография, с многосторонним анализом каждого нового источника, с указанием разработки проблемы в прошлом до автора, с четким ответом, что нового он внес в тему, какие проблемы решались и какие поставлены для новых исследований по сравнению с кандидатской. Очень важно иметь в виду: кому нужна сегодня именно такая тема?

Ю.Ф.: Спасибо. А что Вы можете сказать про молодежь в науке? Есть ли у нее будущее?

И.П.: Будущее у молодежи есть всегда, при самых трудных обстоятельствах. Но важно ее отношение к делу, которому служишь. Наука требует большой отдачи, исключает формальное к себе отношение. Это сложный, творческий мыслительный процесс, требующий времени, затраты не только умственных, но и физических сил. История – удивительная наука. Она отличается от публицистики, которая лишь использует события и факты прошлого, не требует глубины творческой мысли, скользит по поверхности событий в прошлые времена, не анализирует их повседневность, которая всегда соединяет прошлое и будущее. Политика, опрокинутая в прошлое это не наука История, а ее использование политиками. Любая наука, и история в том числе, – не простое посещение библиотек и архивов, а тем более блуждание в Ин-

тернете. Это — открытие источников и критическое отношение к ним с помощью навыков анализа и *превращение их в исторические источники*. Наука История — для тех, кто может бодрствовать ночи напролет, добиваясь поставленных целей, шаг за шагом поднимаясь к вершинам знаний. Этому меня обучали и в университете, и в Институте истории. Вот так-то!

Интервью с доктором исторических наук Геннадием Александровичем Саниным

Виталий Витальевич Тихонов: 30 июня 2016, 15:00. Уже традиционный вопрос: расскажите о себе, о своей семье.

Геннадий Александрович Санин: Родился я... Ну, не важно, какого числа. В 1937 году. Родился в городе Омске, так что я коренной сибиряк. В Омске же окончил школу и хотел поступить сразу на истфак пединститута. Набрал, помню, проходной балл, но меня не приняли. Не приняли по самой простой причине: мой отец, который Отечественную войну встретил в Брестской крепости лейтенантом, четыре дня повоевал, потом его там ранили и контузили, он попал в плен. И вот по той причине, что отец был в плену, меня в институт не приняли. Мне этого, конечно, не объяснили, но потом отец ходил, выяснял, что такое, почему, и ему там ответили. Отец мне тоже ничего об этом не рассказывал. Это я уже потом понял.

Отец до войны тоже учился в пединституте в Омске заочно. Одновременно он работал директором Дома учителя. А в 1939 году ему – гимнастерку с петличками, и в чине лейтенанта: «Идите в армию». Служить ему не хотелось. Он хотел учиться дальше. Но сказали: «В армии нужны грамотные офицеры. Сейчас грамотных офицеров крайне мало». И вот он начал служить, а за две недели до начала войны его, как наиболее грамотного из офицеров, наиболее способного противостоять всяким доводам начальства и так далее, направили в Брестскую крепость, потому что полк их должен был перебазироваться туда, и на подготовку, прежде всего, квартир для офицеров его и направили в должности

квартирьера. Конечно же, отец этим делом как следует заняться не успел, потому что едва он только прибыл в Брест, а он до этого был заместителем начальника штаба полка по разведке, ему сразу же дали задание провести штабные учения, и он буквально накануне войны их организовал. Ну а дальше война началась. Это уже тема другая. Короче говоря, четыре дня воевал, командовал обороной 333-го полка. Сейчас в Бресте его чтут. Он там в числе героев. И через четыре дня раненый, контуженный, без сознания попал в плен — и четыре года в плену. Это все было очень тяжело. Правда, после плена он в наших концлагерях не был, потому что фильтрационную комиссию прошел довольно гладко. Но устроиться ему на работу было практически невозможно очень долго. А не принимали, и все. Вот так вот, на всякий случай.

Мать — школьная учительница. Преподавала рисование и черчение. Отсюда, наверно, то, что мой младший брат¹ пошел по маминой линии и сейчас считается одним из ведущих художников Сибири. Член Союза советских художников был. Сейчас — уже я не знаю, российских, наверно.

Ну, что еще? В 1956 году меня в армию призвали. Не дали сдавать в очередной раз экзамены. Просто не дали, и все. В июле призвали. И полгода работал на целинных землях. Что запомнилось больше всего? Когда уезжали в ноябре с целины, везли наш взвод, 30 человек, в открытой машине — и вот от горизонта до горизонта Барабинская степь². Ровная, как стол. Но там, правда, уже предгорья Алтая начинались. И от горизонта до горизонта скошенная пшеница в ноябре лежит на стерне, начала прорастать и осталась необранной. Ее не успели убрать. Я у мужиков — с нами едут — спрашиваю: «Мужики, что же вы делали? Зачем же вы пахали и сеяли-то так много? Вы что, наверно, не посчитали сил своих?». — «А что нам? Нам сказали — мы делали. Наше дело маленькое. Нам сказали запахать — мы запахали, сказали засеять — мы засеяли». — «Ну, так пропадет же пшеница-то сейчас под снегом!». — «Ничего, дорогой мой, не пропадет! Не беспокойся! Мы из-под снега все до зернышка соберем!». — «Так

¹ Санин Игорь Александрович (см. Именной указатель).

² Барабинская степь (Бараба) — низменность в южной части Западной Сибири (в пределах Новосибирской и Омской областей), волнистая равнина высотой 100–150 м площадью около 117 тыс. км². Играет важнейшую роль в развитии в данном регионе земледелия, молочного животноводства и маслоделия.

она ж проросшая!». — «Так она ж проросшая-то самая та, которая нужна!». А я и не понял тогда, зачем же нужна проросшая пшеничка-то! Что ее из-под снега добывать будут? Мне, наверно, потребовалось несколько лет, чтобы понять, для чего мужикам была нужна эта пшеничка! *(смеется)*. Вот так вот.

Служил в Приморье, на радиолокационной станции. Поскольку это приграничная станция, приходилось несколько раз в году работать по реальному противнику. Когда, скажем, американские главным образом самолеты с японских баз нарушали нашу границу, станцию включали, то есть она не была засекречена для иностранных. Это значит, если что — первый удар пришелся бы по нам. Слава Богу, этого не произошло.

Пока я служил в армии, Сергей Сергеевич Смирнов написал книгу свою о Бресте, нашел отца. Сразу же положение изменилось. Сразу же отцу предложили войти в состав горсовета, из развалюхи нашей он переселился в квартиру — правда, однокомнатную, но приличную. А я... Еще в школе я потянулся к истории. С чего? После того как перешел в четвертый класс и посмотрел учебник по истории СССР, меня очень заинтересовало то, что на обложке его нарисованы богатыри, и я подумал: история это, наверно, что-то вроде сказки. Это, наверно, очень интересно. И вот так увлекся понемногу, и действительно это было интересно. Конечно, меня не только история интересовала: я и в драматический кружок ходил, и даже и в аэроклуб поступил. Начали вывозить меня уже на самолете, потом нахватал «двоек», сказал, что нет, в аэроклубе учиться не буду, не хочу. «Надо было раньше думать!». Я и говорю: «Так вот я и подумал своевременно, пока не окончил аэроклуб». Вот так.

В 1959 году отслужил в армии. И еще до армии я с экскурсией был в Москве и обратил внимание на великолепное, красивое здание на нынешней Никольской и прочитал: «Историко-архивный институт», — я уже тогда подумал: вот, закончу школу, закончу истфак в Омске (потому что после школы, конечно, сразу в московский ВУЗ не пройду) и поступлю учиться в Историко-архивный — как второй ВУЗ. Но потом в армии подумал: а чего, а вдруг удастся? И, значит, решил после армии идти туда. Поскольку подал заявление о том, что поступаю в институт, меня демобилизовали немножко досрочно. Призвали 15 июля 1956-го, а демобилизовали 15 июля 1959-го, то есть ровно три года. А то

меня бы демобилизовали где-то в октябре-ноябре. Любопытно получается: день в день три года!

Ну ладно, поступаю в Историко-архивный. Помню, как сдавал экзамен по истории. Принимал экзамен наш... Потом я с ним работал уже в институте. Николай Александрович Трофимов. Я потом уже вспоминая, понял, что это он у меня экзамены принимал. И вот надо готовиться к экзамену. Не могу оторваться от книги Ивана Ле «Северин Наливайко»³. Вот читаю и читаю ее накануне экзамена. Ведь экзамен — судьба решается. Но все-таки я успел дочитать и успел подготовиться. Что вы думаете? Вытаскиваю билет — восстание Северина Наливайко (*смеется*). Я, конечно, ответил с полным блеском. Поставили мне «отлично».

Еще один эпизод из экзаменов. Тогда солдаты пользовались льготами. Подходит ко мне один выпускник, абитуриент-десятиклассник, и говорит: «Слушай! Дай форму на экзамен одеть!». Я так на него посмотрел, говорю: «Во-первых, да ты представь себя в моей форме! Ты же вот будешь торчать — как соломинка из бочки! Это во-первых. Во-вторых, на экзаменационном листе ты в форме? Нет. Не в форме. И, в-третьих, самое главное. Что я буду — перебегать дорогу своим товарищам, которые из армии пришли и сдают что-то? Так что иди, послужи, а потом сдавай». Ну, он так и не попал, этот парень. Ну ладно.

Поступил в институт. Считал и считаю, что Историко-архивный институт в мое время, когда я там учился... Ну, сейчас — не знаю, а тогда был, пожалуй, отнюдь не ниже по уровню подготовки, нежели истфак МГУ. Не ниже. А уж если говорить о подготовке по таким дисциплинам, как источниковедение, как вспомогательные исторические дисциплины, то — конечно же, по-моему — и на более высоком уровне стояло преподавание. Вероятно, поэтому после окончания института я тоже года два или три преподавал вспомогательные исторические дисциплины.

Что запомнилось из института. Если говорить об учебном процессе, то, конечно, лекции Сергея Львовича Утченко по Древнему миру. Помню, как сдавал ему экзамен. Попался мне вопрос о походах Александра Македонского, а я как раз просмотрел сборник легенд о нем. Там было какое-то племя среднеазиатское урусов, а в Азии урусами русских называют. Так вот, урусов,

---

³ Ле И. Наливайко. Киев, 1940. Одноименная повесть вышла в 1930 г.

которые сражались с Александром Македонским, больше всего. Семь битв было. Я Сергею Львовичу сказал, что, вероятно, в легендах отразилось последующее влияние России на судьбы среднеазиатских народов и противников Александра Македонского легенды называли урусами. Сергей Львович так на меня посмотрел, посмотрел, но ничего не сказал. Возражать не стал. Все хорошо обошлось.

Конечно же, больше всего был потрясен я Николаем Владимировичем Устюговым. Он не преподавал уже у нас, но вел исторический кружок истории СССР феодального периода. Пришел я в институт, подошел к доске объявлений, читаю, какие кружки имеются. Вот, думаю, хорошо, сейчас куда-нибудь пойду. Так, читаю: «Кружок истории советского общества». Думаю, нет, это советское общество, это не история (*смеется*). Так, читаю дальше: «Кружок истории СССР периода капитализма». Так, это чуть поинтереснее. Ну, думаю, почитаю. Вот же то, что меня больше всего... А меня после чтения «Северина Наливайко» очень заинтересовала история казачества, хотя она интересовала меня еще со времен школы, с «Тараса Бульбы»⁴, конечно. Вот, думаю, туда и пойду. «Кружок истории СССР периода феодализма». Николай Владимирович Устюгов. Захожу на первое заседание кружка. Николай Владимирович говорит: «Вы представьтесь». Я представился: «Санин Геннадий Александрович». С первого раза запомнил имя-отчество и на всем протяжении, пока я учился в институте и Николай Владимирович был жив, — только по имени-отчеству обращался! Только по имени-отчеству!

Спрашивает он у меня: «Чем Вы намерены заниматься в кружке?». А я не думал даже, что мне предложат самому подумать, чем я намерен заниматься. Думаю: чем? Да вот, вроде казачеством. Говорю: «Вот знаете, меня заинтересовало восстание Байды-Вишневецкого». Я тогда не знал, что никакого восстания Байды-Вишневецкого не было! Но я почему-то подумал, что такой широкий казак — да не может быть, чтобы он не восставал. Николай Владимирович так многозначительно: «Хм... А почему именно Байдой-Вишневецким Вы заинтересовались?». Не стал меня поправлять, ничего. «Да вот, интересно, вот читал книжку такую...». — «Так может быть, Вам целесообразнее заняться,

---

⁴ Повесть Н. В. Гоголя (1835).

раз вы интересуетесь этими сюжетами, казацкими восстаниями на Украине перед Богданом Хмельницким?». Прекрасно! И вот с этого дела у меня и начался основной научный интерес, связанный с Украиной. Экономика мне показалась скучной. Ну, что такое экономика? Цифры. А тут казаки! Оружие! Звон меча! Набеги на Крым! Легенды, слава! Вот, значит, занялся казачеством.

Еще спецкурсы у Устюгова были, уже по своей проблематике. Конечно же, запоминались лекции Сигурда Оттовича Шмидта. И я тогда немножко одно время жалел, что... Хотел и в кружок Шмидта ходить, и в кружок Устюгова, но подумал: нет, времени не будет. Остался на кружке Устюгова, и не жалею. Великолепные лекции были у Николая Никифоровича Яковлева по рубежу XIX и XX веков. Ну, прямо сказать, по советскому периоду у меня особо не отложилось в голове. Конечно же, сразу же очаровали, сразу заинтересовали вспомогательные исторические дисциплины. Это так интересно было: по фотокопиям читать скоропись, разбирать – необыкновенно. Ну и конечно, Александра Тимофеевну Николаева. Она, кстати сказать, мне помогала и начать преподавательскую работу.

В.Т.: А вспомните атмосферу среди студентов?

Г.С.: Атмосфера среди студентов самая дружественная. Иногда это даже переходило через рамки. Как-то, помню, на один из новогодних праздников... Тогда директором у нас был Леонид Алексеевич Никифоров. Кстати сказать, работал я и с ним, правда, позже. И вот на этом новогоднем вечере к нам пришли посторонние и стали вести себя вызывающе, да к тому же еще и к нашим девушкам приставать, а мы, конечно, на Новый год были слегка в нетрезвом состоянии, и хотелось как-то себя проявить – это же был великолепный повод навести порядок. И вот мы так накостыляли этим пришлым ребятам, что те быстренько-быстренько убрались из института, ну а мы почувствовали себя героями.

Я не знаю, как отнеслись к этому наши девушки, но вообще-то надо сказать, что наш институт славился всегда – что у нас учатся очень симпатичные студентки. Что там МГУ! Да что вы! Наши, конечно же, были лучше.

Вот еще один характерный эпизод из атмосферы. На третьем курсе меня избрали комсоргом. И вот как раз... Да, вначале: общезнание было прямо в теремке Историко-архивного института.

Там первый курс жили. Под звездным этим небосводом расплывшимся. А потом перевели нас — Стромынка, 32. И вот однажды сижу вечером в комнатке. Не знаю, готовился, наверно, или доклад писал, или просто читал, не помню. Вдруг шум страшный в коридоре. Грохот. Крики: «Viva Cuba! Patria o muerte! ¡No pasarán!» Что такое? Толпа студентов валит по коридору и кричит лозунги в пользу Кубы. Останавливаются, на дверях пишут мелом: «Куба! Здесь твои солдаты!» (*смеется*). Вот так вот. Никто нас не толкал, ничего. Потом я слышал, что это спровоцировано было извне, так сказать, руководящими органами. Я такой провокации не почувствовал, открыто говоря. Да и никто не почувствовал.

Выясняется, что американцы высадили десант контрреволюционеров на Плайя-Хирон⁵. Следующее утро: сразу же приходим — институт уже бурлит. Ребята ко мне подходят: «Генка, ты что! Куда ты смотришь? Вон, на других курсах уже заявления пишут! Давай, садись, пиши!». Я говорю: «О, ребята, здорово! Давайте, сейчас напишу заявление, только одно условие. Первым подпишусь я сам». «Ладно! Давай, подписывайся!». Все, написал коллективное заявление, свою воинскую специальность: оператор радиолокационной станции. Расписался. Ребята заходят, все подписываются. Если был солдатом, указывает свою специальность. Девчонки: «А нас почему не пишешь?!». Я говорю: «Так вы же не служили в армии». — «Ну и что? Пиши нас!». — «Хорошо, ладно, давайте. Вас тоже буду писать». Для проформы говорю: «Воинская специальность?». Она говорит: «Нет никакой специальности. Ну и что, и что?». Я говорю: «Ничего. Я напишу так: “Буду делать все, что прикажут”». Ребята-солдаты поняли сходу, заржали! А девчонки ничего не понимают: «Да, давай пиши: “Буду делать все, что прикажут”». Пишу, пишу. Ну ладно, написали заявление. Вышли, значит, на митинг к американскому посольству. Вот я тогда, пожалуй, впервые почувствовал, в чем сила такого массового, стихийного действия. И был абсолютно уверен, что это действие не подготовлено. Я не почувствовал этой

---

⁵ Пляж на южном побережье Кубы в бухте Кочинос, где 17 апреля 1961 г. при поддержке США был высажен вооруженный десант кубинских эмигрантов с целью свержения правительства Ф. Кастро. 19 апреля боевые действия завершились разгромом десанта.

подготовки, да и большинство наших студентов. На следующее утро подавали заявление прямо кубинскому послу. Кубинское посольство — у американского посольства. Я заявление послу не подаю. Те говорят: «Почему? Давай подавай». Я говорю: «Нет. Если это дело пойдет, то прежде всего через наши партийные инстанции, конечно. И я подам заявление в наши партийные инстанции».

На следующее утро в 6 часов утра прихожу в райком партии. Секретарь райкома — положение опасное, сидит на одном месте. Вот, я говорю, так и так. Протягиваю ему заявление: «Примите, пожалуйста». Он так посмотрел. «Молодцы! — говорит. — Очень здорово! Хорошо сработали! А последние новости слышали?». — «Нет, еще не слышал». — «Так разбили их!». И у меня реакция: «А, черт подери!» (*смеется*).

Второе. 12 апреля. Полет Гагарина в космос. Абсолютно стихийно прервали занятия, вышли на митинг — все в институте, кроме кафедры археографии, которая в это время продолжала заседание. Но тогда у нас заведующий кафедрой был профессор Селезнёв, такой занудный и пунктуальный. Вот атмосфера студенческая.

Ребята к экзаменам, занятиям относились серьезно. Семинарские доклады, конечно, готовились. Лекции писать — ну кто писал, кто нет. Я предпочитал не писать, а слушать и читать рекомендуемую литературу. Но, конечно, не по всем дисциплинам. Вот спецкурс Устюгова, конечно, записывал. Шмидта записывал. А больше что-то особо и не помню.

Ну, общежитие. Конечно, запоминающиеся моменты. Друг с другом делились последним, помогали. Не было такого случая, чтобы кто-то у нас голодный, если денег нет... Во всяком случае, за свой счет накормишь. Вот великолепный пример. День рождения у меня. Отмечаю. Как раз накануне получения стипендии. Денег, конечно, ни у кого нет. Я с трудом собрал денег, которых мне хватило на то, чтобы купить картошку поджарить и на пол-литра водки. Ладно, значит, картошку я поджарил, водки выставил. Всех друзей, в комнате нас жило пять человек, и еще, значит, два-три человека позвал. Восемь человек на одну пол-литру. Помню, Валерка Тихонов, он на курс старше меня, говорит: «Ну, Ген, водки мало. Давай хоть ты выпей как следует». Раз — мне наливает полстакана, 100 грамм. Я выпил. Он мне

через три-четыре минуты – еще полстакана. Я говорю: «Валер, ну давай другим-то». – «Нет, ты давай, давай, давай». Еще полстакана налил водки. Помню я только, что на спор шел по одной половине в коридоре до известного места. Потом благополучно вернулся. Тоже по одной половине. Помню, что лег не на свою кровать. Утром проснулся почему-то на своей, и вокруг меня на всех других кроватях лежат остальные наши приглашенные ребята – бледно-зеленые. Я смотрю на них, говорю: «Ребята! Да вы что! Всего одна пол-литра была! Как вы так сумели?». – «Да знаешь, Геннадий, с твоей пол-литры началось, а там нашлись и деньги, и нашлось желание...».

Запоминается первое посещение – еще учился в Историко-архивном институте – Института истории Академии наук Советского Союза. Тогда был общий институт. Нас привел на заседание защитного Ученого совета Николай Владимирович Устюгов. Совет заседал на предмет присвоения ученой степени кандидата исторических наук Ивану Александровичу Голубцову, специалисту по исторической географии, даже, скорее, по картографии. И запомнилось чем? Что Голубцов не писал никакой диссертации. У него, конечно, были опубликованные работы, но диссертации не было. И совет рассматривал возможность присуждения степени кандидата наук по совокупности научных трудов. И вдруг поднимается Устюгов и говорит: «А я предлагаю Совету присудить Ивану Александровичу Голубцову не кандидатскую, а докторскую степень сразу по совокупности исторических работ». И Ученый совет проголосовал за присуждение Голубцову сразу же степени доктора исторических наук. Ну а мы... Обязательно нам что-то такое повеселить надо. Так мы написали такую записку во время обсуждения: «Дорогой Иван Александрович! Сердечное спасибо Вам за те великолепные шпаргалки, которые Вы подготовили для нас в виде исторических карт!» (*смеется*). И подписали, что вот, значит, студенты.

Незадолго до окончания института от инфаркта умер Николай Владимирович. Я уже у него начал работать над темой дипломной работы. Она как раз касалась русско-украинских отношений самого опасного в то время момента – вторая половина XVII столетия, время гражданской войны на Украине. Это сейчас я это называю гражданской войной. Тогда говорилось о «руине», о смуте, о чехарде гетманов, и историки боялись браться за этот

период. Почему? Потому что далеко не так гладко шло воссоединение Украины с Россией, как это пытались представить у нас. А я взялся — с благословения и с подсказки Николая Владимировича. Я ему очень за это признателен. И вот Николай Владимирович умер. И его бывшие ученики решили поделить дипломников Устюгова меж себя, чтобы довести их до конца. И мне просто очень крупно повезло в жизни — в очередной раз, — что я попал к Александру Александровичу Преображенскому. Я знал, что он занимается, в общем, вопросами социально-экономического развития Сибири XVII века, но был поражен тем, насколько глубоко этот человек знал и историю Украины, и те сюжеты, которыми я занимаюсь. Хорошую школу я получил у Александра Александровича. Этой школой я пытался потом поделиться и со своими учениками, главным образом студентами. Какая же это была школа? Александр Александрович спрашивал меня: «Чем Вы намерены в данный момент заниматься?». Я занимался историографией. У нас с ним был такой принцип: вот я прочитал работы какого-то историка, иду к Александру Александровичу, и с ним вместе мы обсуждаем эти работы. Как правило, он соглашался с теми наблюдениями, какие были у меня, и, естественно, очень существенно дополнял их своими. То есть великолепная школа самостоятельной работы — можно позавидовать.

Еще что? Ну, диплом защитил нормально, с рекомендацией. И после окончания института так получилось — тогда было такое правило, — что два года надо отработать по специальности. А специальность — архивист. И я работал в архиве Комитета госбезопасности. И вот тут я впервые столкнулся с рядовыми сотрудниками. Да ничего, ребята как ребята. Нормальные мужики. Ну, конечно, определенные сюжеты мы на работе не обсуждали. Это понятно. А так... Того, чтобы там, скажем, «накапали» начальству что-то или на кого... Не было этого, не было. Хотя я думаю, что все-таки какое-то наблюдение было организовано, но опять-таки я его, во всяком случае, за собой не чувствовал.

Через два года хотят аттестовать меня на офицерское звание. Я говорю: «Нет, вы знаете, я хочу поступать в аспирантуру». И завотделом мне сказал сразу же: «Правильно, Геннадий! Действуй по-своему! Иди! Отпускаем. Все».

Вступительные экзамены в аспирантуру сдавал интересно. Сидели мы в нынешнем кабинете директора, готовились. Двой-

ные двери. Пока там кто войдет, можно чего-то такое и спрятать, если не хочешь, чтобы видели экзаменаторы. И достался мне вопрос: книга Михаила Михайловича Штранге «Русская демократическая интеллигенция XVIII столетия»⁶. Единственная книга, которую я не успел прочитать из списка литературы. Другие книги о демократической интеллигенции, не в списке, я читал, а вот Штранге — нет, не читал. Ну, сижу, думаю: буду как-то готовиться, другие книги учить. Вдруг открывается дверь и заходит Юра Емельянов: «Кто здесь ученик Александра Александровича Преображенского?». А Преображенский меня курировал еще до поступления в аспирантуру. «Я». — «Так, какая тема?». Я говорю, вот такая. «Книгу Штранге читал?». — «Нет, единственную не успел прочитать». — «Подожди минуточку, сейчас». Через несколько минут он заходит и кратко рассказывает о книге Штранге. Говорю: «Так, да, понятно. Ну и конечно, Штранге пишет о Радищеве». — «Нет-нет-нет! Избави Бог! Штранге как раз в этой книге оговаривает, что о Радищеве он писать не будет, это тема самостоятельного исследования». Ну ладно, прекрасно. Иду сдавать экзамен. Принимал Черепнин. Вот этот вопрос о демократической интеллигенции. Черепнин спрашивает: «Книгу Штранге читали?». Ну, думаю, ладно, рискну. Говорю: «Читал». — «Так, и что же Штранге пишет о Радищеве?». — «А о Радищеве он пишет, что это тема специального исследования». Черепнин засмеялся и поставил мне «отлично» (*смеется*).

Поступил в аспирантуру. Вот что меня поразило. Первое впечатление об Институте. Иду, читаю таблички на дверях: «Сектор истории феодализма», «Сектор древнейших государств», «Сектор периода капитализма», «Сектор истории Древнего мира», «Сектор истории Франции», «Сектор истории Канады». Боже ж ты мой! Куда же это я попал?! Со своим-то суконным рылом! (*смеется*). Думаю, как же это мне в жизни повезло! Как светоч науки! И вот это ощущение величайшего счастья, что я попал, оно у меня сохранилось навсегда.

Хотя здесь не без некоторого недоразумения, о котором я даже и не знал. Сижу на заседании сектора истории феодализма. С глубочайшим интересом слушаю и думаю: как бы мне это не за-

---

⁶ Штранге М.М. Демократическая интеллигенция России в XVIII веке. М., 1965.

быть, не проронить бы эти интереснейшие мысли! Корифеи же в секторе-то были. И Пушкарёв, и Клибанов, и сам Черепнин, и Зимин, и Павленко. И чтобы не забыть, о чем люди говорили, я стал для себя на каждом заседании записывать обсуждения работы. Уже когда защитил кандидатскую диссертацию, со мной поделились, что некоторые тогдашние женщины решили: раз я записываю, значит, должен докладывать кому-то, кто что говорит! А я без всякой задней мысли пишу, пишу.. Я очень сожалею, что эти записи свои не сохранил. А они были бы, наверно, интересны.

Как проходили заседания в секторе феодализма у нас? Ну, то, что было абсолютно свободное обсуждение, что полемика очень живая, я об этом говорить не буду. Но дело не только в этом, а даже сам дух, настроение обсуждения работы. Вот обсуждаем мы одну работу северокавказской исследовательницы. Я не помню сейчас ее фамилию, работа об отношениях России с народами Северного Кавказа где-то в конце XVIII столетия. Откровенно говоря, слабая совершенно — и ее драконят и все выступавшие, и Елена Николаевна Кушева! Довелось слушать и работать вместе с Кушевой. Вместе с Подъяпольской Еленой Петровной. Кушева ее размордовала сильно, другие сотрудники. А женщина — прекрасная: стройная, чернобровая, большеглазая, и фигурка изящная. Красавица невероятная! И Елена Петровна пишет записку Пушкарёву: «О, грозный Лев! Неужели и ты вонзишь свои когти в эту прекрасную газель?». Пушкарёв ей отвечает: «Да, завертелась карусель! Погибла бедная газель!». Дальше эта записка попадает в руки Александру Ильичу Клибанову, и он пишет так: «Пусть ей поставили “нули”, но сердце будет вечно юно! И я с неистовством Меджнуна пою волшебную Лейли⁷!». Вот такого рода обсуждение было. Даже стихи запомнились. А стихи неплохие, вероятно, раз запомнились.

Другой раз обсуждают. Из Перми. Работа, посвященная перерастанию мелкотоварного производства в промышленность. Он пишет, что это происходило уже в конце XVIII столетия, говорит о росте товарного производства соли и употребляет

---

⁷ Имеется в виду поэма классика персидской поэзии Н. Гянджеви «Лейли и Меджнун» (1188), трагическая история любви, популярная на Ближнем и Среднем Востоке.

такое выражение: «Так соль постепенно в процессе товарного производства превращалась в серебро». Меня это задело. «Соль превращалась в серебро». А работа скучнейшая. Соль и соль, соль и соль, соль и соль. Клибанов пишет, уже от скуки: «Что делали бы мы без соли? У Грина не было б Ассолы, у Грига не было б Сольвейг...». И дальше застопорился, не знает, что писать. Записка переходит ко мне. Я тогда еще в аспирантуре учился. Я пишу.. Ну что там — Грин, Григ, Сольвейг... Для такой работы надо что-то попроще. И пишу: «А в артиллерии б без соли не знали б до сих пор буссолей!». И заканчиваю: «Однако соль, как ни мусоль, все ж серебром не сделать соль!». Клибанов ее увидел, улыбается, показывает — во, хорошо! Вот такое вот осталось воспоминание и о Черепнине, и о секторе Черепнина.

В секторе получил я хорошую школу от Майковой и от Подъяпольской в плане археографии. Как-никак, а подготовка очередного тома писем и бумаг — это высший класс археографии все-таки.

В.Т.: Петра Великого.

Г.С.: Да. «Письма и бумаги Петра Великого»⁸. Высший класс археографии. Археографию такого уровня я больше не встречал в современных изданиях. Сам тоже немного занимался археографией, публиковал документы о Степане Разине, петровские документы. Так что здесь большая благодарность крупнейшим нашим специалистам, и Елене Петровне Подъяпольской, и Татьяне Сергеевне Майковой. Майковой особая благодарность: за придирчивость, за строгое отношение к качеству работы. Но вместе с тем, конечно, определенное сожаление есть. Лев Владимирович Черепнин распорядился так, что до тех пор, пока группа подготовки писем и бумаг не завершит подготовку 13-го тома, а нам на это отводилось пять лет, никакой другой своей личной работы не делать. И действительно, на пять лет у меня работа над доведением кандидатской диссертации до монографии прекратилась, и так я ее и не довел до монографии.

⁸ Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 11, вып. 1 (Январь — 12 июля 1711 г.) / [редкол.: Б.Б. Кафенгауз и др.]. М., 1962; Т. 11, вып. 2 (Июль-декабрь 1711 г.) / [редкол.: Б.Б. Кафенгауз и др.]. М., 1964; Т. 12, вып. 1 (Январь-июнь 1712 г.) / [редкол.: Л.Г. Бескровный и др.]. М., 1975; Т. 12, вып. 2 (Июль-декабрь 1712 г.) / [редкол.: Л.Г. Бескровный и др.]. М., 1977.

В.Т.: Помимо тех корифеев, с которыми Вы общались в секторе феодализма, на Вас еще кто-то произвел впечатление из институтских: академиков, просто знаковых ученых?

Г.С.: Ну, конечно, Николай Михайлович Дружинин. Несомненно. Хотя мало с ним виделся. Из академиков... Одно время он был у нас даже директором: Борис Александрович Рыбаков. Я буквально в процессе подготовки в аспирантуру прочитал его книгу «Ремесло Древней Руси»⁹. Откровенно говоря, с таким удовольствием редко когда приходилось читать книги историков. Естественно, это и впечатление о Борисе Александровиче. Читал, но уже с меньшим удовольствием, его книги о «Слове о полку Игореве»¹⁰. Вероятно, по той причине, что меня больше убедил Александр Александрович Зимин. Я специально не занимался историей «Слова о полку Игореве», но своим студентам говорил о том, что это вопрос спорный и что есть основания предполагать, что это все-таки подделка Карамзина. Ну, я не берусь тут судить.

Кто еще? Глубочайшее уважение и почтение нашему бывшему заведующему сектором Алексею Леонтьевичу Нарочницкому. Мне представляется, что в Институте сложилось не совсем верное представление о нем как об очень жестком человеке. Я знаю, как он много хорошего и доброго делал, спасая от неприятностей сотрудников сектора. Но он мой непосредственный начальник был.

Владимир Николаевич Круглов: А его роль как директора как Вы оцениваете?

Г.С.: Вы знаете, я как-то особо не задумывался. Конечно, были при нем и трения, и, в частности, с сектором, по-моему, древнейших государств. Не подумайте, что я хочу уйти от ответа. Я просто никогда в эти дела не вникал и до сих пор не знаю.

Да! Вот еще что. Конечно же, Владимир Терентьевич Пашуто. Он мне очень хорошо помог, и о ком самые теплые впечатления. Я, защитив кандидатскую диссертацию, стремился заняться педагогической работой. Потому что и считал, и считаю, что это прежде всего большая польза для самого исследователя. Это возможность шире смотреть на вещи, на проблематику. И никак не

⁹ Рыбаков Б.А. Ремесло Древней Руси. М., 1948.

¹⁰ Рыбаков Б.А. «Слово о полку Игореве» и его современники. М., 1971.

мог устроиться. Тогда-то вообще было сложно устроиться. Сразу же первый вопрос: «А какой у Вас опыт педагогической работы?». — «А никакого. Ни дня». — «Да, хорошо, мы будем иметь в виду». И подумал: вот Владимир Терентьевич, он вроде много преподает... Однажды набрался нахальства, подошел к нему, говорю: «Владимир Терентьевич! Пожалуйста, порекомендуйте меня куда-нибудь преподавателем! Я очень хочу заняться». Он уже знал, чем я занимаюсь. «Ладно, — говорит, — Геннадий, хорошо!» И вот проходит месяца два — ничего. Думаю: наверно, забыл. Потом подходит он ко мне: «Геннадий, мне неохота читать по первобытнообщинному строю восемь часов. Вот иди, прочитай за меня» (*усмехается*). Прямо безо всякого. «Только, — говорит, — поменьше теории, побольше ярких, интересных фактов». Я еще про себя думаю: да какие там яркие, интересные факты в первобытнообщинном строе?

Ну ладно... Пошел в пединститут. Тогда это был пединститут Крупской¹¹. И читаю, начал говорить о том, что такое археология, как понимали археологию в древности — что это было то же самое, что история; как археологию понимали в период Возрождения — что это наука о поисках всевозможных античных раритетов; как понимают археологию сейчас... И вот, помню, привел высказывание писателя Стейнбека: «Археология это наука, которая занимается классификацией пуговиц: пуговица с одной дыркой, пуговица с двумя дырками, пуговица с тремя дырками, пуговица с четырьмя дырками, пуговица без четырех дырок, пуговица без трех дырок, пуговица без двух дырок, пуговица без одной дырки. Как это скучно!». В аудитории, конечно, хохот стоит. Потом заговорил о поисках Урарту: там не поймешь, то ли он археолог, то ли он шпион. Я этой шпионской проблематики коснулся. Короче говоря, так перестарался оживить лекцию яркими, интересными примерами, что к концу первой пары в аудитории стоял хохот, и я не мог читать. После перерыва думаю: нет, надо все-таки посерьезнее, побольше научного...

И вот так, с легкой руки Владимира Терентьевича Пашуто, и пошел, почти 50 лет преподавал в ВУЗах разные дисциплины. Нет, не пожалуюсь на студентов. Слушали меня.

---

¹¹ Московский областной педагогический институт имени Н.К. Крупской, ныне — Московский государственный областной университет.

В.Т.: Как Вы думаете, вообще ученому преподавание не мешает? И занятию наукой не мешает?

Г.С.: Это смотря как поставлено преподавание. Когда я читал в «доперестроечные» периоды или в начале «перестройки» — это помогало. Главным образом наладить контакт со студентами, потому что читаешь — ведь приходится заниматься проблемами гораздо более широко, и это мне помогало при написании работ — возможность шире смотреть на вещи. Недаром же я все-таки занялся сейчас проблемами места России в системах международных отношений, а это весь комплекс, тут определенная широта мышления нужна. Тут преподавание помогает. Но то, что сейчас творится в ВУЗах, — это не преподавание. Я считаю, что это затемнение людей. Дело поставлено так, чтобы ни в коем случае умные, мыслящие, деятельные люди из институтов не выходили, а выходили простые исполнители. В Интернете я прочитал, что один из ректоров заявил так: «Мне мыслящие ученые не нужны! Мне нужны преподаватели в школе!». Значит, преподаватель школы — это уже не мыслящий. Больше того, сейчас... Я почему ушел? Потому что потребовали составить программу на 36 аудиторных часов, причем осветить весь курс всемирной истории, от Адама до Потсдама, и с уклоном в историю России. Я программу такую составил, продолжал читать по-своему — в основном историю России, давая ее на фоне общей всемирной истории. Потом меня заставили — по приказу Ливанова — еще раз пересмотреть программу. Я ее пересмотрел. Потом третий раз заставили в течение учебного года пересматривать программу. Я сказал: «Все, больше я не буду». И ушел. Но все-таки почти 50 лет я проработал.

В.К.: Ценный для Вас опыт?

Г.С.: Опыт очень ценный.

В.К.: Именно как для ученого?

Г.С.: Да. И опыт общения со студентами дает очень многое. От студентов я, конечно, слышал массу нового (*усмехается*). Но кое-что новое было интересным.

В.К.: А Вашей непосредственной научной деятельности не мешало ли преподавание? Или удавалось совмещать?

Г.С.: Нет, я не чувствовал, что мешало. Во-первых, преподавания у меня было не так уж много. Ну, часа четыре, от силы шесть часов в неделю. Не так уж много. Так что времени хватало

на научную работу, но что мне действительно мешало — это наша научно-организационная работа в нашем Институте.

В.К.: А вот расскажите.

Г.С.: В 1975 году из сектора феодализма Алексей Леонтьевич меня перевел в сектор истории внешней политики России. В секторе в это время было 28 человек. Я был ученый секретарь. Отнимало очень много времени, практически не оставляло возможности заниматься своей научной работой, потому что постоянно требовались какие-то бумаги, особенно когда ученым секретарем была Осипова. Забыл ее... Татьяна¹². Бумаги шли просто одна за одной. Требовались характеристики, всевозможные справки, отчеты. Я сотрудников не загружал (скажем, чтобы каждый на себя писал). Брал старые характеристики, сам составлял. Очень много времени уходило. Мало выходило... Алексей Леонтьевич, конечно, годовой отчет сектора не писал. Он академик, он директор, он заведующий. А годовые отчеты писал я. 15 лет писал эти отчеты. Это было полезно для меня, между прочим, в плане познавательном опять-таки и в плане расширения кругозора по внешней политике, в плане систематизации. Но времени занимало много. Я не говорю уже о том, что когда пришел Фурсенко, а потом его сменил Ливанов, то времени для научной работы практически не осталось. И особенно, когда потребовалось писать один отчет для Президиума РАН, другой отчет для ФАНО, потом еще сводный отчет по изучению программы внешней политики составлять... Я понял, что последние годы своей жизни буду заниматься только этим, не научной работой. И поэтому ударил челом директору с просьбой освободить меня. Ну, как-то вроде сейчас немножко по этой причине стало полегче. По моему мнению, сейчас электронный документооборот должен облегчить работу исследователей. А он не облегчил работу, а затруднил, потому что объем — совершенно никому не нужный — документации возрос. Возрос многократно.

В.Т.: А о неформальной жизни Института Вы не могли бы рассказать? То есть не только то, что происходило на заседаниях секторов, а чем жил коллектив, какие здесь «капустники» были или что-нибудь в этом роде. Какие настроения среди сотрудников ходили? Какие события вызывали ажиотаж?

---

¹² Таисия Васильевна Осипова.

Г.С.: Вы знаете, честно скажу: я никогда... Вот как-то был в стороне от всевозможных слухов, разговоров и все такое прочее. Не знаю, почему. Скорее всего, просто не интересовало. Как-то «прогремел» мимо этого. Конечно, конфликты... Когда я был заведующим центром, мне пришлось «разруливать» конфликты, и в большинстве случаев я это мог сделать, наладить отношения, особенно между женщинами. Но был острый момент, очень острый момент... Я не хочу говорить.

У меня неформальные отношения главным образом в каком плане были: вот меня где-то в семьдесят, забыл уже, в каком году, я три года был в составе партбюро Института и ведал организацией субботников и воскресников и плодоовощной базой. Вот тут неформальные отношения, конечно, были, но какие? Пришли, как в одной интермедии Тарапуньки и Штепселя¹³, 107 фаныхных хлопцев да як вдарилы по буряку – от це була симфония (*усмехается*). Симфонический оркестр колхозный. Вот так вот. Ходили, ходили. Через «не хочу», но народ ходил. Так что я себя считаю одним из не самых главных, может быть, самых не главных виновников развала Советского Союза, потому что я организовывал работу, которую ученые не должны были делать (*усмехается*), на плодоовощных базах.

В.К.: Вы были членом парткома. Какую роль он играл в жизни Института?

Г.С.: Партком обсуждал наиболее важные проблемы, высказывал свои мнения, и обсуждение проблем было абсолютно спокойным, свободным, демократическим, несомненно. И партком не навязывал своих решений дирекции, как и дирекция не навязывала своих решений парткому. Мы просто работали в одном направлении. У Константина Симонова в первой части «Живые и мертвые»¹⁴ есть такой эпизод. Командир полка Серпилин и комиссар его выводят полк из окружения, и Серпилин наладил хорошие, товарищеские отношения с комиссаром, и говорит: «Ну, вот теперь как-то вроде спокойней – командир да комиссар. Ты да я. Вместе как-то сподручнее». Ну, вот так примерно и было в парткоме. Но, конечно, были спорные и напряженные момен-

¹³ Популярный в СССР комический дуэт актеров Е.И. Березина (Штепсель) и Ю.Т. Тимошенко (Тарапунька).

¹⁴ *Симонов К.М.* Живые и мёртвые. Трилогия. Ч. 1. М., 1959 (2-е изд. – 1989).

ты. Это взаимоотношения между коллективом. Конечно, обсуждалось на парткоме, скажем, дело Алексеевой Галины Дмитриевны. Она говорила и писала о Николае Ивановиче Бухарине. Ну, доставалось ей — и по линии дирекции, и партком тоже... Ну а мы высказывали свое мнение. Более того, это было действительно научное мнение, а не мнение, высказанное по приказу. Да, оно сформировалось такое. Ну а что ж делать?

В этом плане мне, конечно, было легче, что я писал по истории феодализма. Почему? Потому что Главлит¹⁵ история феодализма не интересовала. Ну что там феодализм, чего его смотреть-то? Ясно, что там будет все нормально. Так, ссылки на документы партии и правительства есть? Есть. Ссылки на работы Ленина есть? Есть. Все в порядке. А что там внутри написано — это Главлит мало интересовало. Ну, я и писал то, что думаю, скажем, о воссоединении. Искренне принял этот термин. До сих пор я от него не отказываюсь, и больше того, считаю, что отказ от термина «воссоединение» больше политизирован, чем в свое время признание термина «воссоединение». Особенно на Украине, но и наши исследователи отказываются, и хотя подчеркивают те же самые принципы, на чем стоит термин «воссоединение», сам термин не называют. Это их дело, но я считаю это неверным, и я когда-то был один из многих, употреблявших термин «воссоединение». Теперь остался я один, но стою на своем.

Да, там еще вот есть такой вопрос — отношение к проблеме «История это политика, опрокинутая в прошлое». Высказывание приписывают, по-моему, Покровскому Михаилу Николаевичу. Я бы сказал так. История не есть политика, опрокинутая в прошлое, а вот мнение об истории — вот это политика, опрокинутая в прошлое. *Мнение об истории*. Особенно среди непрофессионалов. А что история политическая наука — да, была, есть и будет политической наукой. Но разнообразие оценок и мнений по историческим сюжетам, конечно, вольно или невольно связывается с современностью, даже априорно связывается с современностью. Хотя бы взять отношение, скажем, к украинцам, которое сейчас резко ухудшилось. На Украине от-

---

¹⁵ Официальный орган цензуры в СССР. В описываемый период носил название «Главное управление по охране государственных тайн в печати при Совете министров СССР».

ношение к русским. Но, тем не менее, прошлое многообразно и разнообразно — и с точки зрения политической, и с точки зрения экономической, и с точки зрения социальной. И на какие моменты в прошлом мы будем обращать внимание, конечно, во многом зависит от того, что нас волнует сейчас. История каких событий, сюжетов, идей. Так что Шахматов тысячу раз прав, когда говорил, что рукой хрониста двигали политические устройства. Уже тогда. Политичность истории — не есть фальсификация истории. Политичность истории и объективность исторического знания совпадают.

В.К.: Связи с границей. В советское время какие были формы общения с зарубежными учеными? Насколько было легко или, наоборот, сложно с ними общаться? Был ли контроль за этим?

Г.С.: Я, откровенно говоря, до 1989 года даже и не подавал документы, чтобы меня отправили в какую-то заграничную командировку. Я прекрасно знал, что поскольку работал в Комитете госбезопасности, правда, всего два года, по формальным моментам мне могут и закрыть, и не разрешить эту командировку. А в 1989 году уже начал ездить. И в Югославию, и в Венгрию, и в Финляндию, и в Германию, и в Америку ездил — свободно.

Насколько было несвободно в то время? Для наших исследователей сложно было попасть в заграничную командировку — по целому комплексу причин. Главным образом потому, что было мало таких заграничных командировок. И, конечно, политические моменты играли роль. Как чувствовали мы себя за границей? Как я себя чувствовал? Я в 1989 году в Югославию поехал. Себя чувствовал абсолютно свободно. Отношение к нам со стороны югославов было самое сердечное, самое братское. Обсуждение мнений на заседаниях было разное, спорили. Все нормально было, абсолютно нормально. В архивах, конечно, я никаких не работал, потому что это была конференция.

Несколько лучше знаю об отношении у нас в архивах к зарубежным историкам. Потому что я (один раз, правда, когда был младшим научным сотрудником) курировал американского историка, присланного к нам, Самуэля Байрона¹⁶. Он написал книгу о Плеханове, а хотел заняться русским купечеством XVII столетия

---

¹⁶ Имеется в виду Самуэль Х. Бэрн (см. Именной указатель).

и посмотреть в Архиве древних актов «Политику» Крижанича¹⁷ в подлиннике. А «Политика» не выдавалась никому. Наверно, считалась... ну, не секретной, но нежелательной для ознакомления, потому что Крижанич занимал прорусские позиции не по всем вопросам. И вот, значит, он прибыл в Архив древних актов. Я его сопровождаю. Показал ему архив, подумал, что все, я могу быть свободен, и говорю: «До свидания». Он говорит: «Нет, подожди. Вот давай посмотрим с тобой дела». Дела он выписал по истории купечества. Открывает, спрашивает: «А это на каком языке написано?». А это скоропись XVII столетия. Я говорю: «Как на каком? На русском. Скоропись XVII столетия». — «Да, да». Я понял, что он не знает скоропись. Говорю: «Вы знаете, я студентов обучаю читать, в том числе и скоропись XVII столетия. Две недели — и вы будете читать. Я вас научу». — «Нет, Геннадий, это долго. Давай так. Ты мне читай, а я буду конспектировать». Я думаю: привет.

Ну что ж. Мое дело маленькое. Я беру сверху первое попавшееся дело и начинаю с первой страницы читать судебные дела. Он, значит, слушал-слушал, слушал-слушал... Потом говорит: «Нет, Геннадий, давай так. Ты смотри дело: в чем суть дела и какое решение. Остальное мне не надо». Ну, думаю, ничего себе исследователь. Стал так ему читать. Там как раз попались, помню, дела купца Шохина, которого разинцы пограбили. Я ему попытался свои идеи вложить о Степане Разине как не столько о казацком атамане-башибузуке, сколько политическом деятеле того времени. Но до него это не дошло. Смотрел-смотрел. Неделю я с ним ходил. Он, значит, все это записывал. А «Политику» Крижанича ему не дают под всякими поводами. То на микрофильмировании, то на чем-то другом. Потом, наконец... Автократова директор была. Когда у него мало времени осталось пребывания, несколько дней, она решила дать ему. Он берет, открывает ее... Привет. Оказывается — для него это было новостью, — «Политика» написана латинским шрифтом и на смешанном русско-сербском языке (*смеется*). То есть ее вот так с лету не прочтешь. Но я это знал,

---

¹⁷ Трактат хорватского интеллектуала Ю. Крижанича, также известный как «Разговоры о владетельстве» (1663–1666), в котором анализируется экономическое и политическое положение России, роль торговли, ремёсел и земледелия, армии, подчеркивается необходимость культурного развития, борьбы с преклонением перед иностранцами.

конечно. Не беспокоился. Вот такой толстый том. Он, значит, так его взял... «Да, да... Солидный труд, солидный труд». Положил на полку и больше не прикасался. То есть ему нужно было, вот ему дали, и тогда можно успокоиться.

Определенные, конечно, трудности были. Но эти трудности были не только у нас. Вот я в 1970 году защитил кандидатскую диссертацию и поехал вместе с отцом по украинским городам, чтоб посмотреть на месте, что там есть. Во Львов приезжаю. Хотел три-четыре дня хотя бы посидеть в архиве, посмотреть документы. У меня были соответствующие бумаги из Института. Я на всякий случай по сноскам выписал себе названия нескольких дел, которые желательно было бы посмотреть. Адрес — площадь Воссоединения, 1. Прихожу — никакого архива там нет. Обошел всю площадь — нет архива. Может быть, еще какая площадь Воссоединения есть во Львове? Спрашиваю у местного жителя: «Скажите, пожалуйста, нет ли во Львове еще одной площади Воссоединения?». — «Не, немаэ». Ну, немаэ так немаэ. Я опять хожу, смотрю. У второго спрашиваю: «Нет ли во Львове другой площади Воссоединения?». — «Не, немаэ». Опять хожу. Подошел к девушке: «Будь ласка, чи немаэ у Львове другий площи Возьеднання?». — «Та е! Та вона називається Трехсотриччя возьеднання! Та Вы говорите по-росыйськи!». Ну елки-палки!

Ну ладно, значит, приехал я на эту площадь Трехсотлетия воссоединения. Она сейчас, конечно, как-то по-другому называется¹⁸, это понятно. Архив нашел. Знаю, что по архиву путеводителя нет у них. Прошу: «Дайте мне опись фонда польских <нрзб> дел». — «Не положено». Да я знаю, что опись-то положено давать! Можно давать опись! Я говорю: «Как не положено? Вот в Архиве древних актов дают». — «У нас не положено». Ладно. Говорю: «Тогда без описи по сноскам дайте мне это дело». — «Это дело на микрофильмировании. Это на реставрации. Это сейчас на руках, дать не можем». Короче говоря, не дают ничего. Ну, я говорю: «Ну что ж... Мне все ясно. В Архиве древних актов в Москве отношение к ученым из Украины совершенно другое, чем у вас. Будьте любезны... Где ваш директор?». Иду к директору. Директор говорит: «Ничего не положено». Я говорю: «Хорошо. Я прямо отсюда иду к первому секретарю райкома партии». Через полчаса

¹⁸ В 1993 г. площадь переименована в Соборную (от слова «соборность»).

принесли мне дело какое-то. Сейчас уже не помню. На польском языке. Естественно, латинской графикой. Рассчитывая, что я не знаю по-польски. А я-то знаю по-польски. И худо-бедно... Я, правда, латинскую графику мало читал, но худо-бедно посмотрел и понял, что это такое и в чем дело.

Вот такое вот отношение на Украине. Точно такое же отношение ко мне было, когда где-то уже в 2009 или 2010 году в Киеве я попросил дать мне копию Гадячского договора¹⁹, которая хранится в Киевском государственном архиве. Подлинник. Не дают. Не дают читать в аппарате. Ни одним аппаратом читать невозможно этой копии, она очень плохая. Я говорю: «Ну, вот видите? Невозможно читать. Дайте мне, пожалуйста, подлинник». Два дня не давали. Потом все-таки дали. Но я бы мог его и не требовать, потому что это рукописная копия с публикации актов Южной и Западной России²⁰. В общем, отношение неблагоприятное было уже тогда. А что касается сейчас отношения в архиве к иностранным исследователям — абсолютно свободно. Это я знаю, мне приходилось сталкиваться.

Да, еще об отношении к иностранным исследователям. Вот сопровождал я этого Байрона. Это с Валерием Ивановичем Бovyкиным связано — замдиректора. А я в отчете своем написал... Ну, прямо не сказал, что впечатление у меня о нем как об ученом не сложилось. Вероятно, на это в каких-то инстанциях обратили внимание, а может быть, на его поведение в Москве (я же не знаю, я же не следил за ним). Байрон уехал. Валерий Иванович меня, тогда еще аспиранта, вызывает к себе в кабинет и сразу же: «С кем встречался Самуэль Байрон?!». Я опешил. Говорю: «Он встречался вот с тем-то, с тем-то, с тем-то и с тем-то. С Новицким, помню, он встречался». — «Вы присутствовали на этих встречах?!». — «Да, присутствовал». А я все это написал, и я присутствовал. Сразу же у Валерия Ивановича на душе слегло. «Ну, как Ваши дела? Как Ваша работа над диссертацией?» (*смеется*). Я думаю, Валерий Иванович что-то перенервничал по этому поводу.

---

¹⁹ Соглашение, заключенное 16 сентября 1658 г. под г. Гадяч между Речью Посполитой и Малороссией, предусматривавшее вхождение последней как третьего равноправного члена (под названием «Великого Княжества Русского») в унию Польши и Литвы.

²⁰ Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 1—15. СПб., 1863—1892.

В.Т.: Материальный вопрос. Каков был уровень зарплат в разные годы? Были ли подработки? Вы уже частично об этом поговорили...

Г.С.: Возможность подработки, если преподаванием, конечно, была, но далеко не каждому удавалось достичь. Уровень зарплат. Что сказать? Младший научный сотрудник, кандидат наук, получал в то время 170 рублей в месяц. Зарплата, в общем-то, начинающего инженера. Конечно, тяжеловато. 170 у меня, примерно 200 рублей у супруги. На 370... Нас двое, да ребенок... В общем, скудно жилось. А вот, скажем, старший научный сотрудник... Тогда было: младший и старший научный сотрудник. Старший научный сотрудник получал зарплату... Доктор наук получал зарплату 300 рублей, уже можно было более или менее спокойно жить. Да, семья требовала жить. Я стал еще больше искать преподавательской работы. Жена говорит: «Нет, тебе больше нельзя. Не сможешь». Я говорю: «Нет. Смогу. Ну что такое?». Спасибо Георгию Александровичу Куманёву. Он тогда у нас был партгором. Я в партбюро был. И как-то с ним поделился, говорю, очень сложно жить, прямо еле-еле стягиваем концы с концами. Не знаю, что делать дальше. Спрашивает: «Сколько лет ты работаешь?». К тому времени уже проработал более 15 лет уже, где-то к 20 годам подходило, и все младший сотрудник. Не было вакансий. Он: «Ладно». К Алексею Леонтьевичу. Его эти вопросы мало интересовали. «Как? Санин разве еще не старший?». Куманёв говорит: «Нет». — «Ну, ладно. Все». Короче говоря, где-то в 1985 году мне дают старшего, дают 300 рублей — слава Богу, жить можно! Жена обрадовалась, учитывая ее болезненное состояние, досрочно ушла с работы. Стало все нормально, хорошо (*хлопает в ладоши*). Бац — «перестройка»!

В.Т.: Так. Вот здесь поподробнее. Как же там в 1990-е годы получилось выживать?

Г.С.: Сложно. Прямо скажу: не хватало ни зарплаты, ни приработков, и дело дошло до того, что в самые тяжелые годы, 1991-й, по-моему, развал Союза, 1992-й, я вынужден был стоять на рынке и трясти шмотками. Больше всего я боялся, что кто-то из студентов увидит — и будет страшно стыдно. А потом подумал: «А чего я стыжусь? Это не я должен стыдиться! А те, кто вынуждают меня стоять!». Однажды меня «замели» в милицию — торговал в неполюженном месте. Милиция переполнена.

Стали выяснять, кто я, что. Даже не записывали, где работаю, ничего. Я говорю: так и так, я доктор исторических наук, занимаюсь петровским временем во внешней политике. Хотите, я вам в обеденный перерыв прочитаю лекции на тему «Личность Петра Первого»? А я по линии общества «Знание» читал их. Те на меня посмотрели, говорят: «Ой! Большое спасибо Вам! Да какой там перерыв! Мы загружены вот так, что у нас и перерыва нет! Спасибо Вам большое! Ну идите, пожалуйста, идите!» (*смеется*). Вот так вот выживал.

В.К.: А не хотелось уйти из науки в этот период?

Г.С.: Нет, не хотелось. Хотя, я знаю, многие ушли. Ну, что ж поделаешь.

В.Т.: Ну, к более приятным вещам. Как Вы думаете, внутри нашего Института существуют научные школы? Есть ли, соответственно, континуитет между ними?

Г.С.: Ну что существовали — это несомненно. Вот я уже о своих проблемах. Та же самая научная школа Пашуто, в его секторе древнейших государств. Черепнина научная школа. Зимина. У Преображенского тоже, можно сказать, научная школа. Александр Александрович — мой учитель, несомненно, но я занимаюсь другими проблемами, нежели в его научной школе. И школа неизбежно будет существовать.

Сейчас... Я, прямо сказать, не знаю... Наверное, в секторе периода империализма и истории России XIX столетия школы все-таки сохранились. Сохранились школы в области изучения истории внешней политики России. Наши сотрудники считают себя школой Валерия Ивановича Бовыкина. Несомненно, своя школа у Рогожина есть. Что касается других, сейчас сложно. Сложно с аспирантурой. У меня получилось так, что у меня было... Сколько аспирантов у меня было? Виноградов, потом еще одна девица, Ходарева. Максим Анисимов. Ну вот, четыре аспиранта было. Это, конечно, маловато для школы. Думаю, что у кого-то еще, пожалуй, сохранились, но я не знаю. Сейчас, кроме Рогожина, не знаю.

В.Т.: А могли бы Вы портрет идеального историка нарисовать? Какими качествами должен обладать идеальный историк, с Вашей точки зрения? Или просто хороший.

Г.С.: Он должен быть холостым, прежде всего (*смеется*).

В.К.: Семья сильно мешает?

Г.С.: Я знаю случаи, когда семья помогает, но все-таки мне кажется, что в основном семейные трудности мешают.

Какие идеальные? Ребят, я не знаю. Ну, прежде всего самое главное: писать то и так, как ты думаешь. Все. Не подлаживаться.

В.Т.: А как Вы оцениваете современную ситуацию в исторической науке? Осталась ли она? (*смех*).

Г.С.: Хреново (*смех*). Самое первое, что нужно сделать, чтобы наладить науку, — это вернуть прежнее достоинство Академии наук, то есть разогнать это ФАНО. И из министерства высшего образования убрать Ливанова. Ведется сознательная политика на оглупление, на отупление народа.

В.Т.: И последний вопрос. Ваше мнение о молодом поколении историков? Есть ли оно вообще?

Г.С.: Здесь лучше сказать вот как. Это не столько поколение историков, сколько поколение заканчивающих истфак. Потому что я года три или четыре председатель государственной экзаменационной комиссии в областном педуниверситете, и я вижу уровень подготовки студентов. Это студенты-заочники, но я сравниваю с уровнем подготовки, какой был еще до «перестройки», 1970-е, даже начало 1980-х годов. Это небо и земля. Широта кругозора студентов упала. Дальше. Даже вопросы на госэкзаменах касаются не широких теоретических проблем исторической науки, требующих специальной подготовки или знания, а в основном конкретных, узких вопросов. Или иногда ставится очень широко. Вот, например, был такой вопрос: «Войны Наполеона». Ни фига себе вопрос. Да они разные — и по характеру, и по духу, и все такое прочее.

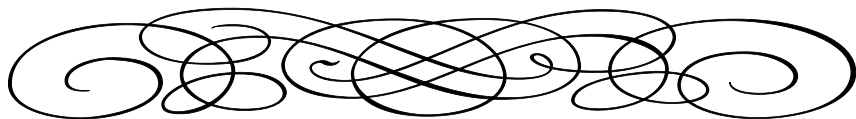
Я заметил еще вот что. Это касается уровня подготовки учителей. Если студент не работал в школе, а только был там на практике, уровень его знаний, как правило, ниже знаний тех, кто одновременно вел преподавательскую работу. Обучались в педуниверситете, одновременно работали в школе. Вот у этой категории уровень подготовки очень хороший. Из каждого выпуска один-два человека обязательно есть, которым я говорю: «Ребята, идите», и как [председатель] ГЭК настаивал и давал им рекомендации в аспирантуру. Они будут готовы. Я считаю, это неплохо, если из 30, скажем, человека два написали хорошую дипломную работу уровня рекомендации. Но уровень дипломных работ, откровенно говоря, упал. За все годы, что я работал

в пединституте, в полном отношении хорошая дипломная работа была только одна: по историографии по теме «Археология смоленских раскопок». Блестящая работа. И эта девушка работает в Исторической библиотеке. Мы иногда с ней видимся. Была неплохая работа, в прошлом году написал ее парень, больной, неподвижный, ноги у него не работают, зрение у него очень плохое. Мать ему читает тексты. Он сам работает. Он написал неплохую работу по советско-испанским отношениям периода после ухода Франко. Откровенно говоря, если взять уровень наших работ, это уровень очень хорошей курсовой работы, но не диплома. Но на общем падении уровня подготовки современных студентов поставили ему «отлично», я даже рекомендовал ему работать, заниматься в аспирантуре, потому что почувствовал: у него есть желание работать.

А что касается молодежи — есть ли желание работать? Судя по тому, что я был на одном заседании, так сказать, фильтрационной комиссии, молодые ребята идут. Даже еще и кандидатскую не защитив. Идут, зная, что зарплата будет мизер. Не упустить бы этот момент. Хотя уровень подготовки их, конечно, низок...

В.Т.: На этой оптимистической ноте огромное Вам спасибо.

Интервью с доктором исторических наук Андреем Николаевичем Сахаровым

Владимир Николаевич Круглов: 11 октября 2016 года, 11:00.

Ну и традиционный вопрос: как Вы пришли к тому, чтобы стать историком? Повлияло ли на Вас что-то? Может быть, пример родителей или случайность?

Андрей Николаевич Сахаров, член-корреспондент Академии наук: Историком я стал по семейной традиции. У меня мать — историк, преподаватель и прекрасный знаток истории. Училась у Бочкарёва, который, в свою очередь, был учеником Ключевского. Поэтому эта традиция постоянно витала в нашем доме, и многие вещи я узнал не из учебников, а из рассказов матери и из тех исторических романов, которые она мне давала читать. Это, конечно, и Вальтер Скотт, и Дюма, и Всеволод Соловьёв, которого не издавали очень долго при советской власти. Все это было прочитано. Естественно, это наложило определенную печать на мое развитие, и история мне всегда нравилась. Историей я занимался, делал доклады в школе, и уже было predetermined, что я буду поступать куда-то на исторический факультет — или в Горьком, или в Москве. Но так сложилось, что я поступил в Московский университет.

В.К.: Это какой примерно год?

А.С.: Это 1948 год.

В.К.: Чем была профессия историка в то время? Было ли к ней уважение, обладали ли она авторитетом?

А.С.: В то время профессия историка была абсолютно не авторитетной. Это была периферийная профессия, в общем, ма-

лоуважаемая, исходя из того, что практически все исторические каноны тогдашнего времени шли не от науки, не от объективных данных, а из установок и указаний ЦК КПСС, партийных органов и так далее. И понятно, что общество — хочешь, не хочешь — соответственно относилось к людям, которые выполняли эти установки.

В.К.: То есть историк считался больше идеологическим работником?

А.С.: Да. Историк считался идеологическим работником практически. Как тогда говорили, «солдатом партии».

В.К.: Когда Вы поступили на исторический факультет МГУ, какие были Ваши впечатления от атмосферы, от взаимоотношений преподавателей и студентов?

А.С.: Вы знаете, у меня отношения были, не скажу, что благоприятные, потому что это был 1948—1949 год, период волны послевоенных репрессий, борьбы с космополитизмом. То есть сплошная идеология, сплошные ярлыки, сплошная борьба, и это не могло не передаваться и в студенческую среду, и на отношения между студентами, и на отношения между студентами и преподавателями. Естественно, это все совершенно не вязалось с теми представлениями о высокой науке, о высокой истории, к которой я стремился. Но о преподавателях университета у меня — о некоторых — остались очень хорошие воспоминания. Прекрасные чувства я к ним испытывал и надолго запомнил. Скажем, мой руководитель научный, еще на истфаке, Лев Владимирович Черепнин, будущий академик, и такие преподаватели, как Константин Константинович Зельин, который вел у нас древние предметы, или блестящий совершенно лектор Константин Васильевич Базилевич, который нам читал на первом курсе Древнюю Русь. Это все было замечательно. Но много было и людей, которые преподавали, поскольку они были людьми, как говорится, тогдашней номенклатуры университетской, истфаковской. Это люди тоже уважаемые: бывшие фронтовики, бывшие партийные работники, многие пришли из армии. Я бы не сказал, что они отличались особо большими знаниями в истории и глубиной в исследовательских проблемах. Эти люди делали свое дело, но по сравнению с теми, кого я назвал, это было небо и земля.

Нам читал лекции Бахрушин. У нас вел семинары и читал лекции Авдиев по древней истории. Блестящие люди. И вот эта

разница между тогдашними пропагандистами-преподавателями и кадрами, которые пришли в преподавание, закончив еще старые учебные заведения и старый университет. Конечно, это все отражалось на общей атмосфере и в студенческой среде, и в общем на историческом факультете. Обстановка была, я бы сказал, идеологически напряженная, тревожная. Неизвестно было, чем кончится сегодняшний день и какой будет день завтрашний, и будут ли эти люди на местах — и студенты, и преподаватели.

Я помню один случай, который меня совершенно потряс. Я увлекался волейболом и играл за исторический факультет. Нам предстояла встреча с экономистами. За них играл высокий, красивый блондин, блестящий волейболист, и мы его очень опасались. Когда мы выстроились на площадке, увидели, что этого блондина, Андрея, нет. Куда он делся? Экономисты сразу оказались без своего лидера. Оказалось, что его забрали накануне игры. Его посадили за то, что он высказывался в пользу раскритикованных в свое время Сталиным преподавателей Саниной и Венжера. Это были два преподавателя, которые обратились к Сталину с письмом, и он их отчитал. А вот этот самый парень, экономист, он как-то поддержал и Санину, и Венжера, и он исчез. Это совершенно меня потрясло. Я понял, что надо держать язык за зубами, если высказываться, то с большой осторожностью. Это была атмосфера университета, атмосфера истфака.

В.К.: Своего рода школа такая.

А.С.: Да. Мы, конечно, выиграли.

В.К.: Скажите, к своим научным интересам Вы пришли в университете или до?

А.С.: К своим научным интересам я пришел, конечно, в университете. Вот то, о чем я говорю, сразу мне помогло сориентироваться. Конечно, меня очень интересовала история XX века. Меня очень интересовала революция. Меня очень интересовали 20—30-е годы. Но я понимал, что этим заниматься по-настоящему, в научном плане, в то время было невозможно. И второй момент — я послушал лекции Черепнина. Они меня поразили своей яркостью и оригинальностью, умом преподавателя, логикой. Черепнин был блестящим лектором. И на третьем курсе я попросился к нему на семинар по истории русского феодализма. Это был период, где можно было — со ссылками, конечно,

на марксизм-ленинизм, на классиков — вести научную самостоятельную работу. Это определило мой научный интерес.

Кроме того, на меня повлияло то, что на втором курсе я писал курсовую работу у доцента тогда Ивана Антоновича Федосова — будущего доктора, будущего декана факультета. Он мне дал тему «Суд и следствие над декабристами». И я стал работать по следственным делам декабристов, которые издавала в то время Милица Васильевна Нечкина. Это знаменитые следственные дела, многотомное издание. Я написал работу «Следствие и суд над декабристами», которая получила первую премию на университетском конкурсе. Я понял, что такое наука. Я понял, насколько это интересно. Когда я соприкоснулся с делами Пестеля, Рылеева, Бестужева-Рюмина, Муравьёва-Апостола и «Общества соединенных славян»¹, другими следственными делами, я был просто ошеломлен, как это выстраивается все, как выглядит.

И я, помню, пришел тогда к выводу, который показался Федосову любопытным. Оказалось, что все эти декабристы говорили буквально все. Они не скрывали ничего. Они рассказывали о своих планах, о своих связях, о том о сем, о пятом о десятом, просто все это демонстрировали. Дворяне, люди большой чести, они считали, что необходимо внушить первому дворянину России, Николаю I, свои взгляды. Когда до меня доходили всякого рода истории о том, что они выдавали, «закладывали» друг друга, это были термины современные тогдашней, нашей уже эпохе. Они не «закладывали», не продавали друг друга, не убивали друг друга. Они честно рассказывали все, понимаете? Меня изумила честность этих следственных дел. Николай I этим воспользовался и благодаря этому выстраивал свою концепцию заговора и прочее и прочее. С одной стороны был этот коварный человек, царь, хотя и первый дворянин, с другой стороны — те, про кого Герцен сказал, что были люди, «кованные из чистой стали». Действительно, это были потрясающие люди, потрясающие их следственные дела, потрясающие ответы. И я писал эту работу честно совершенно, и обо всем этом тоже писал. Федосов уди-

---

¹ Тайная организация декабристов (1823—1825), выступавшая за добровольное объединение славянских народов и соседних с ними в федеративной республике, куда должны были войти Россия, Польша, Богемия, Моравия, Сербия, Молдавия, Валахия, Далмация, Хорватия, Венгрия и Трансильвания.

вился немножко этой нетрадиционности и послал мою работу на конкурс. Это было первое мое серьезное соприкосновение с наукой. С этого времени я считаю, что я — плохой или хороший — стал ученым.

В.К.: Есть такое мнение, очень грубо: до 1917 года история это все-таки наука, а после — уже что-то вроде политологии или пропаганды. Скажите, это мнение встречалось во время Вашей учебы?

А.С.: Я думаю, что это мнение встречалось, но это мнение ошибочное. Это моя точка зрения. Дело все в том, что и после революции, несмотря на доминанту идеологическую, несмотря на указания ЦК и прочее и прочее, все-таки существовала большая историческая наука, носителями которой были выходцы из прежней среды, ученики еще старой школы. Такие люди, как Греков, Бахрушин, Платонов, репрессированный, погибший в 1932 году², Пресняков, и многие другие, которые писали, работали в основном по дооктябрьскому периоду, по досоветской истории, до XX века. Конечно, это были неплохие работы.

Несмотря на то, что, конечно, марксистско-ленинская доминанта существовала, порой мне казалось, что очень часто эти ссылки на Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина носили чисто формальный характер. После этого шло изложение, шло использование источника, шло обобщение историческое. И в то время создавались очень неплохие работы буквально по всем периодам русской истории. Я исключаю отсюда, конечно, Февральскую революцию, Октябрьскую революцию, 20-е годы, историю партии и так далее. Там, конечно, новаций никаких особенных не было. Там все шло по линии указаний, содержавшихся в «Кратком курсе истории ВКП(б)». Хотя и там были попытки сделать шаг влево, шаг вправо, но они порой кончались очень плохо. Эти дискуссии приводили к тому, что их носители, как правило, исчезали. Это была либо ссылка, либо расстрел. Потом, в 20–30-е годы, очень большая группа историков практически исчезла из поля зрения в ходе этих самых дискуссий на тогда современные темы. Вот по русскому Средневековью замечательные были работы, по западному Средневековью. Я хочу назвать здесь имена хотя

---

² С.Ф. Платонов умер в 1933 г. в ссылке в Самаре от острой сердечной недостаточности.

бы Сказкина, Неусыхина и многих других. Это были классики, которые высоко чтились и в нашей стране, и за рубежом. Это все была советская историческая наука, и мы от этого не можем отмахиваться.

В.К.: А ориентировали ли как-то студентов во время обучения в университете на продолжение научных исследований?

А.С.: Несмотря на эту сложную обстановку идеологическую, все-таки в университете витал дух исследовательский. Мы считали себя, прежде всего, будущими исследователями. Хотя в наших дипломах стояло на первом месте «преподаватель истории», а потом уже все остальное, но, тем не менее, мы пришли туда учиться именно тому, чтобы действительно постигать научные азы, прикасаться к исследовательским проблемам. Потом, очень большое значение имело то, что, начиная с первого курса, мы делали два доклада: по зарубежной истории и по русской. И вот так все три года, а четвертый курс это курсовая работа, и пятый — дипломная. То есть мы постоянно, одновременно с работой в семинарах, слушанием лекций, вели исследовательскую работу над своими докладами. Я до сих пор помню свой первый доклад: «Торговля в Древней Руси». Я впервые прикоснулся к своей до сих пор любимой теме. Это Древнерусское государство, Киевская Русь. Одновременно я делал доклад «Исторические взгляды Овидия». Можете себе представить? Это была упоительная работа. И вот на втором курсе — декабристы. Одновременно в зарубежной истории у меня была тема «Жакерия», французское восстание крестьянское. И так далее. Это была университетская научная среда, которая действительно поощряла человека, который стремился к науке.

В.К.: Я читал в биографии, что по окончании университета Вы в школе работали.

А.С.: Пять лет.

В.К.: Тогда Вам исследованиями научными заниматься удавалось?

А.С.: Начнем с того, что я после окончания университета поступил в заочную аспирантуру. Сначала прикрепился, потом попал в заочную аспирантуру к Черепнину, который в это время уже перешел из университета в Академию наук, в Институт истории. Я был его соискателем, потом аспирантом истфака МГУ, где он оставался преподавателем как почасовик, в частности, на мои

часы. Он там, по-моему, читал еще спецкурс какой-то. Сразу после окончания университета, войдя в школьную аудиторию, в класс, я в это же время вошел в Архив древних актов. Сел за стол по теме, по которой меня вел Черепнин – продолжение моего диплома. Так одновременно у меня шли преподавание в школе и исследовательская работа над своей будущей кандидатской диссертацией и книгой «Русское крестьянство XVII века»³.

Когда я пришел в класс, то понял, что не знаю историю. Потому что я знал темы своих докладов, слушал лекции, сдавал экзамены все очень хорошо, но оказалось, что в школе, для того чтобы ребятишкам дать историю, этого мало. Надо действительно знать живую историю. Надо знать личности. Надо знать драматургию истории. И я полез опять не только в учебники – я полез в монографии, я полез в труды научные, я полез в хрестоматии. Я пошел туда, где можно было почерпнуть какие-то любопытные вещи. Я начал перечитывать заново Ключевского, Соловьёва, Платонова, по средневековой истории – Дживелегова и Сказкина, других. То есть я начал образовываться заново как преподаватель истории. И это было очень интересно, потому что я считаю, что настоящим историком – если я им стал, конечно, это звучит нескромно – я стал именно в школе, именно в классе. А позднее, когда уже работал доцентом в пединституте и лектором в университете, постоянно приходилось учиться, обогащаться, читать и одновременно вести научную работу. Этот синтез был для меня любопытен и дал мне очень много хорошего.

В.К.: Частично Вы уже ответили, но все же – как Вы считаете, является ли занятие преподаванием для историка необходимым элементом для того чтобы стать профессионалом?

А.С.: Вы знаете, это зависит от вкуса, от склонностей. Мне нравилось преподавать. Мне очень нравилось работать со школьниками: и с малышами в четвертом классе, и с выпускниками в одиннадцатом. Эти пять лет для меня прошли очень интересно, очень хорошо и плодотворно, я считаю. За это время я как раз собрал материалы в архиве. Почему я в школе не остался? Потому что все-таки была повторяемость. Из года в год одно и то же. Можно обогащать свои уроки, можно их как-то развивать, можно с другой стороны показывать, но тем не менее все-таки это опре-

---

³ Сахаров А.Н. Русская деревня XVII в. М., 1966.

деленный сложившийся канон. Все-таки школа это регламент, это определенные планы, от которых нельзя отступать, которые должен соблюдать преподаватель. Конечно, это тяготило. Ну и прямо скажем, что школа это был труд очень малооплачиваемый, едва ли достигал прожиточного минимума. Я был человек молодой и готовился к семейной жизни. Надо было думать о чем-то более основательном. С одной стороны, я занимался научной работой, которая мне не давала ничего (*усмехается*), как говорится, ни копейки, кроме огромного душевного равновесия, удовлетворения. С другой стороны, школьная работа, которая стала уже тяготить. И надо было менять ориентиры, заниматься какими-то другими делами.

В.К.: Ну и дальше Вы уже в Комитете молодежных организаций⁴ работали?

А.С.: А дальше я пошел на журналистскую работу, потому что я уже в это время, будучи в школе, начал писать, как журналист работать.

В.К.: Извините, именно журналистом или, скажем, по историческим темам писали?

А.С.: Нет, это была чисто журналистская работа. Комитет молодежных организаций. Я был редактором отдела печати. Готовились мы к Венскому фестивалю⁵. А тут я пришел в Совинформбюро⁶. Это организация абсолютно пропагандистская. Я там был заведующим отделом очерка. Это работа где-то на уровне писательской. И долго я работал таким вот образом: поездил по стране, побывал за рубежом. Оттуда перешел уже, насытившись журналистикой.

Все-таки меня все время тянуло... Работа у меня в архиве была завершена. Та тема, которую мне дал Черепнин, была как-то быстро очень закончена, лежала на антресолях без движения.

⁴ КМО СССР, «общественная организация советской молодежи». Контролировал международные связи различных профессиональных, спортивных, студенческих, культурных и других структур, проводивших работу среди молодежи.

⁵ VII Всемирный фестиваль молодежи и студентов прошел в 1959 г. в Вене.

⁶ Советское информационное бюро — информационное ведомство, занимавшееся освещением внутренней и внешней политики СССР за рубежом и событий в странах соцлагеря. Ликвидировано в 1961 г., на его базе создано Агентство печати «Новости».

Я даже забыл, где она лежала. Не помню, в каких-то тюках. Я ее не касался. И в этот момент перешел в журнал «Вопросы истории». Академический журнал, который возглавлял тогда замечательный человек, будущий академик Владимир Григорьевич Трухановский, которого считаю своим «крестным отцом» в науке наряду с Черепниным. Хотя он занимался не российской историей, а историей Англии. Написал блестящие книги о Черчилле⁷, Дизраэли⁸, Нельсоне⁹, внешней политике Англии¹⁰. Это был замечательный организатор и аналитик, человек, который вел редколлегию. И вот я, начинающий научный редактор, работал в отделе русской истории. Я учился у редколлегии: у Трухановского, у людей, которые там сидели, многих из которых раньше знал как моих учителей по истфаку — того же Федосова, Сказкина и других. А сейчас они сидели здесь на редколлегии, а я слушал их споры, их дискуссии, учился заново.

В это время как раз прикоснулся к тем дискуссиям, которые шли в Институте истории СССР. Это были дискуссии, которые касались генезиса капитализма, рынка и так далее, и так далее. И вдруг я понял, что все материалы, которые лежат у меня на антресолях, находятся в русле этих проблем. Я пошел к Черепнину, который стал меня уже забывать, и говорю: «Лев Владимирович, Вы знаете, я хочу поучаствовать вот в этой дискуссии». — «А что у Вас такое?». Я ему стал рассказывать о XVII веке, о тех материалах о русском крестьянстве патриаршего хозяйства, которые он мне дал. И он заинтересовался, говорит: «Пишите». Я написал свою первую статью «Роль аренды в крестьянском хозяйстве XVII века»¹¹. Черепнин прочитал эту работу, потом позвонил и говорит: «Приходите ко мне». Я пришел в Институт истории, где в это время Лев Владимирович был заведующим сектором феодализма. Он молча взял меня за руку и повел в журнал «История

⁷ *Трухановский В. Г.* Уинстон Черчилль. М., 1982.

⁸ *Трухановский В. Г.* Бенджамин Дизраэли, или история одной невероятной карьеры. М., 1994.

⁹ *Трухановский В. Г.* Судьба адмирала: триумф и трагедия. Жизнеописание Горацио Нельсона. М., 1984.

¹⁰ *Трухановский В. Г.* Внешняя политика Англии после Второй мировой войны. М., 1957; *Трухановский В. Г.* Внешняя политика Англии в период Второй мировой войны. М., 1965.

¹¹ *Сахаров А. Н.* Роль аренды в крестьянском хозяйстве XVII в. // История СССР. 1964. № 1. С. 81–93.

СССР». Журнал находился не здесь [здание на ул. Дм. Ульянова, д. 19, резиденция Института истории СССР, затем ИРИ РАН], он находился в центре [здание на ул. Кузнецкий мост, где журнал «История СССР» размещался с 1957 по 1992 гг.], но здесь находились представители. Он меня привел, говорит: «Вот». А это был Литвак Борис Григорьевич, тоже бывший сотрудник нашего Института, с которым у меня были очень хорошие отношения. И вот он эту статью взял и ее очень быстро напечатали. С этого началась моя вторая — после декабристов — научная жизнь. Потом я написал еще серию статей на эту тему, и у меня сложилась книжка «Русское крестьянство XVII века», которую я потом защитил как кандидатскую диссертацию.

В.К.: Это был Ваш первый контакт с Институтом истории? Или до того, во время, скажем, обучения в МГУ, были какие-то связи?

А.С.: Нет, во время обучения в МГУ я не знал никого и ничего в Институте. После окончания я не рисковал даже сюда соваться, потому что поступить можно было только по большим протекциям, при поддержке научного руководителя, либо по каким-то личным связям. Либо поступали такие люди, как Тарновский, Ковальченко, которые отличились уже на истфаке крупными работами, исследованиями. У меня шансов не было, потому что мой научный руководитель, Черепнин, был человеком, который не имел необходимого общественного авторитета. Он был сам репрессирован и провел несколько лет в тюрьме и ссылке¹². У меня отец тоже был репрессирован, провел какое-то время в тюрьме и ссылке. Я приехал сюда из провинции, жил с братом. Не было ни поддержки, ни протекции — ни «сверху», ни «снизу», ниоткуда. Поэтому у меня шансов на то, чтобы попасть сюда, не было, да и мыслей таких не возникало.

А вот в «Вопросы истории» меня пригласили как редактора из Совинформбюро. Там у меня какие-то контакты были. Это было интересно. Это было важно. Начиная с работы в «Вопросах истории», у меня начались постоянные контакты с работниками Института. Они все были моими авторами, потому что вся российская часть Института истории проходила через два журнала.

---

¹² Л.В. Черепнин проходил по «Академическому делу» и пробыл в ссылке с 1930 по 1933 г.

Через журнал «История СССР» тогдашний, и через «Вопросы истории». Они все были нашими авторами. Я со многими был знаком, со многими подружился, со многими дискутировал. Значит, тогда я узнал многих как членов редколлегии. Практически я уже был неотделим от Института. И после создания книги я, естественно, у Черепнина здесь защищался в 34-й аудитории и получил приглашение даже перейти на работу в Институт после защиты.

В.К.: Но не пошли.

А.С.: Я не то что не пошел — я дал согласие и начал оформляться, но в это время получил приглашение из ЦК КПСС.

В.К.: А буквально перед ЦК КПСС. Каково было работать с сотрудниками Института в качестве редактора?

А.С.: Это была замечательная школа. Это были замечательные люди. Практически они все были моими учителями.

В.К.: Не было робости какой-то?

А.С.: Никакой робости. И какая робость, когда я сам работал в архивах. Простите, я пять лет просидел, «прошерстил» все эти источники, которые очень часто они упоминали в своих работах. То есть я практически себя не отделял и чувствовал себя если не на равных, то, во всяком случае, младшим учеником этих людей — кандидатов, докторов и так далее, и так далее. Я помню, многие из тех, кто сегодня являются докторами, членкорами и даже академиками, тогда приходили к нам в «Вопросы истории» в качестве начинающих авторов. Помню, что печатал первую небольшую статью нынешнего членкора Сергея Михайловича Каштанова. Печатал статьи Пашуто. Позднее я работал со статьями Черепнина, своего руководителя. Это было исключительно интересно. Это была замечательная школа.

В.К.: А в ЦК Вас каким образом занесло?

А.С.: В ЦК была какая-то возможность. Оттуда пришел запрос по какой-то исторической теме. Этот запрос попал ко мне. Я готовил ответ на этот запрос, который пошел под моей фамилией. И после этого мне позвонили и сказали: «Вы не хотите к нам прийти поговорить?». — «А какой отдел?». — «Отдел пропаганды». Опять пропаганда, которой я занимался в КМО и в Совинформбюро. Хотя я уже ушел в область науки довольно плотно и был кандидатом наук, получил приглашение в Инсти-

тут истории старшим научным сотрудником, потому что у меня книжка была. Меня пригласили в отдел пропаганды, и после разговоров с заведующим сектором Иваном Петровичем Кириченко и с его заместителем Александром Николаевичем Яковлевым, будущим, так сказать, общественным и политическим корифеем, мне предложили перейти в отдел инструктором. Я очень долго думал, очень много сомневался. Пришел к Черепнину, говорю: «Лев Владимирович, вот такая ситуация. Чего делать?». Лев Владимирович мне сказал: «Надо идти, потому что эта работа Вам много даст с точки зрения кругозора, общего знания истории, а история от Вас никуда не уйдет». И вот я перешел в ЦК КПСС работать, на несколько лет.

В.К.: Это Старая площадь?

А.С.: Старая площадь.

В.К.: Но Вы достаточно недолго проработали.

А.С.: А там долго никто и не работал. Там работали несколько лет для того, чтобы потом оттуда перейти на какую-то руководящую работу. Я работал там три с половиной года. После этого получил назначение. Меня пригласили работать членом коллегии тогда крупной газеты центральной. Я отказался. Отказался, потому что газета это вообще уже что-то другое. Потом мне предложили перейти главным редактором в издательство «Наука». И вот тут я, как говорится, сделал стойку. Издательство «Наука» — это Академия наук. Это опять очень близко к тому, чем я занимался в «Вопросах истории», но, кроме истории, там еще многое другое. Потом, это не должность директора, это должность все-таки научного руководителя издательства. И я согласился, проработал там четыре года.

В.К.: Но получается, у Вас уже давно появилась мысль с Институтом истории СССР отношения завязать и, может, перейти даже туда?

А.С.: Да. Значит, в «Вопросах истории» я работал со статьями, а в издательстве «Наука» — над книжками тех же самых людей, которые работали в Институте истории. Это было очень логично, и с этими людьми я уже встречался на другом уровне как со своими коллегами. Я уже был кандидатом наук, вышла книжка. Потом написал вторую книгу — «Степан Разин»¹³ в серии «ЖЗЛ».

---

¹³ Сахаров А.Н. Степан Разин (серия «Жизнь замечательных людей»). М., 1973.

Так что я, работая на научно-административных работах, постоянно работал и в научном плане.

В.К.: А как удавалось находить время работать с архивами?

А.С.: Я помню, время строилось так. Я с девяти до шести на работе ежедневно. С шести до десяти я в Исторической библиотеке. В одиннадцать я дома. И так почти каждый день. И моя научная, исследовательская работа, проходила в эти часы – обычно с шести-семи до девяти-десяти вечера. Либо в Исторической библиотеке, либо в Ленинской. Вот так вот.

В.К.: Дальше Вы уже в Комитете по делам издательств работали?

А.С.: А вот дальше я получил повышение, потому что я стал членом коллегии Комитета по делам издательств, который руководил всеми издательствами в стране. Меня пригласил министр Стукалин, который знал меня по делегациям, в которых я участвовал, будучи работником издательства «Наука». Он меня пригласил и сказал: «Мы за тобой следили, ты достаточно молодой человек, у нас освободилась должность члена коллегии, начальника Главной редакции художественной литературы». Я говорю: «Борис Иванович, но я же художественной литературой не занимался». «Ну как же, – говорит, – все художественные издания это твои издания и так далее. Потом ты же книжку написал “Степан Разин”, ты же член Союза писателей. Как же так?». Я пошел работать уже в Комитет по печати членом коллегии, продолжая работу научную опять по той же системе: до шести на работе, с шести в библиотеке.

Я помню свой первый выход такого рода в библиотеку. На второй, на третий день я поехал после работы в библиотеку и приехал домой где-то часов в десять, в полдесятого. Звонок раздается: «Андрей Николаевич! Это говорит Стукалин Борис Иванович. Ты где?». – «Дома». – «А почему ты дома? А куда ты уехал с работы?». – «Я уехал в библиотеку». – «Послушай, как это так: министр на работе, а сотрудник в библиотеке? Так у нас не бывает. Так у нас не положено». С этого момента, прежде чем уйти в шесть часов вечера, я докладывался. Звонил секретарю министра и спрашивал: «Спросите у Бориса Ивановича, могу ли я быть свободен?». Мне говорили: «Посиди». Я сидел. Мне говорили: «Андрей Николаевич, Вы свободны». Я уезжал. Вот такая система была. Это система номенклатуры, система министерства, государственного ведомства.

В.К.: То есть официально с границами рабочего дня не очень считались?

А.С.: Они начинались официально в девять, а кончались по установлению министра.

В.К.: А это давняя традиция? Сталинская?

А.С.: Я так думаю, что давняя традиция. Ну, при Сталине вообще было все по-другому. Я тогда не работал. Но рассказывали, что сидели до одиннадцати, до двенадцати, до часу. Сталин работал по ночам, и люди работали по ночам. Раньше, чем товарищ Сталин лег спать, никто не уезжал. Это только после его смерти было выпущено негласное постановление о том, что люди могут возвращаться в рабочие рамки, определенные законом: с девяти до шести¹⁴.

В.К.: Союз писателей — Вы в союзном состояли или в российском?

А.С.: Тогда был один Союз писателей СССР. Соответственно, Союз писателей РСФСР. Союз писателей Москвы. Градации такие были, так сказать. После книжки «Степан Разин» и ряда научно-популярных исторических книжек, которые у меня вышли в это время, меня приняли в Союз писателей.

В.К.: Вас пригласили или Вы сами туда вступали?

А.С.: Трудно сказать, потому что я постоянно как член коллегии работал с Союзом писателей: и с Марковым, и с Озеровым, и с Шестинским, и с Верченко, секретарем Союза, то есть как бы партторгом ЦК там... И они мне предложили: «А почему ты, имея книжки художественные, не вступаешь?». Ну, я после этого и подал заявление. Почетно это было, интересно — член Союза.

В.К.: А историки-ученые, скажем, могли стать членами Союза писателей?

А.С.: Я думаю, что некоторые историки были одновременно хорошими писателями, и они вступали в Союз. Я могу назвать

---

¹⁴ Постановление Совета министров СССР от 15 мая 1953 г. № 2295 «О режиме рабочего дня в министерствах, ведомствах и других советских учреждениях»: «Установить с 1 сентября 1953 г. для учреждений и организаций союзного и республиканского значения, находящихся в г. Москве, начало работы с 9 часов утра и окончание работы в 6 часов вечера с перерывом на обед продолжительностью 1 час и для учреждений и организаций местного значения начало работы с 10 часов утра и окончание работы в 7 часов вечера с перерывом на обед продолжительностью 1 час».

Виктора Ивановича Буганова, который написал прекрасную книжку о Пугачёве¹⁵ и другие работы художественного порядка, который тоже вступил. Трухановский после своих замечательных биографий об английских деятелях тоже был приглашен в Союз и вступил.

В.К.: Согласно биографии, у Вас получилось, работая еще в государственном комитете, защитить докторскую диссертацию.

А.С.: Одновременно работал над докторской диссертацией. Причем ее тему я определил очень быстро после окончания кандидатской. Пришел к Черепнину и сказал: «Лев Владимирович, Вы знаете, в общем, я уже изведal аграрную проблему. Я уже вроде там все, что хотел, узнал, и для меня там каких-то новаций быть, наверно, не может. Хотя там много интересного». Он хотел, чтобы я над этой темой продолжал работать применительно к XVIII веку. Русское крестьянство XVIII века. Мне это было уже неинтересно. Я сказал: «Лев Владимирович, я хочу взять совершенно иную тему — дипломатию русского централизованного государства, организацию дипломатической службы и прочее и прочее». Он на «Вы» называл всех своих учеников, говорит: «Попробуйте, попробуйте, Андрей Николаевич».

Я начал пробовать, начал читать, работать в библиотеке и почувствовал, что для того, чтобы понять организацию русской дипломатии в XV веке, нужно опуститься вглубь веков, нужно посмотреть, где истоки. Опустился в свою Киевскую Русь, с чего начинал еще в университете. Начал с дипломатии Древней Руси, с договоров с греками. Думал, что у меня это будет введение какое-то небольшое, так сказать, подход к теме. А оказалось, что у меня на эту тему одна книга появилась, вторая книга появилась, и в настоящее время я заканчиваю работу над третьей книгой. Первая книга — это «Дипломатия Древней Руси IX—X веков»¹⁶, вторая книга — «Дипломатия Святослава»¹⁷, которая стала очень популярной. Третья книга, над которой я начал работать уже в Институте, — это «Дипломатия Владимира и крещение Руси». Вот я работал постоянно.

¹⁵ Буганов В.И. Пугачёв (серия «Жизнь замечательных людей»). М., 1984.

¹⁶ Сахаров А.Н. Дипломатия Древней Руси IX—X веков. М., 1980.

¹⁷ Сахаров А.Н. Дипломатия Святослава. М., 1982 (2-е изд. — 1991).

Когда я эту работу закончил, пришел к своему министру и говорю: «Борис Иванович, я докторскую диссертацию закончил. Мне хотелось бы отзыв с работы получить на оформление дела». — «А зачем тебе докторская диссертация?». — «Ну как же, я все-таки мню, что я исследователь, ученый. Ну и доктор наук буду». — «Андрей Николаевич, мне не доктора нужны, а аппаратики!». Я промолчал. Но отзыв мне с работы дали хороший. Я в 1982 году защитился, стал доктором наук и через несколько лет, в 1984-м уже перешел в Институт истории СССР в качестве заместителя директора.

В.К.: Правда ли, что считалось чуть ли не правилом, что кандидатскую защищаешь по одной теме, а докторскую — уже по другой? Или можно было продолжать?

А.С.: Как правило, насколько я помню, ученые продолжали тему. Расширяли ее, углубляли, брали другой хронологический период и очень редко коренным образом меняли тему. Я считаю, что тему надо менять коренным образом. Потому что на одной теме сидеть всю жизнь — это, во-первых, человек может, так сказать, затулы бить: исписаться, привыкнуть к этой теме. Во-вторых, перемена темы расширяет возможности исследовательские, кругозор расширяет, тем более когда переходишь с одного периода хронологического на другой. Я перешел с XVII века на Древнюю Русь. Писал «Разина» по XVII веку. Писал книжку о Владимире Мономахе по XI–XII веку¹⁸. Меня очень часто критиковали: «Ты перескакиваешь с одного на другое». Я говорил, что мне интересно. Мне интересен и этот период, мне интересен этот человек, мне интересен Владимир Мономах, мне интересен Разин, мне интересен Александр I, о котором я писал монографию¹⁹ и определил для себя область науки, связанную с реформами конца XVIII — начала XIX века. Я здесь чего-то добился немножко, так сказать, какие-то исследования провел. И так далее.

Конечно, для меня были совершенно упоительным временем 1990-е годы, когда можно было без оглядки на ЦК КПСС, регламент, идеологические установки думать и говорить то, что ты хочешь сказать о 20-х годах, 30-х годах, о сталинизме, о тоталитарной системе. И мои последние книги связаны с научной

¹⁸ Сахаров А. Н. Владимир Мономах. М., 2014.

¹⁹ Сахаров А. Н. Человек на троне. Александр I. М., 1993.

публицистикой, которая обращена в основном к советскому периоду. Это с 20-х годов по 90-е годы, реформы. Когда я сопоставлял реформы в России, скажем, Сперанского с одной стороны, а с другой стороны Столыпина. Все это уже уводило к реформам 20-х годов, к бухаринским подходам и потом уже к горбачёвским подходам, к 90-м годам. Это все смыкалось в единое целое. Российская история это единая история, это единое целое, это единые, так сказать, комплексы на протяжении всего периода. И это было очень интересно. До сих пор меня это очень интересует.

В.К.: Но трудностей каких-то не возникало с таким переходом от темы к теме?

А.С.: Да нет, не возникало.

В.К.: Например, освоение материала... Потому что действительно, XVII век, потом XI, X.

А.С.: Конечно, какое-то время приходилось вникать. Несколько лет я работал по материалам Древней Руси над своей темой «Древнерусская дипломатия». Специально пару лет, года три работал... Ну, как в Институте: тема – три-четыре года. Работал над Святославом. Сейчас уже несколько лет работаю над Владимиром. Это понятно, что приходится постоянно вникать. Скажем, два-три года я трудился над Александром I, изучал материалы, читал и Данилевского-Михайловского, и Шильдера, и мемуарную литературу, и источниковую литературу, и переписку Александра I. Все это в моих источниках, в сносках видно. Это была очень большая работа, очень интересная работа.

В.К.: А теперь вопрос, неизбежный при разговоре с учеными, которые застали советский период. Идеология в эти 1960-е, 70-е, 80-е годы – каким образом она влияла конкретно на Ваши исследования? Понятно, что это древность, и там можно было писать свободнее, но все-таки?

А.С.: Надо сказать, что, когда я касался русского крестьянства в 1960-е годы, идеология влияла. Когда я касался дипломатии Древней Руси, это тоже влияло. Каким образом влияло? Конечно, я обязан был знать, что по этому вопросу думали и писали классики марксизма-ленинизма. И надо сказать, что я читал их с большим удовольствием, потому что Маркс и Энгельс были люди огромного общественного, научного, исследовательского диапазона, а кроме того блестящие беллетристы, замечательные писатели. И я это с удовольствием использовал там, где моя тема

соприкасалась с работами классиков марксизма-ленинизма. Но не скажу, что это органично вытекало из необходимости моей работы. Это было во многом формально. Интересно, но формально. Можно было использовать это, а можно было не использовать. Ничего бы не изменилось. Это было привеском.

Я помню, когда писал диплом о митрополичьем крестьянстве, мне Черепнин сказал: «Вы не забудьте только обязательно работу Сталина “Экономические проблемы социализма в СССР”». Я говорю: «Конечно, Лев Владимирович, как я могу забыть!». Я начинал работу с цитирования Сталина, но никакого отношения к моему исследованию это не имело. И в дальнейшем работы «классиков» очень мало порой имели отношения и к моей первой книге, и ко второй. А уже Александра I я писал без всякой оглядки на работы Маркса, Энгельса и Ленина, не говоря уже о Сталине. Так что вот такой момент был. Но я хочу сказать, что соприкосновения с работами Маркса и особенно Энгельса стали для меня откровением, и я об этом вспоминаю с большим удовольствием. До сих пор иногда смотрю некоторые из этих работ: и «Немецкую идеологию», и полемику Маркса с Прудоном. Это все очень интересно. Это были замечательные мыслители. Конечно, отрицать их влияние невозможно. Но, в то же время, хочу сказать, что такое формальное привешивание этих высказываний к каждой работе было ненужным и лишним. На этом строились очень многие работы, даже в Институте истории СССР. Люди щеголяли своим знанием, ловили друг друга на неправильном цитировании. Это было не очень хорошо. Не думаю, что это усиливало научный элемент их работ.

В.К.: А до Вас доходили споры, которые разворачивались в исторической науке на рубеже 1960–1970-х, «новое направление»?

А.С.: Обязательно. Поскольку я работал в «Вопросах истории», в издательстве «Наука», ну и в комитете, постоянно следил за этими проблемами. Люди, которые со мной вместе работали, тоже за этим следили. Конечно, мы были в курсе всех дискуссий. Надо сказать, что они были очень интересными, там было много элемента исследовательского, научного. В этих спорах рождались новые направления и работы, которые послужили основой для взлета науки уже в конце века и в начале будущего, XXI века. Это была непрерывная, так сказать, связующая цепь событий и ра-

бот, и трудов. Здесь нельзя отрывать одно от другого, хотя надо понимать, где плевелы, а где зерна.

В.К.: Разгром «нового направления», по-Вашему, урон для исторической науки?

А.С.: Я думаю, что это, конечно, урон. И в свое время я относился довольно сочувственно к «новому направлению», потому что это была научная мысль. Это были люди очень интересные в научном плане, ищущие: и Волобуев, и Тарновский, и Кирьянов, и Аврех, и другие. Я помню даже, когда я был в издательстве «Наука», меня вызвал будущий директор Института истории Семён Спиридонович Хромов на беседу и сказал: «Послушай! Мне кажется, что ты все-таки в глубине души сочувствуешь Волобуеву». Я сказал, что я не сочувствую Волобуеву — мне интересны мысли, которые высказывает ученый. Тогда Хромов мне сказал: «Ну, ты смотри!». Я понял, что надо смотреть.

В.К.: То есть сочувствие расценивалось как признак...

А.С.: Даже подозрение, что работник издательства «Наука» может сочувственно относиться вот к этому «новому направлению», в чем-то его выразить: в разговоре ли в каком-то, либо в поддержке, либо в отсутствии критики. Это считалось уже криминалом, и за это дело мне в свое время заведующий сектором истории выговорил в своем кабинете на шестом этаже [здания ЦК КПСС].

В.К.: А как Вы думаете, чем объяснялась такая жесткая позиция по отношению к проявлениям научной мысли?

А.С.: Я думаю, что это все-таки идеологическая ортодоксальность, закоснелость. Я думаю, что это было связано не только с той или иной персоной. Это была закоснелость общая, «краткокурсовская», которая шла от сталинских установок, от борьбы Сталина с инакомыслием. И все, кого он подбирал под себя и с кем сотрудничал, это люди, которые были носителями закоснелых догм так называемого марксизма-ленинизма. На самом деле никакого марксизма там не было. Ленинизм, сталинизм — может быть, был. Я думаю, если подойти с тех позиций к диалектике Маркса и к диалектике Энгельса, то им бы очень сильно досталось от тогдашних пропагандистов, идеологов ЦК КПСС.

В.К.: Эта жесткая идеологическая линия на протяжении времени как-то менялась?

А.С.: Она с течением времени слабела. Требования слабели. Репрессии слабели. Но общая, так сказать, канва этого регламента академического, конечно, оставалась. И только где-то в период уже Горбачёва, «перестройки» появился определенный люфт, и то Горбачёв этот люфт ограничивал. Я помню хорошо этот период, когда пошли дискуссии, которые стали затрагивать не только проблемы сталинизма, но и проблемы вообще коммунизма, марксизма-ленинизма как такового. Горбачёв начал натягивать вожжи. Я помню, когда речь шла о том, чтобы напечатать «Архипелаг ГУЛАГ» Солженицына, эту печать остановили в ЦК КПСС и сказали, что «не время». И остановил эту печать не кто-нибудь, а тогдашний секретарь ЦК Медведев, выдвиженец Горбачёва. Тогда в круглом зале на пятом этаже в отделе пропаганды продолжали собирать издателей, редакторов и их «накачивать», инструктировать. То есть Горбачёв говорил, что это можно, это нельзя, здесь можно немножко больше, а здесь не надо. Это все шло сверху вплоть до 1991 года.

В.К.: Когда Вы пришли на работу в Институт истории, эта жесткость идеологическая как-то чувствовалась?

А.С.: Она продолжалась. Это был 1984 год. Идеология стала потихоньку слабеть, размываться в период «перестройки», но еще это все очень резко чувствовалось. Но у нас на четвертом этаже уже кругами шли дискуссии, обсуждения, уже, так сказать, проросли семена и Бухарина, и Троцкого, и Рыкова. Этого не боялись, и многие об этом говорили уже без осуждения, хотя были и противники этого. Короче говоря, все это в 1980-е годы, начиная с 85-го, шло постепенно вширь и вглубь, и это было очень интересно. Это был, я считаю, замечательный период в истории Института, в истории нашей науки. Вот это освобождение от пут идеологических, от культа, от догм и возможность людям свободно высказаться на различные темы, не только XX века, но и прочее, — все это было очень интересно, научно и перспективно.

В.К.: Когда Вы пришли в Институт, какими были Ваши впечатления о новом месте работы? Взаимоотношения с коллегами, что-то еще?

А.С.: Вы понимаете, у меня, как человека, который работал в «Вопросах истории» и работал в издательстве «Наука», который участвовал в издании трудов этих коллег, сотрудников, были со всеми отношения — не боюсь этого слова — очень хорошие.

Очень добрые, уважительные отношения, которые с течением времени, естественно, под влиянием здешних различных ситуаций и клановых явлений, и групповых каких-то моментов, и того, что приходилось как администратору кого-то ущемлять, кого-то поддерживать и так далее, постепенно стали не такими абсолютно ровными, абсолютно хорошими. С кем-то они сохранились, с кем-то нет. Жизнь брала свое. Но я считаю, что с 1984 года по 2000 год примерно был период в моей здесь работе очень интересный и для меня очень плодотворный. Я многому научился у людей, с которыми сотрудничал, многому научился на работах, с которыми знакомился здесь — и на дискуссиях, и на ученых советах, докладах, которые выслушивал. Это все действительно расширило и кругозор, и диапазон исторический, и образовывало меня как человека, как ученого. Мне очень помогало все это дело. Конечно, многие свои вещи (не знаю, какие они — хорошие или плохие) я бы не написал, если бы не работал в Институте российской истории.

В.К.: А рабочий день как строился? У Вас как у заместителя директора он как-то отличался от простых научных сотрудников? Например, присутственные дни — вторник и четверг — всегда были?

А.С.: Обычно я приходил на работу к десяти часам. Уходил в шесть, в семь. Я только одну себе поблажку делал — с течением времени перестал приходиться в пятницу, а все остальные дни был на работе.

В.К.: Как Вы думаете, насколько должна быть жесткой в плане распорядка, расписания жизнь научного работника?

А.С.: Я думаю, что распорядок, регламент для научного работника губительны. Когда люди приходят в институт, это нужно им для координации работы, для координации научно-организационных связей, для общения. Ученый совет нужен для обмена мнениями. Но сидеть здесь, как многие требуют, с утра до вечера... Я думаю, что место ученого — за столом в библиотеке, в своем личном кабинете, в архиве. Конечно, кое-кто, может быть, использует это время не по назначению, порой отвлекаясь на бытовые моменты, домашние, но это тоже жизнь, понимаете? Нельзя давать мозгам постоянную нагрузку с утра до вечера. Это тоже непродуктивно. Нужны периоды, так сказать, передышки мыслительной. И прогулки здесь нужны и прочее, и прочее.

И я согласен с теми, кто говорит, что лучше всего думать во время ходьбы, по вечерам или днем. Я сам на себе это много раз проверял. Когда у меня трудности какие-то организационные, административные, или проблемы, связанные с тем, что не ладится работа над какой-то статьей или главой, я одеваюсь и ухожу, иду, куда глаза глядят. В период этой ходьбы мысль начинает успокаиваться, выстраиваться. Еще Павлов²⁰ говорил, что это очень хорошо может содействовать процессу, в том числе и творческому. Но сажать людей постоянно здесь сидеть с утра до вечера — я думаю, для ученого это бессмысленно. Для администратора — да, для организатора — да, но ученый это особая ипостась человеческая. Это творчество.

В.К.: Вспоминаются рассказы старожилов о временах сталинских, 1950-х годов, когда нужно было каждый день ходить и в Институте присутствовать.

А.С.: Да, я помню эти времена. Я был здесь в Институте. Люди присутствовали. Это правильно, но в то время я что заметил: коридоры институтские были полны. Люди по этим коридорам ходили и дискутировали друг с другом, спорили, обменивались мнениями. Никто на месте не сидел. Я и до сих пор помню коридор третьего этажа — как Зимин, Устюгов, другие ходили по коридору, разговаривали, беседовали, общались. Эти дискуссии коридорные были замечательны, в них рождалось много интересных идей. Я помню, очень часто встречал людей крупного ранга, ученых серьезных, таких, как Любомир Григорьевич Бескровный, Николай Владимирович Устюгов, Виктор Корнельевич Яцунский — доктора наук, известные люди. Под ручку ходили и беседовали друг с другом. Это была жизнь Института. Сейчас посмотрите — коридор пустой. Там нет ни одного человека. Никому не интересно беседовать друг с другом. Может быть, это потому что люди встречаются мало и для этого есть комнаты, где они беседуют и спорят. Может быть, и так. Может быть, почему-то по другому.

В.К.: Можете ли Вы назвать сотрудников Института, которые были моральными авторитетами?

А.С.: Несомненно. Во-первых, конечно, это Черепнин. Это Бескровный. Это Рындзюнский. Это Устюгов. Нечкина авторитет

---

²⁰ Имеется в виду выдающийся русский физиолог И.П. Павлов.

беспорный. Насонов. Так всех сразу не вспомнишь, но вот эта группа докторов. Водарский, недавно умерший, наследник, так сказать, Бескровного и Яцунского. Зимин, несомненный авторитет, абсолютный.

В.К.: Были ли научные школы в Институте?

А.С.: Вы знаете, научные школы, конечно, были, но не у всех. Конечно, можно выделить здесь такие школы, как Бовыкина. Система, школа научная Сидорова и его учеников и его коллег. Научная школа Черепнина. Это истфак, и здесь к этой научной школе относились и Анатолий Дмитриевич Горский, и Анатолий Михайлович Сахаров, и Вадим Иванович Корецкий, и Нина Васильевна Сеницына. Я, грешный, сюда же попадал. Владислав Дмитриевич Назаров. Была школа Тихомирова, ряд его учеников. Грековская небольшая школа была. Конечно, школа исторической географии Яцунского и Бескровного тоже очень серьезная была.

В.К.: А что нужно для того, чтобы сформировалась научная школа?

А.С.: Что нужно? (*усмехается*). Науку любить. Это первое. Верить своему ученому руководителю, своему учителю. И такое состояние, чтобы учитель доверял своему ученику и поверял ему какие-то свои вещи. Конкретная помощь организационная – в смысле работы, печати, продвижения работ, защиты. Тоже очень важно. Вот из этого из всего школа и складывается. Потом, постоянное общение и споры, разговоры научного порядка. Они тоже, дошедшие до нас еще из глубины десятилетий. Это было еще и до революции. Такие беседы были, скажем, и у Милюкова, и у Ключевского, и у Платонова. Все вот это и есть школа.

В.К.: Такая научная школа – неперенный элемент науки? Или без них можно обойтись?

А.С.: Я думаю, что нет. Вот я Вам могу назвать крупнейшего ученого XX века, у которого не было школы: Борис Александрович Рыбаков. Крупнейший археолог, директор Института, видный международный научный деятель. Многие считают себя его учениками по должности, как говорится, по работе. Но это был гигант-одиночка. С другой стороны, такой же гигант Нечкина имела свою школу. Ее ученики – и Рудницкая, и Вандалковская, и Семёнова, и Киреева – до сих пор работают.

В.К.: Следующий вопрос — о взаимоотношениях с иностранцами. Как выстраивались научные связи с границей? Они были? Были ли они сильны и крепки? Или были ограничения, проблемы?

А.С.: Ограничения были. Они регламентировались общими ограничениями жизни советского человека, выезжавшего за рубеж и принимавшего здесь, участвовавшего здесь в контактах с иностранцами. Это накладывало свою печать. Это первое. Второе: за рубеж выезжали на дискуссии, на конгрессы определенных группы, подобранные, утвержденные ЦК КПСС. Это известные ученые, о которых мы с Вами говорили, которые выступали со своими докладами, которые — не думаю, что регламентировались, но — просматривались, наверно, и консультировались. Конечно, свободы не было.

Ситуация еще осложнялась тем, что в идеологическом плане очень многие ученые зарубежные, неплохие ученые и неплохие исследователи, по тем или иным причинам, особенно применительно к XX веку, считались «буржуазными фальсификаторами истории». А раз так, значит, ты уже человек недостойный доверия и почтения в нашем научном марксистско-ленинском ученом мире, понимаете? И все это рухнуло буквально на рубеже 1980—1990-х годов. Мы с этого момента стали частью мировой науки. Думаю, что мы не были до этого частью мировой науки. Мы позиционировали себя как часть науки и выступали на конгрессах, печатались наши статьи за рубежом, но органической частью науки как таковой мы все-таки не были в силу огромного количества ограничений — чисто политических, организационных и идеологических. И вот эта стена рухнула, и действительно наша наука стала наукой общемировой. Мы как бы встроились в эти ряды, понимаете? И они встроились в наши ряды.

Применительно к российской истории я полагаю, что где-то в конце 80-х, в 90-е годы, в начале XXI века ученые нашей страны на основании открытых источников достигли большего, чем ученые зарубежные применительно к этому же периоду. Это любопытно очень. И я встречался со многими учеными по проблемам, связанным с 20—30-ми годами, по которым источники у нас были раскрыты, но еще не были доступны за рубежом, и они оказывались на периферии этих исследований. В этом смысле Институт российской истории занимал и занимает, я думаю, до

сих пор ключевые позиции в исследовании на вновь открытых источниках.

В.К.: То есть в некотором смысле мы лучше свою историю знаем, чем иностранцы? По каким-то историческим сюжетам у иностранцев просто культурные сложности в понимании российской истории.

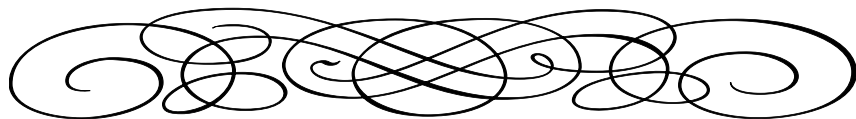
А.С.: Ну, в том числе, да.

В.К.: Завершая, несколько, может быть, философский вопрос. Как занятие исторической наукой сказывается на восприятии мира, на характере человека, на личности?

А.С.: Занятие исторической наукой сказывается на личности человека точно так же, как сказывается творчество. Это творческая наука. Как всякая творческая наука, она в основном абсолютно индивидуальна. Стремление сделать ученого винтиком, неотъемлемой частью коллектива — это, наверно, неплохо помогает в каких-то моментах, но творчество ученого и исследовательская линия его жизни формируют его именно как творческую личность. И с этим связано все остальное. Творческая личность это личность и талантливая, и где-то ограниченная, и где-то очень широкая. Личность, которая очень остро (и порой слишком остро) реагирует на внешние импульсы, на критику, в частности. Личность очень ранимая, к которой надо относиться по-особому. Творческий человек это все-таки человек, наделенный определенным талантом. Он требует к себе отношения не как к обычному человеку, а как к человеку в известной степени уникальному. Я в шутку говорил, что в Институте российской истории каждый человек это штучный товар. И он требует к себе штучного, отдельного отношения. И людей похожих нет. Это надо учитывать, и я старался это учитывать. Может быть, хорошо, может быть, не удавалось мне иногда это делать. По-моему, с точки зрения такой теории, это необходимо совершенно — такой индивидуальный подход к личности, которая формируется под влиянием именно творческих начал.

В.К.: Андрей Николаевич, спасибо Вам большое за интервью.

А.С.: Пожалуйста.

Интервью с доктором исторических наук Валентином Валентиновичем Шелохаевым

Владимир Николаевич Круглов: 9 июня 2016 года, интервью с главным научным сотрудником Института российской истории Валентином Валентиновичем Шелохаевым. Спасибо, что согласились дать нам интервью. И первый вопрос традиционный: расскажите о себе. О том, где Вы родились, из какой семьи приходите, где учились, как пришли к мысли стать историком.

Валентин Валентинович Шелохаев: В двух моих книгах воспоминаний – «Прощание с прошлым»¹ и «Самостояние»² – содержатся, как мне кажется, довольно подробные ответы на Ваши вопросы. Поэтому я отвечаю на них лапидарно, в логике размышлений о выборе профессии историка. Я родился 18 декабря 1941 года и принадлежу к поколению, детство которого пало на годы Великой Отечественной войны, что, видимо, во многом предопределило линию жизненного поведения. Начальный момент осознанного восприятия окружающего мира связан с Днем победы. Навечно врезалась в память ночь с 8 на 9 мая 1945 года, сообщение Левитана о Победе, бурный всплеск эмоций у моих близких, тяжело переживших войну: мамы, бабушки, прабабушки, бабушкиной сестры – тети Шуры. Именно они и воспитывали меня, хотя большую часть времени я оставался на попечении моей прабабушки, ведь остальные много и трудно работали. Все ждали дня Победы, а когда он, наконец,

¹ Шелохаев В. В. Прощание с прошлым. М., 1998.

² Шелохаев В. В. Самостояние. М., 2010.

настал, радость выплескивалась через край. Поэтому для меня лично 9 мая был и остается самым великим и незабываемым Праздником.

По всей видимости, для выбора будущей профессии немало важным было то, что мои детские годы прошли в тесном общении с родичами, принадлежавшими к разным социальным слоям и соответственно имевшими несхожий социальный опыт, по-разному оценивавшими те или иные события. А это уже само по себе вызывало желание вникнуть и разобраться. До 1947 года я воспитывался в семье моего дедушки Петра Алексеевича Полянского, из рода потомственных дворян, и бабушки Марии Фёдоровны, урожденной Диалектовой, из священнического клана. Вместе с тем я постоянно общался с родителями моего отца – Фёдором Семёновичем Шелохаевым, происходившим из крестьян-старообрядцев, и Елизаветой Дмитриевной Смирновой – из среды предпринимателей.

Членов моей большой семьи объединяло служение Родине, отстаивание с оружием в руках ее независимости. Фёдор Семёнович, призванный в 1914 году в армию, окончил Петергофское юнкерское училище, на Юго-Западном фронте дослужился до звания штабс-капитана, награжден несколькими орденами. В годы Гражданской войны он был призван в Красную армию, командовал батальоном в Поволжье. В годы Великой Отечественной он вновь на командных должностях, тяжело ранен под Вязьмой. После девятимесячного пребывания в госпиталях занимался подготовкой строевых частей в тылу. Обе его дочери (мои тети Раиса и Антонина) ушли на фронт добровольно и прослужили в действующей армии до конца войны. Второй его сын Сергей (мой дядя) погиб в боях под Москвой в октябре 1941 года.

Пётр Алексеевич также участник Великой Отечественной (старшина). Кроме того, на фронте сражалось еще немало моих родственников. Мой отец Валентин Фёдорович, кадровый офицер Красной армии, пропал без вести в самые первые месяцы войны, я его знаю только по фотографиям. Поэтому война для меня – очень личная, трагичная история, не просто затронувшая, а перепавшая наше семейство.

Второе, не менее важное для выбора будущей профессии – место рождения человека. Кузнецк, где я родился, был основан

Екатериной II, до революции входил в состав Саратовской губернии. В годы Гражданской войны оказался в эпицентре борьбы с «белочехами», а в годы Великой Отечественной здесь шло формирование частей Красной армии под руководством К.Е. Ворошилова, с которым дедушка Фёдор Семёнович был знаком.

С детских лет я не раз слушал воспоминания о событиях двух революций 1917 года, Гражданской и Великой Отечественной войнах, которые у меня вызывали неизменный интерес, тем более что рассказчики принимали в них непосредственное участие. Что только стоят рассказы Петра Алексеевича о том, как его собирались расстрелять чехи, Фёдора Семёновича — о сражениях Первой Мировой и Гражданской, о кровопролитных боях под Вязьмой. С детства мне хотелось больше узнать об истории своего рода, о родном городе.

Еще одним, как мне кажется, немаловажным фактором явились переезды семьи, что волей-неволей подталкивало к сравнительному анализу, расширяло кругозор. В 1949 году наша семья на десять лет поселилась в деревне Мачкасы, по месту работы моего отчима, ветеринарного врача М.В. Боровикова. Увидеть своими глазами послевоенную деревню — это многого стоит для осмысления реалий жизни. Мне пришлось учиться в сельской школе. Если бы не усилия родителей и привитая мне с детства любовь к чтению, не знаю, как бы сложилась моя судьба. Интерес к книге — во многом заслуга моей прабабушки, которая получила воспитание в монастыре, а также сестры моей бабушки, А.Ф. Диалектовой, окончившей в свое время женскую гимназию. У нас в доме была традиция устного чтения классической литературы, моя мама — учительница словесности — великолепно читала. Думаю, что не школа, а именно домашние традиции сыграли определяющую роль в выборе гуманитарной профессии. Еще в школьную пору меня увлекала историческая литература. По истории всегда были отличные оценки. После окончания (с отличием) семилетки в 1957 году я впервые побывал в Москве. Столица произвела на меня сильное впечатление, подспудно зародилась мысль, что именно Москва — тот город, где бы мне хотелось жить и работать. В конечном счете, моя мечта исполнилась.

Переломным моментом в выборе профессии историка я считаю приобретенный опыт работы. После окончания средней школы

и возвращения в Кузнецк я начал работать в горфо³ в должности инспектора. В течение почти двух лет мне пришлось побывать практически в каждом доме на своем участке, увидеть, как живут люди, с какими проблемами они сталкиваются, каковы их настроения. Невольно сравнивал жизнь горожан и бывших односельчан. Все это совпало со сменой исторических эпох — от сталинской к хрущёвской, что неоднозначно воспринималось представителями разных поколений. Хотелось в этом разобраться самому. Так был сделан выбор в пользу исторического факультета ближайшего университета в городе Саранске. Я не мог и подумать подать документы в МГУ. В те далекие времена школьнику, окончившему сельскую школу, Московский университет казался недостижимой вершиной.

В.К.: А сводила ли судьба в период учебы в школе, может быть даже еще до того, с представителями научных кругов?

В.Ш.: Когда я учился в школе — нет, в университете — да. Зарубежную литературу нам преподавал Михаил Михайлович Бахтин, имя известное. Я до сих пор помню его необычайную манеру чтения лекций. В университете преподавали многие ученые, которые оказались в Саранске в силу несчастливого стечения обстоятельств. Ведь Саранск входил в число городов, где могли жить и работать люди, попавшие в сталинскую опалу. О Бахтине написано немало книг, судьбы многих других еще ждут исследователей. В своих воспоминаниях я назвал поименно всех своих преподавателей, о которых с благодарностью вспоминаю до сих пор.

В.К.: А скажите, много ли из Ваших однокурсников выбрали путь в науку? И ориентировали ли Вас во время обучения в школе, в университете на то, чтобы работать именно по научной стезе?

В.Ш.: С нашего курса путь в науку выбрали единицы. Видимо, это общая тенденция. Никто из преподавателей специально на научную работу не ориентировал. Сам я начал серьезно заниматься научными изысканиями с третьего курса. Но это был мой личный выбор. Темой своей дипломной работы избрал историю народнических организаций в Поволжье. С этого момента начал ездить в Москву для работы в архивах, выписывать по МБА⁴ отечественную и зарубежную литературу.

---

³ Финансовый отдел горисполкома.

⁴ Межбиблиотечный абонемент.

В.К.: Вы упомянули о том, что захотели со временем оказаться в Москве. А в университете до Вас доносили мысль, что в Москве более благоприятные условия для научной деятельности? Вообще как-то ориентировали на Москву?

В.Ш.: Разумеется, никто на Москву не ориентировал, видимо, полагая, что практически это удастся единицам. Более того, у меня не было никаких шансов остаться и в университете, ибо после истории 1963 года, когда меня обвинили в инакомыслии, речь могла идти лишь о направлении в «глубинку». К людям, подвергающим сомнениям догмы, бюрократы, в том числе и от науки, относятся крайне подозрительно. А мы с моими друзьями задались целью осмыслить хрущёвскую эпоху не по передовицам газеты «Правда», а на основе непредвзятого анализа. Естественно, университетскому начальству и общественности наши критические оценки пришлись не по нраву. В дело вмешались надзирающие органы. Поэтому после окончания университета меня отправили преподавателем обществоведения в СПТУ⁵ (село Жуково Торбеевского района Мордовской АССР), где я и проработал два года. Чтобы не похоронить мечты о науке, я принял твердое решение. Во-первых, сдать кандидатский минимум и поступить в аспирантуру МГУ. Во-вторых, продолжить разработку темы дипломной работы. В этом плане мне помог профессор МГУ М. Г. Седов, который к моему большому удивлению ответил на мое письмо. В течение двух лет мы с ним переписывались, а во время визита в Москву состоялась наша беседа у него дома. Так мог поступить только благородный и понимающий человек. Вечная ему память!!!

Переписка и встреча с Седовым действовали вдохновляюще. Вместе с тем Михаил Герасимович предостерегал меня от непродуманных шагов, в частности попытки поступить в аспирантуру МГУ: «Вы можете документы подавать, но у нас приоритет отдают своим». Разговор с деканом исторического факультета МГУ убедил меня в правоте его слов. В итоге я поступил в аспирантуру Института истории Академии наук СССР. Располагался он на улице Дм. Ульянова, где мы сейчас с Вами беседуем. Документы я отправил по почте. Пришел вызов, и я поехал в Москву. Так как кандидатский минимум я сдавал в периферийном университете,

---

⁵ Специальное производственно-техническое училище.

то мне посоветовали пересдать экзамены по философии и отечественной истории. Экзамены мной были сданы на «отлично», реферат по отечественной истории Борис Самойлович Итенберг оценил на «хорошо». В 1968 году я был зачислен в аспирантуру Института и определен в сектор истории капитализма.

В.К.: Ваши первые впечатления об Институте, атмосфере в нем?

В.Ш.: Сотрудники сектора отнеслись ко мне с вниманием, деликатностью и готовностью помочь. Это никогда не забывается. Заведующий сектором Леонид Михайлович Иванов стал моим научным руководителем. Со своей стороны, я испытывал к моим новым коллегам искреннее уважение и признательность, ибо каждый из них был личностью и уже сделал себе имя в науке. Такая же обстановка доброжелательности и подлинного увлечения научными изысканиями царила в те годы и в Институте истории в целом. Это был огромный коллектив, включавший археологов, этнографов, специалистов по всеобщей и отечественной истории. И все они умещались в одном здании. Нас, молодых аспирантов, разместили недалеко от Института, в общежитие на улице Вавилова, за которое в те годы мы платили символическую сумму — 2 рубля 50 копеек в месяц. Завтраки, обеды и ужины в столовой также стоили копейки. Мы жили по трое в комнате со всеми удобствами. Эти условия способствовали усердной работе в архивах и библиотеках. В Институте была своя специализированная библиотека, в которую по МБА можно было выписывать любую литературу.

В секторе, руководимом Л.М. Ивановым, действовали несколько специализированных групп (по истории рабочего класса, крестьянства, народничества), на их заседания приглашались ученые не только из Москвы и Ленинграда, но и из многих республик и научных центров СССР. В те времена ученые имели возможность получать (и не единожды за год) командировки для работы в архивах и участия в конференциях и заседаниях. В структуре Института действовали специальные семинары. Меня привлек семинар под руководством М.Я. Гефтера, о котором я рассказал в интервью, размещенном на сайте фонда имени Гефтера⁶.

---

⁶ Память. Историк. Новый сет интеллектуальных спаррингов на «Гефтере»: В. Шелохаев — О. Волобуев. 21.10.2013 (URL: <http://gefeter.ru/archive/10347>).

В.К.: Расскажите, пожалуйста, подробнее о секторе, в который Вы попали?

В.Ш.: Это был большой научный коллектив. В комнате, где мы с Вами ведем беседу, Вы видите портреты многих выдающихся ученых – сотрудников сектора. Это К.Н. Тарновский, А.Я. Аврех, И.Ф. Гиндин, К.Ф. Шацилло, П.Г. Рындзюнский, Э.С. Виленская, М.С. Волин и многие другие. В секторе были представители разных поколений, что позволяло сохранять преемственность, передавать накопленный опыт. Среди сотрудников были и те, кто прошел сталинские лагеря (С.М. Дубровский и Э.С. Виленская, И.Ф. Гиндин), горнило Великой Отечественной войны, кто вступил на научную стезю в послевоенный период и в годы хрущёвской «оттепели». Нам, молодым аспирантам, было у кого поучиться и выдержке, и полемическому таланту, и мужеству переносить с достоинством гонения бюрократов от науки.

Я с ностальгией вспоминаю то неповторимое время. И прямо скажу, вижу особое благоволение судьбы в том, что и после защиты кандидатской диссертации продолжил работу в секторе. Работа над диссертацией была завершена досрочно, в 1971 году, и меня приняли на работу вначале на должность научно-технического сотрудника, поскольку я не имел московской прописки, а после ее получения – на должность младшего научного сотрудника.

В.К.: А такая атмосфера внутри сектора, как Вы считаете, распространялась на весь Институт, или все-таки в других секторах было иначе?

В.Ш.: Конечно, в отдельных научных подразделениях обстановка различалась. Но мне кажется, что творческая атмосфера была определяющей во всем Институте истории АН СССР. После его разделения в конце 1968 года определенное время сохранялась инерция, которую поддерживало руководство уже нового Института истории СССР во главе с П.В. Волобуевым.

Тенденция к изменению подлинно научного климата наметилась после критики, прозвучавшей со стороны отдела науки ЦК КПСС. Возглавлявший его С.П. Трапезников активно приступил к «выкорчевке» «нового направления в исторической науке», о чем уже сказано и написано довольно много. Прервана была творческая работа гефтеровского семинара, представителей «нового направления», в том числе и из нашего сектора, перевели в другие научные подразделения. Ужесточился идеологический

контроль над докладами и сообщениями, с которыми сотрудники Института должны были выступать на научных конференциях. После смерти Л. М. Иванова в январе 1972 года приступили к «дележу» нашего сектора, как одного из очагов «нового направления». На базе некогда единого сектора возникло два: сектор капитализма под руководством А. М. Анфимова и сектор империализма, выбор начальника которого затянулся. Я оказался в секторе империализма, вскоре преобразованном в сектор истории буржуазно-демократических революций в России, который возглавил В. И. Бовыкин. Вплоть до защиты докторской диссертации в октябре 1984 года исполнял обязанности ученого секретаря сектора.

В.К.: Как Вы думаете, вот эта атмосфера «оттепели» — после XX съезда — сказалась на Институте? И долго ли она продлилась?

В.Ш.: Думаю, что представители «нового направления» воспринимали «оттепель» как попытку отказа от жестких формулировок «Краткого курса», полагая, что настало время для возврата к подлинному прочтению и осмыслению классиков марксизма-ленинизма, для рассмотрения исторического процесса не как одномерного, а именно многомерного исторического явления. В логике такого «нового осмысления» и шла разработка исторической тематики, которая, в частности, получила отражение в знаменитом докладе партбюро Института истории АН СССР в 1965 году. По сути, доклад бюро попытался «просигналить» об идеологических тенденциях, начавших проявляться после октябрьского пленума ЦК КПСС (1964). Представители «нового направления» на ряде научных конференций (1967, 1970, 1972) пытались удержать историческую науку от правого поворота. Однако этого сделать не удалось, ибо рычаги управления находились в иных руках. Можно лишь констатировать, что рубеж 1960–1970-х годов стал переломным временем в исторической науке, что, естественно, не могло не сказаться и на атмосфере в Институте и на тематике исследований в нем.

Хорошо помню, как мы переживали двухдневный разгром «нового направления» в актовом зале на четвертом этаже Института, переводы наших сотрудников в другие подразделения, отказ ВАК утвердить докторскую диссертацию Тарновского, изменения плановых заданий сотрудникам сектора, «критический разбор» монографии С. В. Тютюкина в секторе, недопущение

конференции во Львове в 1972 году, в подготовку которой я вложил немало сил.

В.К.: Влияли ли идеологические разногласия на отношения между сотрудниками, обстановку в секторах, Институте в целом? Скажем, при академике А.Л. Нарочницком, которого считали таким чопорным человеком и, что называется, «посланцем из ЦК»...

В.Ш.: Да, «сэр Алекс», как его звали...

В.К.: Да-да, именно.

В.Ш.: Вы знаете, все же зависит от людей. Личные отношения никак не изменились — как дружили люди, так и продолжали дружить. Что же касается собственно производственных и общественных вопросов, то здесь ситуация, конечно, заметно изменилась

В.К.: В чем это проявилось?

В.Ш.: До прихода Нарочницкого на пост директора научная работа сотрудников состояла в подготовке индивидуальных монографических исследований, на которые, к слову, давалось пять лет, а не четыре, как в наши дни. Нарочницкий же решил сосредоточить усилия Института на подготовке обобщающих трудов по истории рабочего класса, крестьянства и национальных регионов. Видимо, Алексей Леонтьевич считал, что над коллективными трудами легче осуществлять «идеологический» контроль. Впрочем, он допускал и возможность работы над индивидуальными монографиями, лично осуществляя контроль над их тематикой. Так, например, по его личному указанию изменили название моей первой монографии, что, по его мнению, должно было подчеркнуть ее идеологическую направленность. Лично с Нарочницким я общался всего два раза: первый относительно организации избирательной компании, а во второй он мне разрешил работать над темой следующей монографии: «Идеологии и политическая организация российской либеральной буржуазии в 1907–1914 годах»⁷. Что касается коллективных трудов, то они отнимали огромное время, которое тратилось на бесконечное обсуждение глав, их переработку и прочее, и прочее.

---

⁷ Шелохаев В. В. Идеология и политическая организация российской либеральной буржуазии, 1907–1914 гг. М., 1991.

В.К.: Были ли в Институте неформальные лидеры? То есть не начальники, а именно авторитеты с точки зрения научной, личностной?

В.Ш.: Безусловно. Речь, прежде всего, идет об академиках Н.М. Дружинине, М.В. Нечкиной, Л.В. Черепнине, И.И. Минце, члене-корреспонденте В.Т. Пашуто, которые возглавляли научные советы по своей тематике, выступали в роли организаторов, проводили научные конференции, в которых принимали участие представители научных и преподавательских центров всего СССР. Роль неформальных лидеров выполняли и многие доктора и кандидаты исторических наук, например, К.Н. Тарновский, А.Я. Аврех, В.И. Бовыкин, И.Ф. Гиндин. Представители других секторов, безусловно, назовут своих неформальных лидеров.

В.К.: К ним прислушивались директора, руководители секторов?

В.Ш.: В любом научном коллективе имеется своя формальная и неформальная координация творческих усилий. Все зависит от обстоятельств собственно исследовательского и личностного плана. Так, роль академиков в Институте была весьма велика и к ним, разумеется, прислушивались и директора, и сотрудники. Не менее велика роль руководителя сектора, если он действительно обладает научным авторитетом. Он может оказать влияние на выбор исследовательской темы своих сотрудников, определяет климат в научном подразделении. Мне, в принципе, с руководителями секторов везло.

Конечно, какие-то шероховатости в работе больших коллективов неизбежны, но если руководитель не только талантлив, но и открыт для творческого диалога, ситуация, как правило, складывается плодотворная. Так, на протяжении почти 15 лет моего ученого секретарства у нас с Бовыкиным конфликтов не возникало, а трения преодолевались переговорным путем. Вообще, сектор истории буржуазно-демократических революций в России всегда занимал лидирующие позиции в Институте, а его сотрудники часто поощрялись.

В.К.: Были ли запретные темы, по которым нельзя было писать?

В.Ш.: Ученые — народ сообразительный. Кое-что они складывают в стол до благоприятных времен или используют какие-то обходные маневры. Приведу пример со сборником «Политичес-

кие партии России. Количественный анализ»⁸, который делался вне всякого плана, по моей инициативе при помощи приглашенных ученых из высших учебных заведений. Для того чтобы опубликовать его в Институте, Бовыкин попросил отдать его на рецензирование сотрудникам ИМЛ при ЦК КПСС. Рецензии написали К. В. Гусев и Л. М. Спирин, после такой «страховки» Валерий Иванович дал «добро» на публикацию. Примерно то же произошло и с коллективной монографией «Непролетарские партии в России. Урок истории»⁹, когда Гусев непосредственно обращался к помощнику одного из высоких сотрудников партийного аппарата. То есть при некоторой настойчивости можно было публиковать коллективные и индивидуальные монографии и в условиях идеологического прессинга. Правда, мне так и не удалось опубликовать «Партийную карту» в Атласе, который готовился в группе исторической географии Я. Е. Водарского¹⁰. Лишь спустя годы, в постсоветское время, что-то похожее на нее было опубликовано.

В.К.: А с доступом к архивам какие были трудности, проблемы, препоны?

В.Ш.: Опять же архивы разные, и люди в них работают разные. У меня лично сложились хорошие отношения с руководством архивов в Москве и Ленинграде. Вместе с тем с архивом ИМЛ — центральным партийным архивом — договориться было невозможно: дела выдавали дозированно, затем выписки «прореживали ножницами» и пересылали в спецотдел Института. В государственных архивах режим был гораздо мягче. Везде есть лазейки и прорехи, ибо власть все тотально контролировать не может.

В.К.: Вот как раз о власти, о директорах Института в 1970—1980-х годах что можете сказать, каковы Ваши впечатления

⁸ Политические партии России в период революции 1905—1907 гг.: количественный анализ. Сборник статей / отв. ред. А. П. Корелин. М., 1987.

⁹ Непролетарские партии России: урок истории / под общ. ред. И. И. Минца. М., 1984.

¹⁰ В Институте истории АН СССР, а с 1968 г. — в Институте истории СССР (с 1992 г. — в ИРИ РАН) велась работа по созданию фундаментального исторического атласа страны. В 1967 г. был опубликован список карт его 1-го тома (263 карты досоветского периода), однако до сих пор этот труд не завершен.

о них? Насколько легко можно с ними было пообщаться, как они способствовали (или наоборот, не способствовали) научной деятельности?

В.Ш.: С директорами я общался исключительно по служебным делам и по их личному вызову. Будучи секретарем комсомольской организации Института, два раза общался с академиком Б.А. Рыбаковым — исключительно по делам комсомола. С П.В. Волобуевым общался чаще, ибо он по своей тематике был самым тесным образом связан с сектором капитализма. Несколько раз встречался с ним во время подготовки Всероссийской конференции во Львове в 1972 году, проведение которой было запрещено отделом науки ЦК КПСС. С академиком А.Л. Нарочницким, как уже говорил, общался всего два раза, а с С.С. Хромовым — один раз, когда был переведен на работу в ИМЛ при ЦК КПСС. Опыт этих встреч лично меня никак не воодушевлял.

В.К.: Почему?

В.Ш.: К ним надо идти исключительно по их вызову, а не по личной инициативе.

В.К.: Есть вопрос об общественных настроениях и общественной жизни. Из чего она состояла, помимо собственно научной деятельности?

В.Ш.: Общественная жизнь в Институте была разнообразной. Это общеинститутские собрания — и партийные, и профсоюзные (то же в секторах), разного рода юбилейные даты, например, 50-летие Института, вечера художественной самодеятельности с приглашением артистов театров, встречи, организуемые сами сотрудниками. Часто приглашались выдающиеся полководцы, видные политические и общественные деятели, крупные отечественные и зарубежные ученые. Пришлось мне несколько лет быть членом народного контроля, который призван был контролировать выполнение плановых заданий сотрудниками Института.

В.К.: Кто все это организовывал?

В.Ш.: Партком и профком. В моей памяти остались памятные встречи с маршалом СССР И.Х. Баграмяном, президентом АН СССР А.П. Александровым, Т. Хейердалом. А какие в Институте были «капустники», в которых принимали активное участие доктора и кандидаты наук! Всем, уверен, памятны стихи Л.Н. Пушкарёва об истории Института.

В.К.: Получается, была жизнь организуемая, скажем так, и неформальная, которая велась самими сотрудниками. Что можно отнести к последней?

В.Ш.: Неформальная это «капустники». А по секторам мы, конечно, все праздники отмечали.

В.К.: Вы пришли в Институт, это уже было?

В.Ш.: Было.

В.К.: То есть это давняя традиция?

В.Ш.: Да. Потом все как-то ушло.

В.К.: Когда?

В.Ш.: Думаю, что процесс «ухода» совпал с разгромом «нового направления» и с закручиванием идеологических гаек. Живая общественная жизнь стала подменяться помпезными обсуждениями творений Л. И. Брежнева, которые проходили в том же актовом зале на четвертом этаже.

В.К.: Был ли контроль за посещением сотрудников?

В.Ш.: Существовали контрольные тетради, где сотрудник должен был фиксировать свое пребывание в течение рабочей недели. Временами проверки этих записей осуществляли сотрудники отдела кадров. Иногда прибытие сотрудников регистрировалось у дверей Института. Каких-то особых случаев мне на память не приходит.

В.К.: А как дело обстояло с периодом «закручивания гаек» во время правления Ю.В. Андропова?

В.Ш.: Мне известен один случай, когда «поймали» П.В. Волобуева, который по состоянию здоровья вынужден был обратиться в рабочее время в академическую больницу.

В.К.: Опять-таки повседневная жизнь: присутственные дни всегда были вторник и четверг?

В.Ш.: На моей памяти это было именно так.

В.К.: Из Института можно было, что называется, «вылететь», быть уволенным и за что? Были такие случаи?

В.Ш.: Для академических институтов это была большая редкость. На моей памяти из Института, правда, по сугубо идеологическим причинам, был вынужден уйти М.Я. Гефтер. За невыполнение плана мог грозить выговор. Выше я говорил, что представителей «нового направления» переводили в другие подразделения.

В.К.: То есть учеными не разбрасывались?

В.Ш.: Думаю, что суть дела в высоком авторитете, который по праву имела Академия наук, причем не только в СССР, но и за рубежом.

В.К.: Насколько были интенсивны связи между советскими историками и зарубежными? И какие возможности были для коммуникации с заграницей в 1970–1980-е годы в Институте?

В.Ш.: Хороший вопрос. Значительная часть сотрудников академических институтов, включая и наш Институт, владела одним-двумя иностранными языками, то есть могли читать, переводить, общаться. В нашем секторе регулярно делались сообщения о новинках зарубежной историографии, писались рецензии на научные труды. Довольно часто зарубежные историки выступали на секторе с докладами. Мне не раз приходилось встречать и сопровождать зарубежных ученых. Один раз вызывали в отдел кадров, где попросили написать докладную записку об одном иностранном ученом, что я категорически отказался сделать. В Институте был специальный сектор зарубежной историографии, который возглавлял В.И. Салов, под редакцией которого была написана монография о зарубежной историографии трех российских революций¹¹. В секторе работали сотрудники с великолепным знанием иностранных языков, и они могли дать справку по любой зарубежной монографии или статье.

В.К.: А могли ли советские историки выезжать за рубеж для участия в конференциях?

В.Ш.: Далеко не все. Предпочтение отдавалось академикам, членам-корреспондентам, членам Отделения истории. Некоторые сотрудники сектора истории капитализма участвовали в работе Международного исторического конгресса в Москве в 1970 году. Я в международных симпозиумах начал участвовать уже в пост-советскую эпоху.

В.К.: Теперь вопрос о материальном положении научного сотрудника Института: уровень зарплат, льготы, привилегии...

В.Ш.: В советский период отношение к науке измерялось не материальными показателями. В науку, как правило, шли не за заработком, а по зову души. Когда я выбирал будущую профессию, у меня не возникал вопрос: сколько мне будут платить, хватит или

---

¹¹ Критика основных концепций современной буржуазной историографии трех российских революций / отв. ред. И.И. Минц. М., 1983.

не хватит для существования. Как мне кажется, все эти вопросы появились уже в постсоветскую эпоху, когда во все и вся стала вторгаться торгашеская психология.

Вместе с тем подчеркну, что советская власть с большим пиететом относилась к науке и ученым, прекрасно понимая значение науки для развития общества и укрепления обороноспособности страны. Как известно, многие выдающиеся историки, в том числе работавшие в Институте, являлись лауреатами Сталинской премии, причем разных степеней. Лично по распоряжению Сталина после войны в Подмоскovie были построены несколько академических поселков, в которых сотрудники АН получили в личную собственность коттеджи. Что касается времени моего пребывания в Институте, то могу сказать следующее. Академия содействовала строительству кооперативов для сотрудников, имела сеть санаториев, домов отдыха, разветвленную сеть медицинского обслуживания. Доктора и кандидаты получали довольно высокую заработную плату (320–400 рублей в месяц), которая позволяла им безбедно жить, покупать книги, выписывать газеты и журналы (причем не только сугубо профессиональные), регулярно посещать театр и кино, с комфортом проводить летние длительные отпуска. Следует также сказать, что некоторые сотрудники работали по совместительству в высших учебных заведениях. Правда, для этого требовалось получить разрешение парткома Института, который учитывал, как тот или иной сотрудник справляется с выполнением плановых заданий.

В.К.: Извините, это и членам партии, и не членам партии?

В.Ш.: Да, всем. Разрешение давалось тем сотрудникам, которые своевременно выполняли плановые задания. Причем количество часов работы по совместительству также учитывалось, не больше полставки. В отличие от нынешних времен, когда сотрудники должны платить за свои публикации, в те времена все было иначе: за свои публикации в журналах сотрудники получали гонорар. Причем платили довольно прилично. Я помню, за первую статью в журнале «История СССР», которую я опубликовал, еще будучи аспирантом¹², мне заплатили 70 рублей.

В.К.: А Вы сами преподавали?

---

¹² Шелохаев В. В. Оценка В. И. Лениным кадетской партии (1905–1907 гг.) // История СССР. 1970. № 2. С. 141–152.

В.Ш.: Я начал преподавать на подготовительных курсах. Затем — в Высшей партийной школе, читал лекции для иностранных студентов, в РГГУ, МГОУ. Так что я профессор не по науке, как говорится, за подготовку аспирантов, а по кафедре.

В.К.: Такой вопрос: преподавание помогает или мешает занятию наукой? Не отвлекает?

В.Ш.: Безусловно, помогает. Более того, способствует расширению кругозора, обращению к изучению смежных дисциплин. Для академического сотрудника крайне важно выйти за узкие рамки своего предмета и объекта исследования, образно говоря, на оперативный простор исторической науки как целого. Это позволяет более объемно видеть и то, чем ты занимаешься. Скажу, что работа с молодежью — одно из увлекательных занятий. На момент разговора с Вами мной подготовлено 34 доктора и кандидата исторических наук, которые трудятся уже в качестве преподавателей и научных сотрудников во многих регионах страны, в том числе и в нашем Институте.

В.К.: А что скажете о довольно активно обсуждающейся сейчас идее, что наука должна быть при ВУЗах, образовательных учреждениях?

В.Ш.: Я считаю, что в современных реалиях это утопия. Нагрузки современного преподавателя сейчас под 1000 часов в учебный год. Ему бы физически это вынести. Во времена моего преподавания полставка профессора составляла всего 250 часов.

В.К.: В 1987 году Вы перешли на работу в ИМЛ при ЦК КПСС. Это с чем было связано?

В.Ш.: Мой друг В.В. Журавлёв, который был назначен заместителем директора ИМЛ, пригласил меня и еще ряд сотрудников Института перейти на работу в ИМЛ. Мне было предложено возглавить сектор истории РСДРП дооктябрьского периода. Я получил возможность, во-первых, реализовать собственную научную программу исследований, а во-вторых, сформировать под ее реализацию коллектив молодых сотрудников. После окончания своей плановой темы сдачей монографии, которая была рекомендована Ученым советом Института к печати, я предложение Журавлёва принял и по приказу был переведен из Института истории СССР в Институт марксизма-ленинизма. Вот именно так обстояло дело. Я был убежден в том, что у меня появится больше возможностей для реализации своих научных планов.

В.К.: Вы там центр возглавили?

В.Ш.: Сектор истории РСДРП дооктябрьского периода.

В.К.: Вопрос вот с чем связан. Вы прервали контакты с Институтом истории или они сохранились?

В.Ш.: Никаких контактов ни я с Институтом не прерывал, ни Институт со мной. Более того, эти контакты еще более расширились, особенно в процессе подготовки «Очерков по истории КПСС»¹³. Практически одновременно или с некоторым интервалом в ИМЛ перешли сотрудники Института истории А.П. Ненароков, В.А. Козлов, Г.А. Бордюгов, Н.И. Канищева. Ненароков и Козлов возглавили сектора. Для написания «Очерков» в ИМЛ был также откомандирован С.В. Тютюкин.

В.К.: Вы застали в Институте «перестроечные» веяния? Или уже это было в ИМЛ?

В.Ш.: Да, в ИМЛ.

В.К.: То есть Институт истории еще какое-то время после 1985 года жил по-прежнему, в старой обстановке?

В.Ш.: Я думаю, что ИМЛ к тому времени начал опережать академические институты, которые традиционно консервативны.

В.К.: Как Вы восприняли «перестройку»?

В.Ш.: Желаящий получить ответ на этот вопрос может обратиться к моим воспоминаниям и дневникам, в которых подробно, по сути, день за днем зафиксированы мои впечатления о сложности и неоднозначности восприятия замысла и хода процесса «перестройки». Так, работая над «Очерками», мы, в отличие от прежних времен, получили максимально возможный доступ к архивным документам и материалам, чем я и Станислав Васильевич были крайне довольны. Это было настоящее исследовательское пиршество, мы «с головой» погрузились в изучение архивных источников и написание текстов. Естественно, во время прогулок с Станиславом Васильевичем мы обсуждали все то, что происходило в стране, и, естественно, нам многое не нравилось. Тем не менее, до начала 1990-х годов сохранялась определенная надежда на преодоление критических ситуаций, которые стали возникать одна за другой. Работу

---

¹³ К 1990 г. были подготовлены первые две книги, охватывавшие дооктябрьский период, однако события 1991 г. помешали завершению работы над «Очерками».

по написанию своего раздела мы выполнили в срок, а некоторое время спустя издали совместную монографию «Марксисты и революция».

Работа в ИМЛ, который считался одним из центральных идеологических учреждений КПСС, давала возможность присутствовать на встречах с ведущими партийными идеологами, слушать их выступления и отслеживать, как это согласовывалось с делами. Зачастую становился очевиден «зазор» между словесными декларациями и реальными шагами. К слову, это всецело относилось и к подготовке «Очерков». Можно проследить, как менялось отношение к ним А. Н. Яковлева.

В.К.: То есть это чувствовалось в речах?

В.Ш.: Да. Замахнулись широко, а что конкретно делать — не знали. Получилось по Чернобырдину: хотели как лучше, а получилось как всегда. Если и русская поговорка: без брода не суйся в воду. Сунулись и утопили СССР. После его развала наступили тяжелые испытания. ИМЛ был ликвидирован и на его базе, но уже на основе иных принципов, был создан Российский институт социальных и национальных проблем (РНИСиНП), в котором я в должности главного научного сотрудника и руководителя программы «История политических партий России» проработал десять лет.

С группой энтузиастов нам удалось создать ряд принципиально новых институтов и структур (Институт общественной мысли, издательство «Российская политическая энциклопедия»), издать 14 фундаментальных энциклопедий, 64 тома «Политические партии России. Документальное наследие», реализовать немало обобщающих проектов по отечественной истории, подготовить линейку школьных учебников по отечественной истории, учебники для ВУЗов по истории политических партий.

В.К.: Это были очень плодотворные годы?

В.Ш.: Безусловно. Дай русскому человеку волю, освободи его от административных и идеологических пут — он гору, как говорится, свернет. РНИСиНП, ИОМ, РОССПЭН являлись структурами нового типа, позволяя реализовывать «цепочку»: публикация архивных источников, их анализ и издание готовой продукции. Все вопросы решались в едином мозговом центре и реализовывались по единой программе.

В.К.: Почему прекратил свое существование РНИСиНП?

В.Ш.: Распоряжением правительства его здания были переданы Российскому социальному университету, а нас просто вынудили уйти с этой территории. Пришлось историкам перебазироваться в РГАСПИ, где был создан отдел публикации источников, в котором я так же проработал десять лет. В 2002 году группа участников проекта «Политические партии России» получила Государственную премию.

В.К.: Почему Вы возвратились в Институт российской истории?

В.Ш.: Как только РГАСПИ стал казенным учреждением, заниматься в нем творческой работой оказалось невозможно. Едва ли нужно пояснять, что такое казенное учреждение. В это время в ИРИ сменилось руководство, и новый директор Ю.А. Петров пригласил меня сменить на посту заведующего Центром «История России XIX – начала XX веков» А.П. Корелина, давно стремившегося уйти в отставку. Юрия Александровича я знаю с аспирантских времен его пребывания в секторе истории буржуазно-демократических революций. Он сразу же проявил себя как талантливый человек, способный генерировать и реализовывать новаторские идеи. Затем мы многие годы сотрудничали в РГНФ. Работать с талантливыми людьми всегда приятно. Поэтому я без колебаний принял его предложение и в апреле 2012 году возвратился в родные пенаты.

В.К.: Как Вы оцениваете реформу РАН?

В.Ш.: Я считаю ее совершенно непродуманной акцией, которая уже принесла и еще принесет немало вреда академической науке. По сути, была совершена стратегическая ошибка и при объединении разного типа академий, и при определении статуса будущей единой Академии. Мне говорить об этом очень и очень прискорбно.

В.К.: Несколько вопросов, если Вы еще не устали.

С высоты Вашего опыта в Институте истории СССР и Институте российской истории можете выделить в нем научные школы, выдающихся историков? Может быть, самого выдающегося?

В.Ш.: В академических коллективах, мне кажется, трудно назвать самого-самого. Их много, это и нормально. Мне с детства импонируют талантливые люди, вне зависимости от того, какое место они занимают в каких-либо структурах или какой отраслью знания занимаются. В моей памяти навсегда сохранились обра-

зы М.М. Бахтина, М.Я. Гефтера, моего научного руководителя Л.М. Иванова, И.Ф. Гиндина, К.Н. Тарновского, А.Я. Авреха, моих друзей и соавторов С.В. Тютюкина, П.Н. Зырянова, а также многих других сотрудников бывших секторов капитализма, империализма, истории буржуазно-демократических революций. Стоит повернуть голову — и Вы увидите их портреты.

В.К.: Есть точка зрения, что историк это в первую очередь одиночка, который работает над своей темой, и коллективная работа для него либо второстепенна, либо вообще пагубна.

В.Ш.: Я не согласен с этой точкой зрения. В этом меня убедил опыт работы и над индивидуальными монографиями, и над коллективными трудами. Если работу выполняют единомышленники, которые разделяют основную идею коллективного труда, то это большой плюс. Если же сотрудника заставляют участвовать из-под палки и он не разделяет основной идеи, то дело, как правило, оканчивается безрезультатно. В любое дело человек должен вкладывать свою душу.

В.К.: В заключение вопрос общего характера: как занятие историей сказывается на восприятии мира?

В.Ш.: Очень хороший вопрос. В моей книге «Самостояние» этому уделено большое внимание. Историк, на мой взгляд, потрясающая специальность. Если к истории как к науке относиться серьезно, то она способствует обрамлению природного дара, дает возможность познать мир как целое.

В.К.: А можно ли при этом ориентироваться на текущую общественно-политическую ситуацию? Есть фраза: «История это политика, опрокинутая в прошлое».

В.Ш.: Глупости все это. Мой историографический и публикаторский опыт убедительно показывает, что любые идеологии преходящи и попытка под них так или иначе подладится рано или поздно оканчивается фиаско для самого исследователя.

В.К.: Пожалуй, последний вопрос: не жалеете ли Вы о выборе профессии?

В.Ш.: Разумеется, нет. Я сделал свой выбор сам.

В.К.: Человек — творец своей судьбы.

В.Ш.: Конечно.

В.К.: Спасибо Вам огромное.

Именной указатель

- Авдиев Всеволод Игоревич (1898–1978) – д.и.н. (1943), египтолог, дир. Ин-та востоковедения АН СССР. 311, 394
- Аветян Андрей Сергеевич (1929–1992) – д.и.н. (1983), спец. по востоковедению и рус.-герм. связям. В 1952–1957 – преп. ЕреванИИЯ и РусГПИ; 1957–1960 – нс сектора востоковед. АН Арм. ССР; 1961–1968 – нс ИВ АН СССР; 1968–1975 – нс ИВИ МО СССР; с 1975 – нс ИИ СССР АН СССР. 281
- Аврех Арон Яковлевич (1915–1988) – д.и.н. (1967). Участник ВОВ. С 1954 – мнс, снс (с 1963), снс-конс. (с 1982), внс-конс. (с 1986) ИИ АН СССР (ИИ СССР АН СССР). 17, 114, 210, 334, 346, 351, 411, 424, 437
- Автократова Мария Игоревна (1928–2008) – архивист, директор ЦГАДА (1969–1987). 386
- Адамов Владимир Васильевич (1914–1985) – к.и.н. (1954), спец. по ист. России кон. XIX – нач. XX в. Участник ВОВ. В 1943–1974 – в Уральск. ГУ: преп., доц., зав. каф. ист. СССР (1966–1974). 343, 346
- Адо Анатолий Васильевич (1928–1995) – д.и.н. (1968), спец. по ист. Франции. С 1953 – преп., доц., проф. ист. ф-та МГУ. 320
- Азовцев Николай Николаевич (1913–1990) – полк., д.и.н., спец. по ист. Гражд. войны, снс ИВИ МО СССР. 47
- Александров Анатолий Петрович (1903–1994) – физик, акад. АН СССР (1953). В 1975–1986 – през. АН СССР. 135
- Алексеева Галина Дмитриевна (1932–2016) – д.и.н. (1984), спец. по ист. сов. ист. науки. С 1960 – нс, снс, внс ИИ АН СССР (ИРИ РАН). 103
- Аллилуева Светлана Иосифовна (1926–2011) – к.филол.н. (1954), переводчица, мемуаристка. В 1956–1967 – нс ИМЛИ АН СССР. В 1967–1984 и с 1986 – в эмиграции. Дочь И.В. Сталина (Джугашвили). 319
- Алпатов Михаил Антонович (1903–1980) – д.и.н. (1966), спец. по ист. европ. ист. мысли, историограф, медиевист. С 1954 – снс ИИ АН СССР–ИИ СССР АН СССР. 99

- Амиантов Юрий Николаевич (1930–2011) – архивист, сотр. Центр. парт. архива ИМЛ при ЦК КПСС, РГАСПИ. Публикатор док-тов сов. эпохи. *240*
- Ананьич Борис Васильевич (1931–2015) – д.и.н. (1970), спец. по экон. ист., акад. РАН (1994). *100, 279*
- Анисимов Максим Юрьевич (р. 1974) – к.и.н. (2006), спец. по ист. межд. отн. XVIII в. Снс ИРИ РАН. *390*
- Антонов–Овсеенко Владимир Александрович (1883–1938) – уч. рев. движ., сов. парт., гос. и воен. деят. Репрессирован. *333*
- Анфимов Андрей Матвеевич (1916–1995) – д.и.н. (1966), спец. по агр. ист. России кон. XIX – нач. XX в. Участник ВОВ. С 1956 – мнс, 1962–1971 и 1974–1986 – снс, 1971–1974 – зав. секторами, с 1986 – внс; 1991–1992 – внс-конс. ИИ (ИИ СССР) АН СССР. 1967–1972 – пред. Ком. по ист.с. х-ва и крест-ва СССР. *131, 211, 268, 276–277, 342–344, 346, 425*
- Арутюнов Сергей Александрович (р. 1932) – этнолог, историк, д.и.н. (1970), чл.-кор. АН СССР (1990). *252*
- Арциховский Артемий Владимирович (1902–1978) – д.и.н. (1940), спец. по ср.-веков. археологии Руси, чл.-кор. АН СССР (1960), первооткрыватель берестяных грамот. *94, 194, 311*
- Архипов Никита Деевич (род. 1940) – археолог, д.и.н. В 1967–1991 – преп. археол., ист. и филос. Сургут. ГУ; 1992–2006 – зав. каф. культурол. Удмурт. респ. гимназии им. М.А. Алексеева. С 2012 – проф. Миас. политех. ин-та. *83*
- Архипова Татьяна Григорьевна (р. 1941) – д.и.н. (1992), спец. в обл. ист. гос. учрежд. России XX–XXI вв. Проф. РГГУ. *259*
- Афанасьев Юрий Николаевич (1934–2015) – д.и.н. (1981), полит. деят. В 1986–1991 – ректор МГИАИ. Основатель РГГУ. *102*
- Ацаркин Александр Николаевич (1904–1988) – д.и.н. (1964). С 1946 – преп., доц., проф. каф. ист. КПСС ист. ф-та МГУ. *310*
- Бабаджян Ара Арноевич (р. 1953) – эстрадн. певец, актёр, обществ. деят. Сын комп. А.А. Бабаджяна, рук фонда его памяти. *143*
- Бабичев Дмитрий Савельевич (1915–197?) – к.и.н., доц. Рост. ГУ, авт. кн. «Донское труд. казач-во в борьбе за власть Советов» (1969). В 1936–1946 в РККА/СА, майор. Участник ВОВ. *46*
- Базилева Зинаида Петровна (1889–1965) – спец. по биографии А.И. Герцена. *102*

- Базилевич Константин Васильевич (1892–1950) – к.и.н., проф., спец. по ист. России XVI в. Участник 1-й Мир. и Гражд. войн. В 1922–1929 – нс ГИМ; 1930–1950 – преп., проф. МГУ; одно-врем. в 1936–1950 – снс ИИ АН СССР. 309, 394
- Басовская Наталия Ивановна (1941–2019) – д.и.н. (1988), проф., спец. по ср.-веков. ист. С 1971 – преп. МГИАИ–РГГУ. 140–141
- Бахрушин Сергей Владимирович (1882–1950) – чл.-кор. АН СССР (1939), действ. чл. АПН РСФСР (1945). С 1934 – преп., проф. МГУ. С 1936 – нс ИИ АН СССР, с 1940 – зав. сектором ист. России до XIX в. 309, 394, 397
- Бахтин Михаил Михайлович (1895–1975) – литературовед, фи-лософ, теоретик европ. культуры и иск-ва. 421, 437
- Берхин Илья Борисович (1908–1992) – д.и.н. (1957), проф., спец. по сов. ист. Участник ВОВ. В 1946–1950 и 1956–1989 – нс ИИ (ИИ СССР) АН СССР; 1950–1956 – преп. МГИМО. 84
- Бескровный Любомир Григорьевич (1905–1980) – д.и.н. (1950), проф. Участник ВОВ. С 1955 – в ИИ (ИИ СССР) АН СССР: снс, зав. сектором; пред. Науч. сов. по ист. геогр. и картогр. ОИ АН СССР. Засл. деят. науки РСФСР (1970). 348, 378, 414–415
- Бехтерев Владимир Михайлович (1857–1927) – физиолог, пси-хиатр, основоп. рефлексологии и патопсихологического напр. в России. 303, 332
- Бирон Анатолий Карлович – д.и.н. (1971), проф. Риж. ГУ, спец. по историографии. 99
- Бобров Всеволод Михайлович (1922–1979) – футболист, хокке-ист, тренер. 165
- Бовыкин Валерий Иванович (1927–1998) – д.и.н. (1967). С 1952 преп. ист. ф-та МГУ. С 1969 – зам. дир., зав. сектором ИИ СССР АН СССР. 16, 31, 79, 157, 181, 194, 264, 269, 277, 279, 342, 344, 348, 390, 415, 425, 427–428, 476
- Богданов Андрей Петрович (р. 1956) – д.и.н. (1994), спец. по ист. рус. культуры, гос-ва и церкви пер. феодализма. С 1989 – в ИИ СССР АН СССР–ИРИ РАН: нс, снс, внс. Чл. СП Рос-сии. 145
- Бокшанин Анатолий Георгиевич (1903–1979) – д.и.н., проф. МГУ, историк античности. Авт. учебников по ист. Др. Рима для высш. школы. 82

- Бонч-Бруевич Владимир Дмитриевич (1873–1955) – участник рев. движ., организатор науки. С 1947 – зав. сектором ист. религии и атеизма ИИ АН СССР. 326
- Борейша Ежи Войцех (1935–2019) – спец. по истории Польши XIX в., польск. эмиграции. 120, 122
- Борисов Юрий Степанович (1929–1998) – д.и.н. (1977), спец. по ист. коллективиз. и сов. культуры. В 1952–1970 – мнс, снс, уч. секр. ИИ АН СССР; 1971–1977 – зав. каф. ВКШ при ЦК ВЛКСМ; 1977–1980 – проректор МГИАИ; с 1980 – снс, зав. сектором, рук. центра по изуч. отеч. культуры ИИ СССР АН СССР (ИРИ РАН). 239, 241, 245
- Бородкин Леонид Иосифович (р. 1946) – д.и.н. (1993), спец. по экон. ист., чл.-кор. РАН (2016), проф. МГУ. 273
- Бочкарёв Валентин Николаевич (1880–1967) – д.и.н. (1944), проф., спец. по ист. России XIV–XVI вв., историографии. 393
- Боханов Александр Николаевич (1944–2019) – д.и.н. (1993), спец. по ист. России XIX – нач. XX в. В 1971–2011 – мнс, снс, внс ИИ СССР АН СССР (РАН). 2011–2013 – гнс Рос. ин-та стратег. иссл. 269
- Бромлей Юлиан Владимирович (1921–1990) – д.и.н. (1964), спец. по ср.-веков. ист. славян, теории этнологии. Акад. АН СССР (1976). С 1966 – дир. Ин-та этнографии АН СССР. 320
- Бугай Николай Фёдорович (см. Сведения об интервьюируемых). 3, 6, 35, 45, 54, 148, 473
- Буганов Виктор Иванович (1928–1996) – д.и.н. (1969), чл.-кор. РАН (1994). С 1955 – нс ИИ АН СССР–ИИ СССР АН СССР–ИРИ РАН, зав. центром. 24, 31, 56, 95, 131, 211, 348, 407
- Булдаков Владимир Прохорович (см. Сведения об интервьюируемых). 3, 6, 43, 49, 59, 206, 474
- Булыгин Илья Андреевич (1923–1996) – д.и.н. (1978), спец. по ист. России XVIII в., археограф. Участник ВОВ. В 1955–1992 – мнс, снс, внс ИИ АН СССР–ИРИ РАН, проф. УДН. 95
- Бунтман Сергей Александрович (р. 1956) – рос. журналист и радиовед., переводчик, педагог. 258
- Бурджалов Эдуард Николаевич (1906–1985) – д.и.н. (1968). В 1930-е – нс ред. «Ист. гражд. войны». В 1953–1957 – зам. гл. ред. ж-ла «Вопр. ист.»; в 1957–1959 – нс ИИ АН СССР; в 1959–1972 – доц., проф. каф. ист. СССР МГПИ. 353, 362

- Бурлацкий Фёдор Михайлович (1927–2014) – д.ф.н., рук. группы консультантов отд. ЦК КПСС по связям с ком. и раб. партиями соц. стран. В 1971–1989 – зав. каф. маркс.-лен. филос. в Ин-те обществ. наук при ЦК КПСС. 356
- Бурылин Дмитрий Геннадьевич (1852–1924) – иваново-вознесенский фабрикант, меценат и коллекционер, предст. старообр. купеч. династии. 292–294
- Быстрова Нина Евгеньевна (р. 1958) – д.и.н. (2006), спец. по ист. внеш. политики и межд. отн. в XX в. С 1982 – в ИИ АН СССР–ИРИ РАН, уч. секр. ИРИ. 356
- Бэрн Сэмюэль Х. (р. 1921) – амер. историк-славист. Проф. ун-та Чапел-Хилл (шт. Сев. Каролина). В 1963 выпустил кн. «Плеханов – основоположник рус. марксизма», выдержавшую немало переизд. на мн. языки мира (в том числе русский в 1998). 385
- Вайткавичюс Бронюс Юозович (р. 1926) – д.и.н., проф. Вильнюс. ГУ, спец. по ист. Литвы. Участник ВОВ. 99
- Ванаг Николай Николаевич (1899–1937) – д.и.н., проф., с 1934 – зав. каф. ист. СССР ист. ф-та МГУ; с 1933 также – зам. дир. ИИ АН СССР. Арест. в 1936 за «уч. в контррев. орг-ции» и расстрелян. 341–342
- Вандалковская Маргарита Георгиевна (см. Сведения об интервьюируемых). 3, 6, 94, 339, 415, 474
- Введенский Андрей Александрович (1891–1965) – д.и.н. (1946), спец. по ист. России XVI–XVIII вв., вспомогат. ист. дисциплин. В 1920-е преп. в вузах Петрограда–Ленинграда. В 1941–1943 – проф. Уральского ГУ, в 1943–1944 – зав. каф. ист. СССР Объед. укр. ун-та. После войны – проф. Киев. ГУ. 106, 110
- Вебер Борис Георгиевич (1902–1984) – д.и.н. (1971), спец. по заруб. историографии. С 1950 – снс ИИ АН СССР–ИВИ АН СССР. 99
- Векслер Владимир Иосифович (1907–1966) – д.ф.-м.н. (1940), акад. АН СССР (1958). Основоп. ускорит. техники в СССР, созд. синхрофазотрона. Муж Н.А. Сидоровой. 331, 464
- Венжер Владимир Григорьевич (1899–1990) – д.э.н., экономист-аграрник. Сотр. Ин-та экон АН СССР. Муж А.В. Саниной. 395, 463

- Верченко, Юрий Николаевич (1930–1994) – хоз. и парт. деятель, зав. отд. ЦК ВЛКСМ, нач. упр. по печати МосгорИК, дир. изд-ва «Мол. гвардия», зав. отд. культуры МГК КПСС, в 1971–1991 – секр. правл. СП СССР по оргвопросам. 406
- Виленская Эмилия Самойловна (1909–1988) – к.и.н., спец. по ист. рев. движ. в России. В 1938–1941 – в ссылке. 333, 424
- Виноградов Александр Вадимович (р. 1957) – к.и.н. (2001), спец. по рус.-крым. отн. XVI–XVII вв. Снс ИРИ РАН. 390
- Виноградов Владимир Алексеевич (1921–2017) – д.э.н. (1965), акад. АН СССР (1984). В 1972–1998 – дир. ИНИОН. С 1998 – сов. РАН, рук. Науч. сов. по экон. ист. 274
- Виппер Роберт Юрьевич (1858–1954) – д-р всеобщ. ист. (1894), акад. АН СССР (1943). 1891–1894 – приват-доц. МУ; 1894–1897 – экстраорд. проф. Новорос. ун-та (Одесса); 1897–1922 – приват-доц., проф. МУ; 1923–1940 – проф. Риж. ун-та; с 1941 – проф. МГУ, снс ИИ АН СССР. 310
- Водарский Ярослав Евгеньевич (1928–2007) – д.и.н. (1975), спец. по ист. демогр. и геогр. С 1957 – нс, снс, гнс, рук. группы ист. геогр. ИИ АН СССР–ИРИ РАН. 95, 415, 428
- Водопьянова Зоя Константиновна – к.и.н. (1978), в 1990-е – сотр. РГАНИ, затем вед. спец. РГАЛИ. 229
- Волк Степан Степанович (1921–1993) – д.и.н. (1965), спец. по ист. обществ. мысли, историографии. 103
- Волин Марк Самойлович (1900–1983) – д.и.н. (1964), спец. по ист. РСДРП и раб. класса. Участник Гражд. войны. В 1927–1931 – преп. Комвуза им. Артёма (Харьков); с 1931 – нс Ин-та Маркса–Энгельса–Ленина при ЦК ВКП(б), одноврем. преп. Ком. ун-та трудящ. Востока, Высш. шк. пропагандистов и ИКП; 1945–1959 – проф. МГУ; с 1959 – снс ИИ (ИИ СССР) АН СССР. 195, 347, 351, 424, 474, 476
- Волубуев Павел Васильевич (1923–1997) – д.и.н. (1963), чл.-кор. (1970), акад. АН СССР (1990). Участник ВОВ. В 1954–1955 – инстр. отд. науки и культуры ЦК КПСС; 1956–1965 – снс, 1966–1968 – зав. сектором, 1969–1970 – зам. дир., 1970–1974 – дир. ИИ СССР АН СССР; 1974–1990 – снс, гнс ИИЕТ АН СССР; с 1990 – гнс ИРИ РАН. С 1988 – пред. Науч. совета АН СССР (РАН) «Ист. рев-ций в России». 18–19, 68, 70, 114, 118, 173, 184, 195, 197, 205–206, 208, 211, 242, 320, 329, 341–349, 351, 354, 362, 411, 424

- Волобуев Олег Владимирович (р. 1931) – д.и.н. (1984), спец. по ист. России XIX–XX вв., историографии. Авт. уч-ков по ист. для школы. *99, 423*
- Гатагова Людмила Султановна – к.и.н. (1985), спец. по ист. Сев. Кавказа XIX в., нац. отн. в СССР. В 1980–1983 – асп., с 1986 – мнс, нс, снс, внс ИИ СССР АН СССР–ИРИ РАН. *244*
- Генкина Эсфирь Борисовна (1901–1978) – д.и.н. (1939), проф. (1939), спец. по сов. ист. В 1935–1941 – сотр. секр. ред-ции «Ист. Гражд. войны в СССР»; одно врем. в 1938–1941 – преп., проф. МИФЛИ; 1942–1945 – сотр. Ком. по ист. ВОВ при АН СССР; 1943–1958 – проф. ист. ф-та МГУ. Лауреат Стал. пр. (1943) и пр. им. акад. Б.Д. Грекова (1971). *235–236*
- Генфтер Михаил Яковлевич (1918–1995) – к.и.н., спец. по ист. России нач. XX в., теории и методол. истории. Участник ВОВ. С 1951 – нс, снс, зав. сектором (с 1963) ИИ АН СССР; 1968–1969 – зав. сектором общ. проблем всемир. ист., 1969–1976 – снс ИВИ АН СССР; 1978–1991 – авт. бесцензурного ж-ла «Поиски»; 1991 – окт. 1993 – советник През. РФ. Пред. рос. об-ва «Холокост». *112, 209, 242, 259, 330, 342, 344, 346, 423, 430, 437*
- Гиндин Иосиф Фролович (1900–1980) – д.и.н. (1960), спец. по экон. ист. 2-й пол. XIX – нач. XX в. В 1925–1930 – сотр. Пром-и Госбанка, затем репрессирован. В 1945–1949 – преп. МФИ; с 1956 по 1973 – снс ИИ (ИИ СССР) АН СССР. *195, 265, 325, 342–344, 346, 423, 430, 437*
- Ганелин Рафаил Шоломович (1926–2014) – д.и.н. (1970), спец. по ист. России XIX–XX вв., ист. межд. отн. Чл.-кор. РАН (1991). *102, 342*
- Глаголева Александра Петровна (1897–1977) – к.и.н. (1957), спец. по ист. России XVIII в., археограф. В 1929–1930 – под арестом по «Академ. делу». 1944–1963 – мнс ИИ АН СССР. *95*
- Голубцов Иван Александрович (1887–1966) – д.и.н. (1963), спец. по ист. картографии. 1914–1916 – сотр. МГА МИД, с 1918 сотр. ЕГАФ, в 1929–1927 – сотр. Архива РККА, 1927–1930 – Центр-архива РСФСР. Репрессирован. В 1946–1965 – нс ИИМК (ИА АН СССР). *374*
- Гордон Александр Владимирович (р. 1937) – д.и.н. (1991), спец. по ист. Франц. рев-ции, крест-ва, ист. науки. *112*

- Горин (Коляда) Павел Осипович (1900–1938) – парт. деятель. С 1925 – уч. секр. Об-ва ист.-марксистов, с 1929 – зам. дир. Ин-та истории Ком. акад. В 1931–1936 – пред. Белорус. АН, дир. Ин-та истории. В 1935–1937 – чл. ЦИК СССР, зав. каф. ист. СССР МГУ. Репрессирован. 359
- Горинов Михаил Михайлович (р. 1957) – к.и.н. (1986), спец. по сов. ист., архивист. В 1984–1992 – нс ИИ СССР АН СССР–ИРИ РАН; с 1992 – снс, внс, с 1995 – зав. отд. науч.-публ. деят., с 1996 – зам. дир. центра науч. использ. и публ. арх. фонда объедин. «Мосгорархив» (Главархив Москвы). 148
- Городецкий Ефим Наумович (1907–1993) – д.и.н. (1964), спец. по сов. ист., историографии и источниковедению. В 1933–1942 – снс, зам. отв. секр. секр-та гл. ред-ции «Ист. Гражд. войны в СССР»; 1942–1949 – лектор ЦК, рук. гр. консульт. по обществ. наукам, зам. зав. отд. науки упр. пропаганды и агитации ЦК ВКП(б); одновр. в 1933–1960 – доц. МИФЛИ, ист. ф-та МГУ; с 1960 – снс, внс ИИ АН СССР–ИРИ РАН. Муж Л.М. Зак. 94, 99, 112, 131, 150, 194, 233, 259, 310, 363
- Горская Наталья Александровна (1930–2004) – д.и.н. (1978), спец. по агр. и соц.-экон. ист. России пер. феодализма, ист. демогр., историографии. В 1961–2001 – мнс, нс, снс, внс ИИ АН СССР–ИИ СССР–ИРИ РАН, 1990–1993 – рук. центра по изуч. России в Ср. века и раннее Нов. время ИИ–ИРИ. Жена А.Д. Горского. 356
- Горский Анатолий Дмитриевич (1923–1988) – д.и.н. (1973), спец. по ист. России XIV–XVI вв. С 1956 – в МГУ; преп., проф., зав. каф. ист. СССР пер. феодализма (с 1979). Муж Н.А. Горской. 415
- Горяева Татьяна Михайловна (р. 1951) – д.и.н. (2000), спец. по ист. сов. культуры и цензуры. В 2001–2019 – дир. РГАЛИ. 223
- Грановский Тимофей Николаевич (1813–1855) – историк-медиевист, заметная фигура обществ. мысли сер. XIX в., западник. 312–316, 320, 357
- Греков Борис Дмитриевич (1882–1953) – акад. АН СССР (1935). С 1937 дир. ИИ АН СССР, в 1944–1946 – одновр. дир. Ин-та ИММК, 1946–1951 дир. Ин-та славяноведения. 118, 309, 323–324, 328, 397, 415, 444
- Григоренко Пётр Григорьевич (1907–1987) – ген.-майор вооруж. сил СССР (1959), уч. диссидентск. движ., правозащитник. 177

Гришин Александр Викторович (1950–2013) – д.и.н. (1978), проф. Проректор по гум. обр. и воспитат. раб. Мос. гос. акад. приборостроения и информатики. Сын парт. деятеля В.В. Гришина. Был женат на дочери Л.П. Бериной Э.Л. Гегечкори. 77

Гриценко Николай Олимпиевич (1912–1979) – актер т-ра и кино. 116

Гронов Юкка (р. 1945) – д-р социал. наук, спец. по соц. ист. сов. эпохи, поч. проф. Ун-та Хельсинки (Финляндия). 147

Гроссман Александр Соломонович (1927–2008) – к.и.н. (1970), спец. по ист. Германии. Доц. (1985) каф. всеобщ. ист. ФАД МГИАИ–РГГУ. 311

Гросул Владислав Якимович (см. Сведения об интервьюируемых). 3, 6, 106, 117, 127, 185, 205, 211, 474

Гросул Яким Сергеевич (1912–1976) – д.и.н. (1955), спец. по ист. Молдавии. С 1961 – акад. и 1-й през. АН МССР. Чл.-кор. АН СССР (1966). Отец В.Я. Гросула. 106, 474

Гусев Кирилл Владимирович (1922–2001) – д.и.н. (1967), спец. по ист. рос. партий нач. XX в. 428

Данилевский–Михайловский Александр Иванович (1789–1848) – ген.-лейт., воен. писатель, автор 1-й офиц. ист. Отеч. войны 1812 года. Действ. чл. Импер. Рос. акад. (1831). 409

Данилов Виктор Петрович (1925–2004) – д.и.н. (1982). С 1954 – нс, снс, внс, гнс ИИ АН СССР–ИИ СССР АН СССР–ИРИ РАН. 27, 70, 181, 196, 345

Данилов Александр Анатольевич (р. 1954) – д.и.н. (1989). С 1981 раб. в МГПИ, с 1991 – зав. каф. ист. В 1999–2013 – зам. пред. Экспертн. сов. ВАК РФ по истории. В 2010–2014 – гл. ред. ж-ла «Ист. журнал: науч. иссл.». В 2010 баллотир. на пост дир. ИРИ РАН. 274

Дахшлейгер Григорий Фёдорович (1919–1983) – д.и.н. (1974), спец. по ист. Казахской ССР, историографии. Чл.-кор. АН Каз. ССР (1972). 99

Джаксон Татьяна Николаевна (р. 1951) – д.и.н. (1995), спец. по ист. Сканд. стран раннего Ср.-вековья и Др. Руси. В 1973–1997 – асп., мнс, нс, снс, внс ИИ СССР АН СССР–ИРИ РАН; с 1997 – внс ИВИ РАН. 172, 184

Дживелегов Алексей Карпович (1875–1952) – д-р искусств. (1936), спец. по ист. Ср.-вековья и европ. культуры. 399

- Джонсон Роберт – историк, спец. по сов. ист., проф. Ун-та Торонто (Канада). 202–203
- Дмитренко Владимир Петрович (1933–1997) – д.и.н. (1983), спец. по сов. ист. С 1958 – мнс, нс, снс, рук. сектора, отд., центра, зам. дир. (с 1989) ИИ АН СССР–ИРИ РАН. Пред. секции Уч. совета ИРИ РАН по отеч. ист. новейш. времени (с 1989). 145, 157
- Дмитриев Сергей Сергеевич (1906–1991) – к.и.н. (1940), проф. (1968), спец. по ист. России XIX в. В 1931–1938 – снс, зам. дир. музея-усадьбы «Кусково». Проф. ист. ф-та МГУ. 61, 63, 65, 94, 130, 194, 312, 324, 357, 474, 477
- Днепров Эдуард Дмитриевич (1936–2015) – д-р пед. наук (1993), мин. обр. РФ (1990–1992). 252
- Добрушкин Евгений Михайлович (1945–2019) – д.и.н. (1992), спец. в обл. археографии. 234
- Дроздов Константин Сергеевич (р. 1976) – к.и.н. (2010), спец. по междунац. отн. сов. эпохи, архивист. Снс ИРИ РАН. 36, 146, 149–150
- Дружинин Николай Михайлович (1886–1986) – д.и.н. (1944), спец. по ист. России XIX в. С 1921 – нс (асп.) ИИ РАНИОН; 1926–1934 – уч. секр., зав. отд. Музея рев-ции СССР; 1934–1952 – проф. ист. ф-та МГУ; с 1937 – снс, зав. сектором ИИ АН СССР; 1943–1948 – проф. ВПШ, АОН при ЦК ВКП(б). Акад. АН СССР (1953). 110–111, 113, 130, 268, 324–326, 328, 331, 359, 379, 427, 474
- Дубровский Сергей Митрофанович (1900–1970) – д.и.н. (1935), спец. по ист. рев. движ., агр. ист. России нач. XX в. С 1935 – декан ист. ф-та ЛГУ. В 1936 репрессирован. В 1946 освоб., но в 1949 вновь арестован. Реабилитир. в 1954. С кон. 1950-х – снс ИИ АН СССР. 195, 333, 424
- Дубынин Александр Фёдорович (1903–1992) – к.и.н. (1947), археолог. Раб. в муз. Суздаля, Костромы, Иванова. Участник ВОВ. В 1938–1953 – преп., доц. Иванов. ПИ; 1953–1973 – сотр. ИИМК–Ин-та археол. АН СССР. 293
- Дукакис Китти (р. 1936) – амер. писательница, жена политика Майкла Дукакиса. 80–81
- Дунаевский Владимир Аронович (1919–1998) – д.и.н. (1970), спец. по отеч. и заруб. историографии. С 1962 – мнс, снс, внс ИИ АН СССР–ИИ СССР–ИРИ РАН. 99

Дурновцев Валерий Иванович (р. 1945) – д.и.н. (1988), спец. по ист. ист. науки, источниковедению. Проф. РГГУ. 99

Емельянов Юрий Николаевич (р. 1934) – д.и.н. (1998), спец. по ист. ист. науки, рус. зарубежья. В 1959–2019 – нтс, мнс, снс, вс ИИ АН СССР–ИРИ РАН. 101, 376

Емец Валентин Алексеевич (1925–2021) – к.и.н. (1955), спец. по ист. межд. отн. С 1955 – мнс ИИ АН СССР, с 1969 – снс ИИ СССР АН СССР–РАН; 1980–1985 – доц. Дип. акад. МИД СССР. С 1998 – на пенсии. 342, 351

Ермаков Владимир Тихонович (1924–2008) – д.и.н. (1987), спец. по ист. сов. культуры. 243

Ерошкин Николай Петрович (1920–1988) – д.и.н. (1973), проф. (1975). С 1946 – преп. МГИАИ, осн. и 1-й рук. каф. ист. гос. учрежд. и обществ. орг-ций. 12, 141, 169, 187, 226, 230, 258, 475

Есаков Владимир Дмитриевич (1932–2015) – д.и.н. (1990), спец. по ист. сов. науки. В 1963–1966 – асп. ИИ АН СССР; 1966–1967 – нс, пом. уч. секр. ИИ АН СССР; 1969–1972 – уч. секр. отдел. ист. сов. об-ва; 1974–1976 – уч. секр. секции Уч. совета по ист. сов. об-ва; 1970–1987 – уч. секр. Науч. совета по ист. соц. стр-ва ОИ АН СССР; с 1987 – снс, внс ИИ СССР АН СССР–ИРИ РАН. 244–245

Жискар д’Эстен Валери (1926–2020) – през. Франции (1974–1981). Член Фр. акад. (2003), автор ром. «Победа Вел. Армии» о рус. кампании Наполеона I. 243

Жуков Евгений Михайлович (1907–1980) – д.и.н. (1941), спец. по ист. Японии, теории и методол. истории. Акад. АН СССР (1958). В 1944–1946 – преп. МГУ. В 1968–1979 – дир. ИВИ АН СССР. 310, 324

Жуков Юрий Николаевич (р. 1938) – д.и.н. (1993), спец. по сов. ист. С 1981 – снс, внс, гнс ИИ СССР АН СССР–ИРИ РАН. 145

Журавлёв Валерий Васильевич (р. 1938) – д.и.н. (1981), спец. по ист. России XX в. В 1972–1982 – снс ИИ СССР АН СССР; 1983–1987 – зам. гл. ред. ж-ла «Вопр. ист. КПСС»; 1987–1991 – зам. дир. ИМЛ при ЦК КПСС; 1991–2001 – дир. центра полит. и экон. ист. России РНИСиНП; одноврем. с 1999 –

зав. каф. новейш. ист. России МПУ; с 2002 – рук. центра по разраб. и реализ. межарх. программ докум. публ. РГАСПИ. 433

- Зайончковский Пётр Андреевич (1904–1983) – д.и.н. (1950), спец. по ист. России XIX в. Проф. МГУ, осн. науч. школы иссл. рос. ист. XIX в. 94, 96–97, 100, 194, 264, 266
- Зак Людмила Марковна (1917–2001) – д.и.н. (1972), спец. по ист. сов. культуры. В 1953–1969 – преп. МГИАИ. Жена Е.Н. Городецкого. 139, 223, 225–226, 232–233, 235–236, 243–244, 259, 445, 476
- Заславская Татьяна Ивановна (1927–2013) – д.э.н. (1965), социолог, спец. по экономике соц-зма, социологии сов. об-ва. Акад. АН СССР (1981). 356
- Захаров Виктор Николаевич (р. 1951) – д.и.н. (2001), спец. по экон. ист. XVII–XVIII вв. В 1983–1985 – мнс Гос. музеев Мос. Кремля; с 1985 – асс., с 1988 – ст. преп., с 1991 – доц., в 2001–2002 – и.о. проф. МОПИ–МПУ, 2002–2014 – зав. каф. ист. России Ср. веков и Нового врем., 2009–2013 – декан ф-та ист., политол. и права МГОУ. В 2013–2021 – зам. дир. ИРИ РАН. С 2021 – гл. ред. ж-ла «Рос. ист». 263, 275, 285
- Заходер Борис Николаевич (1898–1960) – д.и.н. (1941), спец. по ист. Ср. Азии. С 1930 – доц., проф. ист. ф-та МГУ. 310
- Зеленин Дмитрий Константинович (1878–1954) – этнограф, диалектолог и фольклорист. С 1925 – проф. каф. этнографии Ленингр. ГУ; 1926–1949 – сотр. Кунсткамеры. 309
- Зеленин Илья Евгеньевич (1926–2004) – д.и.н. (1970), спец. по сов. агр. ист. Участник ВОВ. С 1958 – мнс, снс, внс ИИ АН СССР–ИРИ РАН. В 1989–1990 – и.о. гл. ред. ж-ла «Ист. СССР». 181, 270
- Зелкин Иосиф Исаакович – к.и.н. (1967), спец. по ист. ВОВ, ред. 362–363
- Зельин Константин Константинович (1892–1983) – д.и.н. (1963), спец. по Др. Греции, эллинизму. В 1938–1941 и 1950–1968 – снс ИИ АН СССР, с 1968 – ИВИ АН СССР; с 1973 – нс-конс. С 1960 – чл. редкол., зам. гл. ред. ж-ла «Вестник др. ист.». 394
- Земсков Виктор Николаевич (1946–2015) – д.и.н. (2005). С 1974 – мнс, снс, внс, гнс ИИ СССР АН СССР–ИРИ РАН. 26
- Зимин Александр Александрович (1920–1980) – д.и.н. (1959), спец. по ист. рус. Ср.-вековья. С 1947 – мнс, снс ИИ

- АН СССР–ИИ СССР АН СССР. В 1947–1972 – преп. МГИАИ. *12–15, 17–18, 20, 31–34, 190, 377, 379, 390, 414–415, 473*
- Зиновьев Александр Александрович (1922–2006) – философ, писатель, социолог, публицист. *323*
- Злоказов Георгий Иванович (р. 1932) – д.и.н. (1980), спец. по ист. рев-ции 1917 г. В 1977–1998 – снс, внс ИИ СССР АН СССР–ИРИ РАН, затем внс-конс. ИРИ. *150*
- Знаменский Олег Николаевич (1927–1993) – д.и.н. (1976), спец. по ист. рев-ции 1917 г. *348–349*
- Зубкова Елена Юрьевна (р. 1959) – д.и.н. (2001), спец. по сов. ист. С 1981 – асп., мнс, снс, внс, гнс, рук. центра соц. ист. России ИИ СССР АН СССР–ИРИ РАН. *278*
- Зуева Анастасия Платоновна (1896–1986) – актриса т-ра и кино. *116*
- Зырянов Павел Николаевич (1943–2007) – д.и.н. (1994), спец. по ист. России нач. XX в. С 1971 – мнс, снс, внс ИИ СССР АН СССР–ИРИ РАН. *44, 49, 205, 269, 437*
- Иванов Анатолий Евгеньевич** (см. Сведения об интервьюируемых). *18, 49, 90, 169, 171, 182, 245, 259, 269, 475*
- Иванов Леонид Михайлович (1909–1972) – д.и.н. (1956), спец. по ист. России нач. XX в. Инвалид ВОВ. С 1937 – мнс ИИ АН СССР, с 1943 – уч. секр. ИИ, с 1956 – зав. сект. ист. СССР пер. капит-зма. *65, 104, 179, 181, 196, 199, 202, 211, 325, 331, 346–347, 355, 357–359, 361, 423, 425, 437*
- Иванова Анна Сергеевна (р. 1984) – к.и.н. (2013), спец. по позднесов. ист. *256*
- Иванова Людмила Васильевна (1928–1999) – д.и.н. (1983), спец. по ист. сов. интеллигенции. *245*
- Иванова Наталья Анатольевна (см. Сведения об интервьюируемых). *112, 184, 199, 206, 209, 269, 476*
- Иванько Николай Иванович (1919–1975) – к.и.н., доц. Ставроп. ГПИ. Защищенная им в Рост. ГУ дис.д.и.н. «Установление Сов. власти и гражд. война на Сев. Кавказе (1917–1920 гг.)» не была утверждена ВАКом. *47*
- Ивина Людмила Ивановна (1931–2016) – к.и.н. (1969), спец. по ист. России XV–XVII вв., археограф. В 1958–1965 – мнс ИИ АН СССР; 1965–1980 – мнс, с 1980 – снс ЛОИИ (СПБ ИИ РАН). Жена А.Н. Цамутали. *95*

- Ивницкий Николай Алексеевич (1922–2018) – д.и.н. (1971), спец. по ист. коллективизации. Участник ВОВ. С 1953 – мнс, снс, внс ИИ АН СССР–ИРИ РАН. 72, 177, 181, 185, 231, 228
- Илизаров Борис Семёнович (р. 1944) – д.и.н. (1986), спец. в обл. архивоведения и сов. ист. В 1974–1977 – нс ВНИИДАД; 1978–1996 – ст. преп., доц., зав. каф., проф. МГИАИ; с 1996 – внс, гнс ИРИ РАН. 142
- Иллерицкая Екатерина Владимировна (р. 1920) – к.и.н. (1978), археограф, спец. по ист. рев-ции 1917 г. В 1954–1990 – мнс, снс ИИ СССР АН СССР. 96
- Иллерицкий Владимир Евгеньевич (1912–1980) – д.и.н. (1962), спец. по ист. ист. науки. С 1944 – преп., проф. МГИАИ. 229
- Ильина Ирина Николаевна (1956–2021) – к.и.н. (1986), спец. по соц.-полит. ист. России XX в. В 1975–2006 – в ИИ АН СССР–ИРИ РАН: ст. лаборант, мнс, нс, рук. ред.-издат. отд., снс, в 2002–2006 – зам. дир. ИРИ. 160
- Ильинский Игорь Владимирович (1901–1987) – актер, режиссер т-ра и кино, чтец. 116
- Иоффе Генрих Зиновьевич (р. 1928) – д.и.н. (1979), спец. по ист. рев-ции 1917 г. и Гражд. войны в России. В 1968–1995 – мнс, снс, внс, гнс ИИ СССР АН СССР–ИРИ РАН. С 1995 проживает в Канаде. 125
- Итенберг Борис Самуилович (1921–2016) – д.и.н. (1966), спец. по ист. рев. движ. 2-й пол. XIX – нач. XX в. Участник ВОВ. В 1945–1957 – учит., дир. ср. шк. раб. молодежи г. Перово Мос. обл.; 1957–2001 – снс, внс, внс-конс. ИИ АН СССР–ИРИ РАН, рук. группы по изуч. обществ. движ. в пореформ. России (с 1960). 127, 211, 357, 423
- Кабанов Владимир Васильевич (1934–2002) – д.и.н. (1989). С 1962 – нс, снс, внс ИИ АН СССР–ИИ СССР АН СССР–ИРИ РАН. 18, 150, 166
- Кабузан Владимир Максимович (1932–2008) – д.и.н. (1971), спец. по демогр. истории и ист. демографии. С 1960 – мнс, снс, гнс ИИ АН СССР–ИРИ РАН. 95
- Каменцева Елена Ивановна (1920–2004) – д.и.н. (1967), спец. в обл. вспомогат. ист. дисциплин. Всю жизнь проработала в МГИАИ. 224, 229

- Камерон Рондо (1925–2001) – амер. историк, спец. по экон. истории. 279
- Кара-Мурза Алексей Сергеевич (1914–1988) – историк, гл. ред. ж-ла «Преподавание истории в школе». 187
- Кафенгауз Бернгард (Борис) Борисович (1894–1969) – д.и.н. (1946), спец. по соц.-экон. ист. России XVIII в., ист. обществ. мысли, источниковедению. С 1930 – снс НИИ Наркомторга СССР; с 1936 – доц., с 1948 – проф. ист. ф-та МГУ. 310, 378
- Каштанов Сергей Михайлович (р. 1932) – д.и.н. (1968), чл.-кор. РАН (1997). В 1956–2000 – нс, снс, внс ИИ АН СССР–ИИ СССР АН СССР–ИРИ РАН, зав. центром. С 2001 – гнс ИВИ РАН. 20, 95, 190–191, 403
- Кертман Лев Ефимович (1917–1987) – д.и.н. (1961), спец. по новейш. ист. Англии. Проф. Перм. ГУ. 100
- Ким Максим Павлович (1908–1996) – д.и.н. (1946), спец. по ист. сов. об-ва. С 1968 – зав. сектором ист. сов. культуры ИИ АН СССР. Акад. АН СССР (1979). 57, 218, 236, 243–244, 251
- Ким Юлий Черсанович (р. 1936) – бард, драматург, участник диссидент. движ. Муж И.П. Якир. 13, 14
- Кинан Эдвард Льюис (1935–2015) – амер. историк-славист. Поставил под сомнение подлинность переписки кн. А. Курбского и Ивана Грозного. 17
- Киреева Раиса Александровна (р. 1929) – д.и.н. (1986), спец. по историографии России, археографии. С 1964 – в ИИ (ИИ СССР) АН СССР–ИРИ РАН: мнс, снс, внс, чл. Уч. совета. 415
- Кирьянов Юрий Ильич (1930–2002) – д.и.н. (1980), спец. по ист. рус. раб. класса. С 1959 – мнс, снс, внс ИИ АН СССР–ИРИ РАН. 269, 347, 351, 354, 411
- Клибанов Александр Ильич (1910–1994) – д.и.н. (1962), спец. по религ. движ. XIV–XX вв. В 1936–1941 и 1948–1954 репрессир. за связь с «врагом народа» проф. Н.М. Маториным. В 1947–1993 – снс, внс ИИ АН СССР–ИРИ РАН. С 1968 также снс Ин-та науч. атеизма АОН при ЦК КПСС. 104, 377–378
- Ключевский Василий Осипович (1841–1911) – историк, акад. Имп. С.-Петербур. АН (1900). 98, 180, 254, 283, 393, 399, 415
- Кобрин Владимир Борисович (1930–1990) – д.и.н. (1983). В 1966–1989 – преп. МГПИ; с 1989 – проф. МГИАИ. 19

- Ковальченко Иван Дмитриевич (1923–1995) – д.и.н. (1966), спец. по ист. России XIX в., источниковедению и методол. истории. Акад. АН СССР (1987). *102–104, 194, 348, 402*
- Ковальчук Алексей Викторович (р. 1957) – к.и.н. (1983), спец. по ист. России XVIII в. С 1982 – мнс, нс, снс ИИ СССР АН СССР–ИРИ РАН. *154*
- Коган–Бернштейн Фаина Абрамовна (1899–1976) – д.и.н. (1943), спец. по обществ. мысли раннего Нов. врем. В 1956–1971 – преп. МГИАИ. *186, 224*
- Козлов Владимир Александрович (р. 1950) – к.и.н. (1979), спец. по сов. ист., архивист. В 1972–1988 – мнс, нс, снс ИИ СССР АН СССР; 1988–1991 – зав. сектором полит. ист. 1920–1930-х гг. ИМЛ; 1992–2013 – зам. дир. и рук. центра изуч. и публ. док-тов ГА РФ. *239, 245, 434*
- Козьмин Борис Павлович (1888–1958) – д.и.н. (1935), спец. по ист. рев. движ. и лит-ры XIX в. С 1946 – снс ИИ АН СССР. *327, 357–359*
- Колодникова Людмила Павловна – к.и.н. (1977), спец. по ист. сов. об-ва 1920–1930-х гг., внеш. политики России в XX в. В 1998–2010 – зам. дир. ИРИ РАН по межд. науч. связям. *160, 356*
- Комиссаренко Аркадий Иванович (р. 1937) – д.и.н. (1984), спец. по ист. России XVIII в. Проф. РГГУ. *141*
- Кондураки Эмиль (1912–1987) – румын. историк и археолог, спец. по древнейш. ист. Балкан. *122*
- Конрад Николай Иосифович (1891–1970) – востоковед, акад. АН СССР (1958). *252*
- Копылов Алексей Николаевич (1924–2007) – д.и.н. (1974), спец. по ист. Сибири, отеч. культуре XVII–XIX вв. Участник ВОВ. В 1957 – снс НИО ГАУ СССР; 1958–1960 – нач. отд. ЦГАДА СССР; 1960–1961 – мнс пост. ком. по обществ. наукам СО АН СССР; 1961–1965 – мнс, 1965–1967 – снс ИЭ СО АН СССР; 1967–1977 – снс ИИФФ СО АН СССР; 1977–1980 – нач. гос. инспекции (упр.) по охране памятников ист. и культуры Минкульт. РСФСР; 1980–1994 – снс, зав. сект. ист. рус. культуры доокт. периода ИИ СССР АН СССР, гнс, внс-конс. ИРИ РАН. *171*
- Корелин Авенир Павлович (1933–2017) – д.и.н. (1983), спец. по ист. России 2-й пол. XIX – нач. XX в. С 1966 – мнс, снс, внс, гнс ИИ АН СССР–ИРИ РАН, зав. сектором ист. СССР пер.

- империализма (1986–1990); рук. центра «Ист. России в XIX – нач. XX в.» (1990–2014). *191, 276–278, 428, 436*
- Корецкий Вадим Иванович (1927–1985) – д.и.н. (1976), спец. по ист. России XVI–XVII вв. С 1956 – мнс, снс ИИ (ИИ СССР) АН СССР. *415*
- Коржихина Татьяна Петровна (1932–1994) – д.и.н. (1987), спец. по ист. сов. гос. учрежд. С 1965 – преп. МГИАИ. *141, 171, 226, 259*
- Косвен Марк Осипович (1885–1967) – д.и.н. (1943), спец. по первобытности и ист. Сев. Кавказа. В 1934–1954 – доц., проф. ист. ф-та МГУ; 1943–1965 – снс ИЭ АН СССР. *310–311*
- Косминский Евгений Алексеевич (1886–1959) – д.и.н. (1936), акад. АН СССР (1946). В 1934–1949 – зав. каф. ист. Ср. веков ист. ф-та МГУ. *310*
- Коэн Стивен (1938–2020) – амер. историк, спец. по сов. истории. Авт. кн. «Бухарин: Политическая биография», вышедшей в СССР в 1988. *239*
- Красавин Анатолий Сергеевич – к.и.н. (1978), спец. в обл. докум. по личн. сост. Архивист, зав. отд. докум. обесп. упр. ВНИИДАД. *231*
- Кторов Анатолий Петрович (1898–1980) – актер т-ра и кино. *116*
- Кукушкин Юрий Степанович (1929–2019) – д.и.н. (1967), спец. по сов. ист. В 1971–1995 – декан ист. ф-та МГУ. *263*
- Куликова Галина Борисовна (1931–2020) – к.и.н. (1970), спец. по сов. ист. В 1964–2013 – мнс, нс, снс ИИ СССР АН СССР–ИРИ РАН. *356*
- Куманёв Георгий Александрович (1931–2018) – д.и.н. (1971), спец. по ист. ВОВ. Акад. РАН (2011). С 1958 – в ИИ АН СССР–ИИ СССР–ИРИ РАН: мнс, снс, 1973–1988 – зав. сектором, отд. ист. ВОВ; 1989–1992 – зав. отд. воен. ист., с 1993 – рук. центра воен. ист. России. *55, 57, 389*
- Курантов Александр Павлович (1921–1998) – к.филос.н. (1953), спец. по «науч. атеизму». В 1973–1985 – дир. ВНИИДАД. *225*
- Кучеренко Геннадий Семёнович (1932–1997) – д.и.н. (1975), спец. по фр. ист. XVIII–XIX вв., историографии. *99*
- Кучкин Владимир Андреевич (р. 1933) – д.и.н. (1981), спец. по ист. ср.-вековой Руси. С 1957 – мнс, снс, внс, гнс ИИ АН СССР–ИРИ РАН; с 1998 – рук. центра по ист. Др. Руси. *57, 95, 97, 112*

- Кушева Екатерина Николаевна (1899–1990) – д.и.н. (1964), спец. по ист. Сев. Кавказа. В 1922–1929 – преп. каф. рус. ист. пед. ф-та Саратов. ГУ; 1929–1935 – сотр. изд-ва Всес. об-ва политка-торжан и ссыльно-поселенцев; 1935–1936 – нс Мос. гр. Ист.-археограф. ин-та АН СССР; 1936–1969 – снс ИИ АН СССР; 1937–1941 – доц. каф. ист. СССР МГПИ. 377
- Лаврин Владимир Александрович (1921–1995) – д.и.н. (1973), спец. по ист. большев. партии. Участник ВОВ. С 1953 – преп., в 1973–1990 – зав. каф. ист. ф-та МГУ. 363
- Лавров Владимир Михайлович (р. 1957) – д.и.н. (1998), спец. по ист. РПЦ. В 1985–2018 – ИИ СССР АН СССР–ИРИ РАН: мнс, снс, внс, гнс; 2003–2011 – зам. дир. по науке, 2004–2012 – рук. центра ист. религии и Церкви. 150
- Ле (Мойся) Иван Леонтьевич (1895–1978) – укр. писатель и журналист. Авт. серии ист. романов «Украина», куда вошли роман «Наливайко» (1940), эпопея «Богдан Хмельницкий» (1957–1965). 369
- Лебедев Вячеслав Владимирович (1929–2001) – д.и.н. (1979). В 1956–1973 – мнс, снс ИИ АН СССР–ИИ СССР АН СССР; 1974–1990 – доц., проф. МГПИ. В 1979–1980 – преп. в Юж. Йемене; 1987–1988 – сов.-преп. в Афганистане; 1990–1997 – проф., вице-през. Межд. колледжа ин. яз., менеджмента и бизнеса; с 1997 – проф. МГИМО. 335
- Левыкин Константин Григорьевич (1925–2015) – к.и.н. (1957), проф. МГУ. В 1976–1992 – дир. Гос. Ист. музея. 266, 267
- Левыкин Алексей Константинович (р. 1959) – к.и.н. (1985). С 2010 – дир. Гос. Ист. музея. 267
- Лейберов Игорь Павлович (1928–2017) – д.и.н. (1970), спец. по ист. 1-й Мир. войны и рев-ции 1917 г. В 1973–1993 – зав. каф. ист. ВПШК. Гос. пр. СССР (1975). 286
- Лельчук Виталий Семёнович (1929–2006) – д.и.н. (1972), спец. по соц.-экон. ист. СССР. С 1959 – мнс, снс, внс, гнс ИИ АН СССР–ИРИ РАН. 239, 245, 270
- Леонтьева Татьяна Геннадьевна (р. 1957) – д.и.н. (2002), спец. по ист. правосл. духовенства. С 1989 – в Твер. ГУ: преп., с 2007 – декан ист. ф-та, гл. ред. Вестника ТГУ. Жена В.П. Булдакова. 80

- Ливанов Дмитрий Викторович (р. 1967) – мин. обр. и науки РФ (2012–2016). *381–382, 391*
- Лившиц Герман Михайлович (р. 1930) – историк, архивист, сотр. ЦГАОР. *96*
- Литвак Борис Григорьевич (1919–2002) – д.и.н. (1969), спец. по ист. и источниковедению России XIX в. Участник ВОВ. В 1954–1962 – ред., ст. науч. ред., отв. секр., зам. гл. ред. журн. «Ист. архив»; 1962–1992 – снс, внс ИИ АН СССР–ИИ СССР АН СССР. *19, 125, 402*
- Лифшиц Михаил Александрович (1905–1983) – д.филос.н. (1973), литературовед, теоретик и историк культуры, публицист. В 1950–е – снс ИИ АН СССР. *356*
- Логинов Владлен Терентьевич (р. 1929) – д.и.н. (1973), спец. по ист. большев. партии. В 1950–1980 – сотр. ИМЛ. *363*
- Лукин Николай Михайлович (1885–1940) – проф. (1921), акад. АН СССР (1929). В 1936–1937 – дир. ИИ АН СССР. Репрессирован. *118*
- Людтке Альф (1943–2019) – нем. историк, спец. по ист. повседневности. *147*
- Майкова Татьяна Сергеевна (1918–1991) – к.и.н., спец. по ист. России нач. XVIII в. Нс ИИ АН СССР–ИИ СССР АН СССР, чл. редкол. и один из сост. сер. публ. «Письма и бумаги имп. Петра Великого». *378*
- Майский Иван Михайлович (Ян Ляховецкий) (1884–1975) – сов. гос. и парт. деят. В 1922–1946 – на дип. работе. Акад. АН СССР (1946), спец. по ист. межд. отн. *110, 130, 326*
- Макаров Николай Андреевич (р. 1955) – д.и.н. (1995), спец. по археол. и ср.-веков. ист. Рус. Севера. Акад. РАН (2011). С 2003 – дир. Ин-та археологии РАН, с 2017 – вице-през. РАН. *263*
- Малов Владимир Николаевич (1938–2019) – д.и.н. (1990), спец. по ист. Франции XVI–XVIII вв. С 1965 – нс ИИ, с 1968 – ИВИ АН СССР. *112*
- Манфред Альберт Захарович (1906–1976) – д.и.н. (1950), спец. по ист. Франции Нов. врем. С 1948 – снс, зав. сектором Новой и новейш. ист. ИИ (ИВИ) АН СССР. *105*
- Марков Георгий Мокеевич (1911–1991) – писатель, сценарист, журналист, обществ. деят. В 1971–1989–1-й секр., пред. правл. Союза писателей СССР. *406*

- Медведев Вадим Андреевич (р. 1929) – д.э.н. (1968), парт. деятель. В 1986–1990 – секр. ЦК КПСС, чл. Политбюро. Чл.-кор. АН СССР (1984). 412
- Медик Ганс (р. 1939) – нем. историк, спец. по ист. повседневности и микроистории. 147
- Мерзон Александр Цезаревич (1915–1959) – к.и.н. (1959), спец. по ист. ср.-веков. России, источниковедению. Инвалид ВОВ. После войны – ред. в Госполитиздате, преп. МГИАИ. С 1957 – в ИИ АН СССР. 156
- Миллер Алексей Ильич (р. 1959) – д.и.н. (2000), спец. по нац. проблемам Рос. империи, ист. политике. Проф. ЕУ в СПб. 246
- Миллер Анатолий Филиппович (1901–1973) – д.и.н. (1943), спец. по ист. Турции. В 1920–1938 – на дип. работе. в 1941–1965 – снс ИИ АН СССР, с 1966 – снс Ин-та востоков. АН СССР. 122, 337
- Миллер Виктор Иосифович (1930–1995) – д.и.н. (1995), спец. по ист. рев-ции 1917 г. и Гражд. войны. С 1962 – в ИИ АН СССР–ИИ СССР АН СССР–ИРИ РАН. 184
- Милов Леонид Васильевич (1929–2007) – д.и.н. (1973), спец. по агр. ист. России. В 1960–1971 и с 1976 – преп., проф. ист. ф-та МГУ, зав. каф. ист. России до нач. XIX в.; в 1966–1971 – зам. гл. ред. ж-ла «Ист. СССР»; в 1971–1976 – снс, зав. лаб. ИИ СССР АН СССР. Акад. РАН (2000). 64
- Минц Исаак Израилевич (1896–1991) – д.и.н. (1936), спец. по ист. рев-ции 1917 г. и Гражд. войны. Акад. АН СССР (1946). 67, 70, 73–74, 131, 183–184, 259, 310, 329, 347, 363, 427–428, 431
- Миронов Андрей Александрович (1941–1987) – актер т-ра и кино. 98
- Михайлов Вячеслав Александрович (р. 1938) – сов. и рос. парт. и гос. деятель, д.и.н. (1983). В 1995–2000 – министр РФ по делам национальностей и федер. отн. 38
- Могильницкий Борис Георгиевич (1929–2014) – д.и.н. (1968), спец. по ист. ист. науки и методологии истории. Проф. Томск. ГУ. 99
- Модржинская Елена Дмитриевна (1910–1982) – д.филос.н., спец. по нац. проблемам сов. периода. В годы ВОВ – сотр. разведки. В 1970-е – зав. сектором критики антикоммунизма Ин-та филос. АН СССР. 244

- Молодцыгин Марк Андреевич (1923–1999) – к.и.н. (1968), спец. по ист. Гражд. войны. В 1941–1972 – служ. в СА, участник ВОВ; 1973–1994 – снс ИИ СССР АН СССР–ИРИ РАН. 362
- Морозова Алла Юрьевна (р. 1967) – к.и.н. (1995), спец. по ист. рев. движ., снс ИРИ РАН. Дочь Ю.П. Шарапова-Антонова. 289
- Моццато Норман (р. 1940) – итал. актер, кинореж. 121
- Мурашов Сергей Ильич (1914–1995) – д.и.н. (1968), спец. по ист. рев-ции 1917 г. В 1968–1976 – ректор МГИАИ. 232–233, 234
- Мусин–Пушкин Алексей Иванович (1744–1817) – рус. гос. деятель, археограф, историк, собиратель рукописей и древностей. Обнаружил «Слово о полку Игореве». 13, 15–16, 23
- Мухин Михаил Юрьевич (р. 1970) – д.и.н. (2008), спец. по сов. экон. истории. С 1997 – нс, снс, внс, гнс ИРИ РАН. 158
- Назаров Владислав Дмитриевич (р. 1938) – д.и.н. (1993), спец. по ист. ср.-веков. Руси. В 1968–2001 – в ИИ АН СССР–ИИ СССР АН СССР–ИРИ РАН; с 2001 – в ИВИ РАН. 415
- Нарочницкий Алексей Леонтьевич (1907–1989) – д.и.н. (1955), акад. АН СССР (1972). В 1974–1979 – дир. ИИ СССР АН СССР. Муж Л.И. Нарочницкой. 18, 46, 57, 68, 75, 80–81, 114, 118, 174, 209, 242, 329, 351, 362, 379, 382, 389, 426, 429
- Нарочницкая Лидия Ивановна (1922–2012) – к.и.н. (1955), спец. по ист. внеш. политики России 2-й пол. XIX в. Участница ВОВ. В 1960–1990 – мнс, нс, снс ИИ (ИИ СССР) АН СССР. Жена А.Л. Нарочницкого. 209
- Насонов Арсений Николаевич (1898–1965) – д.и.н. (1944), археограф, источниковед. С 1924 – нс Гос. Эрмитажа; с 1935 (с небольш. перерывами) – нс Мос. группы ИАИ ИИ АН СССР. 95, 415
- Некрасов Георгий Александрович (1916–2004) – д.и.н. (1964), спец. по ист. России, Скандинавии, культуры и межд. связей. С 1958 – в ИИ АН СССР–ИИ СССР АН СССР–ИРИ РАН: нс, снс, с 1986 – внс-конс. Преп. МГИМО, МГУ, Казан. ПИ. 104
- Некрич Александр Моисеевич (1920–1993) – д.и.н. (1963), спец. по новейш. ист. Великобр. Авт. резонансной кн. «22 июня 1941 г.». С 1976 – в эмиграции. 209, 332, 340, 345, 350

- Ненароков Альберт Павлович (1935–2020) – д.и.н. (1989), спец. по нац. проблемам сов. периода, полит. ист. В 1962–1989 – мнс, снс ИИ (ИИ СССР) АН СССР; 1989–1991 – зав. сектором ИМЛ при ЦК КПСС; 1991–2001 – рук. исслед. прогр. центра полит. и соц. ист. России РНИСиНП; с 2002 – гл. спец. РГАСПИ. 236, 238, 241–242, 245, 434
- Неупокоев Валентин Иванович (р. 1912) – д.и.н. (1973), спец. по ист. Прибалтики XIX в. В 1960–1968 – уч. секр. Отд. ист. (ОИ) АН СССР; в 1968–1981 – снс, 1981–1986 – снс-конс. ИИ СССР АН СССР. 350
- Неусыхин Александр Иосифович (1898–1969) – д.и.н. (1946), спец. по ист. Европы раннего Ср.-вековья. С 1936 – снс ИИ (ИВИ) АН СССР. 130, 310, 398
- Нечкина Милица Васильевна (1899–1985) – д.и.н. (1939), спец. по ист. России XIX в., историографии. Акад. АН СССР (1958). С 1961 – пред. Науч. совета «История ист. науки в СССР» при ОИ АН СССР. 97–104, 110–111, 130–131, 180, 187, 211, 324–325, 352, 354–356, 396, 414–415, 427, 474
- Никитина Людмила Александровна (р. 1932) – к.и.н. (1976), археограф, источниковед, спец. по рус.-англ. отн. XVI–XVII вв. 95, 96
- Никифоров Леонид Алексеевич (1911–1987) – д.и.н. (1959), спец. по ист. межд. отн. XVIII в. Участник ВОВ. Декан ист.-международ. ф-та МГИМО, в 1962–1968 – дир. МГИАИ. 228, 232, 371
- Никонов Анатолий Васильевич (1923–1983) – журналист, в 1961–1963 – ред. ж-ла «Смена», с 1970 – гл. ред. ж-ла «Мол. гвардия». 320
- Нифонтов Александр Сергеевич (1899–1987) – д.и.н. (1949), спец. по ист. рос. рев. движ. и экон. XIX в. 130
- Новицкий Георгий Андреевич (1896–1982) – к.и.н., проф. (1960), спец. по ист. XVII–XVIII вв., музееведению. В 1948–1951 – декан ист. ф-та МГУ. 388
- Новосельский Алексей Андреевич (1891–1967) – д.и.н. (1946), спец. по ист. России XVII в. В 1943–1946 – доц., 1946–1956 – проф., зав. каф. МГИАИ; 1946–1950 – снс, 1950–1951 – зав. сектором ист. СССР до XIX в., 1951–1953 – зам. дир., 1953–1963 – зав. сектором публ. источников ИИ АН СССР. 95, 97, 130, 323

- Новосельцев Анатолий Петрович (1933–1995) – д.и.н. (1973), чл.-кор. АН СССР (1984). В 1958–1968 – мнс, 1968–1984 – снс, 1983–1988 – зав. сектором ист. древнейш. гос-в на терр. СССР, 1988–1993 – дир. ИИ АН СССР–ИРИ РАН, с 1993 – рук. центра ист. России в Ср. века и раннее Новое время. *18, 69, 118, 209, 274, 276, 348*
- Новожилин Михаил Михайлович (1921–2012) – актер, певец, режиссер. *339*
- Ножкин Михаил Иванович (р. 1937) – актер т-ра и кино, поэт-песенник. *13*
- Озеров (Гольдберг) Лев Адольфович (1914–1996) – поэт и переводчик, критик, литературовед. С 1943 – преп. в Лит. ин-те им. А.М. Горького. *406*
- Олеша Юрий Карлович (1899–1960) – писатель, киносценарист, поэт и драматург. *285*
- Осипова Таисия Васильевна (1927–2013) – д.и.н. (1976), спец. по ист. сов. крест-ва. В 1957–1992 – нтс, мнс, снс, уч. секр., внс ИИ (ИИ СССР) АН СССР. С 1993 – проф., зав. каф. ист. и соц. дисцип. ИПК и переподг. раб-ков нар. обр. Моск. обл.; проф. каф. ист. Ср. веков и Нового времени МПУ. *363, 382*
- Павленко Николай Иванович (1916–2016) – д.и.н. (1962). В 1949–1975 – в ИИ АН СССР–ИИ СССР АН СССР. В 1975–1990-е – проф. МГПИ. *15–17, 19, 24, 377, 473*
- Пайпс Ричард (1923–2018) – амер. историк, спец. по ист. России. *79–81, 120*
- Панкратова Анна Михайловна (1897–1957) – д.и.н., спец. по ист. раб. класса, автор уч-ков для шк. и вузов. В 1953–1957 – гл. ред. ж-ла «Вопр. ист.». Акад. АН СССР (1953). *211, 290, 324, 327, 352–356, 460, 471*
- Панкратова Майя Григорьевна (1925–1999) – к.и.н., д.социол.наук, спец. по агр. ист. и социол., теории и методол. ист. Дочь Г.Я. Яковина и А.М. Панкратовой. *354*
- Пашуто Владимир Терентьевич (1918–1983) – д.и.н. (1959). С 1945 – асп., сотр. ИИ АН СССР–ИИ СССР АН СССР, осн. и рук. сектора ист. древнейш. гос-в на терр. СССР. Чл.-кор. АН СССР (1976). *15, 116, 131, 180, 336, 340, 379–380, 390, 403, 427*

- Петров Юрий Александрович (см. Сведения об интервьюируемых). *18, 146, 209, 328, 436*
- Писарев Юрий Алексеевич (1916–1993) – д.и.н. (1962), спец. по ист. слав. стран в нач. XX в., 1-й Миров. войне. В 1953–1959 – снс ИИ АН СССР, затем в Ин-те славянов. АН СССР. Преп. в МГИАИ, МГУ. Акад. РАН (1992). *104, 113*
- Пискотин Михаил Иванович (1924–2003) – д.ю.н. (1969), спец. по бюдж. праву. В 1973–1989 – гл. ред. ж-ла «Сов. гос-во и право»; 1989–1991 – гл. ред. ж-ла «Нар. деп.». *356*
- Пихоя Рудольф Германович (р. 1947) – д.и.н. (1987), спец. по отеч. ист. В 1990–1996 – рук. Гос. архивн. службы РФ. С 2015 – в ИРИ РАН, в 2017–2021 – гл. ред. ж-ла «Рос. ист.». *151, 161–162*
- Платонов Сергей Фёдорович (1860–1933) – акад. РАН (1920), спец. по ист. Смутн. врем., авт. уч-ков, орг. науки. В 1930 арестован по «Академ. делу» и выслан в Самару. *397, 399, 415*
- Платонова Клавдия Михайловна (р. 1909) – в 1954–1965 – мнс ИИ СССР АН СССР. *96*
- Плисецкая Майя Исааковна (1925–2015) – балерина, прима Большого т-ра. *322*
- Плотников Николай Сергеевич (1949–2020) – актер т-ра и кино, театр. педагог, артист дубляжа. *339*
- Плучек Валентин Николаевич (1909–2002) – театр. педагог, реж. В 1957–2000 – гл. реж. Мос. т-ра сатиры. *98*
- Подосинов Александр Васильевич (р. 1950) – д.и.н. (1998), спец. по ист. Причерноморья пер. Античности. Гнс ИВИ РАН, проф. РГГУ, зав. каф. др. языков ист. ф-та МГУ. *116–117*
- Подъяпольская Елена Петровна (1895–1986) – к.и.н. (1963), спец. по ист. России XVII–XVIII вв. *95, 377–378*
- Покровский Михаил Николаевич (1868–1932) – уч. рев. движ., сов. гос. деятель, лидер историков-марксистов 1920-х гг. Акад. АН СССР (1929). *291, 341, 352, 354, 384*
- Полевой Юзеф Захарович (Юзя Зейликович) (р. 1903) – д.и.н. (1962), спец. по ист. раб. класса. В 1944–1951 – мнс, 1951–1973 – снс ИИ АН СССР–ИИ СССР АН СССР. *325, 358–359, 361*
- Поляков Юрий Александрович (1921–2012) – д.и.н. (1965), спец. по сов. ист. С 1949 – мнс, снс, рук. сект., отд., центра ИИ

- АН СССР–ИРИ РАН, сов. РАН. Акад. РАН (1997). *43, 49, 57, 88, 158, 173, 181, 348*
- Поршнев Борис Фёдорович (1905–1972) – д.и.н. (1940), спец. по ист. Франции Нов. врем., межд. отн., теории и методол. ист. Стал. пр. (1950). *99, 112, 128–129, 135, 474.*
- Похлёбкин Вильям Васильевич (1923–2000) – к.и.н. (1952). В 1953–1963 – уч. секр. сектора новейш ист., снс ИИ АН СССР; с 1965 – независ. исследователь. *334*
- Преображенский Александр Александрович (1925–2002) – д.и.н. (1969), спец. по ист. XVI–XVIII вв. С 1952 – асп., мнс, снс, 1977–1991 – зав. сектором ИИ АН СССР; 1991–2000 – гнс ИРИ РАН. *185, 375–376, 390, 477.*
- Пресняков Александр Евгеньевич (1870–1929) – спец. по ист. ср.-веков. Руси и России нов. врем. Чл.-кор. РАН (1920). *354, 397*
- Пушкарёв Лев Никитич (1918–2019) – д.и.н. (1970), спец. по ист. рус. культуры XVII–XVIII вв., источниковедению. Участник ВОВ. С 1949 – нс, снс, внс ИИ АН СССР–ИРИ РАН. *95, 104, 116, 315, 323, 328, 337, 363, 377, 429*
- Пушкарёва Ирина Михайловна (см. Сведения об интервьюируемых). *74, 205, 269*
- Пушкарёва Наталья Львовна (р. 1959) – д.и.н. (1997), спец. по гендерной ист. Дочь Л.Н. и И.М. Пушкарёвых. *311*
- Разгон Анатолий Израилевич (р. 1930) – д.и.н. (1980), спец. по ист. рев-ции 1917 г. и Гражд. войны. С 1961 – асп., нс, снс ИИ АН СССР–ИРИ РАН. С 1993 – в США. *43, 125*
- Райкин Аркадий Исаакович (1911–1987) – артист эстрады, т-ра и кино, театр. реж., конферансье. *272*
- Рашин Адольф Григорьевич (1888–1960) – к.э.н. (1936), спец. по демогр., ист. пролетариата. В 1920–1930 – рук. Центр. бюро стат. труда. С 1936 – в ИИ АН СССР. *360*
- Рейснер Игорь Михайлович (1899–1958) – д.и.н. (1953), спец. по ист. Индии. С 1935 – проф., зав. каф. ист. ф-та МГУ. *310*
- Рогожин Николай Михайлович (р. 1947) – д.и.н. (1993). В 1976–1998 – мнс, снс, внс, 1998–2000 – рук. центра по изуч. и публ. источн. ИИ СССР АН СССР–ИРИ РАН, с 2000 – гнс, рук. центра ист. рус. феодализма, 2003–2007 – зам. дир. ИРИ. *19, 31–32, 57, 272, 390*

- Рождественский Юрий Владимирович (1926–1999) – лингвист, филолог, философ, востоковед и культуролог, орг. науки. Акад. РАО. 252
- Рожкова Мария Константиновна (1898–1982) – д.и.н. (1948), спец. по экон. ист. России XIX в. В 1936–1974 – снс ИИ (ИИ СССР) АН СССР. 325, 338, 355
- Рослова Анна Сергеевна (1904–1977) – к.и.н. (1950). В 1950–1962 – дир. МГИАИ. 166
- Рудницкая Евгения Львовна (1920–2016) – д.и.н. (1970), спец. по ист. обществ. мысли, рос. рев. движ. XIX в. В 1958–2012 – в ИИ (ИИ СССР) АН СССР–ИРИ РАН. 101, 415
- Рыбаков Борис Александрович (1908–2001) – археолог, иссл. слав. культуры и ист. Др. Руси. Проф. МГУ. В 1956–1987 – дир. Ин-та археол, в 1966–1968 – дир. ИИ СССР АН СССР. Акад. АН СССР (1958). 114, 118, 130, 194, 309, 345, 379, 415, 429, 478
- Рындзюнский Павел Григорьевич (1909–1993) – д.и.н. (1959), спец. по ист. России XIX в. 195, 315, 414, 424
- Рязановский Николай Валентинович (1923–2011) – амер. историк, спец. по ист. России, авт. стандартного уч-ка для амер. вузов «A History of Russia». 120
- Салов Владимир Иванович (1923–1984) – д.и.н. (1967), с 1977 – зав. сектором заруб. историографии сов. об-ва ИИ СССР АН СССР. 431
- Самсонов Александр Михайлович (1907–1992) – д.и.н. (1961), спец. по ист. ВОВ. Акад. АН СССР (1981). 80, 321, 323–324.
- Санин Александр Степанович (р. 1909) – уч. обороны Брест. креп. В ночь на 27 июня 1941 г. контужен, попал в плен, находился в нем. концлагерях. 366–367
- Санин Игорь Александрович (р. 1939) – засл. художник РФ (2007), поч. деят. культуры г. Омска (2009). 367
- Санина Александра Васильевна – экономист, доц. каф. полит-экономии МГУ. Жена В.Г. Венжера. 395, 442
- Сарбей Виталий Григорьевич (1928–1999) – д.и.н. (1972), спец. по ист. сов. Украины. 99
- Сахаров Анатолий Михайлович (1923–1978) – д.и.н. (1972), проф. МГУ, спец. по ист. ср.-веков. Руси, историографии. 415

- Сахаров Андрей Николаевич (см. Сведения об интервьюируемых). *18, 50, 55, 57, 69, 118, 127, 149, 157, 161, 171, 175, 209, 273–274, 356*
- Севастьянов Григорий Николаевич (1916–2013) – д.и.н. (1960), акад. АН СССР (1987), спец. в обл. новейш. ист. США и межд. отн. *331*
- Седов Михаил Герасимович (1912–1991) – д.и.н. (1968), проф. МГУ, спец. по ист. народничества. *422*
- Секиринский Сергей Сергеевич (1955–2012) – д.и.н. (1999), спец. по ист. отеч. культуры и обществ. мысли. В 2012 – гл. ред. ж-ла «Рос. ист.». *162, 275*
- Селезнёв Михаил Степанович (1916–1998) – д.и.н. (1971), спец. по археографии. С 1957 – зав. каф. археографии МГИАИ; в 1955–1963, 1968–1976 – проректор МГИАИ по учеб. и науч. раб. *373*
- Селицкий Владислав Иосифович (р. 1918) – д.и.н. (1965), спец. по ист. рев-ции 1917 г. Участник ВОВ. В 1968–1991 – проф., зав. каф. Ленингр. ВПШ. *351, 362*
- Серебрякова Галина Иосифовна (1905–1980) – писательница и журналистка. В 1936–1956 – в лагерях и ссылках. Жена Г.Я. Сокольников. *232*
- Сивков Константин Васильевич (1882–1959) – д.и.н. (1945), спец. по ист. России XVIII – нач. XIX в. В 1936–1941 и с 1945 – снс ИИ АН СССР. *131, 327*
- Сигельбаум Льюис (р. 1949) – проф.-эмеритус Мичиган. ун-та (США), спец. по сов. ист. *148*
- Сидоров Аркадий Лаврович (1900–1966) – д.и.н. (1943), спец. по ист. России нач. XX в. В 1948–1952 – проректор МГУ, 1953–1959 – дир. ИИ АН СССР. *118, 195, 208, 211, 310, 323, 327–329, 341–345, 348, 352, 361, 415*
- Сидоров Кузьма Фёдорович (1894–1981) – к.и.н. (1935), 1931–1935 – зав. сектором ист. ВКП(б); 1935–1937 – нс 1-го разр. ИМЭЛ ЦК ВКП(б); 1937–1954 – преп. ср. шк.; с 1956 – снс ИИ АН СССР. Спец. по ист. рев. движ. *333*
- Сидорова Нина Александровна (1910–1961) – д.и.н. (1949), спец. по ср.-веков. ист. Франции. С 1943 – проф. ист. ф-та МГУ. С 1952 – зав. сектором Ср. веков ИИ АН СССР. Жена В.И. Векслера. *331, 442*

- Симонова Марлена Сергеевна (1927–2013) – к.и.н. (1954), спец. по агр. ист. кон. XIX – нач. XX в. С 1954 – мнс, с 1966 – снс ИИ (ИИ СССР) АН СССР–ИРИ РАН. 346, 351
- Синицына Нина Васильевна (1936–2018) – д.и.н. (1977), спец. по ист. ср.-веков. Руси XVI в. С 1959 – мнс, снс, внс, гнс ИИ АН СССР–ИРИ РАН. 415
- Сказкин Сергей Данилович (1890–1973) – д.и.н. (1935), спец. по ист. Европы в Ср. века и Новое время. Акад. АН СССР (1958). 64, 111, 194, 310, 398–399, 401
- Скобцева Ирина Константиновна (1927–2020) – актриса, жена реж. С.Ф. Бондарчука. 318
- Сковронек Ежи (1937–1996) – польск. историк, спец. по ист. слав. стран XVIII–XIX вв. 120
- Слѣзкин Лев Юрьевич (1920–2012) – д.и.н. (1965), н.с. ИИ АН СССР–ИВИ АН СССР. Спец. по ист. США и стран Лат. Америки. 311, 318
- Слѣзкин Юрий Львович (р. 1956) – амер. историк, спец. по сов. ист. 318
- Сливовская Виктория (р. 1931) – польск. историк, спец. по ист. России и рус.-польск. отн. 306
- Смирин Моисей Менделевич (1895–1975) – д.и.н. (1946), спец. по ист. ср.-веков. Германии. С 1938 – снс ИИ АН СССР; доц., проф. МГУ. Лауреат Стал. пр. (1948). 130, 310
- Смирнов Сергей Сергеевич (1915–1976) – писатель, радио- и телевед., обществ. деят. Авт. серии кн. об обороне Брест. креп., после к-рых подвиг ее защитников стал широко известен. 368
- Смирнова Зинаида Васильевна – д.ф.н. (1971), спец. по ист. филос. 320
- Смирнова Татьяна Михайловна (1935–1998) – к.и.н., спец. по сов. органам упр. культурой и иск-вом, преп. МГИАИ. 234, 259
- Соболев Пётр Никифорович (р. 1909) – д.и.н. (1956), спец. по ист. рев-ции 1917 г. и Гражд. войны. 43, 47, 67, 75, 182, 348
- Соколов Андрей Константинович (1941–2015) – д.и.н. (1986), спец. в обл. новейш. ист. России. 1970–1987 – асс., ст. преп., доц. ист. ф-та МГУ; с 1987 – гнс, рук. группы ист. информатики и источниковедения XX в., рук. центра по изуч. новейш. ист. России и политол., зам. дир. (до 2003) ИИ СССР АН СССР–ИРИ РАН. 137, 145, 148–150, 152, 156–158, 475

- Соколов Михаил Владимирович (р. 1962) – журналист, вед. передачи «Цена ре-ции» на радиост. «Эхо Москвы». 258
- Соколов Олег Дмитриевич (1922–1980) – д.и.н., спец. по ист. сов. ист. науки, сотр. журнала «Коммунист». 363
- Сокольников Григорий Яковлевич (Гирш Яковлевич Бриллиант) (1888–1939) – большевик, в 1922–1926 – нарком финансов РСФСР, орг. ден. реформы 1924 г. Муж Г.И. Серебряковой. Репрессирован. 232, 464
- Солженицын Александр Исаевич (1918–2008) – писатель, драматург, публицист, поэт, обществ. и полит. деятель. Ноб. пр. по лит-ре (1970). 412
- Соловьёв Владимир Сергеевич (1853–1900) – философ, религ. мыслитель, поэт. Сын С.М. Соловьёва. 61
- Соловьёв Кирилл Андреевич (р. 1978) – д.и.н. (2012), спец. по ист. России 2-й пол. XIX – нач. XX в. С 2004 – преп., ст. преп., доц., проф. РГГУ; с 2012 – доц., проф. НИУ ВШЭ; с 2013 – внс, гнс ИРИ РАН. 256
- Соловьёв Сергей Михайлович (1820–1879) – историк, проф. В 1871–1877 – ректор Мос. ун-та. Отец В.С. Соловьёва. 399, 466
- Соловьёва Аида Михайловна (1930–2018) – к.и.н., спец. по ист. рос. пром-сти XIX в. С 1955 – мнс сектора ист. СССР пер. капитализма ИИ АН СССР. 184, 335
- Соломонов Юрий Семёнович (р. 1945) – конструктор ракетн. техники воен. назн. В 1997–2009 – дир. Мос. ин-та тепло-техники. Акад. РАН (2006). 119
- Сорокина Светлана Иннокентьевна (р. 1957) – журналистка, радио- и телеведущая. 247, 258
- Спирин Леонид Михайлович (1917–1993) – д.и.н. (1965), спец. по ист. ре-ции 1917 г. и Гражд. войны. 47, 428
- Станиславская Августа Михайловна (1914–2001) – д.и.н. (1963), спец. по ист. межд. отн. XVIII–XIX вв. 99, 325, 355
- Станиславский Константин Сергеевич (1863–1938) – театр. реж., актер и педагог, теоретик и реформатор т-ра. Осн. Мос. худож. т-ра. 225
- Стейнбек Джон (1902–1968) – амер. писатель. Ноб. пр. по лит-ре (1962). 380
- Степанский Александр Давидович (1934–2009) – д.и.н. (1982), спец. по ист. гос. учрежд. и обществ. орг-ций кон. XIX – нач.

XX в., археографии. С 1966 – преп. МГИАИ–ИАИ РГГУ. 169, 171, 259

Стукалин Борис Иванович (1923–2004) – пред. К-та по печати при СМ СССР, Гос. к-та СССР по делам изд-в, полиграфии и книж. торг. (1970–1982), зав. отд. пропаганды и агит. ЦК КПСС (1982–1985). 405

Тарле Евгений Викторович (1874–1955) – д. всеобщ. ист. (1911), акад. АН СССР (1927). 310, 326, 354

Тарновский Константин Николаевич (1921–1987) – д.и.н. (1981), спец. по ист. России нач. XX в. Участник ВОВ. 1952–1959 – асп., доц. каф. ист. СССР пер. капитализма, зам. декана ист. ф-та МГУ; с 1959 – нс, снс, внс ИИ (ИИ СССР) АН СССР. 70, 112, 114, 172, 174, 181, 194–195, 197, 210–211, 277, 342–346, 350–351, 354, 402, 411, 424–425, 427, 437, 476

Тартаковский Андрей Григорьевич (1931–1999) – д.и.н. (1983). С 1969 – в ИИ СССР АН СССР–ИРИ РАН. 19

Тетуев Борис Инзрелович (р. 1946) – д.филол.н. (2008), проф. Науч. рук. каф. рус. и заруб. лит-р Кабард.-Балкар. ГУ. 45

Тимофеев Тимур Тимофеевич (Тим Райан) (1928–2013) – д.и.н. (1965), чл.-корр. АН СССР (1966). Осн. и 1-й дир. Ин-та межд. раб. движ. АН СССР. Сын ген. секр. КП США Ю. Денниса. 320

Тихомиров Михаил Николаевич (1893–1965) – д.и.н. (1939), спец. по ист. ср.-веков. России. Акад. АН СССР (1953). 110, 309, 323, 415

Тихонов Юрий Александрович (1925–2021) – д.и.н. (1973). Участник ВОВ. С 1956 – сотр. ИИ АН СССР–ИИ СССР АН СССР–ИРИ РАН. 27, 185

Тойнби Арнольд (1889–1975) – англ. историк, авт. 12-томн. соч. «Постижение истории». 128

Толчёнов Иван Алексеевич (1754 – после 1812) – 1-й гильдии купец г. Дмитрова (Московская губ.), благотворитель, домовладелец. 32

Трапезников Сергей Павлович (1912–1984) – д.и.н. (1956), чл.-корр. АН СССР (1976). С 1965 – зав. отд. науки и учеб. зав. ЦК КПСС. 181, 344, 346–347, 349–351, 424

Трифонов Юрий Валентинович (1925–1981) – писатель, предст. «гор.» прозы. 72

- Трукан Герман Антонович (1924–2011) – д.и.н.(1968), спец. по сов. ист. Участник ВОВ. В 1958–1975 – снс, 1975–1981 – зав. сектором источников. ист. сов. общ-ва, 1982–1988 – зам. дир., с 1988 – гнс ИИ АН СССР–ИРИ РАН. *150*
- Трухановский Владимир Григорьевич (1914–2000) – д.и.н. (1958), писатель, дипломат. В 1960–1987 – гл. ред. ж-ла «Вопр. ист». Акад. РАН (1992). *401, 407*
- Тютюкин Станислав Васильевич (1935–2019) – д.и.н. (1983), спец. по ист. России 2-й пол. XIX – нач. XX в. 1958–1963 – в ИИ АН СССР (с откомандированием в МИД СССР); 1966–1968 – мнс ИЭ АН СССР; с 1968 – мнс, снс, зав. сектором, внс, гнс ИИ СССР АН СССР–ИРИ РАН; в 1995–2006 – гл. ред. ж-ла «Отеч. ист.». *70, 89, 112, 161–162, 171, 210, 351, 361, 425, 434, 437*
- Удальцов Александр Дмитриевич (1883–1958) – медиевист, спец. в обл. ист. феод. отн. в Зап. Европе. Чл.-кор. АН СССР (1939). *107*
- Устюгов Николай Владимирович (1896–1963) – д.и.н. (1956), спец. по ист. России XVII в. С 1935 – нс Ист.-археогр. ин-та (с 1936 – ИИ АН СССР). Участник ВОВ. С 1946 – нс, внс ИИ АН СССР; одновр. доц., проф. МГИАИ. *130, 180, 187, 370–371, 373–375, 414, 477*
- Утченко Сергей Львович (1908–1976) – д.и.н. (1948), спец. по ист. Др. Рима. *104–105, 186, 323, 369*
- Фарсолас Деметриос – амер. историк, спец. по ист. Балкан, рус.-греч. связям. *123*
- Фёдоров Владимир Александрович (1926–2006) – д.и.н. (1969), спец. по ист. России XIX в. Проф. МГУ. *100*
- Федосов Иван Антонович (1921–2001) – д.и.н. (1957), акад. АПН СССР, засл. проф. МГУ. *63, 94, 396, 401, 474*
- Фурсенко Андрей Александрович (р. 1949) – мин. обр. и науки РФ (2004–2012). *382*
- Хазанов Геннадий Викторович (р. 1945) – эстрад. артист, актер т-ра и кино, телевед. *116*
- Харчев Анатолий Георгиевич (1921–1987) – д.филос.н. (1963), социолог. С 1975 – гл. ред. журнала «Социол. иссл.». *319*

- Хейердал Тур (1914–2002) – норв. археолог, путешественник и писатель. 429
- Хесин Самуил Семёнович (1911–1986) – д.и.н. (1968), спец. по ист. рев-ции 1917 г. С 1962 – снс ИИ (ИИ СССР) АН СССР. 51
- Хвостов Владимир Михайлович (1905–1972) – д.и.н. (1938), спец. по ист. межд. отн. в новейш. время. 1959–1967 – дир. ИИ АН СССР; 1967–1971 – през. АПН СССР; 1971–1972 – акад.-секр. ОИ АН СССР. Акад. АН СССР (1964). 112, 118, 126, 323, 325, 329, 332, 338, 345
- Хлевнюк Олег Витальевич (р. 1959) – д.и.н. (1996), спец. по сов. ист. 1985–1987 – мнс ИИ СССР АН СССР; 1987–1997 – науч. конс., чл. редкол. журнала «Коммунист» («Своб. мысль»); с 1997 – гл. спец. ГА РФ; с 2014 – проф., гнс НИУ ВШЭ. 245
- Хорошкевич Анна Леонидовна (1931–2017) – д.и.н. (1974), спец. по ист. Балт. региона XIV–XVII вв. 1957–2001 – мнс, снс, внс ИИ АН СССР–ИРИ РАН; с 2001 – внс ИС РАН. 177, 190
- Хромов Семён Спиридонович (1920–2012) – д.и.н. (1967). В 1966–1979 – зав. сектором отд. науки и учеб. зав. ЦК КПСС. В 1979–1988 – дир. ИИ СССР АН СССР. 18, 69, 75, 81, 118, 172, 174, 182, 209, 242, 251, 274, 276, 345, 348–351, 411, 429
- Хрущёва (Аджубей) Рада Никитична (1929–2016) – журналистка, дочь парт. и гос. деятеля Н.С. Хрущёва. С 1956 – зам. гл. ред. ж-ла «Наука и жизнь». 314
- Худавердян Константин Суренович (1929–1999) – д.и.н. (1967), спец. по ист. сов. Армении. В 1956–1988 – в ИИ АН Арм. ССР. С 1988 – гл. ред. Арм. энцикл. 99
- Цамутали Алексей Николаевич (р. 1931) – д.и.н. (1979), спец. по ист. истор. науки. С 1962 – в ЛОИИ АН СССР–СПб ИИ РАН. Муж Л.И. Ивиной. 99, 103, 450
- Черепнин Лев Владимирович (1905–1977) – д.и.н. (1947). В 1936–1941 – сотр. ИИ АН СССР–ИИ СССР АН СССР, в 1946–1972 – зав. сектором ист. СССР пер. феодализма. Акад. АН СССР (1972). 15–16, 43, 94, 99, 104, 107, 109, 131, 180, 187, 211, 336, 376–378, 390, 394–395, 398–404, 407, 410, 414–415, 427, 474, 478
- Черменский Евгений Дмитриевич (1905–1995) – д.и.н. (1948), спец. по ист. России нач. XX в. 210

- Чубарьян Александр Оганович (р. 1931) – д.и.н. (1972), спец. по ист. межд. отн. в XX в. В 1958–1965 – мнс, уч. секр., зав. сектором ИИ АН СССР. В 1988–2015 – дир., с 2015 – науч. рук. ИВИ РАН. Акад. РАН (2000). 99, 339–340
- Шамин Степан Михайлович (р. 1975) – д.и.н. (2021), спец. по ист. России XVII в. 2003–2016 – снс, внс отд. культуровед. в обуч. рус. яз. как иностр. Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина; с 2011 – снс, внс ИРИ РАН. 256
- Шарапов–Антонов Юрий Павлович (1920–2005) – д.и.н. (1981), спец. по ист. Гражд. войны, сов. культуры, НЭП. В 1961–1963 – зам. зав. сектора ИМЛ; 1963–1972 – зам. ред. отд. газ. «Известия»; с 1972 – нс, снс, внс ИИ СССР АН СССР–ИРИ РАН. Отец А.Ю. Морозовой. 289, 458
- Шахматов Алексей Александрович (1864–1920) – филолог, историк, обществ. и гос. деятель, осн. соврем. летописеведения. Акад. Имп. С.-Петербур. АН (1897). 385
- Шахназаров Георгий Хосроевич (1924–2001) – писатель, д.ю.н., Участник ВОВ. В 1964–1988 – конс., зам. зав. межд. отд. ЦК КПСС. Чл.-кор. АН СССР (1987). 356
- Шацилло Корнелий Фёдорович (1924–1998) – д.и.н. (1968), спец. по экон. и воен. ист. России кон. XIX – нач. XX в. Участник ВОВ, инвалид войны. С 1958 – мнс, снс, внс, гнс ИИ АН СССР–ИРИ РАН. 195, 270, 346, 351, 424
- Шверубович Вадим Васильевич (1901–1981) – театр. деят., педагог, мемуарист. Сын В.И. Качалова и Н.Н. Литовцевой. 167–169
- Шейко Василий Николаевич (р. 1942) – д.и.н. (2002), проф. С 1971 – в Харьков. ГИК: преп., доц., снс, с 1989 – ректор. Акад. УАН (2004). 44
- Шелохаев Валентин Валентинович (см. Сведения об интервьюируемых). 44, 49, 104, 181, 191, 199, 205–206, 269, 347, 349
- Шеремет Павел Григорьевич (1971–2016) – тележурналист. 247
- Шерстобитов Виктор Павлович (р. 1929) – д.и.н. (1966), спец. по ист. нац. отн. в СССР. В 1974–1984 – зам. дир. ИИ СССР АН СССР. Акад. АН Кирг. ССР (1984). 235, 274
- Шестаков Владимир Алексеевич (р. 1947) – д.и.н. (2006), спец. по соц.-экон. и полит. ист. России в XX – нач. XXI в. С 1980 – в ИИ АН СССР–ИРИ РАН, 2003–2016 – уч. секр. ИРИ. 49

- Шестинский Олег Николаевич (1929–2009) – поэт, писатель, переводчик, публицист. В 1971–1973 – пред. Ленингр. отд. СП РСФСР; в 1973–1986 – секр. СП СССР по раб. с мос. авт. 406
- Шильдер Николай Карлович (1842–1902) – воен. деятель, историк. Ген.-лейт. (1893), чл.-кор. Имп. С.-Петербур. АН (1900). В 1886–1899 – нач. Николаев. инж. акад, с 1899 – дир. Публ. библ. 409
- Шмидт Сигурд Оттович (1922–2013) – д.и.н. (1965), акад. РАО (1992). С 1968 – пред. Археогр. ком. С 1949 – преп. МГИАИ, рук. кружком источниковедения. 12, 14, 31, 33–34, 137–141, 144, 157, 161, 166–167, 187, 226, 229, 244, 259, 303, 371, 373, 475
- Шнирельман Виктор Александрович (р. 1949) – д.и.н. (1990), спец. по ист. первобытн. об-ва, нац. пробл. соврем. России. 246
- Штранге Михаил Михайлович (1907–1968) – разведчик, д.и.н. (1965), спец. по рус. обществ. мысли XVIII в. 1947–1955 – гл. библиограф ФБОН АН СССР; 1955–1965 – нс, снс сектора ист. СССР пер. феодализма ИИ АН СССР. 376
- Эймонтова Регина Генриховна (1928–2000) – к.и.н. (1954), спец. по ист. рос. ун-тов XIX в. 1954–1973 – ст. библиограф, гл. библиограф ГПИБ; с 1973 – реф. М.В. Нечкиной; снс ИИ СССР АН СССР–ИРИ РАН. 313, 321
- Эль-Регистан (Габриэль Аршакович Уреклянц) (1899–1945) – журналист, поэт, один из авторов слов гимна Сов. Союза (1945). 317
- Эренбург Георгий Борисович (1902–1967) – к.и.н. (1945), спец. по ист. Китая. 310
- Якир Ирина Петровна (1948–1999) – уч. правозаш. движ. 1960–1970-х, сост. бюллетеня «Хроника текущих событий» (1970–1972). Дочь П.И. Якира, жена барда Ю.Ч. Кима. 14, 232, 452, 471
- Якир Пётр Ионович (1923–1982) – уч. правозаш. движ., историк. Сын командарма И.Э. Якира, отец И.П. Якир. Участник ВОВ. В 1962–1968 – сотр. ИИ АН СССР. 14, 177, 232, 471
- Яковин Григорий Яковлевич (1899–1938) – историк-германист. Муж А.М. Панкратовой. Репрессирован как троцкист. 354, 460

- Яковлев Александр Николаевич (1923–2005) – полит. деят., д.и.н. (1967), акад. РАН (1990). Один из гл. идеологов «перестройки». 404, 435
- Яковлев Николай Никифорович (1898–1970) – д.и.н. (1959), спец. по ист. России нач. XX в., рев. движ. В 1938–1939 – 1-й дир. ГПИБ. 361, 371
- Якубовская Софья Иосифовна (1914–1987) – д.и.н. (1960), спец. по ист. соц. стр-ва в СССР. 1946–1981 – мнс, нс, снс ИИ (ИИ СССР) АН СССР; 1946–1948 – преп. ист. ф-та МГПИ; 1953–1962 – преп., доц. каф. вспом. ист. дисцип. МГИАИ. 167
- Яцунский Виктор Корнельевич (1893–1966) – д.и.н. (1950), спец. по ист. геогр. и соц.-экон. ист. России XVIII–XIX вв. В 1921–1945 – преп. Ком. ун-та им. Я.М. Свердлова, МГУ, МОПИ, МГПИ, МГИАИ; с 1946 – нс ИИ АН СССР, рук. гр. ист. геогр. 131, 195, 325, 360, 414–415.

Сведения об интервьюируемых

АКСЁНОВ Александр Иванович (р. 23.03.1942, д. Гусиловка Скопинского р-на Рязанской обл.). Окончил МГИАИ, ф-т ист. архивоведения (1969). Учит. — А.А. Зимин, Н.И. Павленко. Канд. дис.: «Московск. купечество в XVIII в.: опыт генеалог. изучения» (ИИ СССР АН СССР, 1974). Докт. дис.: «Очерки генеалогии уездного купечества XVIII в.» (Там же, 1994). С 1969 — асп., мнс, снс, внс ИИ СССР АН СССР (ИРИ РАН). В 1978—1982 — там же учен. секр. сектора источниковедения ист. СССР доокт. периода. С 1992 — чл. редкол. журн. «Ист. генеалогия». С 1996 — чл. редкол. журн. «РИ», чл. оргк-та «Демидовского гранта» (Демидовский благотв. фонд Тульской обл.). Член Учен. совета ИРИ РАН.

Научные интересы: отеч. ист., источниковедение, историография, генеалогия, регион. ист., соц.-экон. и полит. ист., ист. биогр.

БУГАЙ Николай Фёдорович (р. 19.12.1941, стан. Старо-Титаровская Краснодарск. края). Окончил Кабард.-БалкГУ, ист.-филол. фак. (1968). Учит. — Т.Х. Кумыков, И.Ф. Мужев, А.Х. Касумов, А.А. Барсуков.

Канд. дис.: «Рев. комитеты в борьбе за установление и укрепление сов. власти на Сев. Кавказе. 1920—1922 гг.» (ИИ СССР АН СССР, 1971). Докт. дис.: «Чрезвыч. органы сов. власти. 1918—1921 гг.» (Там же, 1985). Проф. (1993). Засл. деятель науки Респ. Адыгея (1996).

1951 — техник-метеоролог (Камчатское упр. гидрометеослужбы); 1968 — асп. ИИ СССР АН СССР; 1972—1993 — нс, снс, внс, гнс, уч. секр. по междунар. связям, зав. сектором ист. междунац. отношений ИИ СССР АН СССР (ИРИ РАН). С 1993 — нач. департамента по Сев. Кавказу Миннаца РФ. Действ. гос. советник РФ III класса; советник пр-ва РФ (2002), советник Минрегиона России (2005). С 2008 — гнс ИРИ РАН.

Научные интересы: отеч. ист., историография, археография, регион. ист., ист. народов России, ист. рев. движения, ист. сов.

и нац.-гос. стр-ва, ист. казачества и депортаций народов СССР (России).

БУЛДАКОВ Владимир Прохорович (р. 29.08.1944, г. Ижевск). Окончил МГУ, ист. ф-т (1967). Учит. — С.С. Дмитриев, М.С. Волин.

Канд. дис.: «Легальный марксизм и эволюция бурж.-либерал. идеологии в России» (ИИ СССР АН СССР, 1976). Докт. дис.: «Окт. рев-ция: социокульт. измерение» (МПУ, 1998).

1972–1976 — ст. ред. Госкомиздата СССР; с 1977–1998 — мнс, снс, зам. пред. Науч. совета «Ист. рев-ций в России» ИИ СССР АН СССР (ИРИ РАН); с 1998 — снс, гнс ИРИ РАН. Ген. секр. Межд. ком. по ист. Окт. рев-ции (с 1995).

Научные интересы: отеч. ист., источниковедение, историография, методология ист. соц., полит. ист., ист. культуры, обществ. мысли, рев. движения, масс. психол. и психопатология.

ВАНДАЛКОВСКАЯ Маргарита Георгиевна (р. 29.02.1932, г. Винница, Укр. СССР). Окончила МГУ, ист. ф-т (1955). Учит. — И.А. Федосов, М.В. Нечкина.

Канд. дис.: «М. К. Лемке — историк рус. рев. движения» (ИИ АН СССР, 1967). Докт. дис.: «Ист. изучения рус. освободит. движения XIX в. (1890–1917)» (Там же, 1983).

С 1956 — мнс, снс, внс, гнс ИИ АН СССР (ИРИ РАН). Зам. пред. Науч. совета по историографии и источниковедению. Чл. редкол. мн. изд., в т.ч. историограф. ежег. «Ист. и историки», «Историки России XVIII–XX вв.» (Вып. 1–4. М., 1995–1997), журн. «РИ». I премия памяти митр. Московск. и Коломенск. Макария (Булгакова) (2012).

Научные интересы: отеч. ист., историография, археография, ист. рев. движ., обществ. мысли, ист. рос. науч. интеллигенции, эмиграции, ист. биограф.

ГРОСУЛ Владислав Якимович (р. 11.02.1939, г. Тирасполь, Молд. ССР). Окончил Кишинев. ГУ, ист.-филол. ф-т (1961). Учит. — Н.А. Мохов, Р.Ю. Энгельгардт, Н.М. Дружинин, Б.Ф. Поршнев, Л.В. Черепнин, Я.С. Гросул.

Канд. дис.: «Реформы в Дунайских кн-вах и Россия (1826–1834 гг.)» (ИИ АН СССР, 1965). Докт. дис.: «Рос. революционе-

ры в Юго-Вост. Европе (1859–1874 гг.)» (Там же, 1975). Проф. (1997)

1961 – нс ИИ АН Молд. ССР; 1961–1964 – асп. ИИ АН СССР; 1964–1970 – мнс, снс ИИ АН Молд. ССР; с 1971 – снс, внс, гнс ИИ СССР АН СССР (ИРИ РАН). Зав. группой обществ. мысли и обществ. движения; чл. редкол. журн. «РИ». Лауреат премии Лен. комсомола. Проф. Акад. слав. культуры.

Научные интересы: отеч. и всеобщ. ист., ист. народов СССР, ист. России и Балкан. стран в новое время, молдавистика, москвоведение, ист. церкви, воен. ист.

ЖУРАВЛЁВ Сергей Владимирович (р. 20.11.1960, г. Москва).

Окончил МГИАИ, ф-т арх. дела (1984), асп. Археограф. комис. РАН с прикрепл. к МГИАИ (1989). Учит. – С.О. Шмидт, А.К. Соколов.

Канд. дис.: «Источники по созданию “Ист. фабрик и заводов Москвы” в 1931–1938 гг.» (МГИАИ, 1989). Докт. дис.: «Иностранцы в Сов. России 1920–1930-х гг.: источники и методы соц.-истор. исслед.» (ИРИ РАН, 2001).

С 1989 – мнс, нс, снс, внс ИИ СССР АН СССР (ИРИ РАН). Одноврем. с 2006 – проф. РАГС; с 2011 – зам. дир. по науч. раб. ИРИ РАН. Зам. пред. Учен. совета ИРИ РАН (с 2011). Рук. Центра изучения новейш. ист. России и политологии ИРИ РАН (с 2014). Чл. редкол. журн. «РИ», «Slavic Review» и др.

Научные интересы: отеч. ист. XX–XXI вв., источниковедение, соц. ист. и ист. повседневности, микроист., ист. предприятий и труд. колл.

ИВАНОВ Анатолий Евгеньевич (р. 31.07.1936, г. Москва). Окончил МГИАИ (1962). Учит. – Н.П. Ерошкин.

Канд. дис.: «Университетск. политика самодержавия накануне Первой рус. рев-ции» (ИИ СССР АН СССР, 1976). Докт. дис.: «Высш. шк. России в конце XIX – нач. XX вв.» (Там же, 1992). 1962–1967 – зав. отд. критики и библиогр. журн. «ПИШ»; 1967–1970 – мнс, ред. бюлл. «Лат. Америка» ИЛА АН СССР; с 1971 – мнс, нс, внс, гнс ИИ СССР АН СССР (ИРИ РАН). Чл. редсов. «РИ». Премия РАН им. В.О. Ключевского (2012). I премия памяти митр. Московск. и Коломенск. Макария (Булгакова) (2017).

Научные интересы: отеч. ист., ист. рус. культуры, нар. образов. XIX – нач. XX в., высш. шк. России XVIII – нач. XX в.

ИВАНОВА Наталья Анатольевна (р. 06.05.1938, г. Харьков). Окончила МГУ, ист. ф-т (1960). Учит. – К. Н. Тарновский, М. С. Волин.

Канд. дис.: «Рев. массовая стачка в России (1905–1907 гг., 1912–1914 гг.)» (ИИ СССР АН СССР, 1970). Докт. дис.: «Структура раб. класса России. 1910–1914» (Там же, 1988).

1960–1962 – нтс, 1963–1976 – мнс, 1976–1989 – снс, с 1989 – внс ИИ АН СССР (ИРИ РАН), с 2012 – гнс. 1979–1980 – уч. секр. сектора ист. СССР периода империализма.

Научные интересы: отеч. ист. конца XIX – нач. XX в., историография, экон. и соц. ист., ист. рев. движ., ист. биогр.

КРАСОВИЦКАЯ Тамара Юсуфовна (р. 17.07.1946, г. Ворошиловград). Окончила МГИАИ, ист.-архивовед. ф-т (1969). Учит. – Л. М. Зак, Е. Н. Городецкий.

Канд. дис.: «Гос. органы рук-ва просвещением нац. меньшинств. 1917–1922 гг.» (МГПИ, 1976). Докт. дис.: «Проблемы гос. рук-ва нац.-культурным стр-вом в РСФСР. 1917–1925 гг.» (ИРИ РАН, 1993).

1969–1974 – нс ЦГА РСФСР; 1975–1984 – нс, зав. сектором ВНИИДАД; с 1985 – нс ИИ СССР АН СССР; 1990–1992 – зам. дир. Ин-та нац. проблем образования; с 1993 – внс, гнс ИРИ РАН.

Научные интересы: отеч. ист., археография, ист. народов России, полит. ист., ист. учреждений, культуры, обществ. мысли, нац. сов. интеллигенции.

ПЕТРОВ Юрий Александрович (р. 10.06.1955, г. Загорск Московской обл.). Окончил МГУ, ист. ф-т (1978). Учит. – В. И. Бовыкин.

Канд. дис.: «Роль акционерных коммерч. банков Москвы в процессах формирования финанс. капитала в России» (ИИ СССР АН СССР, 1986). Докт. дис.: «Московск. буржуазия в нач. XX в.: предпринимат-во и политика» (Там же, 1999).

1978–1985 – мнс, нс, снс, внс, зав. экспозиц. отд. ГИМ; 1985–1987 – снс, 1987–1990 – уч. секр. сектора ист. СССР периода империализма ИИ СССР АН СССР; 1990–2003 – зав. отд. ист. России XIX – нач. XX в. журн. «Ист. СССР» («ОИ»); 2004–2010 – зав. сектором ист. Департ. внешн. и обществ. связей Центр. банка РФ; с 2010 – дир. ИРИ РАН. Чл. Совета по межнац. отношениям при През. РФ (с 2012). Пред. Науч. совета РАН по ист. соц. реформ, движений и рев-ций (с 2013). Чл. През. РИО (с 2014). II премия памяти митр. Московск. и Коломенск. Макария (Булгакова) (2003).

Научные интересы: отеч. ист., историография, археография, регион. ист., экон. ист., соц., полит. ист., ист. предпринимательства, банковского дела Москвы, ист. биогр.

ПУШКАРЁВА Ирина Михайловна (р. 29.04.1927, г. Шуя Ивановской обл.). Окончила МГУ, ист. ф-т (1950). Учит. – С.С. Дмитриев.

Канд. дис.: «Железнодорожники России в Окт. полит. стачке 1905 г.» (ИИ АН СССР, 1959). Докт. дис.: «Железнодорожники России в бурж.-дем. рев-циях 1905–1907, 1917 гг.» (Там же, 1976).

С 1950 – мнс, снс, внс ИИ АН СССР (ИРИ РАН). Лектор и чл. правл. об-ва «Знание».

Научные интересы: отеч. ист., историография, источниковедение, археография, ист. обществ. рев. движ., раб. класса, ист. дворян. усадьбы 2-й пол. XIX – нач. XX в., ист. биогр.

САНИН Геннадий Александрович (р. 30.10.1937, г. Омск). Окончил МГИАИ, ф-т архивоведения (1964). Учит. – Н.В. Устюгов, А.А. Преображенский.

Канд. дис.: «Отношения России с Правобережной Украиной на рубеже 60–70-х гг. XVII в.» (ИИ СССР АН СССР, 1970). Докт. дис.: «Отношения России и Украины с Крымским ханством в сер. XVII в.» (Там же, 1989). Проф.

С 1966 – мнс, снс, внс ИИ АН СССР (ИРИ РАН). С 1970 – преп. вузов Москвы.

Научные интересы: отеч. и всеобщ. ист., историография, спец. ист. дисцип., ист. внеш. политики, отн. России и Украины с Крымским ханством, ист. войн.

САХАРОВ Андрей Николаевич (02.06.1930, г. Кулебаки Нижегородской обл. – 26.06.2019, г. Москва). Окончил МГУ, ист. ф-т (1953). Учит. – Л.В. Черепнин, Б.А. Рыбаков.

Канд. дис.: «Рус. деревня XVII в. (по мат-лам патриаршего хоз-ва)» (МГУ, 1965). Докт. дис.: «Зарождение дипломатии Др. Руси. IX – 1-я пол. X в.» (Там же, 1982). Проф. (1988). Чл.-кор. РАН (1991).

1953–1958 – учит. ист. ср. шк.; 1958–1962 – сотр. отд. печати Комитета молодеж. орг-ций СССР, АПН; 1962–1968 – зав. отд. отеч. ист. журн. «ВИ»; 1968–1971 – инстр. отд. пропаганды ЦК КПСС; 1971–1974 – гл. ред. изд-ва «Наука»; 1974–1983 – чл. кол., нач. главка Гос. к-та по делам изд-в, полиграфии и книж. торг.; 1984–1993 – зам. дир., 1993–2010 – дир. ИРИ РАН, 2010–2019 – советник РАН.

Научные интересы: отеч. ист., историография, соц.-экон. ист. России, полит. ист. Др. Руси, ист. биогр.

ШЕЛОХАЕВ Валентин Валентинович (р. 18.12.1941, г. Кузнецк Пензенской обл.). Окончил Мордов. ГУ, ист.-филол. ф-т (1965), асп. ИИ СССР АН СССР (1971).

Канд. дис.: «Программа кадетов в период Первой рус. рев-ции» (ИИ СССР АН СССР, 1971). Докт. дис.: «Кадеты – гл. партия либеральной буржуазии в борьбе с рев-цией 1905–1907 гг.» (Там же, 1984). Проф. (1991).

1971–1987 – мнс, снс, внс сектора ист. периода империализма ИИ СССР; 1987–1991 – зав. сектором ист. КПСС до окт. периода ИМЛ при ЦК КПСС; 1991–2001 – гнс, рук. науч. программы «Полит. партии и движ. России» РНИСиНП; 2002–2014 – гл. спец. Центра по разраб. и реализ. программ док. публ. федер. гос. архивов РГАСПИ. С 2014 – гнс, рук. центра ИРИ РАН; с 1992 – проф. (по совмест.) каф. отеч. ист. Нов. времени РГГУ и каф. отеч. ист. и культуры МПУ. Чл. редкол. журн. «ВИ» (с 1988). Лауреат Гос. премии РФ в обл. науки и техники (2002). Акад. МАИ (1993), АПН (1995), РАЕН (1997).

Научные интересы: отеч. ист., историография, археография, полит. ист. России, ист. рус. либерализма, ист. полит. партий, ист. биогр.

Сведения об авторах-составителях

КРУГЛОВ Владимир Николаевич (р. 1982) – к.и.н., старший научный сотрудник Центра социальной истории России Института российской истории РАН. Автор более 40 публикаций. Сфера научных интересов: история России XX века, административно-территориального деления, государственного управления, национальной политики, проблематика продовольственной безопасности России и СССР.

ТИХОНОВ Виталий Витальевич (р. 1982) – д.и.н., ведущий научный сотрудник Центра «Историческая наука России» Института российской истории РАН. Автор более 250 публикаций. Сфера научных интересов: история науки, историография, политика памяти.

ФИЛИНА Юлия Сергеевна (р. 1993) – младший научный сотрудник Центра изучения истории территории и населения России Института российской истории РАН. Автор более 20 публикаций. Сфера научных интересов: история России XX века, история культуры, гендерная история.

Научное издание

«Ты идёшь в храм науки...»
Интервью и воспоминания сотрудников
Института российской истории РАН
К 85-летию ИРИ РАН

Редактор: *О.В. Ханина*
Выпускающий редактор: *М.И. Бѣлхова*
Макет и оформление: *Л.В. Лобанова*

Подписано к печати 16.11.2021
Формат 60×90/16. Гарнитура NewtonТТ.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 30. Уч.-изд. л. 25,05.
Тираж 500 экз.

Издательский центр Института российской истории РАН
117292, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленного оригинал-макета
в ООО «МИК»
109316 Москва, Волгоградский проспект, дом 42, стр. 5
Заказ №

ISBN 978-5-8055-0402-1

9 785805 504021